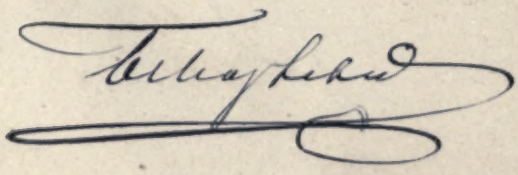
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324441 5

VCE
CH
1885

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

Печъсо стали ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.



Markovich, Boleslav Mikhailovich
Polnoe sobranie sochinenii

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

t. 1-2

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

LIBRARY
APR 30 1885
UNIVERSITY OF TORONTO

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG
3467
M327
1885
t.1-2

LIBRARY
APR 10 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

790586

Содержаніе

ПЕРВАГО ТОМА:

	стран.
Типы прошлаго.	1
Двѣ маски.	277

ТИПЫ ПРОШЛАГО.

ТИПЫ ПРОШЛАГО.

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Möge doch Mancher, in seinen Sünden,
Hievon die Nutzanwendung finden.
Göthe.

I.

Это было восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Я жилъ тогда въ Москвѣ, служилъ довольно прилежно, еще прилежнѣе губилъ время „на разныя забавы“ и велъ вообще, если не веселую, то весьма разсѣянную, чтобы не сказать безтолковую, жизнь. Пора была такая,—1849 годъ! „Разбейтесь силы, вы не нужны!“ говорилось въ одномъ, разумѣется не печатномъ, стихотвореніи той эпохи. И, дѣйствительно, что было дѣлать тогда съ своими силами, куда было дѣть свою молодость?...

Москва въ то время доживала свои послѣдніе беззаботные годы. Желѣзная дорога еще не соединяла ее съ Петербургомъ. Круговоротъ петербургскаго тщеславія и приманки заграничной жизни не успѣли еще обезлюдить ее и измѣнить старинную физіономію московскаго общества. Не мало еще „тузовъ жило и умирало въ Москвѣ“, не мало еще остава-

*) Впервые напечатанъ въ послѣднихъ пяти книжкахъ «Русскаго Вѣстника» за 1867 годъ.

лось тамъ „дверей, открытыхъ для званыхъ и незваныхъ“. Все такъ же гостепріимно и таровато, какъ и во времена Фамусова, жили въ Москвѣ, сладко пили и ѣли, давали шумные праздники, все такъ же плели сплетни, тѣ „милыя“ сплетни, по которымъ вздыхалъ Москвичъ Лермонтовъ, перенесенный въ казенный, не болтливый Петербургъ; все также усердно „спорили и расходились“ въ Англійскомъ клубѣ, проигрывались и закладывали имѣнія въ Опекунскій совѣтъ. Попрежнему, наконецъ, наѣзжали по зимамъ въ Москву, „изъ гвардіи, иные отъ Двора“, искатели богатыхъ невѣстъ, плѣняли тамошнихъ красавицъ своею ловкостью, звѣздами или вензелями и увозили ихъ на берега Невы. Но, вѣрная своимъ преданіямъ, не оскудѣвала ими Бѣлокаменная, и на смѣну отбывшимъ прибывали, по первопутью, все новыя и новыя красавицы и невѣсты изъ близкихъ и далекихъ странъ обширнаго нашего отечества...

Въ числѣ моихъ близкихъ знакомыхъ былъ нѣкто Крусановъ, который къ этимъ новоприбывшимъ питалъ особеннаго рода нѣжность. Это было съ его стороны совершенно безкорыстное чувство. Крусановъ былъ, какъ говорится, обезпеченъ по части сердечной. Онъ любилъ и былъ любимъ и терпѣливо ждалъ смерти стараго брюзги-мужа, страдавшаго одышкой, для соединенія, на законномъ основаніи, судьбы своей съ судьбой любимаго предмета. Для провинціальныхъ дебютантокъ въ московскомъ свѣтѣ онъ исправлялъ должность добрыхъ волшебницъ дѣтскихъ сказокъ. На балѣ, въ пестрой толпѣ, его привычный взглядъ всегда останавливался на какой-нибудь свѣженькой дѣвочкѣ, съ деревенскими красками на кругленькомъ личикѣ, съ невинными и слегка испуганными глазами и блуждающею на устахъ робкою, немножко глупою улыбкой.

„Взгляни, братъ“, бывало скажетъ онъ, издали указывая на нее, „должно-быть изъ степной губерніи прибыла, сидитъ себѣ, новичокъ-новичкомъ, и боязно-то ей, бѣдненькой, и поплясать-то мочи нѣтъ хочется, а хоть бы кто сжалился, подошелъ; непремѣнно надо ее въ ходъ пустить“. И черезъ пять минутъ онъ успѣлъ собрать о ней справки и дѣйстви-

тельно пускаетъ ее въ ходъ все тѣмъ же, не хитрымъ, но никогда не измѣнявшимъ ему способомъ. Подхватитъ перваго попавшагося ему знакомаго и пошепчетъ ему на ухо: „въ углу направо, въ розовомъ платьѣ, на головѣ ландыши,—видишь?"—„Вижу; а что?"—„Ничего", отвѣчаетъ онъ небрежно, закладывая палецъ за жилетъ,—„ничего, пятьсотъ душъ и двѣсти тысячъ денегъ!" Тотъ головой только мотнетъ: „знаемъ, братъ, знаемъ, у тебя про всѣхъ одна пѣсня, ты бы хоть цифру-то разочекъ сбавилъ".—„А я развѣ тебя въ шею толкаю, жениться на ней прошу", говоритъ Крусановъ, пожимая плечами,—„вѣрь не вѣрь, что мнѣ за дѣло!" И отвернется все такъ же равнодушно. Тѣмъ не менѣе пущенная имъ утка уже облетѣла всю залу; глядишь, къ юной провинціалкѣ то и дѣло подводятъ танцоровъ. Толстая маменька, сидящая подлѣ нея, съ выцвѣтшимъ изумрудомъ на брусничнаго отлива шеѣ, даже жмурится отъ сердечнаго умиленія, и подъ конецъ бала protégée Крусанова уже такъ увѣрена въ своемъ успѣхѣ, что прыгаетъ не въ тактъ въ мазуркѣ смѣлѣе лучшей варшавской балетчицы, и такъ лукаво надуваетъ губки, и закрывается букетомъ, и пускаетъ изъ-за него косые лучи взглядовъ на своего запыхавшагося кавалера, точно будто научилась она всему этому не у себя дома, въ Алатырскомъ уѣздѣ, а гдѣ-нибудь за рѣшетчатымъ окномъ, подъ темнымъ небомъ Андалузіи. А тайный, невѣдомый ея благодѣтель, все время слѣдившій за ней изъ угла, съ очевидной гордостью уѣзжаетъ съ вечера, на подобіе Тита Милосердаго, довольный своимъ днемъ. „Что же, братецъ", говоритъ онъ,—„я свое дѣло сдѣлалъ, путь проложенъ, теперь сама она плыви уже какъ знаетъ...."

II.

— Ну-ка, всевѣдущій человѣкъ, а это кто, и откуда? спросилъ я его однажды, на одномъ очень многолюдномъ балѣ, указывая на высокую, черноволосую дѣвушку, въ бѣломъ съ головы до ногъ, которая только что становилась въ кадриль съ однимъ, въ то время весьма моднымъ, гвардейскимъ кирасиромъ.—Тебѣ сегодня, видно, опять предстоитъ забота.

— Гдѣ она, гдѣ? живо спросилъ Крусановъ, наводя на нее свой лорнетъ. Взглянулъ и замолкъ.—Нѣтъ, братъ, сказалъ онъ наконецъ, поворачиваясь ко мнѣ съ презабавнымъ выраженіемъ досады,—это не по моей части!

— Это почему?

— Да потому что эта, милый мой, не съ родни моимъ степнушкамъ. Это, братецъ мой, Европа! Ты ее сейчасъ въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ вези, такъ она и тамъ сама себя отрекомендуетъ.

— Эге, да ты смотри, я о тебѣ Ольгѣ Николаевнѣ донесу сейчасъ!

Но Крусановъ уже дерзко пробирался за заповѣдную грань кадрили, чтобы стать поближе къ незнакомой ему дѣвушкѣ.

И, дѣйствительно, она была поразительно хороша, хороша какою-то необычайною прелестью. Высокая, бѣлая какъ чистѣйшій мраморъ, съ идеально тонкими очертаніями головы и бюста, съ блѣдно голубыми, почти неподвижными глазами, въ которыхъ предстоявшіе предметы какъ будто не находили себѣ отраженія, она походила на призракъ какой-то древней

богини „неотразимый и роковой....“ Мнѣ въ жизни уже болѣе не случалось встрѣчаться съ подобною красотой....

— Слыхалъ ты про Чемисарова? Богачъ, помѣщикъ, генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ, въ 12 году еще отличился; такъ это его дочь. Недавно изъ деревни пріѣхали сюда на зиму, доложилъ мнѣ, успѣвшій тѣмъ временемъ все разузнать, Крусановъ.

— Какъ ты думаешь? спросилъ я его: — улыбается она когда-нибудь?

— Повидимому, способности не оказываетъ, отвѣчалъ онъ,—царевна какая-то изъ соннаго царства. Пойду, поищу, нѣтъ-ли тутъ какой-нибудь сиротки изъ Бузулука. Хороша эта, хороша, ни слова, только, воля твоя, душа къ ней не лежитъ.

Но я между тѣмъ успѣлъ замѣтить, что она улыбалась, или старалась улыбнуться любезностямъ своего кавалера, и что даже въ этой улыбкѣ было что-то невыразимо манящее, чему непобѣдимымъ опроверженіемъ, казалось, служили ея безучастные и безнадежные глаза.

„На душѣ у этой Изиды что-то не ладно, или я совсѣмъ уже плохой физіономистъ“, подумалъ я.

А между тѣмъ она производила на свѣтскую толпу самое выгодное впечатлѣніе. Эффектъ былъ всеобщій.

— Mais c'est une reine? торжественно изъяснялъ свое мнѣніе князь Никодимъ Ларіоновичъ: — она отъ Гомеровыхъ боговъ въ прямомъ колѣнѣ происходитъ!

И по этому случаю маленькій сановникъ приподнялся даже на каблучкахъ своихъ, точто будто въ эту минуту чувствовалъ себя самъ и королемъ, и Гомеровымъ богомъ.

— Quelle distinction! удивлялась хозяйка дома, княгиня Марѳа Львовна.

— Sa mère est une princesse Kourliatef, — объясняла ей дочь ея Сашенька, прозванная Церерой за мучную бѣлизну ея блистательныхъ плечъ, Сашенька, для которой идеалъ жизни представлялся чѣмъ-то въ видѣ безконечно-длинной галлереи, съ тѣснымъ рядомъ каріатидъ по обѣимъ сторонамъ ея; каріатиды всѣ безъ исключенія графы и князья; они ровно ни-

чего не говорятъ ей, а только улыбаются, и она также ничего не говоритъ имъ, а только улыбается направо и налѣво, да несетъ высоко свои великолѣпныя плечи, и все идетъ, идетъ и улыбается своимъ милымъ каріатидамъ до самой смерти.

— Па маль, па маль, ме ла Катинка э плю пиканъ, отзывалась пріѣзжая изъ Воронежа Крезъ-старуха, добродушно кивая единственной наслѣдницѣ своей и племянницѣ, молоденькой и еще жиденькой особѣ, съ смѣлымъ и возбудительнымъ монгольскимъ личикомъ, въ которомъ выражалась несокрушимая увѣренность въ будущіе успѣхи на всѣхъ поприщахъ земнаго счастья.

— C'est une autre Bettina pour un autre Göthe, говорила въ то же время пронзительнымъ и картавымъ голосомъ Эвелина Конрадовна Ятаганова, рожденная Ванкухенъ, обращаясь къ своей сосѣдкѣ, Елизаветѣ Григорьевнѣ Границыной, не молодой и миловидной женщинѣ, въ очкахъ, съ поблеклыми, но тончайшими, породисто-благородными чертами лица, которая въ эту минуту высыпала на руку табакъ изъ золотаго рожка, къ великому скандалу сидѣвшей тутъ же супруги тайнаго совѣтника Подтяжкина, переведеннаго недавно изъ Петербурга сенаторомъ въ Москву.

— Вы скажите мнѣ прежде, бываютъ-ли счастливы Беттины? отвѣчала Елизавета Григорьевна, медленно нюхая свой табакъ и съ задумчивымъ участіемъ глядя на дѣвушку, которая обращала на себя всеобщее вниманіе.

Но Эвелина Конрадовна, не слушая ея, продолжала восхищаться и картавить.

— Въ ней блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой, восклицала она нараспѣвъ во всеуслышаніе, откидываясь бокомъ на спинку кресла и обдергивая обѣими руками свое хрустящее шелковое платье такъ, какъ будто питала къ нему наслѣдственную вражду. Взгляни на нее мой бѣдный Языковъ, онъ написалъ бы ей дивные стихи въ родѣ тѣхъ, помните, которые онъ меня еще просилъ исправить:

. . . . Еслибъ жили
Вы межъ Грековъ, въ оны дни,

Греки бъ васъ боготворили,
Вамъ построили бъ они
Бѣломраморные храмы,
Золотые алтари,
Гдѣ бъ курились ѳиміамы
Отъ зари и до зари!...

Кадриль кончилась. Видимо млѣющій кирасиръ отвелъ свою даму на мѣсто, но не покидалъ ея и пожиралъ глазами, стоя и наклонивъ къ ней свою гладко обстриженную и лоснящуюся гвардейскую голову.

— Это, сударь мой, тридцатью тысячами дохода пахнетъ, пояснялъ мнѣ безпощадный Крусановъ, набравшійся тѣмъ временемъ новыхъ справокъ;—безвыѣздно въ деревнѣ живутъ, отецъ дока въ хозяйствѣ и скупердяй страшный.

— Извините, вѣжливо произнесъ въ это время подлѣ насъ чей-то голосъ, показавшійся мнѣ знакомымъ. И курчавый морской офицеръ, слегка задѣвъ меня локтемъ, быстро прошмыгнулъ мимо, направляясь въ сторону, гдѣ сидѣла блѣдная красавица.

— Боже мой! чуть не крикнулъ я на всю залу: — ты-ли это, Кемскій?

И предо мной внезапно предстали толпой всѣ дорогія воспоминанія моей молодости и весеннія ночи въ Царскомъ Селѣ, и старикъ Калиничъ, и первые стихи Мея, и слезы, капавшія противъ воли по щекамъ этого курчаваго моряка, когда

Съ лицейскаго порога
Онъ на корабль перешагнулъ шутя,

какъ нѣкогда Матюшкинъ, и мы всѣмъ курсомъ поѣхали въ воскресный день провожать его въ Кронштадтъ.

Морякъ обернулся; радостное изумленіе выразилось на его лицѣ; онъ пріостановился на мгновеніе, дружески махнулъ мнѣ рукой и живѣе прежняго покатилъ по тому же направленію.

— Ишь, какъ его туда тянетъ, что твой компасъ! смѣясь замѣтилъ Крусановъ:—кто это такой?

— Лицейскій мой товарищъ, Владиміръ Кемскій. Мы съ самаго выпуска не видались.

— Изъ Петербурга теперь, стало-быть?

— Не знаю. Мы разстались съ нимъ восемь лѣтъ тому назадъ. Онъ пошелъ тогда вокругъ свѣта, а затѣмъ, я слышалъ, перешелъ въ черноморскій флотъ.

— Хорошій флотъ! одобрительно промолвилъ Крусановъ и кивнулъ головой, съ видомъ знатока, хотя опричь московскихъ сплетенъ онъ ни о чемъ въ мірѣ не имѣлъ никакого понятія.

— Они, видно, старинные знакомые, продолжалъ онъ громко сообщать мнѣ свои заключенія,—не изъ одной-ли губерніи, или даже родня? Гляди-ка, гляди, какъ онъ ее за руку ухватилъ, какъ пожимаетъ здорово; вѣдь онъ ей всѣ пальчики отдавитъ этимъ манеромъ, Лаперузъ-то твой, ей Богу! Те, те, те, да нѣтъ-ли романа какого? Смотри, наша царевна словно просіяла.

Крусановъ былъ правъ. Внезапное появленіе Кемскаго, казалось, оживило этотъ мраморъ. Губы ея побагровѣли, легкій румянецъ проступилъ сквозь тонкую кожу лица. Даже глаза ея, эти нѣмые глаза, казалось, хотѣли заговорить; но мнѣ вообразилось почему-то, что еслибы точно заговорили они, не радостью, а какимъ-то сокровеннымъ смущеніемъ отвѣчалъ бы ея взглядъ на живой, говорящій взглядъ Кемскаго. Но загорѣвшаяся искра погасла, едва сверкнувъ; глаза ея остались также равнодушны и безучастны.

Онъ сѣлъ между тѣмъ подлѣ нея, видимо отдавшись весь счастію нежданной встрѣчи и не обращая никакого вниманія на окружающую ихъ толпу, на балъ, на свѣтскія приличія. Онъ съ жаромъ ей что-то говорилъ, глядя ей прямо въ глаза и по временамъ сжимая свои густыя брови, будто доискиваясь чего-то въ ея лицѣ и недоумѣвая....

Она слушала, обернувшись къ нему и тихо улыбаясь на его рѣчи, улыбаясь, но не весело,—казалось мнѣ опять.

Модный гвардеецъ, такъ изящно занимавшій ее разговоромъ до тѣхъ поръ, изображалъ собой въ эту минуту нѣчто въ родѣ того, какъ еслибъ онъ на войнѣ внезапно наткнулся, въ пылу атаки, на засаду, съ грозящимъ ему изъ-за нея вдесятеро сильнѣйшимъ непріятелемъ. Онъ, повидимому, намѣ-

ренъ былъ отстоять свою позицію и до трехъ разъ принимался, со всей высоты своей, мѣрять взглядомъ Кемскаго, начиная съ кончика его сапоговъ и до темени. Но все это пропало даромъ. Морякъ мой, очевидно, не видѣлъ его, не подозрѣвалъ его присутствія. Кирасиръ улыбнулся, потянулъ внизъ свои прекрасные длинные усы и, медленно повернувшись на длинныхъ ногахъ, величаво отошелъ прочь, видимо сохранивъ къ себѣ полное уваженіе.

Но Крусановъ былъ иного мнѣнія.

— Обратихся вспять, съ духомъ зѣло сокрушеннымъ, яко втунѣ вознесъ мольбы своя къ кумиру не внемлющу! прогнусилъ онъ дьячкомъ ему вслѣдъ, комически качая головой.—Похѣрили, значитъ, аминь. Теперь, братъ, поплыла она на суденышкѣ оснащенномъ, по морю по окіану, къ славну острову Буяну; вѣтеръ дуетъ поддуваетъ, нашъ корабликъ подгоняетъ. Смотрѣть болѣе ничего не осталось: тѣ же и прежніе. Пойдемъ, сыграемъ пульку отъ скуки. Вотъ къ намъ кстати и третій идетъ, Говорило Стаканычъ сердечный, тараканчикъ запечный.

— Не съ тебя-ли Грибоѣдовъ Репетилова списалъ, осиплая трещотка? отвѣчалъ ему на это, подходя, Гавріилъ Степановичъ Чесминъ, прелысый, презабавный и предобрѣйшій малый, съ которымъ Крусановъ вѣчно вздорилъ, хотя души въ немъ не чаялъ.

— Бѣда отъ нѣжнаго сердца: водевиль безъ начала и конца, сочиненіе майора Чесмина, провозгласилъ онъ опять, помирая со-смѣху и нисколько не оскорбляясь словами пріятеля.—У чьихъ ногъ лежишь въ настоящее время, отвѣчай, плешандасъ?

— Да намѣренъ на твое мѣсто проситься, къ Ольгѣ Николаевнѣ, отвѣчалъ пресеріозно Чесминъ.

— Ну, однако, братъ, пожалуйста, безъ глупыхъ шутокъ, вспыхнувъ, пробормоталъ Крусановъ и надулся.

Онъ былъ ревнивъ и не допускалъ даже мысли о чьемъ-нибудь посягательствѣ на то, что давно уже привыкъ почитать своею неотъемлемою собственностью.

Мы усѣлись за карты въ дальней комнатѣ.

Партія наша кончалась, какъ подошелъ ко мнѣ Кемскій.

— Я тебя ищу по всему дому, сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку:—ты ужинаешь?

— Никогда.

— И прекрасно. Я предлагаю тебѣ уѣхать вмѣстѣ и не медля.

— Готовъ.

Мы вышли вмѣстѣ на крыльцо.

— Гдѣ ты остановился? спросилъ я.

— На Тверской, тутъ по близости, но мнѣ бы не хотѣлось домой. Съѣздимъ въ Кремль, я еще тамъ не былъ... Что́ за дивная ночь!

— Наша, братъ, русская красавица-ночь, холодная, да здоровая, сказалъ я, усаживаясь съ нимъ въ сани, съ какимъ-то давно неиспытаннымъ удовольствіемъ: такъ весело было мчаться въ эту ясную зимнюю погоду по скрыпучему снѣгу и чувствовать близко себя этого милаго товарища юности.... — Ну, говори, началъ я,—откуда ты,

Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?

— Изъ Камчатки, дружище, прямымъ путемъ. Фрегатъ мы оставили въ Петропавловскѣ, а экипажъ вернулся сухимъ путемъ....

— А сюда пріѣхалъ когда?

— Нынче утромъ. Отъ корридорнаго въ гостинницѣ узналъ, что княгиня Мароа Львовна даетъ сегодня балъ. Я вспомнилъ, что она мнѣ какою-то тетушкой приходится, переодѣлся и поѣхалъ къ ней съ визитомъ, единственно для того чтобъ она меня на вечеръ свой пригласила,—такъ хотѣлось мнѣ скорѣй людей увидать! Вѣдь я, братъ, одиннадцать мѣсяцевъ выжилъ въ устьяхъ Амура, среди такого дикаго люда, которому географы до сихъ поръ не нашли приличнаго названія.

— И на этомъ балѣ ты уже никакъ не думалъ встрѣтиться....

— Съ тобой? перебилъ меня Кемскій.

— Ни со мной, ни....

— Ни съ Наденькой Чемисаровой, домолвилъ онъ безъ

запинки,—нѣтъ. Мнѣ, говорила она, писали въ Иркутскъ, что они будутъ съ отцомъ въ Москву зимой, но письма этого я не получилъ. И поэтому скажу тебѣ откровенно, я сегодня такъ счастливъ, какъ еще никогда въ жизни не бывалъ. Да къ тому же эта ночь, и Москва.... Послушай, Мумка, воскликнулъ онъ, припоминая мнѣ мое старое школьное прозвище,—не мѣшай мнѣ только воротникъ шинели, я бы тебя, ей-Богу, укусилъ съ радости!

И онъ залился своимъ добрымъ, поджигающимъ смѣхомъ, отъ котораго, бывало, шелъ гулъ перекатомъ по всѣмъ лицейскимъ корридорамъ.

Мы въѣхали въ Кремль. Сіяющая и безмолвная ночь мягко лежала надъ нимъ, надъ необозримою равниной Замоскворѣчья, одѣтою въ серебряную ризу снѣга. Будто повисшіе въ воздухѣ, сверкали въ вышинѣ кресты церквей, озаренные полною луной....

— Къ Благовѣщенскому собору. Стой! закричалъ Кемскій, выскочилъ изъ саней, снялъ киверъ и сталъ набожно креститься.—Годъ тому назадъ, въ Охотскомъ морѣ, насъ прибило штормомъ къ берегу, началъ онъ затѣмъ, — мы погибали. Три дня и три ночи, подъ страшнымъ прибоемъ, стаскивались мы съ мели. Вѣтеръ не утихалъ, мы потеряли всякую надежду. Матросы надѣли бѣлыя рубахи. Я утомился страшно, опустился у гротъ-мачты и заснулъ какъ убитый. И въ это время мнѣ приснился вотъ этотъ сонъ, промолвилъ онъ, обводя кругомъ рукой,—Кремль съ его святыней, и эта безконечная даль, и въ каждомъ домѣ этотъ огонекъ лампады передъ семейными, старинными иконами.... Я помню, я проснулся тогда весь въ слезахъ; чудныя, братъ, сладкія были эти слезы! Мнѣ не хотѣлось умирать, а въ этомъ снѣ я почерпнулъ какую-то неодолимую надежду въ наше спасеніе. И точно: на зарѣ вѣтеръ перемѣнился противъ всякаго чаянія. И вотъ, какъ видишь, я живу и.... и счастливъ, повторилъ онъ опять.—Оторваться не хочется отсюда, продолжалъ Кемскій, облокачиваясь на рѣшетку, — какая тишь, какая ширь кругомъ! И не правда-ли, кажется, что какое-то таинственное, отъ вѣка жданное слово должно сейчасъ

сказаться тебѣ отъ этого безмолвія и шири необъятной? Вся наша Русь родная сказалась въ этой картинѣ....

— Тебѣ бы не мѣшало съ нашими славянофилами познакомиться, сказалъ я, улыбнувшись,—ты имъ по сердцу придешься.

Онъ обернулся на меня, нахмуривъ брови.

— А они тебѣ смѣшны? Кто же у васъ теперь умникомъ считается?

— По мнѣ умникъ ты, милый мой, сказалъ я, невыразимо завидуя ему въ эту минуту,—для тебя нашлось и дѣло, и смыслъ въ жизни, ты въ свое дѣло вѣришь, вѣришь въ счастіе, въ будущее! Не много, братъ, у насъ такихъ....

— Еще бы не вѣрить! Я во все вѣрю, отвѣчалъ онъ съ своимъ добродушнымъ смѣхомъ,—въ сны, въ примѣты, чуть не въ домоваго, и готовъ въ этомъ на Красной площади передъ всей Москвой сознаться. Вотъ развѣ съ вами поживу, опять выучусь стыдиться этого и краснѣть....

— А долго ты съ нами пробудешь? спросилъ я.

— Ну, это не совершенно отъ меня зависитъ, сказалъ онъ, съ цѣлымъ міромъ блаженныхъ надеждъ въ голосѣ и взглядѣ.

— Дай тебѣ Богъ всякаго успѣха! могъ только сказать я ему.—Скажи пожалуйста, ты давно *ее* знаешь? спросилъ я его на возвратномъ пути изъ Кремля.

— Наденьку? отвѣчалъ онъ.—Я знаю ее съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, и люблю чуть не съ того же времени. Я тебѣ еще въ лицеѣ говорилъ о свѣтлоокой дѣвочкѣ. Мы сосѣди по имѣніямъ и родня; по смерти отца моего, отецъ ея былъ моимъ опекуномъ. Ну, словомъ, возьми нѣмецкій романъ, какіе переводили у насъ въ концѣ прошлаго столѣтія,—вотъ тебѣ моя исторія. Вашему брату романтику не надъ чѣмъ тутъ разгуляться.

— Когда же разстались вы въ послѣдній разъ?

— Два года тому назадъ. Я вернулся тогда изъ кругосвѣтнаго путешествія и провелъ шесть мѣсяцевъ у нихъ въ деревнѣ. Наденькѣ минуло въ ту пору восемнадцать лѣтъ. У насъ еще тогда все было бы, вѣроятно, кончено, какъ вдругъ

неожиданно получаю приказаніе явиться на службу. Нечего было дѣлать. Я поскакалъ въ Николаевъ, куда былъ переведенъ по возвращеніи изъ вояжа. Фрегатъ мой посылали въ Англію. Мы думали вернуться къ зимѣ. Не тутъ-то было. Въ Плимутѣ насъ ожидало новое приказаніе: отправляться къ устьямъ Амура. Признаюсь, я отъ тоски чуть съ ума не сошелъ тогда.... Ну, да Богъ милостивъ! Теперь она отъ насъ не отвертится! заключилъ онъ, весело подмигивая мнѣ и кивая головой.

Странное впечатлѣніе производили на меня его слова; похоже это было на то, когда иной разъ привидится тебѣ что-нибудь необыкновенно-радостное, и ты, во снѣ же, говоришь себѣ, что это, можетъ быть, одинъ только сонъ.

— Замѣчательные глаза у твоего предмета, сказалъ я.

— Не правда-ли, какъ она хороша! воскликнулъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— Великолѣпна; но долженъ тебѣ признаться, у нея какіе-то непонятные глаза.

Кемскій расхохотался.

— Ты все тотъ же, Мумка, заговорилъ онъ,—какъ въ тѣ времена, когда носился съ своимъ анализомъ какъ съ дорогимъ нещечкомъ и читалъ намъ по субботамъ мрачные стихи, какъ теперь помню:

Не вѣря ни въ людей, ни въ жизнь, ни въ наслажденье,
Я изнемогъ душой подъ бременемъ сомнѣнья

и пр. и пр.... Что же тебѣ такое особенное понять хочется въ Наденькиныхъ глазкахъ?

— Да ничего особеннаго, отвѣчалъ я, признаюсь, съ нѣкоторымъ раздраженіемъ; его насмѣшка задѣла меня за живое:—а самое простое человѣческое выраженіе, радость или печаль, скуку или удовольствіе....

— А они ничего, по-твоему, не выражаютъ? перебилъ Кемскій.

Отступать уже было поздно, хоть я въ то же время успѣлъ уже сказать себѣ, что попалъ по колѣни въ болото и что сухимъ мнѣ изъ него не выйти никакъ.

— Нѣтъ, это не совсѣмъ такъ; по-моему, они не то что ничего не выражаютъ, а то, что не *хотятъ* ничего выражать.

— Это я еще меньше понимаю, сказалъ Кемскій, уже безъ смѣха.—Нельзя-ли объяснить?

Выпутаться не оставалось никакой возможности. Я, что говорится, брякнулъ съ плеча.

— Я, можетъ-быть, ошибаюсь, но мнѣ представляется, что глаза этой дѣвушки какъ будто задернулись для міра и ничего не хотятъ видѣть, что въ немъ происходитъ....

— Даже и меня? воскликнулъ вдругъ Кемскій съ такою тревогой въ голосѣ, что мнѣ стало грустно за него.

— Ты совсѣмъ другое, ты исключеніе, ничего умнѣе не съумѣлъ я возразить для его успокоенія.

Онъ задумался.

— Странно; что за причина?... Я, впрочемъ, не замѣтилъ этого въ ней, промолвилъ онъ и запахнулся плотнѣе въ шинель.

Разговоръ нашъ на этомъ прекратился.

— Прощай, Кемскій, сказалъ я, когда мы остановились у его гостинницы.

Онъ кивнулъ мнѣ головой и молча направился къ дверямъ.

— Когда же мы увидимся?

— Не знаю.... Хочешь завтра пообѣдать вмѣстѣ? предложилъ онъ, какъ бы спохватившись.

— Очень радъ. У Шевалье, въ 5 часовъ.

— Идетъ.

Я уѣхалъ домой весьма недовольный собой, какъ легко можетъ себѣ представить мой догадливый читатель.

III.

Мы съѣхались въ назначенный часъ у Шевалье. Народу было много. Прислуга суетилась. Пока мы составляли menu, изъ большой залы вышелъ гвардейскій кирасиръ съ салфеткой въ рукахъ и, увидавъ Кемскаго, протянулъ ему руку съ самымъ дружелюбнымъ видомъ.

— Vous dinerez ici tout aussi bien que chez Legrand, сказалъ онъ ему, поощрительно взглянувъ при этомъ на вертлявую француженку, засѣдавшую за конторкою, и весьма эффектно проводя по волосамъ длинную бѣлую руку съ вылощенными порошкомъ *ad hoc* ногтями самаго пріятнаго розоваго отлива.

— Давно-ли ты знакомъ съ этимъ франтомъ? спросилъ я Кемскаго, усаживаясь съ нимъ за столъ въ отдѣльной комнатѣ.

— Я сегодня по малой мѣрѣ съ полгородомъ познакомился, отвѣчалъ онъ,—а въ томъ числѣ и съ этимъ господиномъ. Просидѣлъ все утро у Чемисаровыхъ. Сущее нашествіе было у нихъ сегодня. А что вѣстей и сплетенъ наслышался, голова до сихъ поръ трещитъ! Слушаю, да только думаю: ну, ужь народецъ, къ чему это они мнѣ все разсказываютъ?

— Нѣтъ, это въ порядкѣ вещей, замѣтилъ я,—вы здѣсь люди новые, какъ же не познакомить васъ съ нашимъ обиходомъ!

— Про тебя, между прочимъ, слышалъ, промолвилъ, улыбаясь, Кемскій.

— Вотъ какъ!

— Какъ же! Видно у тебя здѣсь не безъ доброжелателей. Разсказывали, что съ барынями у тебя метода Лазаря пѣть и что этимъ ты много у нихъ выигрываешь, а зато на службѣ лютъ аки тигръ: трехъ чиновниковъ уже подъ судъ отдалъ, двухъ вогналъ въ чахотку, а начальство свое такъ осѣдлалъ, что оно и чихнуть не смѣетъ безъ твоего позволенія.

— Только-то?

— А тебѣ мало?

— Ну, конечно. Это, значитъ, такъ кто-то, изъ милости, удостоилъ помянуть. У насъ, милый мой, положеніе человѣка тѣмъ завиднѣе, чѣмъ колоссальнѣе взводится на него сплетня. Вотъ еслибы, напримѣръ, сказали про меня, что совратилъ я съ пути истины старушку изъ Вдовьяго Дома, или утащилъ всю мѣдную монету изъ подваловъ казенной палаты, это еще, куда ни шло, могло бы польстить самолюбію.

— Не жалуйся, сказалъ, разсмѣявшись, Кемскій, — и то, что плетутъ про тебя, принесло уже свою долю пользы. Ты пріобрѣлъ этимъ заочно расположеніе Павла Васильевича Чемисарова, а это достигается не легко. Изъ слышаннаго о тебѣ онъ заключилъ, что ты долженъ быть чѣмъ-то въ родѣ Аттилы, бича Божьяго, насланнаго на ненавистную ему породу чиновниковъ, и на этомъ основаніи возымѣлъ къ тебѣ полное уваженіе. Онъ сказалъ мнѣ, что служилъ когда-то съ твоимъ отцомъ, и желаетъ, чтобъ я тебя ему представилъ.

— Очень лестно. А что за человѣкъ, между прочимъ, твой будущій тесть?

— Сразу отвѣчать на это довольно трудно, отвѣчалъ Кемскій, помолчавъ.—Скажу тебѣ одно на первый случай: человѣкъ онъ далеко не за урядъ, и все рѣже и рѣже попадаются такіе въ наше время. „Чемисаровы литые родятся“, сказалъ онъ мнѣ однажды. И точно, онъ какой-то литой съ головы до ногъ. Случалось мнѣ встрѣчать, хотя бы между нашими старыми моряками, людей съ характеромъ, желѣзныхъ, повидимому, людей. И такъ и смотришь на него, и всѣ смотрятъ; а поразобрать его жизнь поближе, не въ томъ, такъ въ другомъ случаѣ погнулся человѣкъ,—желѣзо-то крях-

нуло. А Павелъ Васильевичъ какъ родился, такъ и поднесь. Я жизнь его близко знаю, отецъ мой былъ съ нимъ знакомъ сорокъ лѣтъ,—незыблемъ какъ мѣдный памятникъ. Онъ въ продолженіе всей своей жизни ни разу не усомнился въ томъ, что ему слѣдовало дѣлать, не уступилъ ничьему чужому мнѣнію и не измѣнилъ однажды принятому имъ намѣренію, чего бы это ему ни стоило. Анекдотовъ про него я бы могъ разсказать тебѣ бездну. Вотъ, напримѣръ: молоденькимъ мальчикомъ поступилъ онъ въ службу, въ гвардію, и сразу какъ-то пошелъ очень быстро. Онъ былъ уже капитаномъ въ началѣ царствованія Александра Павловича. Единственный сынъ, наслѣдникъ богатаго имѣнія, онъ жилъ разгульно, много тратилъ. Но отецъ его былъ скупенекъ, жилъ безвыѣздно въ деревнѣ и, узнавъ, что сынъ замотался въ Петербургѣ, вытребовалъ его къ себѣ. У нихъ по его пріѣздѣ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Ты хоть и гвардіи капитанъ, говоритъ ему отецъ,—а раззорять меня я тебѣ не позволю. Ты, говорятъ, въ долги влѣзъ?

— Есть малое толико, отвѣчаетъ сынъ.

— Какъ же ты смѣлъ? Развѣ того, что получаешь отъ меня, мало тебѣ?

— Мало по роду моему и званію.

Старикъ разсердился.

— А если я тебя и вовсе наслѣдства лишу, какую ты тогда пѣсню запоешь?

— А тогда я буду питаться щами и кашей.

— Какже, разсказывай! Силишки-то на это не хватитъ!

— На другой день, на зарѣ, Павелъ Васильевичъ уѣхалъ изъ деревни, ни съ кѣмъ не простясь, и, вернувшись въ Петербургъ, подалъ просьбу о переводѣ его въ армейскій полкъ, отправлявшійся въ Грузію. Отецъ узналъ объ этомъ, когда сынъ былъ уже на линіи. Съ первою же почтой онъ послалъ ему порядочную сумму денегъ, догадавшись, что все дѣло вышло изъ этого разговора. Но сынъ, получивъ повѣстку, не принялъ денегъ и вернулъ ихъ обратно старику съ письмомъ, въ которомъ говорилъ, что и царскаго жало-

ванья ему довольно, чтобы не умереть съ голоду. И пока отецъ былъ въ живыхъ, не принялъ отъ него ни гроша. Онъ сдержалъ слово, питался щами и кашей изъ солдатскаго котла и, что всего замѣчательнѣе, не зналъ уже потомъ никакой другой пищи во всю свою жизнь. Нѣсколько лѣтъ спустя, отецъ его умеръ, и онъ командовалъ полкомъ въ дѣйствующей арміи. Онъ кормилъ каждый день своихъ офицеровъ отличными обѣдами, а самъ, сидя на хозяйскомъ мѣстѣ, хлебалъ свои солдатскіе щи и запивалъ кашу квасомъ, приговаривая, что отъ хорошихъ привычекъ отставать не слѣдуетъ.

— Онъ въ двѣнадцатомъ году отличился? спросилъ я Кемскаго.

— За Бородино Георгія получилъ. Ему предстояла блестящая карьера, хотя онъ ни съ какимъ начальствомъ ужиться не могъ; но зато вся армія знала о его невозмутимомъ спокойствіи и стойкости въ дѣлѣ, знала его коротенькую нѣмецкую трубку, которую онъ не переставалъ сосать подъ самымъ убійственнымъ огнемъ непріятеля. По возвращеніи изъ Франціи нашихъ войскъ, ему предложили гвардейскій полкъ. Онъ отказался. „Не пойду", объявилъ онъ наотрѣзъ: „у меня спина безъ позвонковъ." Стали настаивать. Онъ отвѣчалъ формальною просьбой перевести его вновь на Кавказъ на службу. На него разсердились и перевели туда просто, безъ всякаго назначенія. Но скоро послѣ того пріѣхалъ на Кавказъ Ермоловъ, который его очень цѣнилъ и умѣлъ употреблять по способностямъ. Въ Петербургѣ продолжали на него дуться и обходили наградами, а ему и горюшки мало: онъ воевалъ съ горцами и былъ совершенно доволенъ своею судьбой. Только разъ какъ-то онъ пріѣзжаетъ въ Тифлисъ, является къ главнокомандующему. Тотъ встрѣчаетъ его веселымъ восклицаніемъ: „ну, братъ, кстати прикатилъ, наконецъ вотъ и тебѣ подарочекъ, насилу выхлопоталъ". И протягиваетъ ему футляръ.—„А васъ кто просилъ хлопотать?" отвѣчаетъ на это Павелъ Васильевичъ... „Да съ такимъ лицомъ, точно меня тутъ же живаго съѣсть собирался", разсказывалъ потомъ смѣясь Алексѣй Петровичъ моему отцу,

встрѣтясь съ нимъ на кавказскихъ водахъ: „подарочковъ мнѣ не нужно! Въ междуцарствіе прадѣдъ мой, Акимъ Чемисаровъ, на свой счетъ рать собралъ и съ княземъ Пожарскимъ рядомъ въ Москву въѣхалъ, такъ ужь мнѣ не приходится принимать подарочки". И вышелъ, хлопнувъ дверью, послалъ за лошадьми и уѣхалъ къ своему мѣсту, въ Дагестанъ.

— Баринъ сердитый, ничего! сказалъ я:—родился только поздно.

— И службу онъ оставилъ такимъ же образомъ, продолжалъ Кемскій. — Въ 1837 году онъ готовился выступить въ экспедицію. Въ это время пріѣзжаетъ изъ Петербурга какой-то гвардейскій полковникъ участвовать въ этой экспедиціи и поступаетъ къ нему въ команду. Наканунѣ выступленія, Павелъ Васильевичъ собралъ начальниковъ частей своего войска и принялся весьма подробно и обстоятельно, по своему обыкновенію, сообщать имъ свои распоряженія. Петербургскому воину, который передъ этимъ цѣлые три дня сряду не пилъ, не ѣлъ, а все сидѣлъ и тыкалъ булавки въ карту Кавказа, показалось вдругъ, что путь, по которому должны были идти войска, выбранъ неудачно. Онъ всталъ и самымъ вѣжливымъ тономъ началъ: „Я бы осмѣлился замѣтить вашему превосходительству, относительно маршрута"... „Что вамъ угодно?" Полковникъ, все также вѣжливо и улыбаясь, изложилъ свое предположеніе. Павелъ Васильевичъ слушалъ его, не перебивая и дергая себя за ухо,—у него это привычка. Когда тотъ кончилъ, онъ его вдругъ спрашиваетъ: „Давно вы на службѣ?"—„Десятый годъ."—„Въ кампаніяхъ бывали?"—„Я въ 1817 году изъ Пажескаго корпуса вышелъ," объяснилъ нашъ стратегикъ, уже нѣсколько озадаченный. „Съ Кавказомъ знакомы?"—„Нѣтъ-съ, я въ первый разъ."—„Ну, такъ вотъ вамъ теперь вѣрный случай махнуть въ фельдмаршалы. Извольте принять команду; я боленъ". Ты можешь себѣ представить, что за кавардакъ изо всего этого вышелъ. Стратегика-то, вслѣдствіе этой исторіи, отозвали въ Петербургъ, но потомокъ Акима Чемисарова не сдался ни на какія увѣщанія, подалъ въ отставку и уѣхалъ съ Кавказа.

— И куда же? въ деревню?

— Разумѣется. Пріѣхалъ, на первыхъ же порахъ влюбился и, замѣть, въ первый разъ въ жизни, и сорока восьми лѣтъ отъ роду женился на восемнадцати-лѣтней дѣвушкѣ красавицѣ, княжнѣ Курлятевой, сиротѣ, съ которою онъ встрѣтился въ нашемъ же домѣ; она матери моей приходилась двоюродною сестрой.

— И, пожалуй, счастливѣй былъ иного помоложе? И это бываетъ иногда, замѣтилъ я, смѣясь.

— И конечно, такъ бы и случилось, возразилъ Кемскій,— еслибъ онъ родился человѣкомъ, а не Александровскою колонной. Жена ему попалась отличная и любила его горячо, несмотря на его тогда уже совершенно сѣдую голову. Черезъ годъ по свадьбѣ у нихъ родились двойни: Наденька и братъ ея, Василій, умершій уже двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Павелъ Васильевичъ, говорятъ, былъ тогда наверху блаженства, бѣгалъ по ночамъ о-босу-ногу къ дверямъ дѣтской прислушиваться, не плачутъ-ли дѣти, и ходилъ весь день, чуть не прыгая, дергая себя за ухо и мурлыча подъ носъ:

„Ты возвратился, благодатный!“

Разговорчивъ онъ никогда не былъ, ласковъ еще менѣе, но въ это время онъ какъ-то разцвѣлъ и разнѣжился. Входитъ онъ однажды къ женѣ въ комнату. Былъ свѣтлый весенній день. Жена его, стоя у открытаго окна, срывала вѣтки сирени и, смѣясь, кидала ихъ въ дѣтей, игравшихъ на коврѣ у ея ногъ. Онъ тихо подошелъ къ ней и въ какомъ-то внезапномъ, не свойственномъ ему порывѣ, обнялъ ее сзади за голову и крѣпко прижалъ къ груди. Она громко вскрикнула. Во-первыхъ, онъ ее испугалъ, а во-вторыхъ, крючкомъ воротника задѣлъ за волосы и очень больно. „Что это за солдатскія ласки!“ вырвалось у ней въ первую минуту. „Я бы дала сейчасъ полжизни, чтобы вернуть эти несчастныя слова!“ повторяла она часто потомъ, горько плача, покойницѣ моей матери. Онъ взглянулъ на нее и весь перемѣнился въ лицѣ. „Извините, сударыня,“ сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты. И съ этой минуты все было кончено. Жена ему чужая стала.

Онъ сохранилъ всѣ приличія, былъ учтивъ, даже предупредителенъ къ ней, но ласки его она уже болѣе не видала до самой своей смерти. Нѣсколько разъ пыталась она объясниться съ нимъ; онъ каждый разъ уходилъ изъ комнаты. Отецъ мой, видя, какъ она тайно томилась и таяла, рѣшился заговорить съ нимъ объ этомъ. Онъ его выслушалъ, глядя на него во всѣ глаза и не поморщившись. „Я ея не обижалъ", сказалъ онъ, когда отецъ высказалъ все, что у него было на душѣ, и началъ объ другомъ. Зная его характеръ, возобновлять разговора не было уже болѣе возможности. Такъ прожила бѣдная женщина еще три года, заболѣла горячкой и умерла. И странно: въ самую годовщину ихъ размолвки, 25 мая. Во все время ея болѣзни онъ не отходилъ отъ ея постели и не допускалъ никого другаго ходить за ней. Передъ самой кончиной она просила, рыдая, у него прощенія. „Не виновата!" сказалъ онъ только. Но когда все было кончено, онъ рухнулся всѣмъ тѣломъ на трупъ, приникъ къ ея губамъ и такъ и замеръ. Его подняли безъ чувствъ, синяго. Пустили кровь, она едва пошла. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, не отзывался ни на чей голосъ и не принималъ никакой пищи. Онъ вышелъ оттуда на четвертый уже день, и то благодаря моей матери, которая придумала привести дѣтей къ дверямъ кабинета и выучила ихъ просить: „папа, папа, выйди къ намъ, не покидай сиротъ". Онъ отперъ двери и вышелъ, шатаясь, и такъ худъ, что матушка вскрикнула отъ испуга. Онъ пожалъ ей руку, обнялъ дѣтей и спросилъ: „похоронили?" На утвердительный отвѣтъ матушки онъ кивнулъ головой и молча вышелъ въ садъ. Съ тѣхъ поръ никто никогда не слыхалъ, чтобъ онъ произнесъ имя покойницы.

— А дочь онъ такъ же сильно любитъ? сказалъ я.

— Да, но такъ же молчаливо, такъ же сдержанно, какъ и жену. Такъ какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, Наденька должна пережить его, мы, вѣроятно, на томъ свѣтѣ только узнаемъ, насколько именно онъ любилъ ее здѣсь, отвѣчалъ, усмѣхаясь, Кемскій.

IV.

Въ это время дверь отворилась, вошелъ человѣкъ, неся осторожно на подносѣ бокалъ съ шампанскимъ, и поднесъ его къ Кемскому.

— Что́ это? спросилъ этотъ съ удивленіемъ.

— Господинъ Звѣницынъ изволили вамъ прислать.

— Какой Звѣницынъ? Ахъ да! Гвардеецъ?

— Точно такъ-съ.

— Благодари. Гдѣ онъ сидитъ?

— Вотъ тутъ-съ, отвѣчалъ слуга, подымая оконную стору, и вышелъ.

Мы взглянули въ окно. Оно выходило въ большую залу, величаемую въ гостинницѣ Шевалье зимнимъ садомъ. Посреди ея обѣдала за длиннымъ столомъ веселая разгульная компанія, состоявшая изъ людей всѣхъ возрастовъ, по преимуществу изъ петербургской военной молодежи и московскихъ убѣленныхъ игроковъ. Между ними рѣзко бросался въ глаза высокій, изящный Звѣницынъ, въ эполетахъ какой-то особенной, толстой, формы, небрежно-ловко сваливавшихся на грудь, и въ ослѣпительно-бѣломъ жилетѣ подъ лацканами разстегнутаго свѣтлозеленаго сюртука. Обѣдъ былъ въ полномъ разгарѣ. Среди нестройнаго гама возгласовъ и тостовъ можно было разслышать, какъ чей-то раздирательно-фальшивый теноръ старательно выпѣвалъ:

Пообѣдавъ очень плотно
У мусьё, мусьё Луи,
Ходимъ шумно, беззаботно,
Вдоль по улицѣ любви, и, и...

Цѣлый хоръ подхватилъ за нимъ:

Ахъ! еслибъ школы театральной
Не затворялъ бы намъ Творецъ!
Ахъ! еслибъ въ школѣ те-а-тральной
Начальникъ былъ бы не....

Конца нельзя было понять, его покрылъ общій хохотъ.

— Притворить дверь, сказалъ Кемскій, подымаясь съ мѣста. Раздирательный фальцетъ продолжалъ между тѣмъ:

Вотъ Анюта Прихунова,
Вотъ Макарова-душа,
А ужь Маша Соколова,
Боже мой, какъ хоро....

Оглушительный голосъ прервалъ его:

— За здоровье *нашихъ*, господа! Ура!

— Урра! завопила компанія ему вслѣдъ.

— Эка ихъ разобрало! сказалъ я.

— И что́ ему вздумалось подчивать меня? За что великія милости? примолвилъ съ неудовольствіемъ Кемскій, отодвигая отъ себя рюмку, присланную ему Звѣницынымъ.

— Это, любезный мой, по всѣмъ правиламъ рыцарской науки, сказалъ я, — все равно, какъ когда противники салютуютъ другъ друга рапирами, прежде чѣмъ выпасть другъ на друга.

— А развѣ онъ имѣетъ какія-нибудь намѣренія насчетъ... воскликнулъ Кемскій, вскидывая на меня свои большіе глаза, и весь вспыхнулъ.

— О, милый мой, ты сердцемъ тотъ же все невѣжда! отвѣчалъ я ему, пародируя извѣстный Пушкинскій стихъ о Ленскомъ. И, точно, онъ походилъ на Ленскаго въ эту минуту, еще недоумѣвающій, но уже взволнованный и ревнивый.—Если ты не замѣтилъ до этихъ поръ, что *она* можетъ и не одному тебѣ нравиться, то пойми по крайней мѣрѣ, что это совершенно естественно и что сердиться на это нелѣпо.

— Я и не сержусь, возразилъ онъ,—я нахожу только дикимъ со стороны человѣка, который вчера чуть-ли не въ первый разъ отъ роду увидалъ ее...

— А что говоритъ Ромео, когда въ первый разъ встрѣчается съ Джульетой? Развѣ не помнишь, какъ Англичанинъ нашъ въ лицеѣ завывалъ чувствительно:

Did my heart love till now?» *)

— Помню, сказалъ Кемскій, улыбнувшись лицейскому воспоминанію,—но помню также и италіянскіе стихи, которые гласятъ, что:

Lasciate ogni speranza и пр.

— Ну, конечно. Вотъ видишь, какіе мы съ тобой образованные молодые люди. Можетъ-ли послѣ этого придти кому-нибудь въ голову обидѣть насъ?

Эта шутка окончательно развеселила моего моряка.

— Однако въ долгу у этого Ромео я все-таки никакъ не хочу оставаться, сказалъ онъ.

Онъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Бутылку шампанскаго!

— Какого прикажете?

— Какого хочешь. Какое пьетъ господинъ Звѣницынъ?

— Они пьютъ лодеръ-съ.

— Редереръ, то-есть?

— Такъ точно, подтвердилъ слуга.

— Ну, такъ редереру; налей стаканъ и отнеси ему отъ меня, а что останется—можешь выпить за его здоровье.

Черезъ нѣсколько времени кто-то постучался къ намъ въ дверь.

— Кто тамъ?

— Peut on entrer? спросилъ чей-то густой и учтивый баритонъ.

— Милости просимъ.

Дверь отворилась. Вошелъ господинъ Звѣницынъ, собственной особой, въ своихъ толстыхъ эполетахъ и ослѣпительномъ жилетѣ и съ стаканомъ въ рукѣ.

Я замѣтилъ, что Кемскаго передернуло.

---

*) Любило-ли сердце мое до этой минуты?

— Je suis venu vous remercier personnellement, объяснилъ изящный офицеръ на томъ своеобразномъ нарѣчіи, которое и понынѣ слыветъ за парижское въ казармахъ и иныхъ салонахъ столичнаго города С.-Петербурга.

— За что же? вы меня предупредили, пробормоталъ Кемскій, показывая на нетронутое имъ до того шампанское на столѣ.

— Permettez moi donc de boire ce verre avec vous, предложилъ Звѣницынъ, присаживаясь къ намъ,—если только я вамъ не помѣшалъ, messieurs....

Кемскій, не отвѣчая, взялъ рюмку. Они чокнулись.

— Et monsieur ne prend pas de vin? спросилъ гвардеецъ, обращаясь ко мнѣ съ самою предупредительною, любезною улыбкой.

— Очень вамъ благодаренъ, я не пью никакого вина, извинился я.

— Скажите! сожалительно произнесъ онъ, покачавъ головой, и затѣмъ обратился къ Кемскому, прося познакомить его со мной.

— Господинъ Звѣницынъ, ***, старый мой товарищъ, офиціально представилъ насъ другъ другу Кемскій.

— Вы также служили во флотѣ? спросилъ меня вдругъ Звѣницынъ.

— Нѣтъ-съ, я всегда былъ мирнымъ гражданиномъ.

— Мы товарищи по Лицею, объяснилъ ему Кемскій.

— Ахъ! pardon!...

И онъ взглянулъ на обоихъ насъ, но добавивъ на этотъ разъ къ своей заискивающей улыбкѣ извѣстную порцію уваженія во взглядѣ, чего видимо, по его мнѣнію, заслуживало воспитавшее насъ привилегированное заведеніе, изъ котораго молодые люди выходятъ въ свѣтъ съ большими чинами.

— Какъ же это вы, sans indiscrétion, попали вдругъ изъ Лицея въ морскую службу? спросилъ онъ Кемскаго.

— Да такъ же, какъ и вы, вѣроятно, попали въ вашъ полкъ,—по охотѣ, отвѣчалъ ему тотъ довольно спокойнымъ тономъ, въ которомъ мнѣ было, однако, легко угадать едва сдерживаемое нетерпѣніе.

— Вы въ гвардейскомъ экипажѣ состоите? спросилъ опять Звѣницынъ.

— Я служу въ Черноморскомъ флотѣ и въ Петербургѣ семь лѣтъ не былъ.

— Скажите! процѣдилъ гвардеецъ, взглянувъ на пуговицы мундира Кемскаго. Изображенный на нихъ якорь не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что морякъ нашъ не принадлежалъ къ гвардіи. Г. Звѣницынъ еще разъ задумчиво поднялъ на него глаза; видно было, что ему никакъ не давалось, что́ бы за личность такая могъ быть его собесѣдникъ? И изъ такого заведенія вышелъ, изъ котораго набираются дипломаты, статсъ-секретари и свѣтскіе люди, и фамилію старинную носитъ, и наружностію взялъ, пожалуй, и вдругъ забился на службу куда-то въ провинціальный флотъ, и въ Петербургъ не ищетъ перейти....

— Хорошо у васъ производство? пожелалъ онъ узнать наконецъ.

Меня это начинало очень забавлять.

— Да, кстати, Кемскій, вмѣшался я,—мнѣ хотѣлось давно тебя объ этомъ спросить: скоро-ли тебѣ достанется въ адмиралы?

— А тебѣ какая забота? спросилъ онъ, съ удивленіемъ глядя на меня.

— Интересно знать, любезный другъ. Вѣдь, согласись, всѣ мы служимъ для того, чтобы подвигаться впередъ, получать чины, отличія...

— Разумѣется, certainement, одобрительно поддержалъ меня гвардеецъ.

Кемскій понялъ наконецъ.

— Въ лейтенантахъ я второй годъ, началъ онъ вполголоса, какъ бы соображая и принимаясь перебирать на пальцахъ. — До капитанъ-лейтенанта восемь, да шесть... При счастіи, сказалъ онъ громко, — особенно, если будетъ кампанія, черезъ тридцать лѣтъ могутъ произвести въ контръ-адмиралы.

— Черезъ тридцать лѣтъ?!

Звѣницынъ посмотрѣлъ на него такъ, какъ будто гово-

рилъ: „Эге, братъ, да, я вижу, ты такъ швахъ, что съ тобой не стоитъ времени тратить.“

И онъ тутъ же прекратилъ всякія объясненія о производствѣ и чинахъ, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ:

— Вы не принимаете участія въ здѣшнихъ удовольствіяхъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ я, — какъ только въ какомъ-нибудь домѣ зажгутъ двѣ свѣчки, туда, можете быть увѣрены, третьимъ являюсь я.

— Cha-a-armant! Какъ же это мы съ вами по сю пору не встрѣчались?

— Очень просто: вы меня не замѣтили. На балахъ я не танцую, а только смотрю изъ угла и любуюсь вами. Вы положительно первый у насъ танцоръ, и дамы наши не даромъ...

— Mon Dieu, quand la nature vous a donné un talent, vous savez, on vous recherche, прервалъ меня Звѣницынъ этою скромною фразой и небрежно приподнялъ эполетами.— А надо признаться, примолвилъ онъ, — что такую коллекцію красавицъ, какъ у васъ, можно встрѣтить...

— Только у насъ? докончилъ я.

— Такъ точно, подтвердилъ онъ торжественно.—Не знаешь рѣшительно, кому изъ нихъ поднести пальму совершенства.—И началъ высчитывать, приходя мало-по-малу въ паѳосъ:—Графиня Иглова-Донатова, la princesse Marie Levinski, Catherine Molof, княгиня Наталья Шатунская et la charmante débutante d'hier, ваша кузина, досказалъ онъ, обращаясь къ Кемскому.

„Вотъ оно, куда гнуло!“ подумалъ я.

Пріятель мой поднялъ голову и взглянулъ ему прямо въ глаза.

— Какая кузина?

— M-lle Чемисарова, которая нынче утромъ доставила мнѣ удовольствіе познакомиться съ вами, поспѣшно объяснилъ Звѣницынъ. И не менѣе поспѣшно спросилъ затѣмъ:—Вѣдь вы родня ей?

— Родня, отвѣчалъ нехотя Кемскій.

— И близкіе? Мнѣ сказали, вы ей двоюродный братъ.

— Троюродный, медленно и внятно произнесъ морякъ.

— Троюродный? повторилъ слегка дрогнувшимъ голосомъ кирасиръ.—Cousin à la mode de Bretagne, почелъ онъ почему-то нужнымъ перевести это родство по-французски, — ска-а-жите!

Но къ чести его свѣтскости должно сказать, что замѣшательство его продолжалось недолго.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ совершенно непринужденно, — вы тѣмъ болѣе способны раздѣлить toute mon admiration de cette beauté si éclatante... et si élégante. домолвилъ онъ и лизнулъ себя языкомъ по губамъ, какъ будто въ награду за то, что такъ ловко выразился.

Кемскій не отвѣчалъ ни полусловомъ; онъ, опустивъ глаза, нервически барабанилъ пальцами по столу.

„Придется еще повозиться съ этимъ Венеціанскимъ Мавромъ изъ Камчатки!“ подумалъ я, мелькомъ окидывая его взглядомъ.

— Вы сегодня въ веселомъ обществѣ обѣдали, сказалъ я Звѣницыну.

— Que voulez vous? товарищи; все это какъ-то разомъ наѣхало сюда изъ Петербурга, отказать нельзя, on se laisse entrainer. Moi je n'aime pas au fond ces compagnies bruyantes, продолжалъ онъ изъясняться на своемъ условномъ французскомъ языкѣ.—Однако я въ вашемъ пріятномъ обществѣ совершенно позабылъ, что они меня тамъ ждутъ, спохватился онъ вдругъ и поднялся со стула.—Au revoir, messieurs, не увидимся-ли мы въ театрѣ?

— Я буду, сказалъ сухо Кемскій.

Звѣницынъ раскланялся и вышелъ.

— Очень тебѣ нужно, едва затворилась за нимъ дверь, напустился я на моего моряка,—очень нужно было объяснять ему степень твоего родства съ Чемисаровой. Оставь его въ заблужденіи, что ты ей двоюродный братъ и не можешь поэтому претендовать на ея руку,—вѣдь онъ бы тебя въ наперсники избралъ, сталъ бы повѣрять тебѣ свои сердечныя тайны,—понимаешь-ли ты это? Вѣдь это, милый мой, такимъ

бы комизмомъ запахло, что я не понимаю, какъ ты рѣшился лишить себя этого удовольствія.

— Чортъ бы его подралъ! промолвилъ съ сердцемъ Кемскій.—Очень забавны были бы для меня его сердечныя тайны! Меня и такъ всего подмывало, пока онъ объяснялъ свою admiration *de* cette beauté si élégante.... Скажи, пожалуйста, съ новою тревогой обратился онъ ко мнѣ, — неужели есть женщины, которымъ можетъ понравиться этотъ шутъ полосатый?

— Есть, милый мой, и даже очень много, но я, не обмѣнявшись еще ни единымъ словомъ съ твоею красавицей, готовъ сейчасъ головой поручиться, что она не изъ числа ихъ. А вотъ за тебя не поручусь, что ты среди Чукчей и Алеутовъ не позабылъ своего европейскаго происхожденія. Ты въ какой-то первобытной дикости обрѣтаешься, любезный другъ, прими это къ свѣдѣнію.

— Да вѣдь и время нужно, чтобы снова втянуться въ наши безобразія, отвѣчалъ онъ, но уже совершенно успокоеннымъ голосомъ и поникнувъ головой, какъ виноватый.

Мой добрый Кемскій,—трудовая служба, одиночество, долгое пребываніе подъ далекими небесами сохранили въ немъ всю дѣтскую впечатлительность его сердца. Онъ, я убѣждался, былъ въ настоящую минуту все тѣмъ же ребенкомъ, какимъ мы всѣ любили и баловали его въ стѣнахъ Лицея. И тѣмъ дороже, тѣмъ милѣе былъ онъ для меня. Какъ жалка казалась мнѣ, въ то самое время, когда я пенялъ ему за грѣхи его невѣдѣнія, моя собственная дюжинная и безплодная опытность!

— Поѣдемъ со мной въ театръ! сказалъ онъ мнѣ, выходя отъ Шевалье. Сегодня *Вильгельма Телля* Россини даютъ.

— И даже отвратительно, домолвилъ я. — А впрочемъ поѣдемъ.

V.

Мы пріѣхали въ театръ во-время.

Вильгельма Телля (читай *Карла Смѣлаго*, благонамѣренный читатель,) давали въ пользу пѣвицы, которая въ то время располагала значительнымъ числомъ поклонниковъ.

Театръ былъ полонъ. Въ кассѣ оставалось два билета во второмъ ряду; мы взяли ихъ съ Кемскимъ.

Флейта заливалась трелями въ *andante* увертюры, когда мы вошли въ залу. Вся Москва была тамъ, Москва во всей разнохарактерности ея житейскихъ привычекъ. Въ бельэтажѣ, рядомъ съ барыней въ блондѣ и кружевахъ, съ низко-обнаженными плечами, сидѣла, въ темномъ гродетуровомъ капотѣ, женская личность изъ *купецкаго* званія, съ одутлою щекой, подвязанною чернымъ платкомъ! Подлѣ ложи, заключавшей въ себѣ съ полдюжины отборнѣйшихъ московскихъ львовъ, во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, цѣлая дюжина дѣтей, начиная съ длиннаго всклоченнаго гимназиста и кончая сюсюкающимъ младенцемъ лѣтъ четырехъ, громоздилась живою пирамидой, вытягивая шеи и тыкая наперерывъ руками по направленію занавѣси. Изрѣдка долеталъ оттуда до партера тоненькій визгъ, и затѣмъ въ ложѣ происходило колебаніе, напоминавшее зыбь на морѣ: это значило, нянька выдергивала виновника изъ толпы своихъ питомцевъ и уводила его въ корридоръ для подобающаго наставленія. Въ креслахъ какой-то новоиспеченный гусарикъ, въ мундирѣ съ иголочки, безпрестанно привставалъ и обводилъ залу глазами, исполненными ноющаго выраженія.

какъ бы умоляя зрителей не предполагать, чтобы могло быть что-нибудь общее между нимъ и двумя обширными бородачами въ лисьихъ шубахъ, возсѣдавшими справа его и слѣва. Въ первыхъ рядахъ сидѣли поклонники мѣстной Терпсихоры. Облеченные въ модные клѣтчатые шаровары, сочетанія цвѣтовъ самаго изумительнаго, съ огромнѣйшими булавками въ пестрѣйшихъ шарфахъ, и въ усахъ разнообразнѣйшаго рисунка, всѣ они, молодые и старые, носили на особахъ своихъ то достойное зависти выраженіе независимости, которымъ отличается Москвичъ, состоящій въ пріятельскихъ отношеніяхъ, на ты, со всѣми полицеймейстерами столицы. Патріархомъ ихъ, казалось, былъ нѣкій Голіафъ, въ очкахъ и съ толстою палкой въ рукѣ, господинъ, для котораго снисходительная театральная дирекція согласилась устроить особыхъ размѣровъ кресло, такъ какъ въ обыкновенное онъ вмѣщаться не могъ. Предметомъ его страсти, скажу мимоходомъ, была корифея съ не менѣе его самого монументальнымъ развитіемъ формъ. На его пожирающіе взгляды дѣва эта отвѣчала со сцены невинно-дѣтскими улыбками, добросовѣстно выкидывая въ то же время своими, состоявшими на службѣ, ногами, при чемъ показывала публикѣ пятку величиной въ лошадиную голову. Подлѣ Голіафа юлилъ и мотался, шушукалъ съ сосѣдями нѣкто Вашневъ, Ноздревъ московскихъ салоновъ того времени, невысокій и плотный брюнетъ, съ маленькими, бѣгавшими какъ у озлобленной крысы глазами и совершенно плоскимъ лицомъ, о которомъ Крусановъ, не стѣсняясь, при самомъ его владѣльцѣ, выражался такъ: что-де эта физіономія самою природой на то именно устроена, чтобъ ее можно было прикрыть вплотную ловко пущенною въ нее тарелкой....

Въ ближайшемъ къ сценѣ бенуарѣ, съ правой стороны, почти рядомъ съ занятыми нами креслами, сидѣла, лицомъ къ сценѣ, дѣвушка, которую до сихъ поръ я, передавая слова Кемскаго, безцеремонно называлъ Наденькой; пора назвать ее, согласно съ приличіями, полнымъ ея именемъ: сидѣла Надежда Павловна Чемисарова. Въ глубинѣ ложи стоялъ, оперпись о стѣнку, ея отецъ. Наружность его мнѣ

очень понравилась, хотя мало отвѣчала тому образу, который я составилъ себѣ о немъ послѣ разсказовъ Кемскаго. Въ немъ ничего не было генеральскаго, даже военнаго, кромѣ развѣ густыхъ сѣдыхъ усовъ и откинутой нѣсколько назадъ головы,—слѣдъ долгоносимаго высокаго мундирнаго воротника. Черный партикулярный сюртукъ, съ едва замѣтною Георгіевскою ленточкой въ петлицѣ, свободно обнималъ его почти юношескій станъ. Росту онъ былъ средняго, худощавъ, но вся его особа носила печать какой-то сознательной и безпощадной силы. Сухія очертанія его черепа были чрезвычайно благородны. Съ перваго раза чувствовалось въ этомъ человѣкѣ присутствіе того, чему доморощенные наши современные нивелеры придумали названіе *бѣлой кости* и надъ чѣмъ они издѣваются съ ожесточеніемъ весьма сомнительнаго свойства. Онъ глядѣлъ впередъ безцѣльно, съ полнымъ равнодушіемъ, повидимому, и къ музыкѣ, и ко всему окружающему.

Кемскій между тѣмъ тщетно усиливался заставить магнетизмомъ воли обернуться къ нему лицомъ красавицу, одну роскошную косу которой онъ могъ видѣть съ своего мѣста. Онъ не выдержалъ и вышелъ изъ креселъ въ ту минуту, какъ взвилась занавѣсь и послѣдніе аккорды увертюры замирали подъ громомъ рукоплесканій.

Онъ тихо вошелъ въ ложу Чемисаровыхъ. Старикъ слегка повернулъ голову и, узнавъ его, указалъ рукой на остававшееся свободнымъ мѣсто впереди ложи. Это было, видно, сверхъ всякихъ ожиданій Кемскаго; онъ сѣлъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ противъ Надежды Павловны.

Прежнею безцвѣтною улыбкой улыбнулась она, увидѣвъ его. Онъ живо наклонился къ ней, что-то шепча и глядя на нее съ безконечною нѣжностью; но это продолжалось не долго. Надежда Павловна приподняла обѣими руками тяжелый биноклъ и навела его на сцену.

Кемскій отодвинулся отъ нея, нахмурясь.

Изъ глубины ложи скользнулъ по дочери взглядъ старика Чемисарова и снова безцѣльно заблуждалъ по залѣ. Замѣтилъ ли онъ ея безучастіе къ моему бѣдному пріятелю, извѣстна

ли ему была ея причина,—ничего не сказалъ этотъ взглядъ, холодный и неуловимый, какъ блескъ стали....

Въ началѣ перваго антракта Кемскій вернулся ко мнѣ.

— Пойдемъ, сказалъ онъ,—я тебя представлю Павлу Васильевичу.

— Сдѣлай одолженіе.

Мы вошли въ ложу. Кемскій назвалъ меня. Чемисаровъ подалъ мнѣ руку.

— Я вашего старика зналъ; честный былъ человѣкъ, сказалъ онъ мнѣ съ перваго слова.

Я поклонился.

— Вы, говорятъ, усердствуете на службѣ? спросилъ онъ затѣмъ, съ какимъ-то двусмысленнымъ выраженіемъ и дергая себя за ухо.

— Служу, какъ могу.

— Какъ по-вашему: дѣло дѣлаете?

— Развѣ тѣмъ, отвѣчалъ я смѣясь,—что выйди я, на мое мѣсто сядетъ другой, который, пожалуй, дѣла отъ вздора отличить не сумѣетъ.

— Такъ! сказалъ онъ, одобрительно взглянувъ на меня.— Правды у насъ нѣтъ, да и едва-ли когда будетъ; такъ и на томъ спасибо! Садитесь.

И указалъ мнѣ рукой на мѣсто, оставленное Кемскимъ, противъ дочери.

Я усѣлся. Кемскій занялъ стулъ рядомъ съ дѣвушкой.

— Полюбите его, Nadine, сказалъ онъ ей съ улыбкой, указывая на меня,—онъ хорошій человѣкъ, я его съ дѣтства знаю.

Въ это время сіяющій Звѣницынъ, въ мундирѣ и метя полъ бѣлымъ султаномъ своей каски, подошелъ изъ перваго ряда креселъ къ нашей ложѣ.

— Отъ этого господина на днѣ морскомъ не упрячешься, пробормоталъ Кемскій, откидываясь назадъ, за спину Надежды Павловны.

— Comme c'est beau la musique de Rossini! возгласилъ офицеръ, ловко расшаркиваясь передъ дѣвушкой.

— Bien beau! подтвердила Надежда Павловна.

— Но, увы, надо признаться, les chanteurs russes sont pitoyables. Надо было бы прислать въ Москву, pour qu'ils aient le plaisir d'être applaudis par vous, mademoiselle, примолвилъ онъ съ оттѣнкомъ нѣжной галантерейности,—нашу италіянскую оперу съ Гризи и Маріо.

Кемскій не вытерпѣлъ, всталъ и отошелъ назадъ къ старику Чемисарову.

— Конечно, это было бы хорошо, отвѣчала Надежда Павловна Звѣницыну,—но я въ первый разъ въ оперѣ и совершенно довольна всѣмъ, что слышу.

— Въ первый разъ? Скажите!—И взглянулъ на нее съ сожалѣніемъ.—Впрочемъ, примолвилъ онъ снисходительно,—оркестръ здѣсь хорошъ, и хоры даже очень не дурны; видно, что ведетъ ихъ искусная рука.

— Здѣсь отличный музыкантъ дирижеръ, сказалъ я ему.

— Кто такой?

— Нѣкто Іоганнисъ.

— А! У насъ былъ нѣкоторое время Риччи. Vous savez mademoiselle, Ricci, qui a composé lui même des opéras; un homme très comme il faut; онъ даже дирижировалъ всегда въ желтыхъ перчаткахъ....

— Іоганнисъ? раздался въ глубинѣ ложи голосъ стараго генерала, пока Звѣницинъ распростанялся о Риччи и петербургской оперѣ:—Іоганнисъ, имя какъ будто знакомое....

— Да и мнѣ тоже, сказалъ Кемскій.—А! вспомнилъ! у него, кажется, учился вашъ Кирилинъ?

Надежда Павловна вдругъ наклонилась надъ самою рампой ложи и глухо, съ какимъ-то замираніемъ въ голосѣ, спросила Звѣницына:

— Кто эта дама?

— Гдѣ?

— Тамъ.... у оркестра?

— Ахъ, кстати! говорилъ между тѣмъ Кемскій генералу:—я еще и не успѣлъ спросить васъ про Кирилина. Что онъ?

— Переселился, какъ-то странно отвѣчалъ ему тотъ.

— Вотъ какъ! Куда же?

— На тотъ свѣтъ.

— Pardon, mademoiselle, я рѣшительно не понимаю, о какой дамѣ вы говорите. У оркестра нѣтъ никакой дамы и быть не можетъ. Развѣ Вашнева вы приняли за даму? смѣясь спросилъ Звѣницынъ Надежду Павловну.

— Вашнева? повторила она какъ бы съ-просонокъ.

— Сходства однако мало, продолжалъ онъ шутливо.—А вы его знаете?

— Знаю.... нѣтъ.... я совсѣмъ его не знаю, я совсѣмъ о другомъ хотѣла спросить васъ, сказала она, и засмѣялась.— Но мнѣ показалось, что плечи у нея вздрагивали подъ кисеей.

— Vous êtes très distraite, mademoiselle, съ лукавымъ видомъ замѣтилъ гвардеецъ.

А за нами продолжался разговоръ:

— Кирилинъ умеръ, огорченнымъ голосомъ говорилъ Кемскій,—такъ молодъ! Какъ же это случилось?

— Утонулъ, какъ бы нехотя отвѣчалъ старикъ.

— И давно?

— Прошлымъ лѣтомъ.

— Je vous salue, mademoiselle, началъ раскланиваться Звѣницынъ.

— Вы уже уходите? воскликнула она.

Для всякаго, кто бы онъ ни былъ, и гораздо поскромнѣе нашего петербургскаго льва, зазвучали бы теперь обѣщаніемъ эти встревоженныя, чуть не умоляющія слова.

Но не тѣмъ представлялось для меня ихъ настоящее значеніе. Какая-то таинственная драма несомнѣнно разыгрывалась въ эту минуту предо мной, но я понималъ, что героемъ ея не могъ быть Звѣницынъ. А онъ сіялъ и поводилъ глазами, поднявъ ихъ на блѣдную дѣвушку съ такимъ восторженнымъ и маслянымъ выраженіемъ, съ какимъ никогда влюбленный котъ не взиралъ на свою возлюбленную...

— Я боялся вамъ наскучить, говорилъ онъ, — mais vous devez être bien persuadée, mademoiselle, qu'on ne voudrait jamais vous quitter.

— Кирилинъ утонулъ? переспрашивалъ между тѣмъ Кемскій и примолвилъ:—а его мать все у васъ?

Отвѣтъ замедлился.

— Завтра, говорятъ, будетъ балъ въ собраніи? поспѣшно спросила Надежда Павловна, какъ-то судорожно открывая и закрывая вѣеръ передъ лицомъ.

— Переѣхала въ городъ, отвѣчалъ наконецъ Кемскому генералъ.

— Вы будете? спросилъ въ свою очередь Звѣницынъ тѣмъ особымъ вкрадчивымъ шептаніемъ, для котораго нѣмцы изобрѣли очень выразительный глаголъ: flüstern.

— Да, конечно, я очень хочу; въ собраніи, мнѣ говорили, много бываетъ, и балы такъ хороши всегда, проговорила она скоро, скоро, какъ бы торопясь заговорить себя самое своими собственными словами.

— Вы не откажете мнѣ въ мазуркѣ? еще тише спросилъ офицеръ.

— Мазурка, да, конечно, это очень весело, я очень люблю...

Она положительно уже не знала, что говорила. За этимъ блестящимъ, двигавшимся вѣеромъ можно было уловить лихорадочныя искры въ ея блѣдныхъ глазахъ. Пальцы ея лѣвой руки, лежавшей на бархатной рампѣ ложи, ухватились за бинокль и такъ и закоченѣли на немъ, — я это видѣлъ.

— Я увѣренъ, что вамъ холодно, сказалъ я громко ей.

— Да, немножко... Отчего вы думаете? проговорила она съ усиліемъ.

— Въ этихъ ложахъ бенуара всегда дуетъ изъ маленькой двери подъ сценой, чрезъ которую музыканты проходятъ въ оркестръ, а она именно теперь отворена, объяснилъ я довольно естественно.

— Вы совершенно правы, подтвердилъ Звѣницынъ. — Je vous conseille de vous retirer à l'arrière, mademoiselle, примолвилъ онъ, устремивъ на нее долгій прощальный взглядъ, и удалился.

— Вамъ не мѣшало бы выпить чашку чаю. Я сейчасъ пришлю, сказалъ Кемскій, подбѣгая къ ней.

— Не хочешь-ли домой? спросилъ ее отецъ.

— Нѣтъ, сказала она, вставая съ мѣста. — А чаю я выпью, мнѣ точно холодно что-то.

Я раскланялся.

— До свиданія, сказалъ мнѣ старикъ Чемисаровъ, между тѣмъ какъ дочь его прощалась со мной улыбкой, въ которой сказывалась какъ будто какая-то мимолетная и унылая благодарность....

Во второмъ актѣ вышла бенефиціантка, въ роли Матильды, въ шляпѣ съ перьями и хлыстомъ въ рукѣ. Она была еще молода и свѣжа, съ полными, румяными губами. Цѣлая буря хлопанья и возгласовъ поднялась при ея появленіи. Она кланялась, присѣдала и складывала руки крестомъ къ горлу, и потомъ опять присѣдала и кланялась, при чемъ поклонники ея могли удобно оцѣнить контуры вида самаго пріятнаго, волновавшіеся подъ лифомъ ея темнаго бархатнаго платья. Букетовъ и подарковъ поднесено ей было въ изобиліи. Въ числѣ послѣднихъ была даже дюжина серебряныхъ ложекъ, презентъ практическаго человѣка.

Опера шла своимъ чередомъ. Теноръ возводилъ очи горѣ и прикладывалъ обѣ ладони къ сердцу. Баритонъ пускалъ руки наотмашъ въ пустое пространство. Басъ, съ натуженною досиня шеей, пропускалъ свою ноту въ буфы, нашитые на груди его пейзанскаго костюма, и внушительно тыкалъ внизъ указательнымъ пальцемъ. И все это производилось такъ, какъ будто каждый изъ нихъ говорилъ себѣ въ это время: „а должно-быть изъ этого что-нибудь и выйдетъ!“ И они не ошибались. Богъ великъ, — дѣйствительно выходило что-то. Публика спѣшила аплодировать каждому изъ нихъ порознь и всѣмъ вмѣстѣ взятымъ, для доказательства, вѣроятно, и съ своей стороны, полнаго сочувствія къ такому простодушію воззрѣній на дѣло искусства....

Я обернулся къ оставленному мной бенуару.

На виду въ немъ сидѣла теперь одна Надежда Павловна и слушала, опершись головой на руку и не сводя глазъ со сцены. Въ продолженіе всего акта она не перемѣнила положенія. Чему внимала она такъ безмолвно и прилежно,—страстнымъ-ли звукамъ этой музыки, въ первый разъ касавшимся ея слуха, или глухому ропоту и сожалѣніямъ своего собственнаго сердца,—не знаю, но ея блѣдный и недвижный

обликъ, съ выраженіемъ скорбнаго помысла, какъ бы оледенѣвшаго на ея челѣ, походилъ скорѣе на могильный памятникъ, чѣмъ на живой человѣческій образъ....

Передъ третьимъ актомъ я уѣхалъ изъ театра, не дождавшись Кемскаго. Мнѣ и не хотѣлось видѣть его въ эту минуту.

VI.

Утромъ, на другой день, я получилъ отъ Кемскаго записку. Онъ говорилъ въ ней, что заѣдетъ за мной вечеромъ, чтобъ отправиться вмѣстѣ въ собраніе. Я жилъ оттуда въ двухъ шагахъ.

Онъ явился часу въ десятомъ; ѣхать на балъ было еще рано. Онъ спросилъ чаю и усѣлся въ моемъ кабинетѣ, пока я въ другой комнатѣ приступалъ къ туалету.

— Что Надежда Павловна? спросилъ я его сквозь растворенную дверь.

— Ничего, здорова.

— Ты ее сегодня видѣлъ?

— Мелькомъ. Княгиня Марѳа Львовна заѣхала за ней дѣлать визиты; вернулись только къ обѣду.

— А ты гдѣ обѣдалъ?

— У нихъ же. Сидѣлъ между двумя какими-то сенаторами и разсказывалъ имъ про Японію. Здѣсь, братъ, не деревня, ни въ какое время дня не застанешь ихъ однихъ, примолвилъ онъ съ досадой.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, спросилъ я,—о комъ это вы вчера съ старикомъ генераломъ говорили?

— Когда это?

— Да въ ложѣ. О какомъ-то Кирилинѣ.

— А ты слушалъ нашъ разговоръ, когда въ то же время могъ наслаждаться остроумною бесѣдой господина Звѣницына! Удивляюсь, сказалъ Кемскій.—Что же тебѣ хочется знать?

— Я спросилъ, потому что ты казался огорченнымъ

смертью этого Кирилина. Не родственникъ-ли это твой какой-нибудь умеръ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Кирилинъ никому не былъ родня, и мнѣ жаль его потому, что онъ былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ, и изъ него могъ выйти со временемъ великій артистъ. Онъ былъ сынъ выслужившагося офицера, изъ однодворцевъ, стараго сослуживца Павла Васильвича. Подъ Лейпцигомъ Павелъ Васильевичъ былъ контуженъ тѣмъ же ядромъ, которое, въ двухъ шагахъ отъ него, оторвало ногу старику Кирилину. Когда тотъ вышелъ изъ госпиталя увѣчный, не зная куда дѣться, Павелъ Васильевичъ отправилъ его къ себѣ въ Рай-Воздвиженское, устроилъ его тамъ, а когда самъ вернулся изъ Грузіи, взялъ его въ управляющіе. Кирилинъ женился въ деревнѣ, прижилъ сына и умеръ въ томъ же году, какъ и мать Наденьки. Вдова его осталась экономкой въ домѣ Павла Васильевича. Сынъ ея былъ годами тремя старше Наденьки и ея брата. Онъ въ дѣтствѣ учился съ нами вмѣстѣ, и покойный Вася Чемисаровъ любилъ его до страсти. Мальчикъ съ раннихъ поръ показывалъ необыкновенныя способности къ музыкѣ. По смерти Васи, Павелъ Васильевичъ, согласно его желанію, отправилъ его учиться музыкѣ въ Москву. Тамъ онъ какъ-то поссорился съ учителемъ, у котораго жилъ, захотѣлъ поступить въ университетъ, переѣхалъ въ Петербургъ; потомъ бросилъ и принялся опять за музыку. Въ Рай-Воздвиженское онъ вернулся два года тому назадъ, съ отличными аттестатами. И въ самомъ дѣлѣ онъ игралъ на скрипкѣ великолѣпно.

— Что же думалъ онъ изъ себя дѣлать? спросилъ я.

— Ему въ Москвѣ предлагали мѣсто въ оркестрѣ, но онъ и въ нашей сторонѣ могъ легко заработать себѣ независимый кусокъ хлѣба. Въ нашемъ околоткѣ помѣщики все крупные, много любителей музыки. Тогда же при мнѣ богачъ Грайворонскій предлагалъ ему съ перваго слова большія деньги, чтобъ онъ шелъ къ нему управлять его оркестромъ. Жаль его, бѣднягу...

— А самъ-то онъ что́ за человѣкъ былъ? спросилъ я опять.

— Я его зналъ ребенкомъ, а когда онъ вернулся въ Рай-Воздвиженское артистомъ, я былъ на отъѣздѣ и мелькомъ видѣлъ его. На видъ онъ былъ невзраченъ, худой, блѣдный, съ длинными нечесаными волосами, глядѣлъ недоучившимся студентомъ. Глаза у него были странные: днемъ просто сѣрые, некрасивые, а вечеромъ, или когда заиграется, потемнѣютъ какъ осенняя ночь, и такъ и искрятся, такъ и горятъ. Не даромъ текла въ немъ цыганская кровь: бабка его по матери взята была изъ табора.

— Русскому артисту пока еще плохое житье въ Россіи. Твой Кирилинъ, пожалуй, и хорошо сдѣлалъ, что умеръ рано, замѣтилъ я.

— Ну, ужь ты философъ! засмѣялся Кемскій:—по-твоему, за что ни взяться, вездѣ неразрѣшимая задача. Поѣдемъ-ка лучше въ Собраніе.

— Блаженъ, кому легко живется! отвѣтилъ бы я ему, еслибы въ то время что-то не говорило мнѣ, что далеко не разрѣшена его собственная жизненная задача.

VII.

Балы въ Собраніи давно уже не походили на тѣ оживленныя сборища былыхъ временъ, куда впервые „изъ глуши степныхъ селеній“ вывезъ Пушкинъ въ свѣтъ свою тоскующую Татьяну. Они блѣднѣли и рѣдѣли съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ постепенно смолкали въ Москвѣ голоса современниковъ двѣнадцатаго года, и на фронтонахъ ея барскихъ домовъ все чаще и чаше смѣнялись старинные гербы именными вензелями новыхъ, никому уже невѣдомыхъ владѣльцевъ. Въ эпоху, къ которой относится мой разсказъ, Собраніе окончательно отжило свою славу, и пустынно и уныло глядѣли теперь тѣ громадныя залы, въ которыхъ тѣсною и шумною толпой ликовало минувшее, беззаботное поколѣніе....

На этотъ разъ впрочемъ было гораздо многолюднѣе обыкновеннаго. За нѣсколько дней предъ этимъ, на какомъ-то вечерѣ, все общество сговорилось ѣхать въ Собраніе, какъ на пикникъ, всѣмъ соборомъ. Всѣ заранѣе дали при этомъ другъ другу слово веселиться во что бы то ни стало и танцовать до зари. Случайный съѣздъ въ Москву множества петербургскихъ кавалеровъ обѣщалъ балъ на славу. И, дѣйствительно, онъ уже гремѣлъ и блестѣлъ въ полномъ своемъ разгарѣ, когда мы вошли съ Кемскимъ.

Гвардейскіе мундиры носились по залѣ, многочисленные и сіяющіе, какъ звѣзды на тверди небесной.

На дамахъ были самые восхитительные туалеты.

Оркестръ Гунгля заливался на хорахъ.

Балъ, однимъ словомъ, такъ и просился въ блаженной памяти литературу графа Соллогуба.

Звѣницынъ велъ его, и велъ такъ, какъ можетъ это дѣлать лишь искусившійся въ этомъ трудномъ дѣлѣ многолѣтнимъ опытомъ, на петербургскихъ паркетахъ, гвардейскій и притомъ кавалерійскій офицеръ. Танцовали pastourelle кадрили, и онъ производилъ въ ней такія эволюціи, совершалъ такіе запутанные переходы и выпутывалъ изъ нихъ своихъ танцорокъ съ такимъ изумительнымъ искусствомъ, что, я полагаю, самъ Фридрихъ Великій, лежа въ гробу своемъ, въ Потсдамѣ, вздыхалъ въ эту минуту о томъ, что не зналъ Звѣницына, когда замышлялъ свой первый походъ въ Силезію.

За кадрилью слѣдовалъ вальсъ.

Мы подошли къ Надеждѣ Павловнѣ. Она была опять вся въ бѣломъ, какъ на первомъ балѣ; только подъ черною косой алѣла одна свѣжая пунцовая роза.

Звѣницынъ подлетѣлъ было къ ней, но Кемскій предупредилъ его и помчался съ нею по залѣ.

Гвардеецъ улыбнулся, слѣдя за ними внимательнымъ и насмѣшливымъ взоромъ. Сознаніе своего превосходства такъ и сіяло на его лицѣ.

Онъ былъ правъ: плохой танцоръ былъ мой пріятель.

— Звѣницынъ! загоготалъ въ это время, стремительно кидаясь къ нему, господинъ, о которомъ я уже имѣлъ случай упомянуть и котораго звали Вашневымъ:—замѣтилъ ты, что всѣ эти моряки на кривыхъ ногахъ? Полагаю, вѣдь это больше отъ рома....

И онъ залился какимъ-то истерическимъ хохотомъ, непріятнымъ и раздражающимъ какъ визгъ пальца по мокрому стеклу.

Кирасиръ толкнулъ его локтемъ въ бокъ, указывая ему на меня глазами.

Вашневъ торопливо провелъ рукой по лицу, какъ бы желая стереть съ него слѣды своего смѣха.

— Надѣюсь, mon cher, продолжалъ онъ впрочемъ громко и нахально,—que vous me présenterez à vôtre belle?

— Кто же такое эта: ma belle? спросилъ Звѣницынъ,

быстро взглянувъ на меня и вперяя затѣмъ въ упоръ Вашневу строговопросительный взглядъ.

Того такъ и покоробило. Ему, видно, давно было вѣдомо значеніе подобныхъ взглядовъ. Крысьи глаза его завертѣлись во всѣ стороны, какъ бы ища вокругъ себя опоры и защиты...

— Votre belle... notre belle à tous, хотѣлъ я сказать, m-lle Tschemissarof, отъ которой вся Москва въ восторгѣ, пробормоталъ онъ наконецъ.

— А!... медленно и съ достоинствомъ произнесъ Звѣницынъ. — Совѣтую вамъ въ такомъ случаѣ, примолвилъ онъ внушительно, — быть осторожнѣе въ выборѣ вашихъ выраженій.

И онъ взглянулъ на меня: ты, молъ, теперь можешь судить, какъ я воспитанъ и какія благородныя чувства въ себѣ питаю.

Вашневъ, сообразивъ, вѣроятно, что за такимъ внушеніемъ прекращается для него всякая дальнѣйшая опасность, поспѣшилъ обнять Звѣницына за талію.

— Ты у насъ, извѣстно, рыцарь! заголосилъ онъ, трепля его легонько и осторожно подъ бока и надрываясь судорожнымъ смѣхомъ:—настоящій Густавъ-Адольфъ: строгъ, но справедливъ!

— Пусти, пожалуйста! сказалъ гвардеецъ, безцеремонно отталкивая его. — Mon général! обратился онъ съ поклономъ и заискивающею улыбкой къ подходившему въ это время Павлу Васильевичу Чемисарову.

Старикъ-генералъ прихрамывалъ и опирался на палку.

Онъ кивнулъ намъ головой и остановился подлѣ, поводя кругомъ слегка прищуренными глазами.

— Екатерининскаго вѣка зала! сказалъ онъ не громко и не обращаясь ни къ кому въ особенности.

— Первая въ Европѣ! поспѣшилъ первый отозваться Вашневъ.

Генералъ не отвѣчалъ.

— Д-да! замѣчательная была у насъ женщина на тронѣ!

отпустилъ въ свою очередь Звѣницынъ. — Вы давно здѣсь не изволили быть? обратился онъ къ Павлу Васильевичу.

— Давно, отвѣчалъ тотъ, и что-то въ родѣ усмѣшки мелькнуло на его холодномъ лицѣ,—съ того самаго вечера, когда Алексѣй Петровичъ Ермоловъ появился сюда въ первый разъ, во фракѣ, послѣ Грузіи, и вся Москва пошла ему на встрѣчу. Я пріѣзжалъ тогда изъ деревни.

— Ска-ажите! сожалительно процѣдилъ по обыкновенію Звѣницынъ.

Вашневъ хихикнулъ, какъ бы несказанно обрадовавшись.

— Вся Москва, какъ вы изволите говорить, вся Москва! Грандіозная была встрѣча! Многимъ не пришлась она по вкусу, можно сказать, очень многимъ...

Генералъ перенесъ молча палку въ другую руку и пристально взглянулъ на него.

Истерическій хохотъ Вашнева замеръ внезапно. Онъ заморгалъ глазами, замоталъ шеей, точно кость засѣла у него въ горлѣ, и отошелъ въ сторону.

— Кто такой? спросилъ Чемисаровъ, обернувшись къ Звѣницыну.

— Нѣкто Вашневъ. Когда-то служилъ у насъ въ дивизіи, отвѣчалъ небрежно гвардеецъ.

— Помѣщикъ К*** губерніи?

— Онъ самый, сказалъ я.

— Обобралъ жену и потомъ на нее же прошенія подавалъ?

Я усмѣхнулся.

— Знаю, проходимецъ! примолвилъ генералъ и отправился дальше, ковыляя своею раненою ногой.

— И этотъ баринъ, обратился ко мнѣ Звѣницынъ, указывая на Вашнева, который въ это время летѣлъ уже въ вальсѣ съ какою-то блондинкой въ желтомъ платьѣ,—ce monsieur воображаетъ, что я его стану представлять à des personnes que je respecte! Mais pour qui, diable, me prend-il donc enfin?

Изящный офицеръ повелъ презрительно плечами и пошелъ своею красивою походкой приглашать на экстратуръ высокую

и стройную княгиню Шатунскую, танцовавшую съ черненькимъ и кругленькимъ артиллеристомъ, котораго она была выше цѣлою головой.

— Ну что́, чья верхъ беретъ? почти кричалъ, пробираясь ко мнѣ, Крусановъ, безъ котораго, разумѣется, никакое сборище въ Москвѣ не могло обойтись. — Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ: кичливый всадникъ иль морякъ? продолжалъ онъ, схватывая меня за руку и тряся ее безъ милосердія. — Я, братъ, дюжину шампанскаго держалъ въ клубѣ за твоего Лаперуза; такъ смотри, не заставь проиграть. Или самъ ты того?...

— Чего это?

— Вчера, говорятъ, вся Москва видѣла тебя у нихъ въ ложѣ; видно не промахъ ты, братъ. Меня даже увѣряли, что ты тутъ положительно о себѣ хлопочешь, а морякъ и прочее, все это для отвода глазъ публики. Да. Только этому я ужь никакъ не повѣрилъ; такъ и говорю всѣмъ: это вздоръ, говорю, сущій вздоръ.

— Покорнѣйше тебя благодарю, сказалъ я, расхохотавшись: — только ты напрасно даешь себѣ трудъ передавать мнѣ всю эту чушь.

— Нельзя, братъ, дружба повелѣваетъ. На то и есть друзья на свѣтѣ, чтобы передавать человѣку всякую гадость, какая про него по рынку ходитъ. А то бы онъ такъ и прозябалъ въ невѣдѣньи счастливомъ.

Крусановъ смѣялся, но въ сущности онъ высказывалъ свои самыя задушевныя убѣжденія. И кто изъ моихъ читателей не знавалъ Крусановыхъ на своемъ вѣку?

— Однако, вотъ тебѣ мой совѣтъ, продолжалъ онъ уже таинственно: — наставь пріятеля повершить дѣло скорѣй, а не откладывать въ долгій ящикъ. На сладкое вишенье воробья-то видимо-невидимо налетитъ, зачнутъ всякія каверзы чинить, пожалуй. Сегодня ужь кое-что до меня дошло. Жаль-вотъ, не дослышалъ только.

— Что тамъ еще?

— Говорю, не дослышалъ. Въ клубѣ было. Про Кемскаго.

Говорилъ Вашневъ. Ну, извѣстно, хорошаго эта шушера ни про кого не скажетъ.

— А у васъ и Вашневу вѣрить готовы?

— Э, братъ, свѣта ты не знаешь, отмолвилъ мой московскій серцевѣдъ. — Мнѣ еще нянька въ дѣтствѣ говорила: на добро сверчка не станетъ, а на пакость станетъ. Захотятъ, всему повѣрятъ, только подавай. А за тѣмъ, мусье, же ву китъ. Родительское мое сердце днесь утѣшено вельми; ишь ты изъ Питера что благодати въ эполетахъ наѣхало! Всѣ мои пташечки пристроены, всѣ гнѣздышки свили, любо-дорого глядѣть на нихъ. Готовъ сейчасъ за каждую отступнаго взять; имъ нынче и безъ меня жить хорошо!

Онъ отошелъ, смѣясь.

Вальсъ замолкъ между тѣмъ, и Надежда Павловна съ своимъ кавалеромъ очутилась снова подлѣ меня.

— Мегсі, сказала она ему.—Я ужасно устала; и вы тоже, кажется?

— Нѣтъ, ничего, увѣрялъ онъ, между тѣмъ какъ грудь его вздымалась словно мѣхъ кузнечный. Я невольно улыбнулся. — Право, ничего, подтвердилъ весело Кемскій, — надо втянуться, и только. Поглядите, какъ въ мазуркѣ стану отличаться. Вы не забыли, что обѣщали мнѣ ее утромъ, Nadine?

— Нѣтъ, отвѣчала она.

Звѣницынъ вдругъ словно изъ земли выросъ.

— Pardon, mademoiselle, сказалъ онъ, сгибаясь предъ ней тѣмъ вычурно почтительнымъ поклономъ, которымъ кланяются французскіе актеры, когда изображаютъ собой виконтовъ и маркизовъ прошлаго столѣтія, — pardon, я имѣлъ счастіе вчера вечеромъ получить ваше согласіе на сегодняшнюю мазурку.

— Вчера? повторила она съ замѣшательствомъ.

— Мазурка обѣщана мнѣ! рѣзко и громко произнесъ Кемскій, поднявъ на Звѣницына сверкающіе глаза.

— Не знаю, когда вамъ, но вчера положительно мнѣ, отвѣчалъ съ полнымъ спокойствіемъ и холодною улыбкой гвардеецъ.

— Я вамъ не уступлю ея! воскликнулъ, вспыливъ, мой морякъ.

Звѣницынъ слегка поблѣднѣлъ, взглянулъ на него и только плечами повелъ.

Нѣкто г. Секкаторовъ, стоявшій подлѣ съ стаканамъ лимонода въ рукахъ, улыбнулся и тоже приподнялъ плечи, какъ бы вторя Звѣницыну.

Я почелъ необходимымъ вмѣшаться.

— Ты не правъ, сказалъ я, схвативъ Кемскаго за руку и крѣпко сжимая ее. — Надежда Павловна, вѣроятно, забыла, обѣщая тебѣ сегодня мазурку, что вчера въ театрѣ, при мнѣ, господинъ Звѣницынъ приглашалъ ее, и....

— Ахъ, Боже мой, что я надѣлала! не давъ мнѣ кончить воскликнула бѣдная дѣвушка, съ умоляющимъ выраженіемъ глядя на стоявшихъ предъ ней соперниковъ.—Простите меня!

— Такъ вамъ остается теперь выбирать между нами, промолвилъ Кемскій, едва сдерживаясь, между тѣмъ какъ рука его лихорадочно дрожала въ моей рукѣ.

— Je suis le premier en date, замѣтилъ Звѣницынъ съ тою же спокойною и учтивою улыбкой.

— И по буквѣ закона уступить долженъ ты! Рѣшено и подписано! сказалъ я Кемскому, стараясь дать всему этому угрожающему разговору шутливое направленіе.

— Mon cousin, сказала Надежда Павловна и прямо глянула въ глаза моему пріятелю,—вы не разсердитесь?

Ледяной взглядъ ея будто растаялъ отъ вспыхнувшаго въ ней тревожнаго, боязливаго участія. Въ голосѣ ея звучала почти нѣжность.

— Ma cousine, отвѣчалъ Кемскій, высвобождая свою руку изъ моей,—этотъ законникъ, конечно, не убѣдитъ меня, и если я уступаю, такъ это единственно вашей волѣ, а не чьему-либо праву.

Онъ повернулся и ушелъ быстрыми шагами.

Звѣницынъ обратился тотчасъ же ко мнѣ съ благодарностью.

— Вы такъ безпристрастны, сказалъ онъ съ торжественною любезностью,—что я отъ всей души желаю вамъ быть

министромъ юстиціи. Я боюсь только одного, продолжалъ изящный офицеръ,—чтобы на меня не разгнѣвались за вашъ справедливый приговоръ.

И онъ еще ниже, еще галантерейнѣе изогнулся передъ Надеждой Павловной.

— Я буду, напротивъ, очень благодарна Monsieur ***, если вы только обѣщаетесь мнѣ забыть все то, въ чемъ виновата одна я, одна моя непростительная вѣтреность, сказала она ему.

— Mon Dieu, mais je suis trop heureux, M-lle, поспѣшилъ онъ воскликнуть, прикладывая руку къ сердцу. Mais voici la seconde contredanse, я танцую ее съ княгиней Ольгой.... pardon de vous quitter....

Онъ выбѣжалъ отыскивать свою даму.

— Благодарствуйте! быстро проговорила дѣвушка, протягивая мнѣ руку:—я такъ боялась.... Ради Бога, уговорите Владиміра Александровича,... онъ такой вспыльчивый....

— Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ; не безпокойтесь. Но я, въ свою очередь, осмѣлюсь просить васъ,—и я пристально взглянулъ на нее,—не забудьте, какъ вы ему дороги....

Она хотѣла отвѣчать.... и не смогла. Глаза ея подернулись туманомъ. Она отвернулась.... Мнѣ было невыразимо жаль ее въ эту минуту....

Я нашелъ Кемскаго на другомъ концѣ залы. Онъ стоялъ и глядѣлъ на танцующихъ. Еще взволнованный и блѣдный, съ сжатыми бровями, онъ судорожно теребилъ себя за усы.

Я молча пододвинулся къ нему.

По близости отъ насъ стоялъ Вашневъ и казался весь погруженъ въ созерцаніе двигавшейся предъ нимъ кадрили. Но я замѣтилъ, что отъ времени до времени онъ кидалъ искоса на Кемскаго любопытные и насмѣшливые взгляды, какъ бы уже пронюхавъ о перемолвкѣ его съ Звѣницынымъ. И я не сомнѣвался, что онъ уже зналъ о ней. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, до которыхъ вѣсти подобнаго рода достигаютъ тѣми же необъяснимыми, но неизбѣжными путями, какими вороны извѣщаются о падали.

Кемскій наконецъ обернулся ко мнѣ.

— Что ты скажешь? проговорилъ онъ, стараясь улыбнуться.

— Ничего не скажу, пока ты не войдешь въ нормальное состояніе, отвѣчалъ я полушуткой.

— Говори, я совершенно спокоенъ.

— А спокоенъ, такъ мнѣ и говорить тебѣ нечего. Отъ тебя только того и требуется, чтобы ты не кипятился изъ-за пустяковъ.

— Да вѣдь этотъ человѣкъ мнѣ жить мѣшаетъ! воскликнулъ онъ съ новымъ порывомъ.—Зачѣмъ становится онъ поперекъ моей дороги?

— Докажи ему, что эта дорога твоя: нѣтъ сомнѣнія, онъ тотчасъ же отстанетъ.

— Я завтра же все покончу. И тогда.... попадись онъ мнѣ только! примолвилъ онъ громко.

— Тсс.... И я указалъ ему головой на Вашнева, который, видимо, старался подслушать нашъ разговоръ.

— А пусть знаетъ, осторожнѣе будетъ, также громко возразилъ Кемскій.

— Я отъ тебя рѣшительно отказываюсь, сказалъ я съ сердцемъ и отходя отъ него.

Онъ меня нагналъ и схватилъ за рукавъ.

— Ну, полно, полно, Мумка, не буду! Гнѣвъ свой я сорвалъ. Теперь буду тихъ какъ ягненокъ.

— Ты можешь быть увѣренъ, что къ довершенію всего этотъ господинъ передастъ твои слова Звѣницыну, да еще съ такими украшеніями, послѣ которыхъ намъ не избѣжать уже никакъ формальнаго объясненія.

— А чортъ съ нимъ!

— А финалъ какой?

— Эва! засмѣялся Кемскій и беззаботно качнулъ головой.

— Такъ слушай же: Надежда Павловна не на шутку встревожена вашимъ разговоромъ. Меня удивляетъ, какъ ты о ней забылъ! Ступай, бери даму на кадриль, становись такъ, чтобъ она тебя видѣла, будь веселъ. Что бы ни случилось, долгъ твой во что бы ни стало успокоить ее...

— Иду; благодарствуй! поспѣшно проговорилъ онъ и побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

„Дай Богъ, чтобъ этимъ все кончилось!“ подумалъ я.

VIII.

И словно нечему было и кончаться. Съ хоровъ загремѣлъ любимый контрдансъ на русскіе мотивы. Живѣе, бойчѣе прежняго сходились и заплетались пары подъ звуки разудалой пѣсни. Одушевленіе было всеобщее. Соперники наши стояли рядомъ въ одной кадрили, и никто, глядя на нихъ, не заподозрилъ бы ихъ во враждѣ. Звѣницынъ танцовалъ съ княгиней Шатунской и, точно полководецъ съ побѣдной высоты своей, обозрѣвалъ ликующимъ взглядомъ предводимыхъ имъ танцоровъ, между тѣмъ какъ ноги его и руки сами собой скользили и округлялись предъ его дамой съ свойственнымъ ему одному небрежнымъ изяществомъ. Кемскій съ веселымъ лицомъ выслушивалъ торопливыя рѣчи быстроглазой особы, извѣстной подъ оригинальнымъ названіемъ Ла-Катеньки. Они стояли vis-à-vis съ Надеждой Павловной. Кавалеръ ея былъ молоденькій, безусый офицерикъ, съ такимъ тоненькимъ станомъ, что о немъ можно было сказать то же, что нѣкій уѣздный франтъ говорилъ про талію своей любезной: комаръ, на что малое насѣкомое, а и тотъ жаломъ на-двое перекуситъ. Красота его дамы видимо производила на него всепожирающее впечатлѣніе. Говоря съ ней, онъ краснѣлъ до самыхъ волосъ и высоко поднималъ брови съ тѣмъ выраженіемъ полуудивленія и полустраха, съ которымъ дѣти смотрятъ на невиданную еще ими затѣйливую игрушку.

Но какъ же и хороша была она въ эту минуту, какою таинственною прелестью сіяли для меня эти нѣмые продолговатые глаза, сколько тоски угадывалъ я теперь подъ ея хо-

лодными, безупречными чертами! А въ мягкихъ складкахъ этихъ блекнувшихъ губъ было между тѣмъ столько требованія, столько правъ на счастіе...

На этомъ вечерѣ мнѣ суждено было видѣть ее въ послѣдній разъ, и я, словно предчувствуя это, глядѣлъ на нее не отрываясь...

Не одинъ разъ поднимались въ это время на меня ея глаза. Я отвѣчалъ имъ успокоительною улыбкой. Тревога ея понемногу стихала. Она могла уже отвѣчать на невинныя рѣчи своего юнаго кавалера, между тѣмъ какъ глаза ея все чаще и чаще останавливались на Кемскомъ.

Подъ конецъ кадрили она еще разъ пристально взглянула на меня.

Я понялъ и подошелъ, едва раскланялся съ ней ея кавалеръ.

— Скажите, быстро промолвила она, наклоняя голову къ букету изъ бѣлыхъ розъ, дрожавшему въ ея рукѣ,—скажите, кончено-ли все?

— Вы сами видите: танцуютъ рядомъ, оба веселы, балъ такъ оживленъ. Оба они, я увѣренъ, уже успѣли все позабыть...

— Вы отвѣчаете мнѣ, что ничего не будетъ?

— Чему же и быть, помилуйте! Будьте совершенно спокойны.

— Я васъ едва знаю, но я вамъ вѣрю, сказала она, даря меня долгимъ, благодарнымъ взглядомъ:—я хочу у васъ просить совѣта...

— Говорите скорѣе, я весь вашъ! воскликнулъ я съ искреннимъ увлеченіемъ.

— Я едва стою, я не могу танцовать мазурки, прошептала она со слезами въ голосѣ.

— Такъ уѣзжайте скорѣе: это лучшее, что вы можете сдѣлать во всѣхъ отношеніяхъ, поспѣшно сказалъ я.

— Но я не смѣю,... этотъ офицеръ не повѣритъ, что мнѣ нездоровится,... онъ подумаетъ, что я не хочу танцовать съ нимъ, что я дѣлаю это для Владиміра...

— Батюшка можетъ увезти васъ независимо отъ вашей воли. Вамъ стоитъ только шепнуть ему объ этомъ.

Брови ея сдвинулись. Она не отвѣчала.

— Погодите, я вамъ это устрою, предложилъ я.

Она еще разъ вскинула на меня глаза.

— Вы мой спаситель, сказала она, слабо усмѣхаясь.

Я пошелъ отыскивать ея отца.

Онъ стоялъ невдалекѣ и съ своего мѣста долженъ былъ видѣть переговоры мои съ его дочерью.

— Вы меня извините, генералъ, я долженъ вамъ сказать два слова.

Лицо его тотчасъ же словно окаменѣло. Эта гордая природа оскорблялась и тѣнью фамильярности.

— Надежда Павловна, продолжалъ я, не смущаясь,—приглашена на мазурку, а она такъ устала, что на нее жаль смотрѣть.

— Уѣхать хочетъ? спросилъ генералъ.

— Ее увезти бы надобно, объяснилъ я,—она совѣстится.

Онъ взглянулъ мнѣ въ лицо.

— А съ кѣмъ танцуетъ, съ Кемскимъ?

— Съ Звѣницынымъ.

— А! Хорошо, произнесъ старикъ по нѣкоторомъ молчаніи, не трогаясь съ мѣста.

Я вернулся къ Надеждѣ Павловнѣ, но ее уже успѣли такъ окружить, что я только могъ увѣдомить ее издалека знакомъ объ успѣхѣ моего посольства.

„Погодимъ, что будетъ,“ сказалъ я себѣ, становясь такъ, чтобъ она, въ случаѣ чего, могла тотчасъ же обратиться ко мнѣ. Признаюсь, въ эту минуту я, настоящимъ эгоистомъ, наслаждался внутренно мыслью, что она можетъ снова прибѣгнуть къ моей помощи.

Съ первыми звуками польки, слѣдовавшей за кадрилью, молодежь подлетѣла къ ней цѣлою стаей, какъ воробьи на сладкое вишенье, по выраженію Крусанова.

Старикъ-генералъ, видно, только и ждалъ этой минуты; онъ очутился подлѣ дочери.

— Устала? обратился онъ къ ней своимъ привычнымъ, короткимъ вопросомъ.

— Немножко, отвѣчала она.

— А у меня нога разболѣлась. Поѣдемъ.

— Mon, général, monsieur! сжальтесь, позвольте только эту польку! голосили, умоляли его со всѣхъ сторонъ.

— Ваше превосходительство, мнѣ была обѣщана Надеждой Павловной мазурка, заявилъ, подбѣгая, встревоженнымъ голосомъ Звѣницынъ.

— Ce n'est pas ma faute, monsieur je vous le jure, mon père est souffrant, сказала ему дѣвушка.

Но старикъ какъ будто не слышалъ ничьихъ рѣчей и не видѣлъ никого изъ окружающихъ.

— Владиміръ! громко сказалъ онъ подходящему Кемскому:—проводи насъ.

Звѣницынъ поклонился и тотчасъ же отошелъ. За нимъ послѣдовали и прочіе.

Надежда Павловна обернулась въ мою сторону и кивнула мнѣ головой.

— Прощайте, сказалъ я, подходя.

Она протянула мнѣ руку.

— Что у васъ: мантилья, шарфъ, бурнусъ? суетясь, спрашивалъ ее между тѣмъ Кемскій.

— Мантилья гдѣ-то тамъ на скамейкѣ.

Кемскій побѣжалъ отыскивать.

— Вы такъ затанцовались, что на васъ лица нѣтъ, сказалъ я ей.

— Дайте ей руку, отвѣчалъ на это старикъ Чемисаровъ,— а то упадетъ, пожалуй.

Она ухватилась за мою руку и такъ и повисла на ней. И точно, она бы, кажется, упала безъ этой поддержки.

Отецъ остановилъ на ней долгій, непроницаемый взглядъ.

— Идти можешь? спросилъ онъ ее наконецъ.

— Конечно, могу, молвила она, бодрясь и не глядя на него.

— Такъ пойдемъ. Въ тѣхъ залахъ можешь сѣсть. Владиміръ насъ нагонитъ.

Мы отправились.

Въ залѣ, ближайшей къ выходу, я усадилъ Надежду Павловну. Генералъ помѣстился рядомъ съ ней, въ углу дивана.

Мы были одни. Глухо долетала до насъ Гунглева Gard-husaren polka съ ея рѣзко очерченнымъ ритмомъ.

Кемскій все еще не являлся.

Вдругъ раздались громкіе шаги и голоса.

Трое мущинъ проходили черезъ залу по направленію лѣстницы.

— И вѣдь все вретъ, готовъ пари бутылку шампанскаго, вретъ онъ, говорилъ Крусановъ. Онъ шелъ подъ руку съ Чесминымъ.

— Да разрази же меня Богъ! увѣрялъ, крестясь и колотя себя въ грудь ладонью, Вашневъ, перебѣгая отъ одного изъ нихъ къ другому и тормозя ихъ на ходу: — чтобы мнѣ сейчасъ на мѣстѣ провалиться! Когда я самъ, своими ушами слышалъ! Я, говоритъ, его на первый разъ изъ окна выброшу, такъ онъ у меня будетъ осторожнѣе...

— На первый разъ! повторилъ, заливаясь смѣхомъ, Крусановъ.—Вѣдь это онъ изъ собственныхъ своихъ воспоминаній намъ читаетъ, а, Чесминъ? Вѣщай! обратился онъ, остановившись, къ Вашневу: — самого-то тебя сколько разъ изъ окна спускали?

— А я говорю тебѣ, продолжалъ наглый господинъ, не обращая никакого вниманія на такое безцеремонное обращеніе къ его собственной біографіи, — я говорю тебѣ, что это ему такъ не пройдетъ, не такой человѣкъ Звѣ...

— Чесминъ! какъ можно громче кликнулъ я.

Всѣ трое обернулись.

Вашневъ, едва завидѣлъ генерала, нырнулъ и исчезъ, какъ мимолетное видѣніе...

— Кому я нуженъ? отозвался Чесминъ, своимъ лѣнивымъ, горловымъ басомъ.

— Ты, я слышалъ, назначенъ со мной въ одну коммиссію, продолжалъ я также громко, подходя къ нему.

— Говорили мнѣ въ канцеляріи. Я вѣдь у него постоянно вмѣсто затычки служу, отнесся онъ этими словами про своего начальника, съ которымъ состоялъ въ такихъ же бранчиво-нѣжныхъ отношеніяхъ, какъ и съ закадышнымъ другомъ своимъ, Крусановымъ.

— Такъ намъ надобно сговориться по этому случаю. Завтра я все утро дома. Заѣзжай непремѣнно и пораньше.

— Заѣду. А хороша-то вѣдь какъ, Господи! примолвилъ нѣжнымъ шепотомъ майоръ, указывая глазами по направленію Надежды Павловны и сантиментально закатывая ихъ затѣмъ подъ самый лобъ, которымъ щедрая природа наградила его до самаго затылка.

— Ну, теперь пошелъ дурить! — И Крусановъ махнулъ рукой на Чесмина. — А вы, съ пріятелемъ, держите ухо востро! сообщилъ онъ мнѣ въ видѣ наставленія.

И оба, взявшись снова подъ руку, вышли на лѣстницу.

Я вернулся къ дивану. Бѣдная дѣвушка взглянула на меня такимъ испуганнымъ взглядомъ, что мнѣ стало страшно за нее. Генералъ, повидимому, ничего не слыхалъ, или не понялъ.

Къ счастію, прибѣжалъ въ это время Кемскій съ мантильей въ рукахъ и презабавнымъ разсказомъ о томъ, какъ на ней сидѣла какая-то злая старуха съ райскою птицей на головѣ, которую онъ никакъ не могъ уговорить привстать, и какъ онъ долженъ былъ наконецъ вытащить мантилью силой изъ-подъ старой упрямицы.

Его беззаботный смѣхъ, его забавныя рѣчи успокоили на время Надежду Павловну.

„Могъ-ли бы быть онъ такъ веселъ, еслибъ ему дѣйствительно грозила опасность?“ хотѣла сказать, казалось, медленная улыбка, складывавшаяся на ея слегка заалѣвшихъ губахъ, пока она слушала Кемскаго всѣмъ своимъ слухомъ, смотрѣла на него во всѣ глаза.

Нѣтъ, не чуждъ ей былъ этотъ человѣкъ. Имя его не пронеслось безотвѣтнымъ звукомъ въ ея жизни. Онъ былъ дорогъ ей, — говорило ея внимающее, болѣзненно-оживленное лицо.

Дорогъ какъ подругѣ дѣтства, какъ сестрѣ, можетъ-быть?...

Все равно: какъ бы ни любила она, сладко быть любимымъ ею, думалъ я въ это время...

— Пора! сказалъ генералъ, подымаясь съ мѣста.

Мы спустились съ лѣстницы.

— Владиміръ, вы будете къ намъ завтра? быстро и задрожавшимъ голосомъ спросила она Кемскаго, пока лакей надѣвалъ шинель генералу.

— Еще бы не быть! воскликнулъ онъ съ сіяющимъ лицомъ.

— Утромъ рано?

— Какъ можно раньше.

— Честное слово?

— Разпречестное! Онъ схватилъ ея руку и страстно приникъ къ ней губами.

Она тихо отвела ее.

— Смотрите же! сказала она. Вздохъ, какъ она ни старалась, невольно вылетѣлъ у нея изъ груди. — Я васъ буду ждать, примолвила она, укутывая голову къ капюшонъ мантильи.

Ей подали шубу. Влюбленный морякъ побѣжалъ безъ шинели сажать ее въ карету.

IX.

— Поѣдемъ ночевать ко мнѣ, предложилъ я Кемскому, когда онъ вернулся. — Или тебѣ еще на балъ хочется?

— Да, очень мнѣ теперь нужно! возразилъ онъ, смѣясь.

— Такъ поѣдемъ.

— Пожалуй!

Кто-то въ это время назвалъ меня по имени.

Я обернулся и увидѣлъ, что на лѣстницѣ, безъ шляпы, закрывая грудь лацканами фрака отъ сквознаго вѣтра, стоялъ г. Секкаторовъ. Г. Секкаторовъ былъ не менѣе пріятеля нашего Крусанова популярнымъ лицомъ въ московскомъ свѣтѣ, но отличался отъ него своимъ тончайшимъ обращеніемъ, достойнымъ временъ красныхъ каблуковъ и причесокъ à l'oiseau royal, голосомъ, имѣвшимъ особенное свойство напоминать вамъ о томъ, что есть на свѣтѣ сладкія вещества, въ родѣ патоки и сдобнаго тѣста, и наконецъ уваженіемъ, самымъ безграничнымъ, къ своей собственной особѣ.

Вотъ этотъ-то самый, безгранично уважавшій себя г. Секкаторовъ стоялъ теперь на лѣстницѣ и звалъ меня. Выраженіе его лица въ эту минуту совмѣщало въ себѣ три оттѣнка: торжественность, таинственность и самоуглубленіе.

Я поднялся къ нему.

— Pardon de vous déranger, началъ онъ полушепотомъ,— я бы хотѣлъ,... не можете-ли вы, однимъ словомъ, сообщить мнѣ адресъ вашего друга?

— Какого друга?

— Господина Кемскаго. Такъ, кажется, правильно?

— Совершенно такъ. А позвольте узнать, на что вамъ этотъ адресъ.

Г. Секкаторовъ нѣсколько замялся.

— Если вы желаете видѣть Кемскаго, продолжалъ я, — такъ можете сейчасъ же; вотъ онъ самъ налицо, внизу стоитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не желаю безпокоить его теперь. Надо вамъ сказать, что я лично не имѣю удовольствія его знать. Я долженъ переговорить съ нимъ по порученію третьяго лица.

Г. Секкаторовъ чрезвычайно отчетливо и протяжно проговорилъ эту послѣднюю фразу.

— По порученію господина Звѣницына? спросилъ я.

Онъ посмотрѣлъ на меня задумчиво и, по многозначительномъ молчаніи, произнесъ также медленно и сжимая губы кружечкомъ:

— Я не называю никёгё.

— Очень хорошо-съ. Такъ я вамъ могу сообщить слѣдующее. Мой адресъ вамъ извѣстенъ. Кемскій ночуетъ у меня. Если вамъ угодно переговорить съ нимъ по порученію вашего таинственнаго незнакомца, милости просимъ ко мнѣ завтра утромъ.

— Въ коо-торомъ часу прикажете?

— Да хоть въ семь часовъ, пожалуй.

— Въ семь? Помилуйте! Наше гиперборейское солнце едва покидаетъ свое ложе въ этотъ часъ! уже игриво возразилъ г. Секкаторовъ. — Я надѣюсь, что наши переговоры съ господиномъ Кемскимъ будутъ та-а-кого рода, что мнѣ было бы по истинѣ совѣстно вызывать его та-а-къ рано изъ сладкихъ объятій сна.

— Къ чему же тогда эти переговоры?

Г. Секкаторовъ учтиво пожалъ плечами и объявилъ, что прибудетъ ко мнѣ завтра утромъ въ девятомъ часу.

— Съ кѣмъ и о чемъ ты тамъ шушукалъ? спрашивалъ меня Кемскій на крыльцѣ, пока хриплый голосъ городоваго вызывалъ мои сани.

— О томъ, что завтра утромъ начинается первый актъ войны мышей съ лягушками, отвѣчалъ я ему шуткой.

— А это былъ самъ премудрый крыса Онуфрій? сказалъ онъ, расхохотавшись, словно только и ждалъ этого случая.

— Ты сказалъ! подтвердилъ я.

— Я тебѣ говорилъ, что намъ не избѣжать объясненій съ господиномъ Звѣницынымъ. Завтра онъ шлетъ къ намъ посланіе. Что̀ же мы ему отвѣтимъ? спросилъ я Кемскаго, когда мы остались дома одни.

— Я право не знаю, молвилъ онъ,—и думать объ этомъ въ эту минуту рѣшительно не въ состояніи. Ты слышалъ, что она ждетъ меня завтра....

— Такъ и думать не станемъ! И точно, нечего загадывать заранѣе; утро вечера мудренѣе. Заляжемъ спать скорѣе.

Но, не смотря на такое мудрое рѣшеніе, заснуть я не могъ. На душѣ у меня было неспокойно и невесело. Я всю ночь проворочался со стороны на сторону, прислушиваясь, не безъ зависти, къ ровному, тихому дыханію Кемскаго, заснувшаго сномъ ребенка, едва курчавая голова его прикоснулась къ подушкѣ.

X.

Я разбудилъ его въ восемь часовъ. Мы одѣлись и вышли пить чай въ кабинетъ.

Черезъ четверть часа человѣкъ мой доложилъ, что пріѣхали двое какихъ-то господъ и спрашиваютъ г. Кемскаго.

— Проси.

Вошелъ г. Секкаторовъ и съ нимъ бѣлокурый офицеръ, съ германскимъ типомъ лица, однополчанинъ Звѣницына.

На устахъ перваго блуждала самая пріятная улыбка, между тѣмъ какъ вся остальная особа его изображала собою офиціальность, достойную Липпе-Детмольдскаго каммергера.

— Позвольте себя представить, молвилъ онъ Кемскому, раскаркиваясь:—Секкаторовъ. Et monsieur est le comte de Rabenhorst, указалъ онъ на товарища.

Кемскій вѣжливо поклонился и попросилъ ихъ сѣсть.

— Чему я обязанъ чести васъ видѣть, господа? спросилъ онъ, какъ слѣдуетъ.

Г. Секкаторовъ откашлянулъ. Легкій румянецъ заигралъ на лицѣ молодаго офицера.

— Прежде чѣмъ отвѣтствовать на вашъ вопросъ, началъ Секкаторовъ,—мнѣ необходимо знать на-а-передъ, въ какой мѣрѣ... считаете вы возможнымъ... дозволить намъ объясниться въ присутствіи господина ***...

Онъ указалъ на меня.

— Я васъ прошу объ этомъ, отвѣчалъ Кемскій.

— Господинъ *** долженъ быть увѣренъ, надѣюсь,... увѣренъ въ моемъ давнишнемъ уваженіи, продолжалъ Секкато-

ровъ,—но вы понимаете, дѣлгъ мой,... я долженъ былъ предварительно освѣдомиться,... потому что... вы понимаете, моя обязанность...

— Совершенно понимаю, сказалъ я,—и вы напрасно извиняетесь.

— Итакъ?... обратился къ нему Кемскій.

— Итакъ, подхватилъ на лету Секкаторовъ,—графъ Рабенгорстъ и я уполномочены войти съ вами въ нѣкоторыя объясненія по порученію господина штабъ-ротмистра Звѣницына.

— Въ чемъ же должны состоять эти объясненія?

Офицеръ посмотрѣлъ на Секкаторова. Секкаторовъ снова кашлянулъ.

— Я долженъ васъ заранѣе предупредить, что наше порученіе имѣетъ двоякое содержаніе. Оно содержитъ въ себѣ, такъ-сказать, два вида, поправился онъ;—то-есть, оно какъ бы подраздѣляется на два различныя порученія, счелъ онъ еще нужнымъ прибавить.

— Прекрасно-съ, такъ не угодно-ли вамъ будетъ передать мнѣ и тотъ, и другой видъ, сказалъ, закусывая губы, Кемскій. Его видимо разбиралъ смѣхъ.

— Первое порученіе, началъ г. Секкаторовъ,—заключаетъ въ себѣ, можетъ-быть, менѣе важности, хотя и оно можетъ быть почитаемо въ нѣкоторой степени достойнымъ вниманія. Оно относится болѣе къ слышанному, то-есть къ дошедшимъ до господина Звѣницына слухамъ о томъ, что вы якобы отзываетесь о немъ, господинѣ Звѣницынѣ, самымъ непріятнымъ для него, и... можно даже сказать, не-е... неблаговиднымъ... образомъ. И потому довѣритель нашъ, господинъ Звѣницынъ, желалъ бы знать, въ какой мѣрѣ... и на сколько эти слухи основательны... и имѣютъ, такъ-сказать, основаніе быть... leur raison d'être, однимъ словомъ?

— На это я вамъ могу сказать, отвѣчалъ Кемскій,—что я четвертый день въ Москвѣ, третьяго дня увидѣлъ господина Звѣницына въ первый разъ отъ роду; кромѣ его,—онъ указалъ на меня,—и еще одного семейства, никого здѣсь не знаю, и потому отзываться о господинѣ Звѣницынѣ неблаго-

видимъ образомъ не представляется для меня даже никакой физической возможности.

— Нашему довѣрителю, отозвался Секкаторовъ,—переданы были однако такія слова, которыя...

— Какія слова?

— Я полагаю, замѣтилъ на это графъ Рабенгорстъ,—что ихъ лучше не повторять, тѣмъ болѣе что...

— Я и не повторю ихъ, графъ, не повторю, успокоительно прервалъ его опытный товарищъ; — я ограничусь однимъ общимъ... такъ-сказать, общею характеристикой. Слова эти, продолжалъ онъ, — заключаютъ въ себѣ угрозы... относительно господина Звѣницына.

— Если вы мнѣ позволите вамъ замѣтить, сказалъ я, — угроза не есть отзывъ, вопервыхъ, а вовторыхъ, весьма желательно было бы знать, отъ кого слышалъ господинъ Звѣницынъ, объ угрозахъ выраженныхъ относительно его Кемскимъ?

— Мы не уполномочены назвать это лицо, съ уклончивою улыбкой отвѣчалъ г. Секкаторовъ.

— Очень хорошо-съ; но вы не откажетесь, надѣюсь, отвѣчать намъ на слѣдующій вопросъ: выражалъ-ли эти угрозы Кемскій тому самому лицу, которое сообщило о нихъ господину Звѣницыну?

— Нѣтъ, сказалъ прямо Рабенгорстъ.

— Такъ откуда можетъ знать это лицо, что Кемскій угрожалъ господину Звѣницыну?

— Это дошло до него случайно, не безъ нѣкотораго замѣшательства отмолвилъ Секкаторовъ.

— Что значитъ дошло? Передано ему какимъ-нибудь еще другимъ лицомъ?

Графъ покачалъ отрицательно головой.

— Такъ, значитъ, слышано имъ самимъ?

— Случайно, повторилъ г. Секкаторовъ.

— То-есть, подслушано?

Г. Секкаторовъ не отвѣчалъ. Офицеръ опустилъ глаза, и живая краска покрыла его честное молодое лицо.

— Мнѣ остается теперь спросить васъ, продолжалъ я,— можете-ли вы сослаться на то лицо, которому Кемскій выра-

жалъ относительно господина Звѣницына тѣ угрозы, какъ вы изволили выразиться, которыя были подслушаны извѣстнымъ вамъ лицомъ?

Графъ Рабенгорстъ съ легкою улыбкой взглянулъ на Секкаторова, потомъ на меня.

Секкаторовъ, нахмурившись, посмотрѣлъ сначала на меня, потомъ на графа.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Нѣтъ, мы не можемъ сослаться на это лицо, рѣшилъ наконецъ г. Секкаторовъ.

— Такъ въ такомъ случаѣ, сказалъ я,—когда вы не можете назвать ни то лицо, которое передало господину Звѣницыну слова Кемскаго, ни то, кому они были сказаны имъ, то не въ правѣ требовать отъ Кемскаго никакого дальнѣйшаго объясненія. Безыменныя сплетни то же что безыменныя письма, на нихъ отвѣта быть не можетъ.

— Однакоже... возразилъ г. Секкаторовъ.

— Я вамъ сказалъ все, что могъ сказать, молвилъ Кемскій,—и затѣмъ буду имѣть честь покорно просить васъ перейти ко второму виду вашего порученія.

Графъ Рабенгорстъ взглянулъ на него одобрительно. Онъ чувствовалъ себя, видимо, въ неловкомъ положеніи до этихъ поръ.

Г. Секкаторовъ пребывалъ между тѣмъ въ молчаніи. По напряженію жилъ на его многодумномъ челѣ можно было догадаться, что въ немъ совершалась борьба. И, точно, обидно было уступить діалектикѣ адвоката противной стороны, когда ему стоило только брякнуть по-просту, безъ затѣй, по родимымъ обычаямъ и преданіямъ: „да Звѣницыну сказалъ Вашневъ, что Кемскій говорилъ вамъ, что онъ Звѣницына изъ окна выкинетъ!...“

Но это значило ввести доморощеную красавицу-сплетню, во всей ея первобытной наготѣ, въ переговоры, поставленные имъ на такую европейскую ногу.

Европеецъ взялъ верхъ надъ человѣкомъ почвы. Онъ вздохнулъ, какъ бы вынужденно сознаваясь, что дѣйствительно выжатъ весь сокъ изъ переговоровъ „по первому виду“.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ наконецъ Кемскому,— вы мнѣ позволите имѣть честь приступить къ тому, что... что составляетъ, если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, существеннѣйшую часть и, какъ бы сказать, основной элементъ нашего порученія...

— Сдѣлайте милость, приступайте, сказалъ морякъ, котораго все это очень забавляло, повидимому.

— Полагаю, что мнѣ не нужно припоминать вамъ, продолжалъ протяжно ораторъ, — что вчерашняго числа, вечеромъ, находясь на балѣ въ Благородномъ Собраніи, вы имѣли встрѣчу съ довѣрителемъ нашимъ, г. Звѣницынымъ, и... вслѣдствіе... одного обстоятельства, или, лучше сказать, недоразумѣнія, причины котораго не.... не входятъ въ кругъ нашего порученія, вы,—г. Секкаторовъ перевелъ дыханіе, — въ разговорѣ съ штабъ-ротмистромъ Звѣницынымъ употребили такія выраженія, которыя могутъ быть охарактеризованы извѣстнымъ французскимъ выраженіемъ: des expressions peu parlementaires, однимъ словомъ, выраженія эти были такого.... рода, что г. Звѣницынъ вынужденъ былъ принять ихъ за личное себѣ оскорбленіе....

И онъ взглянулъ на меня при этомъ такъ, какъ еслибы говорилъ самымъ чистымъ русскимъ языкомъ: а посмотримъ, какъ вы вотъ отъ этой штуки отвернетесь!

— Я васъ попрошу, молвилъ Кемскій, — объяснить мнѣ, что именно въ моихъ словахъ показалось оскорбительнымъ г. Звѣницыну?

— Какъ же, помилуйте, съ нѣкоторою ироніей отвѣчалъ г. Секкаторовъ: — вѣдь вы при свидѣтеляхъ, въ присутствіи дамы.... такъ-сказать торжественно, провозгласили, что не признаете его правъ....

— На мазурку? совершенно справедливо,—подтвердилъ Кемскій,—и повторяю вамъ сегодня, что сказалъ ему вчера. Право танцовать съ тѣмъ или другимъ я признаю только за дамой, и это въ самомъ широкомъ объемѣ. И потому, еслибы сама дама не выразила желанія танцовать съ господиномъ Звѣницынымъ, а не со мной, я бы ни за что не уступилъ ея.

— За нимъ было однако старшинство, возразилъ графъ.

— Въ образованномъ обществѣ существуютъ однако извѣстные заакёны, пропустилъ въ свою очередь г. Секкаторовъ.

— И вы хотите дать мнѣ почувствовать, что я съ ними не знакомъ! Можетъ-быть, отвѣчалъ добродушно Кемскій:—я пошелъ въ море прямо со школьной скамьи и свѣта не знаю, признаюсь въ этомъ безъ стыда. А потому очень можетъ быть, что то, что вамъ кажется чернымъ, кажется мнѣ бѣлымъ и наоборотъ.

Г. Секкаторовъ нѣсколько сконфузился.

— Я никогда не позволилъ бы себѣ сдѣлать вамъ таакёго замѣчанія, заговорилъ онъ, и.... конечно, могутъ быть различные взгляды и, такъ сказать, воззрѣнія.... Но вы согласитесь, главное: это манера, тонъ. Главное тёнъ, съ которымъ вы въ этомъ обстоятельствѣ относились къ штабъ-ротмистру Звѣницыну....

— Это дѣло другое, сказалъ Кемскій и задумался.—Вспоминая въ подробности все, что было вчера, сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи,—я скажу вамъ по чистой совѣсти: я былъ золъ на г. Звѣницына, но оскорбить его мнѣ рѣшительно въ голову не приходило.

— Но тёнъ вашъ, вы такъ громко выражались! повторилъ Секкаторовъ.

— Еслибъ я, встрѣтясь съ непріятельскимъ кораблемъ, открылъ по немъ пальбу, я бы заговорилъ съ нимъ еще громче, чѣмъ съ г. Звѣницынымъ, но значило-ли бы это, что я оскорбляю его? нетерпѣливо отвѣтилъ ему морякъ.

И Рабенгорстъ, и я не могли оба не усмѣхнуться при этомъ неожиданномъ сравненіи.

Г. Секкаторовъ въ первую минуту не нашелъ отвѣта.

— Но, продолжалъ Кемскій,—если слова мои или громкій голосъ, какъ выражаетесь вы, показались оскорбительными г. Звѣницыну, я васъ буду просить передать ему мое искреннее сожалѣніе, что я подалъ этому поводъ.

Г. Секкаторовъ тотчасъ же улыбнулся и подарилъ меня искоса торжествующимъ взглядомъ.

— Сколько я могъ уразумѣть изъ того, что вамъ угодно

было сообщить, обратился онъ къ Кемскому, уже нѣсколько свысока, вы выразили ту идею, что сожалѣете о томъ, что произошло между вами и г. штабъ-ротмистромъ Звѣницынымъ?

— Да. Такъ что же?

— Я желалъ бы, извините меня, окончательно уяснить себѣ вашу мысль. Можемъ-ли мы понимать это такъ, то-есть такимъ образомъ, что вы согласны будетъ облечь это.... это сожалѣніе въ.... приличную фёрму?

— Что значитъ: въ приличную форму? спросилъ Кемскій.

— Я хотѣлъ сказать, то-есть.... это значитъ: угодно-ли вамъ будетъ дать вашимъ словамъ, такъ сказать, офиціальный видъ?...

— Я только что просилъ графа и васъ передать г. Звѣницыну все то, что вы слышали отъ меня.

— Слова ваши будутъ, разумѣется, свято переданы нашему довѣрителю, но я полагаю, что этого недостаточно для его удовлетворенія, возразилъ не безъ нѣкотораго шипѣнія г. Секкаторовъ.

— Что же вамъ еще угодно? спросилъ Кемскій. И темныя брови его сдвинулись.

— Я полагаю,... что письменное доказательство....

— Письменное доказательство! Развѣ вамъ мало моихъ словъ?

— Конечно, я не спорю, ваши слова.... но вы понимаете, что мой дѣлгъ.... въ этомъ случаѣ необходимо.... des excuses écrites....

— Вы ихъ никогда не получите! воскликнулъ морякъ.

— Однако весьма странно, началъ было г. Секкаторовъ. Я остановилъ его.

— Позвольте васъ спросить, графъ, обратился я къ Рабенгорсту,—требованіе, выраженное сейчасъ товарищемъ вашимъ, есть-ли это послѣднее слово г. Звѣницына?

Рабенгорстъ отвѣчалъ по нѣкоторомъ размышленіи:

— Звѣницынъ дѣйствительно говорилъ намъ, что письмо отъ г. Кемскаго было бы лучшимъ средствомъ прекратить всякіе толки по поводу вчерашняго происшествія. Но я не могу также взять на себя утверждать, чтобъ это было выражено имъ какъ его ультиматумъ.

— Я понимаю это иначе! объявилъ г. Секкаторовъ.

Мнѣ кажется, возразилъ ему на это графъ,—что въ нашемъ положеніи мы не имѣемъ права быть различныхъ мнѣній. И потому, если г. Кемскій затрудняется дать намъ письмо къ Звѣницыну, намъ ничего не остается, какъ ѣхать за новыми инструкціями.

— Вы можете передать слѣдующее г. Звѣницыну, сказалъ ему Кемскій.—Одно изъ двухъ. Или онъ желаетъ покончить со мной миролюбиво, и въ этомъ случаѣ совершенно достаточно того, что мной отвѣчено вамъ,—или онъ пылаетъ желаніемъ выйти со мной на барьеръ и ищетъ только приличнаго предлога. Такъ для этого не нужно со мной никакихъ офиціальностей, требованія письменныхъ документовъ и тому подобныхъ уловокъ, которыя, извините за выраженіе, просто претятъ моему характеру. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ я васъ буду просить отнестись уже прямо къ ***,—онъ указалъ на меня,—который, надѣюсь, не откажется быть моимъ секундантомъ.

Рабенгорстъ взглянулъ на Секкаторова.

Оба встали.

— Такъ, если позволите, мы съ вами теперь простимся, а черезъ часъ, много полтора, надѣюсь, привеземъ вамъ отъ Звѣницына отвѣтъ, промолвилъ графъ раскланиваясь.

— Вы меня, можетъ-быть, уже не застанете здѣсь въ это время, сказалъ Кемскій,—но я оставляю полную довѣренность *** и заранѣе согласенъ на все, что вами будетъ съ нимъ покончено.

Г. Секкаторовъ готовился возражать на это заявленіе, но Рабенгорстъ взялъ каску, поклонился еще разъ и вышелъ.

Съ крайнимъ неудовольствіемъ, повидимому, послѣдовалъ его примѣру златоустный г. Секкаторовъ. Угрюмый взглядъ, кинутый имъ вслѣдъ товарищу, казалось, говорилъ: „эхъ ты, Нѣмецъ-простота! Вѣдь эдакимъ манеромъ не съ чѣмъ будетъ, пожалуй, въ Англійскій клубъ пріѣхать!“ Въ виду такой консидераціи человѣкъ почвы уже рѣшительно бралъ верхъ надъ Европейцемъ.

XI.

Проводивъ посѣтителей до передней, я вернулся къ Кемскому. Онъ встрѣтилъ меня смѣхомъ.

— Чему ты обрадовался! сказалъ я съ досадой.—Преглупая исторія выходитъ.

— Ваши слова заключаютъ и, мёгу даже сказать, содержатъ въ себѣ неопровержимую истину! отвѣчалъ онъ передразнивая Секкаторова.—А хорошъ этотъ доморощенный Французъ, очень хорошъ!

И онъ пуще разсмѣялся.

— Этотъ доморощенный Французъ подведетъ тебя подъ пулю, вотъ что я предвижу.

— Пуля меня не тронетъ, отвѣчалъ полушутя, полусеріозно Кемскій.—Мнѣ на Суматрѣ ворожея Малайка говорила: бояться августа мѣсяца и чернаго человѣка. Мы въ февралѣ, и г. Звѣницынъ имѣетъ волосы русые. Съ поля чести вернемся цѣлы и невредимы.

— Да выходить-то на это поле изъ-за вздора нелѣпо!

— Объ этомъ не спорю, какъ и о томъ, что горячиться мнѣ изъ-за вздора было нелѣпо. А впрочемъ, я въ этомъ и казнился предъ лицомъ Израиля: самъ ты слышалъ. Совѣсть моя спокойна, а тамъ, какъ эти франты разсудятъ, такъ пусть и рѣшаютъ. Который часъ?

— Десятаго половина.

— Половина десятаго! воскликнулъ онъ, вскакивая съ дивана. — Лечу!

— Куда?

— Еще спрашиваетъ! Гдѣ мой киверъ?

— Онъ выбѣжалъ искать его въ спальню. Въ передней раздался звонокъ.

— Неужели опять они? сказалъ Кемскій, выходя съ киверомъ на головѣ и перчатками въ рукахъ.

— Вашъ человѣкъ васъ спрашиваетъ, доложилъ ему мой слуга.

— Грызунъ? Это онъ, бѣдняга, меня по городу ищетъ: пропалъ-де мой лейтенантъ! Какъ его только сюда натолкнуло! Подавайте его!

Вошелъ Грызунъ, коренастая, добродушная и какъ бы застывшая въ удивленіи фигура, въ толстой матросской курткѣ.

— Ты меня всю ночь прождалъ? спросилъ его Кемскій съ улыбкой.

— Есть, ваше благородіе.

— Утопъ, подумалъ?

— Пожалуй, что такъ, отвѣчалъ матросъ, разѣвая ротъ до самыхъ ушей.

— Ну, а сюда какимъ тебя вѣтромъ пришибло?

— Да вижу васъ нѣтъ, я утромъ къ адмиралу сходилъ.

— Къ генералу Чемисарову, то-есть?

— Точно такъ.

— Тамъ тебѣ и сказали?

— Чего-съ?

— Гдѣ меня отыскать?

— Я тамъ, значитъ, у людей спросилъ. Говорятъ, нѣтъ васъ. А знаете-ли, говорю, гдѣ они? Не знаемъ, говорятъ, не бывалъ. И самого адмирала, говорятъ, дома нѣтъ, — отчалили въ монастырь Богу молиться. Я съ тѣмъ и пошелъ. Вышелъ за ворота, анъ бѣжитъ за мной человѣкъ: ступай, говоритъ, скорѣй къ барышнѣ, къ адмиральской дочкѣ, значитъ.

— Ты ее самое видѣлъ? воскликнулъ Кемскій.

— Ихъ самихъ. Я вѣдь ихъ знаю, примолвилъ Грызунъ съ своею широкою дураковатою улыбкой.

— Что же она тебѣ сказала?

— Гдѣ твой баринъ? спрашиваютъ. Самъ не знаю, говорю,

ваше превосходительство. Съ вечера, говорю, какъ уѣхали, такъ и не бывали. Онѣ какъ услыхали, такъ и сѣли, даже ручкой глазки свои позакрыли.

— Эко чучело! Вѣдь ты ее перепугалъ?

Грызунъ вытянулся и уперся растерянными глазами въ своего лейтенанта.

— Ну, говори дальше, что̀ же она?

— Только онѣ говорятъ мнѣ: ты, спрашиваютъ, грамотѣ знаешь? — Ученъ, говорю. — Такъ на, говорятъ, я тебѣ на бумажкѣ напишу; господинъ такой есть. Ты въ гостиницѣ вашей спроси, тамъ вѣрно, говорятъ, не безвѣдомо, гдѣ они стоятъ. Къ господину эвтому и ступай. Онъ, значитъ, знаетъ гдѣ баринъ. — Я и пошелъ. А онѣ опять говорятъ мнѣ: — погоди, я напишу къ нимъ, говорятъ, письмо. — Ушли, да потомъ и приносятъ цыдулочку. — На, говорятъ, барина отыщи безпремѣнно, — и все это повторяютъ: безпремѣнно, безпремѣнно, и въ руки имъ самимъ отдай....

— Гдѣ же оно? нетерпѣливо закричалъ на него Кемскій.

Грызунъ полѣзъ толстыми своими пальцами за обшлагъ рукава и вытащилъ оттуда измятое письмо.

— Въ гостиницѣ люди меня сюда и прислали, домолвилъ онъ, пока Кемскій поспѣшно взламывалъ печать.

— Хорошо, ступай.

Онъ развернулъ тонкій листокъ бумаги и принялся читать.

— Господи Боже! Что̀ же это такое! съ надрывающимъ стономъ воскликнулъ онъ вдругъ, роняя изъ рукъ письмо и схватываясь за голову. Киверъ его съ шумомъ грохнулся о-земь.

— Что̀ случилось, что̀ она тебѣ пишетъ? спросилъ я съ испугомъ.

— Прочти! глухо проговорилъ онъ, отходя къ окну, и припалъ лбомъ къ холодному стеклу.

Я поднялъ письмо. Оно было написано торопливымъ, едва разборчивымъ почеркомъ. Слѣдъ выпавшей крупной слезы виднѣлся въ одномъ мѣстѣ въ формѣ большаго пятна, въ которомъ расплылись чернила. Содержаніе письма было приблизительно слѣдующее:

„Вашъ человѣкъ говоритъ — вы со вчерашняго вечера не возвращались.... Я угадываю, я знаю,—вы должны драться съ этимъ офицеромъ, и я одна виновата въ этомъ.

„Ради Бога, Владиміръ, поймите, вы не должны драться изъ-за меня, подвергать свою жизнь... Я должна вамъ все сказать,—все равно, рано или поздно,—я не могу быть женой ни г. Звѣницына, ни вашею, ничьею женой! Все кончено для меня въ жизни... А вы—вы безъ упрека... Именемъ второй моей матери, именемъ покойной матери вашей, всѣмъ, что вамъ дорого на свѣтѣ, умоляю васъ,—пощадите меня!... Неужели на душу мою должна пасть еще и ваша погибель?..

„Я не знаю, что пишу вамъ,... я не ложилась со вчерашняго вечера, — я предчувствовала... Пощадите! Вспомните хоть о томъ времени, когда ребенкомъ вы называли меня *вашей* Наденькой, когда я могла еще гордиться этимъ...

Н.“

„Вотъ она, развязка-то задачи!“ подумалъ я...

Кемскій внезапно отдѣлился отъ окна и схватилъ меня за обѣ руки.

— Клянись, сказалъ онъ, что объ этомъ письмѣ никто никогда не узнаетъ!... Развѣ когда не будетъ ни ея, ни меня на свѣтѣ, примолвилъ онъ, стараясь улыбнуться, — можешь разсказать дѣтямъ своимъ въ назиданіе, какъ безумно человѣку надѣяться на что-нибудь въ этой жизни.

Онъ взялъ у меня письмо изъ рукъ, смялъ и кинулъ его въ пылавшій каминъ.

— Но скажи, спросилъ,—догадаешься-ли ты: что̀ хочетъ она сказать въ этомъ письмѣ?

— Нѣтъ, я ничего не понимаю... Знаю только, что она напрасно мнѣ объ этомъ писала. Какой бы грѣхъ ни лежалъ на ея совѣсти, она должна знать, что вырвать ее изъ сердца я не могу.—Прощай, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку.

— Ты къ ней?

— Ужь коли пришлось пить изъ этой чаши, выпьемъ до дна. А затѣмъ на корабль, въ море...

Онъ махнулъ рукой и вышелъ изъ комнаты.

XII.

Я сѣлъ у камина въ печальномъ раздумьи. Послѣдніе слѣды письма Надежды Павловны уносились въ трубу тонкимъ коричневатымъ пепломъ, и огонь трещалъ какимъ-то веселымъ трескомъ, будто радуясь своей летучей, нежданной жертвѣ. А между тѣмъ отъ этого испепеленнаго листка, еще быстрѣе и невозвратнѣе, чѣмъ онъ самъ, сгорѣло разомъ все счастье человѣка! „За что? О судьба! о вѣчно враждебныя, неумолимыя силы!" думалъ я. „Кто же правитъ вами? Чьимъ верховнымъ неизъяснимымъ цѣлямъ служите вы? Чего требуете вы наконецъ отъ земной жизни? Прозябанія-ли безсмысленнаго и безцѣльнаго, или сознательнаго и безпощаднаго отреченія, во имя инаго, лучшаго, но невѣдомаго намъ жребія?.."

— Здравствуй! раздался надъ самымъ моимъ ухомъ, въ это время, чей-то громкій голосъ.

Я вздрогнулъ невольно и поднялъ глаза. Предо мной, въ мундирѣ и при саблѣ, стоялъ майоръ Чесминъ съ покраснѣвшимъ отъ холода носомъ.

— Здравствуй!

Я протянулъ ему руку.

— Что, братъ, не веселъ, крылья повѣсилъ? спросилъ онъ, присаживаясь къ огню съ видимымъ удовольствіемъ.

— Веселаго мало.

— Ты ужь не того-ли?...

Чесминъ подмигнулъ мнѣ и приложилъ руку къ сердцу.

— Чего?

— Насчетъ вчерашней красавицы?...

— А ты не съ больной-ли головы на здоровую?

Онъ улыбнулся и, не отвѣчая, уставился въ ярко сверкавшее пламя. Такъ прошло не мало времени. Губы его полуоткрылись, глаза прищурились, по всему лицу распространилось выраженіе какой-то томительной нѣги. Его лысая, мечтательно-раскинувшаяся фигура была презабавна въ эту минуту.

— Не хочешь-ли взглянуть на то, что уже поступило въ нашу комиссію? спросилъ я его, подходя къ письменному столу.

Отвѣта не послѣдовало.

Я принялся разбирать бумаги.

— Правда-ли, что она влюблена въ Звѣницына? вдругъ спросилъ жалобнымъ голосомъ и вздыхая Чесминъ.

— Не думаю...

Онъ занесъ обѣ руки за голову, откинулся на спинку кресла и устремилъ глаза въ потолокъ.

— Божественная она!.. началъ онъ мечтать уже въ слухъ.—Плечи, руки, талія!.. Нѣтъ ей описанія. Одно слово: владычица сердецъ!.. Что̀ захочетъ, то и можетъ съ человѣкомъ сдѣлать... Говорятъ, отецъ хочетъ непремѣнно выдать ее за твоего пріятеля, моряка, примолвилъ онъ чрезъ нѣсколько времени, и опять жалобно.

— Едва-ли!

— Такъ изъ-за чего же они стрѣляться будутъ?

— Кто? спросилъ я съ притворнымъ удивленіемъ.

— Бѣдненькій, слѣпенькій! запѣлъ протяжно Чесминъ, раскрывая глаза, и складывая руки свои на животъ. — Объ этой исторіи только что съ Ивана Великаго не трезвонятъ, а онъ ничего не знаетъ, ребенокъ малый! А кто у васъ былъ нынче утромъ? спросилъ онъ вдругъ.

— Какъ кто?

— Да такъ. Двое, съ требованіемъ объясненій отъ Кемскаго, по порученію Звѣницына. Объясненіе происходило здѣсь, на этомъ мѣстѣ, примолвилъ онъ, указывая на отодвинутыя отъ дивана кресла, на которыхъ дѣйствительно сидѣли Рабенгорстъ и Секкаторовъ.

— Могу только удивляться обширности твоихъ свѣдѣній, сказалъ я.

— Не мудрено, когда само начальство уже про то знаетъ и вѣдаетъ, хладнокровно возразилъ Чесминъ.

— Вотъ-на!

— А ты какъ думалъ? Въ мундирѣ-то я на что? Разбудилъ меня отъ *него* посланный въ восемь часовъ, а я въ шестомъ спать легъ. Чего ему еще, думаю, нужно! Однако нечего дѣлать, одѣлся; пріѣзжаю. „Ужиналъ ты вчера въ гостиницѣ Шевалье?" спрашиваетъ онъ меня съ перваго слова.— „Ужиналъ."—„Что̀ тамъ происходило?"—„А ничего не происходило, говорю." — „Тамъ," говоритъ онъ, „совѣщанье было."—„Какое совѣщанье?"—„Гвардейскій офицеръ хочетъ драться съ флотскимъ."—„Не мое дѣло."—„У меня ихъ фамиліи записаны. Взялъ бумажку и читаетъ: штабъ-ротмистръ Звѣницынъ, лейтенантъ Кемскій." — „Ну, а я-то тутъ при чемъ?" спрашиваю я его.—„Объ этомъ у васъ тамъ за столомъ громко разсуждали." — „А если и разсуждали, такъ что̀-жь вы думаете, я вамъ объ этомъ стану разсказывать?"— „Не нужно, безъ тебя все знаю."—„Такъ зачѣмъ вы меня съ пѣтухами подняли?" говорю. — „Ничего, тебѣ здорово. А ты съѣзди отъ меня къ ***; говорятъ, онъ съ этимъ флотскимъ пріятель. Скажи ему, чтобъ онъ далъ мнѣ честное слово не вмѣшиваться въ эти глупости. Офиперство, извѣстно, народъ молодой; позволь имъ только, они послѣ каждой вечеринки готовы драться; а онъ такое мѣсто занимаетъ: ему неприлично!"—„Хорошо, говорю, я ему скажу."—„Скажи," говоритъ, „а подыматься рано тебѣ здорово," прибавилъ, и смѣется. Разсердилъ-таки онъ меня сегодня порядкомъ, примолвилъ Чесминъ, зѣвая. — Выспаться не даетъ, да еще туда же насмѣшки подымаетъ.

— Такъ ты ко̀ мнѣ съ офиціальнымъ сообщеніемъ пріѣхалъ? спросилъ я.

— Такъ что̀-жь съ этимъ дѣлать? Приказано, такъ и исполняю.

— А если я не дамъ требуемаго честнаго слова, что̀ тогда? сказалъ я, подумавъ.

— А почемъ я знаю? Полицейскій надзоръ велитъ надъ тобой учредить, а то, пожалуй, арестовать домашнимъ арестомъ.

— Былъ вчера Вашневъ у Шевалье? спросилъ я.

Чесминъ улыбнулся.

— Какъ ему не быть! Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ.

— Неужели же эти господа совѣщались тамъ публично? спросилъ я опять.

— Ну, публично не совсѣмъ. Самая суть-то, главный герой съ наперсниками, ужинали въ отдѣльной комнатѣ. Только, ужь не знаю какъ, а подъ конецъ все это ихъ тайное совѣщаніе стало извѣстнымъ всѣмъ бывшимъ въ залѣ: и что̀, и какъ, и кому ѣхать къ Кемскому, и что онъ у тебя живетъ, и прочее.

— Ну ужь, Москва-матушка!

— За что же браниться, любезный мой? сказалъ на это Чесминъ, принимая видъ обиженной невинности. У насъ по простотѣ, по-семейному, все сообща. Къ тому-жь и языкъ не на привязи; отчего-жь ему самому не позаботиться и чужу душу не потѣшить?

— Видно, ты недаромъ въ Крусановской школѣ побывалъ, замѣтилъ я ему,—какъ красно выражаешься!

— Только въ насъ и есть хорошаго! отвѣчалъ майоръ съ глубокимъ вздохомъ и поднимаясь съ мѣста.—Прощай!

— До свиданія.

— А что̀ же *ему*-то сказать отъ тебя? припомнилъ онъ уже въ слѣдующей комнатѣ. Вѣдь онъ приказалъ мнѣ вернуться къ нему съ отвѣтомъ.

— Не можешь-ли ты съ этимъ отвѣтомъ до вечера подождать? сказалъ я ему.

— До вечера?... пожалуй! Только ужь намылитъ онъ мнѣ за это голову, молвилъ Чесминъ, почесывая затылокъ. — А впрочемъ, ничего! Я скажу ему, что засыпалъ днемъ за все то время, что̀ онъ у меня утромъ отнялъ. Другой разъ не станетъ изъ-за вздора подымать спозаранка!

— Ну, благодарствуй. Въ пять часовъ я буду къ тебѣ

или пришлю записку съ моимъ отвѣтомъ; можешь ему даже ее показать.

— Покажу. А до того времени стрѣляться не будете?

— Нѣтъ, въ этомъ я могу тебѣ и теперь дать честное слово.

— Ладно. Прощай.

Онъ вышелъ въ переднюю.

— А послушай, ***! крикнулъ онъ мнѣ оттуда.

Я отозвался.

Онъ вернулся въ гостиную въ шинели и каскѣ.

— А вѣдь за нее жизнь положить лестно? объявилъ онъ неожиданно, глядя на меня вопрошающими глазами.

— Право не знаю.

— Лестно, любезный другъ, лестно! Я, съ своей стороны, почелъ бы за первое счастіе....

Онъ вздохнулъ еще разъ и затѣмъ скрылся окончательно.

XIII.

По его уходѣ я принялся было за бумаги, какъ колокольчикъ снова звякнулъ въ переднёй.

„А! вотъ и посланцы отъ нашего недруга“. Сердце во мнѣ невольно сжалось. „Что̀-то будетъ“!

Это точно были они, оба съ озабоченнымъ лицомъ. Но Рабенгорстъ былъ спокоенъ по-прежнему. Секкаторовъ принужденнно улыбался и какъ-то неестественно потиралъ себѣ поминутно руки.

— Г. Кемскій уѣхалъ? спросилъ графъ, усаживаясь.

— Вы знаете, что я уполномоченъ имъ....

— Оно и къ лучшему, графъ, смѣю васъ увѣрить, не далъ мнѣ досказать г. Секкаторовъ.—Отсутствіе г. Кемскаго предоставляетъ намъ, такъ-сказать, болѣе объема повершить наше дѣло къ обоюдному удовольствію....

„Э! голубчикъ, давно-ли ты такъ мягокъ сталъ?“ подумалъ я.

— Я долженъ вамъ сообщить о весьма непріятномъ обстоятельствѣ, сказалъ мнѣ Рабенгорстъ:—пока мы были у васъ, къ Звѣницыну пріѣзжалъ полицеймейстеръ и потребовалъ отъ него подписки, что между имъ и г. Кемскимъ не произойдетъ.... встрѣчи; въ противномъ случаѣ, онъ имѣлъ приказаніе отвезти товарища моего на гауптхвахту.

— Могу помѣняться съ вами подобнымъ же извѣстіемъ, отвѣчалъ я.—Послѣ васъ пріѣзжали ко мнѣ съ офиціальнымъ требованіемъ моего честнаго слова не вмѣшиваться въ эту исторію.

— И вы дали ваше честное слово? спросилъ Секкаторовъ, задумчиво взглянувъ на меня.

— Я не могъ дать его, такъ какъ оно зависитъ отъ рѣшенія, которое я ждалъ отъ васъ.... Это же лицо, промолвилъ я,—передало мнѣ между прочимъ, какъ вѣдомое его начальству, что послѣ вчерашняго бала, за ужиномъ у Шевалье, предметомъ общаго разговора было то объясненіе, которое вы сегодня должны были имѣть съ Кемскимъ, по порученію г. Звѣницына.

Рабенгорстъ искоса взглянулъ на товарища.

— Къ сожалѣнію, поспѣшилъ объяснить г. Секкаторовъ, пожимая плечами,—у насъ еще такъ мало людей, понимающихъ и.... и сознающихъ всю важность того, что.... что называется дѣлами чести: affaires d'honneur.... Но вмѣшательство начальства, промолвилъ онъ, тономъ ниже,—но цѣль въ этомъ случаѣ офиціальныхъ лицъ, я.... воля ваша... не понимаю и.... и не пойму никогда!

Онъ развелъ руками, вздохнулъ и поникъ головой.

— Оно тѣмъ болѣе досадно, началъ Рабенгорстъ, — что въ настоящемъ случаѣ....

Я перебилъ его.

— Въ настоящемъ случаѣ, я долженъ, по совѣсти, сказать вамъ, господа, съ нашей стороны было бы непростительно допустить дуэль. Если г. Звѣницынъ почелъ себя обиженнымъ словами моего пріятеля, чистосердечное, въ присутствіи свидѣтелей, сознаніе Кемскимъ своей вины должно вполнѣ удовлетворить его. Самый строгій Ehrengericht будетъ согласенъ со мной, ручаюсь вамъ въ этомъ, графъ.

— Признаюсь вамъ откровенно, отвѣчалъ Рабенгорстъ, — я былъ совершенно одинаковаго мнѣнія съ вами до той самой минуты, когда, вернувшись отсюда къ Звѣницыну, узналъ отъ него объ этомъ несчастномъ пріѣздѣ полицеймейстера и о томъ, какъ самъ онъ, вслѣдствіе этого, вынужденъ смотрѣть на дѣло...

— C'est une exagération de sa part, пробормоталъ Секкаторовъ, — voila tout!

— Что же говоритъ г. Звѣницынъ? спросилъ я.

— Онъ признаетъ себя поставленнымъ въ чрезвычайно щекотливое положеніе, и нельзя не согласиться, что это такъ, молвилъ офицеръ. — Теперь въ городѣ уже трубятъ объ этомъ происшествіи. Звѣницынъ много ѣздилъ въ свѣтъ, его всѣ знаютъ, вѣроятно, у него есть и недоброжелатели... Богъ знаетъ, какъ могутъ истолковать такое внезапное вмѣшательство полиціи.... Да довольно уже и того, что это кидаетъ на него какую-то комическую, во всякомъ случаѣ невыгодную, тѣнь...

— И вы полагаете справедливымъ, чтобы за все это отвѣтчикомъ былъ Кемскій? спросилъ я.

На лицѣ добросовѣстнаго молодаго человѣка сказалось почти болѣзненное чувство.

— Мнѣ очень прискорбно, повѣрьте. Но я вижу себя въ необходимости передать вамъ, что Звѣницынъ соглашается на полюбовное окончаніе этого дѣла только въ случаѣ, если г. Кемскому угодно будетъ извиниться предъ нимъ письменно; въ противномъ же случаѣ....

— Въ противномъ случаѣ? машинально переспросилъ я.

— Намъ остается сговориться касательно условій встрѣчи, глухо договорилъ Рабенгорстъ.

— Какъ же вы думаете устроить эту встрѣчу и согласить ее съ подпиской, которую г. Звѣницынъ былъ вынужденъ дать отъ себя? спросилъ я.

— Да вотъ, пойдите, устраивайте теперь! промолвилъ Секкаторовъ и даже кашлянулъ съ какою-то злостью.

— Тамъ, говорилъ мнѣ Звѣницынъ, есть лазейка,—объяснилъ графъ:—не помню въ точности выраженій, но понять можно такъ, что подписка обязываетъ его не драться съ г. Кемскимъ собственно только въ предѣлахъ Москвы и ея губерніи. Поэтому Звѣницынъ полагаетъ, что встрѣтиться они могутъ въ другомъ мѣстѣ, — Россія велика.

— И полиціи въ ней не мало! промолвилъ Секкаторовъ.— Вы какъ думаете, стоглазые алгвазилы не будутъ слѣдить теперь за малѣйшимъ шагомъ каждаго изъ насъ?

— Надо дать пройти нѣсколькимъ днямъ; нѣтъ сомнѣнія, что надзоръ ослабнетъ за это время, и тогда...

— Нѣтъ-съ, далеко намъ до странъ, озаренныхъ солнцемъ просвѣщенія! такъ, неожиданно и даже со вздохомъ, выразился г. Секкаторовъ.

— Я долженъ предварить васъ, молвилъ я на всякій случай, — что Кемскій здѣсь проѣздомъ, и не знаю, насколько воленъ онъ располагать своимъ временемъ. Онъ, кажется, разсчитывалъ уѣхать изъ Москвы очень скоро.

— Если г. Кемскій уѣзжаетъ, сказалъ Рабенгорстъ, — это къ лучшему. Онъ можетъ остановиться гдѣ-нибудь за границей Московской губерніи и ожидать тамъ Звѣницына, который, съ своей стороны, можетъ выѣхать отсюда другою заставой, для большей предосторожности.

— Конечно, заговорилъ Секкаторовъ, — если мы должны прибѣгнуть къ этой крайности, величайшая осторожность представляется, такъ сказать, дѣломъ первой необходимости... Но я все надѣюсь, что достопочтенный другъ нашъ, г. ***, склонитъ г. Кемскаго къ нѣкоторой уступкѣ. Позвольте, обратился онъ ко мнѣ, — вѣдь пріятель вашъ изъявилъ въ нашемъ присутствіи сожалѣніе свое о томъ, что подалъ поводъ господину Звѣницыну почитать себя оскорбленнымъ его словами... Такъ или нѣтъ?

— Такъ! подтвердилъ я.

— Значитъ, онъ, такъ-сказать, въ душѣ сожалѣетъ?

— Сожалѣетъ.

— Такъ отчего-же, сдѣлайте милость, не написать ему на бумагѣ того; что онъ говорилъ на словахъ и въ душѣ своей чувствуетъ? Развѣ это не совершенно одно и то же?

— Нѣтъ, сказалъ я,—не то же; извинялся онъ свободно, по доброй волѣ своей, добросовѣстно сознавая, что тонъ его рѣчи могъ оскорбить господина Звѣницына. Но съ той минуты, какъ вы ему объявили, что вашъ довѣритель не можетъ удовольствоваться однимъ этимъ искреннимъ сознаніемъ и требуетъ письменнаго документа, вопросъ измѣняется совершенно. Извиненія требуютъ отъ него уже какъ обязанности, подъ угрозой пули! Какъ же вы хотите, чтобъ онъ согласился на такое предложеніе?...

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю!... залепеталъ

Секкаторовъ, вставая, и, покраснѣвъ какъ ракъ, отошелъ въ уголъ комнаты.

— Какъ же вы думаете относительно моего предложенія? спросилъ меня Рабенгорстъ.

— Я полагаю, что Кемскій его приметъ. Я увижусь съ нимъ и узнаю, когда онъ думаетъ ѣхать отсюда. Застану я васъ дома, часовъ около пяти?

— Я буду ждать васъ. Я живу въ гостинницѣ Дрезденъ.

— Очень хорошо-съ.

Мы оба замолчали.

— Намъ остается рѣшить насчетъ условій... глухо промолвилъ наконецъ молодой офицеръ.

— За вами рѣчь! сказалъ я:—предложенія идутъ отъ обиженнаго.

— У господина Кемскаго одинъ секундантъ или два?

Услыхавъ этотъ вопросъ, Секкаторовъ быстро обернулся и съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ожидалъ моего отвѣта.

— Пока я одинъ, но такъ какъ, полагаю, вы оба, господа, будете секундантами у господина Звѣницына, надо будетъ пріискать намъ еще другаго.

— Васъ это не затруднитъ? спросилъ меня графъ.

— Конечно, это нелегко. Кемскій здѣсь никого не знаетъ, а кому охота изъ-за незнакомаго человѣка подвергать себя непріятнымъ послѣдствіямъ?... Впрочемъ, примолвилъ я,— сколько мнѣ извѣстно, равное число секундантовъ не есть безусловная необходимость. Позвольте обратиться къ вамъ, господинъ Секкаторовъ, съ просьбой рѣшить этотъ вопросъ; вы, вѣроятно, болѣе спеціалистъ по этой части, чѣмъ графъ и я.

— Отчего же вы такъ думаете? спросилъ онъ почти гнѣвно.

— On reconnait le coq à ses ergots, отвѣчалъ я, кланяясь ему самымъ изящнымъ поклономъ, на какой была только способна моя неуклюжая фигура.

Господинъ Секкаторовъ улыбнулся довольно двусмысленно, какъ бы не успѣвъ еще сообразить, поднесенъ-ли ему мною пѣтухъ въ видѣ ѳиміама или въ видѣ колкости.

— Два секунданта, по моему мнѣнію, могутъ быть или не быть; это, такъ-сказать, дѣло случая, небрежно проговорилъ

онъ.—Одинъ секундантъ необходимъ, другому обыкновенно нечего дѣлать. Вотъ даже, помните, въ *Герои нашего времени* второй секундантъ Грушницкаго выходитъ у Лермонтова совершенно безцвѣтное лицо, примолвилъ онъ, доказавъ намъ этимъ такъ кстати свою начитанность.

— Для соблюденія формальности, я могу остаться одинъ секундантомъ у господина Звѣницына, если вы затрудняетесь пріисканіемъ себѣ товарища, предложилъ мнѣ Рабенгорстъ.

— Я не уступлю вамъ этой чести, графъ, сказалъ господинъ Секкаторовъ такимъ голосомъ, какимъ бы могъ сказать: „а, чтобъ васъ всѣхъ!...“

— Такъ вы будете согласны на то, чтобъ у господина Кемскаго былъ только одинъ свидѣтель, а насъ у Звѣницына двое? спросилъ его офицеръ.

— Какъ вамъ угодно; я на все согласенъ.—И онъ снова отошелъ глядѣть въ окно на улицу.

Объ остальныхъ условіяхъ встрѣчи мы уже сговаривались съ графомъ Рабенгорстомъ безъ просвѣщеннаго содѣйствія господина Секкаторова. Мы рѣшили, что противники будутъ стрѣляться на пятнадцати шагахъ, безъ барьера. Въ случаѣ легкой раны или даже промаха съ обѣихъ сторонъ положено было не допускать возобновленія дуэли. Пистолеты для поединка оказались у меня старые кухенрейтеровскіе. Они лежали въ запыленномъ ящикѣ на каминѣ. Я далъ слово, что Кемскій въ глаза ихъ не видалъ. Рабенгорстъ тотчасъ же вынулъ ихъ и пригласилъ Секкаторова осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ. Но господинъ Секкаторовъ объявилъ, что хотя лучшія воспоминанія его жизни и относятся безспорно ко времени, проведенному имъ въ военной службѣ, но что въ оружіи онъ не знатокъ и потому полагается безусловно на рѣшеніе своего товарища. Пистолеты оказались годными, но аккуратный Нѣмецъ не преминулъ замѣтить мнѣ, что необходимо предварительно прочистить ихъ и слегка смазать маслицемъ курки.

Переговоры казались оконченными, и Рабенгорстъ брался за каску, но господинъ Секкаторовъ остановилъ его вдругъ вопросомъ:

— А вы, господа, кажется, о главномъ-то позабыли?

— О чемъ же это?

— О медицинскомъ пособіи, въ случаѣ, чего Боже сохрани! чего-нибудь такого...

— Мы невольно переглянулись съ графомъ. Это напоминаніе, видно, было ему такъ же непріятно, какъ и мнѣ.

— Я могу привезти доктора, сказалъ я.

— Знакомаго вамъ? спросилъ меня Секкаторовъ.

— Разумѣется.

— И вы въ немъ увѣрены?

— Въ какомъ отношеніи?

— Je veux dire, êtes vous sûr de sa discrétion?

Я не могъ не улыбнуться.

— Будьте покойны, онъ человѣкъ дѣла, въ клубы не ѣздитъ и у Шевалье не ужинаетъ.

Господинъ Секкаторовъ сухо поклонился мнѣ и, обратившись къ графу, предложилъ ему ѣхать.

Рабенгорстъ подалъ мнѣ руку и крѣпко пожалъ мою. Златоустый поборникъ странъ, озаренныхъ солнцемъ просвѣщенія, протянулъ мнѣ два пальца, которые я и стиснулъ съ приличнымъ выраженіемъ почтительной благодарности.

XIV.

Я велѣлъ заложить сани и поѣхалъ къ Кемскому. Не заставъ его дома, какъ и слѣдовало ожидать, я проѣхалъ въ свое присутствіе и вернулся къ нему уже въ исходѣ четвертаго часа.

Я нашелъ въ передней Грызуна, занятаго пришиваніемъ новой пуговицы къ своей курткѣ. Увидѣвъ меня, онъ поспѣшно напялилъ ее въ рукава съ этою недошитою, болтавшеюся на ниткѣ, пуговицей и улыбнулся во всю ширину своего пространнаго зѣва.

— Дома баринъ?

Матросъ отвѣчалъ, что Кемскій только что вернулся, заперся въ „каютѣ" и никого не велѣлъ впускать къ себѣ.

— Ты меня знаешь?

— Никакъ нѣтъ.

— А сегодня же утромъ ты ко мнѣ приходилъ отыскивать своего лейтенанта.

— Такъ точно; позабывши...

И на этотъ разъ онъ усмѣхнулся уже такъ, какъ будто готовился проглотить меня.

„Акулы должны такъ улыбаться въ счастливыя минуты жизни," подумалъ я.

Грызуну, вѣроятно, пришла та же мысль въ голову, потому что онъ закрылъ свой ротъ рукавомъ и кашлянулъ, какъ бы поперхнувшись.

— Ступай же къ своему барину и скажи, что мнѣ необходимо нужно его видѣть.

Матросъ вытянулся въ струнку и уставилъ на меня въ упоръ свои удивленные глаза.

— Не велѣно-съ! проговорилъ онъ испуганнымъ голосомъ.

— Такъ я самъ пойду.

Не знаю, допустилъ-ли бы меня Грызунъ довести до благополучнаго конца такъ дерзко задуманный мною планъ, еслибы самъ лейтенантъ его не появился въ это время на порогѣ своей комнаты.

— Войди, сказалъ онъ.

Я былъ пораженъ его лицомъ. Оно было зеленовато-блѣдно, какъ у больныхъ тифозною горячкой. Черты его вытянулись, глаза потускнѣли, большіе темные круги образовались вокругъ нихъ; онъ, казалось, постарѣлъ пятью годами въ эти пять-шесть часовъ...

— Что̀ съ тобой? воскликнулъ я, когда дверь затворилась за нами, и взялъ его за руку.

Онъ тихо отнялъ ее у меня.

— Ничего, не спрашивай... Съ чѣмъ ты пріѣхалъ?

Я, не откладывая, передалъ ему во всемъ его объемѣ мое свиданіе съ секундантами Звѣницына. Я понялъ, что оказываю ему услугу, отвлекая его хоть на время отъ помысла, въ которомъ онъ погруженъ былъ весь, всѣмъ измученнымъ, изломаннымъ уже страданіемъ, существомъ своимъ.

Онъ слушалъ меня съ замѣтнымъ усиліемъ, заставляя по нѣскольку разъ повторять ту или другую подробность и каждый разъ послѣ этого проводя судорожно рукой по лбу, какъ бы съ намѣреніемъ возбудить непокорную или онѣмѣлую память.

Когда я кончилъ, онъ долго оставался безотвѣтенъ. Наконецъ всталъ, вышелъ въ спальню и вынесъ оттуда шкатулку.

Онъ вынулъ изъ нея нѣсколько писемъ и, выбравъ между ними одно, просилъ меня списать означенный на немъ адресъ.

Я занесъ въ памятную книжку:

„Его Высокоблагородію Петру Ивановичу Пальцыну, по Тульскому шоссе, на станцію ***, оттуда въ село Анциферово“.

— Съ сыномъ этого Петра Ивановича, сказалъ мнѣ Кемскій, отбирая у меня письмо и укладывая его опять въ шкатулку,—мы три года проходили на фрегатѣ *Аврора*. Я оставилъ его больнымъ въ Иркутскѣ и обѣщалъ самъ завести это письмо къ его отцу. Завтра я у него буду...

— Какъ завтра? прервалъ я его.

— Очень просто. Я сегодня отправляюсь. Не ожидать же мнѣ здѣсь до тѣхъ поръ, пока моему противнику не удастся выѣхать....

— Такъ тамъ все кончено? вырвалось у меня невольно.

Онъ дрогнулъ какъ отъ прикосновенія горячаго желѣза, отвернулся и не отвѣчалъ.

— Что же твой Петръ Ивановичъ? поспѣшилъ я скорѣе спросить его.

— Я знаю его лично. Самъ онъ еще не такъ давно во флотѣ служилъ. Старикъ хорошій... Я у него могу пробыть нѣсколько дней, и если г. Звѣницыну угодно...

— А далеко эта станція ***?

— Вторая отъ Серпухова, а имѣніе Пальцына оттуда въ четырехъ верстахъ, не болѣе, говорятъ... Скоро-ли могутъ собраться эти господа, по твоему мнѣнію? спросилъ онъ.

— Не знаю, но, вѣроятно, не замедлятъ. Дня черезъ четыре, полагать можно, навѣрно...

— Такъ когда узнаешь, пошли мнѣ эстафету по этому адресу. А я пришлю отъ Пальцына на станцію письмо на имя, пожалуй, этого молодаго офицера, нѣмца... Когда они пріѣдутъ туда, пусть спросятъ. Въ письмѣ будетъ означено все въ подробности, такъ какъ до тѣхъ поръ я успѣю все разузнать и даже выбрать мѣсто въ окрестности.

— Хорошо, только письмо оставь на мое имя.

— Зачѣмъ, Мумка, зачѣмъ тебѣ пріѣзжать? Это совсѣмъ лишнее. Старикъ Пальцынъ не откажется быть моимъ секундантомъ...

— Если хочешь меня обидѣть, пожалуй! сказалъ я.

Онъ подошелъ ко мнѣ и крѣпко обнялъ.

— Ну что, все? спросилъ онъ спустя нѣсколько времени.

— Кажется, все.

Онъ прошелся по комнатѣ. Лицо его потемнѣло пуще прежняго.

— Не сердись на меня, промолвилъ онъ, внезапно останавливаясь на ходу:—оставь меня одного!

— Кемскій, вскрикнулъ я, испуганный отчаяніемъ, которое выразилось въ его голосѣ, въ его чертахъ,—вспомни...

— Что̀?

Онъ взглянулъ на меня всею глубиной своихъ черныхъ глазъ.

— Не бойся, сказалъ онъ улыбнувшись какою-то безнадежною улыбкой;—я въ Христа вѣрую!..

— Да подкрѣпитъ же Онъ тебя въ этотъ трудный часъ! молвилъ я, крѣпко сжимая его руку.—Прощай! Въ которомъ часу сбираешься ты уѣхать?

— Не знаю еще. Жду писемъ... Пожалуйста, не пріѣзжай провожать... Мнѣ легче одному, сказалъ онъ глухо.

— Какъ хочешь. Такъ до свиданія у Пальцына?

— Да. Прощай, Мумка, благодарствуй! Ты все прежній, какъ въ лицеѣ...

Я вышелъ на лѣстницу, и,—отчего не признаться? я былъ еще молодъ тогда,—заплакалъ какъ ребенокъ.

XV.

Отъ Кемскаго я отправился къ Чесмину.

Тамъ встрѣтилъ меня слуга совершенно иного покроя, чѣмъ Грызунъ, старый хрычъ съ краснымъ носомъ, постоянно находившійся въ подпитіи и постоянно съ бариномъ зубъ-за-зубъ. Баринъ, какъ водится, состоялъ у него въ полной командѣ.

На вопросъ мой: дома-ли Гавріилъ Степановичъ и что̀ онъ дѣлаетъ? я получилъ такой отвѣтъ:

— А что̀ ему дѣлать! Прошляндалъ всю ночь, а днемъ спать залегъ: съ самыхъ полуденъ и по сей часъ безъ просыпа дрыхнетъ...

— Разбуди его, пожалуйста. Мнѣ нужно съ нимъ видѣться.

Онъ махнулъ рукой.

— Пробовалъ! Не то будилъ, за ноги, то-есть, дергалъ. Куда-те! Храпитъ что твоя попадья!... А еще бариномъ прозывается!... Ноги-то я ему сволокъ, примолвилъ онъ съ какимъ-то торжествомъ.

— Какъ хочешь, а мнѣ его видѣть надобно, сказалъ я, направляясь къ комнаты.

— А мнѣ что̀?... Мнѣ ничего... Буди себѣ его, пожалуй, заворчалъ старый слуга. И закричалъ мнѣ вслѣдъ: — Вы его подъ мышки-то легонько щекотните, онъ эвтого боится!...

Я, дѣйствительно, нашелъ Чесмина почивающимъ сномъ праведнаго, поперекъ огромной кровати и съ ногами, спущенными на полъ.

Щекотать его подъ мышки не оказалось впрочемъ необходимости: онъ проснулся по первому моему зову.

Раскрывъ глаза, онъ остановилъ ихъ на мнѣ съ умильною улыбкой.

— Только во снѣ счастливъ человѣкъ! сказалъ онъ, лѣниво поднимаясь на локтяхъ и не безъ нѣкотораго удивленія взирая на свои ноги.—Видѣлъ я *ее*, другъ мой любезный, видѣлъ сейчасъ. Блаженство! На балконѣ, майскимъ утромъ, и я тутъ, а она...

Но мнѣ было не до его сновъ.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ съ отвѣтомъ, сказалъ я.

— Съ какимъ отвѣтомъ? спросилъ онъ, зѣвая и все глядя на свои ноги.

Въ спальню вошелъ въ это время вышереченный слуга его.

— Жандаръ былъ отъ начальства, приказывалъ, чтобъ вы къ нимъ обѣдать ѣхали.

— Пошелъ вонъ! крикнулъ на него Чесминъ.

— Одѣваться вамъ пора, чего кричать-то! хладнокровно отвѣчалъ тотъ, не трогаясь съ мѣста.

— Это ты мнѣ ноги съ кровати стащилъ?

— А то кому еще?

— Пошелъ вонъ!

— Умываться готово! Слышали: начальство требуетъ? Царское жалованье небось любитъ получать, а отъ службы-то упаси Господи! обратился онъ ко мнѣ, тыкая пальцемъ на барина.

Чесминъ показалъ ему кулакъ и отправился къ умывальному столу.

Баринъ и слуга перебранивались до той самой минуты, когда Чесминъ застегнулъ наконецъ послѣдній крючокъ своего мундира, надѣлъ саблю и взялъ каску въ руки.

— А теперь вонъ! повелительно указалъ на дверь майоръ.

Слуга вышелъ, хлопнувъ этою дверью такъ, что задребезжали окна.

— Да ты помнишь-ли еще, съ чѣмъ пріѣзжалъ сегодня ко мнѣ? спросилъ я чудака.

Онъ стоялъ передъ зеркаломъ, охорашиваясь, и въ зеркало же подалъ мнѣ утвердительный знакъ головой.

— Скажи же ты своему генералу вотъ что: такъ какъ Кемскій уѣзжаетъ изъ Москвы сегодня вечеромъ, то я полагаю, что и надобность въ моемъ честномъ словѣ прекращается съ этимъ отъѣздомъ. Слышалъ?

— Слышалъ... А что же это должно значить по-нашему, по-мужицкому? спросилъ, помолчавъ, Чесминъ.

— То, что здѣшнему начальству нечего болѣе тревожиться по поводу этой исторіи.

— Значитъ, уладилось дѣло?

— Уладилось.

— И морякъ твой дѣйствительно сегодня уѣзжаетъ?

— Можешь справиться самъ въ его гостиницѣ.

— И драться они не будутъ?

Онъ взглянулъ на меня своимъ лукаво-невиннымъ взглядомъ.

— Передай отвѣтъ мой какъ есть: это все, что̀ я отъ тебя прошу, отвѣчалъ я.

— Послушай, любезный другъ, молвилъ Чесминъ, — ты хитеръ, да вѣдь и я не промахъ; садись-ка лучше, да настрочи мнѣ этотъ отвѣтъ на бумагѣ.

— Изволь.

— Вотъ такъ лучше будетъ! сказалъ онъ, когда я кончилъ, засыпая пескомъ мое писанье:—и волки сыты, и овцы цѣлы. А ничего, ловко придумано! замѣтилъ онъ, засмѣявшись и оборачиваясь снова къ зеркалу.

— Да ты что̀ думаешь?

— А что̀ я думаю, того не скажу ни тебѣ, ни *ему*, будь покоенъ! сказалъ онъ, укладывая мою записку въ карманъ.— Самъ я саблю ношу и дворяниномъ родился... Хотя эта картофля ужь нисколько на носъ благороднаго воина не похожа! неожиданно прибавилъ онъ, щелкнувъ себя слегка пальцемъ по носу.

Онъ тяжело вздохнулъ и принялся натягивать перчатки.

— Не подвезти-ли тебя, коли ты къ начальству? предложилъ я ему.

— Окажи милость. Кондратій! крикнулъ онъ, выходя въ переднюю.

Но Кондратій не отозвался. Выскочилъ какой-то казачокъ и объявилъ, что Кондратій Силычъ вышли.

— Куда? грозно воскликнулъ майоръ.

— Не могу знать-съ. Они говорили, что въ погребкѣ тавлинку свою позабыли, отвѣчалъ мальчишка и, не выдержавъ, прыснулъ со-смѣху.

— Вотъ погоди, онъ тебя высѣчетъ, какъ только отыщетъ свою тавлинку, замѣтилъ ему внушительно Чесминъ, надѣвая шинель.

Я довезъ его и поѣхалъ къ Рабенгорсту сообщить о предложеніи Кемскаго.

— Мнѣ кажется, ничего лучше придумать нельзя, сказалъ графъ, выслушавъ меня.—Мы должны обѣдать сегодня съ Звѣницынымъ въ Троицкомъ трактирѣ. Я ему все передамъ и сегодня же вечеромъ, надѣюсь, могу извѣстить васъ, въ какой день и какъ мы рѣшимъ ѣхать. Я долженъ вамъ признаться, что къ нашимъ затрудненіямъ присоединяется еще вотъ какое обстоятельство, примолвилъ онъ.—Отпускъ Звѣницына кончается черезъ три дня. Онъ уже съ недѣлю писалъ нашему полковому командиру, прося отсрочки, но отвѣта нѣтъ до сихъ поръ. На милость коменданта, когда эта исторія получила уже такую гласность, разсчитывать нельзя, такъ что если отсрочка не прибудетъ сегодня или завтра, Звѣницына могутъ выслать изъ Москвы.

— Конечно, въ такомъ случаѣ вамъ терять время нечего. До свиданія, графъ, я буду ждать васъ.

Вернувшись къ себѣ, я опустился на диванъ и пролежалъ на немъ до поздняго вечера, въ совершенномъ изнеможеніи, словно послѣ долгой и тяжкой болѣзни.

Часу въ десятомъ я послалъ узнать про Кемскаго въ его гостиницу; человѣкъ мой вернулся съ извѣстіемъ, что съ полчаса тому назадъ онъ уѣхалъ изъ города.

Я глянулъ въ окно. На дворѣ злилась вьюга. Слабо мерцали фонари изъ-за валившаго нескончаемыми пеленами снѣга.

Ни визга саней, ни лошадинаго топота не слышно было за порывистыми стонами вѣтра.

Мнѣ вспомнилась та недавняя ночь въ Кремлѣ. Бѣдный Кемскій, сколько счастія обѣщала она ему тогда, казалось, сіяя надъ нимъ своимъ безмятежнымъ сіяніемъ!..

А теперь, этотъ грозный мракъ и надрывающій вой метели, и скорбный, одинокій путь...

XIX

XVI.

Рабенгорстъ пріѣхалъ ко мнѣ на другое утро съ извѣщеніемъ, что они съ Звѣницынымъ порѣшили выѣхать изъ Москвы черезъ день, причемъ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности:

— Въ среду утромъ двѣ уже нанятыя нами извощичьи тройки выѣдутъ за Серпуховскую заставу съ крѣпостнымъ человѣкомъ Звѣницына, снабженнымъ отъ барина формальнымъ видомъ на проѣздъ въ его орловское имѣніе. Онѣ будутъ ожидать насъ у одного постоялаго двора, онъ отъ заставы всего въ полуверстѣ. Мы выѣдемъ съ Звѣницынымъ изъ дому въ четыре часа пополудни, въ обыкновенныхъ городскихъ саняхъ, и проѣдемъ туда подъ видомъ прогулки за городъ. Вы съ докторомъ, и въ томъ же часу, съѣдетесь съ нами на постояломъ дворѣ. Тамъ мы всѣ пересядемъ въ тройки и немедленно покатимъ по Тульской дорогѣ.

На замѣчаніе мое: не лучше-ли будетъ намъ выѣхать попозже, когда стемнѣетъ, Рабенгорстъ отвѣчалъ, что они избрали именно этотъ часъ потому, что, выѣзжая изъ-дому въ обычное обѣденное время, они возбудятъ менѣе подозрѣнія, а кромѣ того, такъ какъ до имѣнія Пальцына считается 130 верстъ съ хвостикомъ, то, покинувъ Москву въ пятомъ часу, мы только что къ разсвѣту успѣемъ добраться туда.

Я не могъ не согласиться съ основательностью его доводовъ и отвѣчалъ ему, что заранѣе сговорюсь съ докторомъ и въ назначенный день и часъ прибуду съ нимъ къ мѣсту съѣзда.

Рабенгорстъ уѣхалъ, а я отправился къ знакомому мнѣ доктору, Виссаріону Никитичу Латышеву.

Я сошелся съ нимъ случайно у одного общаго пріятеля и пользовался его расположеніемъ, можетъ-быть, потому, что не вѣрилъ ни въ его матеріализмъ, ни въ его безсердечіе, ни въ его брюзгливыя выходки, чѣмъ любилъ онъ щеголять при мало знакомыхъ ему людяхъ.

Еще въ передней его я былъ пораженъ невыносимымъ собачьимъ визгомъ.

— Что это такое? спросилъ я его слугу.

— А вотъ мальчикъ на дворѣ камнемъ собаку пришибъ, такъ лапу ей вправляетъ баринъ.

Я вошелъ въ первую комнату, пыльную, съ мебелью, всю заваленную книгами. Виссаріонъ Никитичъ питалъ страсть къ *букинизму*.

— Гдѣ вы, почтенный Эскулапъ?

— А тамъ кто такой? спросилъ изъ другой комнаты сердитый голосъ. Шт... ты, глупая! шт! дай же себѣ порядкомъ лигатуру навязать.

Собака, какъ бы послушная этимъ словамъ, слабо взвизгнула еще разъ и затѣмъ замолкла.

— Иванъ, отнеси ее въ кухню и смочи ей правую лапу арникой, кликнулъ голосъ: — она цѣла.

— А, вы! что вамъ надо? спросилъ Виссаріонъ Никитичъ, выходя ко мнѣ.

— Давно-ли вы собакъ лѣчить стали? спросилъ я, въ свою очередь, смѣясь.

Онъ нахмурился и взглянулъ на меня исподлобья.

— Живой организмъ, ощущенія также испытываетъ! Не булыжникъ какой-нибудь! проворчалъ онъ, словно извиняясь. — Что вамъ надо? повторилъ онъ свой непривѣтливый вопросъ.

Но меня нисколько не озадачивало это оригинальничанье. Я зналъ, какъ отвѣчать на него.

— Васъ мнѣ надо, сказалъ я прехладнокровно.

— На кой прахъ? Больны вы?

— Богъ миловалъ.

— Такъ на что̀ я вамъ?

— Послѣ завтра, то-есть въ среду, вы должны ѣхать со мной за 130 верстъ отсюда.

Онъ взглянулъ на меня пытливымъ взглядомъ врача, подозрѣвающаго въ своемъ паціентѣ расположеніе къ безумію.

— Что̀ вы меня морочить сюда пріѣхали? фыркнулъ онъ.

— Нисколько. Говорю вамъ безъ всякихъ шутокъ. Въ среду вы должны ѣхать со мной.

— Не поѣду я никуда! отрѣзалъ онъ какъ ножомъ.

— Поѣдете, когда вамъ объяснятъ, въ чемъ дѣло.

— И слушать не хочу!

Но когда я произнесъ слово: дуэль, Латышевъ навострилъ уши. Старая студентская кровь заговорила въ немъ.

— За что̀ дерутся! спросилъ онъ, дослушавъ меня до конца.

Я взглянулъ ему въ лицо.

— А вамъ на что̀ знать? Вы медикъ, а не свидѣтель и не судья.

— Дѣло! сказалъ онъ и кивнулъ одобрительно головой. — Въ среду я не могу, примолвилъ онъ.

— Почему?

— Дежурнымъ въ клиникѣ.

— Можете помѣняться съ товарищемъ.

— А потомъ что̀? спросилъ онъ, помолчавъ, и все тѣмъ же сердитымъ голосомъ.

— А то, что въ этотъ день слѣдуетъ вамъ пообѣдать пораньше и быть совсѣмъ готовымъ къ четыремъ часамъ. Я заѣду за вами въ четыре часа неотступно. Пожалуйста, не позабудьте.

— Это вѣдь далеко ѣхать, 130 верстъ? замѣтилъ докторъ, который, въ теченіе всего своего тридцати-семилѣтняго существованія, дальше Останкина не ѣзжалъ.

— Богъ дастъ, ничего не случится, такъ черезъ сутки я доставлю васъ домой обратно.

— Сутки, бездѣлица! Даромъ два дня, значитъ, пропадутъ!

— Есть-ли у васъ шуба? сказалъ я ему на это.

— Тулупъ дубленый есть, возразилъ онъ, уже съ нѣкоторою гордостью.

— И прекрасно. Такъ до свиданія?

— До свиданія, пропустилъ онъ сквозь зубы.—Счастливъ вашъ Богъ, что такой день у меня нынче вышелъ; въ другое время ни за что бы не согласился ѣхать!...

— А что у васъ нынче, развѣ праздникъ какой, именины сердца?

Онъ опять фыркнулъ.

— Книжицу сію пріобрѣлъ я нынче, примолвилъ онъ, вытаскивая изъ груды лежавшихъ на диванѣ книгъ сѣроватый и затасканный томъ in 8°, и поднялъ его въ уровень моихъ глазъ. — Могу по этому поводу возгласить съ древнимъ поэтомъ:

Albo dies notanda lapillo.

Въ заглавіи книжки значилось: „*Пансальвинъ, Князь Тьмы. Быль? не быль? Однакожъ и не сказка*. Москва 1809. Въ Университетской типографіи."

— Вѣдь это, батюшка, драгоцѣнность! торжествующимъ голосомъ молвилъ Виссаріонъ Никитичъ и, развернувъ книжку, принялся читать.

„Миранда сама по себѣ не была царица тьмы, но жалости достойно, что Князь Тьмы пріобрѣлъ надъ нею столько власти.

„Миранда не была равнодушною къ мущинамъ. Она ощущала природу, и какая бы женщина ея не ощущала?..."

И Виссаріонъ Никитичъ засмѣялся, какъ смѣются ученые, спеціалисты и вообще люди, преданные какому-нибудь усидчивому и постоянному занятію, какъ-то во-внутрь себя, не громко и не сообщительно и не поднимая глазъ на собесѣдника.

— Однако мнѣ пора, почтеннѣйшій, сказалъ я. — Прощайте. Но не забудьте, въ среду, въ 4 часа.

— Прощайте, разсѣянно повторилъ онъ, не перемѣняя положенія, то-есть стоя посреди комнаты, съ разставленными ногами, держа одною рукой книгу и помахивая другою, точно

будто дирижировалъ оркестромъ. И принялся за чтеніе съ новымъ жаромъ.

„Но не горестно-ли, что она допустила содѣлаться страстью самому тому пункту, о которомъ бы слѣдовало ей важно размыслить, и который, въ разсужденіи соединенныхъ съ нимъ знакомствъ, былъ самый тотъ, который...“

Долго провозился я въ пустой и темной передней, отыскивая шинель свою и калоши, а Виссаріонъ Никитичъ все также громко, стоя одинъ посреди комнаты, продолжалъ забавлять себя пріятнымъ слогомъ похожденій Пансальвина, Князя Тьмы и возлюбленной его Миранды.

Я вернулся домой и написалъ Кемскому письмо, которое и отправилъ ему съ эстафетой.

XVII.

Въ день, назначенный для выѣзда, я проснулся чуть не съ зарей, и едва дождавшись 8 часовъ, послалъ къ Рабенгорсту записку, которою просилъ его извѣстить меня, нѣтъ-ли какого-нибудь измѣненія въ сообщенной имъ мнѣ программѣ? Онъ отвѣчалъ мнѣ двумя словами, по-англійски „all right." Я понялъ ихъ, какъ и слѣдовало, въ смыслѣ „все по-старому," и не медля принялся за сборы. Къ сожалѣнію, они были не долги, и мнѣ суждено было провести еще не мало времени въ томъ тревожномъ, ноющемъ состояніи духа, знакомомъ всѣмъ тѣмъ, кому хоть разъ въ жизни выпало на долю одинокое и медлительное выжиданіе чаемаго удара, въ сравненіи съ которымъ самый фактъ несчастія представляется чѣмъ-то почти отраднымъ.

Докторъ ждалъ меня, уже заранѣе облекшись въ теплые сапоги и шапку. Преогромный и страшно пахнувшій козломъ тулупъ разстилался во всю свою ширину по столу и дивану, закрывая библіографическія сокровища почтеннаго хозяина. Самъ онъ стоялъ у окна, низко наклонившись надъ лежавшимъ на немъ футляромъ съ хирургическими инструментами.

Послыша за собой мои шаги, онъ быстро свернулъ свои ножи и пилы и сунулъ ихъ въ карманъ пальто.

— Съ кукушкой вмѣстѣ! промолвилъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ и указывая рукой на стѣнные часы, которые въ это время дѣйствительно принялись за свое урочное шипѣніе.—Четыре часа! И я готовъ, какъ видите!

Онъ вздѣлъ тулупъ, который оказался только что не въ пору мѣдному изваянію гражданина Минина, и еще не справившись съ его длинными рукавами, изъ которыхъ никакъ не могъ высвободить своихъ коротенькихъ рукъ, выбѣжалъ на крыльцо, восклицая:

— Маршъ въ путь-дороженьку! Погода, кажется, сегодня самая благопріятная!

Онъ собирался точно какъ на какую-то partie de plasilr.

Да и дѣйствительно, о чемъ же ему было печалиться? День стоялъ свѣтлый и тихій; слегка морозило; но въ воздухѣ неслись уже тѣ мягкія струи, что такъ отрадно льются вамъ въ грудь,—предвѣстники вешняго тепла. Весело было въ такой день урваться бѣдному труженику, осужденному черезъ два дня въ третій дышать зараженнымъ больничнымъ воздухомъ...

Но въ ту минуту его довольное лицо показалось мнѣ чуть не звѣрскимъ, и я уткнулся въ воротникъ шинели съ намѣреніемъ не заговаривать съ нимъ.

Виссаріону Никитичу было, впрочемъ, также не до разговоровъ. Онъ пыхтѣлъ подъ своимъ тулупомъ, который, очевидно, надѣвалъ въ первый разъ отъ роду, и то застегивалъ его, то распахивалъ, возясь въ саняхъ самымъ безпокойнымъ для сосѣда образомъ.

Такъ проѣхали мы молча почти всю дорогу, не встрѣтивъ на пути ни одного знакомаго лица.

Не доѣзжая заставы, вынеслась намъ наперерѣзъ изъ какого-то переулка лихая пара вороныхъ и, едва не зацѣпивъ крыломъ нашихъ саней, быстро промчалась впередъ, покрывъ насъ цѣлымъ облакомъ снѣжной пыли. Я узналъ Звѣницына и Рабенгорста по бѣлымъ ихъ фуражкамъ.

За ними вслѣдъ выѣхали старомодныя сани съ круглымъ задкомъ, запряженныя въ дышло двумя сильно храпѣвшими и взмыленными лошадьми. На облучкѣ стоялъ кучеръ, съ жиденькою разноцвѣтною бородой, — очевидно изъ дворовыхъ,— и въ порванной, когда-то синей, бархатной шапкѣ, поощряя кнутомъ своихъ чахоточныхъ коней самымъ прилежнымъ образомъ. Въ саняхъ сидѣлъ г. Секкаторовъ, котораго, впро-

чемъ, можно было скорѣе угадать, чѣмъ узнать подъ медвѣжьею шубой, укутывавшею его вплоть до самаго темени.

— Тише, дай имъ проѣхать! сказалъ я своему кучеру, собиравшемуся уже пустить въ обгонъ проѣхавшихъ, по неизбѣжному въ этомъ случаѣ чувству русскаго возницы, одареннаго благороднымъ честолюбіемъ.

— Ужь не они-ли? спросилъ меня докторъ.

— Кто они?

— Да ваша pars adversa, гвардіоны-стрѣлометатели, объяснилъ Виссаріонъ Никитичъ, у котораго были какія-то свои удивительныя выраженія.

— Вы отгадали, они сами.

— И старичокъ изъ ихъ же компаніи?

— Какой старичокъ?

— А вотъ что сейчасъ въ этомъ арбузѣ проѣхалъ?

— Этотъ старичокъ моложе васъ, почтеннѣйшій, возразилъ я, смѣясь.

— Кто-же онъ по профессіи? Фамилію не спрашиваю, примолвилъ докторъ, указывая глазами на нашего кучера.

— Московскій житель, изъ отставныхъ.

— Того же, значитъ, христолюбиваго воинства цвѣтъ и плодъ, молвилъ Виссаріонъ Никитичъ, качая головой. — Что-же онъ такъ не по-воински въ медвѣдя своего зарылся? Я помню, въ дѣтствѣ, у меня въ прописяхъ значилось: воинъ! не страшись ни глада, ни хлада, ни вражескаго меча, — съ большимъ восклицательнымъ знакомъ.

— Ему, вѣроятно, въ этомъ медвѣдѣ ловчѣе, чѣмъ вамъ въ вашемъ тулупѣ, сказалъ я ему на это, чувствуя чуть не въ двадцатый разъ уголъ его локтя въ моемъ боку.

Виссаріонъ Никитичъ фыркнулъ и замолкъ, продолжая, впрочемъ, толкать меня въ бокъ все такъ же немилосердно.

Тѣмъ временемъ достигли мы заставы. На дорогѣ предъ нею стоялъ длинный рядъ возовъ съ кладью; но въ то же время голосъ караульнаго крикнулъ: подвысь! Шлагбаумъ поднялся, и мы, вслѣдъ за потянувшимся обозомъ, преспокойно выѣхали на шоссе.

— Трогай! закричалъ я кучеру.

Мы не проѣхали и ста шаговъ, какъ вдругъ увидѣли, что къ намъ на встрѣчу мчатся бѣлыя фуражки.

— Они назадъ ѣдутъ! воскликнулъ докторъ.

Я велѣлъ остановиться. Подъѣхавъ къ намъ, офицеры выскочили изъ саней.

Тревога изображалась на ихъ лицахъ.

— Троекъ нашихъ нѣтъ! сказалъ мнѣ по-французски Звѣницынъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Какъ такъ?

— Нѣтъ, не пріѣхали. Ни ямщиковъ, ни моего человѣка, никого!

— А они должны были ждать насъ здѣсь, на постояломъ дворѣ, съ ранняго утра, добавилъ Рабенгорстъ.

— Человѣка моего я отправилъ къ этимъ подлецамъ ровно въ восемь часовъ. Что̀ могло съ нимъ случиться, непонятная вещь!

— Зашелъ, полагать надо, по дорогѣ, сотворить возліяніе Вакху, да тамъ и по сей часъ, сказалъ хладнокровно Виссаріонъ Никитичъ.

— Mais c'est impossible, il n'ose pas, le coquin! чуть не съ отчаяніемъ возразилъ ему Звѣницынъ.

— Пожалуй; отвѣчать нельзя, молвилъ Рабенгорстъ.

— Какъ же намъ быть однако? спросилъ я его.

— Я сейчасъ справлялся на постояломъ дворѣ: нельзя-ли гдѣ достать лошадей. Говорятъ: нѣтъ.

— Въ Ямской слободѣ можно нанять, сказалъ графу Виссаріонъ Никитичъ.

— Гдѣ это? Близко отсюда? спросилъ тотъ.

— Не знаю, не бывалъ, а только что есть она: въ каждомъ русскомъ городѣ есть ямская слобода, примолвилъ онъ, строго взглянувъ на офицера.

— Нѣтъ, гдѣ тамъ еще искать... Они задатокъ получили, должны пріѣхать! гнѣвно воскликнулъ Звѣницынъ, топая ногой.

— По-моему, теперь остается намъ одно, сказалъ графъ.— Я вернусь въ Москву за нашими троечниками, или найму тамъ другихъ, а вы подождите меня на постояломъ дворѣ.

Мы переглянулись молча. Никому, повидимому, не улыбалась эта перспектива.

— Вотъ, кстати, и г-нъ Секкаторовъ ѣдетъ, промолвилъ Рабенгорстъ.—Онъ тебя подвезетъ, Звѣницынъ. А я отправляюсь въ нашихъ саняхъ.

Измученные кони г. Секкаторова дѣйствительно плелись къ намъ на встрѣчу маленькою рысцой, и самъ онъ выглядывалъ изъ-за спины своего кучера, все такъ же плотно погруженный въ своего медвѣдя, какъ вдругъ какое-то непостижимое волненіе овладѣло имъ. Онъ привсталъ, откинулъ воротникъ шубы, замахалъ намъ рукой. Кучеръ заёрзалъ вожжами, свистнулъ, замоталъ кнутомъ...

— Что тамъ еще такое? воскликнулъ Звѣницынъ.

— Обернитесь! едва могъ проговорить, подъѣзжая, Секкаторовъ.

Всѣ обернулись.

Съ перваго раза можно было замѣтить только необычайную суету въ ряду мирно до этого тащившагося за нами обоза. Извощики какимъ-то перепуганнымъ голосомъ гикали на своихъ лошадей и, подхватывая ихъ подъ уздцы, торопливо сворачивали въ сторону. Полозья скользили по округлости шоссе, угрожая свалить въ канаву громоздкую кладь. Какая-то сконфузившаяся буланка рванула внезапно изъ ряда и очутилась поперекъ самой дороги, со свороченною на бокъ дугой; высокій парень, безъ шапки, кинулся къ ней, задубасилъ ее кулакомъ по челюсти. „Дер-жи, увалень, чо-ортъ!“ ревѣли хоромъ осиплые голоса.

И оглушительнѣе всѣхъ ихъ, звонче военной трубы, слышался несущійся отъ заставы крикъ: „па-ади, па-ади!“

На опроставшейся середкѣ шоссе показались сани съ высокимъ сидѣньемъ, съ котораго зорко глядѣлъ впередъ плечистый и рослый мущина въ каскѣ и шинели, опушенной бобрами. За нимъ скакали двое казаковъ.

— Я васъ предупреждалъ: за нами погоня! воскликнулъ Секкаторовъ.

— Сама Ѳемида въ образѣ полковника Томилы-Буйносова!

молвилъ Виссаріонъ Никитичъ, первый узнавая знакомаго всей Москвѣ полицейместера.

Все объяснилось: и волненіе г. Секкаторова, и испугъ проѣзжихъ, и необдуманный поступокъ растерявшейся буланки.

Полковникъ Томило-Буйносовъ, въ свою очередь, давно уже, повидимому, узналъ насъ, но возсѣдалъ въ полицеймейстерскихъ саняхъ своихъ такъ же неподвижно-величественно, какъ на извѣстной картинкѣ:

Несомый бурею на лодкѣ Петръ Великій.

Только чернобородый кучеръ его, Татаринъ, какъ-то свирѣпо косилъ зрачками въ нашу сторону, и темно-гнѣдые кони отбивали ногами по мерзлой землѣ съ какимъ-то глухимъ, зловѣщимъ топотомъ.

— Стой! крикнулъ полковникъ, поровнявшись съ нами.

Татаринъ дернулъ возжами; лошади стали какъ вкопаныя.

По всѣмъ статьямъ былъ полицейместеръ полковникъ Томило-Буйсоновъ!

— Господа, позвольте узнать, по какому случаю встрѣчаю я васъ здѣсь? спросилъ онъ пріятнымъ теноромъ, вѣжливо прикладывая руку къ каскѣ и улыбаясь съ самымъ дружелюбнымъ видомъ.

Отвѣчать не нашлось никого. Всѣ, очевидно, чувствовали себя въ преглупѣйшемъ положеніи.

Полковникъ вытащилъ изъ-подъ шинели тончайшій батистовый платокъ и принялся обтирать имъ свои слегка заиндѣвѣвшіе усы, какъ бы съ намѣреніемъ дать намъ время для пріисканія какого-нибудь объясненія.

Звѣницынъ нашелся первый.

— Мнѣ кажется, сказалъ, онъ шутливо, — мы имѣли бы еще болѣе права обратиться съ этимъ вопросомъ къ вамъ, полковникъ.

— Почему же такъ, cher capitaine, отвѣчалъ, впадая въ его тонъ, такъ же привѣтливо-шутливо, полицеймейстеръ.

— Да потому что, полагаю, ваша служба запрещаетъ вамъ выѣзжать аа черту города.

— Кромѣ экстренныхъ порученій, любезнѣйшій ротмистръ,

кромѣ экстренныхъ порученій, которыя всегда въ волѣ начальства.

— А!

Полковникъ Томило-Буйносовъ улыбнулся и, упрятывая платокъ свой въ карманъ, примолвилъ:

— И, къ крайнему моему сожалѣнію, въ настоящую минуту имѣю таковое самаго непріятнаго свойства.

— Какое же именно, можно полюбопытствовать? спросилъ Звѣницынъ, бодро глядя ему въ глаза.

— Да вотъ-съ какое, громко и отчетливо отвѣчалъ ему полицеймейстеръ, — мнѣ поручено объявить вамъ, что вы не въ ту заставу выѣхали.

— Что это значитъ?

— Въ Петербургъ на Тверь дорога, а не на Серпуховъ, пояснилъ, любезно улыбаясь, Буйносовъ.

— Я васъ не понимаю!

— Вашъ отпускъ кончается завтрашняго числа, и потому оставаться вамъ долѣе въ Москвѣ значило бы съ вашей стороны...

— Я жду отсрочки изъ полка, перебилъ его кирасиръ, раздувая ноздри.

— Душевно сожалѣю, что такъ поздно. Мнѣ наистрожайше предписано наблюсти, чтобы вы сегодня же изволили выѣхать къ мѣсту службы.

— Это чортъ знаетъ что такое! воскликнулъ взбѣшенный офицеръ. — Я буду жаловаться въ Петербургѣ!

Полковникъ Томило-Буйносовъ взглянулъ на него съ тѣмъ выраженіемъ, съ какимъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ долженъ былъ глядѣть на расходившагося Тентетникова, когда тотъ передавалъ ему о своей размолвкѣ съ генераломъ Бетрищевымъ, а Чичиковъ думалъ это время: дѣйствительно-ли круглый дуракъ Тентетниковъ, или только съ придурью.

— На кого же это вы будете жаловаться, ротмистръ? спросилъ онъ его голосомъ, въ которомъ выражалось самое искреннее сожалѣніе

Звѣницынъ не отвѣчалъ и только взглянулъ на Рабенгорста, какъ бы ожидая отъ него помощи или совѣта.

Но товарищъ его опустилъ глаза въ землю, видимо не находя слова въ его поддержку. И дѣйствительно, дѣлать было нечего.

— Что же, вамъ поручено и вывести меня изъ Москвы? молвилъ съ ироніей и по довольно продолжительномъ молчаніи Звѣницынъ, обращаясь къ Буйносову.

— Боже сохрани! Помилуйте, развѣ вы арестантъ какой-нибудь, cher capitaine, возразилъ ему тотъ успокоительно. — Поѣзжайте какъ и съ кѣмъ вамъ угодно. Мнѣ приказано только удостовѣриться лично въ томъ, что вы сегодня выѣхали въ Петербургъ. А стѣснять кого бы то ни было не входитъ ни въ кругъ моихъ обязанностей, ни въ образъ моихъ мыслей, промолвилъ съ достоинствомъ полковникъ Буйносовъ, который, дѣйствительно, никоимъ образомъ не сталъ бы дѣлать себѣ врага изъ гвардейскаго офицера, у котораго еще, пожалуй, могли быть связи въ Петербургѣ.

— Очень вамъ благодаренъ, но право не знаю, какъ я успѣю выѣхать сегодня, сказалъ, замолчавъ, кирасиръ, — человѣкъ мой пропалъ съ утра и...

— Человѣкъ вашъ задержанъ сегодня въ двѣнадцатомъ часу, въ пьяномъ видѣ на постояломъ дворѣ, въ Зарядьѣ, объяснилъ полковникъ улыбаясь, — и въ настоящую минуту находится у васъ на квартирѣ, въ гостиницѣ Шевалье.

— Мерзавецъ! воскликнулъ гнѣвно Звѣницынъ. — Такъ это вы чрезъ него узнали?...

— О предполагаемой вами прогулкѣ? досказалъ полицеймейстеръ, лукаво подмигивая глазомъ. — Вы не ошиблись. Впрочемъ, вы должны догадываться, что мы за вами слѣдили; мы третьяго дня еще знали, что вами наняты двѣ тройки до Серпухова, примолвилъ онъ, — очевидно прихвастнувъ.

— Вы мнѣ позволите сказать два слова г. ***? спросилъ его Звѣницынъ.

— Сдѣлайте милость, сколько угодно.

Я вылѣзъ изъ саней и отошелъ съ Звѣницынымъ на нѣсколько шаговъ.

— Скажите г. Кемскому отъ меня, молвилъ онъ, съ едва

сдерживаемымъ бѣшенствомъ, что если онъ не трусъ, онъ пріѣдетъ въ Петербургъ разсчитаться со мной.

— Извините меня, г. Звѣницынъ, отвѣчалъ я ему, раздосадованный, въ свою очередь, такою неимовѣрною претензіей,— этого порученія я на себя не возьму. Кемскій сдѣлалъ все что отъ него зависѣло для вашего удовлетворенія. Онъ же наконецъ не виноватъ, что у васъ болтуны-пріятели и пьяные слуги. Службой онъ точно также связанъ какъ и вы. Если же вамъ непремѣнно хочется помѣняться съ нимъ пулей, такъ за этимъ, по всей справедливости, слѣдутъ отправиться къ нему вамъ, а не ему къ вамъ.

— Хорошо: такъ въ такомъ случаѣ предварите его, что будь онъ на краю свѣта, я сумѣю отыскать недруга, грозно промолвилъ гвардеецъ и отошелъ отъ меня.—Ѣдемъ, Рабенгорстъ! закричалъ онъ товарищу.

— У меня такъ же къ вамъ два слова, cher conseiller,— сказалъ Буйносовъ, маня меня рукой изъ своихъ саней.

— Что вамъ угодно? спросилъ я, нехотя подходя къ нему.

— Приказано вамъ посовѣтовать, заговорилъ онъ, понижая голосъ, не на столько однакоже, чтобы слова его не дошли до ушей находившагося вблизи Секкаторова,—посидѣть у себя дома, пока не замолкнетъ въ городѣ говоръ по поводу этой исторіи.

— Что же это такое: арестъ? сказалъ я.—За что?

— Понимайте какъ знаете. Мое дѣло было передать вамъ, отвѣчалъ полицейместеръ.

Безмолвный до того Секкаторовъ обратился вдругъ къ нему съ вопросомъ.

— Et il n'y a rien pour moi, mon cher Bouinossof?

— Quoi donc? съ искреннимъ или притворнымъ удивленіемъ спросилъ его тотъ.

— Нѣтъ, такъ.... я думалъ, что.... Звѣницынъ! крикнулъ онъ:—я заѣду къ тебѣ на квартиру проститься...

— Сдѣлай одолженіе, сказалъ равнодушно гвардеецъ, усаживаясь въ сани съ Рабенгорстомъ.

— Буйносовъ, вѣдь и ты за ними? молвилъ Секкаторовъ.

— Да. А что?

— Не подвезешь-ли, братецъ, меня? Одры мои чуть ноги волочатъ.

— Садись, пожалуй; поѣдемъ.

— Merci.—Филиппъ, ступай полегоньку домой. Да смотри у меня, въ питейный домъ не заѣзжать! гнѣвно заключилъ, садясь въ полицейместерскія сани, г. Секкаторовъ, забывая свое столь еще недавнее восхваленіе странъ, озаренныхъ солнцемъ просвѣщенія, и возчувствовавъ, повидимому, съ новымъ удовольствіемъ родную почву подъ ногами.

Они уѣхали.

Виссаріонъ Никитичъ, успѣвшій въ продолженіе всего этого времени окончательно справиться съ своимъ тулупомъ и застегнуть его на всѣ крючки, обернулся ко мнѣ и разразился смѣхомъ,

— Ну, отецъ мой, одолжили вы меня! молвилъ онъ.— Ужъ точно, можно съ Федромъ сказать: ex monte nascitur ridiculus mus,—гора мышенкомъ разрѣшилась, все равно что программа иного изъ нашей братіи, ученыхъ. Благо, не долго рожала; вечеръ не пропалъ!.. Одно вотъ скверно,—докторъ указалъ мнѣ рукой сквозь наступавшую мглу на скученный на одной сторонѣ шоссе и застрявшій за нашими санями обозъ, вокругъ котораго похаживали извощики, похлопывая себя рукавицами по плечамъ и нетерпѣливо постукивая валенками по хрустѣвшему снѣгу,—за что мужичкамъ-то лишній часъ мерзнуть приходится изъ-за барскаго вздора? А впрочемъ, промолвилъ онъ беззаботно,—помните Мочалова въ Гамлетѣ:

Оленя ранили стрѣлой,
А лань здоровая смѣется;
Заснулъ одинъ, не спитъ другой,
И такъ на свѣтѣ все ведется!

И докторъ всю дорогу проговорилъ о Мочаловѣ. Я довезъ его и поѣхалъ домой.

XVIII.

Два дня послѣ этого происшествія, я скакалъ по Владимірской дорогѣ въ нижегородскую деревню, куда призывало меня неожиданное извѣстіе о болѣзни матери. Этотъ печальный случай избавилъ меня отъ всякихъ явныхъ и неявныхъ послѣдствій „исторіи", по поводу которой въ это время гудѣла, какъ водится, вся Москва, отъ Остоженки до Басманной. Я едва успѣлъ, предъ отъѣздомъ, написать къ Кемскому нѣсколько словъ о случившемся, прося его подать о себѣ вѣсть.

Вернувшись въ Москву, въ траурѣ, на Ѳоминой недѣлѣ, я нашелъ у себя отвѣтъ Кемскаго на мое письмо. Оно занимало всего полстраницы. Морякъ извѣщалъ меня о прибытіи своемъ въ Николаевъ и благодарилъ за дружбу. Онъ, очевидно, ограждалъ себя преднамѣренною сухостью этого письма отъ всякой попытки съ моей стороны продолжать съ нимъ переписку.

„Все кончено между нами", сказалъ я себѣ съ грустью; „онъ не проститъ мнѣ того, чему я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, и мысль обо мнѣ неразлучна теперь для него съ мыслью о самыхъ тяжкихъ минутахъ его жизни... Но гдѣ же она, роковая красавица? что ея отецъ?" думалъ я, припоминая въ первый разъ послѣ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ отчаянной тревогѣ у постели умирающей, о дѣйствующихъ лицахъ этой необъяснимой драмы.

Чемисаровыхъ не было въ Москвѣ, узналъ я отъ Чесмина. Еще на первой недѣлѣ поста они уѣхали въ деревню совер-

шенно неожиданно, такъ какъ старикъ генералъ былъ довольно серіозно боленъ, и пользованіе его, по словамъ докторовъ, далеко не было кончено. Въ городѣ приписывали этотъ внезапный отъѣздъ размолвкѣ отца съ дочерью, которая, объяснялъ мнѣ Чесминъ, оказывается по уши влюбленною въ Звѣницына, между тѣмъ какъ отецъ прочитъ ее за Кемскаго. Лысый, но чувствительный маіоръ не сомнѣвался въ этомъ.

— Счастливецъ Звѣницынъ! говорилъ онъ своимъ забавно-плаксивымъ голосомъ: — въ ротмистры, слышно, произведенъ, лейбъ-эскадрономъ командуетъ, любимъ этакою царицей, да еще, къ довершенію всего, въ мученики попалъ, только что акаѳистовъ не поютъ ему!

— Какъ, въ мученики?

— Да такъ; съ тѣхъ поръ, когда васъ всѣхъ, дуэлистовъ-то, Буйносовъ на большой дорогѣ какъ перепеловъ накрылъ, помнишь? Вотъ, съ той поры Секкаторовъ и пустилъ въ ходъ фразу: Звѣницынъ—martyr de l'honneur. Женскій полъ и подхватилъ: и вопятъ онѣ теперь всѣ въ одинъ голосъ: Звѣницынъ martyr de l'honneur. Поди ты съ ними, разговаривай.

— Недаромъ, видно, сказалъ я,—Вашневъ его Густавомъ-Адольфомъ звалъ.

— Вашневъ, вотъ еще непроходимая ракалья! воскликнулъ Чесминъ.—Толкнулся было онъ къ Чемисаровымъ. Пріѣхалъ съ визитомъ, непрошенный, негаданный. Старикъ генералъ велѣлъ ему сказать, что онъ незнакомыхъ ему лицъ не принимаетъ. Такъ Вашневъ-то, со злости, сталъ распускать сплетни про нашу божественную, будто Звѣницынъ не первый предметъ ея страсти, и что она, еще въ деревнѣ, хотѣла выйдти замужъ за какого-то музыканта, который, не добившись, разумѣется, согласія отъ отца ея, взялъ да и зарѣзался.

Я навострилъ уши.

— Кто же былъ такой музыкантъ, не слыхалъ?

— Да никакого, вѣроятно, и не было, хотя Вашневъ клянется-божится, что объ этомъ вся К—ая губернія знаетъ.

Что возьметъ какой-нибудь Вашневъ выдумать! Однако Крусановъ на первыхъ же порахъ осадилъ его.

— Крусановъ?

— Ну да, вѣдь это по его части: не смѣй о дѣвушкѣ дурно отзываться. Онъ и пригрозилъ ему написать старику Чемисарову, что вотъ-молъ такой-то Вашневъ распускаетъ про вашу дочь неблаговидные слухи. Такъ тотъ такъ испугался, что цѣлую недѣлю прятался отъ насъ: неравно, думаетъ, и въ самомъ дѣлѣ донесутъ на него. Вотъ ужь по пословицѣ: блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ.

— А что Крусановъ? спросилъ я.

— Въ эмпиреяхъ обрѣтается, любезный другъ. Иль ты не знаешь? Вѣдь его Ольга Николаевна овдовѣла; повезъ онъ ее въ деревню. Черезъ годъ свадьба. Я заранѣе шаферомъ приглашенъ.

— Что же, и прекрасно!

— Еще бы! Вѣдь премиленькая, и съ состояніемъ, и сколько лѣтъ толстяка этого любитъ,—поди вотъ!... Нѣтъ, братъ, видно, одного меня обнесли чаркой на жизненномъ пирѣ, объявилъ маіоръ, вздыхая, закатилъ глаза подъ свой нескончаемый лобъ и погрузился въ задумчивость.

— И ты ничего болѣе о Чемисаровыхъ не знаешь? переспросилъ я его.

— Что и откуда мнѣ знать! отвѣчалъ Чесминъ угрюмо,— уѣхали, и концы въ воду.

„И концы въ воду, дѣйствительно,“ подумалъ я. „Видно въ книгѣ судебъ написано, никогда не узнать мнѣ этой тайны...“

Вскорѣ послѣ приведеннаго мной разговора, я навсегда покинулъ Москву.

ТИПЫ ПРОШЛАГО.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Четыре года тому назадъ. *) въ концѣ августа, возвращаясь въ Россію изъ Италіи, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ сряду, я попалъ случайно въ Баденъ.

Сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ; подходило время скачекъ. Погода стояла чудесная. Городъ кишилъ, словно расходившійся муравейникъ. Цѣлый день гремѣла музыка у Conversationshaus'a. На улицахъ слышались звуки, принадлежавшіе къ самымъ разнороднымъ нарѣчіямъ земнаго шара; разноплеменная, праздничная толпа неслась на встрѣчу пріѣзжему: Тирольцы въ высокихъ шляпахъ, украшенныхъ лентами, цвѣтами и птичьими чучелами, поселянки изъ Шварцвальда въ своихъ причудливыхъ головныхъ уборахъ, австрійскіе воины, неукоризненно приличные, и Пруссаки, похожіе на оловянныхъ куколъ; Мулаты въ нанковыхъ пиджакахъ и голубыхъ галстукахъ; длиннозубыя Англичанки-няньки съ питомцами въ поддевкахъ и плисовыхъ шароварахъ; художники изъ Дюссельдорфа, свѣтлоокіе и стройные, какъ молодой Пикколомини Шиллера, и тяжелые филистеры съ во-

*) Писано въ 1865 году.

ночею сигарой въ зубахъ; обывательки изъ Варшавы, въ патріотической „жалобѣ“ увѣшанныя эмблематическими цѣпями, кольцами, распятіями, съ вызывающимъ взглядомъ изъ-подъ лицемѣрныхъ рѣсницъ, и улыбающіяся на нихъ наши знакомыя, широкія степныя лица. Здѣсь былъ и весь этотъ побродяжный и тунеядный парижскій міръ, что сидитъ каждый день отъ часу до семи на Италіянскомъ бульварѣ, въ Café anglais и maison d'Or, и отъ семи до полуночи въ авансценахъ Оперы, Пале-Рояля и Оффенбаховскихъ Буффовъ, всѣ эти джентльмены сомнительнаго происхожденія и громкія имена съ сомнительною репутаціей, герои baccarat и герои стипль-чезовъ, agents de change'и, литературные сплетники и театральные критики, биржевые игроки и наглыя фрины съ неизбѣжными мецентами своими, boyards russes всѣхъ націй, возрастовъ и видовъ. Весь этотъ людъ умиралъ за рулеткой, объѣдался у Вебера, голосилъ безъ умолку на своемъ циническомъ argot и надрывался смѣхомъ до тошноты, до обморока. Представители французскаго ума, de l'intelligence française, драматурги, романисты, поставщики „mots“ въ *Charivari* и *Figaro*, борзописцы premiers Paris и наполеоновскихъ брошюръ, стучали костяшками домино и поглощали абсентъ отъ ранняго утра до поздней ночи предъ лицомъ и въ назиданіе поучаемой ими Европы. Теккереевскіе Ньюкомы, кептены на полужалованьи, съ женами и цвѣтущими дочерьми, гуляли стадами по Лихтентальской аллеѣ, взбирались на ослахъ на высоты Альтшлосса и прилежно отплясывали на даровыхъ балахъ Conversation'a, въ видахъ все того же полезнаго гимнастическаго упражненія. Старые и юные Durch и Erlaucht'ы изъ *Almanach de Gotha* отличались благонравіемъ, достойнымъ потомковъ благородныхъ предковъ, и, не поддаваясь никакимъ разорительнымъ соблазнамъ, занимались платоническимъ ферлакурствомъ за русскими барынями. Русскія барыни засѣдали подъ особымъ, имъ исключительно посвященнымъ и даже окрещеннымъ въ честь ихъ „русскимъ“, деревомъ, на самомъ видномъ мѣстѣ гулянья, и глядѣли оттуда, какъ съ Монблана, на остальное человѣчество. Онѣ, повидимому, главенствовали въ Баденѣ и

даже безаппелляціонно. Осторожно и потупясь, какими-то сконфуженными тѣнями, старались проскользнуть мимо ихъ злополучные кринолины, не признанные ими, и шляпки съ фазановымъ крыломъ, имѣвшія несчастіе подвергнуться, вслѣдствіе какихъ-то невѣдомыхъ соображеній, ихъ безпощаднымъ приговорамъ. Наѣзжіе журнальные хроникеры и изъѣденные золотухой сыны Сенъ-Жерменскаго предмѣстья возглашали хоромъ: „il n'y a plus de grandes dames que les dames russes!“ Торжество было полное. Но, Боже мой, еслибъ знали эти бѣдныя, настоящія и самодѣльныя princesses russes, какимъ анаѳемамъ предавали въ это же время „новые люди“ ихъ родины все это „отжившее сословіе“, котораго онѣ такъ упорно изощрялись явить себя достойными представительницами въ нѣмецкомъ городѣ Баденъ-Баденѣ, предъ лицомъ европейской high life и парижской благодѣтельной гласности! Но баденскія princesses russes не подозрѣваютъ и по нынѣшній день существованія бывшихъ этихъ „новыхъ людей“ въ любезномъ ихъ отечествѣ, какъ не подозрѣваютъ онѣ, впрочемъ, кажется, и того, что у нихъ есть какое-то отечество...

Весь этотъ гамъ и праздничное возбужденіе, и игра крохотныхъ людскихъ тщеславьицъ и trente et quarante, въ которую, сказывали, одинъ милый господинъ изъ донскихъ степей, пьяный до положенія ризъ, выигралъ сто тысячъ франковъ въ одинъ присѣстъ, къ великой потѣхѣ присутствовавшей при этомъ галлереи, и бархатные глаза двухъ сестеръ-креолокъ, — все это, пожалуй, могло быть и привлекательно, и забавно. Но я спѣшилъ въ Россію. Къ тому же я ѣхалъ изъ Италіи; тамъ въ это время кишилъ людской муравейникъ въ виду иныхъ интересовъ, иныхъ цѣлей...

Я собирался уже ѣхать изъ Бадена; неожиданная встрѣча измѣнила мои намѣренія. Проходя однажды послѣ обѣда по гулянью, я подошелъ купить сигаръ къ табачной лавкѣ, по сосѣдству стараго каштана, извѣстнаго подъ кличкой „русскаго“ дерева. Въ тѣни его засѣдало, по обыкновенію, довольно многочисленное общество, дамы кружкомъ за небольшимъ столикомъ, мущины рамкой вокругъ дамъ. Къ послѣднимъ примыкалъ какой-то господинъ въ андалузской шляпѣ

я розовомъ галстукѣ, сидѣвшій на балансѣ, на переднихъ ножкахъ своего стула, въ весьма неловкомъ и даже небезопасномъ для него положеніи. Но пододвинуть стулъ свой впередъ, поближе къ кружку, онъ какъ будто не рѣшался, какъ не рѣшался, повидимому, и ввернуть свое слово въ общій разговоръ, а ограничивался какими-то невнятными мычаніями и тѣми блуждающими улыбками, которыя такъ предательски выдаютъ человѣка, чувствующаго себя по той или другой причинѣ *не по себѣ*.

„Гдѣ это я видѣлъ это лицо?“ думалъ я, расплачиваясь съ обязательнымъ лавочникомъ, который, въ видѣ преміи за забранныя мной сигары, предложилъ мнѣ получить даромъ пачку папиросъ Лаферма: Русскаго, извѣстно, этотъ народъ верхнимъ чутьемъ чуетъ.

Розовый галстухъ вскочилъ внезапно съ мѣста, какъ бы несказанно обрадовавшись. Стулъ его будто только того и ждалъ: грохнулся, подломанный, на асфальтъ тротуара. Весь кружокъ всполошился: кто-то вскрикнулъ, всѣ обернулись. Какая-то госпожа, съ библейскимъ типомъ лица, глянула чрезъ плечо на виновнаго, потомъ на свою сосѣдку, крупную блондинку, какъ бы спрашивая: d'où sort-il, ce quidam? Блондинка, дама очевидно петербургскаго происхожденія, презрительно повела губами.

Но виновный ничего уже этого не видѣлъ. Онъ стремился ко мнѣ съ распростертыми объятіями.

— М***, вы ли? Боже мой, сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Нельзя было ошибиться: эта мягкая рѣчь, этотъ сдобный баритонъ могли принадлежать единственно просвѣщенному г. Секкаторову.

Дѣйствительно, это былъ онъ, значительно облысѣвшій и потучнѣвшій. Что же дѣлать? Видно и къ Секкаторовымъ безпощадно время.

— Свѣжо преданіе... Давно-ли мы, кажется, съ вами въ Москвѣ... Какъ я, право, радъ!... восклицалъ онъ между тѣмъ, подхватывая меня подъ руку и таща за собой въ сторону противоположную „русскому“ дереву.

„Плохо, видно, приходилось тебѣ тамъ“ подумалъ я, по-

неволѣ слѣдуя за нимъ:—„не изъ чего бы, кажется, приходить въ телячій восторгъ“.

— Вы откуда и куда? спрашивалъ онъ меня и, узнавъ, что изъ Флоренціи, неизвѣстно почему вздохнулъ и сообщилъ мнѣ, что онъ прямо изъ Россіи.

— Что̀ тамъ подѣлывается? спросилъ я.

— Въ Россіи? Помилуйте, громадное событіе совершилось 19-го февраля! Или вѣсти не дошли до вашего прекраснаго далека, любезный другъ? примолвилъ онъ, трепля меня по рукѣ и словно весь расплываясь отъ удовольствія.

— Я ѣду въ деревню уставныя грамоты писать; мнѣ было бы интересно знать, что какъ крестьяне...

— Управляющій мнѣ пишетъ: миръ, тишина и благоденствіе! Да и можно-ли было сомнѣваться? Вѣдь это одинъ князь Петръ Ивановичъ можетъ доказывать, что намъ съ свободой не справиться, какъ мартышкѣ съ очками. За то же вѣдь князь Петръ Ивановичъ...

Отъ него такъ и понесло Сухаревою башней.

Я поспѣшилъ перебить его.

— А сами вы въ деревнѣ не были?

— Не былъ. Признаюсь, рвался въ Европу. Вы согласитесь, что лучшаго момента нельзя было выбрать, потому, согласитесь, до сихъ поръ что̀ мы были? Варвары, Скиѳы-рабы, на которыхъ еще Геродотъ съ презрѣніемъ указывалъ пальцемъ. Вѣдь Скиѳы мы были, вы согласны?

— Конечно, конечно, подтвердилъ я. Я готовъ былъ и не на это согласиться.

— А теперь мы можемъ съ вами смѣло протянуть руку каждому иностранцу и сказать ему: „Любезный мой, не сердись, мы также сыны свободнаго народа; полно давить насъ подъ исполинскою пятой твоей гражданственности!“

„Господи, Боже мой! Давить подъ пятой гражданственности!“ повторилъ я мысленно, глядя на него уже съ нѣкоторымъ страхомъ.

А онъ даже руки разставилъ, точно волчокъ спустилъ. Сколько такихъ волчковъ наспускалъ онъ, воображаю, въ эти десять-двѣнадцать лѣтъ, въ московскихъ-то салонахъ!

Мы подошли между тѣмъ къ Conversationshaus'у.

— Вы во что проигрываетесь: въ рулетку или въ trente et quarante? спросилъ онъ меня.

— Да ни во что; я съ пріѣзда еще и не заходилъ сюда.

— Всѣ добродѣтели! воскликнулъ онъ, насмѣшливо кланяясь мнѣ. — Вашему другу не мѣшало бы, кажется, поучиться у васъ воздержности: онъ болѣе двадцати тысячъ франковъ успѣлъ уже спустить à la rouge.

— Какому это другу? спросилъ я съ удивленіемъ: — у меня здѣсь и хорошихъ знакомыхъ никого не оказывается.

— Развѣ вы и съ нимъ расходитесь? съ паутинно-тонкою ироніей спросилъ г. Секкаторовъ, по старой привычкѣ своей тотчасъ же и обидѣвшійся моими словами.

— Съ кѣмъ же это наконецъ?

— Да съ господиномъ Кемскимъ. Или вы съ нимъ еще не видѣлись?

— Съ Кемскимъ? Онъ здѣсь?

— Здѣсь именно, отвѣчалъ Секкаторовъ, указывая на игорныя залы зданія, предъ которымъ мы стояли, — отъ утренней зари и до вечерней зари. Я его тотчасъ же узналъ, хотя онъ такъ измѣнился, ужасъ.... Вы знаете, что ему подъ Севастополемъ....

Но я его уже не слушалъ и побѣжалъ опрометью отыскивать стараго товарища.

II.

За длиннымъ зеленымъ столомъ, вокругъ котораго тройною галлереей тѣснилась толпа игроковъ и любопытныхъ, сидѣлъ противъ самаго банкомета согбенный и исхудалый человѣкъ съ длинною, почти совершенно бѣлою бородой, падавшею на столъ и по которой онъ съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ то-и-дѣло проводилъ блѣдными пальцами лѣвой руки, отрывая ихъ лишь для того, чтобы забирать въ горсть и за тѣмъ снова разсыпать довольно большую горку золота, лежавшую предъ нимъ. Это былъ Кемскій. Боже мой, что̀ было общаго между этимъ призракомъ и тѣмъ милымъ юношескимъ образомъ, который такъ живо хранился въ моей памяти! Неужели *это* сулила ему его цвѣтущая, богатая дарами молодость? Грустно было глядѣть на его поблекшія, едва узнаваемыя черты, на опустившіяся вѣки усталыхъ глазъ, на безпощадную сѣть морщинъ, глубоко бороздившую лобъ его и виски. Его густые, все еще курчавые волосы безпорядочно распадались во всѣ стороны спутанными сѣдыми прядями. Краснорѣчивѣе всякихъ рѣчей говорилъ мнѣ этотъ всклокоченный лѣсъ сѣдыхъ волосъ Кемскаго о его бездомной, отжитой жизни....

„А вѣдь ему нѣтъ еще и сорока лѣтъ“! думалъ я.

Среди мертвой тишины залы, банкометъ возглашалъ между тѣмъ своимъ звучнымъ напѣвомъ:

— Rouge gagne et noir perd!..

Какой-то французъ-старичокъ, за стуломъ котораго я нашелъ себѣ мѣсто, ткнулъ булавкой въ лежавшую предъ нимъ карточку и прошепталъ: „passera plus“!

Кемскій въ то же время сгребъ все свое золото и поставилъ его на красную.

— Noir gagne et rouge.... запѣлъ, прометавъ снова банкометъ. Сидѣвшій подлѣ него крупье потянулъ къ себѣ лопаткой золото Кемскаго.

— De capitaine russe est en deveine de dix mille francs aujourd'hui, сказалъ старичокъ-французъ своему сосѣду.

Кемскій нетерпѣливо тряхнулъ своими сѣдыми кудрями и поднялъ голову.

Крупье поспѣшно протянулъ свою лопатку къ сверткамъ, лежавшимъ предъ банкометомъ.

— Un rouleau de cinq cents? предложилъ онъ Кемскому.

Игрокъ былъ очевидно коротко знакомъ этой почтенной компаніи.

Я такъ пристально, такъ неотвязно глядѣлъ на него, что заставилъ его, наконецъ, замѣтить себя. Онъ долго вглядывался, наконецъ узналъ. Полурадостная, полусмущенная улыбка пробѣжала по его губамъ; усталые глаза заморгали.

— Merci, j'ai cessé, сказалъ онъ, вставая.

Я тутъ только увидѣлъ, что правой руки у него не было; пустой рукавъ болтался, небрежно пристегнутый къ пуговицѣ его мѣшковатаго полотнянаго пальто.

Я поспѣшилъ за нимъ.

— Не взыщи, сказалъ мнѣ Кемскій, выходя со мной на террасу,—хотѣлъ бы тебя обнять, да не приходится. И людно, и обнять-то въ сущности нечѣмъ,—онъ указалъ на свой пустой рукавъ.—Откуда ты и куда?

— А ты давно-ли здѣсь? спросилъ я его въ свою очередь.

— Ужь и не помню, право, недѣли двѣ.... Былъ, по обыкновенію, на водахъ,—шестой годъ прохожу я этотъ курсъ и все съ тѣмъ же успѣхомъ, промолвилъ онъ съ натянутою усмѣшкой,—ну, а за тѣмъ куда дѣваться? Притащился сюда.

— И предаешься безднѣ страстей, проигрываешься, сколько я могъ замѣтить?

— Никакой страсти нѣтъ, играю отъ скуки, рѣзко отвѣчалъ на мою шутку Кемскій, нахмуривъ брови, и прибавилъ шага съ очевиднымъ намѣреніемъ отвязаться отъ меня. Но я

не отставалъ. и мы такимъ образомъ обошли почти кругомъ всего гулянья.

Онъ остановился, взглянулъ на меня и, не говоря ни слова, протянулъ мнѣ свою цѣлую руку.

Онъ былъ все тотъ же пылкій, отходчивый, привлекающій Кемскій.

— Знаешь что? предложилъ я.—Возьмемъ сейчасъ коляску; поѣдемъ куда-нибудь.

— Пожалуй, отвѣчалъ онъ нехотя и поглядывая на окна игорной залы.—Не поздно-ли? Солнце садится.

— Въ самый разъ, и медлить нечего, а не то придется чураться вотъ отъ этой кикиморы, сказалъ я, смѣясь, указывая на андалузку и розовый галстукъ просвѣщеннаго г. Секкаторова, который, распознавъ насъ издалека, спѣшилъ къ намъ навстрѣчу съ очаровательнѣйшею и радостнѣйшею улыбкой, будто завидѣлъ какую-либо московскую Аспазію изъ своихъ пріятельницъ.

— Дѣйствительно кикимора, подтвердилъ Кемскій,—видѣть его не могу; какъ подойдетъ къ столу, такъ и повалитъ ко мнѣ несчастіе. А онъ еще съ совѣтами лѣзетъ! Я ему кланяться пересталъ.

— Это ему все равно, лишь бы ты его слушалъ. А слушать не хочешь, такъ укатимъ отъ него поскорѣе.

— Куда же мы поѣдемъ?

— Да хоть въ старый замокъ; недалеко.

Мы повернули въ боковую аллею, почти подъ самою андалузкой г. Секкаторова, уже готовившагося принять насъ въ свои просвѣщенныя объятія, взяли коляску и отправились.

Кемскій молчалъ въ продолженіе всего пути, но лицо его не было мрачно; онъ скорѣе, казалось, наслаждался догоравшимъ вечеромъ и пріятною ѣздой по красивой дорогѣ, неширокою лентой вьющейся въ гору между великолѣпными вѣковыми соснами, отъ которыхъ послѣ жгучаго дня несло живительною прохладой и здоровымъ смолистымъ запахомъ.

— Къ стыду моему, я незнакомъ съ здѣшними окрестностями, хотя третій годъ пріѣзжаю сюда, признался онъ.

— А съ господиномъ Беназе знакомъ? спросилъ я.

Онъ не отвѣчалъ, но усмѣхнулся однако.

Когда же подъѣхали къ старому замку, окончательно свечерѣло, и изъ-за темнаго лѣса выплыла луна, сіяющая и огромная.

На платформѣ, подъ деревьями, ужинали два-три семейства Англичанъ, да группа Нѣмцевъ, за неизбѣжною кружкой пива, горячо препираясь о единствѣ Германіи,

— Пойдемъ наверхъ, сказалъ я моему спутнику. — Скажешь спасибо: только не вредно-ли тебѣ подниматься?

— Ничего, пойдемъ.

Мы взобрались въ уцѣлѣвшій верхній этажъ зданія.

Хорошо было въ этихъ развалинахъ въ ясную лѣтнюю ночь. Сквозь обвитыя дикимъ хмѣлемъ и плющомъ широкія амбразуры бойницъ и стрѣльчатыхъ оконъ глядѣла луна и обливала ихъ своимъ палевымъ сіяніемъ; причудливымъ узоромъ скользили мягкіе ея лучи по каменнымъ плитамъ, поросшимъ мхомъ, сверкали нежданными блестками въ расщелинахъ стѣнъ, на округлостяхъ огромныхъ столбовъ, подпиравшихъ когда-то тяжелые своды. Инымъ, давно отошедшимъ, міромъ,—міромъ легенды и рыцарской сказки,—вѣяло отъ этихъ обрушенныхъ, но все еще гордыхъ стѣнъ, отъ запустѣнія и безмолвія этого средневѣковаго орлинаго гнѣзда. Въ уходившихъ въ темь далекихъ углахъ пустынныхъ залъ клубились пары сгущеннаго воздуха, струясь и поднимаясь вверхъ трепещущимъ столбомъ, словно призраки, уносящіеся отъ земли въ поднебесную высь. Поверхъ стѣнъ поднимались изъ темной глубины оврага вершины колоссальныхъ пихтъ и дубовъ, величаво помахивая своими необъятными вѣтвями и тихо шелестя. „Гдѣ вы", казалось, говорилъ ихъ таинственный шепотъ, „гдѣ вы, суровые латники, выѣзжавшіе на долину мимо нашихъ молодыхъ побѣговъ съ копьемъ въ стремени, съ опущеннымъ забраломъ; гдѣ свѣтлоокія красавицы, для которыхъ въ такія мѣсячныя ночи пѣвали соловьи и минезингеры, скрытые въ нашей, тогда едва еще зараставшей чащѣ? Schöne Zeit, wo bist du? Kehre wieder!...

Мы оба долго молчали.

— Помнишь, Владиміръ, заговорилъ я первый,—какъ мы

съ тобой, во второмъ классѣ, въ Царскосельскомъ саду зачитывались Уландовыхъ балладъ? Любимую твою помнишь?

Graf Eberstein,
Hüte dich fein,
Dein Schlösslein soll heute gefährdet seyn!

Что ни говори, а вѣдь хороша она, эта мечтательная, романтическая Германія?...

— Хороша была покойница, да давно быльемъ поросла, какъ и наша молодость, съ невеселымъ смѣхомъ перебилъ меня старый товарищъ.—А вотъ она, настоящая-то дѣйствительность и современность! примолвилъ онъ, маня меня къ обвалившемуся окну, изъ котораго, какъ на ладони, виденъ былъ далеко внизу, подъ горой, сверкавшій газовымъ освѣщеніемъ городъ, съ своимъ игорнымъ домомъ, лавками и отелями:—получайте и будьте счастливы!

— Что̀ же, замѣтилъ я, — съ этою дѣйствительностью можно еще, пожалуй, помириться нашему-то брату изъ-подъ Козмодемьянска.

— Какъ кому, меня не тѣшитъ!

Онъ усѣлся въ окнѣ и опустилъ молча голову. Такъ прошло довольно долго времени.

— Скучно, братъ, тяжело жить, тихо началъ Кемскій.— Не сѣтуй на меня, пожалуйста, я тебя сегодня не привѣтомъ, а только что не грубостью встрѣтилъ; не сердись: на меня находятъ теперь такія минуты,... самъ себѣ часто гадокъ становишься....

— Полно, другъ мой...

— Я тебѣ сердечно радъ, право, — чѣмъ-то хорошимъ, давнишимъ отозвалось мнѣ.... И не мѣняешься ты какъ-то, а я....

— Помилуй, воскликнулъ я, — да что ты и вынесъ!

Онъ печально улыбнулся.

— Помнишь, сказалъ онъ, въ наше послѣднее свиданіе, въ Москвѣ, ты мнѣ какъ-то выразился, — слова твои тогда врѣзались мнѣ въ память, — что мнѣ завидовать можно, что для меня нашлось настоящее дѣло въ жизни. Было оно, дѣй-

ствительно, у меня это дѣло, и нѣтъ его, сгинуло оно на вѣки вѣковъ. Были люди близкіе, и никого нѣтъ, всѣ *тамъ* полегли... Остался я въ живыхъ; какъ, для чего, — не знаю, я объ этомъ не старался, еще тише и отрывисто промолвилъ Кемскій, — и вотъ, какъ видишь, увѣченъ, одинокъ, никому не нуженъ.... Пойми, каково это сказать себѣ: ты, милый мой, хоть выжми, ни на какую потребу негоденъ, ты лишній человѣкъ на этомъ свѣтѣ!... Вѣдь я въ голову ядромъ контуженъ, объяснилъ онъ, какъ бы извиняясь предо мной: — лѣтомъ еще куда ни шло, за то въ ненастную пору, осенью, такія муки приходится испытывать!... Поневолѣ бѣжишь вонъ изъ Россіи и, какъ перелетная птица, ищешь теплаго края, поближе къ солнцу. Двѣ зимы я провелъ въ Испаніи, на будущую собираюсь въ Алжиръ.... вотъ она, моя жизнь, — невесела она!...

— Ты свое сдѣлалъ, тебѣ не въ чѣмъ себя упрекать, перебилъ я его. — Лишній человѣкъ, говоришь ты про себя. Послушали бы тебя тѣ молодцы, — богато было ими наше поколѣніе, надо признаться, — которые въ этомъ гордость свою полагали, женскія сердца покоряли именно тѣмъ, что *лишніе* они.... А ты гдѣ свою правую руку оставилъ?

— Тамъ, гдѣ бы съ радостью и голову сложилъ! живо воскликнулъ Кемскій, и вдругъ остановился, какъ бы устыдившись своего порыва. — Ты и не поймешь, можетъ-быть, что значило для насъ, Черноморцевъ, отдавать *его!* продолжалъ онъ уже спокойнѣе; — ты не суди о насъ по тому, что тебѣ пришлось можетъ-быть почитать объ иныхъ *защитникахъ Севастополя*, о разныхъ гвардейскихъ моншерахъ и штабныхъ молодчикахъ. Мы знали, за *что* стояли и *что* отстаивали; не изъ-за чиновъ же вѣдь въ самомъ дѣлѣ и аксельбантовъ полегло *тамъ* все, что у насъ было лучшаго!...

Страстный морякъ заговорилъ въ Кемскомъ. Онъ вспомнилъ о „незабвенномъ Михаилѣ Петровичѣ", о ненавистныхъ Англичанахъ, „исконныхъ врагахъ русской морской силы", о корветѣ, которымъ онъ, Кемскій, командовалъ въ день Синопскаго боя, о добродушномъ героѣ Нахимовѣ, о слишкомъ мало вѣдомыхъ подвигахъ всей этой доблестной семьи людей, не

пережившей своихъ „родныхъ корабликовъ“, людей, для которыхъ такъ дорога была честь Россіи и о которыхъ „новая Россія“, какъ выражался Кемскій, быть-можетъ слишкомъ скоро позабыла. Разсказъ спѣшилъ за разсказомъ и все оживленнѣе, все быстрѣе. Видно было, что онъ радъ былъ случаю высказать все то, что еще такъ живо кипѣло и негодовало въ его душѣ. И, слушая его, признаюсь, какъ и тогда, въ пору молодости нашей, что-то похожее на зависть шевельнулось во мнѣ, — да, на зависть къ этому увѣчному, полуживому человѣку, который умѣлъ еще такъ пламенно вѣрить, любить и негодовать. „Не въ безплодныхъ мечтаніяхъ прошла твоя жизнь, думалъ я, ты не отрицалъ, не гнушался, не бѣжалъ, и теперь еще, немощной и разбитый скиталецъ, ты и теперь еще счастливѣе многихъ!...

III.

Время бѣжало между тѣмъ. Давно уже смолкла музыка, отъ времени до времени доносившаяся до насъ изъ долины вмѣстѣ съ мимолетными набѣгами теплаго ночнаго вѣтра. Мѣсяцъ заходилъ за дальніе отроги Вогезскихъ горъ. Темнѣло; кое-гдѣ лишь едва зримыми точками свѣтили догоравшіе фонари среди тѣнистыхъ аллей Бадена, да большія серебряныя звѣзды мигали надъ потускнѣвшими развалинами.

— Не пора-ли?... началъ было я—и не кончилъ. Надъ самою головой Кемскаго, мягко шурша и вѣя внезапнымъ холодомъ отъ испуганныхъ крылъ, скользнуло что-то въ окно и тутъ же безслѣдно пропало въ дальнемъ углу.

— Что это? вскрикнулъ онъ, вздрогнувъ.

— Запоздалая сова или летучая мышь. Пора намъ домой.

— Нѣтъ, это... это не то... Слышишь?

Онъ судорожно ухватилъ меня за руку.

— Что такое, что съ тобой?

— Тамъ, въ этомъ углу, куда пронеслось.... гдѣ исчезли.... эти крылья... Развѣ ты не слышишь? проговорилъ онъ шепотомъ, все также крѣпко сжимая мою руку своею холодною рукой.

Онъ былъ правъ. Тамъ, въ этомъ накипавшемъ сырыми пеленами мракѣ, поднимались откуда-то и тихо звенѣли какіе-то непонятные, воздушные и призрачные звуки. То слышалась одна, чистая какъ стекло, протяжная до истомы, надрывающая душу нота, то цѣлый рядъ нежданныхъ и едва уловимыхъ аккордовъ пробѣгалъ по невидимымъ струнамъ и исчезалъ

мгновенно, какъ дымъ, уносимый вѣтромъ; будто какой-то тоскующій геній въ ночномъ безмолвіи тихо стоналъ о прошломъ надъ этими рыцарскими руинами...

— Это эолова арфа! сказалъ я первый, очнувшись и припоминая *Минвану* Жуковскаго, надъ которою я проливалъ такъ много слезъ въ дѣтствѣ.

— Пойдемъ отсюда! быстро проговорилъ Кемскій, срываясь съ мѣста и съ такою тревогой въ голосѣ, съ какою долженъ былъ сказать эти слова донъ-Жуанъ, уходя съ кладбища.

Я пошелъ за нимъ недоумѣвая. Почти ощупью, крѣпко придерживаясь къ стѣнѣ, спустились мы внизъ по крутымъ ступенькамъ ненадежныхъ лѣстницъ. У самаго выхода на платформу мы наткнулись на бодрствовавшаго еще кельнера; съ нимъ дѣлила ночные досуги какая-то женская особа, которая впрочемъ сочла долгомъ исчезнуть подъ темнымъ сводомъ входной башни, едва увидѣвъ насъ. Кельнеръ, съ свойственною званію его любезностью, объяснилъ на мой вопросъ, что дѣйствительно въ первомъ этажѣ замка устроены въ окнахъ эловы арфы и что онѣ, при тихомъ вѣтрѣ, особенно ночью, производятъ einen reizenden Effekt.

Но это объясненіе не успокоило нервнаго расположенія, въ которомъ находился мой пріятель. Онъ молча влѣзъ въ коляску и тотчасъ же забился въ свой уголъ, надвинувъ шляпу на брови и судорожно завернувшись въ пледъ.

Давно ожидавшій насъ Kutscher пробормоталъ что-то, указывая на часы свои, подложилъ башмакъ подъ колесо коляски, и мы тихо стали спускаться съ горы, молча и почти въ совершенной темнотѣ.

— Неужели это Баденъ? заговорилъ Кемскій, когда на поворотѣ дороги блеснулъ предъ нами рядъ освѣщенныхъ оконъ.

— Die Grossherzogliche Residenz, объяснилъ ему кучеръ, указывая на нихъ бичомъ съ нѣкоторою торжественностію.— Баденъ ниже лежитъ.

— Ты не спишь, ***? обратился ко мнѣ Кемскій.

— Нѣтъ, а что?

— Я удивилъ тебя тамъ, сейчасъ?

— Да какъ бы тебѣ сказать....

— Хорошъ герой, подумалъ ты, совы испугался, а? перебилъ онъ меня, засмѣявшись принужденнымъ смѣхомъ.

— Не то, а....

Онъ перебилъ меня опять.

— Контуженная голова моя сыграетъ со мной не сегодня-завтра плохую шутку. И съ каждымъ днемъ все сильнѣе даетъ себя это чувствовать.

— Да что̀ съ тобой? Растолкуй пожалуйста.

— А то̀, что я боюсь съ ума сойти, глухо отчеканилъ онъ.

— Изъ чего же ты это заключаешь?

— Ты самъ былъ сейчасъ свидѣтелемъ... Находитъ на меня подчасъ что-то необъяснимое... какія-то галлюцинаціи... видѣнія какія-то мерещатся, знакомые мертвецы стоятъ передо мной какъ живые; неотвязно, по цѣлымъ суткамъ... Только игрой и спасаю я себя отъ...

Онъ не кончилъ...

— И неужели теперь, въ старомъ замкѣ, тебѣ что-нибудь прихерещелись?

И теперь, въ эту минуту, прошепталъ онъ, съ какою-то непонятною, несвойственною ему злостью, — вижу, и избавиться не могу, стоитъ *онъ* передо мной и играетъ, и скрипка его плачетъ такими раздирающими стонами... Ты говорилъ тамъ—эоловы арфы, и я знаю, это эоловы арфы были, а мнѣ все слышится его проклятая скрипка.

— Какая скрипка? Чья? Кого ты видишь, Кемскій? спрашивалъ я, встревоженный, наклоняясь къ нему и стараясь разглядѣть его лицо.

— Кирилина, отвѣчалъ онъ также глухо.

— Кирилина? а! Меня озарило какъ молніей.

— Да, пояснялъ между тѣмъ Кемскій, — музыкантъ это былъ у меня одинъ знакомый...

— Воспитанникъ Павла Васильевича Чемисарова?

— Ты почему знаешь?

— Ты мнѣ тогда, въ Москвѣ, разсказывалъ про него.

— Не помню. По какому же это случаю?...

— Я тебя спрашивалъ о немъ. Меня интересовалъ этотъ

человѣкъ, я и тогда догадывался, что онъ долженъ былъ имѣть немало вліянія на твою судьбу.

Самъ не знаю, какъ вырвалось у меня это, по правдѣ сказать, не совсѣмъ умѣстное признаніе. Подумавъ, я бы вѣроятно не рѣшился такъ насильственно вызывать Кемскаго на откровенность. Но оно оказалось небезполезнымъ, въ томъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, что слова мои дали его замѣтно путавшейся мысли другое направленіе.

— Говори, что ты знаешь? горячо примолвилъ онъ, пытливо, въ свою очередь, заглядывая мнѣ въ глаза.

— Ничего я не знаю. Я только слышалъ тогда разговоръ твой съ Павломъ Васильевичемъ объ этомъ Кирилинѣ.

— Какой разговоръ?

— Въ ложѣ, въ Большомъ Московскомъ театрѣ.

Я припомнилъ ему всѣ подробности этого вечера, ухаживанье Звѣницына, его собственную досаду, все, кромѣ замѣченнаго мною тогда смущенія Надежды Павловны.

Но онъ именно объ этомъ думалъ въ эту минуту.

— А Надежда Павловна тоже слышала этотъ разговоръ мой съ ея отцомъ? спросилъ онъ.

Я замялся.

— Не знаю, право...

Онъ откинулся опять въ уголъ коляски и глубоко вздохнулъ.

— Ты знаешь, что ни отца, ни дочери нѣтъ уже на свѣтѣ! тихо проговорилъ онъ, послѣ минутнаго перерыва.

— Нѣтъ, я не зналъ. И давно?

— Павелъ Васильевичъ въ Крымскую кампанію...

— Убитъ?

— Нѣтъ, онъ не дождался этого счастья. „Не убьютъ меня, не утѣшатъ!“ говорилъ онъ, бѣдный, въ предсмертномъ бреду. Онъ командовалъ ополченіемъ своей губерніи, но заболѣлъ на пути изнурительною лихорадкой и умеръ въ Симферополѣ за нѣсколько дней до Черной, гдѣ полегло больше половины его мужичковъ.

— А... дочь его?

— Наденька? Она скончалась нѣсколькими мѣсяцами позднѣе...

— Скажи, Кемскій, рѣшился я спросить,—ты видѣлъ ее послѣ того, какъ...

— Послѣ того, какъ ты началъ строить свои догадки, догадливый человѣкъ? проговорилъ онъ нетерпѣливо и колко.

— Я виноватъ передъ тобой, другъ мой, сказалъ я. — Я весьма неразумно коснулся такой струны, которой касаться мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Прости меня.

Я протянулъ ему руку.

Онъ взялъ ее и крѣпко сжалъ.

— Я виноватъ передъ тобой, ***, молвилъ онъ измѣнившимся голосомъ, исполненнымъ теперь какою-то, будто внезапно разрѣшившеюся грустью,—но воспоминанія эти до сихъ поръ рѣжутъ меня какъ ножомъ по сердцу...

— Не будемъ говорить объ этомъ, Кемскій, прошу тебя.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, — теперь все равно; въ операціи больнѣй всего первый ударъ ланцета. Да, я ее видѣлъ. Послѣ шести лѣтъ разлуки, когда все, казалось, должно было быть кончено между нами, — она такъ просила меня объ этомъ тогда,—судьба опять свела насъ... но гдѣ же, какъ? По цѣлымъ днямъ не отходила она отъ моей постели, но для меня она была призракъ... свѣтлый призракъ, примолвилъ Кемскій, подавляя вздохъ.—Я лежалъ въ тифѣ, въ госпиталѣ, въ томъ же Симферополѣ, гдѣ за нѣсколько времени до этого умеръ ея отецъ. Странная болѣзнь, этотъ тифъ! Я видѣлъ ее, я сознавалъ ея присутствіе, но не сознавалъ ни моего положенія, ни мѣста, въ которомъ я находился. Я жилъ какою-то своеобразною, необъяснимою, но полною и, повѣришь ли, блаженною жизнью. Я понималъ, что надо мной паритъ какой-то ангелъ въ ея образѣ и хранитъ меня; глаза ея по часамъ не отрывались отъ меня, и я чувствовалъ, что я весь таю, таю какъ снѣгъ, подъ лучами этихъ грустно и ласково сіявшихъ мнѣ глазъ. И никогда, можетъ-быть, не былъ я такъ счастливъ, какъ въ то время! Когда я выздоровѣлъ, одна старушка сердобольная, свидѣтельница ея заботъ обо мнѣ, строго внушала мнѣ всю жизнь мою молиться за „сестрицу". Ока-

залось, что я былъ окончательно приговоренъ и не умеръ только потому, что „она вымолила меня у Господа“, какъ выражалась эта добрая старушка, замѣнившая ее у моей койки, когда слегла сама Наденька, и ее, полумертвую, увезли изъ Крыма.

— И ты не поѣхалъ за ней, Кемскій?

— Нѣтъ, я не могъ. Не такое время было, задумчиво отвѣчалъ онъ.—У насъ были перебиты всѣ офицеры, оставалась горсть людей... Я не имѣлъ права ихъ покинуть.. Я писалъ ей въ монастырь...

— Въ монастырь? Развѣ она...

— Она поселилась у тетки нашей, игуменьи *** монастыря, въ К. губерніи.

— И она отвѣчала тебѣ?

— Отвѣчала.

IV.

Коляска наша уже катила по баденской мостовой.

— Hôtel d'Angleterre? спросилъ Kutscher, оборачиваясь къ Кемскому.

— Да. Зайдемъ ко мнѣ, ***. Я напою тебя настоящимъ русскимъ чаемъ.... предложилъ мнѣ Кемскій.

Въ дверяхъ его нумера встрѣтила насъ коренастая и заспанная фигура, въ которой я тотчасъ же узналъ стараго знакомаго.

— Грызунъ! Ты все съ своимъ бариномъ!

— Точно такъ, ваше вскродіе, отвѣчалъ онъ, таращa на меня растерянные глаза.

— Завари-ка намъ чаю, да покрѣпче... На плечахъ своихъ вынесъ меня раненаго шестаго іюня... Здоровъ вѣдь! примолвилъ Кемскій, кивнувъ на него. Грызунъ тотчасъ же прикрылъ обшлагомъ рукава обширный зѣвъ свой. Его неизмѣнная дураковатая улыбка такъ и говорила: „ишь ты, балагуръ какой, баринъ!"

Пока онъ собиралъ чай, хозяинъ отворилъ дверь, выходившую изъ его гостиной прямо въ небольшой садикъ, что тянется вдоль всего фасада Hôtel d'Angleterre. Въ тишинѣ ночи явственно слышалось журчанье ручья, отдѣляющаго узенькую полоску сада отъ гулянья...

— Этотъ ручей большой мнѣ другъ, сказалъ Кемскій,— ни что такъ успокоительно не дѣйствуетъ на меня, какъ его однообразный и нескончаемый плескъ. Не будь его, я бы, кажется, никогда здѣсь уснуть не могъ...

Онъ сѣлъ на крылечкѣ, съежась и свѣсивъ свою сѣдую голову, и погрузился въ глубокое раздумье.

Давно шипѣлъ на столѣ тусклый самоварикъ, очевидно древній походный товарищъ Кемскаго, и Грызунъ не разъ уже появлялся на порогѣ дверей съ явнымъ намѣреніемъ доложить о чаѣ, но баринъ его оставался все также неподвиженъ и нѣмъ.

— Послушай, Кемскій, началъ было я. Но Грызунъ вскинулъ на меня такой испуганный взглядъ, что я невольно пріостановился.

— Не трошь ихъ, ваше-съ... пробормоталъ онъ скороговоркой: —не любятъ-съ...

Я вернулся въ гостиную и съ удовольствіемъ, знакомымъ только тѣмъ, кто долго жилъ внѣ Россіи, принялся за стаканъ крѣпкаго, душистаго чаю.

— Грызунъ, ступай спать! раздался вскорѣ съ крылечка голосъ Кемскаго, и самъ онъ затѣмъ появился въ дверяхъ.

Лицо его было, какъ говорится, темнѣе ночи. Печальная мысль словно вырѣзалась на немъ всею острою тяжестью своей. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, не говоря ни слова.

Тяжело было и мнѣ глядя на него.

— Послушай, ***, началъ онъ наконецъ, останавливаясь противъ чайнаго столика, — ты зналъ Надежду Павловну, зналъ наши отношенія... Я тебѣ тогда повѣрялъ мои надежды... Случай привелъ тебя видѣть, какъ онѣ сбылись, договорилъ онъ съ горькою усмѣшкой. — Изо всего этого у тебя въ головѣ сложились насчетъ покойницы разныя заключенія...

— Я тебя увѣряю, другъ мой...

— Не перебивай меня. Я тебя не обвиняю, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: каждый, на твоемъ мѣстѣ, сталъ бы строить догадки... Нашъ разрывъ, письмо ея ко мнѣ, — ты помнишь?—все это было такъ неожиданно, такъ загадочно!... Ты тогда, на первыхъ же порахъ, замѣтилъ, что глаза ея задернулись для міра... но я ничего не видѣлъ, не хотѣлъ видѣть, я былъ слѣпъ... И долго еще потомъ, многіе годы, я

ходилъ какъ въ туманѣ, носясь съ этимъ давящимъ камнемъ въ груди, ничего не понимая, кромѣ того, что *она*, а съ нею мое счастіе, потеряны для меня навсегда...

— Но неужели, неужели тогда, передъ отъѣздомъ твоимъ изъ Москвы, ты не добился отъ нея объясненія?...

— Объясненія? тоскливо повторилъ Кемскій. — Она плакала, рыдала, говоря, что сгубила свою жизнь, что недостойна меня, умоляя меня отказаться отъ ея руки, не спрашивая зачѣмъ... она не могла тогда... ея горе было еще слишкомъ отъ нея близко!...

— А отецъ ея, а Павелъ Васильевичъ? Развѣ ты не говорилъ съ нимъ?

— „Пусть сама скажетъ, пусть казнится передъ тобой, по уговору! вотъ единственный отвѣтъ, котораго я могъ добиться отъ желѣзнаго старика, помолчавъ, отвѣчалъ Кемскій.—Только прощаясь со мной, онъ обнялъ меня, чего никогда не дѣлалъ прежде, и сказалъ: „не того я ожидалъ, да видно судьбы не переломишь!"

— Я узналъ *все*, заговорилъ опять Кемскій, когда отца уже не было на свѣтѣ, а дочь угасала въ своемъ монастырѣ,— узналъ изъ ея исповѣди. Она не забыла „уговора", она казнилась передо мной, посвятивъ на это послѣдніе дни своей жизни... Исповѣдь эту ты прочтешь, примолвилъ онъ, и какая-то суровая мольба сказалась при этомъ въ голосѣ его и въ печальныхъ глазахъ, скользнувшихъ по мнѣ, какъ бы противъ его воли. Я не хочу, чтобы человѣкъ, знавшій ее, могъ думать... не хочу однимъ словомъ, чтобъ ты произвольныя свои соображенія могъ строить въ обвиненіе этого благороднаго... этого прекраснаго существа. Мнѣ дорога ея память, съ усиліемъ досказалъ онъ наконецъ, и вслѣдъ за этимъ вышелъ изъ комнаты.

— Зайди сюда! кликнулъ онъ меня изъ своей спальни.

Тамъ, на столѣ, лежалъ большой дорожный портфель, который Кемскій просилъ меня открыть ключикомъ, висѣвшимъ у него на цѣпочкѣ вмѣстѣ съ крестомъ и образками.

— Тутъ, налѣво, тетрадь...

Я тотчасъ узналъ женскую руку, спѣшную, но четкую, и

тотъ англійскій почеркъ, которымъ пишетъ большинство русскихъ воспитанныхъ женщинъ.

— Прочти,—и суди ее! сказалъ Кемскій и отошелъ прочь.

— Благодарю тебя за довѣріе, другъ мой, пробормоталъ я, краснѣя, между тѣмъ, отъ досады за тѣ неосторожныя слова мои, которыя вызвали это, далеко нелестное для меня, довѣріе.—Я возвращу тебѣ рукопись завтра.

— Нѣтъ. Возьми ее съ собой въ Россію и отправь въ *** монастырь, на имя игуменьи, матери Варсонофіи. Если когда-нибудь я вернусь домой, я получу ее обратно. Но ежели, какъ надо полагать, я умру здѣсь, въ какомъ-нибудь углу, на чужбинѣ, я не хочу, чтобъ эта тетрадь попала вмѣстѣ съ моими бумагами въ присутственное мѣсто или въ руки моихъ невѣдомыхъ наслѣдниковъ. Мы вѣдь оба съ покойницей послѣдніе въ родѣ, примолвилъ Кемскій, печально улыбаясь: — близкихъ у насъ никого нѣтъ. Рай-Воздвиженскимъ, этимъ старымъ Чемисаровскимъ гнѣздомъ, владѣетъ теперь столичный чинъ, изъ вліятельныхъ, одинъ изъ тѣхъ любезныхъ продуктовъ петербургскаго канцелярства, которыхъ Павелъ Васильевичъ безразлично называлъ холопами и при жизни къ себѣ на глаза не пускалъ...—Ну-съ, а теперь прощай, ***, прервалъ себя вдругъ Кемскій; онъ очевидно боялся подать поводъ продлиться разговору, и такъ уже давно тяжелому для него.—Я усталъ, пора на покой.

— Прощай. До завтра?

— Да, конечно... впрочемъ не знаю, отвѣчалъ онъ разсѣянно, не глядя на меня.

Я ушелъ отъ него и всю ночь на-пролетъ провелъ за чтеніемъ тетради, такъ неожиданно попавшей въ мои руки.

V.

На другой день, часу въ первомъ, я зашелъ къ Кемскому, но его дома не было. Грызунъ объяснилъ мнѣ, что онъ ушелъ спозаранка, а куда — неизвѣстно.

— Не застану-ли я его теперь тамъ? спросилъ я, указывая на Conversationshaus.

Грызунъ отвелъ глаза въ сторону и провелъ рукавомъ по толстымъ своимъ губамъ.

— Вѣдь онъ каждый день тамъ сидитъ? примолвилъ я настойчиво.

Матросъ отвернулся и не отвѣчалъ ни слова.

Я отправился въ игорную залу.

Кемскій сидѣлъ на томъ же мѣстѣ; та же горка золота лежала предъ нимъ, и насупротивъ его вчерашній старикъ французъ, тыча булавкой въ карточку, сообщалъ по-прежнему своимъ сосѣдямъ неодобрительныя замѣчанія объ игрѣ du capitaine russe.

Я долго простоялъ за его стуломъ, тщетно стараясь привлечь вниманіе Кемскаго. Онъ не отрывался отъ игры. Счастіе ему везло на этотъ разъ. Ему то-и-дѣло катилъ крупье тысячныя руло своею длинною лопаткой....

Перечитавъ у Маркса всю прибывшую почту, я вернулся въ игорную залу ко времени обѣда. Кемскій выходилъ оттуда въ сопровожденіи какихъ-то двухъ весьма невзрачныхъ съ виду личностей.

— Гдѣ ты обѣдаешь? спросилъ я его.

— У Вебера, съ этими господами, коротко отвѣчалъ онъ, проходя мимо.

— Я отправился обѣдать одинъ въ Hôtel d'Angleterre; признаюсь, мнѣ было и больно, и досадно.

Едва успѣлъ я сѣсть за столъ, какъ подлѣ меня зазвучалъ мягкій, любезный баритонъ просвѣщеннаго г. Секкаторова.

— Я вамъ не помѣшаю?...

— Сдѣлайте милость.

— Я сейчасъ отъ княгини Машутиной, озабоченно объявилъ онъ. — Какая у нея прелестная вилла! И можете себѣ представить, кого я у нея встрѣтилъ... Вы знаете, что она въ связяхъ со всѣми знаменитостями Европы. Вѣдь вы знакомы съ нею?

— Не имѣю чести.

— Помилуйте, son salon est connu à Paris. Тьеръ не выходитъ отъ нея.... Такъ вотъ сегодня, угадайте, кто у нея сидѣлъ?... Гарнье-Пажесъ, знаменитый Гарнье-Пажесъ, одинъ изъ главныхъ дѣятелей 48 года, отчаянный республиканецъ, издатель извѣстной народной газеты....

— Что же этотъ отчаянный республиканецъ дѣлалъ у вашей княгини?

— Ахъ, да онъ прекрасный человѣкъ, un causeur charmant, de l'esprit plein ses poches.... Мы все время говорили о нашей великой реформѣ, онъ съ большимъ уваженіемъ относится о Россіи. И при этомъ отличную вещь сказалъ, удивительную вещь: le peuple russe est un enfant géant qui sort de ses langes.

— Вамъ понравилось? спросилъ я съ невольною улыбкой.

Г. Секкаторовъ тотчасъ же и окрысился.

— Конечно, вы, можетъ-быть, принадлежите къ числу лицъ, относящихся съ полнымъ равнодушіемъ къ тому, что говорятъ о насъ въ чужихъ краяхъ. Но я, признаюсь вамъ, держусь иныхъ убѣжденій. Я полагаю, что намъ слѣдуетъ еще очень и очень дорожить мнѣніемъ о насъ иностранцевъ. И мнѣ пріятно, я не скрываю, каждый разъ, когда мнѣ приходится слышать заслуженно-лестный отзывъ о моемъ отечествѣ изъ устъ передоваго Европейца.

Всю эту бравурную тираду г. Секкаторовъ проговорилъ съ такимъ самодовольствомъ, что, надо полагать, онъ самъ себя

въ эту минуту почиталъ чѣмъ-то въ родѣ Страсбургской колокольни.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ смиренно преклонить повинную голову.

— Княгиня очень интересовалась вашимъ пріятелемъ, г. Кемскимъ, продолжалъ Секкаторовъ, переходя опять на свои бархатныя ноты.

— По какому это случаю?

— Да все по поводу того же разговора съ Гарнье-Пажесомъ. Мы между прочимъ коснулись Крымской кампаніи, а онъ и говоритъ: „je voudrais bien rencontrer un de vos héros de Sebastopol". Я ему и говорю: „il y en a précisement un ici". — „Qui cela, qui cela?" спрашиваетъ княгиня. Я назвалъ г. Кемскаго. „Ah, mon Dieu, говоритъ она мнѣ. — il faut absolument que vous me l'ameniez; je tiens à le présenter à monsieur Garnier-Pagès". Я послѣ обѣда отправлюсь его отыскивать, передамъ ему приглашеніе княгини...

— Не совѣтую вамъ, сказалъ я.

Г. Секкаторовъ взглянулъ на меня большими удивленными глазами.

— Почему же это? спросилъ онъ меня съ легкимъ шипѣніемъ.

— Потому что онъ почтетъ это для себя оскорбленіемъ.

— Оскорбленіемъ? еще удивленнѣе повторилъ г. Секкаторовъ.

— Точно такъ,—оскорбительною насмѣшкой. Онъ не повѣритъ, чтобы русской женщинѣ могло придти серьезно въ голову пригласить его на роль ученаго звѣря для удовлетворенія любопытства перваго встрѣчнаго Француза.

— Помилуйте... я васъ не понимаю... вы такъ странно выражаетесь,—ученый звѣрь... и притомъ какой же это первый встрѣчный? залепеталъ г. Секкаторовъ, краснѣя и видимо теряясь:—я говорю, г. Гарнье-Пажесъ... знаменитость.

— Да хоть бы самъ г. Тьеръ, не все-ли это равно? сказалъ я.

— Это очень странно... и я, конечно, никогда не думалъ...

но я не спорю, de gustibus non est *disputandis*, учено объяснилъ онъ, окончательно сконфузясь.

— Я васъ предварилъ, а впрочемъ ваша воля, примирительно замѣтилъ я ему.

Но онъ уже не отвѣчалъ мнѣ и, обратившись къ сосѣду своему съ правой стороны, рыжему и вислоухому бюргеру, съ огромнѣйшимъ ртомъ, завелъ рѣчь о превосходствѣ французской кухни надъ нѣмецкою. Нѣмецъ ничего не отвѣчалъ, но уписывалъ блюдо за блюдомъ съ жадностью, служившею лучшимъ опроверженіемъ легкомысленныхъ кулинарныхъ понятій его собесѣдника...

Съ этихъ поръ я уже болѣе не встрѣчался съ просвѣщеннымъ г. Секкаторовымъ.

VI.

Я прожилъ еще три дня въ Баденѣ; но напрасно искалъ случая еще разъ свидѣться съ Кемскимъ. Онъ видимо избѣгалъ меня, уходилъ рано изъ дому, и съ минуты открытія игры до поздней ночи не отрывался отъ зеленаго стола. Оставаться долѣе было бы и смѣшно, и безполезно, да и что̀ могъ я сдѣлать наконецъ?...

Въ день моего отъѣзда, я засталъ его рано утромъ. Но свиданіе наше было холодно и натянуто; о рукописи, переданной имъ мнѣ, онъ не упомянулъ ни единымъ словомъ и въ теченіе разговора видимо старался обойти все, что могло относиться къ нему и къ его прошедшему. Только въ послѣднюю минуту, когда я ему протянулъ руку на прощанье, его передернуло; онъ привсталъ, привлекъ меня къ себѣ и крѣпко обнялъ.

— Прощай, ***, да хранитъ тебя Богъ! Когда вернешься, промолвилъ онъ, и голосъ его дрогнулъ,—поклонись отъ меня матушкѣ родной землѣ. Хорошая пора для нея настаетъ, да не суждено мнѣ болѣе служить ей... сгорѣлъ я до времени...

— Я надѣюсь встрѣтиться съ тобой въ Россіи, Кемскій, сказалъ я.

— Надѣешься? повторилъ онъ.—Такъ посмотри на меня и скажи, по совѣсти, какъ ты полагаешь: надолго-ли еще меня хватитъ?

Я взглянулъ на него и... не нашелъ отвѣта...

Онъ умеръ въ 1862 г. въ Пасси, близъ Парижа, въ maison de santé, куда его перевезъ старый нашъ лицейскій то-

варищъ, А., наткнувшійся на него случайно въ Испаніи. За нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины я посѣтилъ его, но онъ меня не узналъ. Онъ давно уже никого не узнавалъ...

Рукопись Надежды Павловны, отправленная мною, по возвращеніи моемъ въ Россію, въ *** монастырь, на имя игуменьи Варсонофіи, возвращена была мнѣ чрезъ годъ изъ почтамта, съ надписью, гласившею, что въ означенномъ монастырѣ такой игуменьи не оказалось. А не оказалось, какъ я узналъ впослѣдствіи, по весьма простой причинѣ: она скончалась незадолго до встрѣчи нашей съ Кемскимъ въ Баденѣ.

Наша богатая событіями и полная интересовъ минуты пора такъ быстро сглаживаетъ память прошлаго, что я безбоязненно рѣшаюсь передать читателю разсказъ, относящійся ко времени далеко уже отъ насъ отошедшему. Едва-ли теперь кто-нибудь узнаетъ дѣйствующихъ лицъ всей этой правдивой повѣсти, подъ измѣненными ихъ именами.

Вотъ что писала Надежда Павловна Кемскому:

*** монастырь, сентябрь 1854 года.

„Я получила ваше письмо, милый Владиміръ, дорогой мой братъ. Я ожидала его, а теперь перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ, сквозь слезы ничего не вижу... Господи, какъ же это я вамъ скажу, какой отвѣтъ должна я вамъ дать!...

„Вы пишете, что жизнь ваша—мой даръ, и этотъ даръ вы умоляете меня принять обратно, „вымоленную“ мною жизнь вы отдаете мнѣ на вѣки... На вѣки? Бѣдный другъ мой, знаете-ли вы, насколько суждено продлиться этимъ вѣкамъ моимъ?... Повторяю вамъ, я знала, что это будетъ, что вы мнѣ это напишете, знала, когда стояла тамъ, въ Крыму, у вашего изголовья,—я ни минуты не отчаявалась въ томъ, что вы выздоровѣете, я улыбалась, когда, бывало, доктора качаютъ головой, проходя мимо вашей койки,—знала... и тогда же какъ часто налетало подобно зловѣщей птицѣ и засѣдало въ душѣ моей сомнѣніе: нужна-ли ему эта жизнь, о

которой я такъ пламенно молю? Бывало, помню, вы лежите такъ спокойно, какъ бы отдыхая и нѣжась, и глядите на меня неотступно, и вижу я, что вы меня не узнаете и что Богъ вѣсть гдѣ летаетъ ваша мысль, въ какихъ далекихъ мірахъ; но по счастливому выраженію лица, по вашимъ глазамъ,— они у васъ въ то время какіе-то удивительные, точно вдохновленные были,—я понимала, что вамъ хорошо въ той далекой, невѣдомой Божьей странѣ... И меня все преслѣдовало это сомнѣніе: къ чему молюсь я? Въ замѣнъ того блаженства забвенія, тѣхъ таинственныхъ небесныхъ сновъ, которыми можетъ-быть живетъ онъ теперь, онъ потребуетъ, онъ будетъ правъ, требуя отъ меня земнаго счастія... Отъ меня!—онъ, я знаю, не захочетъ другаго счастія,—а я, Боже мой!...

„Я чувствую, что пишу нескладно, мысли мои путаются, но вѣдь такъ много надо мнѣ передать вамъ, а времени, времени, Владиміръ, остается такъ мало.

„Вы поняли меня, другъ мой. Сердце мое обливается кровью, думая о томъ, какъ вы будете поражены этою вѣстью... Я знаю, какъ я вамъ дорога, какъ была любима вами. Сознаніе это было моею постоянною мукой. Оно могло быть и моимъ искупленіемъ... Когда вы были полны силъ, когда будущее свѣтло разстилалось предъ вами, я не должна была, я почитала преступленіемъ соединить съ вашею мою погубленную жизнь... Я принесла бы съ собой мое несчастіе въ вашъ честный домъ, Владиміръ,—поймите это! Поймите и то, чего мнѣ стоило, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, отвѣчать на ваши настоянія тупымъ молчаніемъ или безсмысленными письмами и въ то же время глубоко сознавать, что вы все-таки меня не разлюбите, что это утѣшеніе не будетъ мнѣ дано!...

„Тамъ, въ Симферополѣ, была одна минута, когда исходъ казался мнѣ возможенъ. Бѣдный, увѣчный, немощной другъ, вамъ отнынѣ нужна была усидчивая сидѣлка, заботливая сестра. Въ этомъ положеніи я не признавала себѣ соперницъ, въ виду этой цѣли я никому не уступала своихъ правъ. И я думала, я надѣялась, я такъ горячо молилась объ этомъ тогда... Какъ два корабля, разбитые бурей, приплываютъ на покой въ спящія воды безопасной гавани, мы ушли бы доживать, Владиміръ,

подъ старые клены вашего Покровскаго, подъ которыми я, бывало, ребенкомъ засыпала на колѣняхъ вашей матери, тамъ, гдѣ позднѣе я ждала васъ каждое лѣто изъ Лицея... Помните мой ужасъ, когда вы упали съ дерева, на которое я васъ заставила влѣзть, чтобы испытать вашу храбрость?...

„Но Богу не угодно было... Исходъ этотъ, примиряющій этотъ конецъ не суждены были мнѣ. Надежда блеснула и пролетѣла быстрѣе весенней ласточки. Еще тамъ, у вашей постели, я узнала, что у меня смерть въ груди.

„Когда привезли меня сюда изъ Крыма, когда послѣ того мертвящаго воздуха повѣяло на меня вѣтромъ нашихъ степей, мнѣ стало легче, всѣ болѣзненные признаки, страданія, исчезали съ каждымъ днемъ; оставалась только большая слабость. Лучъ надежды опять заигралъ предо мной.—Я вѣдь выздоровѣю, Карлъ Ивановичъ? спрашивала я моего добраго Эша, который переселился теперь сюда изъ Рай-Воздвиженскаго и не покидаетъ меня.—О да, о да, увѣрялъ онъ меня, подолгу объясняя каждый разъ, что организмъ мой цѣлъ, что я больна была лишь отъ слишкомъ сильныхъ *эмоцій*, но что онъ меня вылѣчитъ, непремѣнно вылѣчитъ. Но глаза добраго Нѣмца измѣняли ему; они при этомъ какъ-то пресмѣшно моргали и косились; ему, бѣдному, самому такъ хотѣлось вѣрить въ мое выздоровленіе...—Карлъ Ивановичъ, говорю я ему однажды, скажите мнѣ, почему это доктора не лѣчатъ обыкновенно ни женъ своихъ, ни дѣтей, никого изъ очень близкихъ имъ людей, а прибѣгаютъ, въ случаѣ ихъ болѣзни, къ помощи другаго медика? Онъ никакъ не ожидалъ, что я готовлю ему западню, и добродушно отвѣчалъ, что это потому, что для успѣшнаго пользованія больнаго врачу прежде всего нужно полное спокойствіе духа, а что духъ врача не можетъ быть спокоенъ, когда онъ, какъ человѣкъ, волнуется за близкихъ его сердцу.

„— Карлъ Ивановичъ, вы меня очень любите? спрашиваю я.

„— О да, о да! заговорилъ онъ растроганный, какъ *родная дочь* я васъ люблю, люблю съ того *время*, когда вы были *маленькая ребенокъ*.

„— Такъ вы согласитесь, чтобъ я посовѣтовалась съ дру-

гимъ докторомъ? Вы не можете быть вѣрнымъ судьей моей болѣзни, вы сами себѣ сейчасъ приговоръ подписали...

„Карлъ Ивановичъ былъ очень смущенъ моею хитростью, онъ началъ спорить, сердился, но я настояла, и онъ обѣщалъ мнѣ привезти консультанта изъ К. Но я этого не хотѣла: онъ могъ бы сговориться съ нимъ, а я хотѣла, во что бы ни стало, знать правду о моемъ положеніи. Я попросила тетушку написать въ К. Отвѣтъ былъ полученъ въ тотъ же день: К. отъ насъ всего въ восьми верстахъ. Случилось, что въ то время находился тамъ проѣздомъ очень хорошій докторъ изъ Москвы, нѣкто г. Латышевъ. Его зовутъ Виссаріонъ Ѳедоровичъ; онъ говорилъ мнѣ, что слышалъ про васъ, Владиміръ, что онъ даже былъ приглашенъ присутствовать, когда вы должны были драться,—помните, въ Москвѣ, съ этимъ офицеромъ, Звѣницынымъ..., Боже мой, вспомнить страшно, какія минуты я тогда пережила!.. Этотъ г. Латышевъ очень мнѣ понравился; на первый взглядъ онъ кажется букой и какъ-будто на все и на всѣхъ сердится, но умные и честные глаза его тотчасъ внушаютъ къ нему довѣріе. Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ ко мнѣ, разспрашивалъ, слушалъ мою грудь. Я передала ему неутѣшительное заключеніе о ней, слышанное мною отъ П. въ Крыму. Добрый Карлъ Ивановичъ, бывшій тутъ, весь раскраснѣлся, затопалъ ногой и назвалъ П. шутомъ. Латышевъ ничего не сказалъ, только посмотрѣлъ на Карла Ивановича и закусилъ губу. Чрезъ два дня онъ пріѣхалъ въ монастырь и прошелъ ко мнѣ чрезъ кладбище, дознавшись предварительно у послушницы, что у меня никого нѣтъ.

„— Я радъ, что вы однѣ, сказалъ онъ,—надо съ вами серьезно поговорить; вашъ Нѣмецъ добрый старикъ, но безтолковъ: онъ только путаетъ.—Онъ возобновилъ свои вопросы, настаивалъ на многихъ подробностяхъ моей болѣзни, моей прошедшей жизни.—Вы много приняли горя на своемъ вѣку? спросилъ онъ вдругъ.

„— Много, докторъ.

„— То-то, сказалъ онъ, нахмурясь.—Болѣзнь ваша въ сущности дрянь, но отпору ей нѣтъ, жизненной силы мало. П.

не шутъ, какъ выражается вашъ *нѣмчура*, и никогда шутомъ не былъ,—онъ правду сказалъ...

„— Говорите откровенно, докторъ, спросила я его:—много ли мнѣ еще остается жить?

„— Э, да вы у меня молодецъ! воскликнулъ онъ почти весело:—прямо итоги подводите!

„Онъ назвалъ мнѣ мою болѣзнь,—какое-то мудреное латинское названіе,—опредѣлилъ ея характеръ, симптомы; я поняла, что у меня то, что называютъ consoption. Слава Богу, я умру безъ страданія, тихо,—угасну, какъ выражался г. Латышевъ... Онъ обѣщалъ мнѣ еще три-четыре мѣсяца жизни, *если я только буду пай-дитя, не буду расточать масла, остающагося въ лампадѣ.*

„— Вамъ не хочется умирать? спросилъ онъ предъ прощаньемъ.

„— Не для себя, докторъ, сказала я и не выдержала, расплакалась.

„Онъ держалъ мою руку въ это время и вдругъ, неожиданно, крѣпко поцѣловалъ ее, взялъ шляпу и ушелъ, не говоря ни слова. Онъ добрый человѣкъ... Сегодня, говорилъ мнѣ Эшъ, онъ уѣхалъ обратно въ Москву.

„Я ужасно устала, другъ мой. Буду продолжать завтра“.

„Еслибы не вѣчная тревога о васъ, Владиміръ, не мысль объ ожидающемъ васъ одинокомъ, скорбномъ будущемъ (вы мнѣ ничего не пишете о вашемъ матросѣ, о Грызунѣ; надѣюсь, что онъ все еще при васъ, и что вы съ нимъ никогда не разстанетесь: онъ вамъ такъ преданъ, — я видѣла это въ Крыму,), мое теперешнее состояніе я могла бы назвать почти счастливымъ. Не знаю, надолго-ли, но вы не повѣрите, въ какое затишье погружается душа при увѣренности въ неизбѣжномъ и близкомъ концѣ. Ни физической боли, ни тоски, ни страха, ни сожалѣній — я ничего не испытываю. Масло еще горитъ въ лампадѣ, но пламя ея уже не свѣтитъ и не грѣетъ. Все точно застыло вокругъ меня, все принимаетъ какія-то законченныя, неподвижныя формы. Время не летитъ, не мчится

впередъ, какъ прежде, оно расплывается какъ вода въ низменной долинѣ. Все кончено для меня, Владиміръ... и слава Богу! Я могу говорить теперь о себѣ, какъ о третьемъ лицѣ, какъ о чужой мнѣ личности, какъ о героинѣ давно забытаго романа.

„Многое, если не все, оставалось для васъ невѣдомымъ, добрый другъ мой. Вы не допытывались, не допрашивали; слезы мои и недомолвки, чистая душа, вы мнѣ же объясняли преувеличеніями строгой къ себѣ совѣсти, вы не хотѣли видѣть моего стыда, вы заранѣе все и всецѣло прощали... Боже мой, стоила-ли я такой любви!...

„Но вы должны все знать... Эти три-четыре мѣсяца, которые мнѣ остается жить, они даны мнѣ не даромъ, — вѣдь могла же я умереть тамъ, въ Крыму, не приходя въ себя!... Не дарованъ-ли мнѣ этотъ срокъ Вышнею волей для покаянія предъ вами, для того, можетъ-быть, чтобы вы,—о, дай-то Богъ!—узнавъ все мое прошедшее, не такъ горько и долго сожалѣли обо мнѣ?...

„Признаться-ли вамъ еще, Владиміръ? Не знаю, гордость можетъ-быть это, — не даромъ же течетъ въ моихъ жилахъ Чемисаровская кровь,—но меня возмущаетъ мысль, что вы до самыхъ этихъ поръ любили не меня, а Наденьку вашего дѣтства, предметъ вашихъ первыхъ юношескихъ мечтаній. Если любви вашей суждено пережить меня, то пусть же она относится ко мнѣ, — ко мнѣ, грѣшницѣ, измѣнившей вамъ, недостойной васъ, но кающейся, какъ Магдалина, предъ вами, а не къ тому непорочному 17-ти-лѣтнему созданію, какимъ сохранили вы меня въ вашемъ воображеніи и съ которымъ такъ давно у меня ничего нѣтъ общаго.

„Я вамъ все разскажу, все; я могу теперь... Длиннымъ и отчетливымъ спискомъ развертывается предо мной моя жизнь, и я уже безучастно перечитываю знакомыя строки, и сердце не ускоряетъ своихъ біеній, когда я дохожу до иныхъ страницъ, еще такъ недавно поражавшихъ меня ужасомъ. Да, все кончено для меня!... Но каково бы ни было впечатлѣніе, которое должна произвести на васъ моя исповѣдь, — наброситъ ли она въ вашемъ сердцѣ темную завѣсу на мою память, или

исполнится оно лишь всепрощающею жалостью,—другъ мой, братъ мой, дорогой мой Владиміръ, заклинаю васъ той душевною мукой, отъ которой умираю я теперь, не проклинайте того, кто былъ участникомъ моей вины! Его ужь нѣтъ, онъ погибъ ужасною смертью. Не возмущайте его страдальческой тѣни тяжелымъ укоромъ... Онъ погибъ изъ-за меня; онъ былъ безумецъ, можетъ-быть, но онъ любилъ меня!... Простите ему, да почіетъ онъ съ миромъ! Страшно было бы мнѣ думать, что отвѣтъ свой Богу онъ долженъ дать и за вашу участь, Владиміръ!"

„Вы помните, другъ мой, когда мы съ вами въ послѣдній разъ видѣлись въ Рай-Воздвиженскомъ. Это было въ маѣ мѣсяцѣ, семь лѣтъ тому назадъ. Корабль вашъ уходилъ въ Англію. Вы уѣзжали. Въ день вашего отъѣзда, утромъ, вы зашли ко мнѣ. Мы остались на минуту одни.—Наденька, вы не забудете меня, вы не измѣнитесь ко мнѣ? сказали вы.— О, никогда, никогда! отвѣчала я, подавая вамъ обѣ руки и заливаясь слезами. Я васъ любила, Владиміръ, нѣжно любила съ дѣтства, привыкла я относить къ вамъ лучшіе помыслы мои и чувства. Я знала, что должна быть вашею женой, видѣла, какъ этого желали всѣ окружавшіе меня, какъ при одномъ видѣ вашемъ переставалъ хмурить отецъ мой свои грозныя брови. Когда я еще была маленькою, матушка ваша унимала мои слезы обѣщаніемъ выдать меня, когда выросту большая, за своего Володю. Когда я стала старше, моя добрая, старая гувернантка, — помните, — миссъ Сарра-Мэкдефъ, смиряла мое упрямство угрозой, что Mister Woldemar chall know it. Покойный братъ Вася, Андрюша Кирилинъ, учившійся съ нимъ вмѣстѣ, постоянно дразнили меня вами. Все питало, все растило чувство мое къ вамъ... О, не уѣзжай вы тогда, Владиміръ!... Я помню, когда вы получили изъ Николаева бумагу, требовавшую васъ на службу,— это было за обѣдомъ, — вы поблѣднѣли и молча передали ее чрезъ столъ батюшкѣ. Я вся занѣмѣла, сердце у меня упало... Не даромъ это было! Я предчувствовала, что страшный ударъ готовится разразиться надъ нами,—и громъ ударилъ. Батюшка

свернулъ бумагу, строго взглянулъ на васъ, въ отвѣтъ вашему печально вопросительному взгляду, и произнесъ только одно слово: „долгъ твой“; потомъ обернулся къ дворецкому и сказалъ: „Владиміръ Александровичъ завтра ѣдетъ; къ 12-ти часамъ подъ желтую коляску четверку лошадей“. О, какъ долго потомъ звучали мнѣ, надрывая сердце, какъ погребальный колоколъ, эти холодныя, безпощадныя слова! Не они-ли въ самомъ дѣлѣ и похоронили на вѣки мое и ваше счастье?...

„Я ушла въ этотъ вечеръ къ себѣ наверхъ, подъ предлогомъ головной боли, и не выходила уже оттуда цѣлую недѣлю. Вы уѣхали на другой день... Я была въ отчаяніи, никого не хотѣла видѣть, лишилась сна. Батюшка послалъ ко мнѣ Карла Ивановича: я попросила его оставить меня въ покоѣ. Наконецъ батюшка, противъ своего обыкновенія, самъ зашелъ ко мнѣ однажды послѣ обѣда. Я могла замѣтить, что онъ былъ со мной какъ бы нѣжнѣе обыкновеннаго, поминалъ васъ и сказалъ, что васъ надо ждать къ Рождеству.

„— Восемь мѣсяцевъ! воскликнула я, вѣкъ цѣлый! Онъ могъ совсѣмъ не ѣхать, папа, вы его заставили.

„— Какъ? спросилъ батюшка.

„— Онъ могъ сказаться больнымъ, или въ отставку выйти.

„— Не слѣдуетъ, ложь! И повторивъ опять слово: *долгъ*, онъ ушелъ.

„Миссъ Мэкдефъ улыбнулась и сообщила мнѣ, что онъ безпокоился обо мнѣ и каждый день требовалъ ее къ себѣ съ отчетомъ о моемъ здоровьѣ.

„— Вы были очень холодны и даже непочтительны къ отцу, Надя, замѣтила она мнѣ,—это не хорошо, онъ васъ очень любитъ, только онъ ни за что не хочетъ этого показать, потому что у него такой же характеръ, какъ у герцога Веллингтона, котораго называли the iron-duke *). Конечно, очень грустно, что Mister Woldemar уѣхалъ и въ нашемъ большомъ домѣ сдѣлалось опять очень пустынно и скучно послѣ его отъѣзда, потому что онъ умѣлъ всему сообщать свое оживленіе и веселость; но надо умѣть переносить съ

*) Желѣзный герцогъ.

покорностью всякое испытаніе, посылаемое намъ Провидѣніемъ. А восьмимѣсячное отсутствіе Mister Woldemar'a еще не такое великое несчастіе, чтобъ отъ этого приходить въ отчаяніе, забывать ту сдержанность въ выраженіи чувствъ своихъ, которая составляетъ первое условіе хорошаго воспитанія.—Вы не знаете, Надя, продолжала старушка, оживляясь, и я желаю, чтобы вамъ никогда не суждено было узнать это,—что̀ значитъ дѣйствительное несчастіе. У меня давно уже сѣдые волосы, а я до сихъ поръ содрогаюсь, вспоминая о томъ, какъ я была испытана въ моей молодости. Я была старше васъ, Надя, мнѣ уже было 22 года, я была сирота, бѣдная, но очень хорошей фамиліи; герцогъ Аргайль былъ мнѣ родственникъ и онъ далъ мнѣ пріютъ въ своемъ замкѣ: у него великолѣпный замокъ близь Глазго. До этого я жила у другаго моего родственника въ Кемберлендѣ и тамъ познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ; онъ былъ незнатный, сынъ простаго фермера, но прекрасный, умный и хорошо воспитанный молодой человѣкъ. Мы полюбили другъ друга. Я ему сказала, что ни за кого, кромѣ него, не пойду замужъ, но что такъ какъ ни у него, ни у меня ничего нѣтъ, то онъ долженъ прежде всего составить себѣ положеніе, а я буду его ждать и молиться за него. Онъ сказалъ мнѣ: „вы будете скоро моею, Сарра, клянусь Богомъ, или я погибну!“ Чрезъ нѣсколько времени онъ сообщилъ мнѣ, что уѣзжаетъ въ Индію: ему давали тамъ мѣсто, сначала скромное, но съ обѣщаніемъ скораго повышенія. Мы разстались; онъ былъ полонъ надеждъ и я также,—онъ внушалъ мнѣ полное довѣріе къ себѣ,—лишь иногда тревожила меня мысль о жгучемъ климатѣ Индіи. Въ продолженіе двухъ лѣтъ онъ регулярно писалъ мнѣ разъ и два въ мѣсяцъ. Вѣсти его были самыя успокоительныя и благопріятныя; климатъ Мадраса,—тамъ была контора, гдѣ онъ служилъ,—онъ переносилъ прекрасно, дѣло свое понялъ очень скоро, и его принципалы были очень расположены къ нему. Тѣмъ временемъ я переѣхала жить къ герцогу Аргайлю въ замокъ. Вдругъ получаю письмо отъ жениха моего изъ Лондона: онъ пріѣхалъ туда на компанейскомъ кораблѣ

съ какимъ-то значительнымъ порученіемъ. Онъ писалъ мнѣ, что Богъ внялъ молитвамъ моимъ, что все устроилось лучше и скорѣе, чѣмъ онъ былъ въ правѣ ожидать: онъ получилъ мѣсто въ тысячу фунтовъ и можетъ доставить мнѣ теперь безбѣдное и счастливое существованіе. Въ Англіи онъ можетъ пробыть самое короткое время, а потому едва кончитъ свое порученіе въ Лондонѣ, отправится съ первымъ отплывающимъ въ Глазго кораблемъ за мной; мы обвѣнчаемся и сейчасъ же уѣдемъ въ Лондонъ, чтобы попасть на почтовый пакетботъ, идущій въ Индію: тогда пароходы еще не были въ употребленіи, вѣдь это давно было. Вы можете себѣ вообразить мою радость! Но я никому не сказала о ней, Надя. Самого герцога не было дома, я ему написала, извѣщая его о скоромъ моемъ замужествѣ, но никому другому я ничего не говорила. Я только горячѣе прежняго молилась и благодарила Бога и ждала моего жениха, считая дни и часы. Однажды ночью я была разбужена страшными ударами грома и неистовымъ завываньемъ вѣтра; такой грозы, кажется, еще никогда не бывало. Господь, отецъ милосердный! воскликнула я, зарываясь въ подушки, если онъ теперь въ морѣ, спаси его! И всю ночь я провела въ страшномъ безпокойствѣ. Буря утихла только къ полудню. Вечеромъ въ замокъ пришло извѣстіе, что въ Глазговской гавани, въ прошедшую ночь, произошло много крушеній и что тамошніе торговые дома опасаются еще болѣе крупныхъ несчастій въ морѣ. Ужасъ мой возрасталъ съ каждымъ мгновеніемъ. На третій день утромъ, когда всѣ собрались за завтракъ, принесли газеты; ихъ разобрали по рукамъ.

„— Ого! воскликнулъ одинъ изъ гостей,—немалая потеря для Андерсеновъ! Корабль ихъ погибъ въ виду Глазго со всѣмъ грузомъ и находившимися на немъ людьми; спаслось только три человѣка. Вотъ списокъ погибшихъ пассажировъ.

„Онъ сталъ читать, я слушала еле-дыша. Вдругъ мнѣ послышалось знакомое, дорогое имя...

„— Какъ вы прочли? прервала я.

„— Ричардъ Симсонъ, изъ Мадраса, повторилъ отчетливо

читавшій и спросилъ меня нѣсколько свысока:—вы его знали, миссъ?...

„О, Надя, я этой минуты никогда не забуду! Я ничего не отвѣчала тому, кто дѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ. Ричардъ Симсонъ—это не важное, никому не вѣдомое имя, — о, они не могли понимать, что̀ оно для меня значило! Но я сумѣла сдержать себя, Надя, я успѣла подавить безумное отчаяніе, которое жгучими слезами выступало на моихъ померкшихъ глазахъ. Я долила послѣднюю чашку чаю и спокойно, не спотыкаясь, вышла изъ столовой. Не знаю, какъ я добрела до своей комнаты, но, переступивъ порогъ ея, силы мнѣ измѣнили, и я безъ чувствъ грохнулась на земь... Я долго послѣ этого была опасно больна, но даже и въ бреду не выдала своей тайны... Я выздоровѣла, но Англія мнѣ постыла съ тѣхъ поръ; я рѣшилась уѣхать, и вотъ уже болѣе тридцати лѣтъ, какъ живу на континентѣ, не видала и вѣроятно уже болѣе не увижу своей родины. Умѣнье владѣть собой—первая вещь на свѣтѣ, Надя, закончила Сарра своимъ обычнымъ наставительнымъ тономъ, проводя рукой по глазамъ, покраснѣвшимъ отъ воспоминанія о ея первой и единственной любви...

„Я вамъ передала почти отъ слова до слова разсказъ доброй моей старушки; не знаю, насколько онъ можетъ быть занимателенъ для васъ, но онъ такъ и просился у меня подъ перо. Этотъ вечеръ со всѣми его подробностями такъ памятенъ мнѣ. Сарра, какъ это часто съ ней случалось, произвела на меня впечатлѣніе совершенно противоположное тому, какое она желала произвести: она не успокоила, а еще болѣе встревожила меня. Къ печали о вашемъ отъѣздѣ присоединился теперь невообразимый страхъ за васъ. Въ воображеніи моемъ уже складывалась страшная картина: корабль вашъ тонулъ у бурныхъ береговъ Англіи, вы погибли подобно жениху бѣдной Сарры, до меня нечаянно доходила эта вѣсть... Я серьезно расхандрилась и заплакала. Сарра растерялась и хотѣла посылать за Карломъ Ивановичемъ. Въ это время вдругъ, сквозь отворенную дверь моей гостиной, донеслись до насъ неожиданные музыкальные звуки: кто-то

игралъ на скрипкѣ въ большой залѣ. Сарра остановилась на ходу и почти съ испугомъ спросила меня: „это что̀ такое“? Я не отвѣчала ей, я жадно слушала. Никогда еще музыка не раздавалась такъ кстати, никакая другая не могла бы такъ повліять на душевное настроеніе мое въ эту минуту. Блестящая и страстная въ одно и то же время, своеобразная мелодія, въ ритмѣ полонеза, то лилась какъ потокъ, озаренный луной, кипя и брызжа тысячами искръ, то, сладко волнуясь, замирала и какъ бы улетала въ небо на крыльяхъ зари. Она вѣяла весеннею ночью, молодыми надеждами, она говорила о какомъ-то недосягаемомъ блаженствѣ, эта мелодія... Я ожила, воскресла, черныя думы мои разсѣялись вдругъ, мнѣ хотѣлось только слушать и еще слушать.

„— Пойдемте на хоры, сказала я Саррѣ.

„— Y ou are a whimsical person! *) пробормотала она, пожимая плечами и нехотя слѣдуя за мной. Въ дверяхъ мы наткнулись на Настасью Савельевну. Она какъ-то торжественно улыбалась.

„— Хорошо играетъ мой Андрюша, Надежда Павловна? спросила она меня.

„— Какъ вашъ Андрюша? переспросила я съ удивленіемъ.

„— Конечно-съ, вѣдь это онъ, сынъ мой, исполняетъ на скрипкѣ.

„— Андрюша Кирилинъ! Давно-ли онъ здѣсь?

„— Да ужь недѣлю слишкомъ будетъ. Онъ просилъ васъ видѣть, да я не посмѣла доложить вамъ. Не до него вамъ было, барышня, знаю-съ, да и прихворнули вотъ вы, такъ я ему и сказала: успѣешь еще увидать ихъ....

„Вы помните, Владиміръ, нашу большую залу въ два свѣта въ Рай-Воздвиженскомъ. Когда мы вошли на хоры, вечернія тѣни облегали уже всю глубину ея; только прямо противъ насъ, выступъ между колоннъ, на которыя опирались хоры съ той стороны залы, былъ ярко освѣщенъ отблескомъ заходившаго солнца на красныхъ занавѣсахъ оконъ. Стоявшій на выступѣ музыкантъ былъ весь облитъ этимъ пламеннымъ свѣтомъ.

---

*) Вы причудливая особа.

Худой и высокій, съ густыми черными волосами, падавшими ему на плечи, онъ стоялъ, жмуря глаза отъ солнца и прижавшись головой къ скрипкѣ съ такимъ болѣзненнымъ выраженіемъ, будто, играя, самъ внималъ инымъ совершеннѣйшимъ звукамъ, глубоко похороненнымъ въ его инструментѣ, и страдалъ, страдалъ всѣмъ существомъ своимъ, чувствуя себя безсильнымъ извлечь ихъ оттуда. Съ такимъ мучительнымъ напряженіемъ должны были вызывать чародѣи непослушныхъ имъ духовъ...

„Я бы не узнала Кирилина: онъ такъ мало походилъ на того мальчика, какимъ я его помнила, когда, бывало, убѣгая отъ уроковъ въ лѣсъ, онъ каждый день приносилъ мнѣ оттуда ягоды, которыя я ѣдала на зло ворчуньѣ Саррѣ. Сама Сарра теперь никакъ не рѣшалась признать въ немъ своего бывшаго ученика и то-и-дѣло повторяла: „is it possible, неужели это Андрюша?“ Да и кто бъ узналъ его теперь? Давно,— это чувствовалось тотчасъ же, — прошли для него ребяческіе годы. А между тѣмъ онъ былъ едва тремя, много четырьмя годами старѣе меня, но на первый взглядъ ему можно было дать лѣтъ тридцать.

„Скрипка его замолкла на неразрѣшенномъ аккордѣ. Онъ опустилъ смычокъ, тряхнулъ своими длинными волосами и. поднявъ голову вверхъ, замѣтилъ насъ. Онъ широко, во все лицо,—я замѣтила, что лицо это было некрасиво,—улыбнулся и, взглянувъ на меня смѣлымъ, до дерзости смѣлымъ взглядомъ:

„— Ага, гордая барышня, сказалъ онъ, — я зналъ, что вызову васъ, наконецъ! Вы попрежнему любите музыку?

„— Да, я люблю музыку, холодно отвѣчала я, весьма непріятно пораженная этимъ фамильярно развязнымъ тономъ, который былъ такъ необыченъ для меня, между тѣмъ какъ Настасья Савельевна, еще болѣе недовольная имъ, дѣлала сыну какіе-то знаки глазами и руками. Но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія и продолжалъ все такъ же смѣло и упорно смотрѣть на меня.

„— Что̀ это вы играли? спросила я.

„— Да какъ хотите назовите, небрежно отвѣчалъ онъ,—

элегіей или фантазіей... или, можетъ-быть, вамъ болѣе по вкусу названіе „каприза", — это все равно, дѣло не въ кличкѣ. Главное, нравится оно вамъ?

— Очень нравится.... Но мнѣ хотѣлось знать, объяснила я, — чье это сочиненіе?

„— А хоть бы мое?

„— Ваше?

„— Васъ это удивляетъ, сказалъ онъ съ злою улыбкой, скривившею внезапно его губы:—вамъ кажется невѣроятнымъ, чтобы русскій музыкантишка, да къ тому же еще сынъ вашей экономки, — онъ кивнулъ снизу вверхъ на стоявшую подлѣ меня Настасью Савельевну, — былъ способенъ сочинить то, что вы готовы сейчасъ же приписать первому попавшемуся вамъ Нѣмцу?

„— Меня это нисколько не удивляетъ, спѣшила я успокоить его самолюбіе, — я увѣрена, Андрей.... Я никакъ не могла вспомнить, какъ слѣдовало дальше; назвать же его Андрюшей, какъ прежде, я бы ни за что на свѣтѣ не рѣшилась.

— Андрей Харламычъ, громкимъ и жалобнымъ голосомъ подсказала мнѣ Настасья Савельевна.

— Merci, мамаша, иронически отозвался снизу Кирилинъ,—спасибо и за то, что напомнили барышнѣ мое плебейское отчество. Маменька у меня препочтительная къ господамъ, продолжалъ онъ все тѣмъ же чрезвычайно непріятнымъ, насмѣшливымъ и дерзкимъ языкомъ,—я никакъ не могъ добиться отъ нея чести быть вамъ представленнымъ; все она боялась, изволите видѣть, ваше превосходительство обезпокоить.

„— Да полно, Андрюша, полно, что это ты, право! возражала на это съ хоръ бѣдная Настасья Савельевна, махая руками и очевидно не зная, плакать-ли ей или смѣяться.

„— Я очень сожалѣю, что не видѣла васъ до этихъ поръ, Андрей Харламычъ, сказала я,—но матушка ваша нисколько въ этомъ невиновата: я была нездорова все это время и дѣйствительно никого не видѣла.

„— Понятное дѣло, отвѣчалъ онъ,—не дѣлать же вамъ для меня исключенія!

„Я покраснѣла отъ досады и хотѣла сказать ему, что на исключенія надо пріобрѣсти право, но старая моя Сарра, давно уже шокированная этимъ разговоромъ, хотя она едва-ли на половину понимала его, остановила меня.

„— For shame, Надя! сказала она, взявъ меня за руку:— зачѣмъ вы съ нимъ объясняетесь? У него очень нехорошія манеры и онъ совсѣмъ непохожъ на джентльмена; онъ не стòитъ, чтобы такая дѣвушка, какъ вы, говорила съ нимъ. Adieu, monsieur Andruche, крикнула она Кирилину своимъ забавнымъ французскимъ говоромъ,—beaucoup merci pour your music.

„— The musician thanks you very much, Miss, for your charming society *), отвѣчалъ онъ, расхохотавшись на всю залу веселымъ и добродушнымъ смѣхомъ, который рѣзко противорѣчилъ его предыдущему желчному тону.

„— Онъ однако не забылъ англійскихъ уроковъ, которые я ему давала, шепнула мнѣ Сарра, уводя меня.

„Эта мысль, повидимому, помирила ее отчасти съ поразившими ее такъ дурными манерами Кирилина; она по крайней мѣрѣ уже болѣе не упоминала о немъ и, напившись чаю, ушла въ свою комнату.

„За то Настасья Савельевна, оставшись наединѣ со мной, долго не могла успокоиться относительно того, что она называла *продерзостью* и непочтительностью ко мнѣ ея сына. Она слезно умоляла меня *не гнѣваться* на него за это, при чемъ я невольно подумала, что дѣйствительно она черезчуръ уже „почтительна къ господамъ“. Она тоскливо жаловалась на своего Андрюшу, говорила, что не знаетъ, какъ быть съ нимъ, что не узнаетъ его съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся въ Рай-Воздвиженское.

„— И ума приложить не могу, барышня, что̀ это приключилось съ нимъ: все-то не по нраву ему, всего-то онъ чуж-

---

*) Музыкантъ весьма благодаренъ вамъ за ваше очаровательное общество.

дается, словно весь свѣтъ ему постылъ. Помилуйте, скажите сами: вѣдь онъ здѣсь родился, выросъ, кажись бы каждый кустикъ долженъ быть милъ ему, а онъ, повѣрите, какъ пріѣхалъ, такъ и засѣлъ въ нору, изъ комнаты своей не выходитъ, въ саду еще ни разу не былъ; къ батюшкѣ вашему носу не показываетъ, сказывается больнымъ.

„— Что же онъ дѣлаетъ? спросила я.

„— Да ничего-съ, лежитъ день цѣлый, склампи руки подъ голову, мухъ на потолкѣ считаетъ, а то читаетъ книжку. Книгъ онъ навезъ много.

„— Играетъ на скрипкѣ?

„— Всего во второй разъ сегодня взялъ скрипку въ руки. Впервой-то онъ игралъ у генерала. Владиміръ Александрычъ, и пріѣзжалъ тогда еще къ намъ богачъ Грайворонскій, такъ они очень просили его послушать, да и тутъ сыгралъ онъ одну штучку и не захотѣлъ больше: усталъ, говоритъ, съ дороги.

„— Такъ Владиміръ Александровичъ видѣлся съ нимъ! Когда же это было?

„— Андрюша-то вѣдь пріѣхалъ на самомъ наканунѣ отъѣзда Владиміра Александровича, пояснила Настасья Савельевна,—значитъ въ тотъ самый-то день вечеромъ...

„— Я нездорова была въ тотъ вечеръ?...

„— Такъ точно-съ. А Владиміръ Александровичъ очень одобрялъ Андрюшу и радовался, что онъ вамъ своею скрипкой можетъ доставить удовольствіе.

„— Онъ такой добрый, Владиміръ!

„Я вздохнула невольно.

„— Ужь точно добрый, подхватила на лету Настасья Савельевна,—весь въ матушку свою, въ Вѣру Ѳедоровну...

„И полились у нея рѣкой хвалебныя рѣчи вамъ, милый Владиміръ. Потомъ она опять перешла къ сыну и кончила, наконецъ, вопросомъ: не заучили-ли его въ столицѣ? Я засмѣялась и сказала, что объ этомъ я судить не могу, а совѣтовала ей обратиться за отвѣтомъ къ Карлу Ивановичу. Бѣдная женщина печально покачала головой и задумалась. Я спросила ее довольно опрометчиво, любитъ-ли ее сынъ? Она

взглянула на меня такъ, какъ будто ей никогда не приходилъ въ голову этотъ вопросъ.

„— Конечно, не сейчасъ могла она отвѣтить.—Онъ, какъ пріѣхалъ, да увидалъ меня, очень обрадовался, даже заплакалъ... ну, а за тѣмъ... право, не знаю сама, какъ и сказать: можетъ онъ меня и любитъ, только ему не такая мать, какъ я, была бы нужна.

„— Чѣмъ же вы не хороши, Настасья Савельевна?

„— А тѣмъ, что я не важная барыня; ему нужна мать графиня,—вотъ ту бы онъ уважалъ и покорялся; а то что я? Я, знаете, барышня, примолвила Настасья Савельевна, возвращаясь къ своей природной веселости, — я все одно, что курица, подъ которую подложили утиное яйцо; вывела она лапчатаго утенка,—онъ въ воду, а она на бережку осталась; глядитъ, онъ къ ней не хочетъ, а она къ нему не можетъ... Такова и моя судьба съ Андрюшей: понять-то мы не можемъ другъ друга, вотъ что-съ!

Она засмѣялась и тутъ же глубоко вздохнула, пожелала мнѣ доброй ночи и ушла“.

„Усну-ли я, наконецъ, сегодня? думала я, ложась въ постель, въ которой провела предъ этимъ нѣсколько дней сряду, почти не смыкая глазъ. Но сонъ все также упорно бѣжалъ отъ меня и теперь. Фантазія Кирилина, этотъ сверкающій польскій, такъ и звенѣлъ въ моихъ ушахъ и поддразнивалъ своими капризными модуляціями; онѣ то проносились на мгновеніе въ памяти, то ускользали вдругъ, связующая нить ихъ порывалась то-и-дѣло, и я, досадуя, сто разъ начинала напѣвать въ головѣ сызнова первоначальный мотивъ. А мысль бѣжала между тѣмъ впередъ, отъ звуковъ она добиралась до смысла самой композиціи, и смыслъ этотъ становился для меня все болѣе и болѣе понятенъ. Какъ странно, думала я, неужели въ самомъ дѣлѣ могъ сочинить такую прелестную музыку этотъ непріятный, самолюбивый человѣкъ, которому все прискучило, все постыло, какъ говоритъ его мать? Откуда же взялось у него столько силы и нѣжности, и блеска, и жара?

Можно-ли быть равнодушнымъ ко всему, ничего и никого не любить и въ то же время быть способнымъ создать такую вещь, которая въ другомъ, въ слушающемъ, поднимаетъ, напротивъ, изъ глубины души самыя сладостныя и высокія чувства? Въ этой музыкѣ не слышится-ли горячее желаніе любить и любимымъ быть, и отважная рѣшимость пожертвовать жизнью за одну минуту счастія? Странно!... Я читала біографіи великихъ музыкантовъ, мнѣ много говорилъ о нихъ Поллакъ, бывшій мой учитель музыки: Моцартъ, Бетговенъ, Шопенъ—все это были люди съ глубокою душой, все великое и прекрасное ими написанное, все это они, какъ выражался Поллакъ, выносили въ себѣ, выстрадали; оно вылилось, значитъ, у нихъ изъ чувства, которое прежде всѣхъ они сами испытали. Какимъ же образомъ можетъ этотъ *Андрей Харламычъ* быть такимъ бездушнымъ человѣкомъ?... Или, можетъ-быть, мелькнуло у меня въ головѣ, онъ не всегда былъ такой? Я помню, въ дѣтствѣ нашемъ онъ былъ такой славный, такъ любилъ насъ съ покойнымъ братомъ Васей; когда Вася умеръ, никто въ домѣ, кажется, такъ не плакалъ о немъ, какъ этотъ самый Андрюша. Чувство говорило же въ немъ тогда!... Оттего же теперь?... Но почему я знаю, какія обстоятельства, какія огорченія могли измѣнить его. Прошло шесть лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ покинулъ Рай-Воздвиженское. Онъ все это время жилъ одинъ, на чужой сторонѣ. Кто скажетъ, что̀ онъ испыталъ, сколько можетъ быть горя вынесъ за это время?... Можетъ-быть онъ и любилъ, былъ влюбленъ въ какую-нибудь дѣвушку и тогда сочинилъ эту вещь... Онъ, можетъ-быть, не смѣлъ признаться ей на словахъ въ своей любви и выразилъ чувства свои музыкой... и если она не поняла изъ нея, что̀ онъ хотѣлъ сказать ей, то она была очень тупая дѣвушка... Но скорѣе всего надо полагать, что она его не любила: онъ очень не хорошъ собой, и, притомъ, Сарра права, онъ вовсе не похожъ на джентльмена, а это нанесло ему большой ударъ,—и вотъ съ тѣхъ поръ ему все постыло. Иначе быть не можетъ, додумалась я уже до полнаго убѣжденія: онъ любилъ, но его не любили, а можетъ-быть и родные любимой имъ дѣвушки не хотѣли выдать ее за него... Все это надо бу-

детъ разузнать чрезъ Настасью Савельевну, и если только препятствія идутъ не отъ предмета его обожанія, то ему можно будетъ помочь: я скажу батюшкѣ. Нѣтъ, онъ этого не пойметъ; я дождусь Владиміра, и мы съ нимъ все устроимъ...

„Такъ мечтала въ безмолвной ночи моя восемнадцатилѣтняя голова... Предвидѣли-ли вы это, Владиміръ, когда радовались, что пріѣздъ Кирилина послужитъ для меня источникомъ музыкальныхъ наслажденій? Предвидѣли-ли вы, что съ перваго же раза эта музыка заставитъ „вашу Наденьку" провести безсонную ночь въ заботѣ о судьбѣ ея исполнителя?

„Я уснула только на зарѣ и увидѣла страшный сонъ. Всѣ впечатлѣнія того дня спутались и переложились въ томъ снѣ въ грозные фантастическіе образы. Прежде всего я увидѣла себя и васъ, Владиміръ, среди необозримаго пространства водъ; онѣ тихо плескались, и полный мѣсяцъ глядѣлся въ нихъ. Золотые лучи его тянулись длиннымъ вѣеромъ въ безконечную даль, и мы плыли съ вами по этимъ лучистымъ струямъ подъ бѣлымъ натянутымъ парусомъ. Не помню, что̀ вы говорили мнѣ, но рука моя лежала въ вашей рукѣ, и мы оба весело слѣдили за блестящею стезей, оставляемою нашимъ челнокомъ на зыбучей волнѣ, какъ въ тотъ вечеръ,—помните, Владиміръ?—когда вы съ управителемъ устроили прогулку по нашей Семи.—Слышите-ли вы это пѣніе? спросила я васъ вдругъ,—тамъ, гдѣ мелькнулъ этотъ огонекъ? Поплывемъ туда, Владиміръ! — „Мы собьемся съ дороги, Надя, отвѣчали вы,—а видите, какъ она свѣтло стелется впереди". Но я настояла, и мы повернули въ ту сторону. Огонекъ все ярче горѣлъ, и пѣніе—все та же неотступная мелодія Кирилина—все слышнѣе раздавалось по мѣрѣ нашего приближенія, но за нами за то становилось все темнѣе и темнѣе, и черныя волны метались поперекъ оставленной нами золотой полосы мѣсяца... Вы печально указывали мнѣ на нее рукой, но я все стремилась впередъ.—Вотъ и берегъ близко, говорила я, вотъ и призывные огоньки на немъ такъ привѣтно разгорѣлись; пристанемъ къ нему скорѣе... Но это былъ не берегъ, а огромный утесъ, и доступу къ нему не было, а призывные огоньки горѣли теперь зловѣщимъ пламенемъ изъ огромныхъ пещеръ,

превратившихся вдругъ въ пожирающіе глаза какого-то исполинскаго чудовища. Только сладкое пѣніе все еще звенѣло сквозь ревъ и вопли поднявшейся бури и манило, и звало меня къ себѣ, и я чувствовала, какъ что-то поднимаетъ меня и несетъ, противъ моей воли, въ огненный зѣвъ чудовища.— Владиміръ, Владиміръ! отчаянно кричала я, не видя васъ болѣе и ощущая только, какъ постепенно холодѣла моя рука, оставшаяся въ вашей замершей рукѣ.—Спасите, спасите меня! взывала я къ батюшкѣ. Но батюшка меня не слушалъ; онъ сидѣлъ въ нашей гостиной, въ большомъ креслѣ, съ поникшею головой, а противъ него сидѣлъ Карлъ Ивановичъ и сквозь очки читалъ газету. „Потонулъ", говорилъ онъ, качая головой.—Кто потонулъ? спрашивала я, замирая.—„Ричардъ Симсонъ, изъ Мадраса", отвѣчалъ батюшка громовымъ голосомъ, и вмѣстѣ съ этимъ именемъ разверзалась подъ моими ногами черная, страшная бездна, и я падала въ нее бездыханная. Пророческій былъ этотъ сонъ, Владиміръ!...

„Я открыла глаза и тотчасъ же закрыла ихъ: меня ослѣпило горячимъ утреннимъ свѣтомъ. Методическая Сарра, вѣрная своему ежедневному обычаю, поднимала сторы и открывала окна въ моей спальнѣ.

„—О, Сарра, жаловалась я, медленно приподнимая вѣки, между тѣмъ какъ сердце мое еще билось подъ вліяніемъ ужаса, — еслибы знали, изъ какого мрака я выхожу! Я видѣла сейчасъ во снѣ, что меня поглощаетъ вѣчная ночь.

„—У васъ фантастическая голова, Надя, возразила Сарра,—оттого вамъ и снится такой вздоръ. Взгляните-ка лучше, что за прелестное утро нынче...

„Она отодвинулась и указала въ окно. Я приподнялась на подушкахъ и такъ и закаменѣла, если только это выраженіе можетъ передать то чувство какой-то оковывающей отрады, которая въ ту минуту сладостно овладѣла мной. Я какъ будто дѣйствительно изъ темной могилы воскресала къ жизни и какъ растеніе, какъ травка въ полѣ, нѣмо принимала въ себя всю благодать солнца и весны. Никогда еще въ такомъ

очарованномъ видѣ не представлялась мнѣ давно знакомая картина, разстилавшаяся передо мной. Точно чешуйчатая змѣя, извивалась сверкающая Семь по цвѣтамъ необъятныхъ нашихъ луговъ, и, звонко звеня свою милую пѣсню, взлетали съ нихъ жаворонки въ небо и пропадали въ его синевѣ. На горѣ за дубовою рощей брыжжетъ лучъ молодаго дня, на куполѣ сосѣдняго села; несутся въ вышинѣ бѣлыя, прозрачныя облачки, будто играя, и отовсюду льются свѣтъ и звуки и живительная прохлада утра... — Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо жить! говорила я себѣ въ тихомъ восхищеніи, сладко вдыхая нѣжный запахъ фіалокъ, который, казалось мнѣ, несся въ окно вмѣстѣ съ этимъ утреннимъ воздухомъ.

„— Сколько фіалокъ въ саду, Сарра, сказала я ей:—слышится, какъ пахнутъ! Пойдемъ послѣ завтрака нарвать ихъ.

„— Объ этомъ уже постарались, отвѣчала она, и указала на столикъ подлѣ моей постели.

„— Въ японскую вазу, подарокъ вашъ, Владиміръ, воткнутъ былъ огромный букетъ свѣжихъ фіалокъ.

„— O, thank you, Сарра, когда это вы успѣли?... говорила я, погружая все лицо въ благоухавшіе и влажные цвѣты.

„— О, нѣтъ, это не я,—мнѣ самой поднесли ихъ утромъ, отвѣчала она,—но я подумала, что вы очень любите фіалки и что въ одной изъ прекрасныхъ вазъ Mister Woldemar'a имъ будетъ гораздо лучше у васъ, чѣмъ у меня въ простомъ кувшинѣ.

„— Кто же вамъ сдѣлалъ эту любезность, Missy? спросила я, называя ее, какъ называла въ дѣтствѣ, что доставляло ей всегда большое удовольствіе.

„Она весело улыбнулась.

„— Вы думаете, Надя, что никого уже болѣе не найдется, кто бы могъ оказать вниманіе такой старухѣ, какъ я! А вотъ же нашелся такой любезный кавалеръ; и никто другой онъ, какъ вчерашній музыкантъ и бывшій мой воспитанникъ, Андрюша.

„— О, о! сказала я, разсмѣявшись,—это даже невѣроятно! Мать его говорила мнѣ, что онъ цѣлый день не выходитъ изъ своей норки, а чтобы нарвать такое множество фіалокъ,

надо предполагать, что онъ поднялся сегодня съ солнцемъ и все утро провелъ за этимъ занятіемъ.

„— Вы напрасно смѣетесь, возразила Сарра,—предположеніе ваше вѣрно. Я едва проснулась сегодня, какъ вошла ко мнѣ *Нестеза* (то-есть Настасья Савельевна) съ этимъ букетомъ; она мнѣ сказала, что сынъ ея нарвалъ его для меня и приказалъ мнѣ передать свое сожалѣніе, что ничѣмъ лучшимъ не можетъ отблагодарить меня за мои уроки и за снисхожденіе къ его проказамъ, когда онъ былъ мальчикомъ.

„— Это очень хорошо съ его стороны, Missy, и я ни за что не хочу лишать васъ этого доказательства его благодарнаго сердца. Отнеси этотъ букетъ въ комнату миссъ Сарры, Катя, сказала я вошедшей горничной, и поставь его тамъ бережно въ воду... У меня не было никакой задней мысли въ эту минуту, клянусь вамъ, Владиміръ: я видѣла, что вниманіе ея бывшаго воспитанника тронуло добрую Сарру, и я не хотѣла ее лишать его приношенія, но въ то же время, сознаюсь, я подумала, что господинъ Кирилинъ могъ бы нарвать фіалокъ и для меня: это было бы, по крайней мѣрѣ, чѣмъ-то въ родѣ извиненія за его вчерашнюю *продерзость*, употребляя красивое выраженіе его матушки.

„Сарра не настаивала; цвѣты были отнесены въ ея комнату, и я тутъ же забыла о нихъ.

„Послѣ завтрака она ушла къ себѣ, а я надѣла соломенную шляпку и вышла въ садъ. Какой-то мимолетный дождикъ окропилъ его ночью, и на листьяхъ еще сверкали, какъ алмазы, его блестящія капли, но дорожки были уже сухи, и я прошла подъ тѣнью большой липовой аллеи до китайскаго павильона на берегу Семи. Это было, какъ вы знаете, мое любимое мѣсто. Помните, какъ часто оттуда, съ той высокой скалы, на которой стоитъ онъ, мы любовались окрестными видами. На пятнацать верстъ кругомъ виднѣются лѣса и села, зеленыя поля и высокія колокольни, а внизу, подъ крутымъ обрывомъ, грохочетъ и пѣнится Семь, сжатая порогами, и обрушивается съ нихъ гнѣвнымъ водопадомъ, лишь для того, казалось мнѣ въ это чудесное утро, чтобы еще безмятежнѣе текли тамъ въ долинѣ твои прозрачно-глубокія воды, милая

Семь. О, еслибъ я могла предвидѣть тогда!... Но въ это утро все, небо и земля и этотъ бунтующій водопадъ, все сіяло мнѣ привѣтомъ и радостью. Я даже рѣшилась подойти къ самому краю обрыва и смѣло взглянула внизъ въ клокочущую бездну; вспомнила чудовище-утесъ и пожирающія пещеры моего сна и улыбнулась моему минувшему ужасу. Владиміръ, можетъ-быть, сегодня вышелъ въ море, вспомнилось мнѣ вдругъ. Какъ весело было бы плыть съ нимъ теперь на кораблѣ, по синему морю, подъ большими парусами... Какія мѣста онъ увидитъ! Константинополь, Грецію, Италію! Будетъ-ли онъ въ Севильѣ? Увидитъ-ли Альгамбру? Когда онъ будетъ моимъ мужемъ, я непремѣнно поѣду съ нимъ въ Римъ и Испанію...

„Батюшка прервалъ меня на самомъ интересномъ мѣстѣ моихъ воздушныхъ замковъ: мы входили съ вами въ Колизей, лунною ночью... Онъ, то-есть батюшка, возвращался верхомъ изъ дальняго поля; завидѣвъ меня изъ парка, онъ слѣзъ съ лошади и пришелъ ко мнѣ въ павильонъ. Онъ насвистывалъ тотъ вѣчный свой маршъ на взятіе Парижа, по которому всѣ у насъ въ домѣ знали, что батюшка *въ духѣ*.

„— Вышла погулять, сказалъ онъ мнѣ,—это хорошо! Здорова? и, не дождавшись отвѣта, перешелъ къ какому-то новому плугу, который онъ пробовалъ въ полѣ и которымъ остался очень доволенъ. Я была такъ хорошо расположена въ это утро, что заинтересовалась и плугомъ и спросила батюшку, какая же разница между этимъ новымъ и прежнимъ. Онъ объяснилъ мнѣ это отрывисто, но отчетливо, какъ всегда, затѣмъ взглянулъ на часы и сказалъ, что ему пора, что управитель ждетъ его съ докладомъ.

„— Я пойду съ вами, папа, сказала я,—мнѣ также пора за фортепіано.

„— Пойдемъ; онъ взялъ меня подъ руку. — Ты слышала вчера, спросилъ онъ,—нашего скрипача? Хорошо онъ играетъ?

„— Великолѣпно, папа, у него замѣчательный талантъ, сколько я понимаю.

„— Гм... Батюшка пробормоталъ что-то про себя. — Не вижу я его что-то, сказалъ онъ громко,—сегодня послалъ ему

сказать, чтобы приходилъ обѣдать. А ты въ столу будешь, Надя? спросилъ онъ, когда мы подходили къ лѣстницѣ.

„— Буду, батюшка, я себя теперь совершенно хорошо чувствую.

„— Ладно, сказалъ онъ и опять засвисталъ свой маршъ.

„Все дообѣденное время я провела у себя въ занятіяхъ, которыя совсѣмъ было опустила въ предыдущіе дни: часа два проиграла трудный этюдъ Мошелеса, перевела страницъ десять съ англійскаго на русскій языкъ. Я работала надъ этимъ съ особеннымъ прилежаніемъ, помня, какъ вы вѣчно подсмѣивались надъ тѣмъ, что я лучше говорю и пишу по-англійски, чѣмъ по-русски.

„Я сошла въ три часа къ обѣду, довольная собой и всѣмъ міромъ. Это, должно-быть, и на лицѣ моемъ было написано, потому что добрый Карлъ Ивановичъ, забывая, какъ нелюбезно принимала я недавно его совѣты, подошелъ ко мнѣ и, пресмѣшно расшаркнувшись, объявилъ, что я цвѣту какъ роза. Кирилинъ былъ также тутъ, во фракѣ, съ какимъ-то вытянутымъ и безжизненнымъ лицомъ. Онъ сухо поклонился мнѣ, не говоря ни слова. Сарра подошла было къ нему, съ изъявленіемъ благодарности за букетъ, но, увидѣвъ входившаго батюшку, прервала рѣчь свою на полусловѣ. Батюшка внушалъ ей постоянно какое-то боязливое уваженіе, и она при немъ почти никогда не открывала рта.

„— Безъ лѣкарства выздоровѣла! сказалъ батюшка, кивнувъ на меня Карлу Ивановичу, когда мы сѣли за столъ.

„— Молодость—лучшее лѣкарство, отвѣчалъ докторъ, посмѣиваясь:—это такая панацея, противъ которой не устоятъ никакія страданія.

„Кирилинъ, не то насмѣшливо, не то печально, улыбнулся на эти слова Карла Ивановича.

„Замѣтилъ-ли эту улыбку батюшка, но онъ вслѣдъ затѣмъ обратился къ нему съ вопросомъ:

„— Ну, что̀ дѣлаешь, Андрей?

„— То-есть, какъ это, что̀ дѣлаю? какъ бы обидѣвшись, переспросилъ Кирилинъ.

„Батюшка мелькомъ взглянулъ на него.

„— Чѣмъ занимаешься? сказалъ онъ, не возвышая голоса, но такъ, что Карлъ Ивановичъ поднялъ испуганные глаза на Кирилина.

„— Читаю, отвѣчалъ тотъ помягче.

„— Не занятіе, — удовольствіе.

„— Зависитъ отъ книгъ, которыя читаешь, возразилъ Кирилинъ, небрежно поигрывая своею вилкой.

„—Такъ есть такія, которыя ты читаешь безъ удовольствія? Рѣдкость, усмѣшка пробѣжала по лицу моего отца.—О контрапунктѣ, что-ли?

„— Я занимаюсь не одною музыкой, сказалъ Кирилинъ, съ разгорѣвшимися вдругъ глазами.—Я полагаю, примолвилъ онъ не совсѣмъ естественнымъ, поучительнымъ тономъ,—что прежде, чѣмъ образовать изъ себя какую-нибудь спеціальность, надо воспитать въ себѣ человѣка!

„— Не изъ книгъ, изъ себя воспитывается человѣкъ, отрѣзалъ батюшка.

„— Мнѣ говорила ваша матушка, поспѣшно вмѣшался въ разговоръ Карлъ Ивановичъ,—что вы были *на университетѣ*, въ Петербургъ?

„— Былъ.

„— И долго?

„— Два года.

„— И курсъ *кончали*?

„— Нѣтъ, не кончилъ.

„— О! это зачѣмъ?

„Кирилину видимо очень не нравилось это допытываніе, но большіе, синіе глаза добряка-доктора глядѣли такъ ласково, что не было никакой возможности разсердиться на него.

„— Обстоятельства не дозволили, отвѣтилъ онъ сквозь зубы.

„— Знакомства, сказалъ батюшка.

„Я не поняла и вопросительно взглянула на него. То же сдѣлалъ и Кирилинъ, но тотчасъ же опустилъ глаза: онъ видно понялъ изъ выраженія батюшки, что ему извѣстны многія подробности о немъ, которыя, можетъ-быть, Кирилинъ почиталъ до этихъ поръ тайной для всѣхъ.

„Карлъ Ивановичъ жалостливо покачалъ головой. Всѣ примолкли.

„— Что же намѣренъ дѣлать теперь? спросилъ опять батюшка.

„— Еще самъ не знаю, отвѣчалъ Кирилинъ.

„Въ голосѣ его замѣтно было уже гораздо менѣе самоувѣренности.

„— Грайворонскій писалъ ко мнѣ, зоветъ опять тебя управлять оркестромъ. Онъ очень остался доволенъ тогда. Если, пишетъ, тысячи рублей мало, дамъ больше.

„Кирилинъ не далъ отвѣта.

„— Папа, онъ, кажется, взбалмошный человѣкъ, Грайворонскій, сказала я.

„— Съ придурью, подтвердилъ онъ.

„— О, нѣтъ, онъ *хорошъ человѣкъ*, возразилъ успокоительно Карлъ Ивановичъ, глядя съ участіемъ на Кирилина:— можно съ нимъ жить!

„— Нужда съ кѣмъ не научитъ жить! поспѣшилъ отвѣтить ему тотъ, какъ будто только и ждалъ случая помѣстить эту фразу.

„Батюшка бровью не моргнулъ, но мнѣ показалось весьма неделикатнымъ со стороны этого молодаго человѣка говорить о нуждѣ, когда я знала, чрезъ его же мать, что онъ во все время пребыванія своего въ Петербургѣ и Москвѣ получалъ отъ отца моего содержаніе и что, кромѣ того, два раза были заплачены его долги на довольно крупную сумму.

„Послѣ обѣда батюшка отправился по обыкновенію въ кабинетъ курить предъ открытымъ окномъ свою нѣмецкую трубку, а мы перешли пить кофе въ гостиную.

„Проходя впередъ съ Саррой, я услышала, какъ Кирилинъ громко говорилъ Карлу Ивановичу:

„— Тяжеленько толковать *съ благодѣтелемъ!*

„Я не выдержала и, обернувшись къ нему:—Кого вы разумѣете подъ этимъ названіемъ? спросила я.

„Онъ прочелъ вѣроятно въ глазахъ моихъ такъ много негодованія, что все лицо его покрылось краской; онъ глянулъ въ сторону, не отвѣчая ни слова.

„— Нѣтъ, это мы такъ, про свои дѣла, заговорилъ Карлъ Ивановичъ, сконфуженный впрочемъ не менѣе того, кого онъ, по добротѣ своей, старался выпутать.

„Сарра, какъ всегда, ничего не поняла, а только спрашивала:—what is that, Надя?...

„Я не отвѣчала ей и поспѣшила усѣсться въ дальнемъ углу гостиной, на диванчикѣ, гдѣ было мѣста только для двухъ и куда я съ собой посадила Карла Ивановича. Сарра надулась на меня за это и помѣстилась поодаль, обернувшись ко мнѣ спиной. Кирилинъ послѣдовалъ за нею и сѣлъ насупротивъ, такъ что до меня могло доходить все то, что онъ говорилъ ей. Но онъ былъ видимо взволнованъ сначала, и чашка кофе плескалась въ его дрожавшей рукѣ. Сарра закидывала его вопросами, на которые онъ неохотно отзывался, судя по его отрывистымъ, вполголоса произносимымъ отвѣтамъ; но онъ оживлялся постепенно, и по мѣрѣ того, какъ рѣчь его становилась бойчѣе, онъ все чаще и чаще обращался въ мою сторону, какъ будто слова его относились не къ Саррѣ, а ко мнѣ. Это меня еще болѣе раздражало противъ него, и я бы тотчасъ же ушла изъ гостиной, еслибы не боялась сдѣлать ему слишкомъ много чести, давъ замѣтить, насколько онъ мнѣ непріятенъ. Невыносимо было чувствовать на себѣ его неотвязчивый взглядъ и не смѣть поднять глазъ, чтобы не встрѣтиться съ нимъ и быть принужденною вслѣдствіе этого улыбаться скучнѣйшимъ анекдотамъ Карла Ивановича о временахъ его студенчества въ Геттингенѣ, которые я могла бы разсказать лучше его, такъ какъ знала ихъ наизусть съ самаго дѣтства.

„Кирилинъ, между тѣмъ, горячо и какъ бы оправдываясь говорилъ Саррѣ (онъ изъяснялся довольно сносно по-англійски, но часто не находилъ выраженій и прибѣгалъ тогда къ помощи французскихъ или русскихъ фразъ):—Здѣсь этого не поймутъ, но вы дитя свободной страны, у васъ не преслѣдуютъ людей за мнѣнія, вы не станете укорять человѣка за его *знакомства* (онъ такъ и сказалъ это слово по-русски и потомъ уже примолвилъ: acquaintances), за то, что онъ не старовѣръ, что онъ по убѣжденіямъ своимъ стоитъ внѣ ва-

шего тѣснаго круга понятій. Я не скрываю, да, многіе изъ друзей моихъ попали теперь въ изгнаніе. И я самъ, не знаю какъ, здѣсь, а не за крѣпкими затворами, или не перестрѣливаюсь съ Черкесами на Кавказѣ. Я долженъ былъ покинуть университетъ, погубилъ можетъ-быть все мое будущее, если допустить, что оно могло быть у меня, примолвилъ онъ съ какимъ-то заносчивымъ смиреніемъ,—но это ни до кого, кромѣ меня, не касается, никому не даетъ права залѣзать грубыми руками въ мое внутреннее *я*...

„Сарра перебила его и вѣроятно опять заговорила о своемъ букетѣ, потому что онъ довольно рѣзко отвѣчалъ ей:

„— Это вздоръ и не стоитъ благодарности, но я, вѣрьте, умѣю цѣнить всякое свободное и искреннее изъявленіе ко мнѣ участія, а вы, кажется, однѣ въ этомъ домѣ относитесь ко мнѣ, какъ человѣкъ къ человѣку, и не кичитесь передо мной никакимъ авторитетомъ.

„Не знаю, чего онъ хотѣлъ достичь и былъ-ли самъ увѣренъ въ томъ, что утверждалъ въ эту минуту, но довѣрчивая Сарра была совершенно тронута. Она протянула Кирилину свою длинную морщинистую руку.

„— Дружба *заключена*, шепнулъ Карлъ Ивановичъ, видѣвшій это, и лукаво подмигнулъ мнѣ.

„Я разсмѣялась.

„— Шш... еще тише произнесъ онъ, нагибая голову, — будемъ слушать...

„Но отъ Кирилина не ускользнуло наше перешептываніе. Онъ продолжалъ уже со злостью и по-русски: — Благодарю васъ, миссъ Мэкдефъ, вы протягиваете мнѣ дружески руку, не такъ какъ другіе, которые, въ силу разныхъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ преимуществъ своихъ, почитаютъ себя въ правѣ обращаться со мной, какъ съ существомъ низшаго разряда...

„Эта выходка прямо относилась ко мнѣ: повышеніе голоса, сверкавшіе глаза Кирилина, которые, казалось, хотѣли бы прожечь меня насквозь,—все это краснорѣчиво говорило за себя и положило предѣлъ моему терпѣнію.—Чего онъ наконецъ отъ меня хочетъ, этотъ противный человѣкъ? думала я.

„— Пойдемте гулять, Карлъ Ивановичъ, сказала я, вставая.

„Онъ поспѣшилъ за мной, но остановился на полпути.

„— Дождь пошелъ, сказалъ онъ:—дождь и солнце заразъ, много грибовъ будетъ,—и онъ расхохотался какъ чему-то очень остроумному.

„— Такъ я пойду къ себѣ ожидать, пока они выростутъ, отвѣчала я съ досадой.

„Карлъ Ивановичъ догналъ меня въ слѣдующей комнатѣ.

„— Онъ очень несчастный молодой человѣкъ есть, Надежда Павловна, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ, указывая пальцемъ черезъ плечо на дверь гостиной.

„— Можетъ-быть, я не знаю, но во всякомъ случаѣ не возбуждаетъ къ себѣ ни малѣйшаго сожалѣнія...

„Сарра не ранѣе какъ чрезъ часъ вернулась снизу. Она продолжала дуться на меня: за себя-ли, или быть-можетъ за Кирилина, котораго она еще такъ недавно почитала недостойнымъ говорить съ дѣвушкой какъ я, — я не спрашивала. Она, въ свою очередь, не заговаривала со мной и отправилась даже пить чай въ свою комнату. Я провела весь вечеръ одна за чтеніемъ *Евгенія Онѣгина*.

„Прошло нѣсколько дней. Я не видала Кирилина, не встрѣчала его. Никто не упоминалъ о немъ, ни Сарра, ни Карлъ Ивановичъ. Сама Настасья Савельевна, заходившая по нѣскольку разъ въ день ко мнѣ наверхъ, по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ, какъ будто избѣгала вступать въ разговоры со мной и вѣчно куда-то спѣшила. Я могла бы забыть и о существованіи ея Андрюши, еслибы не тотъ блестящій польскій его, который просился у меня подъ пальцы каждый разъ, когда я садилась за фортепіано, и все также дразнилъ и не давался мнѣ...

„Погода стояла чудесная; я проводила утромъ цѣлые часы въ саду съ книгой въ рукѣ.

„Я сидѣла тамъ однажды на дерновой скамейкѣ, подъ большимъ вязомъ. За нимъ начиналась лѣсная чаща, въ которой проложенъ былъ паркъ, и сплошною своею тѣнью защищала меня отъ зноя. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, вы-

текалъ изъ-подъ большаго бѣлаго камня ключъ студеной воды и падалъ, тихо журча, въ небольшой бассейнъ, устроенный тутъ недавно по приказанію батюшки. Кромѣ этого тихаго плеска воды, ничего не было слышно: птицы замолкли, листья точно замерли на деревьяхъ, какъ это часто бываетъ въ полдень. Я опустила книгу и замечталась. Нужно-ли говорить, Владиміръ, о комъ я думала? Вы еще всецѣло тогда наполняли мое сердце и воображеніе...

„Вдругъ за мной послышался шумъ. Кто-то торопливо пробирался сквозь чащу, ломя непослушныя вѣтви; по песку раздались тяжелые шаги, и мимо меня къ роднику подбѣжалъ человѣкъ въ широкополой сѣрой шляпѣ; онъ сорвалъ ее съ головы и, припавъ къ водѣ, сталъ пить жадными устами. Я узнала Кирилина.

„Уйти отъ него поскорѣе, пока онъ меня не замѣтилъ, было моею первою мыслью. Я поднялась со скамейки. Но скрипучій песокъ выдалъ меня: Кирилинъ приподнялъ отъ воды голову, обернулся:—Барышня! вскрикнулъ онъ, поспѣшно вставая на ноги.

„Я терпѣть не могла это названіе *барышни:* оно въ моихъ понятіяхъ всегда отзывалось насмѣшкой и напоминало жеманныхъ дочерей нашихъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей, наѣзжавшихъ по праздникамъ въ Рай-Воздвиженское.

„— У меня есть имя, сказала я.

„— Вы сердитесь на меня, Надежда Павловна? отвѣчалъ онъ на это печальнымъ и несвойственнымъ ему покорнымъ голосомъ.

„— Вы ошибаетесь; и я направилась къ дому.

„— Вы говорите, не сердитесь, а между тѣмъ бѣжите отъ меня, какъ отъ зачумленнаго, молвилъ Кирилинъ.—Умоляю васъ, погодите, останьтесь...

„— Что̀ вамъ угодно? Мнѣ пора домой.

„— Вы успѣете, Надежда Павловна... А вамъ грѣшно осуждать человѣка, не выслушавъ его.

„— Кто вамъ сказалъ, что я васъ осуждаю? спросила я, въ первый разъ поднимая на него глаза.

Онъ стоялъ безъ шляпы, съ опущенными руками... Я остановилась.

„— Вы осудили меня съ первой минуты, какъ меня увидѣли, говорилъ онъ,—для меня это ясно. Я самъ можетъ-быть виноватъ въ этомъ, не спорю. Я для васъ теперь новый человѣкъ. Прошлые дни, дѣтская близость, все это давно исчезло, испарилось... Я для васъ даже незнакомый... Вотъ мы стоимъ теперь въ нѣсколькихъ шагахъ другъ отъ друга, а между тѣмъ насъ раздѣляетъ непроходимая пропасть... Но не думайте, прошу васъ, чтобъ я навязывался вамъ на дружбу: я слишкомъ гордъ для этого. Я одного хочу,—не быть для васъ человѣкомъ, видъ одинъ котораго вамъ невыносимъ... потому, примолвилъ онъ какъ бы черезъ силу,—потому что, я чувствую, это для меня тяжело...

„— Андрей Харламовичъ, сказала я,—я не забыла прошлыхъ дней, ни дружбы вашей съ моимъ покойнымъ братомъ, и я не почитала васъ человѣкомъ, совершенно чужимъ для меня. Вы сами своимъ непонятнымъ поведеніемъ...

„Онъ перебилъ меня.

„— Вы хотите сказать, что я неприличенъ сталъ и золъ... Вы правы! А золъ я сталъ потому, что на пути моемъ натыкаюсь лишь на колючія тернія, а я также вотъ этого хочу,— онъ указалъ на розу, которую я, проходя мимо клумбы, сорвала и приколола себѣ въ волосы,—я также желалъ бы имѣть право сказать: и я въ Аркадіи родился.

„— Если вы завидуете моей розѣ, сказалá я смѣясь,—я позволяю вамъ нарвать ихъ въ моемъ цвѣтникѣ сколько вамъ угодно; можете поднести новый букетъ миссъ Мэкдефъ...

„— Будетъ съ нея! живо возразилъ Кирилинъ и вопросительно взглянулъ на меня. Но я уже раскаивалась въ моей шуткѣ: онъ могъ принять ее за упрекъ,—и ничего не прочелъ онъ на моемъ лицѣ.

„— Вамъ трудно понять меня, я знаю, началъ онъ опять.— Для васъ радужнымъ вѣнцомъ сложилось все, что̀ даетъ цѣну и прелесть жизни! Весь этотъ безобразный порядокъ, тяготѣющій надъ нами, онъ созданъ лишь для того, чтобы вамъ было хорошо жить... и слава Богу, еслибы только вамъ!...

„— О чемъ говорите вы, я васъ не понимаю? спрашивала я съ удивленіемъ.

„— Какъ о чемъ? воскликнулъ онъ, и сѣрые глаза его сдѣлались вдругъ черными.—Я говорю обо всемъ этомъ изгнившемъ зданіи давно отжитаго феодальнаго строя, который поддерживается разными искусственными подпорками, о безсмысленныхъ предразсудкахъ, о нелѣпыхъ авторитетахъ, въ силу которыхъ исковерканы всѣ естественныя условія жизни, и человѣку жить нельзя, если онъ случаемъ рожденія не попалъ въ извѣстную, привилегированную клѣточку, внѣ которой нѣтъ спасенія. Вотъ о чемъ я говорю, барышня!

„Страненъ и новъ былъ для меня этотъ языкъ. На мое свѣжее чувство въ немъ было много натянутаго и преувеличеннаго, но я чувствовала за нимъ присутствіе дѣйствительнаго страданія, а откуда шло оно, я не спрашивала себя... Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, Владиміръ!

„— Вы добры, Надежда Павловна, продолжалъ Кирилинъ,—это по крайней мѣрѣ говорятъ о васъ здѣсь всѣ. Неужели же въ вашемъ сознаніи ни разу не пробуждалось протеста противъ такого порядка вещей, при которомъ богатый живетъ на счетъ бѣднаго, сильный на счетъ слабаго, способный въ ущербъ слабоумному? Неужели васъ никогда не поражала эта организованная, узаконенная эксплуатація человѣка человѣкомъ? Или вы, можетъ-быть, находите, что все это прекрасно и такъ и быть должно?

„— Я ничего подобнаго не вижу вокругъ себя, говорила я въ отвѣтъ,—и отъ васъ первыхъ я слышу....

„Онъ снова горячо перебилъ меня.

„— И едва-ли отъ кого другаго услышите! Свободно мыслящіе люди не живутъ въ томъ мірѣ тирановъ и рабовъ, среди котораго вамъ такъ хорошо!

„— Кого это вы называете тираномъ? спросила я, понимая въ этомъ новый намекъ на батюшку,—не отца-ли моего? Такъ спросите вашу матушку, — ей это еще ближе моего извѣстно, что̀ говорятъ крестьяне про моего отца, какъ они называютъ его; она вамъ скажетъ, что у насъ въ цѣломъ имѣніи бѣдныхъ нѣтъ, что никто въ слезахъ не уходилъ отъ

батюшки; а тиранъ онъ такой, что на дняхъ прогналъ управляющаго, который служилъ у него шесть лѣтъ, которымъ онъ былъ всегда доволенъ, потому что тотъ позволилъ себѣ прибить крестьянина, нагрубившаго ему.

„— Не спорю, отвѣчалъ небрежно Кирилинъ;—дѣйствительно, кажется, вашъ батюшка представляетъ, съ этой точки зрѣнія, довольно замѣтное исключеніе изъ общаго уровня. Онъ не полагаетъ нужнымъ угнетать своихъ рабовъ, но тѣмъ не менѣе онъ рабовладѣлецъ. Вопросъ не въ томъ, хорошо-ли имъ подъ нимъ или дурно,—вопросъ въ принципѣ. Впрочемъ, примолвилъ онъ, я не имѣлъ въ предметѣ одно исключительно крѣпостное рабство. Видовъ ихъ много, не перечтешь.

„Онъ засмѣялся своимъ недобрымъ, ѣдкимъ какимъ-то смѣхомъ; онъ раздражалъ и возбуждалъ жалость въ одно и то же время, этотъ смѣхъ.

„— Я заговорилась съ вами, г. Кирилинъ, сказала я,—а меня давно ждутъ дома. Прощайте.

„— Мы разстаемся, Надежда Павловна, а наши отношенія все таки остаются неразъясненными, сказалъ онъ на это, и тронулся съ мѣста.

„— Что̀ вы хотите сказать? Какія отношенія?

„Я не смотрѣла на него и быстро шла впередъ, но слышала за собой его неровный, не отстававшій отъ меня шагъ.

„— Вы сейчасъ сказали, отвѣчалъ онъ, догоняя меня и тяжело переводя дыханіе,—что не забыли нашего общаго дѣтства и готовы были видѣть во мнѣ не совсѣмъ чужаго вамъ человѣка. Я даже на это не претендую. Я бы хотѣлъ быть увѣреннымъ только въ томъ, что не возбуждаю въ васъ къ себѣ враждебнаго чувства....

„— Вы можете быть совершенно покойны, сказала я: — во мнѣ нѣтъ ни къ кому подобнаго чувства.

„— Нѣтъ-съ, извините, Надежда Павиовна, это опять мало, возразилъ онъ съ оттѣнкомъ веселости. — Отложимъ на этотъ разъ христіанское чувство въ сторону. Можете-ли вы обѣщать мнѣ лично не принимать впредь за обиду вамъ или вашимъ близкимъ мою терпкую, но прямую рѣчь и за нее на меня

не гнѣваться, какъ изволитъ говорить моя просвѣщенная матушка?

„— Я не намѣрена давать вамъ никакихъ обѣщаній, отвѣчала я, силясь сказать это какъ можно строже,—прежде чѣмъ увѣрюсь, что вы будете впередъ относиться приличнѣе о тѣхъ, кого вы по всѣмъ законамъ должны почитать....

„Онъ взглянулъ на меня сбоку и двусмысленно усмѣхнулся.

„— Вы не читали Гёте *Фауста*, Надежда Павловна? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

„— Нѣтъ.

„— Ну, конечно, нѣтъ, повторилъ онъ и презрительно повелъ плечомъ. — Я было забылъ, что нравственный кодексъ вашего свѣта запрещаетъ давать дѣвушкамъ въ руки такія умныя книжки. Такъ вотъ-съ тамъ, въ *Фаустѣ*, есть одно хорошее мѣсто. Гретхенъ, дѣвушка, которую любитъ Фаустъ, допытывается у него, вѣритъ-ли онъ въ тѣ именно законы, на которые вотъ вы сейчасъ намекнули. Онъ уклоняется отъ прямаго отвѣта. — Не хорошо, говоритъ ему она, этому надо вѣрить. — Надо-ли? возражаетъ на это Фаустъ. И я, Надежда Павловна, могъ бы возражать этимъ самымъ словцомъ на ваше милое нравоученіе; я чувствую,—добавилъ онъ съ откровенною на этотъ разъ улыбкой,—я чувствую, что мнѣ пріятнѣе вамъ повиноваться, чѣмъ препираться съ вами. Примите же днесь мое торжественное обѣщаніе, отнынѣ и на будущія времена, въ вашемъ присутствіи относиться съ достодолжнымъ почтеніемъ о всѣхъ предержащихъ властяхъ, начиная съ Иліи Пророка и до моей матушки включительно. Довольны-ли вы?

„Я не могла удержаться отъ смѣха и отвернулась, чтобъ онъ этого не видѣлъ.

„— Барышня, а вы же что? Онъ протянулъ вдругъ руку ковшикомъ, какъ нищіе.—Порадуйте на копѣечку.

„Я не выдержала, расхохоталась; его голосъ, лицо были такъ забавны, и все это такъ мало походило на него...

„— Увижу, увижу, могла я только выговорить, спѣша

уйти. Мы были уже не далеко отъ дома и мнѣ показался на террасѣ батюшка; я не видалась съ нимъ въ это утро.

„— Надежда Павловна! крикнулъ мнѣ вслѣдъ Кирилинъ,—взгляните сюда!

„Я невольно обернулась. Онъ стоялъ посреди аллеи и глядѣлъ внизъ, будто искалъ чего-то на пескѣ.

„— Чего вы ищете?

„— Вашихъ слѣдовъ, и не нахожу ихъ. Только кое-гдѣ, видите, чутъ замѣтенъ оттискъ вашего каблучка...

„— Такъ вы за этимъ меня остановили? спросила я, не зная, разсердиться-ли мнѣ на него или снова расхохотаться.— Что̀ это значитъ?

„— А то это значитъ, что вы ходите необыкновенно легко и свободно, Надежда Павловна, молвилъ онъ, поднимая на меня глаза, просіявшіе вдругъ какъ двѣ звѣзды.—Такъ по облакамъ должны были ступать богини!...

„Я не нашла, да и не искала отвѣта, и побѣжала бѣгомъ къ дому. Но разсердиться на него,—чистосердечно признаюсь вамъ, другъ мой,—я не имѣла духа.

„Зоркіе глаза батюшки видѣли насъ издалека.

„— А музыканта гдѣ ты отрыла? спросилъ онъ, поздоровавшись со мною и указывая на Кирилина, который медленно подходилъ къ террасѣ.

„— У Бѣлаго камня.

„— Откуда это онъ? Четвертыя сутки пропадаетъ.

„— Я не спрашивала.

„— О чемъ же разсуждали?

„Я отвѣчала не сразу.

„— Онъ, кажется, очень недоволенъ жизнью, папа.

„— Блажитъ!

„Увидимъ, какъ г. Кирилинъ сдержитъ свое обѣщаніе,“ подумала я, замѣтивъ, что батюшка дергаетъ себя за ухо, и заключая по этому, что встрѣча ихъ не обойдется безъ стычки.

„Но я ошиблась.

„Кирилинъ, подойдя къ намъ, очень учтиво, даже почтительно снялъ шляпу и поклонился моему отцу.

„— Здравствуй, Андрей. Гдѣ былъ? Не у Грайворонскаго-ли?

„— Нѣтъ, я изъ города, отвѣчалъ Кирилинъ.

„— Изъ города? повторилъ съ удивленіемъ батюшка.— Какъ же такъ? Мать не знала, и лошадей не бралъ?

„— Не бралъ. Я туда и назадъ пѣшкомъ пришелъ.

„— Переходъ добрый, пятьдесятъ верстъ! Для моціона что-ли?

„— Нѣтъ. Мнѣ нужно было тамъ кое съ кѣмъ повидаться.

„— Новое знакомство? спросилъ батюшка, обрывая сухую вѣтвь съ куста сирени, подлѣ котораго онъ стоялъ.

„Кирилинъ мелькомъ взглянулъ на меня; улыбка пробѣжала у него по лицу.

„— Старое, отвѣчалъ онъ совершенно спокойно.—Одинъ бывшій мой товарищъ по университету переселяется на жительство въ Вятку, да дорогой заболѣлъ сильно и прислалъ за мной.

„— А переселяется по своей волѣ?

„— Нѣтъ-съ, не по своей.

„— Попался! За что̀?

„— За запрещенныя книги.

„Батюшка пристально взглянулъ на Кирилина.

„— Вѣрно, Павелъ Васильевичъ, сказалъ тотъ,—я лгать не привыкъ.

„Батюшка опять задергалъ себя за ухо.

„— А не помнилъ, видно, товарищъ-то твой, сказалъ онъ тѣмъ своимъ загадочнымъ выраженіемъ, когда не знаешь, бывало, говоритъ-ли онъ дѣло или смѣется надъ тобой,—не помнилъ онъ, видно, благаго поученія Фамусова, чтобы взять всѣ книги, да и сжечь?

„Но Кирилинъ понялъ.

„— Короче было бы, конечно, промолвилъ онъ и засмѣялся.

„— А толко̀въ онъ человѣкъ? спросилъ опять отецъ мой.

„Кирилинъ замялся.

„— По совѣсти сказать, я не поручусь, чтобъ онъ про-

челъ то, за что совершаетъ теперь прогулку въ дальнія страны...

„Батюшка провелъ рукой по лицу и задумался.

„— А тебя зачѣмъ онъ выписывалъ? сказалъ онъ, довольно долго помолчавъ.

„Кирилинъ исподлобья взглянулъ на него, потомъ на меня и скривилъ насмѣшливо губы.

„— Да какъ бы вамъ объяснить, Павелъ Васильевичъ? Во-первыхъ, естественное желаніе повидаться съ такимъ умнымъ человѣкомъ, какъ я,... а затѣмъ, поспѣшилъ онъ прибавить, замѣтивъ, что батюшка начиналъ хмурить брови, — разболѣлся онъ не на шутку, а лѣчиться не на что...

„— Нуждается?

„— Гроша нѣтъ.

„Батюшка помолчалъ опять и потомъ спросилъ:

„— А что̀ же ты лошадей не взялъ ѣхать въ городъ?

„— Я не зналъ, какъ вы на это посмотрите, отвѣчалъ Кирилинъ.

„— На что̀?

„— Да на то, что я на вашихъ лошадяхъ поѣду на свиданіе съ опальнымъ человѣкомъ...

„Батюшка отвернулся отъ него и зашагалъ по террасѣ. Я слѣдила за нимъ взглядомъ. Онъ обходилъ клумбу, останавливаясь подолгу предъ каждымъ кустомъ розъ, какъ бы любуясь ими, по своему обыкновенію, но я видѣла, что онъ не о розахъ своихъ думаетъ. Онъ зашелъ, наконецъ, по ту сторону цвѣтника, сѣлъ на скамейку, вытащилъ изъ кармана записную книжку и что-то быстро внесъ въ нее карандашомъ, потомъ поднялъ голову и кивнулъ Кирилину подойти къ нему.

„Я догадалась о его намѣреніи, но мнѣ хотѣлось видѣть это поближе. Я зашла за палисадъ сирени и, обѣжавъ ее, очутилась за ними.

„— Сходи въ контору, говорилъ батюшка, протягивая Кирилину листокъ изъ записной книжки и глядя не на него, а въ сторону,—возьми и отвези больному, на моихъ лошадяхъ,

промолвилъ онъ... А тебѣ совѣтую беречься: время не пригоже для вашей братіи, метафизиковъ...

„Кирилинъ съ недоумѣніемъ поднялъ на него глаза.

„— Онъ подаянія не приметъ, Павелъ Васильевичъ, сказалъ онъ.

„— Отъ себя, чучело! гнѣвно возразилъ батюшка, порываясь со скамейки. Но я въ это время успѣла пробраться сквозь вѣтви и, схвативъ его обѣими руками за голову, крѣпко поцѣловала въ лобъ.

„— Однихъ дураковъ въ лобъ цѣлуютъ, Надя! крикнулъ онъ, нетерпѣливо отстраняя меня рукой, и ушелъ прочь.

„Кирилинъ стоялъ на томъ же мѣстѣ съ листкомъ въ рукѣ и съ тѣмъ же недоумѣвающимъ видомъ.

„— Аристократъ! проговорилъ онъ вполголоса. Но я слышала.

„— Вы могли бы на этотъ разъ, сказала я,—придумать другое названіе!

„— Не въ обиду, Надежда Павловна, не въ обиду! и доброе чувство сказалось у него на лицѣ въ эту минуту.—Я признаю, что отецъ вашъ—человѣкъ, *хотя* и аристократъ, домолвилъ онъ, какъ бы для собственнаго успокоенія.

„Какъ помнятся мнѣ эти дни! Точно вчера это было. Силою-ли предсмертной таинственной власти такъ поразительно воскресаютъ въ памяти событія и образы прошлаго, или такъ глубоко запали они мнѣ въ душу съ тѣхъ временъ, но я непрестанно живу съ ними и посреди ихъ. Спѣшною и неизбѣжною вереницей тянутся они предо мной, какъ эта черная толпа инокинь, проходящая передъ моими окнами въ урочные часы богослуженія; въ ушахъ моихъ звучатъ тончайшіе оттѣнки давно замолкшихъ голосовъ; мнѣ свѣтятся,— и такимъ иной разъ невыносимымъ, то грознымъ, то страстнымъ, блескомъ, — давно угасшіе глаза. Мнѣ представляется иногда, Владиміръ, что для меня началась уже загробная жизнь, и что кара за прошедшее состоитъ именно въ этомъ непрерывномъ, неустанномъ переживаніи давно испытанныхъ

ощущеній, борьбы и страданій. И какъ тяжело, еслибъ вы знали, переживать мыслью то, что когда-то испытывало сердце. Побужденія исчезли, и за померкшимъ свѣтомъ ихъ обманчивыхъ огней остаются явленія во всей печальной наготѣ своей....

„Мнѣ легче, когда я принимаюсь за перо. Призраки минувшаго перестаютъ тогда властвовать надо мной по прихоти своей, и я, въ свою очередь, на время овладѣваю ими. Я задерживаю мучительный круговоротъ воспоминаній, въ которомъ влекусь я какъ бѣлка въ своемъ колесѣ, и отдыхаю за механическимъ процессомъ писанія. Но на это нужны силы, а у меня ихъ немного, другъ мой! Я не покидала постели цѣлую недѣлю. Сегодня мнѣ легче, впрочемъ, и я могла выстоять всю утреннюю службу. Съ Божіею помощію доведу до конца мою грустную повѣсть.

„Кирилинъ отправился въ городъ въ тотъ же день и вернулся на слѣдующій, часа за два до обѣда. Онъ засталъ насъ на террасѣ съ Саррой; она читала вслухъ англійскій романъ, я сидѣла за шитьемъ и разсѣянно слушала ее. Я думала о прогулкѣ верхомъ, обѣщанной мнѣ послѣ обѣда батюшкой, на новой лошади, которую онъ самъ выѣздилъ для меня. Вы помните ее, Владиміръ,—сѣрая, съ отливомъ стали, прелестная: я прозвала ее Красавкой и кормила молоденькую сахаромъ; она, какъ собачка, безъ узды, ходила за мной. Бѣдная Красавка! я не знала, что въ тотъ же день должна была лишиться ея навсегда!

„Кирилинъ казался не веселъ. Онъ сухо поклонился намъ и, сѣвъ поодаль, сталъ слушать медленное и монотонное чтеніе Сарры. Недобрая его улыбка то-и-дѣло пробѣгала по его губамъ, обрывавшимъ одинъ за другимъ лепестки цвѣтка, который онъ держалъ въ рукѣ, а глаза его съ какимъ-то насмѣшливымъ соболѣзнованіемъ останавливались то на Саррѣ, то на мнѣ.

„Мнѣ хотѣлось спросить его о его больномъ товарищѣ, но я не рѣшилась; Богъ знаетъ, какъ бы онъ это еще принялъ.

„— Вы, кажется, не слушаете, Надя? спросила Сарра,

прерывая чтеніе на полусловѣ. — Я кончу, если вамъ надоѣло.

„— Миссъ Мэкдефъ, тотчасъ же обратился къ ней Кирилинъ: — вы никогда не читали вашей воспитанницѣ романовъ Жоржъ-Санда?

„— О, what is that? отвѣчала Сарра точно въ испугѣ, какъ это всегда случалось съ ней, когда вопросъ заставалъ ее врасплохъ.

„— Напрасно! Васъ слушали бы, я не сомнѣваюсь, повнимательнѣе, чѣмъ теперь. Тамъ букета будетъ побольше, чѣмъ въ этой сахарной водицѣ, сказалъ онъ, указывая на нашу книгу.

„Сарра, приложивъ палецъ ко лбу, раздумывала о чемъ-то въ это время.

„— О, я знаю! воскликнула она вдругъ съ торжествомъ, освѣтившимъ все ея лицо. — Жоржъ-Сандъ, это французская женщина!

„— Несомнѣнную истину повѣдали вы, миссъ, насмѣшливо подтвердилъ Кирилинъ:—женщина, и даже геніальная!

„— Но, Andruche, говорила Сарра,—я помню, я читала въ *Quarterly Review*, кажется, a great tract объ этихъ G. Sand's novels и, если я только не ошибаюсь, нравственное направленіе ихъ тамъ не очень одобрялось.

„— Это зависитъ отъ того, что̀ мы будемъ разумѣть подъ словомъ нравственность, отвѣчалъ онъ, откидывая назадъ свои длинные волосы.—Если страстную ненависть къ насилію, къ попранію чужаго права, въ какомъ бы видѣ это ни проявлялось,—если горячее сочувствіе ко всему приниженному и угнетенному вы почитаете несогласнымъ съ вашими нравственными убѣжденіями, то каждая строка Жоржъ-Санда будетъ оскорблять васъ, разумѣется! Но кто еще не весь поглощенъ заѣдающимъ эгоизмомъ свѣта, чье сердце не утратило еще способности участія къ слабому, къ больному, къ страждущему человѣчеству, къ рабскому положенію, занимаемому женщиной въ теперешнемъ обществѣ....

„— О, у насъ въ Англіи женщина не раба, она королева! прервала его Сарра и гордо подняла свою сѣдую голову.

„Кирилинъ, повидимому никакъ не ожидавшій подобнаго опроверженія, съ досадой взглянулъ на нее и прикусилъ губу.

„— У васъ въ Англіи обычай и преданіе тотъ же деспотъ, воскликнулъ онъ, — и худшій изъ всѣхъ, потому что онъ растлѣваетъ духъ, извращаетъ всѣ естественныя понятія человѣка! У васъ бездомный, безпріютный рабочій, умирающій съ голода, смотритъ съ тупымъ благоговѣніемъ на лорда, который не знаетъ, куда дѣвать денегъ, нажитыхъ ему кровью и пòтомъ этого несчастнаго....

„— Да, да, одобрительно сказала Сарра,—онъ такъ смотритъ, потому что у насъ лордъ достоинъ уваженія!

„— Ваша правда, сударыня моя! раздался за ея спиной голосъ батюшки, и самъ онъ изъ-за кустовъ выступилъ на террасу. За звонкимъ голосомъ Кирилина, никто не слыхалъ его шаговъ.

„Обрадованная Сарра взглянула на него такъ, какъ глядѣла бы, вѣроятно, на герцога Веллингтона, съ которымъ батюшка былъ такъ схожъ, по ея мнѣнію; она даже покраснѣла отъ радости.

„— Ну-съ, а ваша милость какъ бы полагала распорядиться англійскому рабочему? обратился отецъ мой къ Кирилину, садясь на скамейку подлѣ меня.—Ограбить лорда, чтò-ли?

„— На чтò грабить? отвѣчалъ тотъ, и всѣ черты его повело отъ видимо закипѣвшей въ немъ злости.—За грабежъ въ Англіи вѣшаютъ, а въ Хивѣ въ клоповникъ сажаютъ. А я такъ полагаю, ваше превосходительство, что самое понятіе, заключающееся въ этомъ словѣ „грабить", которое вы сочли нужнымъ употребить, находитъ себѣ мѣсто только при такомъ устройствѣ общества, гдѣ, какъ теперь, одному дано не въ мѣру много, а другому—ничего.

„— Какъ же по вашему устроить?

„— Естественно распредѣлить то, чтò должно принадлежать не меньшинству, присвоившему себѣ незаконно большую часть общаго достоянія, а всей человѣческой семьѣ,— согласно съ потребностями каждаго изъ ея членовъ, самоувѣренно и наставительно, будто готовый урокъ, проговорилъ Кирилинъ.

„— И надолго бы хватило такое устройство?

„— Какъ надолго-ли? спросилъ онъ съ удивленіемъ.— Разумѣется, надолго, навсегда... Оно бы не имѣло причинъ измѣняться.

„— А причина такая, что еслибъ я, напримѣръ, завтра подѣлилъ поровну мое Рай-Воздвиженское между тобой и Фрейманомъ, сказалъ батюшка, указывая на новаго нашего управителя, спускавшагося въ это время съ балкона на террасу,—то черезъ годъ, много два, обѣ части очутились бы въ рукахъ Фреймана, а ты бы остался ни съ чѣмъ.

„— Почему это вы такъ полагаете? заносчиво воскликнулъ Кирилинъ.

„— Потому что у него и руки, и голова здоровѣе твоихъ, отвѣчалъ отецъ мой, сопровождая эти слова взглядомъ, который заставилъ Кирилина опустить глаза.

„— Это не возраженіе, пробормоталъ онъ.

„— Нѣтъ, подтвердилъ батюшка,—на нелѣпость не возражаютъ. Это азбука!

„Я была какъ на иголкахъ въ продолженіе этого разговора. Я давно привыкла къ батюшкинымъ рѣзкостямъ, но понимала, что онѣ должны были глубоко уязвлять такого самолюбиваго и увѣреннаго въ себѣ человѣка, какъ Кирилинъ. Я страдала и за него, и за батюшку, который казался мнѣ неправымъ. Я такъ любила, такъ высоко чтила моего отца; я пламенно желала, чтобы всѣ, всякое живущее около него существо, исполнены были къ нему тѣхъ же чувствъ привязанности и уваженія. И до тѣхъ поръ мнѣ еще ни разу не случалось усомниться въ этомъ: я видѣла во всемъ, безъ исключенія, окружавшемъ его, лишь безусловную, сознательную ему покорность и безграничную вѣру въ его разумъ и рыцарскій характеръ. Нерасположеніе къ нему Кирилина, замѣченное мною на первыхъ порахъ, удивило меня настолько же, насколько и огорчило. Я приписывала его не совсѣмъ хорошимъ свойствамъ этого молодаго человѣка, еще болѣе дурному обществу, въ которомъ онъ жилъ въ столицахъ, и долгой отвычкѣ отъ порядковъ дома, взлелѣявшаго его дѣтство. Поживя здѣсь, онъ лучше оцѣнитъ батюшку, думала

я, и поэтому всей душой обрадовалась, когда недавно образъ дѣйствій моего отца вырвалъ, такъ-сказать, у Кирилина искренній отзывъ одобренія, хотя и выраженный страннымъ языкомъ. Зачѣмъ же, говорила я себѣ теперь, зачѣмъ же батюшка какъ будто нарочно старается стереть это хорошее впечатлѣніе и раздражаетъ его противъ себя, затрогивая за самыя чувствительныя его струны? Вѣдь онъ любитъ его, любитъ въ память отца Кирилина, стараго своего боеваго товарища, человѣка, который былъ такъ ему преданъ, въ память брата Васи, о которомъ до сихъ поръ болитъ его сердце. Во время отсутствія этого Андрюши не одинъ разъ заботила батюшку его судьба, не мало было о немъ переговоровъ съ Настасьей Савельевной. Если онъ теперь здѣсь, а не перестрѣливается съ Черкесами на Кавказѣ, какъ говорилъ онъ Саррѣ, то это не благодаря-ли тѣмъ письмамъ, которыхъ, мѣсяца три тому назадъ, такъ много отправилъ батюшка въ Петербургъ, онъ, говорившій всегда, что съ Петербургомъ прекратилъ давно всякія сношенія? Зачѣмъ же теперь оскорбляетъ онъ Кирилина, надменно отказываясь вступить съ нимъ въ серьезный споръ, говоря ему, что всѣ его мнѣнія почитаетъ ребячествомъ и вздоромъ? Конечно, мнѣнія Кирилина кажутся довольно шаткими и даже не совсѣмъ справедливыми, но нельзя не признать, что источникъ ихъ великодушенъ: онъ стоитъ за „страждущее человѣчество“, за „слабыхъ, приниженныхъ, угнетенныхъ“. Заслуживаютъ-ли такія благородныя побужденія такого пренебреженія?... Я забыла въ эту минуту, что приниженные и угнетенные постоянно находили себѣ въ отцѣ моемъ защитника самаго горячаго и настойчиваго, что онъ могъ почитать себя въ правѣ думать, что его всегда дѣятельное и щедрое участіе было во всякомъ случаѣ существеннѣе и полезнѣе страждущему человѣчеству, чѣмъ слова, одни слова недоучившагося студента. Но въ молодости, Владиміръ, такъ обаятельны, такъ неотразимы иныя слова!...

„— Что̀ скажете, Иванъ Ивановичъ? спрашивалъ между тѣмъ батюшка подошедшаго къ нему управителя... Иванъ Ивановичъ Фрейманъ, обрусѣвшій Нѣмецъ, молодой человѣкъ

съ выразительнымъ и озабоченнымъ лицомъ, доложилъ, что господинъ Грайворонскій пожалуютъ въ Рай-Воздвиженское къ обѣду; нарочный отъ *них* прибылъ сейчасъ съ этимъ извѣстіемъ.

„— Ну, конечно, магнатъ! сказалъ на это батюшка, засмѣявшись своимъ короткимъ смѣхомъ.—Больше ничего?

Иванъ Ивановичъ переминался съ видимымъ смущеніемъ.

„— Что̀ случилось? говорите!

„— На конюшнѣ у насъ не ладно, ваше превосходительство. Лошадь одна ногу сломала.

„— Которая?

„— Красавка, чуть слышно произнесъ управитель.

„Я вскрикнула...

„— Такъ! воскликнулъ въ свою очередь батюшка, гнѣвно ударяя себя рукой по колѣну.—Какъ случилось?

„— Все черезъ того же разбойника Геннадія, отвѣчалъ съ сердцемъ управитель.—Я уже докладывалъ вашему превосходительству: это звѣрь какой-то, а не человѣкъ. Съ нимъ надо строго поступить.

„И взволнованнымъ голосомъ Фрейманъ разсказалъ, что, получивъ отъ батюшки приказаніе относительно послѣобѣденной прогулки, онъ призвалъ старшаго конюха Акима, такъ какъ берейторъ уѣхалъ въ городъ, и поручилъ ему погонять Красавку на кордѣ съ полчаса; самъ же поѣхалъ въ поле. Акимъ отправился въ конюшню исполнить порученіе, но тамъ былъ товарищъ его Геннадій, въ отдѣленіи котораго стояла Красавка, и потому онъ почелъ для себя обиднымъ отдать ее въ руки другаго. У нихъ завязался споръ, кончившійся тѣмъ, что Геннадій сшибъ Акима кулакомъ съ ногъ, а самъ взнуздалъ поскорѣе Красавку и вывелъ ее на площадку. Молодая, нѣжная лошадь, испуганная всѣмъ этимъ крикомъ, выведенная изъ темноты прямо на солнечный свѣтъ, заартачилась и взвилась на заднихъ ногахъ.

„— А онъ, разбойникъ, говорилъ Фрейманъ, — не то чтобъ ее *уймюкать*, а съ пущимъ крикомъ, да что̀ есть силы, поводомъ по мордѣ. Я въ это время ѣду съ поля, издалека вижу это безобразіе, поскакалъ, кричу... да поздно ужь

было. Красавка изъ рукъ у него вырвалась, шарахнулась въ сторону и, какъ безумная, полетѣла прямо на ограду, перескочить хотѣла, бѣдненькая, да не смогла; нога попала межъ двухъ перекладинъ, такъ и свалилась тутъ...

„— И неужели нельзя ее вылѣчить? говорила я, не имѣя силы удержать слезы, между тѣмъ какъ Сарра унимала меня своимъ вѣчнымъ, несноснымъ: „for shame, Надя!“

„Но безжалостный Иванъ Ивановичъ не оставилъ мнѣ ни малѣйшей надежды: нога Красавки была перешиблена въ самомъ колѣнѣ, и надо было застрѣлить бѣдняжку, чтобы прекратить ея страданія.

„— А что прикажете съ Геннадіемъ дѣлать? Онъ у насъ всѣхъ лошадей да и людей перепортитъ; Акимъ и по сю пору въ растяжку лежитъ, обратился Фрейманъ къ батюшкѣ, который молча слушалъ все время, съ замѣтнымъ трудомъ пересиливая на этотъ разъ одинъ изъ тѣхъ его нѣмыхъ припадковъ гнѣва, о которыхъ можно было обыкновенно догадаться лишь по страшно синѣвшимъ и вздувавшимся жиламъ на его лбу.

„— Пьянъ былъ? спросилъ онъ.

„— Какъ водится, да и золъ къ тому же, ваше превосходительство.

„— Написать ему въ конторѣ вольную, и чтобы черезъ сутки духу его здѣсь не было!

„Фрейманъ отъ удивленія такъ и приросъ къ мѣсту.

„— Вольную? повторилъ онъ, глядя на моего отца во всѣ глаза.

„— Да. Конторщикъ знаетъ, какъ пишется. Принесите скорѣй къ подписи. Свидѣтели будутъ. Ступайте.

„Вы помните Грайворонскаго, его высокую, тучную фигуру, круглую голову, и цвѣтомъ и образомъ похожую на полный мѣсяцъ, его стриженые усы, его преувеличенную любезность и эту смѣсь заимствованной изысканности и прирожденной жесткости, заслужившую ему удачное прозвище Parisien doublé de Tartare, подъ которымъ онъ былъ извѣстенъ во

всемъ нашемъ краѣ. Да чуть-ли не вы первый, Владиміръ, окрестили его такъ мѣтко?

„Онъ пріѣхалъ одинъ въ своемъ четверомѣстномъ англійскомъ ландо, „благородный гулъ“ котораго, какъ выражался онъ, слышался за версту, шестерикомъ, съ лакеемъ въ ливреѣ на козлахъ, такимъ же лакеемъ на запяткахъ и охотникомъ, въ казацкомъ костюмѣ, скакавшимъ передъ экипажемъ,—все это для какихъ-нибудь семи верстъ, отдѣлявшихъ его Новоселки отъ Рай-Воздвиженскаго. Эти торжественные поѣзды очень потѣшали батюшку, и его ѣдкія насмѣшки по этому поводу не разъ приводили Грайворонскаго въ смущеніе, но онъ покорно сносилъ ихъ, изъ уваженія къ батюшкѣ, а можетъ-быть нѣсколько и вслѣдствіе той *несчастной* страсти, которую онъ, какъ вы знаете, питалъ ко мнѣ. Вы же, Владиміръ, и открыли эту страсть, — и я теперь могу признаться, каждый разъ какъ батюшка подтрунивалъ надъ нимъ, Грайворонскій изподтишка такъ взглядывалъ на меня, какъ будто говорилъ: все изъ-за васъ, прекрасная, терплю, все изъ-за того, что желалъ бы понравиться вамъ хоть чѣмъ-нибудь, хотя бы англійскимъ моимъ экипажемъ, ливрейными лакеями и ленточками, вплетенными въ гривы моихъ лошадей...

„Онъ привезъ огромный букетъ азалій и мимозъ изъ своихъ великолѣпныхъ оранжерей и съ глубокимъ поклономъ и округленными руками подалъ его мнѣ, говоря:

„— Царицѣ цвѣтовъ!

„Я поблагодарила, смѣясь, и онъ, очень довольный собой, отправился жать руки каждому изъ присутствовавшихъ, начиная съ батюшки и кончая Кирилинымъ, котораго въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ попрекнулъ за неисполненное имъ до сихъ поръ обѣщаніе посѣтить „пустынника“; онъ, помните, очень любилъ называть себя пустынникомъ и всегда при этомъ вздыхалъ. Саррѣ онъ тутъ же объявилъ, что привезъ ей цѣлую коллекцію новыхъ англійскихъ книгъ.

„Надѣливъ такимъ образомъ своею любезностью всѣхъ домочадцевъ, господинъ Грайворонскій занялся хозяиномъ дома и принялся сообщать ему разныя губернскія новости, изъ которыхъ самая крупная былъ пріѣздъ новаго губернатора, съ

которымъ Грайворонскій успѣлъ уже познакомиться и отзывался о немъ съ большими похвалами, говоря, что онъ вѣжливъ и взыскателенъ все вмѣстѣ и, безъ сомнѣнія, отлично исполнитъ данное ему въ Петербургѣ порученіе *подтянуть губернію* (какое странное выраженіе, Владиміръ!).

„Батюшка въ это время дергалъ себя за ухо и глядѣлъ пристально на гостя, но я знала его,—Красавка не выходила у него изъ ума, и онъ не слыхалъ рѣчей Грайворонскаго до тѣхъ поръ, пока тотъ не обратился къ нему съ прямымъ вопросомъ:

„— Вы не намѣрены познакомиться съ нимъ, Павелъ Васильевичъ?

„— Съ кѣмъ это? спросилъ онъ, какъ съ просонья.

„— Съ генераломъ Карягинымъ.

„— Кто такой Карягинъ?

„— Нашъ новый губернаторъ, пояснилъ Грайворонскій.

„Искры блеснули подъ темными бровями батюшки.

„— Я, сударь мой, сказалъ онъ, — ни должниковъ, ни заимодавцевъ не имѣю, подати вношу въ казначейство въ срокъ и въ предводители не мѣчу.

„— Не знаю, понравился-ли этотъ рѣзкій отвѣтъ гостю, о которомъ говорили въ нашемъ околодкѣ, что у него много долговъ, а еще болѣе желанія попасть во главу дворянства нашей губерніи, но онъ почелъ за лучшее принять это за остроумную шутку и засмѣялся черезъ силу.

„— Пора обѣдать, сказалъ батюшка и поднялся по лѣстницѣ, пропустивъ впередъ меня съ Саррой. Грайворонскій шелъ за нами, обнявъ за талію Кирилина, которому, видимо, очень не нравились эти нѣжности. Онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, намѣревался ускользнуть и отъ самаго обѣда, но *пустынникъ* имѣлъ на него свои виды и не выпускалъ его изъ рукъ; волей-неволей надо было идти за всѣми.

„За столомъ разговоръ не клеился сначала. Батюшка кушалъ свои щи, не подымая головы; Кирилинъ упорно молчалъ; я не могла еще справиться съ внутреннимъ волненіемъ и всячески старалась не думать о моей бѣдной Красавкѣ, боясь расплакаться снова. Грайворонскій говорилъ вполголоса съ

своею сосѣдкой Саррой. Одинъ Карлъ Ивановичъ, котораго мы застали въ столовой, обмѣнивался съ Фрейманомъ неинтересными замѣчаніями о погодѣ и о всходахъ разныхъ хлѣбовъ.

„Батюшка отставилъ тарелку для каши и спросилъ Фреймана, готова-ли бумага?

„— Я положилъ ее къ вамъ на столъ въ кабинетѣ.

„— Попрошу васъ подписаться свидѣтелемъ, обратился отецъ мой къ Грайворонскому.—Андрей вторымъ будетъ.

„— Къ чему прикажете? спросилъ гость.

„— Они вольную даютъ одному... человѣку, сказалъ Иванъ Ивановичъ.

„Грайворонскій полюбопытствовалъ узнать, кому именно. Фрейманъ объяснилъ. Гость съ недоумѣніемъ взглянулъ на моего отца.

„— Извините меня, многоуважаемый Павелъ Васильевичъ, сказалъ онъ, но я никакъ не могу объяснить себѣ вашъ образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ; я даже не могу приписать это гуманности (мнѣ приходилось въ первый разъ слышать это слово, и оно показалось мнѣ смѣшнымъ,), а это, такъ сказать, презрѣніе къ свободѣ...

„Надо было видѣть, съ какимъ одобреніемъ и любопытствомъ вскинулъ Кирилинъ глаза на Грайворонскаго. Но разочарованіе послѣдовало немедленно.

„— Человѣку дурныхъ свойствъ, какъ этотъ вашъ конюхъ, который позволилъ себѣ такъ огорчить Надежду Павловну и васъ, продолжалъ гость,—такому человѣку прямая дорога въ рекруты не въ зачетъ, а не на волю.

„— Русскую армію не почитаю арестантскою ротой, коротко отрѣзалъ на это батюшка.

„— Такъ сошлите его на поселеніе, горячился Грайворонскій,—или хоть накажите по-отечески, а не вольную же ему давать въ награду за его мерзости!... Я въ такого рода обстоятельствахъ, примолвилъ онъ,—всегда припоминаю стихи нашего великаго Пушкина:

Къ чему скотамъ дары свободы?
Ихъ надо рѣзать или стричь;

Наслѣдство имъ изъ рода въ роды—
Ярмо съ гремушками иль бичъ.

„— Эти стихи *вашего* великаго Пушкина, вступился вдругъ Кирилинъ,—были написаны въ лучшее его время, въ пору его молодости, когда еще общественные интересы не были ему чужды, и вы неосновательно ссылаетесь на нихъ, выпуская ихъ первую часть. Если вы ее забыли или не знаете...

„— Знаю, знаю, отвѣчалъ Грайворонскій и, оглянувшись кругомъ, сталъ вдругъ читать осторожнымъ и напыщеннымъ шепотомъ:

Свободы сѣятель пустынный,
Я вышелъ рано, до звѣзды,
Рукою чистой и невинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя,
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды.
Паситесь, мирные народы,
Къ чему скотамъ дары свободы....

„— Ну да-съ, и такъ далѣе, сказалъ опять Кирилинъ.—А изо всего-то оказывается, что общій смыслъ стихотворенія не только не говоритъ въ пользу вашихъ понятій о рабствѣ, а свидѣтельствуетъ, напротивъ, съ отчаяніемъ о томъ, что безнравственность его, какъ гангренозная язва, проѣдаетъ до мозга костей тѣхъ, кто изъ рода въ роды обреченъ нести его ярмо...

„— Да, замѣтилъ печально Карлъ Ивановичъ,—такой человѣкъ, какъ этотъ Геннадій, на волѣ совсѣмъ капутъ будетъ.

„— Извѣстное дѣло,—сопьется, подтвердилъ Фрейманъ.

„— Il est très avancé, le musicien! шепнулъ мнѣ Грайворонскій, указывая взглядомъ на Кирилина.

„— Правъ! сказалъ батюшка, кивнувъ въ свою очередь на него:—не вкусны плоды этой яблоньки!

„— Помилуйте, Павелъ Васильевичъ, кто противъ этого говоритъ! началъ опять Грайворонскій. — Свобода! Великое слово, великое дѣло!.. (Онъ еще разъ подозрительно глянулъ кругомъ и продолжалъ таинственно:) такъ начнемъ же съ начала, пожелаемъ ея прежде всего себѣ, образованному со-

словію, а потомъ можно будетъ подумать о невѣжественномъ народѣ.

„— Кому это *себѣ?* спросилъ батюшка.—Я всю жизнь былъ свободнымъ человѣкомъ!

„— Вы меня не понимаете, Павелъ Васильевичъ, я говорю не въ томъ смыслѣ...

„— Понимаю, въ какомъ, и отвѣчаю въ томъ же, возразилъ отецъ мой, облокачиваясь о столъ и глядя на Грайворонскаго своими глубокими глазами.—Вы вотъ сейчасъ стихи читали, о ярмѣ съ гремушками; по-вашему, грубому народу только оно и нужно. А сами чего хотите? Гремушекъ свободы. Недалеко другъ отъ друга отъѣхали!

„— Отчего же гремушекъ, а не того, что̀...

„— Словъ поболѣе, болтовни потокъ, по французскому образцу! прервалъ его батюшка, и все обрывистѣе и рѣзче становилась его рѣчь, по мѣрѣ того, какъ росло его одушевленіе. — Читали послѣднія газеты? Въ Парижѣ, въ народномъ собраніи, договорились до рукопашной... Свободный это народъ, по-вашему? А я говорю: рабъ былъ онъ, есть и будетъ.

„— Франція вырабатываетъ для человѣчества великое благо — равенство. Это задача ея исторіи, замѣтилъ Кирилинъ своимъ поучительнымъ тономъ.

„— Этому пуфу вѣрятъ только въ ваши годы, молодой человѣкъ, поспѣшилъ отвѣтить на это Грайворонскій съ улыбкой, дурно скрывавшею его досаду, и обратился снова къ моему отцу:—Къ чему приводить такіе примѣры, почтеннѣйшій Павелъ Васильевичъ? Я самъ далеко не поклонникъ теперешней республиканской Франціи, я орлеанистъ въ душѣ, je suis pour ce pavre Louis-Philippe si calomnié. Но свобода въ Англіи, напримѣръ...

„Батюшка нервно засмѣялся.

„— Ну, этого никогда не получите!

„— Такъ что̀-жь съ этимъ будешь дѣлать, коли не даютъ? отвѣчалъ Грайворонскій, пожимая плечами:—не на стѣну же лѣзть!

„— Свобода не пряникъ, сказалъ батюшка, — не дарятъ ея, не покупаютъ, дается она въ руки достойному. Это трудъ,

вѣковой трудъ! Не одно, не два поколѣнія таскали тамъ камни на эту постройку, совокупными силами строили, совокупными,—поняли вы? Крѣпли они въ этомъ трудѣ, ну, и домъ вышелъ для дѣтокъ знатный. А у васъ на чемъ онъ стоитъ, гдѣ онъ домъ-то вашъ? Ни кирпичика на фундаментъ не припасено, а вы о флюгаркѣ на бельведерѣ мечтаете.

„— Однако, позвольте, Павелъ Васильевичъ, это черезчуръ ужь строго. Какъ бы мы тамъ ни были мало готовы, по вашему мнѣнію, но, по началу своему, дворянство наше также, какъ и англійское, представляетъ собой поземельную собственность, а мы съ вами даже и очень крупную. Это такая сила....

„— Сила,—точно, перебилъ его снова батюшка.—У васъ вотъ, напримѣръ, пять тысячъ душъ, земли полъуѣзда, домъ въ имѣніи дворецъ, — а вы катите съ вашею силой на поклонъ къ генералу Карягину! Въ прокъ пошла она вамъ! хвалю!

„Лицо Грайворонскаго изъ мѣднаго превратилось въ бронзовое.

„— Точно вы не знаете условій, въ которыхъ мы живемъ, пробормоталъ онъ, опустивъ глаза. Онъ казался очень сконфуженнымъ.

„— Нѣтъ такой тѣсноты, въ которой бы не оставалось мѣста для независимости человѣка! Да и не то вы совсѣмъ говорите. Карягинъ-ли, Фуфыркинъ-ли надъ вами поставленъ, все равно, — покорствуйте, поколику требуетъ онъ отъ васъ въ подлежащемъ ему кругу власти: власть — ваша же охрана! А забѣгать-то къ нему кѣмъ приказано, гдѣ предписано? говорилъ батюшка, все болѣе и болѣе приводя своего гостя въ замѣшательство. — Еслибы каждый изъ насъ, изъ числа *силы*-то, ясно понималъ, что̀ предоставила власть себѣ, а что̀ ему,—какъ полагаете, тѣснѣе бы или шире стали эти ваши „условія?“ Поглядите-ка на остзейскаго барона, какъ онъ крѣпко сидитъ на своемъ риттергутѣ! Попробуйте ссадить его оттуда! Нѣтъ, онъ-то *силу* свою знаетъ. За то, спросите, кто къ кому у нихъ тамъ забѣгаетъ: они-ли къ Карягинымъ, или Карягины къ нимъ? А у насъ? Гдѣ она, сила-то ваша?

Въ Петербургѣ—воду толчетъ, въ переднихъ случайныхъ людей чиновъ себѣ вымаливаетъ, въ Москвѣ—въ карты, на безумные пиры разоряется. Про силу толкуете, желчно повторилъ батюшка, — а того до сихъ поръ не поняли, что она у васъ подъ ногами, въ той землѣ, на которой сидите вы... Сверху, наконецъ, указана вамъ ваша задача; или, полагаете, призывая къ жизни помѣстное дворянство, великая государыня не знала, что̀ дѣлаетъ? Да нѣтъ, гдѣ намъ! воскликнулъ онъ съ глубокою горечью: — не по силамъ задача! Трудъ на то нуженъ, терпѣніе, воля, скуку переносить, съ сѣрымъ мужикомъ возиться! Воспитать себя къ тому нужно, человѣкомъ надо быть! Скажите прямо, много-ли изъ насъ въ глубь себя пріяло, что служить царю и землѣ плугомъ и бороной, хотя бы собственными руками, въ тысячу кратъ честнѣй и полезнѣй, чѣмъ тѣшить свое презрѣнное тщеславіе, жертвуя ему всѣмъ: прямымъ долгомъ своимъ, честью, родовыми помѣстьями съ отцовскими могилами, благомъ подвластныхъ людей и въ концѣ концовъ будущимъ своей страны... Потому недалеко уѣдешь тамъ, гдѣ, куда ни обернись, всюду чинъ, а гражданина нигдѣ!...

„Батюшка остановился и обѣжалъ всѣхъ насъ взоромъ, какъ бы удивляясь, что такъ долго говорилъ одинъ. Онъ слегка усмѣхнулся и, подымаясь изъ-за стола, сказалъ Грайворонскому:

„— Вымолимъ для себя у Господа Бога, чтобы душа-то въ насъ была человѣческая, а не рабская, а толковать про силу и прочее предоставимъ внукамъ.

„Я слушала съ напряженнымъ вниманіемъ; никогда еще отецъ мой не говорилъ съ такимъ увлеченіемъ и не находилъ такъ много словъ для выраженія своихъ задушевныхъ мыслей. Я въ тотъ же вечеръ записала ихъ въ дневникъ, который вела съ нѣкоторыхъ поръ, по совѣту Сарры; перечитывая ихъ сегодня, вспоминаю, какое впечатлѣніе произвели они на меня тогда, съ какою гордостью смотрѣла я на отца и говорила себѣ, что на эту строгую рѣчь даетъ ему право вся его доблестная, долгая жизнь, во все время которой онъ ни разу не измѣнялъ своимъ свободнымъ и непреклоннымъ убѣж-

деніямъ, своимъ высокимъ понятіямъ о долгѣ и достоинствѣ человѣка. Непреклоннымъ остался онъ до конца...

„Такое же впечатлѣніе, повидимому, произвелъ онъ и на остальныхъ своихъ слушателей. Карлъ Ивановичъ, сложивъ руки на колѣняхъ, внималъ ему точно проповѣди. У Фреймана сверкали глаза. Незлопамятный Грайворонскій, когда батюшка кончилъ, схватилъ его руку обѣими руками и прижалъ ее къ груди своей съ выраженіемъ признательнаго ученика, котораго мудрый наставникъ только что посвятилъ въ сокровеннѣйшія таинства науки. (Недѣли двѣ спустя онъ давалъ въ Новоселкахъ блистательный праздникъ проѣзжему флигель-адъютанту, на который прислалъ намъ съ батюшкой печатное приглашеніе, и очень огорчался потомъ, что мы къ нему не поѣхали.) Въ подвижныхъ чертахъ Кирилина можно было читать всѣ чувства, смѣнявшіяся въ немъ за это время: и раздраженіе противъ батюшки, и невольное уваженіе къ прямотѣ и искренности его мнѣній, и желаніе возражать ему, и злобное удовольствіе слышать изъ его устъ порицаніе этому „привилегированному меньшинству“, которое такъ не нравилось Кирилину...

„— А прогулка ваша все-таки состоится, сказалъ мнѣ Грайворонскій, возращаясь съ Кирилинымъ въ гостиную изъ кабинета батюшки, въ которомъ они подписывались подъ отпускною Геннадія:—генералъ приказалъ сѣдлать лошадей. А вечеромъ, надѣюсь, вы мнѣ скажете спасибо. Надежда Павловна: мы услышимъ волшебную скрипку Андрея Харламовича: онъ уступаетъ, кажется, моимъ неотступнымъ просьбамъ...

„— О, прошу васъ, обратилась я къ Кирилину,—не отказывайте! Еслибы вы знали, какъ мнѣ хочется услышать еще разъ тотъ чудесный польскій вашего сочиненія.

„— Вещь эта много теряетъ, отвѣчалъ онъ, — при соловомъ исполненіи: она написана для цѣлаго оркестра.

„— Qu'à-cela ne tienne! тотчасъ же воскликнулъ Грайворонскій.—У васъ партіи для оркестра росписаны?

„— Да.

„— И съ вами?

„— Здѣсь.

„— Отлично! черезъ часъ сорокъ музыкантовъ будутъ къ вашимъ услугамъ. Человѣкъ!

„Вошелъ слуга.

„— Пошли, братецъ, сюда доѣзжачаго моего. Vous permettez, mademoiselle?

„Онъ вынулъ изъ кармана тяжелый портфель, съ золотымъ кованымъ на немъ огромнымъ гербомъ и, вытащивъ оттуда почтовый листокъ и конвертъ, принялся писать, усѣвшись къ столику у окна.

„— Вамъ, въ самомъ дѣлѣ, нравится моя фантазія, барышня? спросилъ Кирилинъ, подсѣвъ ко мнѣ ближе.

„— Я васъ уже просила разъ не называть меня барышней.

„— Виноватъ-съ, забылъ. C'est mauvais genre, не такъ-ли?

„— Хотя бы такъ. Не люблю, однимъ словомъ.

„— А повиноваться вамъ должно въ силу того, что вы барышня, или потому только, что васъ ослушиваться трудно?

„— Я этого различія не понимаю, сказала я, строго взглянувъ на него.

„— Не глядите на меня такъ, Надежда Павловна, произнесъ онъ тихо вдругъ измѣнившимся, искреннимъ голосомъ,— вы знаете, что въ отношеніи къ вамъ я этого не заслуживаю.

„Я невольно опустила глаза. Мнѣ надо было бы отвѣчать ему еще болѣе строго, я это чувствовала. Но онъ казался такимъ покорнымъ и печальнымъ...

„Онъ продолжалъ, помолчавъ:

„— Зачѣмъ вы мнѣ ранѣе не сказали, что желаете еще разъ услышать мой полонезъ? Я бы вамъ его игралъ хоть каждый день, пока вамъ не наскучило бы. Вѣдь это не то же для меня, что щекотать уши этого морскаго кота.

„Онъ мигнулъ въ сторону Грайворонскаго, который въ это время отдавалъ приказаніе своему доѣзжачему.

„— У васъ не очень красивыя сравненія, замѣтила я.

„— Однако вы улыбнулись, что̀ и слѣдовало доказать, отвѣчалъ Кирилинъ и засмѣялся самъ.

„— Замѣчательный талантъ у Андрея Харламовича, tout-à-fait remarquable, любезно говорилъ между тѣмъ, подходя

къ намъ, *пустынникъ* (еслибъ онъ слышалъ свое новое прозвище!) и снова обнялъ Кирилина за талію.—Мы съ нимъ, кажется, не совсѣмъ сходимся dans nos opinions politiques, но по части искусства я глубоко преклоняюсь предъ нимъ, comme doit le faire un pauvre dilettante comme moi devant un grand maître.

— Вы сами сочиняете? спросилъ его Кирилинъ.

— Къ сожалѣнію, отвѣчалъ онъ вздыхая,—фонду недостаетъ, генералъ-баса не знаю. Русскій дворянинъ, извѣстно! Мы всѣ учились понемногу, чему-нибудь и какъ-нибудь. Конечно, въ музыкальныхъ идеяхъ недостатка нѣтъ, и даже иногда очень оригинальныя приходятъ въ голову. Такъ, знаете, продолжалъ онъ наивно,—и насвистываешь ихъ, а мой chef d'orchestre кладетъ на ноты. Недавно вышелъ у меня недурной вальсикъ, которому я далъ названіе: Illusions et regrets. Можемъ услышать сегодня. Если онъ удостоится вашего одобренія, Надежда Павловна (онъ расшаркнулся предо мной), смѣю ли надѣяться, что вы дозволите мнѣ поставить во главѣ его ваше прелестное имя? Мои сожалѣнія и мечты будутъ тогда, pour ainsi dire, озарены надеждой.

„— Très flattée, отвѣчала я.

„— Вы напечатаете ихъ, разумѣется, сказалъ Кирилинъ,— и съ соотвѣтствующею виньеткой? Можетъ выйти очень мило: вдали видъ пустыни, а на первомъ планѣ якорь, жертвенникъ съ пылающимъ сердцемъ и рыдающій пастухъ.

„— Отчего же пастухъ? пресерьезно возразилъ Грайворонскій.—Можно что-нибудь другое придумать...

„Я поспѣшила закрыться платкомъ, боясь разразиться неудержимымъ смѣхомъ. На мое счастіе, вошли сказать, что лошади готовы. Я побѣжала скорѣе надѣвать амазонку; батюшка, какъ вы знаете, давалъ мнѣ на это всего десять минутъ времени.

„Сарра сидѣла уже верхомъ, когда я сошла сверху; батюшка и Грайворонскій ожидали меня на крыльцѣ.

„Мнѣ подвели мою старую рыжую Леди; вздохнувъ, сѣла я на нее. Подъ Грайворонскимъ очутился великолѣпный

кровный англійскій скакунъ, котораго какими-то чудесами успѣли привести изъ Новоселокъ.

„— На всякій случай велѣлъ доставить, объяснилъ онъ небрежно, замѣтивъ мое удивленіе.

„— А ты, Андрей, не ѣдешь? спросилъ, когда уже всѣ были на лошадяхъ, батюшка, обернувшись къ Кирилину, который стоялъ, не двигаясь, на подъѣздѣ.—Лошадь тебѣ осѣдлана. Или не умѣешь?

„— Поберегите нашего Паганини, ваше превосходительство, крикнулъ Грайворонскій:—ему поводъ руку оттянетъ, а намъ предстоитъ сегодня наслажденіе его услышать.

„Вопросъ батюшки, неумѣстная заботливость Грайворонскаго,—этого было слишкомъ достаточно, чтобы подстрекнуть самолюбіе Кирилина. Онъ, не говоря ни слова, подбѣжалъ къ своей лошади и такъ поспѣшно вскочилъ на сѣдло, что чуть не свалился на ту сторону.

„Онъ былъ плохой ѣздокъ, да и едва-ли ѣзжалъ онъ верхомъ съ того времени, когда они съ Васей катались на пони въ нашемъ манежѣ, но сидѣлъ онъ смѣло и глядѣлъ съ такою рѣшимостью, что можно было навѣрное сказать: онъ себѣ сломитъ голову, а отъ другихъ не отстанетъ. „Лишь бы Грайворонскій не вздумалъ похвастать качествами своего Англичанина", подумала я.

„Но пустынникъ оказался весьма мирнымъ всадникомъ. Онъ пропустилъ впередъ моего отца съ Саррой, большою охотницей скакать, и поѣхалъ о-бокъ съ моею Леди, старыя ноги которой давно не любили галопа. Кирилинъ ѣхалъ по другую мою сторону. Я слѣдила за нимъ съ безпокойствомъ.

„Все шло не дурно, пока мы ѣхали паркомъ. Молодая лошадь фыркала и играла подъ нимъ: звали ее Мушкетъ; она стояла въ конюшнѣ въ одномъ отдѣленіи съ лошадьми батюшки и Сарры и все тянулась къ нимъ. Но Кирилинъ держалъ ее крѣпко, слишкомъ крѣпко, силясь удержать на высотѣ Леди. Грайворонскій замѣтилъ это и крикнулъ ему:

„— Легче, Андрей Харламовичъ, la main légère.

„Но онъ не понялъ или не хотѣлъ слушать и продолжалъ осаживать Мушкета, не въ мѣру затягивая трензель.

„Выѣхали въ луга.

„— Hop, hop! послышался голосъ Сарры.

„Я хотѣла крикнуть ей пріудержаться, но это ни къ чему бы не послужило: она бы не поняла, по обыкновенію, а Кирилинъ, напротивъ, понялъ бы и обидѣлся.

„Сарра поскакала, батюшка слѣдовалъ за ней крупною рысью.

„Мушкетъ вздулъ ноздри и всѣмъ тѣломъ рванулся за ними. Кирилинъ нетерпѣливо дернулъ его назадъ. Лошадь поднялась на дыбы.

„— Воли дайте, воли! закричала я.

„Неопытный ѣздокъ, онъ вдругъ опустилъ поводья. Мушкетъ однимъ скачкомъ вынесся впередъ и помчался какъ стрѣла изъ лука. У Кирилина исчезла съ головы шляпа, стремя, мгновенно блеснувъ, вылетѣло у него изъ-подъ ноги... Не понимаю, какъ онъ удержался въ сѣдлѣ.

„— Il va se casser le cou... Adieu notre musique! воскликнулъ Грайворонскій и стремглавъ пустился за нимъ. У меня похолодѣли руки. Не миновать бѣды, чувствовала я.

„Дѣйствительно, Мушкетъ, слыша за собой скачъ догоняющей его лошади, окончательно закусилъ удила и, миновавъ переднихъ нашихъ всадниковъ, понесся по направленію дубовой рощи.

„Я осталась на мѣстѣ, съ сердечнымъ біеніемъ слѣдя за происходившимъ и не зная что дѣлать.

Мушкетъ начиналъ уже исчезать изъ виду. Скакунъ Грайворонскаго, близко уже было настигавшій его, сталъ вдругъ отставать. Ниже, за ними, слышались крики. Это, я поняла, батюшка успѣлъ удержать Грайворонскаго отъ дальнѣйшей погони.

„Если Мушкетъ, блеснуло у меня въ головѣ, достигнувъ рощи, заберетъ влѣво, по просѣкѣ, и Кирилинъ не успѣетъ остановить его,—они пропали оба: просѣка ведетъ къ спуску на Семь, крутому какъ обрывъ, съ котораго они полетятъ внизъ неудержимо. Одно средство въ этомъ случаѣ — выскакать ему на перерѣзъ: „Allons, Леди, вспомни прежнее время!“ крикнула я, ударивъ ее хлыстомъ.

„Благородное животное точно поняло, чего я требовала отъ него. Съ легкостью и быстротой, давно уже ей непривычными, помчала меня старая Леди по берегу рѣки къ знакомой мнѣ дорожкѣ, выходившей на маленькую поляну, а оттуда въ просѣку, мимо обрыва. Это былъ самый ближній путь изъ луговъ въ рощу, но имъ обыкновенно не ѣздили, чтобы не портить травы, особенно хорошей въ этомъ мѣстѣ.

Едва доскакала я до поляны, какъ услышала конскій топотъ; глухо вторило ему лѣсное эхо. Я не ошиблась въ догадкѣ: Мушкетъ несся по просѣкѣ, по направленію къ Семи. Меня обдало ужасомъ. Поперекъ всей поляны лежалъ срубленный дубъ, со всѣми сучьями своими и листьями; объѣхать его не было никакой возможности, а топотъ раздавался все ближе... Огоньки запрыгали у меня въ глазахъ, изъ-за каждаго дерева, показалось мнѣ, страшные какіе-то лики дразнили меня длинными зелеными языками. „Не доѣдешь, поздно!“ стучало у меня какъ молотомъ въ мозгу...

„Но Леди вывезла меня до конца: она собралась, прижалась и благополучно перелетѣла со мной чрезъ дерево.

„Я выѣхала въ просѣку, со стороны оврага, въ ту самую минуту, когда обезумѣвшій отъ перепуга Мушкетъ доносился къ нему съ своимъ безвластнымъ сѣдокомъ. Увидѣвъ предъ собой неожиданное препятствіе, онъ рванулъ въ бокъ, но я успѣла проѣхать между имъ и чащей лѣса и остановить его, поймавъ за конецъ оборванной узды. Онъ задрожалъ весь и сталъ какъ вкопаный, покрывъ всю мою амазонку густою бѣлою пѣной.

„Кирилинъ сидѣлъ на немъ невредимъ, судорожно держась за его гриву, блѣдный отъ досады, не отъ страха.

„— Ко всѣмъ моимъ униженіямъ не доставало этого! было первымъ его словомъ.

„— Берите скорѣй поводья въ руки! сказала я.

„Онъ повиновался.

„— А теперь поворачивайте лошадь назадъ, за мной... Она пойдетъ теперь смирно. Ее испугалъ Грайворонскій. Съ каждымъ можетъ это случиться, особенно на незнакомой лошади...

„— Возьмите любой романъ, сказалъ онъ, стараясь улыбнуться, — тамъ вездѣ герои спасаютъ женщинъ; но со мной, видно, все должно случаться навыворотъ.... Да, по правдѣ сказать, хорошъ я и герой!

„— Вамъ болѣе бы нравилось, еслибы лошадь вашу остановилъ господинъ Грайворонскій? замѣтила я шутя.

„— Зачѣмъ избѣгаете вы настоящаго выраженія? Вы меня спасли, Надежда Павловна.

„— Отъ непріятнаго паденія...

„— Отъ того, перебилъ Кирилинъ, — что̀ для меня было бы гораздо хуже смерти: отъ перелома ноги или руки. Калѣкой быть не весело въ моемъ положеніи. Жизнь-то, Богъ съ ней!

„— Въ ваши годы?

„— Что̀ такое годы? Безсмысленное слово! Развѣ ими опредѣляется счастіе, или.... Но это въ сторону. А знаете-ли вы, Надежда Павловна, что въ сознаніи неминучей опасности есть какое-то невыразимое упоеніе! Несетъ вотъ меня сейчасъ эта глупая тварь, безумно несетъ, и удержать ее никакихъ средствъ у меня: поводья вырвало изъ рукъ какимъ-то сучкомъ, стремянъ не найду, соскочить некуда, справа и слѣва сплошная стѣна деревъ.... А мѣста̀ я знаю, прямо несетъ она меня въ оврагъ, куда неминуемо должны мы съ нею слетѣть кубаремъ, какъ два булыжника.... Будь что̀ будетъ! подумалъ я, и, повѣрите, не то равнодушіе—нетерпѣніе какое-то овладѣло мной, дыханіе спирало, сердцу точно выскочить изъ груди хотѣлось, какъ, бывало, въ дѣтствѣ, когда ждешь въ праздникъ подарка: скоро-ли, скоро-ли, наконецъ!....

„— Когда я услыхала топотъ вашей лошади, сказала я,— я думала, что все кончено, что я никакъ не попаду во̀-время. Никогда еще не испытывала я такого страха....

„— Вы испугались.... за меня, Надежда Павловна? глухо проговорилъ онъ; все лицо его измѣнилось.

„— За человѣка, который могъ убиться до смерти, отвѣчала я.

„— Да, да, спохватился онъ,—все изъ того же, изъ христіанскаго чувства....

„Я не отвѣчала.

„Прошло нѣсколько минутъ. Мы ѣхали молча, рядомъ; усталыя лошади лѣниво передвигали ноги.

„— Какъ славно въ лѣсу передъ вечеромъ, началъ Кирилинъ, озираясь кругомъ. — Взгляните сквозь эту сѣть вѣтвей: какимъ потокомъ живаго золота льются съ запада косые лучи солнца, какими ослѣпительными брызгами горятъ они на листьяхъ, на стволахъ этихъ искривленныхъ, фантастическихъ дубовъ!.... И замѣтили вы, какъ каждый листикъ, каждая муравка оживаетъ отъ прикосновенія свѣта, какъ трепещетъ она и тянется къ нему.... Свѣтъ — неотразимая сила!... Какъ красота, добавилъ онъ.

„— Какъ добро, домолвила я.

„— Добро? повторилъ онъ. — Ну, это пока пунктъ спорный. Абсолютнаго добра нѣтъ, а есть добро условное, то-есть такое, которое можетъ служить къ выгодѣ наибольшей массы людей. Но такое воззрѣніе, единственно правильное, естественно не можетъ нравиться тѣмъ, кто живетъ на счетъ этой массы. Въ ихъ интересѣ, поэтому, отстаивать свои миѳологическія понятія о добрѣ до-нельзя, до тѣхъ поръ, примолвилъ онъ, покачавъ головой съ угрожающимъ видомъ, — когда эта подавленная масса, сознавъ свои силы, подавитъ ихъ въ свою очередь... Вы слышали сегодня пренія за столомъ? По морали вашего батюшки, напримѣръ, стоитъ каждому помѣщику сидѣть у себя на огородѣ царькомъ, чинить судъ и расправу надъ своими крѣпостными, да понадменнѣе держаться съ чиновничествомъ,—и рай долженъ водвориться на землѣ...

„— Конечно, прервала я его (мнѣ нисколько не хотѣлось слушать его философствованія,),—а вы бы желали, чтобы всѣ люди были равны и чтобы весь земной шаръ подѣлили между ними поровну. Я это уже знаю! Поговоримъ о другомъ. Вы любите природу?

„Онъ засмѣялся.

„— Вѣдь это васъ нисколько не интересуетъ, Надежда Павловна, и вы сдѣлали мнѣ этотъ вопросъ, какъ спросили бы меня, люблю-ли я салатъ, съ тѣмъ же любопытствомъ. Но

будь по-вашему, перенесемъ разговоръ на этотъ предметъ. Во-первыхъ, насколько я понялъ вашу мысль, вы не такъ формулировали вопросъ. „Любите-ли вы природу?“ — это все равно, что̀ спросить: любите-ли вы жизнь? А я имѣлъ уже случай сообщить вамъ, что я къ ней болѣе чѣмъ равнодушенъ. Я, какъ послѣдователи Будды, Надежда Павловна, признаю, что *не быть* есть величайшее блаженство. Но вы не это, не правда-ли, желали знать, а то, сочувствую-ли я красотѣ окружающаго меня міра, или, проще, развито-ли во мнѣ эстетическое чувство? На это я отвѣчу вамъ: къ несчастію, да!

„— Почему же къ несчастію?

„— Потому что это роскошь, а ей не должно быть мѣста тамъ, гдѣ идетъ дѣло о хлѣбѣ насущномъ, потому что это вѣчный соблазнъ, отвлекающій отъ трезваго труда мысли, а каждому мыслящему человѣку въ наше время слѣдовало бы быть аскетомъ, Надежда Павловна.

„— Скажите, пожалуйста, спросила я его, — неужели въ Петербургѣ много молодыхъ людей съ такими мыслями, какъ у васъ?

„Кирилинъ гордо поднялъ голову.

„— Много-ли, неожиданно отвѣчалъ онъ, — нужно было сначала учениковъ Тому, Чье ученіе потомъ распространилось на весь міръ?

„— Я васъ слушать не хочу! воскликнула я, разсердясь не на шутку, и подняла Леди въ галопъ.

„Мушкетъ тотчасъ же поскакалъ за нею.

„Онъ его опять понесетъ, подумала я, и поѣхала снова шагомъ.

„— Я вашихъ вѣрованій не затрогиваю, Надежда Павловна, заговорилъ Кирилинъ, догоняя меня и сдерживая свою лошадь, — и еслибы вы дали мнѣ досказать, вы бы увидѣли, что я отношусь къ нимъ съ уваженіемъ. Но я вижу, что вы, какъ коронованныя особы, требуете лишь однихъ прямыхъ отвѣтовъ на ваши вопросы. Вы дѣйствительно царица.... Это не я выдумалъ, поспѣшилъ онъ оговориться, — это я со словъ господина Грайворонскаго повторяю, и я буду вамъ отвѣчать

какъ царицѣ. Многіе-ли думаютъ какъ я, это сказать я вамъ не могу; несомнѣнно то, что каждый мыслящій человѣкъ ненавидитъ настоящее положеніе вещей.... Что же касается до того небольшаго кружка передовыхъ людей, къ которому примыкалъ я, и который Богъ-вѣсть куда разнесенъ теперь бурей, то, конечно, всѣ они держались, болѣе или менѣе, тѣхъ же началъ и работали въ тѣхъ же цѣляхъ, — просвѣщать погрязшія въ предразсудкахъ народныя массы и разбивать нелѣпые кумиры, которымъ до сихъ поръ поклоняются люди....

„Какъ бы этотъ небольшой кружокъ петербургской молодежи принялся просвѣщать народныя массы? подумала я. — Батюшка сколько уже лѣтъ не можетъ убѣдить своихъ крестьянъ посылать дѣтей въ школу и больныхъ къ Карлу Ивановичу?...

„— Но я не могъ имъ весь отдаться, говорилъ между тѣмъ Кирилинъ, слѣдя внимательно за выраженіемъ моего лица,—я не гожусь въ аскеты: мнѣ мало одной отвлеченной идеи человѣческаго блага, я не могу пожертвовать ей красотой, искусствомъ, всею эстетическою стороной жизни. Я никакъ не могу признать, чтобы мнѣ было все равно жить въ венеціанскомъ дворцѣ, исписанномъ кистью Веронеза, или въ грязномъ чуланѣ на Пескахъ, лишь бы сытымъ быть...

„— Развѣ этого отъ васъ требуютъ? спросила я, все болѣе и болѣе удивляясь.

„Онъ небрежно пожалъ плечами.

„— Попадаются и такіе! Они послѣдовательны, примолвилъ онъ, и, какъ бы противъ его желанія, улыбка пренебреженія скользнула по его губамъ, — это все болѣе семинаристы, люди избитые, пришибленные съ раннихъ лѣтъ, впроголодь промаячившіе свое дѣтство и юность; они потомъ всю жизнь свою не могутъ уже иначе мыслить, какъ чрезъ фокусъ желудка. Поставьте предъ такимъ человѣкомъ рядомъ кусокъ телятины и Венеру Милосскую, онъ посмотритъ на нихъ и тотчасъ же сообразитъ, что телятина предметъ съѣдомый, а мраморъ въ снѣдь не идетъ, и изъ этихъ посылокъ выведетъ уже совершенно правильно, съ своей точки зрѣнія,

что Венера вещь для голоднаго безполезная и можетъ развѣ одну праздную скуку сытыхъ тѣшить, а потому—бей ее молотомъ на щебень!... Но я, Надежда Павловна, примолвилъ Кирилинъ съ невеселою ироніей, — я злополучный человѣкъ! Я почелъ бы святотатствомъ занести руку на Милосскую Киприду и согласился бы лучше вѣкъ прожить на одномъ картофелѣ. Меня, вопреки моему разсудку, моей волѣ, влекутъ краски, линіи, звуки, весь этотъ блескъ и цвѣтъ стараго, сознательно осужденнаго мною, строя жизни. Я не умѣю быть послѣдовательнымъ, какъ тѣ люди. Я не могу ненавидѣть васъ, потому что вы барышня, аристократка...

„— Это, полагаю, никому и не нужно, сказала я, довольно озадаченная такимъ неожиданнымъ заключеніемъ.

„— Ахъ, нѣтъ! это было бы нужно, Надежда Павловна...

„Онъ не докончилъ.

„Мы выѣзжали на большую дорогу. Вдали, навстрѣчу къ намъ, неслись верховые.

„— Вотъ и наши!

„— Надежда Павловна, спросилъ меня поспѣшно Кирилинъ,—вы имѣете извѣстія отъ господина Кемскаго?

„— Нѣтъ еще, отвѣчала я, взглянувъ на него. „Къ чему это ему знать!“ подумала я.

„— Вы его очень любите? спросилъ онъ опять.

„— Кого это, Владиміра? Очень люблю... Онъ мнѣ братъ.

„— И только братъ?

„Онъ такъ смотрѣлъ на меня, что я невольно опустила вѣки.

„— Такихъ вопросовъ не дѣлаютъ, сказала я въ отвѣтъ ему.

„— Какъ заалѣло ваше блѣдное лицо, проговорилъ онъ вдругъ замирающимъ отъ волненія голосомъ.—Какъ вы дивно хороши, Надежда Павловна!...

„— Какъ ты проѣхала, Надя? спрашивалъ меня батюшка, подъѣзжая къ намъ съ Саррой и Грайворонскимъ.

„Они мнѣ объяснили, что, видя меня скачущею вдоль рѣки, они сначала не поняли, куда я направляюсь, потомъ до-

гадались и поѣхали всѣ по моимъ слѣдамъ, но, добравшись до поляны, наткнулись на лежащее поперекъ ея дерево и рѣшили, что я проѣхала какою-нибудь другою тропинкой. Они долго искали ея, не нашли и вернулись въ луга, откуда поѣхали уже прямо по дорогѣ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ допустить, чтобъ я рѣшилась перескочить чрезъ то дерево.

„— Это было всего проще, сказала я, смѣясь.

„— Вы это сдѣлали, Надя? воскликнула, блѣднѣя, Сарра.— Я всю ночь сегодня не буду спать отъ этой мысли!

„— Какъ васъ Богъ спасъ, Надежда Павловна! сказалъ Грайворонскій, указывая на Лэди.—Взгляните, у вашей старушки до сихъ поръ ноги дрожатъ...

„Батюшка ничего не сказалъ и отвернулъ голову. Зная его, я бы не сказала навѣрное, былъ-ли онъ болѣе встревоженъ моею смѣлостью, чѣмъ доволенъ ею. Но какимъ восторженно-благодарнымъ взоромъ смотрѣлъ на меня въ это время Кирилинъ!...

„— Я виню себя въ вашемъ непріятномъ приключеніи, обратился къ нему Грайворонскій, — не кстати испугался за васъ. Позвольте вручить вамъ вашу шляпу,—я поднялъ ее дорогой...

„— Цѣлъ? спросилъ его батюшка.

„— Цѣлехонекъ, благодаря Надеждѣ Павловнѣ, отвѣчалъ весело Кирилинъ.—Могу теперь сказать: все спасено, кромѣ стыда.

„— Въ лейбъ-гусары не годишься, дѣйствительно! заключилъ батюшка.

„Мы поѣхали домой. Въ продолженіе всего пути Кирилинъ дразнилъ Сарру ея эгоизмомъ и увѣрялъ, что еслибы Грайворонскій свалился дорогой съ моста въ Семь, она никакъ не протянула бы ему руки, чтобы не замочить своихъ пальцевъ. Сарра наконецъ разсердилась и отъѣхала отъ него, говоря, что она Грайворонскаго спасла бы непремѣнно, а Кирилина оставила бы погибать, безъ всякой жалости.

„На дворѣ у насъ стояло нѣсколько фургоновъ: изъ нихъ выскакивали люди, каждый съ какимъ-либо музыкальнымъ инструментомъ въ рукѣ. Это прибылъ оркестръ изъ Ново-

селокъ, къ великому удовольствію его владѣльца; онъ такъ и сіялъ.

„Кирилинъ тотчасъ же отправился съ музыкантами, на пробу, въ большую залу. Грайворонскій о чемъ-то очень суетился; оказалось, что забыли привести партитуру его *Illusions et regrets;* онъ тотчасъ же послалъ за ней нарочнаго, прочитавъ напередъ далеко не „гуманную“ нотацію первой скрипкѣ, исправлявшей должность покинувшаго его капельмейстера.

„Мы пошли къ себѣ съ Саррой переодѣваться.

„Чрезъ часъ насъ пригласили въ залу. Туда собрался весь домъ; люди толпились у дверей. Всѣхъ счастливѣе казался Карлъ Ивановичъ: онъ былъ любитель музыки и, какъ вы знаете, самъ каждый вечеръ предъ чаемъ исполнялъ на кларнетѣ все одну и ту же штучку изъ *Волшебной флейты*. Онъ расхаживалъ теперь по залѣ, потирая руки и улыбаясь во все лицо, и съ видомъ знатока останавливался предъ пульпетами, разглядывая разложенныя на нихъ ноты.

„*Illusions et regrets* исполнили первымъ нумеромъ. Вальсъ прямо былъ заимствованъ изъ извѣстнаго *Alpenhorn*, Проха. Кирилинъ все время аплодировалъ soi-disant композитору кончиками пальцевъ съ такимъ насмѣшливымъ видомъ, что не замѣтить этого могъ только одинъ Грайворонскій. Снисходительный Карлъ Ивановичъ съ своей стороны изъявлялъ одобреніе, свѣсивъ голову на плечо и глубокомысленно покачивая ею сверху внизъ. Самъ композиторъ слушалъ съ полузакрытыми глазами,—отъ скромности или торжества,—не знаю.

„— Теперь вашъ польскій, Андрей Харламовичъ, польскій вашъ! закричалъ онъ съ послѣднимъ аккордомъ вальса, и самъ побѣжалъ раздавать партіи музыкантамъ.

„Кирилинъ выступилъ впередъ со скрипкой въ рукѣ и подалъ знакъ смычкомъ. Польскій загремѣлъ.

„Какъ сказать вамъ, что̀ я почувствовала, что̀ заговорило во мнѣ, когда я услыхала эту музыку при полномъ исполненіи оркестра? Въ мірѣ звуковъ есть такіе, которые какъ будто созданы лишь для тебя одной, которымъ откликнуться могутъ лишь тончайшія, глубоко схороненныя въ душѣ твоей

струны; онѣ, быть-можетъ, и не зазвенѣли бы никогда, еслибы не проникли до нихъ именно тѣ родные, вызывающіе звуки. Полонезъ Кирилина былъ такъ свѣжъ, такъ мелодичнонов, въ ритмѣ его было такъ много того, что называютъ brio, онъ увлекалъ, уносилъ, подымалъ слушателя невольно; всѣ переглядывались, у каждаго горѣла въ глазахъ какая-то вдругъ вспыхнувшая молодая отвага; самъ батюшка, равнодушнѣйшій къ музыкѣ человѣкъ, поддался общему впечатлѣнію и сочувственно билъ тактъ ногой. Но для меня, Владиміръ, это была цѣлая поэма, волшебное царство ощущеній, въ которое я входила будто въ тотъ венеціанскій дворецъ, о которомъ недавно говорилъ Кирилинъ, очарованная и смущенная его блескомъ и красками. Безпредметною, но неизмѣримою нѣжностію расплывалось сердце, и рядомъ съ нею, съ самаго дна души, какъ кораллы изъ глубины моря, поднимались нетерпѣливо невѣдомыя мнѣ до тѣхъ поръ желанія свѣта, шума, ликованій... „Вы царица", проносилось въ моемъ воображеніи, и предо мной проходила вереница сіяющихъ картинъ. То представлялся знойный берегъ надъ средиземными волнами, ковровые шатры подъ тѣнью яворовъ и пальмъ, бронзовыя лица покорной мнѣ толпы, бѣлые кони подъ яркими тканями и молчаливыя невольницы, мѣрно склоняющія надо мной страусовыя опахала; то лунная ночь, исполинская лѣстница съ мраморными изваяніями на каждой ступени ея, и пажи съ золотыми цѣпями, въ атласѣ и бархатѣ, бѣгущіе предо мной съ факелами въ рукахъ; а тамъ безконечный рядъ тонкихъ колоннъ подъ мавританскими сводами, подъ самые своды летящій фонтанъ, и балъ сіяющій тысячами огней, и подъ звуки этого польскаго легкою поступью скользятъ предо мной пара за парой, и кто-то, незримый между всѣми, робко и печально шепчетъ мнѣ опять: „вы царица"...

Il joue comme un ange! шепталъ мнѣ въ дѣйствительности Грайворонскій, наклоняясь къ моему уху и зажмуривая уже совсѣмъ глаза отъ избытка наслажденія.

„Да, *онъ* игралъ удивительно, и игралъ для меня, для меня одной, я это видѣла, я это понимала... Не самолюбіе его, не жажда похвалъ водили его смычкомъ,—нѣтъ: тай-

ственная нить связывала въ эту минуту его ощущенія съ моими. Передъ нимъ рисуются тѣ же картины, думала я, тѣ же образы проходятъ предъ нимъ,—„блескъ и цвѣтъ осужденной имъ жизни“, мелькнули его слова въ моей памяти. и я внутренно улыбнулась...

„— Bis, bis, сначала! закричалъ Грайворонскій. когда оркестръ кончилъ. Карлъ Ивановичъ присоединился къ нему.

„Кирилинъ искалъ отвѣта въ моихъ глазахъ.

„— По-моему, повтореніе всегда портитъ свѣжесть перваго впечатлѣнія, сказала я Грайворонскому, и тотчасъ же раскаялась, что это сказала.

„— Когда-нибудь въ другой разъ, торопливо промолвилъ Кирилинъ:—я лучше сыграю вамъ теперь элегію Эрнста.

„И онъ въ то же время взглянулъ на меня такимъ сіявшимъ радостью лицомъ, какъ будто говорилъ: „я понялъ васъ: излишне повторять то, что̀ дошло по адресу“.

„Я отрезвилась вдругъ. Обаяніе, навѣянное на меня музыкой, разсѣялъ суровый внутренній голосъ; онъ говорилъ мнѣ. что между мной и этимъ молодымъ человѣкомъ установляются не совсѣмъ безупречныя отношенія, что хотя онъ до сихъ поръ ничего не сказалъ въ сущности, чего бы не говорилъ мнѣ Грайворонскій или всякій иной, почитающій нужнымъ курить ѳиміамъ дѣвушкѣ не совершенно безобразной, но что никакъ нельзя мѣрить одною мѣрой Кирилина и всякаго другаго. Онъ жилъ съ другими людьми, въ кругу чуждыхъ намъ понятій. онъ не признаетъ нашихъ приличій, онъ ненавидитъ наши „искусственныя условія;“ рѣзка. но за то искренна его рѣчь, и каждое слово его выражаетъ именно то, что̀ онъ въ это время чувствуетъ. Онъ даровитъ и знаетъ это, и полагаетъ поэтому. кажется, что не существуетъ ничего для него недозволеннаго. Онъ началъ со мной чуть не оскорбленіями; теперь, — и какъ быстро это совершилось. — другое чувство, повидимому, овладѣло имъ, и онъ какъ будто уже не въ силахъ скрывать его. Онъ и не почтетъ нужнымъ сдерживаться, онъ способенъ думать, что я... Сынъ Настасьи Савельевны! вспомнилось мнѣ, и мои опасенія показались

мнѣ вдругъ такъ забавными, что я готова была громко разсмѣяться.

„Тѣмъ не менѣе непріятное чувство залегло у меня, и я не могла уже отъ него избавиться. „Онъ мнѣ только испортилъ впечатлѣніе, вызванное его же музыкой: тѣмъ хуже для него!“ сказала я себѣ съ досадой, и глаза мои, — холодные, какъ сѣверное небо, увѣряли вы, Владиміръ, — совсѣмъ оледенѣли. Я видѣла это, какъ въ зеркалѣ, на лицѣ Кирилина; оно съ каждымъ мгновеніемъ становилось тревожнѣе и печальнѣе. „Что съ вами, отчего такая перемѣна?“ говорили мнѣ, не стѣсняясь присутствіемъ другихъ, батюшки, сидѣвшаго рядомъ со мной, его неотступные взгляды. И, крѣпко прижавшись головой къ своей скрипкѣ, онъ съ нервною дрожью водилъ смычкомъ по струнамъ, какъ бы злясь на то, что онѣ не умѣли довольно понятно выразить его тоску. Но я не хотѣла понимать его, я старалась не слышать этихъ умоляющихъ звуковъ; они могли меня подкупить, я это чувствовала,—а онъ потомъ увлекся бы опять какими-нибудь безумными надеждами...

„Два новые гостя изъ близкихъ сосѣдей вошли въ это время въ залу. Я очень обрадовалась ихъ пріѣзду; это давало мнѣ случай встать съ мѣста и занять другое, рядомъ съ ними, подальше отъ скрипки и отъ взглядовъ Кирилина.

„Но бѣдные сосѣди, пріѣхавшіе именно съ цѣлью наслушаться его игры (они узнали объ этомъ отъ музыкантовъ Грайворонскаго, проѣзжавшихъ мимо ихъ,), были очень обмануты въ своихъ надеждахъ. Кирилинъ, исполнивъ элегію Эриста, объявилъ, что не можетъ болѣе играть, что у него страшно болитъ голова, и рука нейдетъ послѣ ѣзды верхомъ.

„Это такъ походило на правду, что даже Грайворонскій не рѣшился упрашивать его. Но отъ него не укрылось волненіе Кирилина,—это было и не трудно: Кирилинъ такъ дурно умѣлъ скрывать то, что чувствовалъ,—и, подсѣвъ ко мнѣ, онъ прошепталъ, принимая видъ чрезвычайно лукавый:

„— Il me semble, mademoiselle, que nôtre jeune maestro pousse sa reconnaissance pour vous j'usqu' à la passion?

„Я такъ на него взглянула, что онъ не осмѣлился про-

должать и, замѣтивъ, что Кирилинъ уходитъ изъ залы, поспѣшилъ, смущенный, ему вслѣдъ, сказавъ мнѣ, что ему необходимо переговорить съ „музикусомъ“.

„Оркестръ продолжалъ играть, и мы слушали его почти до полуночи. У Сарры отъ усталости и музыки давно смыкались глаза, и она чуть не падала, тащась за мной наверхъ. Я также не безъ удовольствія очутилась въ постели. Снимая кольца на ночь, я замѣтила на моемъ столикѣ незнакомую мнѣ, довольно объемистую книжку. *Valentine*, par G. Sand, стояло въ ея заглавіи.

„— Это откуда ты взяла, Катя? спросила я горничную.

„— Настасья Савельевна принесли сюда и положили, отвѣчала она.

„Къ чему онъ это прислалъ мнѣ?“ подумала я и сказала Катѣ, что мнѣ эта книга не нужна и что она можетъ отнести ее назадъ къ Настасьѣ Савельевнѣ.

„— Онѣ уже спятъ теперь, отвѣчала Катя.

„— Все равно, отнесешь завтра утромъ.

„Она ушла. Я закрыла глаза, надѣясь тотчасъ же уснуть, но сонъ не приходилъ. Голова моя была тяжела и горѣла отъ прикосновенія подушки. Въ спальнѣ было душно: Катя утромъ наполнила всѣ мои вазы цвѣтами и не позаботилась унести ихъ вечеромъ; напоенный ими воздухъ томилъ и раздражалъ меня. Я вспомнила слова Карла Ивановича, что запахъ цвѣтовъ ночью „очень вредоносенъ есть“, но мнѣ жаль было будить Катю. Я встала, зажгла свѣчу и, окутавшись шалью, пошла отворить окно. Ночная свѣжесть волной влилась въ комнату. Надъ темнымъ садомъ безмятежно сіяло звѣздное небо, съ луговъ доносилось пѣніе послѣднихъ соловьевъ, — мы были уже въ концѣ мая... Я была не въ силахъ противиться искушенію постоять подольше на чистомъ воздухѣ и чувствовать, какъ онъ постепенно обнимаетъ меня всею своею проникающею прохладой. Я собрала изъ вазъ всѣ Катины букеты и медленно, одинъ за другимъ, стала выкидывать ихъ въ аллею, стараясь машинально попа-

дать въ полосу свѣта, которая ярко била туда изъ окна столовой: тамъ еще ужинали гости. „Если садовникъ не успѣетъ убрать ихъ завтра до первой батюшкиной прогулки, думала я въ это время, мнѣ непремѣнно достанется за мое „русское неряшество", но у меня готовъ отвѣтъ: я скажу батюшкѣ, что розы подъ окномъ его кабинета вѣчно покрыты золой его трубки"...

„Въ это время вдругъ кто-то выскользнулъ изъ темной глуби деревьевъ и, прежде чѣмъ я успѣла узнать его, поднялъ съ земли выкинутые мной цвѣты и также быстро исчезъ во мракѣ.

„Я поспѣшно захлопнула раму и опустила стору. „Это не *пустынникъ*, онъ слишкомъ тяжелъ для подобныхъ упражненій", подумала я, невольно улыбаясь. Такъ опять Кирилинъ! Онъ, значитъ, стоялъ подъ моимъ окномъ все это время, ждалъ.... Чего онъ ждалъ?.... Онъ, этотъ самонадѣянный мечтатель, воображающій перестроить весь міръ по своей фантазіи, онъ, какъ школьникъ, какъ этотъ маленькій гимназистъ, пріѣзжавшій въ прошломъ году съ матерью въ Рай-Воздвиженское, собираетъ выброшенные мною завядшіе цвѣты...

„Я опустилась въ кресло, усталая, неспособная болѣе мыслить. Какое-то оцѣпенѣніе овладѣло мной. Минувшій день съ его разнообразными впечатлѣніями смутно проносился предо мной, но я была не въ состояніи остановиться ни на одномъ изъ нихъ. Да я и не понимала, чего я искала, что̀ мнѣ нужно было въ воспоминаніяхъ этого дня...

„Колоколъ на дворѣ пробилъ два часа.

„Я очнулась, встала и направилась къ кровати. Когда проходила мимо моего бюро, глаза мои остановились на книгѣ, присланной Кирилинымъ. — Катя перенесла ее туда съ ночнаго столика,

„— Къ чему онъ прислалъ ее мнѣ? спросила я себя и опять задумалась. Утренній разговоръ пришелъ мнѣ на память. Въ чемъ же заключается этотъ „букетъ", о которомъ *онъ* говорилъ Саррѣ, съ такимъ пренебреженіемъ отзываясь о нашемъ англійскомъ чтеніи?....

„Я безсознательно открыла книгу. Она развернулась на томъ мѣстѣ, гдѣ Valentine, возвращаясь одна, ночью, верхомъ, съ сельскаго праздника, сбивается съ дороги, среди незнакомыхъ ей пустынныхъ долинъ, и вдругъ издалека доносится до нея „голосъ, чистый, сладкій, очаровательный мужской голосъ, молодой и звенящій, какъ звукъ гобоя“,— голосъ крестьянина Бенедикта.... Я дочла до конца главы. Неотразима была прелесть разсказа, и я не устояла. Я унесла романъ съ собой въ постель... Времени оставалось мало; я ни за что не хотѣла оставлять книгу у себя, и надо было, чтобы завтра утромъ Катя нашла ее на прежнемъ мѣстѣ и отнесла, какъ я ей приказывала, обратно къ Настасьѣ Савельевнѣ, — и я жадно принялась перелистывать главу за главой. Еще болѣе соблазна, быть-можетъ, придавало имъ это спѣшное, нетерпѣливое чтеніе... Да и когда же до этого бывали въ моихъ рукахъ подобныя книги! Необузданнымъ языкомъ говорила въ нихъ любовь, любовь, о какой я не слыхала до этой минуты, какая-то грозная, свирѣпая любовь, не признающая ничего, кромѣ одной себя, навязывающаяся какъ тиранъ и какъ тиранъ попирающая все то, чему до тѣхъ поръ я вѣрила, предъ чѣмъ я, безъ борьбы, безъ сомнѣній, преклонялась съ дѣтства. Жгучія, околдовывающія страницы, онѣ пробуждали во мнѣ невѣдомыя до тѣхъ поръ и беззаконныя, — я это сознавала, я говорила это себѣ,—ощущенія и помыслы... То леденѣла я подъ вліяніемъ невольнаго и непонятнаго ужаса, то вся горѣла и замирала, и краска стыда покрывала мое лицо, и сердце билось, какъ должно биться оно, казалось мнѣ, у преступника послѣ совершеннаго имъ преступленія... Но, безсильная уже противиться змѣиному ея обаянію, я только лихорадочно жаждала дойти до конца книги, надѣясь вырваться наконецъ изъ этого влекущаго, но грѣховнаго, но мучительнаго міра...

„Я читала до самаго утра, до самой той минуты, когда за дверями моей спальни послышались шаги и кашель Сарры. Я едва успѣла потушить свѣчу, положить книгу на бюро и улечься снова въ постель.

„Катя вошла въ спальню вслѣдъ за Саррой.

„— Оставьте меня, сказала я имъ,—мнѣ смертельно спать хочется, я дурно провела ночь...

„Но Сарра, какъ нарочно, была въ это утро въ отличномъ расположеніи духа; она не надулась, не противорѣчила мнѣ, забыла даже проговорить свое стереотипное: „for chame, Надя!“ Она пододвинула стулъ къ окну, вынула изъ кармана какую-то работу и, обернувшись ко мнѣ спиной, усѣлась, сказавъ:

„— Спите, дитя мое, я вамъ мѣшать не буду.

„А Катя между тѣмъ, не въ пору послушная и памятливая Катя, уходила изъ комнаты, унося съ собой недочитанную мною Valentine. О! съ какою злостью взглянула я на нее!...

„Что было дѣлать! Я забилась въ подушки и закрыла глаза. Спать буду! Но среди дремоты, мало-по-малу обнимавшей меня, въ раздраженныхъ нервахъ повторялись впечатлѣнія моей тревожной ночи: я то болѣзненно вздрагивала и съеживалась, то будто накаленныя зноемъ струи пробѣгали по всему моему тѣлу; въ блѣднѣющихъ, уже неясныхъ представленіяхъ перепутывались страстныя сцены романа съ эпизодами прошлаго дня, и предо мной возникалъ мой собственный образъ, верхомъ, въ незнакомомъ лѣсу, озаренномъ мѣсячнымъ сіяніемъ, и среди безмолвія и страховъ ночи доносится ко мнѣ издалека, изъ самой глубины, изъ самой темы лѣса „голосъ свѣжій и звенящій, какъ звукъ гобоя“, и поетъ онъ мотивъ полонеза Кирилина...

„Далеко за полдень разбудила меня Катя; она держала письмо въ рукѣ.

„— Генералъ приказали отдать вамъ, говорила она съ веселою улыбкой.

„Это было письмо отъ васъ, Владиміръ, первое со дня вашего отъѣзда! Я вырвала его изъ рукъ Кати и выпроводила ее изъ комнаты. Мнѣ надо было остаться одной, одной съ вами, о милый мой, одной съ тою острою болью, которая вдругъ защемила у меня въ сердцѣ, едва узнала я вашъ почеркъ. Я вскрыла конвертъ, прочла первыя строки, —

„Свѣтлый ангелъ мой, надежда моя“, писали вы,—и залилась вдругъ слезами, обильными, долгими, живительными слезами... Тяжелое бремя скатилось съ души моей вмѣстѣ съ ними; ихъ разрѣшающая благодать смывала и уносила навсегда, казалось мнѣ, всю эту тину неправедныхъ ощущеній, накипѣвшую въ ней со вчерашняго дня... Я схватила ваше письмо, Владиміръ, и, въ порывѣ восторженной благодарности, прижала его къ губамъ. Медленно, строку за строкой, принялась я затѣмъ читать его, пріостанавливаясь чуть не на каждомъ словѣ, улыбаясь стремительному росчерку иныхъ буквъ: въ нихъ говорили вы, другъ мой, ваша пылкая, честная душа... „О, прикрой меня твоими бѣлыми крылами!“ лепетала я, стремясь всѣмъ существомъ моимъ къ вамъ, подъ сѣнь, подъ защиту этихъ чистыхъ и сильныхъ крылъ... Я дочла письмо до конца и тутъ только замѣтила, что не прочла его,—я искала лишь вашихъ слѣдовъ на этомъ листкѣ бумаги, радовалась словамъ начертаннымъ вами и забыла о смыслѣ ихъ... Я перечла его сызнова. О себѣ вы говорили только, что отправляетесь немедленно, что вашему фрегату приказано слѣдовать въ Англію безостановочно и что вы постараетесь изъ Мальты написать намъ опять; все остальное письмо было посвящено исключительно мысли, заботѣ обо мнѣ. Оно дышало такою нѣжною привязанностью, такимъ спокойствіемъ, такою безграничною вѣрой въ меня!... „Откуда же эта недавняя тревога“, говорила я себѣ, растроганная и умиленная, „откуда это душевное смущеніе, налетѣвшее на меня какъ грозовая туча и предъ которымъ я, къ стыду моему, осталась безоружною и безотвѣтною? Что̀ общаго между мной и тою выдуманною личностью, чувствамъ которой, сегодня ночью, я думала найти, я искала откликъ въ собственномъ сердцѣ? Пусть дерзкій молодой человѣкъ, приславшій мнѣ эту книгу, олицетворяетъ себя въ ея героѣ, пусть поручаетъ ему высказать мнѣ то, что̀ не считаетъ удобнымъ выговорить самъ: онъ не понимаетъ, что такой поступокъ—оскорбленіе для меня, онъ не понимаетъ, потому что онъ ослѣпленъ своими мятежными убѣжденіями, своимъ страшнымъ самолюбіемъ, можетъ-быть, и авторитетомъ книгъ подобныхъ этой. Но я, могла-ли я,

хоть на одну минуту, забыть, что для меня радужнымъ вѣнцомъ,—я употребляю его же выраженія,—сложилось все, что дастъ прелесть и цѣну жизни! Любимая отцомъ, не скованная ничьимъ произволомъ, я свободно отдала сердце лучшему, благороднѣйшему изъ людей, человѣку, для котораго я дороже всего на свѣтѣ и съ которымъ я никого не сравню! Достичь моей любви другому,—да развѣ это возможно? Осмѣлиться надѣяться на это, нѣтъ,—это даже не оскорбленіе, это безуміе!... И я безумна была сегодня ночью!" досказала я себѣ... Нервная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу. Мнѣ вспомнилось, какъ въ дѣтствѣ, предъ сномъ, старая няня моя, осѣняя меня крестомъ, повторяла каждый разъ: „отъ лукаваго навожденія спаси тебя, Господи!" И,—какъ въ тѣ годы,—я набожно перекрестилась...

„Сарра не возвращалась ко мнѣ съ утра; она пошла гулять и поручила Катѣ звать меня въ садъ, какъ только окончу свой туалетъ. Катя, слегка передразнивая ее, сообщила мнѣ, что старушка пыталась нѣсколько разъ будить меня, но что ей каждый разъ жаль меня становилось, и она съ ворчаньемъ отходила отъ моей постели, наконецъ и совсѣмъ ушла, приказавъ мнѣ сказать, что воздухъ и движеніе необходимы послѣ такого нелѣпаго сна.

„Я послушалась ея совѣта, поспѣшила одѣться и отправилась въ садъ. Я долго гуляла одна по извилистымъ аллеямъ. Воздухъ и движеніе дѣйствительно разсѣяли и послѣдніе слѣды моего утомленія. Бодро и весело поднялась я на террасу, гдѣ разсчитывала найти Сарру, съ которою не встрѣтилась въ саду.

„— For shame, lazy Надя! не преминула воскликнуть она на этотъ разъ, едва увидала меня.—Скажите ей, пожалуйста, что стыдно вести такую неправильную жизнь: она только что встала, обратилась Сарра къ Карлу Ивановичу, сидѣвшему подлѣ нея.

„— О, это совсѣмъ нехорошо! сказалъ Карлъ Ивановичъ, поднимая на меня свои кроткіе голубые глаза. — Ваши крылатыя сестры встаютъ постоянно съ зарей, улыбаясь промолвилъ онъ, на родномъ своемъ языкѣ, указывая мнѣ на какую-

то птичку, которая, испуганная моимъ появленіемъ, взвилась съ перилъ балкона и съ коротенькою, порывистою пѣсней перелетѣла на ближнее дерево.

„— Вы всегда исполнены поэзіи, милый докторъ, но то, что̀ вы сейчасъ сказали, никуда не годится: я слишкомъ холодна и положительна, чтобы походить на птицу, смѣясь отвѣчала я.

„— Ну, это бабушка два раза говорила (онъ хотѣлъ сказать „на-двое“, бѣдный,), возразилъ по-русски Карлъ Ивановичъ, покачивая недовѣрчиво головой и стараясь придать самое коварное выраженіе своему добродушному голосу.

„Кто-то за мной громко и нервно расхохотался. Я обернулась: Кирилинъ стоялъ тутъ и пронзительно глядѣлъ на меня. Я почему-то никакъ не думала встрѣтиться съ нимъ такъ скоро, и во мнѣ тотчасъ же заговорило неодолимое желаніе сдѣлать ему какую-нибудь непріятность.

„— Вы, извѣстно, злой насмѣшникъ, милый докторъ, сказала я озадаченному этимъ смѣхомъ и оробѣвшему вдругъ Карлу Ивановичу, — но, признаюсь вамъ, на сегодняшній день вы не ошиблись: сегодня нѣтъ птицы счастливѣе меня. Видите?

„Я вынула изъ кармана ваше письмо, Владиміръ, провела имъ нѣсколько разъ предъ очками Карла Ивановича и снова бережно, не спѣша, упрятала его.

„— О, я знаю отъ кого! радостно воскликнулъ докторъ.

„— Не знаете! дразнила я его.

„— Знаю и сейчасъ скажу, отвѣчалъ онъ, дразня меня въ свою очередь. — Могу сказать? все также коварно подмигивая мнѣ, спросилъ онъ.

„— Можете, можете!

„— Отъ Вла-ди-міръ А-ле-ксандровичъ господинъ Кемскій. Нна! протяжно и торжественно проговорилъ Карлъ Ивановичъ и даже ножкой подшаркнулъ.

„— О, very indeed, Надя? также радостно воскликнула Сарра,—вы получили письмо отъ mister Woldemar?

„— А вы думали отъ кого же? Отъ него, missy! Онъ живъ и здоровъ и шлетъ сердечный поклонъ свой вамъ, Сарра.

вамъ, докторъ, всему дому; мы получимъ отъ него скоро другое письмо изъ Мальты. Онъ все тотъ же—дорогой, милый Владиміръ! отвѣчала я, невыразимо довольная этимъ общимъ выраженіемъ любви къ вамъ, другъ мой, не менѣе довольная и тѣмъ, что слова мои кололи Кирилина какъ булавки; это не трудно было замѣтить по его внезапно посинѣвшимъ губамъ, по судорожному движенію плеча, съ какимъ онъ опустился на скамейку. Съ притворнымъ равнодушіемъ принялся онъ болтать ногой, устремивъ вдаль прищуренные глаза. „Знай же, знай это, дерзкій человѣкъ!“ думала я, не глядя на него и все видя между тѣмъ....

„А старики мои, ничего не замѣчая, какъ бы нарочно, то одна, то другой, обращались къ нему съ восторженными похвалами mister Woldemar'y, съ безконечными разсказами о подвигахъ и добродѣтеляхъ „милый господинъ Кемскій“.

„— О, говорилъ Карлъ Ивановичъ, предлагая даже, въ волненіи чувствъ своихъ, табатерку воображаемому собесѣднику;—вы его не знаете, господинъ Кирилинъ, но когда онъ опять вернется къ намъ, вы будете любить его „какъ родной братъ“, я это хорошо знаю, потому онъ „золотой шаловѣкъ есть. Владиміръ Иваничъ: онъ все имѣйтъ, чтобъ заслужить любовь!“

„Кирилинъ не выдержалъ.

„— Конечно, пропустилъ онъ, закусывая губу и постукивая кулакомъ по перилямъ,—онъ далъ себѣ трудъ родиться!...

„— Да, да, подтвердилъ добрый Нѣмецъ, не понимая.

„— О, what is that? спросила Сарра, понимая еще менѣе.

„— Прочтите *Свадьбу Фигаро*, отвѣчалъ ей Кирилинъ, засмѣявшись своимъ злымъ, обрывистымъ смѣхомъ.

„— Это значитъ, missy, какъ можно спокойнѣе объяснила я,—что всѣ тѣ, кто знаетъ Вольдемара, могутъ благодарить Бога за то, что онъ родился на свѣтъ.

„— Justly, сказала Сарра и протянула мнѣ длинную полосу канвы, по которой она спѣшила докончить узоръ въ виду недалекихъ именинъ батюшки.

„Мы занялись шитьемъ. Всѣ смолкли. Только Карлъ Ивановичъ отъ времени до времени вопросительно переводилъ

свои большіе глаза съ Кирилина на меня и обратно, видимо стараясь добраться до настоящаго смысла словъ, одобренныхъ имъ, но которыя теперь начинали казаться ему подозрительными.

„Такъ прошло нѣсколько минутъ.

„— А любопытно, докторъ, началъ первый Кирилинъ, оборачиваясь къ Карлу Ивановичу,—онъ уткнулъ локти въ колѣна и подперъ обѣми руками свое блѣдное лицо, причемъ только глаза его виднѣлись какъ двѣ сверкающія прорѣхи изъ-за чернаго завѣса волосъ, покрывшихъ съ обѣихъ сторонъ и лицо его, и руки,—любопытно было бы, въ психологическомъ отношеніи, опредѣлить: насколько нравственное значеніе человѣка, тò его, чтò Французы называютъ valeur intrinsèque, находится въ зависимости отъ его внѣшней, матеріальной обстановки?

„Карлъ Ивановичъ растерянными глазами взглянулъ на говорившаго: несчастный, онъ не успѣлъ еще справиться съ одною задачей, а ему предлагаютъ уже другую, гораздо болѣе запутанную...

„Но Кирилинъ продолжалъ, какъ бы не замѣчая этого (да и какое было ему дѣло, понималъ-ли его Карлъ Ивановичъ, или нѣтъ,—не для Карла Ивановича говорилъ онъ):

„— Поставьте, напримѣръ, рядомъ, двѣ личности, совершенно одинаково, положимъ, образованныя, одаренныя равно способностями, энергіей, желаніемъ блага и такъ далѣе. Одна лишь между ними разница: одинъ изъ этихъ двухъ смертныхъ взросъ въ богатомъ старомъ домѣ, подъ историческимъ гербомъ, другой человѣкъ безъ имени, нѣчто въ моемъ родѣ, добавилъ Кирилинъ съ такимъ усиліемъ, какъ еслибы произносимыя имъ слова жгли его языкъ. Вотъ-съ, теперь и не угодно-ли прослѣдить въ судьбѣ каждаго изъ нихъ, какъ выразятся и на чтò послужатъ тѣ нравственныя данныя, которыми они владѣютъ оба въ равной степени.

„Онъ остановился, будто ожидая отвѣта. Но никто не отвѣчалъ; только Карлъ Ивановичъ промычалъ что-то совершенно непонятное. Я не отрывала глазъ отъ шитья.

„— Для одного, заговорилъ опять Кирилинъ. — жизнь —

устланная скатертью дорожка. Едва ступилъ онъ на нее,—и уже всѣ, не споря, признаютъ его способности, и онъ безъ исканія, безъ труда, безъ униженій тотчасъ же находитъ приложеніе имъ. Предъ честолюбіемъ его уступаетъ каждый,—кто станетъ гоняться за сильнымъ и богатымъ! Хочетъ онъ приносить пользу,—ту жиденькую, тѣсную пользу, не могъ не ввернуть Кирилинъ,—которая возможна при нынѣшнихъ условіяхъ общества,—и свои, и всякія другія средства у него въ рукахъ. Для такого человѣка нѣтъ въ жизни борьбы съ другими людьми, не можетъ, слѣдовательно, возникнуть въ немъ и ненависти къ этой жизни, къ этимъ людямъ! Умъ его не тупѣетъ въ безплодномъ протестѣ, въ сердцѣ нѣтъ ожесточенія. Онъ можетъ оставаться Шиллеровскимъ юношей до сѣдыхъ волосъ, до конца дней сохранить полное благодушіе къ людямъ, вѣрить въ нихъ и ждать отъ нихъ любви. И онъ правъ: онъ избранникъ, онъ владыка сердецъ, и они влекутся къ нему неудержимо и пламенѣютъ благодарностью за то только, что онъ позволяетъ себя любить!

„— Да, да, это правда, добродушно поддакнулъ докторъ.

„— А! вы говорите—правда! Вы сознаете это! воскликнулъ горячо Кирилинъ, вскакивая на ноги и откидывая назадъ волосы нетерпѣливою рукой.—Такъ не отводите же глазъ и отъ другаго, отъ того, кому судьба не мать, а мачиха, кто родился съ тѣми же правами на успѣхъ, на счастіе, и кому съ нахальнымъ смѣхомъ отказываетъ въ этомъ теперешнее общество! Образованный, но бѣдный и незнатный человѣкъ,—знаете-ли вы въ наши дни положеніе хуже этого? Все, чѣмъ онъ одаренъ отъ природы, что пріобрѣлъ воспитаніемъ, все это обращается ему въ страданіе, въ невыносимое бремя, все это служитъ презрѣннымъ людямъ поводомъ глумиться надъ нимъ, угнетать, топтать его! Куда ни ткнись, ему нигдѣ нѣтъ хода; чѣмъ способнѣе онъ, тѣмъ не менѣе дозволятъ ему приносить пользу, чѣмъ выше онъ окружающей среды, тѣмъ ненавистнѣе онъ ей!... И когда онъ, разбитый, подавленный сознаніемъ своего безсилія и одиночества, проситъ себѣ не любви,—гдѣ ему, жалкому ничтожеству, смѣть о любви думать!—но немножко снисхожденія и сочувствія, ему

это вмѣняется въ неслыханное, чуть не въ преступное притязаніе. Какъ смѣешь ты, червякъ ничтожный, поднимать голову къ звѣздамъ! И лучшая душа среди всей этой мертвечины не посмѣетъ заглянуть въ измученную душу этого червяка и согрѣть ее своимъ участіемъ!...

„Взволнованнымъ, почти рыдающимъ голосомъ говорилъ онъ. Этотъ голосъ проникалъ мнѣ въ душу, помимо моей воли. „Измученный, одинокій"... болѣзненно отзывались во мнѣ его слова... „Боже мой, говорила я себѣ, что же могу я для него сдѣлать!..."

„Я подняла голову: онъ опустился опять на скамейку и тяжело дышалъ, глядя вдаль, и слегка дрожавшими руками связывалъ распустившіеся концы платка на шеѣ...

„Карлъ Ивановичъ окончательно растерялся. Его вѣки покраснѣли и заморгали, и съ какимъ-то отеческимъ чувствомъ взглянулъ онъ на Кирилина.

„— О, господинъ Кирилинъ, заговорилъ онъ растроганно и нѣжно,—зачѣмъ вы такъ думаете? Повѣрьте мнѣ, господинъ Кирилинъ, я всегда готовъ любить... и пожалѣть васъ... И миссъ Мэкдефъ тоже, и Надежда Павловна, всѣ готовы, поспѣшилъ онъ прибавить, умоляя насъ взглядомъ поддержать его.

„— O certainly, пробормотала недоумѣвающая Сарра.

„Кирилинъ быстро обернулся и пытливо взглянулъ мнѣ въ лицо; но выраженіе его, вѣроятно, не соотвѣтствовало его тайному желанію.

„—Благодарю васъ, отрывисто промолвилъ онъ,—но я не о себѣ говорилъ, а вообще о людяхъ, которымъ нѣтъ мѣста при настоящихъ порядкахъ. Жалѣть меня покуда нѣтъ причины; мнѣ еще, пожалуй, могутъ позавидовать многіе, сказалъ онъ, гордо поднимая голову. Но не гордостью звучалъ его голосъ...

„— Да, да, радостно заговорилъ докторъ,—я знаю, мнѣ говорилъ вчера г. Грайворонскій, вы поступаете къ нему на большое жалованье.

„— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнула я. „Его не будетъ здѣсь!" пронеслось у меня въ мысли...

„— Вы этому рады? спросилъ онъ, вскинувъ на меня глаза, полные упрека.

„— Конечно. Вы можете сдѣлаться великимъ композиторомъ, прославить ваше имя...

„— Какъ Глинка, съ горечью возразилъ онъ,—котораго такъ умѣли оцѣнить въ Россіи? Незавидная перспектива!

„Я страстно любила музыку Глинки, но умѣли или не умѣли оцѣнить ее вообще въ Россіи, я не знала и не могла съ нимъ спорить...

„— Русскій артистъ, русскій композиторъ, говорилъ между тѣмъ Кирилинъ съ новымъ злобнымъ смѣхомъ,—вѣдь это у насъ ничего болѣе, какъ une bête curieuse, Надежда Павловна! Или вы не знали этого, не знали, что правъ гражданства не заслужило до сихъ поръ искусство въ Россіи, и что ничтожнѣйшій гвардейскій прапорщикъ пользуется у насъ бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ самый геніальный художникъ? Тѣшить на минуту праздное любопытство тунеядной толпы, наравнѣ съ ученымъ снигиремъ или зайцемъ, играющимъ на барабанѣ, и внушать къ себѣ уваженіе настолько же, насколько и они,—вотъ судьба русскаго артиста въ любезномъ отечествѣ!

„— Извините меня, monsieur Кирилинъ, прервала я его,— но я не вѣрю вамъ: это было бы ужасно!

„— Не вѣрите? сказалъ онъ, а между тѣмъ... Онъ остановился, но не трудно было понять, что въ его мнѣніи я сама принадлежу къ числу тѣхъ, для которыхъ геніальный русскій артистъ и заяцъ, играющій на барабанѣ, одно и то же.

„— Вы не вѣрите, Надежда Павловна, началъ онъ опять,— а повѣрите-ли вы мнѣ, что нѣтъ оскорбленій, которыхъ бы я не испыталъ въ этомъ несчастномъ качествѣ русскаго артиста? И гадко, и смѣшно вспомнить! Петербургскіе мои меценаты не подавали мнѣ руки, не узнавали меня на улицѣ, а у себя заставляли по цѣлымъ вечерамъ играть кадрили на потѣху своимъ золотушнымъ дѣтямъ и, не стѣсняясь, громко отвѣчали на вопросъ обо мнѣ какого-нибудь гостя изъ почетныхъ: „c'est un protégé à nous, un petit homme qui „ne joue pas mal du violon...“ Московскіе купцы обивали мнѣ

плечи своими подобными гирямъ пятернями и почитали себя въ правѣ съ первыхъ словъ называть меня *ты* и приглашать на *бутылочку шипучки*. И я пилъ съ ними шипучку, Надежда Павловна, потому что мнѣ было девяднатцать лѣтъ, и весь я кипѣлъ звуками, и нужно мнѣ было перелить ихъ въ чью-нибудь душу, а въ пьяныхъ восторгахъ этихъ грубыхъ слушателей все-таки было болѣе дѣйствительнаго сочувствія и ко мнѣ, и къ музыкѣ, чѣмъ въ казенномъ одобреніи вашихъ вылинявшихъ, бездушныхъ свѣтскихъ куколъ, которыя, прикрывъ зѣвоту вѣеромъ и лепеча сквозь зубы свое гнусное „charmant", внимали мнѣ съ тѣмъ же наглымъ равнодушіемъ, съ тѣмъ же высокомѣрномъ-холоднымъ взглядомъ, съ какимъ глядѣли бы онѣ на уличнаго шарманщика!...

„Долго еще говорилъ Кирилинъ. Преувеличены и рѣзки были его рѣчи, но каждое его слово западало мнѣ въ память. И многое становилось мнѣ понятнымъ въ этомъ сложномъ, странномъ характерѣ, многое уже начинала я извинять ему за его непризнанныя стремленія, за безысходную тоску его ожесточенной души, за то горячее негодованіе, съ которымъ возставалъ онъ противъ бездушія людскаго, противъ незаслуженныхъ оскорбленій. Карлъ Ивановичъ правъ: онъ дѣйствительно „несчастный молодой человѣкъ", думала я, и съ этимъ убѣжденіемъ мнѣ суждено было не разставаться болѣе...

„Тѣмъ временемъ общество наше разбрелось. Сарра отправилась къ себѣ за какимъ-то недостающимъ ей моткомъ шерсти. Карлъ Ивановичъ взглянулъ на часы и, объявивъ, что ему давно пора въ больницу, поспѣшилъ вслѣдъ за нею.

„Мы остались одни съ Кирилинымъ.

„Безпокойство овладѣло мной; я безотчетно поднялась съ мѣста.

„— Надежда Павловна, пять минутъ, не болѣе, умоляю васъ! прошепталъ онъ дрожащимъ голосомъ.

„Также безотчетно повиновалась я ему...

„— Вы счастливы сегодня, Надежда Павловна, началъ онъ.—вы такъ радовались письму вашего суженаго...

„— Человѣка, который меня всей душой любитъ! живо сказала я, отвѣчая намеку, который, казалось мнѣ, заключался въ его словахъ, и чуть не примолвила:—это не суженый героини той книги...

„— Любитъ?—Глаза Кирилина засверкали. — Любитъ и уѣхалъ отсюда?

И онъ злобно засмѣялся.

„— Онъ не могъ, сказала я,—его долгъ...

„— Не могъ! Долгъ его! повторилъ, прерывая меня, Кирилинъ.—Да позвольте васъ спросить, что̀ такое долгъ? Эластическая рамка, растяжимая до безконечности или доводимая до ничтожества, по прихоти каждаго, пышное слово безъ опредѣленнаго содержанія, смыслъ котораго съ сотворенія міра и до нашихъ временъ измѣнялся милліоны разъ и каждою единицей изъ числа милліоновъ, населяющихъ вселенную, толкуется разно! И изъ-за этого слова, изъ-за этого призрачнаго понятія человѣкъ, который васъ любитъ, говорите вы, рѣшается разстаться съ вами, покидаетъ то, что̀ должно быть ему дороже всего на свѣтѣ!... Нѣтъ-съ, такъ не любятъ!

„— Онъ хотѣлъ остаться, извиняла я васъ опять,—это батюшка...

„Искуситель не далъ мнѣ кончить.

„— Вы изрекаете ему послѣдній приговоръ, Надежда Павловна! Отецъ вашъ заставилъ его, онъ подчинился, у него не хватило стойкости воспротивиться деспотической волѣ вашего отца! И это у васъ любовью называется? О, на его мѣстѣ, воскликнулъ Кирилинъ,—и ничьи еще человѣческіе глаза не говорили мнѣ того, что̀ прочла я въ эту минуту въ его глазахъ,—какая же власть могла бы заставить меня разстаться съ вами на одинъ часъ, на одно мгновеніе!

„Владиміръ, другъ мой, я не возражала, я не находила уже словъ, я уже не видѣла сквозь сумрачный флёръ, который этотъ человѣкъ успѣлъ накинуть на меня. „Такъ не любятъ,“ тоскливо звучало въ моихъ ушахъ.

„— Довольно, оставимъ этотъ разговоръ, могла я только выговорить.

„Но онъ не щадилъ меня, онъ жестоко пользовался торжествомъ своимъ.

„—Нѣтъ, говорилъ онъ,—чувство его къ вамъ — эпизодъ въ его жизни, это не вся его жизнь! Онъ подчиняется вашему обаянію—еще бы! Когда вы сходите по ступенямъ этого балкона, безжизненный камень, и тотъ, я увѣренъ, проникается счастіемъ подъ вашимъ прикосновеніемъ, но это чувство не поглощаетъ его всецѣло, коли дозволяетъ онъ править имъ холодному, произвольному умствованію или чужому вліянію. Того-ли въ правѣ вы ожидать? И такъ-ли вы любимы, Надежда Павловна! воскликнулъ онъ, закрывая лицо руками.

„Я слушала его, оцѣпенѣлая и холодная...

„— О, еслибы страсть властна была вызывать страсть, говорилъ онъ,—еслибы въ дѣлѣ чувства существовала справедливость, вы бы не глядѣли съ такимъ презрительнымъ сожалѣніемъ на этого пролетарія, изнывающаго у вашихъ ногъ, котораго вы можете сейчасъ же велѣть вышвырнуть вонъ черезъ вашихъ холопей, но который умретъ завтра по первому знаку вашей руки...

„— Но, Бога ради, чего вы хотите отъ меня? спросила я его почти съ отчаяніемъ: мнѣ было невыносимо тяжело.

„— Чего я хочу?—Онъ какъ бы очнулся.—Знаю-ли я это самъ! Я знаю лишь то, что жить я могу только въ вашемъ присутствіи, что вдали отъ васъ я съ ума сойду или пущу себѣ пулю въ лобъ, а я завтра переѣзжаю къ Грайворонскому. Это рѣшилось вчера вечеромъ... Я понялъ, что мнѣ ничего другаго не остается дѣлать, тихо и протяжно примолвилъ онъ.

„— И хорошо сдѣлали, проговорила я съ усиліемъ и стараясь улыбнуться,—Новоселки не далеко, вы можете пріѣзжать сюда когда хотите, а между тѣмъ мало-по-малу станете отвыкать отъ насъ.

„— Отвыкать! воскликнулъ онъ съ новымъ порывомъ.— Вы сами не знаете, Надежда Павловна, какою роковою силой владѣете вы!... Есть сказаніе, продолжалъ онъ тише:— въ древней Элладѣ, въ глубинѣ заповѣдныхъ лѣсовъ, сокрыты были отъ взоровъ смертныхъ таинственныя и грозныя богини.

Кто дерзалъ проникнуть подъ ихъ священныя сѣни и взглянуть въ дивное лицо ихъ, тому уже не суждено было жить; онъ долженъ былъ изнемогать и гаснуть и до могилы томиться тѣмъ чуднымъ и гибельнымъ видѣніемъ. Томиться и изнемогать, безнадежно, до могилы, и блаженствовать въ то же время, и каторжную свою муку не желать промѣнять на царскій вѣнецъ, на всѣ сокровища земныя,—вотъ что суждено тому, на комъ хоть разъ остановились ваши загадочные, неотразимые глаза!

„— Андрей Харламовичъ, прошу васъ, оставимъ это, говорила я чрезъ силу.

„— Вы меня не хотите даже выслушать, упрекалъ меня онъ.—А въ дѣтствѣ, помните, кому повѣрялъ я свои печали, чей дѣтски-ласковый голосъ удерживалъ меня отъ опасныхъ проказъ? Вы забыли, да и знали-ли вы когда-нибудь, чѣмъ и тогда вы были для меня? Рано заговорила во мнѣ моя цыганская кровь, рано началъ я протестовать и возмущаться, и тяжела была для меня воля другихъ. А я смирялся между тѣмъ, и молчалъ, и оставался чистъ, потому что, иначе, я зналъ, мнѣ бы не остаться здѣсь, а я и тогда не понималъ, какъ можно жить и не видѣть васъ! Когда Васи не стало, я рыдалъ безумно, но не по немъ я плакалъ,—Вася былъ баричъ, и я прощалъ ему это лишь потому, что онъ походилъ на васъ лицомъ,—нѣтъ, я плакалъ, потому что зналъ, что съ его смертью я долженъ буду покинуть этотъ домъ, а для меня домъ этотъ—это были вы и никто болѣе! И когда дѣйствительно повезли меня въ Москву, я ничего не хотѣлъ брать съ собой отсюда.... вы помните, Павелъ Васильевичъ отдалъ мнѣ тогда всѣ вещи, принадлежавшія Васѣ: я все оставилъ моей матери, а у нея утащилъ карандашомъ писанный портретъ, снятый съ васъ, когда вамъ пошелъ тринадцатый годъ. Онъ до сихъ поръ у меня, онъ меня никогда не покидалъ, и предъ ликомъ этой тринадцатилѣтней дѣвочки не разъ въ моей безпутной жизни, въ минуты тоски и раскаянія, я плакалъ такими слезами.... Не со вчерашняго дня дороги вы для меня, Надежда Павловна!

„Я уже не прерывала его.

„— Кто болѣе меня, говорилъ онъ, блѣдный отъ волненія,—имѣетъ право любить васъ? У меня нѣтъ будущаго, нѣтъ имени, нѣтъ званія, мнѣ суждено весь вѣкъ мой зависѣть отъ каприза меценатовъ-невѣждъ, въ родѣ вашего „пустынника“, или пропадать гдѣ-нибудь въ провинціальномъ оркестрѣ, да спиться съ горя, какъ подобаетъ всякому талантливому человѣку въ Россіи! Ни одного свѣтлаго луча въ этой темной жизни, ничего у меня нѣтъ, ни впереди, ни нынче, кромѣ этой безумной, неизсякаемой любви моей къ вамъ, подругѣ и божеству моего дѣтства! Отнять ее у меня, это значитъ вырвать у нищаго послѣдній кусокъ хлѣба изъ горла! Говорите, станетъ-ли у васъ на это духа?

„— Эта любовь не можетъ принести вамъ счастія, отвѣчала я, и самыя убѣжденія ваши...

„— Мои убѣжденія! Вы ихъ поставили вверхъ дномъ, Надежда Павловна! прервалъ онъ меня, съ какимъ-то отчаяннымъ движеніемъ руки.—Предъ вами я ничего не помню, подъ вашимъ обаяніемъ ваши кумиры становятся моими кумирами! Я признаю,—и глаза его словно окутали меня всю безпредѣльною страстью,—я долженъ признать, что эти безукоризненныя линіи, эти дивныя руки и этотъ гордый поворотъ шеи и величавую прелесть всѣхъ вашихъ движеній, все это не въ состояніи создать сразу грубая природа, что для этого надо было напередъ пройти цѣлымъ поколѣніямъ предковъ, незнакомыхъ съ нуждой, воспитанныхъ на то, чтобы властно жить и мыслить. Я признаю, что вы рождены владычицей, и что какъ владычица должны вы быть обставлены, хотя бы тысячи людей должны были для этого умирать съ голоду!... И самъ бы я, самъ, собственною рукой, подписалъ подобный приговоръ! Вотъ до какой низости я дошелъ, Надежда Павловна! домолвилъ Кирилинъ и усмѣхнулся короткою и печальною усмѣшкой.

„Я подняла на него глаза и усмѣхнулась тоже...

„Онъ рванулся съ мѣста, схватилъ мою руку и, жадно прижавшись къ ней губами, пролепеталъ чуть слышно:

„— О, вы никогда не поймете, какъ я люблю васъ!

„Я вырвала у него руку, оттолкнула его, поспѣшно встала...

„Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ стоялъ отецъ мой.

„Онъ былъ страшенъ какъ привидѣніе, показалось мнѣ, и грозенъ былъ для меня его взглядъ подъ сплошною тѣнью сдвинувшихся бровей, но голосъ его звучалъ все такъ же ровно и спокойно, когда, обратившись ко мнѣ:

„— А миссъ Мэкдефъ гдѣ? спросилъ онъ.

„— Она только-что ушла, сейчасъ придетъ назадъ.

„Какого страшнаго усилія стоили мнѣ эти нѣсколько словъ, про то одинъ Богъ знаетъ!

„Батюшка прошелся нѣсколько разъ по террассѣ и вдругъ остановился передъ Кирилинымъ.

„— Къ Грайворонскому? когда? коротко отрѣзалъ онъ.

„— Завтра утромъ, отвѣчалъ еще взволнованнымъ голосомъ Кирилинъ.

„— Предъ отъѣздомъ зайдешь ко мнѣ.

„Сарра въ это время показалась на ступеняхъ лѣстницы; она держала въ рукѣ связку шерсти и умильно улыбалась еще издали батюшкѣ.

„— Вы будете обѣдать сегодня *одни* съ Надеждой Павловной, сказалъ онъ ей:—я ѣду сейчасъ въ Лаврентьевское: у меня тамъ сгорѣлъ амбаръ съ хлѣбомъ.

„Онъ повернулся и ушелъ, не взглянувъ ни на кого изъ насъ.

„— О, Good Lord!—и Сарра всплеснула руками.—Что̀ это сдѣлалось съ генераломъ? Какое у него страшное лицо сегодня! У него вѣрно сгорѣло хлѣба на очень большую сумму, это его такъ и разстроило!

„Бѣдная missy! какъ она хорошо знала отца моего!

„Я оглянулась. Кирилина уже не было....“

„Батюшка вернулся въ тотъ же вечеръ и на другой день передъ обѣдомъ уѣхалъ опять. Я съ нимъ не видалась: онъ не заходилъ ко мнѣ, я чувствовала себя слишкомъ слабою сойти внизъ. Я не спала, не ѣла, ни о чемъ не спрашивала; я весь день сидѣла, неподвижная, въ длинномъ креслѣ, у окна и глядѣла вверхъ на проходящія тучи. Сарра безпокои-

лась, закидывала меня вопросами. Но какой отвѣтъ могла я ей дать? Я сама не понимала, что̀ со мной происходитъ....

„На третій день вечеромъ я только-что успѣла уговорить Сарру идти къ себѣ спать и, оставшись одна, готовилась начать письмо къ вамъ, Владиміръ,—эта мысль, написать вамъ, мучила меня все это время,—какъ дверь моей спальни отворилась, и вошла Настасья Савельевна.

„— Павелъ Васильевичъ вернулись сейчасъ и приказали навѣдаться о вашемъ здоровьѣ, барышня, сказала она мнѣ.

„Я на нее взглянула. Глаза ея опухли, и всегда румяное лицо ея было блѣдно, какъ бы послѣ болѣзни.

„— Что̀ съ вами, Настасья Савельевна?

„— А что̀-съ?

„— Да вы на себя не похожи.

„— Ничего-съ, пройдетъ, тихо проговорила она и поднесла руку къ глазамъ, которые вдругъ наполнились слезами.

„У меня сердце забилось, забилось....

„— Нѣтъ, вы должны мнѣ сказать, Настасья Савельевна, я прошу васъ, умоляю, скажите, я должна знать!...

„— На что̀ вамъ знать, барышня, на что̀! тоскливо возражала она.

„— Я хочу, мнѣ надо... Я знаю, о чемъ вы плачете! воскликнула я.—Что̀ тамъ было? Говорите!...

„Она со страхомъ и недоумѣніемъ подняла на меня свои заплаканные глаза.

„— Почемъ вы знаете, барышня?

„— Вы бы не плакали, Настасья Савельевна, еслибы.... Сынъ вашъ уѣхалъ?

„— Уѣхалъ.... въ Новоселкахъ теперь жить будетъ....

„— Онъ видѣлся съ батюшкой?

„— Видѣлся, едва могла выговорить она, и опустилась въ кресло.

„— Вотъ вамъ стаканъ воды, вотъ fleur d'orange, выпейте. Успокойтесь, милая, и разсказывайте все, все, говорила я, сама чуть держась на ногахъ.

„Она выпила, утерла слезы.

„— Лучше бы ему совсѣмъ на свѣтъ не родиться, чѣмъ

мнѣ черезъ него такую мýку терпѣть! примолвила она, тяжело вздыхая.

„— Мýку? Чтò онъ сдѣлалъ?

„— Вы знаете, Надежда Павловна, отвѣчала она, опуская голову, точно сама была въ чемъ-нибудь виновата. — Вѣдь вздумалъ онъ, безумный, влюбиться въ васъ!

„Я въ свою очередь опустила голову, смущенная, не находя слова въ отвѣтъ....

„— И въ кого онъ это родился, бездушный онъ человѣкъ? продолжала жаловаться Настасья Савельевна. — Отецъ его, Харламъ Ивановичъ, мой покойный, такъ тотъ далъ бы себя, кажись, по суставчикамъ изрубить за генерала, за благодѣтеля своего. А сынокъ-то нашъ любезный, да посмѣлъ ему этакія слова говорить!... Вѣдь для настоящаго господина, какъ Павелъ Васильевичъ Чемисаровъ, почти шепотомъ говорила уже Настасья Савельевна,—нельзя, кажется, выдумать пуще обиды, Надежда Павловна; простая я женщина, а понимаю...

„— Не мучьте меня, прервала я ее. — Разсказывайте скорѣе, чтò происходило тамъ?

„— Барышня вы моя, дорогая, извольте, разскажу. Только ради самого Христа Спасителя, простите вы ему, безумному, да поклянитесь вы мнѣ на крестѣ на своемъ, памятью голубушки матушки вашей покойницы, что разказъ-отъ мой въ этихъ стѣнахъ и умретъ, что никому вы, ни Саррѣ Ѳедоровнѣ, никому....

„— Вотъ вамъ мой крестъ, Настасья Савельевна! я сняла его и поцѣловала.—А теперь говорите скорѣе!

„Но осторожная Настасья Савельевна отправилась сначала заглянуть въ гостиную и, увѣрившись, что тамъ никого нѣтъ, тихо потянула за собой дверь спальни, беззвучно притворила ее и задвинула задвижку; потомъ усадила меня на кровать, придвинула къ ней стулъ и, усѣвшись сама, заговорила:

„— Прихожу я вчера утромъ, барышня, къ генералу со счетами... Онъ, знаете, обыкновенно, проглядитъ счеты, подпишетъ, да и отправитъ меня въ контору. А тутъ онъ, вижу, отложилъ книжку мою въ сторону, куритъ и глядитъ на меня. „Сынъ вашъ“, говоритъ, „сегодня уѣзжаетъ?“ — „Сей-

„часъ уѣзжаетъ“, говорю; „и экипажъ, и подвода за вещами „присланы изъ Новоселокъ“. Генералъ поглядѣлъ на меня опять. „Надѣюсь,“ говоритъ, „что онъ сюда не вернется.“ Мнѣ, знаете, сначала и не-въ-домекъ. „Да-съ,“ говорю, „онъ „нанялся у господина Грайворонскаго, по контракту.“ А батюшка вашъ, вижу, за ухо начинаетъ себя дергать. Плохо, думаю, и замолчала. „Не-зачѣмъ ему пріѣзжать сюда,“ говоритъ онъ. „Захотите повидаться, можете къ нему во вся„кое время въ Новоселки съѣздить. Поняли?“ У меня ноги такъ и подкосились. Чѣмъ это провинился сынъ мой? хочу спросить, и не посмѣла. Сами знаете, съ батюшкой съ вашимъ не разговоришься иной разъ. Всталъ онъ, прошелся по комнатѣ и приказываетъ мнѣ послать къ нему сейчасъ Андрея. Вышла я ни жива, ни мертва; прихожу къ Андрюшѣ; вижу, уносятъ его кое-какія вещи, а самъ онъ сидитъ на чемоданѣ посередь горницы, лицо руками закрылъ, не слышитъ, что я пришла. Жаль мнѣ такъ его стало, скажу вамъ, Надежда Павловна! Вижу, очень тяжело ему уѣзжать. „Андрюша,“ говорю, „ступай, генералъ тебя требуетъ.“ Онъ какъ вскинется вдругъ: „Что я ему холопъ что-ли? Какое онъ имѣетъ право меня требовать?“ Однако ничего, вскочилъ и пошелъ. Я за нимъ,—тревога меня, знаете, разбираетъ, какъ бы онъ хуже еще, не дай Богъ, не осердилъ генерала. Приходимъ; вошелъ онъ въ кабинетъ, а я въ гардеробной осталась, сквозь стеклянную дверь все оттуда видно, да и дверь не вплоть притворена. Слышу, говоритъ ему генералъ: „Передала тебѣ мать мое приказаніе?“— „Нѣтъ, ничего она мнѣ не передавала“. — „Такъ вотъ тебѣ „мой приказъ: въ Рай-Воздвиженское не ѣздить“. — „А это „почему?“ спрашиваетъ мой-то. И такъ смѣло, знаете, прямо въ очи батюшкѣ вашему глядитъ. Мать Пресвятая Богородица! думаю, что это будетъ? Павелъ Васильевичъ смотрятъ на него; а онъ ничего, глазъ своихъ не опускаетъ. „Не понимаешь?“—„Не понимаю“, говоритъ. Не понимаю и сама я, барышня, а только вижу — бѣда! За притолку даже ухватилась, ноги не держатъ. А батюшка вашъ поближе къ нему ступилъ и глухо эдакъ, знаете: „Надеждѣ Павловнѣ“, говоритъ, „ты какія рѣчи держалъ?“ Гляжу, Андрюша мой

въ лицѣ перемѣнился, головой тряхнулъ, точно дрожью его проняло. „Говорилъ, что̀ чувствовалъ“, отвѣчаетъ, и все такъ же дерзко на Павла Васильевича уставился. Батюшка вашъ блѣдный даже весь сдѣлались. Однако попріудержалъ себя, вижу. „Такъ вотъ за это чувствованье!“ только и сказали, и показываютъ это ему рукой: уходи, молъ, прочь... А онъ нѣтъ, стоитъ, не двигается. Да вдругъ и понесъ. „Вы“, говоритъ, „меня какъ пса отсюда выгоняете! Такъ я вамъ на про„щанье скажу, что чувство свободно, что воленъ я любить „вашу дочь, и никакая, говоритъ, сила въ цѣломъ мірѣ не „можетъ заставить меня не любить ея!“ Да къ тому еще, барышня, что̀ вздумалъ прибавить? „И она“, говоритъ, „воль„на любить меня, коли заговоритъ въ ней сердце. Вы сами „постарались сдѣлать изъ меня ей равнаго“, — это онъ, безстыжій, насчетъ своего воспитанія укоряетъ генерала-то, — „за что̀, впрочемъ“, говоритъ, „я теперь не благодарить, а „проклинать бы васъ долженъ!...“ Вы что̀ про эти слова скажете, Надежда Павловна? прервала себя Настасья Савельевна, принимаясь снова плакать.

„— Что̀ же батюшка? спрашивала я, чувствуя, какъ лихорадочный жаръ подымался у меня отъ груди къ головѣ и искры прыгали въ глазахъ.

„— Молчитъ, только за ручку кресла ухватился, да ухо мнетъ себѣ до̀-синя. А Андрей-то свое, точно обрадовался, что вышелъ ему случай грубіянство свое показать. „Ваши „предки“, говоритъ, и злобно такъ смѣется, „съ царями въ „родствѣ считались, а у меня дѣдъ былъ крѣпостной чело„вѣкъ, такъ вы почитаете меня за тлю презрѣнную, что̀ можно „ногой раздавить. Но молодое, говоритъ, здоровое чувство разсуждаетъ не такъ. Оно видитъ во мнѣ человѣка....“ — „Безъ разума, безъ воли надъ собой, не человѣкъ — животное!“ огорошилъ его вдругъ Павелъ Васильевичъ. Онъ было что-то опять началъ, а батюшка вашъ подступилъ къ нему близехонько, и не то чтобы кричать на него, а то-есть самымъ тихимъ манеромъ, только такъ страшно, что я даже сѣла: не то, чувствую, свалюсь. „Довольно“, говоритъ. „Счастливъ твой Богъ, что отца ты своего сынъ! Но знай вѣрно, что если увижу

„я тебя съ моею дочерью, я тебя убью!...“ И не помню уже затѣмъ ничего, барышня, какъ ушла я, какъ домой прибѣжала. Упала я на постель свою, только дверь успѣла притворить, чтобы не слышно было никому моего рыданья... Плачу, разливаюсь, время-то, дѣло свое позабыла, удержаться не могу... Только вдругъ, слышу, дверь моя скорехонько отворилась, и Андрюша вошелъ, спрашиваетъ: „Гдѣ вы, маменька?“ Увидалъ меня. „О чемъ вы плачете?“ спрашиваетъ. „Не о чемъ больше, „какъ о тебѣ“, говорю. Онъ опять съ этою злостью своею. „Покорнѣйше васъ благодарю!“—„Я“, говорю, все, всѣ твои безумныя слова слышала. Бога ты не боишься, Андрюша!“— „А позвольте спросить“,—смѣется это онъ надъ матерью,— „за какіе грѣхи прикажете мнѣ Его бояться?“ Я не удержалась, вскочила. „Не видать тебѣ никогда счастья на свѣтѣ“, говорю ему, „за гордость твою, да за неблагодарность! Эти-„то грѣхи караетъ Богъ пуще всего. Или забылъ ты, что „генералъ тебѣ съ самаго дѣтства твоего замѣсто отца родного былъ, воспиталъ тебя, замарашку, вмѣстѣ съ собственными дѣтьми своими, на ноги тебя поставилъ, далъ „кусокъ хлѣба въ руки. Денно и нощно долженъ бы ты „Творца милосерднаго за него молить, а ты“, говорю... — „Воспиталъ замѣсто роднаго отца!“ перебиваетъ онъ меня, „а сегодня какъ собаку выгналъ отъ себя! Или вы не слы-„шали? Воспиталъ онъ меня на потѣху тщеславія своего „барскаго, чтобъ его люди за это хвалили. А правъ моего „воспитанія онъ признавать не хочетъ! Не знаете вы“, говоритъ, „этихъ аристократовъ надменныхъ! Будь я геній „первоклассный“, говоритъ, „такъ онъ и тутъ меня бы „равнымъ себѣ не почиталъ“. — „Еще бы ты выдумалъ“, отвѣчаю это я, „съ Павломъ Васильевичемъ Чемисаровымъ „себя равнять!“ Повѣрите, Надежда Павловна, онъ даже затрясся весь отъ злости. „Вы,“ говоритъ, „экономка, а не мать! „Съ вами толковать нечего!“—„Экономка,“ говорю, „да, была „экономка и буду, потому, пока я въ домѣ, генералъ можетъ „спать спокойно: копѣйка его у меня не пропадетъ. Такъ за „это ты бы уважать, а не шпынять меня долженъ. Могла бы „я, говорю, сама теперь зажить барыней: по милости гене-

„рала, и землица есть у меня, и каждый годъ отъ жалованья „своего могла откладывать,—для тебя же все берегла! А я съ „утра до ночи вверхъ да внизъ, ногъ не жалѣючи, бѣгаю по „дому какъ угорѣлая, потому не хочу, чтобы генералъ подумалъ, что могу я хоть на минуточку милости его позабыть. Поколь захочетъ, потоль и служить ему буду, не прогнѣвайся, „говорю. А ты, воспитанный человѣкъ, гдѣ у тебя душа? куда „разумъ-то ты свой дѣвалъ? И какъ это, говорю, языкъ у „тебя повернулся сказать генералу, что воленъ ты любить Надежду Павловну!"—„Что же это", заоралъ онъ на меня, „или ужь и вы не признаете за мною права испытывать человѣческія чувства, къ кому я хочу?..."—Просто, говорю вамъ, барышня, безумный какъ есть!... „Да ты только подумай, „Андрюша, что это ты говоришь, куда ты это заѣхалъ! Вѣдь „наша барышня, ты знаешь, по всей Россіи изъ первыхъ невѣстъ..." Онъ опять на меня:—„Да что вы", кричитъ, „мнѣ „этимъ глаза колете! Я къ ней сватаюсь, что-ли?..." Сбилъ меня съ толку совсѣмъ... А самъ по комнатѣ какъ бѣшеный ходитъ, лицо что у мертвеца, волосы себѣ съ головы рветъ... Какъ ножомъ это меня по сердцу рѣжетъ. И зло-то меня на него беретъ, и мучусь-то я за него... Вѣдь какой ни есть онъ, барышня, все же сынъ мнѣ, одинъ вѣдь онъ у меня, объясняла, надрываясь слезами, Настасья Савельевна.—„Послушай", говорю, „Андрей",—вижу, какъ съ ребенкомъ малымъ надо съ нимъ говорить,—„самъ вѣдь ты знаешь, что Надежда „Павловна, почитай, просватана. Неужели-жь ты думаешь, „она своего Владиміра Александровича на тебя промѣняетъ?" Думаю, пойметъ онъ хоть это. А онъ вдругъ какъ фыркнетъ! „Да что", говоритъ, „за невидаль такая вашъ Владиміръ Александровичъ! Чѣмъ это онъ лучше меня?" Ну, ужь тутъ, барышня, я и совсѣмъ изъ себя вышла. „А тѣмъ, говорю, что „онъ, какъ солнышко, всякому свѣтитъ и всѣмъ отъ него „тепло и хорошо. И хотя", говорю, „настоящій онъ, столбовой баринъ, и состояніе у него большое, и ни отъ кого онъ „не зависитъ, а долгъ свой понимаетъ, покорствуетъ ему, самъ „себѣ, значитъ, хочетъ честь заслужить. Ты какъ полагаешь, „легко ему было отсюда уѣзжать? Три года на кораблѣ во-

„кругъ свѣта проѣздилъ, всякую нужду себѣ видѣлъ, пріѣхалъ сюда, прожилъ зиму; чаялъ, бѣдный, къ веснѣ свадьбу „справить. А тутъ его опять въ вояжъ потребовали. И поѣхалъ онъ, вмѣсто свадьбы, съ дорогою невѣстою разстался „Богъ вѣсть опять на срокъ на какой; и ни слова не промолвилъ, стиснулъ зубы, да и поѣхалъ, потому знаетъ, на „каждомъ, на большомъ и маломъ, обязанность лежитъ, исполняй ее, да молчи... А ты, говорю, все это себя *человѣкомъ* „величаешь. А какой ты человѣкъ? Кому отъ тебя тепло, кого „ты радостью подарилъ? Окромя горя ничего отъ тебя мать „родная до сихъ поръ не видѣла. Что̀ ты изъ жизни-то своей „по-сейчасъ сдѣлалъ? Кабы не тотъ же все генералъ Чемисаровъ, тянулъ бы ты теперь лямку въ солдатской шинели. „А жилъ-то ты чѣмъ въ Москвѣ, да въ Питерѣ? Скрыпкой „что-ли твоей? А долги твои кто платилъ? И такъ ты это „хорошо“, говорю, „все понимаешь, что этого благодѣтеля „твоего, генерала, — ты сейчасъ чуть не проклялъ въ глаза. „Да какая тебя курица можетъ любить послѣ этого! А ты „еще смѣешь равнять себя къ такому господину, какъ Владиміръ Александровичъ Кемскій“... И не знаю, матушка барышня, продолжала Настасья Савельевна,—чего бы я ему еще не выпѣла, потому ужь очень я расходилась. Только онъ за шапку. „Такъ цѣлуйтесь, говоритъ, съ этимъ господиномъ, „а я вамъ больше не сынъ!“ Кинулся какъ шальной изъ горницы и былъ таковъ...

„— Какъ же у васъ стало духа, воскликнула я, — такъ жестоко укорять его въ эту минуту! Онъ и такъ уже долженъ былъ страдать невыносимо...

„Она съ удивленіемъ взглянула на меня сквозь влажную завѣсу слезъ, стекавшихъ ей на щеки.

„— Помилуйте, Надежда Павловна, не гладить же мнѣ его по головкѣ за дурь его неслыханную!

„Но голова уже ходила у меня кругомъ. Я только видѣла предъ собой этого несчастнаго, униженнаго, никому не милаго изгнанника... Я была оскорблена за него, за самое себя...

„— За что̀ его отсюда выгнали, какъ негодяя какого-нибудь, какъ намедни этого пьянаго конюха? говорила я, и ды-

ханіе мое спиралось у горла, и во рту было сухо, и я не давала уже себѣ отчета въ моихъ рѣчахъ. — Что̀ онъ сдѣлалъ? Вы слышали: развѣ онъ сватался ко мнѣ? Онъ меня любитъ... Такъ кто же можетъ ему запретить меня любить? Что̀ же, полагаютъ, я сама не сумѣю защитить мое сердце?

„— Матушка барышня, возражала, все болѣе и болѣе теряясь, Настасья Савельевна,—да какъ же онъ смѣетъ думать о васъ?

„О, какъ отвратительны, отвратительны до тошноты показались мнѣ эти слова!

„— Какъ онъ смѣетъ? А почему бы онъ не смѣлъ? Что̀ же, вы думаете, я бы не посмѣла?...

„— Вамъ любить моего Андрюшу! чуть слышно проговорила Настасья Савельевна, всплескивая руками и блѣдная отъ страха.—Да какъ же это можетъ быть!...

„— Я не люблю его, оставьте меня...

„И, не властная уже совладѣть съ собой, я упала на подушки въ истерическомъ ознобѣ.

„Настасья Савельевна перепугалась, кинулась опрометью къ двери...

„— Ради Бога, заклинаю васъ, успѣла я чрезъ силу удержать ее,—не зовите никого, не нужно, пройдетъ... Оставьте меня, оставьте одну...

„Но она не послушалась меня, отыскала конфорку, чайникъ, насильно напоила меня чаемъ. Дрожь унялась. Къ утру я наконецъ заснула свинцовымъ сномъ...

„Мы увидѣлись съ батюшкой на другой день послѣ разговора съ Настасьей Савельевной. Тяжело было это свиданіе. По наружности, батюшка былъ все тотъ же,—только блѣднѣе обыкновеннаго казался онъ,—онъ поздоровался, заговорилъ со мной привѣтливо, какъ прежде, глаза его не отворачивались отъ меня, но изъ иныхъ, едва уловимыхъ оттѣнковъ его голоса, изъ звуковъ этихъ, быть-можетъ, слишкомъ уже спокойныхъ его рѣчей я поняла: что-то оборвалось между мною и имъ, что-то такое, чего связать вновь не въ силахъ былъ

уже никто изъ насъ, чему уже суждено было такъ и оставаться на вѣки порваннымъ между отцомъ и мною... И, признаюсь, я была равнодушна къ этому въ ту минуту. Я была дочь моего отца, и никогда еще это не сказывалось во мнѣ такъ сильно, какъ теперь. Если до дна души возмущена была его гордость, и не могъ уже никогда простить онъ мнѣ, что я, послѣдняя изъ Чемисаровыхъ, я, суженая избраннаго имъ человѣка, единственно между всѣми достойнаго, въ его мнѣніи, породниться съ нимъ, могла допустить высказать себѣ унизительное въ глазахъ его признаніе, то и я, въ свою очередь, не могла простить ему незаслуженное униженіе имъ моей гордости, моей дѣвичьей совѣсти... „Я убью тебя, если увижу съ моею дочерью", говорилъ онъ Кирилину. Мнѣ не столько страшны были эти слова,—я не могла себѣ представить, чтобъ они когда нибудь могли осуществиться,—сколько оскорбляли они меня, глубоко, нестерпимо... Что же онъ думалъ,—Кирилинъ былъ такъ для меня опасенъ, что ему было достаточно подойти ко мнѣ, и я сразу забуду все, мои обѣты, мою привязанность къ суженому, котораго избралъ не одинъ же отецъ мой, который и не захотѣлъ бы взять меня изъ его рукъ, еслибы только отъ моего отца зависѣла я, еслибы въ этомъ не участвовала я сама, моя личная, ничѣмъ нестѣсненная, никѣмъ неподкупленная воля? А вздумайся мнѣ въ самомъ дѣлѣ полюбить Андрея Кирилина, неужели, такъ несправедливо и произвольно изгоняя его отсюда, суровый отецъ мой полагалъ застращать меня? Я его дочь, погнуть меня не такъ легко; не принадлежи уже мое сердце другому, да я полюбила бы Кирилина наперекоръ всему, желѣзной волѣ моего отца я противопоставила бы мою, женскую, но такую же безтрепетную волю, и чья взяла бы верхъ, про то Богъ знаетъ!...

„Холодно разстались мы въ тотъ день съ батюшкой, холодно встрѣтились вновь. Потекли печальные, молчаливые и однообразные дни. Ангелъ мира улетѣлъ навсегда изъ нашего большаго дома; повѣяло какою-то глухою, давящею грустью подъ высокими сводами, гдѣ такъ долго дышалось мнѣ свободно и легко. Погода измѣнилась, пошелъ цѣлый рядъ дождли-

выхъ дней. И цѣлые дни выжидала я у моего окна, когда-то сквозь неустанно набѣгавшія тучи проглянетъ лучъ солнца, и снова подымутъ мои любимыя липы свои отягченные влагой листья... Мнѣ было душно въ этихъ стѣнахъ, гдѣ все для меня теперь глядѣло уныло и подозрительно, гдѣ, будто тѣни, не слышно, съ какою-то небывалою робостью, казалось, двигались слуги по коврамъ, и не слышно было уже озабоченнаго голоса и торопливаго шага Настасьи Савельевны, еще такъ недавно раздававшихся одновременно на всемъ пространствѣ дома.

„Бывало, въ то время, за столомъ у батюшки, сижу я весь обѣдъ, не разжимая губъ. Карлъ Ивановичъ подыметъ голову, долго, вопросительно глядитъ на меня и снова опуститъ глаза и тихо вздохнетъ. Уловитъ вздохъ этотъ Сарра, обернется въ мою сторону, также пристально взглянетъ и нетерпѣливо поведетъ плечомъ: для нея я до конца осталась неразрѣшенною загадкой... А батюшка, какъ бы ничего не замѣчая, спокойно продолжаетъ говорить съ Фрейманомъ о хлѣбахъ и сѣнокосѣ...

„Я написала вамъ въ это время длинное письмо. Я никого не называла, не передавала никакихъ подробностей, но душевное настроеніе мое сквозило въ немъ изъ-за каждой строки. Я отправила письмо въ Лондонъ, по оставленному вами адресу. Получили-ли вы его? И что̀ вы изъ него поняли?..

„О Кирилинѣ замеръ слухъ, точно исчезъ онъ подъ землей, и давно травой поросла его могила. Не знаю, было-ли это такъ на самомъ дѣлѣ, но мнѣ представлялось, что всѣ въ домѣ сговорились не произносить его имени предо мной. Боялись-ли они батюшки, хлопотали-ли о моемъ *спокойствіи*,— все равно, они возбуждали во мнѣ недоброе къ себѣ чувство: въ моихъ понятіяхъ, это было съ ихъ стороны или постыдная робость, или новое средство оскорбить меня... О, какъ неискусны и близоруки казались мнѣ всѣ эти мои *оберегатели*, какъ называла я ихъ тогда, злобно смѣясь надъ ними и негодуя въ глубинѣ моей души! Не удивляйтесь этимъ выраженіямъ; да, я научилась за это время негодовать и возмущаться не хуже Кирилина: и тяжелъ, и унизителенъ былъ для

меня этотъ неожиданный гнетъ осторожнаго молчанія, вопросительныхъ взглядовъ, вздоховъ сожалѣнія близкихъ мнѣ людей. Они подозрѣваютъ меня въ чемъ-то, они подстерегаютъ меня, говорила я себѣ. Я ошибалась, я была не права, я взводила на нихъ небывалыя вины: добрые старички мои, Сарра, Карлъ Ивановичъ, они, вѣроятно, ничего не подозрѣвали, они, можетъ быть, даже ни о чемъ и не догадывались,—они любили меня искренно и нѣжно, и недоумѣвали, и безпокоились за меня потому именно, что ничего не понимали... Но въ состояніи-ли была я разобрать это въ то время? Они представлялись мнѣ врагами, потому что смущенное сердце мое враждовало со всѣмъ этимъ завѣтнымъ, родимымъ міромъ моего былаго и уже невозвратнаго счастія...

„Я думала о Кирилинѣ каждый день, и забота о немъ вытѣсняла у меня мало-по-малу всякую иную мысль. Я ни о чемъ не разспрашивала, но чутко прислушивалась ко всему, что̀ могло имѣть хотя бы далекое отношеніе къ нему. Я знала, что Настасья Савельевна не видалась съ сыномъ со времени его отъѣзда, что она не выѣзжала изъ Рай-Воздвиженскаго, болѣла и не выходила отъ себя. Грайворонскій давалъ пиръ проѣзжему флигель-адъютанту; мы, разумѣется, не поѣхали; но Катя отпросилась у меня по этому случаю сходить въ Новоселки и, вернувшись вечеромъ, цѣлый часъ разсказывала мнѣ про всякія великолѣпія этого праздника. Между прочимъ, я узнала отъ нея, что оркестръ игралъ тамъ въ продолженіе всего обѣда, подъ управленіемъ „Андрея Харламовича“, но что когда вечеромъ онъ былъ призванъ снова для танцевъ, то „Андрей Харламовичъ“ отказался дирижировать и ушелъ къ себѣ. Извѣстіе это меня встревожило: я предвидѣла,—и не даромъ,—что самолюбіе Кирилина не долго уживется съ такою неделикатною, грубою, въ сущности, натурой, какою мнѣ всегда представлялся этотъ сладкій *пустынникъ*. „Да и съ кѣмъ уживется онъ, и что̀ будетъ съ нимъ по„томъ?“ спрашивала я себя, и болѣзненно отзывались во мнѣ эти вопросы. „О, еслибъ я была на мѣстѣ его матери“, думала я, „я бы умѣла найти тѣ проникающія, миротвор„ныя слова, которыя, какъ чистый елей, по чудному выраже-

„нію Пушкина, пролились бы на его душевныя раны. А что „умѣла она сказать ему, эта жалкая женщина?..“ Въ дѣтствѣ, бывало, онъ смирялся отъ одного моего слова, отъ взгляда. Онъ правъ былъ, когда говорилъ мнѣ недавно, что и тогда я была всевластна надъ нимъ. Помню, разъ,—мнѣ было тогда 12 лѣтъ, а *ему* 15,—за урокомъ математики, учитель, раздосадованный его невниманіемъ, — Кирилинъ, былъ въ математикѣ очень плохъ,—разсердился до того, что ударилъ его линейкой по рукѣ. Какъ у звѣря лѣснаго засверкали глаза у мальчика; онъ вскочилъ, схватилъ со стола грифельную доску и замахнулся ею на учителя. „Андрюша!“ успѣла я только вскрикнуть и, внѣ себя отъ страха, схватилась за голову. Онъ взглянулъ на меня: грифельная доска выпала у него изъ рукъ, онъ опустился на мѣсто и, перекинувшись ко мнѣ чрезъ столъ: „Надя, милая, простите!“ сказалъ и залился слезами. „Не меня просите, — его“, сказала я, указывая на учителя. Онъ живо отеръ слезы. „Про„стите меня, Петръ Ѳедоровичъ“, сказалъ онъ такимъ честнымъ и задушевнымъ голосомъ, что учитель его обнялъ и извинился въ свою очередь.... А въ другой разъ,—мы гораздо еще моложе были въ ту пору, — онъ отыскалъ какъ-то на берегу Семи, въ камышахъ, дикихъ утятъ. Съ восторгомъ разказывалъ онъ мнѣ, что птенчики уже оперились, кормятся сами и скоро начнутъ плавать. „Ахъ, Андрюша, какъ хорошо бы „перенести ихъ въ нашъ маленькій прудъ: мы бы ходили кор„мить ихъ каждый день хлѣбомъ, они бы знали насъ и сдѣлались бы ручными.“ — „Хорошо, Надя“, отвѣчалъ онъ, „я „ихъ завтра вамъ принесу“. И на другой день, чуть свѣтъ, онъ отправился на рѣку, пробрался въ камыши, отыскалъ утятъ и, осторожно забравъ ихъ, уложилъ къ себѣ за куртку. Но, пробираясь назадъ, онъ поскользнулся и упалъ въ воду, а мѣсто было глубоко, и онъ утонулъ бы, еслибы не успѣлъ удержаться за какую-то вербу. И два часа пробылъ онъ въ водѣ, коченѣя отъ утренняго холода, замиравшею рукой удерживаясь за спасительную лозу, думая только объ одномъ — принести мнѣ въ цѣлости свою находку. Какой-то проѣзжавшій лугомъ крестьянинъ вытащилъ, наконецъ, его и привезъ

домой въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Онъ нѣсколько дней лежалъ больной въ постели и терпѣливо все это время принималъ скверныя микстуры Карла Ивановича, переносилъ брань Настасьи Савельевны и Француза-гувернера. Когда мы увидѣлись съ нимъ послѣ этого, онъ сказалъ мнѣ, что всѣ они ужасно надоѣли ему своими поученіями, „а все же я сдѣлалъ то, что „вы хотѣли, Надя, и всегда буду дѣлать....“

„Сколько бывало такихъ случаевъ, вспоминала я, въ которыхъ сказывалась безграничная нѣжность этого пылкаго мальчика ко мнѣ. И все тотъ же остался онъ! На чужой сторонѣ, когда, предоставленный самому себѣ, онъ мучительно отыскивалъ себѣ дорогу среди холодной, безучастной къ нему толпы, его тоска и отчаяніе разрѣшались облегчающими слезами предъ портретомъ той же дѣвочки, которой онъ когда-то повѣрялъ свои печали, предъ „божествомъ“ своего дѣтства. Онъ вернулся сюда, полный предубѣжденій и злобы къ людямъ, „отказывающимъ ему въ его мѣстѣ на солнцѣ“, но его ожесточенная, очерствѣлая душа просила снисхожденія къ себѣ все у той же „подруги дѣтства“, которую ничто не могло заставить его разлюбить. И душа его, скованная жизненнымъ холодомъ, — я твердо вѣрила этому, — она отогрѣлась бы и разцвѣла опять, какъ цвѣтокъ на солнцѣ, подъ вліяніемъ женскаго, тихаго, примирительнаго участія....

„И снова, и опять возвращалась я все къ одной и той же мысли. Что же требовалъ онъ, наконецъ, отъ меня такого ужаснаго, за что сочли нужнымъ безжалостно выгнать его отсюда, лишить именно того, что, можетъ-быть, единственно могло бы спасти его отъ ожидающихъ бѣдъ, отъ его собственной, необузданной природы? И въ тѣ минуты,—я могу признаться въ этомъ теперь, наканунѣ смерти,—я бы, кажется, отдала полжизни, чтобъ увидѣть его на одно мгновеніе, чтобъ успѣть только сказать ему: „Успокойся, бѣдное, измученное „сердце, я не забуду тебя, хотя бы весь міръ вооружился на меня за это!...

„Разсѣялись тучи, небо запылало іюльскимъ зноемъ, въ лугахъ уже звенѣли косы, и звонкія пѣсни доносились оттуда

и будили меня каждое утро. Давно-ли милая, знакомая картина?—теперь я уныло глядѣла на нее изъ моего окна. Не стало уже у меня откликовъ на эти широкіе беззаботные звуки. Я предпочитала теперь бродить въ невозмутимомъ затишьѣ сада, по пустыннымъ аллеямъ, въ полдень или подъ вечеръ, когда стихало всякое людское движеніе, и ничто вокругъ меня, ни шелестъ вѣтвей, ни щебетъ замолкнувшихъ птицъ, не мѣшало мнѣ „все думать, думать объ одномъ....“ Невыносимая тоска овладѣвала мной иногда во время этихъ одинокихъ прогуловъ, и, прислонясь къ дереву, я подолгу плакала, ломая себѣ руки, спрашивая себя: какъ вырвать изъ сердца эту точившую меня ядовитую тоску. „Обошелъ меня, приворотнаго зелья подсыпалъ мнѣ недобрый человѣкъ,“—часто вспоминались мнѣ при этомъ слова какого-то разсказа моей Кати.... Но *недобрый человѣкъ*—вѣдь это былъ онъ, тотъ опальный, у котораго теперь ничего не оставалось на свѣтѣ, кромѣ „неизсякаемой“ любви его ко мнѣ!...

„— Не хочешь-ли сегодня верхомъ на сѣнокосъ? спросилъ меня однажды батюшка, вставая изъ-за стола.

„Я согласилась.

„Сарра была въ восторгѣ; она давно не ѣздила, побѣжала одѣваться, прыгая чрезъ ступени какъ дѣвочка.

„Она, какъ всегда, поѣхала впередъ съ батюшкой. Кавалеромъ моимъ былъ Фрейманъ. Подъ нимъ былъ Мушкетъ и покорно несъ свою красивую голову, чуя руку опытнаго всадника. Я вспомнила ту прогулку!.. Досадное какое-то чувство промелькнуло у меня: „*Ему* бы никогда не слѣдовало садиться верхомъ: онъ былъ такъ смѣшонъ тогда“.

„Я обрадовалась этому чувству, мнѣ хотѣлось удержать его: мнѣ словно легче стало въ этотъ мигъ, будто что-то вырвало меня изъ темной неволи и выпустило опять, какъ ласточку, подъ синій куполъ неба...

„Мы въѣхали въ луга; они пестрѣли народомъ, и вотчина привѣтствовала батюшку, по обыкновенію, дружными, громкими криками. Эти крики, звяканье желѣза о точила, визгливый женскій смѣхъ, да густой говоръ мужскихъ голосовъ, звонко разносившіеся на необъятномъ пространствѣ въ чис-

томъ вечернемъ воздухѣ,—все это пахнуло на меня неожиданною, давнишнею отрадой. Я почувствовала себя на мгновеніе прежнею, счастливою Надей, тою Надей, которую вы знали, Владиміръ...

„Батюшка остановился; его окружила толпа крестьянъ; онъ принялся толковать съ ними, подозвалъ Фреймана. Я осталась одна, позади, любуясь красками, движеніемъ степнаго раздолья, которое зеленымъ океаномъ разстилалось предо мной и сливалось гдѣ-то съ небомъ въ недосягаемой дали...

Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,

припомнилось мнѣ, и я вполголоса стала читать, покачиваясь на сѣдлѣ:

Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась!...

„Вдругъ, чѣмъ-то испуганная, моя Леди дрогнула и отпрянула въ сторону. Я удержала ее, обернулась.

„Изъ-за высоко-наметанной копны показался человѣкъ... Я его тотчасъ узнала: это былъ онъ, Кирилинъ...

„Остриженные его волосы прикрывала крестьянская низенькая шляпа, армякъ накинутъ былъ на плечи.

„— Я васъ жду здѣсь каждый день, Надежда Павловна. Наконецъ-то!... прогорилъ онъ чуть слышно: онъ задыхался отъ волненія...

„Слетѣла какъ дымъ моя свѣтлая минута; я была опять во власти этого человѣка!...

„Не сдалась я сразу,—нѣтъ; первымъ движеніемъ моимъ было хлестнуть лошадь, и она вынесла меня впередъ, далеко отъ него...

„Но роковая власть шептала мнѣ въ то же время: „онъ рискуетъ для тебя жизнью, а ты бѣжишь!...“

„Я дала вольтъ.

„Онъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, скрестивъ руки, не отрывая взгляда отъ меня, на-виду у тысячи человѣкъ, изъ которыхъ каждый могъ выдать его...

„Я приложила палецъ къ губамъ, кивнула ему и медленно проѣхала въ трехъ шагахъ отъ него.

„Точно долгъ исполнила я свой какой-то... Я попала въ водоворотъ, и уже никакія силы земныя не могли спасти меня отъ бездны... Гдѣ были вы, ангелъ мой хранитель!...

„Кирилинъ скрылся. Его никто не замѣтилъ, и приключеніе мое прошло безъ послѣдствій.

„Чрезъ нѣсколько дней затѣмъ пріѣхалъ къ намъ Грайворонскій. Это было его первое посѣщеніе послѣ праздника, на который мы не поѣхали. Онъ былъ, что говорится, aigre-doux: и дулся, и казался сконфуженнымъ, въ одно и то же время. Батюшка, разумѣется, не обратилъ на это никакого вниманія, да и не долго занимался имъ: онъ ушелъ съ Фрейманомъ въ кабинетъ, предоставивъ гостя Карлу Ивановичу и мнѣ.

„Г. Грайворонскій сконфузился еще болѣе и съ видимымъ трудомъ цѣплялъ одну за другую свои растерянныя фразы. Я въ свою очередь не знала, какъ приступить къ предмету, который единственно могъ быть для меня занимателенъ въ разговорѣ съ нимъ.

„Карлъ Ивановичъ нежданно явился мнѣ на помощь.

„— Что̀ вашъ оркестръ? спросилъ онъ у Грайворонскаго.

„— Ничего, живетъ, отвѣчалъ тотъ.—Я имъ очень много занимался въ послѣднее время, примолвилъ онъ самодовольно.

„— А вашъ молодой дирижеръ что̀ же? спросилъ опять Карлъ Ивановичъ, съ очевиднымъ любопытствомъ заглядывая въ глаза Грайворонскаго.

Гость слегка нахмурился.

„— Да, конечно, онъ талантливъ, но не совсѣмъ, кажется, ладитъ съ музыкантами... Удивительные это молодые люди въ наше время, обратился Грайворонскій ко мнѣ, — самонадѣянность какая-то у нихъ непонятная, непослѣдовательность! Отъ низшихъ никакого противорѣчія себѣ не терпятъ, а сами никому подчиниться не хотятъ... Конечно, поспѣшилъ онъ добавить, — въ нашъ образованный вѣкъ каждый человѣкъ имѣетъ право требовать къ себѣ уваженія, но на все же есть мѣра, не правда-ли, Надежда Павловна? У насъ вотъ не-

давно съ господиномъ Кирилинымъ произошла маленькая размолвка. Судите сами, имѣлъ-ли я право сѣтовать: вечеромъ у меня на праздникѣ дамамъ захотѣлось потанцовать; посылаю я за оркестромъ; вдругъ мнѣ говорятъ, господинъ Кирилинъ объявилъ, что дирижировать танцами не станетъ, что это не его дѣло...

„Я давно предвидѣла и ожидала эту жалобу, и отвѣтъ на нее былъ у меня готовъ.

„— Конечно, сказала я, вы совершенно правы, и неразсудительный поступокъ господина Кирилина можно извинить только тѣмъ, что онъ еще не привыкъ къ провинціальнымъ обычаямъ.

„— То-есть, какъ же, какъ вы это понимаете? живо спросилъ Грайворонскій, который, кажется, болѣе всего на свѣтѣ боялся прослыть за провинціяла.

„— Онъ привыкъ къ порядкамъ большихъ оркестровъ въ Петербургѣ и Москвѣ, объяснила я; — тамъ, я знаю, капельмейстеръ никогда не дирижируетъ танцами; для этого есть особый дирижеръ...

„— По составу своему, оркестръ мой не уступитъ любому столичному! воскликнулъ Грайворонскій.

„— Въ томъ и дѣло. Кирилинъ, вѣрно, и полагалъ, что у васъ заведенъ такой же порядокъ, какъ и тамъ.

„Лицо господина Грайворонскаго просіяло.

„— Конечно, сказалъ онъ. — онъ могъ такъ думать. Я, впрочемъ, очень и не настаивалъ... У меня Шлосманъ, — вы знаете его, Карлъ Ивановичъ,—спеціалистъ по части танцевъ...

„И, повидимому, совершенно успокоенный, г. Грайворонскій, прощаясь со мной, пожалъ мнѣ руку съ такимъ чувствомъ, будто благодарилъ за наставленіе.

„— О, какая вы *хитрый!* обратился ко мнѣ, смѣясь, Карлъ Ивановичъ, когда онъ уѣхалъ: — какъ вы это тонко ему сказали... Господинъ Грайворонскій совсѣмъ ничего не понимаетъ, таинственно продолжалъ онъ.—Господинъ Грайворонскій совсѣмъ не въ ту сторону глядитъ, онъ не можетъ понять, въ чемъ хромаетъ нашъ бѣдный Андрей Харламычъ.

Еслибъ онъ что-нибудь понималъ, онъ бы не взялъ себѣ *такой дирижеръ*...

„— А развѣ онъ не годится? съ сердечнымъ замираніемъ спросила я.

„Карлъ Ивановичъ вздохнулъ и печально покачалъ головой.

„— У него очень много *талантъ*, сказалъ онъ. Солистъ онъ большой можетъ быть, если будетъ много заниматься. Но вести оркестръ—это не все одно... Il faut encore quelque *chosse*, примолвилъ почему-то докторъ по-французски и поднялъ значительно палецъ ко лбу.—У меня такъ есть два музыканта знакомые, изъ моей *земля*, они *настоящій дѣло въ музыка понимаютъ*, они мнѣ говорили. У *господинъ Кирилинъ разумъ быстрій*, онъ все скоро схватитъ, только, знаете, все это цвѣточки, наверху, неосновательно, онъ мало знакомъ съ theorie, инструментовъ не знаетъ. Русское воспитаніе, знаете, примолвилъ Карлъ Ивановичъ, и опять вздохнулъ...

„Кто-то вошелъ, разговоръ прервался. Я ушла на верхъ, тоскливо спрашивая себя: „Что̀ съ нимъ станетъ тогда, ку„да онъ дѣнется!...“

„А онъ, онъ не предвидѣлъ грозившей ему бѣды, не заботился о ней; онъ объ одномъ только думалъ: какъ бы увидѣть меня опять. Онъ каждый день, въ крестьянской одеждѣ, ждалъ въ лугахъ новаго случая встрѣтиться со мной. Катя, ходившая гулять на сѣнокосъ, наткнулась на него тамъ, узнала, очень удивилась его костюму, спросила его, почему онъ въ усадьбу не идетъ. Онъ отвѣчалъ ей, что „ма„ленечко поссорился съ матерью“, и ждетъ, пока она пріѣдетъ къ нему въ Новоселки, „а раньше не буду“.—„Видите, „какой вы гордый!“ замѣтила ему на это Катя и, передавая мнѣ это, примолвила: „про васъ, барышня, спрашивалъ.—Здорова-ли, говоритъ, Надежда Павловна, что̀ это ее на сѣнокосѣ не видать? Показались бы, народъ повеселѣе, чай, „косить сталъ.—Это точно, говорю,—барышня наша, что̀ „красное солнышко.—То-то, говоритъ онъ,—а она за тучу хо„ронится.—И такой онъ чудной, право, смѣется, балагуритъ „со мной, а самъ худой такой, блѣдный стоитъ, и глаза у

„него точно плакать сбираются, такіе большіе стали, какъ у „больнаго. Должно-быть, порядкомъ допекла его наша Настасья „Савельевна“, заключила Катя, подсмѣиваясь... Не знала она, какъ терзали меня ея слова!...

„Этимъ не кончится, предчувствовала я. И я не ошиблась.

„Жары у насъ стояли страшные. Цѣлый день приходилось сидѣть въ комнатахъ съ полузакрытыми ставнями, томясь и зноемъ, и невольнымъ бездѣйствіемъ. Всѣ оживали только вечеромъ, сходились пить чай къ батюшкѣ въ кабинетъ, самую прохладную комнату въ цѣломъ домѣ, а когда заходило солнце, отправлялись гулять всѣмъ обществомъ. Въ 10 часовъ батюшка, по обыкновенію, уходилъ къ себѣ, Карлъ Ивановичъ провожалъ его, а мы съ Саррой оставались въ саду, и прогулки наши продолжались далеко за полночь.

„Темно было въ дремавшихъ аллеяхъ, луна на исходѣ успѣла уже скрыться; мы возвращались изъ парка. Сквозь легкое кисейное платье меня начинала пронимать ночная свѣжесть, я прибавила шагу. Утомившаяся Сарра поотстала отъ меня, но едва дошла я до конца липовой аллеи, какъ услыхала испуганный крикъ ея: „Надя, Надя, насъ преслѣдуютъ, остановитесь“. И въ то же время кто-то стремительно выскочилъ изъ-за липъ на дорожку и остановился предо мной.

„— Не пугайтесь, это я, Надежда Павловна, прошепталъ знакомый голосъ:—мнѣ не въ мочь вдали отъ васъ, я долженъ васъ видѣть...

„— Что̀ вы дѣлаете! Вы губите себя! полумертвая отъ страха, едва могла я выговорить.

„— Какое мнѣ дѣло! Умереть у вашихъ ногъ, я только того и желалъ!

„— А меня вы забыли? Что̀ будетъ со мной тогда? промолвила я, сама не понимая, что̀ говорило во мнѣ, за кого мнѣ было страшно въ эту минуту.

„— Что̀ будетъ съ вами? повторилъ онъ, и внезапнымъ блаженствомъ зазвучалъ его голосъ.—О! тысячу жизней за эти слова ваши!...

„На пескѣ скрипѣли спѣшные шаги Сарры; она была уже близко и продолжала кричать: „Надя, Надя!“

„— Сова противная! злобно проговорилъ Кирилинъ и такъ же быстро исчезъ во мглѣ.

„— Вы слышали, вы видѣли! Кто это былъ? спрашивала встревоженная Сарра, подбѣгая ко мнѣ и схватывая меня за плечи дрожавшими, холодными руками.

„— Что̀ такое? Кого это? отвѣчала я, нажимая сердце рукой: такъ оно билось у меня.

„— Какъ кого? Да онъ пробѣжалъ мимо меня, къ вамъ... Онъ долженъ быть здѣсь гдѣ-нибудь, близко... Это воры, разбойники! Бѣжимъ, Надя, они насъ ограбить хотятъ! отчаянно шумѣла Сарра и, уцѣпившись за меня, тащила меня впередъ, не слушая моихъ увѣщаній.

„Мы были уже подлѣ дома, и на террасѣ въ темнотѣ блестѣлъ огонекъ чей-то сигары.

„Батюшка! показалось мнѣ, и я въ свою очередь уцѣпилась за Сарру, боясь упасть.

„Но это былъ не батюшка, Фрейманъ. Онъ поспѣшно сбѣжалъ на крикъ Сарры, съ испугомъ спрашивая, что̀ случилось?

„Сарра насказала ему цѣлую гору страховъ.

„Онъ выслушалъ ее и засмѣялся.

„— Какіе это разбойники, сударыня, помилуйте! это просто изъ луговъ кто-нибудь до нашихъ вишенъ добирался. Я вотъ сейчасъ пойду дать нагоняя сторожу; онъ, вѣрно, спать завалился, а въ грунтовый сарай, пожалуй, не трудно забраться.

„Сарра тотчасъ же и примолкла; ей стало стыдно своего крика, и она прошла къ себѣ съ виноватымъ лицомъ, какъ всегда бывало это съ нею въ подобныхъ случаяхъ.

„Но эта новая встрѣча съ Кирилинымъ не обошлась мнѣ такъ дешево, какъ первая.

„На другой день за столомъ батюшка обратился къ Саррѣ съ вопросомъ:

„— Мнѣ говорили, васъ вчера ночью кто-то испугалъ въ саду, сударыня. Какъ это было? Потрудитесь разсказать.

„Бѣдная missy сконфузилась и начала извиняться, говоря, что дѣйствительно она, можетъ-быть, напрасно испугалась,

но что она положительно видѣла, какъ кто-то мимо нея пробѣжалъ за липами, какъ будто гнался за Надей...

„— А ты, Надя, не видала... этого разбойника? договорилъ батюшка, остановивъ на мгновеніе на мнѣ свои строго проницательные глаза. Я поняла, что̀ онъ хотѣлъ сказать. Я лгать не умѣла, да и укололъ глубоко меня его вопросъ.

„— Разбойника я никакого не видала, смѣло отвѣчала я.

„Онъ понялъ въ свою очередь, и на его лицѣ промелькнуло выраженіе, котораго я никогда не забуду, и которое никогда еще на моей памяти не искажало его благородныя черты: какое-то безумное отчаяніе и дикая жажда мести... Но быстрѣе вспыхнувшей зарницы потухли глаза его, и онъ, съ полуусмѣшкой, все тѣмъ же своимъ невозмутимымъ тономъ сказалъ Саррѣ:

„— Я велѣлъ нарядить трехъ надежныхъ людей сторожами въ садъ и, если кого поймаютъ, привести ко мнѣ. Я съ виноватымъ справлюсь!

„Я убѣжала послѣ обѣда къ себѣ въ спальню и, запершись одна, долго плакала какъ безумная. Подъ предлогомъ головной боли, я не сошла къ чаю, выпроводила отъ себя Сарру и, дождавшись, когда смерклось, отправилась внизъ, къ Настасьѣ Савельевнѣ.

„Она собиралась уже спать ложиться и чрезвычайно встревожилась моимъ посѣщеніемъ.

„Я не дала ей слова выговорить.

„— Настасья Савельевна, время дорого, не теряйтесь, не плачьте, дѣйствовать надо!.. Сынъ вашъ губитъ себя. Вчера онъ пробрался въ садъ, ночью, остановилъ меня въ аллеѣ. Его видѣла миссъ Мэкдефъ, она его не узнала, но объ этомъ батюшка знаетъ, онъ догадался, кто это былъ... Батюшка велѣлъ нарядить людей... его поймаютъ, приведутъ къ нему... Страшно подумать, что̀ можетъ случиться...

„— Іисусе Христе, убьетъ онъ его, убьетъ! вскрикнула Настасья Савельевна, падая въ кресло.

„—Вы должны съ нимъ увидаться, предварить его; сегодня же, не теряя времени, постарайтесь его найти, скажите...

„— Развѣ онъ меня послушаетъ, барышня! возразила она, ломая себѣ руки и качая головой такъ, какъ будто она не держалась у нея на плечахъ.

„— Скажите ему отъ меня, что если онъ меня дѣйствительно любитъ, онъ долженъ беречь и себя, и меня...

„— Матушка барышня, какъ же это я скажу ему? заикаясь промолвила Настасья Савельевна.

„— Такъ и скажите! нетерпѣливо приказывала я ей.— Скажите, что я его не забуду, что я всегда буду для него прежняя подруга дѣтства, — помните мои слова, — что его участь дорога мнѣ... Но чтобъ онъ не старался видѣться со мной... Это невозможно теперь... Онъ только даромъ играетъ своею жизнью... А я этого не хочу! Слышите, скажите ему, я этого не хочу!..

„Она глядѣла на меня взглядомъ, отупѣвшимъ отъ изумленія и страха...

„— Да ступайте же, не теряйте времени, мнѣ нельзя оставаться у васъ долго: замѣтитъ Сарра, батюшка узнаетъ, начнутъ подозрѣвать и меня, и васъ...

„Она вскочила съ мѣста въ новомъ перепугѣ отъ этихъ словъ.

„— Господи, Творецъ милосердый! заголосила она, мечась во всѣ стороны:—всѣхъ-то онъ запутаетъ, всѣхъ погубитъ! И умомъ вѣдь не прикинешь, съ какой стороны подойти-то къ нему!

„— Повторите ему то, что̀ слышали отъ меня: онъ долженъ будетъ послушаться... А не то, скажите ему, что и я отъ него откажусь, какъ всѣ...

„— Скажу, барышня вы моя драгоцѣнная, скажу, говорила она, кидаясь цѣловать мои руки, —поѣду немедля, отыщу его. Дай вамъ Богъ много лѣтъ и счастья за то, что не оставляете его своимъ вниманіемъ. Дѣйствительно, всѣми-то покинутъ, всѣми презрѣнъ...

„Она принялась плакать.

„— Съ Богомъ, голубушка моя, съ Богомъ! торопила я ее:—поѣзжайте и, какъ бы поздно вы ни вернулись, заходите ко мнѣ, я буду ждать васъ.

„Я вернулась къ себѣ, а она отправилась въ Новоселки. Настала ночь; часы бѣжали одинъ за другимъ, а ея все не было. Я не ложилась, погасила свѣчи и сидѣла у открытаго окна, безцѣльно глядя въ глубокую темь аллей. Необычные, тяжелые шаги раздавались то въ одной, то въ другой сторонѣ сада: это были дозорные, наряженные по батюшкиному приказанію... „Пришли, сторожатъ“, говорила я себѣ презрительно и горько, „берегутъ меня отъ искусителя, какъ плѣн„ную царевну... Это отецъ мой вздумалъ на старости лѣтъ „разыграть со мной сцену изъ старинной сказки... А онъ, „неустрашимый рыцарь мой, сейчасъ вотъ влетитъ ко мнѣ въ окно на крылатомъ конѣ... И смѣшно, и гадко!..“

„И я засмѣялась громко такимъ злымъ смѣхомъ, что сама вздрогнула, услыхавъ его. Это былъ отголосокъ другаго, слишкомъ знакомаго мнѣ смѣха, того, что̀ первый, какъ дальній грохотъ наступающей бури, смутилъ завѣтную тишь моего неба. „Давно-ли, давно-ли“, заскребло вдругъ у меня въ ка„комъ-то глухомъ уголку сердца, „ничего этого не знала я, „ни этихъ замираній, какъ будто предъ смертью, ни этихъ „постыдныхъ чувствъ... Такъ незлобиво было у меня на душѣ, „такъ свѣтло глядѣла я въ будущее, ни одной тучки не чер„нѣло на чистой лазури,—будущее, это было неизмѣнное про„долженіе все того же безмятежнаго моего счастія. Какъ про„зрачная глубина нашей Семи, должно было оно, казалось, „вынести меня до гроба все тою же, безупречною, гордою, „счастливою!... Отецъ мой, Владиміръ,—я поровну дѣлила серд„це между ними, и за ними кончался міръ для меня. Давно„ли, давно-ли это было?... А теперь, Боже мой, Боже! Зазву„чалъ этотъ смѣхъ, заговорили тѣ смущающіе звуки, блеснули „темнымъ пламенемъ глаза, полные мольбы и страданія, и я... „Страшно подумать, какъ на врага глядитъ теперь на меня „отецъ мой, нѣкогда боготворимый мною отецъ... Владиміръ!.. „Но отчего же“, спрашивала я себя съ отчаяніемъ, „не могу „я, не могу никакими силами вызвать снова на память ми„лыя черты дорогаго лица? Еслибы, кажется, хоть на одинъ „мигъ воскресъ предо мной его честный, довѣрчивый взглядъ, „я бы ожила опять къ прежней жизни, и, какъ утренній ту-

„манъ подъ полуденными лучами, разсѣялись бы околдовавшія „меня темныя чары. Но милыя черты точно ушли отъ меня „въ какую-то недостижимую даль, и тщетно зову я ихъ от„туда, въ отраду себѣ и спасеніе. Что-то безлицое и безмолвное „возникаетъ вмѣсто ихъ передо мной,—а между тѣмъ ря„домъ, какъ живой, непрошенный, торжествующій и мрачный, „стоитъ другой, неотступный образъ... И каждый изгибъ, каж„дая складка его повторяетъ мнѣ его слова, а слова эти, они „и такъ уже, какъ отравленный напитокъ, льются мнѣ въ „грудь и жгутъ ее каждый день, каждый часъ. Какими же „сѣтями опуталъ меня этотъ человѣкъ? Чѣмъ успѣлъ онъ за„цѣпить за всѣ мои живыя струны и затянуть ихъ въ своей „безжалостной рукѣ?... Боже мой! Неужели это любовь?“ съ ужасомъ подумала я. „Эта грызущая боль, этотъ мятежный „строй мыслей и чувствъ, эта непрерывная, невыносимая то„ска,—такъ это все называется любовью!...“

„— Евстигней! раздалось вдругъ изъ самой глубины сада.

„— Я — а!

„И на дорожкѣ подо мной живо затормошился кто-то...

„— Держи! кричали ему.

„Я вскочила съ мѣста... и снова упала...

„Евстигней кинулся на голосъ... Что-то невидимое, но слишкомъ понятное для меня, происходило въ саду. Крики, людской топотъ, внезапный шелестъ раздвигаемыхъ кустовъ, слышались среди непроницаемой ночи. Противъ оконъ моихъ, въ темныхъ окнахъ батюшки показался, заходилъ свѣтъ... „Онъ услышалъ, онъ проснулся, онъ пошелъ въ садъ. Они „поймаютъ *его!*“

„Я схватилась за голову, судорожно сжимая ее помертвѣлыми руками...

„Новый крикъ донесся издали, со стороны Бѣлаго камня. Ближайшіе голоса отвѣчали ему; тяжелые шаги бѣгомъ устремились по тому направленію... Ночь погрузилась опять въ свое гробовое молчаніе. „Онъ въ паркѣ, уйдетъ-ли онъ отъ нихъ?... „Господи, спаси его!“

„Цѣлая вѣчность прошла для меня въ этой несказанной тревогѣ...

„Снова шаги и голоса, и все ближе, и ближе...“ Они идутъ „назадъ... Одни?“ Я всѣмъ тѣломъ высунулась въ окно, жадно и трепетно ожидая перваго слова, перваго звука...

„Но ничего, ничего, кромѣ смутнаго, непонятнаго говора. „О, Творецъ мой, какое мученье!“

„Они направились къ батюшкиному флигелю... Невозмутимо дремлетъ воздухъ, ни тѣни вѣтра, ничего не доносится оттуда до меня, умирающей отъ ожиданія.

„Но вотъ наконецъ разошлись они. Двое изъ нихъ идутъ въ мою сторону и бранятся будто. Слова ихъ уже явственно долетаютъ до меня.

„— Заяцъ! Еще смѣешь предъ самимъ генераломъ говорить! Объ эту пору заяцъ въ овсахъ сидитъ. Какой это заяцъ, когда, слышалъ ты вѣдь самъ, Иванъ Копыто его за полу ухватилъ, да вырвался онъ у него...

„Я уже не слышала болѣе. „Онъ спасенъ, спасенъ! Боже „милосердный, благодарю Тебя!“ И до утра просидѣла я на томъ же мѣстѣ, безъ мысли, безъ движенія...

„На зарѣ, едва заиграли первые лучи на занавѣсахъ моихъ оконъ, дверь спальни осторожно отворилась, и неслышною поступью вошла Настасья Савельевна.

„— Барышня, вы такъ и не ложились! воскликнула она, увидавъ меня.

„— Нѣтъ, я не могла, здѣсь происходили такіе ужасы!...

„— Знаю, барышня, знаю, говорила она торопливо, — я дождалась его, видѣла....

„— Что же онъ? Говорите скорѣе!...

„Я не стану передавать безконечнаго разсказа Настасьи Савельевны, въ которомъ главную роль играла она сама, ея собственные страхи и похожденія. Съ трудомъ добилась я наконецъ того, что относилось къ ея сыну. Онъ былъ въ саду и, дѣйствительно, едва ушелъ изъ рукъ сторожа, поймавшаго его за платье. Онъ приказалъ мнѣ сказать чрезъ Настасью Савельевну, „чтобъ я не безпокоилась, что его живаго не „возьметъ никто“.

„— Да обѣщалъ-ли онъ вамъ не ходить къ намъ въ садъ по ночамъ? спрашивала я Настасью Савельевну.

„— Ничего не обѣщалъ, окромя того, что̀ я вамъ сказала, отвѣчала она съ сердцемъ.— Вернулся это онъ, еле дышетъ, повалился какъ снопъ на диванъ.... Билась я съ нимъ, билась, по крайности часъ добрый уговаривала его, слова ваши передавала: хорошо, говоритъ, скажите вотъ то-то и то-то. И ни слова больше про это. Только одинъ разговоръ у него и есть,—все это про васъ, Надежда Павловна....

„— Что̀ же онъ говоритъ?

„Она махнула рукой.

„— Э! Не спрашивайте лучше! Что̀ безразсудныя-то слова повторять! Я даже, — повѣрите, барышня, — слушаю его, да думаю: вѣрно-ли это сынъ мой? Не подмѣнили-ли ужь мнѣ его въ колыбелкѣ? Кровь, то-есть, свою не узнаю въ немъ... И вы напрасно себя безпокоите изъ-за него, голубушка, барышня вы моя, не сто̀итъ онъ этого, право-слово, не сто̀итъ... Ступайте, ложитесь въ кроватку, не нудьте себя изъ-за него, неуча... И мнѣ-то пора убираться скорѣе отъ васъ. Вишь, солнышко взошло, не дай Богъ, гдѣ-нибудь съ генераломъ на лѣстницѣ встрѣчусь....

„Она заторопилась.... Я не удерживала ея, я была измучена тѣломъ и душой....

„Лампада меркнетъ, Владиміръ.... Силы слабѣютъ день ото дня. По цѣлымъ суткамъ иногда не въ состояніи я двинуть рукой, поднять голову съ подушки. А страданій нѣтъ, мысль такъ же дѣятельно, такъ же упорно работаетъ надъ прошлыми ощущеніями, и чѣмъ ближе подхожу я къ роковой развязкѣ, тѣмъ осязательнѣе и отчетливѣе, кажется, возникаютъ они вновь предо мной.... Мнѣ надо спѣшить, спѣшить, воспользоваться послѣдними проблесками уходящей жизни.... Вы должны все знать, все, до конца....

„Дни текли за днями, но они не приносили мнѣ успокоенія. Извѣстія изъ Новоселокъ были все тревожнѣе. Карлъ Ивановичъ, принимавшій искреннее участіе въ судьбѣ Кирилина, сообщилъ мнѣ однажды въ большомъ смущеніи, что между Грайворонскимъ и молодымъ его капельмейстеромъ произошелъ окончательный разрывъ вслѣдствіе того, что по-

слѣдній отказался положить на ноты какую-то польку, которую Грайворонскій вздумалъ ему насвистывать; что Кирилину еще не совсѣмъ отказано, но это лишь до того времени, когда получится изъ Москвы отвѣтъ отъ одного музыканта, приглашаемаго Грайворонскимъ на мѣсто Кирилина.

„— Что̀ же будетъ дѣлать этотъ несчастный, когда ему совсѣмъ откажутъ? воскликнула я.

„Карлъ Ивановичъ поглядѣлъ на меня, печально повелъ плечами....

„— Я съѣзжу въ Новоселки, постараюсь потолковать съ нимъ, сказалъ онъ.—Можетъ-быть, что-нибудь и придумаемъ.

„Онъ, дѣйствительно, отправился туда въ тотъ же день, вернулся, увидался со мной опять. Онъ болѣе прежняго казался теперь смущеннымъ и, начиная говорить со мной, отворачивался, будто боясь встрѣтиться со мной глазами.

„— Я нашелъ его очень разстроеннымъ, передавалъ онъ мнѣ про Кирилина, — но не своимъ положеніемъ собственно, онъ слишкомъ даже беззаботно относится къ своему положенію, я нахожу. Онъ говорилъ, что ему все равно, „гдѣ бы „ни влачить свою жалкую жизнь“. Онъ такъ и сказалъ, примолвилъ Карлъ Ивановичъ,—и это очень не хорошій *симптомъ*, потому, это доказываетъ, онъ не о томъ думаетъ, *что̀* ему надлежитъ, а совсѣмъ о другомъ, *что̀* ему можетъ очень, очень большой вредъ сдѣлать....

„— Какой вредъ? спросила я, пристально взглянувъ на доктора.

„— О! отвѣчалъ онъ и показалъ на голову:—это у него не хорошо.

„— Онъ боленъ? воскликнула я.

„Карлъ Ивановичъ, въ свою очередь, взглянулъ на меня; его большіе глаза вопрошали и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто укоряли меня.

„— Я не виновата, докторъ, клянусь вамъ! вырвалось у меня, сама не понимаю какъ.

„Онъ взялъ меня за обѣ руки.

„— О, я знаю, знаю, я все понялъ теперь, заговорилъ добрый человѣкъ, и слезы повисли у него на рѣсницахъ,—вамъ

жалко, потому, у васъ золотое сердце, а вы не виноваты, вы не можете быть виноваты, потому, вы ein nobles Fräulein, Надежда Павловна, я понимаю, да!... Вы не безпокойтесь *объ этомъ бѣдномъ молодомъ человѣкѣ;* я не буду отъ васъ скрывать: я боюсь воспаленія, — докторъ опять указалъ на голову,—но я надѣюсь его вылѣчить: онъ молодъ, шансовъ всегда при молодости очень много. Но вы сами... Я вами не доволенъ, я давно хотѣлъ вамъ сказать, вы перемѣнились, цвѣтъ лица у васъ больной... У васъ душа не покойна, заключилъ онъ.

„— Вылѣчите *его*, докторъ, а обо мнѣ поговоримъ послѣ, отвѣчала я, высвобождая свои руки изъ его рукъ и улыбаясь ему, насколько оставалось у меня силъ.

„Карлъ Ивановичъ глубоко-глубоко вздохнулъ и опустилъ голову на грудь.

„— О! сказалъ онъ:—наше прекрасное Рай-Воздвиженское, его теперь нельзя уже называть раемъ, Надежда Павловна!...

„Предвидѣнія доктора были основательны: Кирилинъ тяжело занемогъ. Съ нимъ сдѣлалась горячка. Карлъ Ивановичъ по два раза на день ѣздилъ въ Новоселки. Онъ перевезъ туда Настасью Савельевну, испросивъ на это согласіе батюшки: она безъ этого ни за что̀ не соглашалась ѣхать. Батюшка даже разсердился, говоря, что нечего ей у него спрашиваться, когда дѣло идетъ о ея долгѣ, что она глупая женщина. Докторъ усадилъ ее къ больному и никого, кромѣ ея, не пускалъ къ нему въ комнату. „Онъ много бредитъ,“ сообщалъ мнѣ значительно Карлъ Ивановичъ, „а въ бреду говоритъ много такого, чего не нужно слушать постороннимъ“...

„Двое сутокъ онъ былъ такъ опасенъ, что докторъ и домой не пріѣзжалъ... Со мной сдѣлалось какое-то отупѣніе: я дышала, двигалась, отвѣчала на вопросы, но сердце не билось у меня, я не знала, куда шла, не понимала, кому и на что̀ я отвѣчаю. Я видѣла только предъ собой бѣдную, маленькую горницу, какою ее описалъ мнѣ какъ-то Карлъ Ивановичъ, съ окномъ завѣшеннымъ простыней, и въ углу, на кожаномъ диванѣ, среди безмолвія окружающихъ, Кирилина,

умирающаго съ моимъ именемъ на устахъ... Часы бѣжали, и возбужденное ужасомъ воображеніе прибавляло къ этой картинѣ все новыя и новыя подробности, и каждая изъ нихъ отзывалась новою, гнетущею болью въ исхудалой груди моей.

„Опасность миновала наконецъ. Въ одинъ свѣтлый день Карлъ Ивановичъ отыскалъ меня въ саду, куда я убѣгала съ утра, подальше отъ людскихъ взоровъ. Самъ онъ былъ свѣтелъ, какъ этотъ прохладный и улыбающійся день, и какая-то праздничная радость мелькала на его лицѣ. Онъ еще слова не промолвилъ, а я уже бѣжала ему навстрѣчу, восклицая:

„— Лучше ему, докторъ, лучше?

„— Гораздо лучше! отвѣчалъ Карлъ Ивановичъ. — Кризисъ прошелъ благополучно; онъ спалъ къ ряду двѣнадцать часовъ и, проснувшись, всѣхъ узналъ и заболталъ какъ канарейка. Но вы знаете, я очень строгъ, говорилъ добрякъ, весело потирая себѣ руки,—я ему приказалъ молчать... Дней черезъ десять онъ будетъ совсѣмъ здоровъ, можетъ уѣхать отсюда...

„— Уѣхать! повторила я безсознательно.

„— Да, я ему буду совѣтывать уѣхать скорѣе въ Москву; тамъ онъ найдетъ себѣ занятіе. Это будетъ самое лучшее для него... и для всѣхъ, примолвилъ докторъ, понижая голосъ и не глядя на меня.

„Еще прошли двѣ недѣли. Кирилинъ былъ уже на ногахъ. Изъ Москвы пріѣхалъ въ Новоселки Нѣмецъ, музыкантъ, преемникъ его. Карлъ Ивановичъ сообщилъ мнѣ это извѣстіе, но при этомъ даже не упомянулъ имени Кирилина. Я не спрашивала ничего, я боялась спросить... Какъ вдругъ разъ, за обѣдомъ, батюшка обратился съ такими словами къ Карлу Ивановичу:

„— Вы въ Новоселки перестали ѣздить?

„— Да, теперь не нужно, отвѣчалъ тотъ.

„— Больному лучше?

„— Слава Богу, совсѣмъ поправился.

„— Совсѣмъ? повторилъ отецъ мой и, помолчавъ, сказалъ:—я слышалъ, что Грайворонскій прогналъ его отъ себя?

„— Господинъ Грайворонскій взялъ на мѣсто господинъ

Кирилинъ *другой капельмейстеръ*, тихо, съ опущенными глазами, проговорилъ Карлъ Ивановичъ, и въ выраженіи его какъ будто слышалось: зачѣмъ унижать подобнымъ словомъ бѣднаго молодаго человѣка!...

„Съ невыразимою благодарностью взглянула я на него...

„— А онъ все у Грайворонскаго живетъ? возразилъ батюшка; презрительная усмѣшка скользнула по его стиснутымъ губамъ.

„— Онъ болѣе *не у господинъ Грайворонскій*, отвѣчалъ съ запинкой и еще тише Карлъ Ивановичъ.

„— А гдѣ же?

„— Онъ въ Новоселкахъ, но не у *господинъ Грайворонскій*; онъ нанялъ себѣ квартиру у *одинъ мужикъ*... Онъ скоро долженъ уѣхать совсѣмъ отсель, примолвилъ докторъ, какъ бы съ намѣреніемъ успокоить батюшку.

„— А по сю пору отчего не уѣхалъ? и батюшкинъ голосъ дрогнулъ отъ внезапно вспыхнувшаго въ немъ гнѣва.

„Карлъ Ивановичъ растерялся и не отвѣчалъ ни слова.

„Отецъ мой перевелъ съ него на меня свои разгорѣвшіеся глаза. „Онъ надѣется увидѣться съ тобой“, вотъ что̀ явственно говорили они мнѣ. Я не выдержала, опустила вѣки, лицо мое покрылось горячею краской... мнѣ хотѣлось вскочить, броситься къ его ногамъ...

„Но батюшка уже отвернулся отъ меня и, какъ ни въ чемъ не бывало, заговорилъ съ докторомъ о какомъ-то постороннемъ предметѣ. За то Сарра, все менѣе и менѣе понимавшая, что̀ происходило вокругъ нея, но съ каждымъ днемъ приходившая все въ большее изумленіе, Сарра приставала ко мнѣ цѣлый вечеръ, требуя то съ плачемъ, то чуть не съ угрозами, чтобъ я объяснила ей, почему такъ сердито глядѣлъ на меня батюшка за столомъ. Я вышла изъ терпѣнія наконецъ и отвѣчала: „потому что я намѣрена удалиться, „какъ Робинзонъ, на пустынный островъ, гдѣ мнѣ никто надоѣдать не будетъ“. Англичанка моя приняла эти слова за страшную для себя обиду и ушла отъ меня, хлопая дверьми. Мнѣ только того и нужно было, я заперлась въ спальнѣ, въ

которой проводила одна почти всѣ мои вечера, со времени той встрѣчи съ Кирилинымъ въ саду...

„Въ началѣ августа (помните, Владиміръ, предсказаніе, сдѣланное вамъ какою-то ворожеей во время вашего кругосвѣтнаго путешествія: она говорила вамъ: бояться чернаго человѣка и августа мѣсяца?)—до послѣдняго часа моего буду я помнить этотъ день, 5-е число, — я, по обыкновенію, ушла послѣ вечерняго чая къ себѣ и сидѣла недвижно и уныло у любимаго моего окна, какъ въ дверь мою кто-то тихо постучался.

„Я невольно вздрогнула.

„— Кто тамъ?

„— Я-съ.

„И Настасья Савельевна осторожно проскользнула въ двери и тотчасъ же заперла ихъ за собой.

„Я ее почти не видала, не имѣла случая говорить съ ней, съ того времени, когда она переѣхала къ больному сыну въ Новоселки. Она даже не совсѣмъ еще и вернулась оттуда, а наѣзжала только каждый день по дѣламъ хозяйства въ Рай-Воздвиженское. Ея появленіе въ этотъ часъ предвѣщало мнѣ новую тревогу...

„— Что̀ случилось? спросила я, подъ этимъ впечатлѣніемъ.

„Настасья Савельевна, вмѣсто прямаго отвѣта, кинулась цѣловать мнѣ руки.

„— Матушка барышня, заговорила она наконецъ, — простите вы меня заранѣе, обѣщайте не гнѣваться на меня...

„— Да что̀ такое? Говорите скорѣе!

„— И не знаю, матушка, какъ приступить, какъ сказать вамъ, отвѣчала она, озираясь по сторонамъ,—въ жизнь свою въ такихъ дѣлахъ не бывала! И ни за что̀ не хотѣла я, не соглашалась... Два дня умаливалъ онъ меня, на колѣни даже становился. „И не проси, ни за что̀, ни за какія блага не „согласна я“, говорю это я ему... Только сегодня такихъ уже онъ мнѣ ужасовъ понаобѣщался. (Настасья Савельевна ударилась въ слезы): не выдержало сердце мое материнское, согласилась я, наконецъ, по немъ сдѣлать...

„Я поняла.

„— У васъ письмо ко мнѣ отъ вашего сына?

„— Такъ точно, барышня вы моя милая...

„— Дайте мнѣ его.

„Она дрожащими руками достала изъ-за платья письмо, бережно завязанное въ платокъ, и передала мнѣ... Я вскрыла печать...

„— Матушка, Надежда Павловна, какъ прочтете, письмо-то сожгите, голубушка вы моя; неравно кому попадетъ въ руки....

„Я прочла внимательно до конца и затѣмъ, при ней, сожгла на свѣчкѣ письмо.

„Настасья Савельевна тщательно собрала весь пепелъ и бросила его въ печку.

„— Вы знаете, о чемъ онъ мнѣ пишетъ? спросила я ее.

„— Не знаю, барышня, не знаю; онъ мнѣ не говорилъ, да я и не спрашивала... И такъ ужь мнѣ страха довольно...

„— Вы съ сыномъ вашимъ сегодня увидитесь?

„— Да, матушка, онъ наказывалъ привезти ему отвѣтъ сейчасъ же. Лошади ждутъ меня за околицей...

„— Поѣзжайте же и скажите ему: хорошо.

„— Больше ничего, барышня?

„— Нѣтъ, онъ пойметъ...—Она принялась было опять за цѣлованье, я отняла руки.—Поѣзжайте, Настасья Савельевна, оставьте меня...

„Онъ писалъ, что уѣзжаетъ, долженъ ѣхать, что его вынуждаютъ къ тому и обстоятельства, и люди, но уѣхать, не увидѣвъ меня, не простившись со мной, быть-можетъ навсегда, онъ не въ силахъ... „Мнѣ нечего болѣе терять, говорилъ онъ, „и если вы мнѣ откажете, я застрѣлюсь подъ вашими окна-„ми“... „Вы не можете отказать въ этомъ мнѣ“, писалъ онъ дальше, „какъ не можетъ солнце лишить лучей своихъ тѣла „небесныя, увлекаемыя имъ въ своемъ теченіи. Вы должны „знать, что я живу только для васъ и чрезъ васъ; я бы не „писалъ вамъ теперь, я бы уже умеръ отъ горячки или подъ „дубиной вашихъ аргусовъ, еслибы не слышалъ отъ васъ сло-

„ва, изъ котораго я въ правѣ заключить, что вамъ было бы „жаль меня“... Онъ кончалъ, заклиная меня придти сегодня, „когда всѣ улягутся въ домѣ, въ китайскій павильонъ, мѣсто „самое безопасное, такъ какъ, по отдаленности его отъ дома, „сторожа никогда туда не доходятъ“...

„Я отдаюсь вамъ на судъ, Владиміръ, — казните память мою презрѣніемъ вашимъ, самою тяжкою для меня казнью, о безупречный другъ мой! но я сказала, не скрыла отъ васъ,— я безъ размышленія, не колеблясь, согласилась на это свиданіе... Для меня оно представлялось неизбѣжнымъ, какъ судьба. Рано или поздно, я должна была съ *нимъ* свидѣться... Не выгонять его, какъ послѣдняго негодяя, не напускать на него мужиковъ съ рогатинами долженъ былъ гордый отецъ мой: ему слѣдовало посадить меня съ собой въ карету и везти куда-нибудь подалѣе, хоть на край свѣта. Онъ презиралъ такого маленькаго человѣка, какимъ былъ сравнительно съ нимъ Кирилинъ. Кирилина презирать было нельзя, — онъ всего себя отдалъ одному чувству, и какъ Самсонъ былъ онъ силенъ этимъ чувствомъ... Не иди я теперь на прощанье съ нимъ, онъ сегодня же застрѣлился бы подъ моими окнами, какъ писалъ онъ, или завтра пробрался бы ко мнѣ ночью... Его убили бы у меня,—у меня въ комнатѣ! Что̀ же, лучше было бы это?...

„Въ домѣ погасли всѣ огни. Колоколъ на дворѣ пробилъ одиннадцать. Я отправила Катю спать, сказавъ, что раздѣнусь сама, что мнѣ надо еще написать письмо къ тетушкѣ... Она ушла. Беззвучными шагами подошла я къ ея двери: она долго возилась въ своей горницѣ, наконецъ замолкла... Сарра спала уже давно; въ темномъ корридорѣ слышалось ея тяжелое храпѣніе... Пора мнѣ!... Я закуталась въ бурнусъ, погасила свѣчи... и вдругъ вся обмерла отъ невыразимаго ужаса: изъ віота, озаренный свѣтомъ одинокой лампы, прямо глядѣлъ на меня строгій ликъ Божіей Матери, и темныя уста ея какъ будто шевелились, будто говорили: „куда ты отъ меня въ этотъ „поздній часъ? Куда? остановись!...“ Я закрыла глаза и съ протянутыми впередъ руками кинулась въ сѣни: ощупью, придерживаясь къ стѣнѣ, все еще не смѣя раскрыть замкнутые глаза, спустилась я съ лѣстницы. Наружная дверь ея была,

по обыкновенію, не заперта,—я очутилась на дворѣ, противъ службъ, и, минуя ихъ, прошла благополучно до ограды, а оттуда въ садъ.

„Ночь была тепла до духоты; длинныя синія тучи, похожія видомъ на стадо исполинскихъ ящерицъ, медленно тянулись по небу, и тускло желтѣвшими окраинами ихъ напоминалъ о себѣ невидимый мѣсяцъ. Узкая дорожка, по которой, вся замирая еще, пробиралась я къ павильону, унизана была свѣтляками; ихъ дымчато-мерцающіе огоньки двигались впереди меня въ скошенной травѣ, будто какая-то подземная сила выслала ихъ освѣщать мой тайный, незаконный путь... Чей-то, не то дѣтскій, не то птичій, голосъ пронзительно застоналъ гдѣ-то вблизи въ ту самую минуту, когда я заворачивала по аллеѣ къ Семи, и что-то, встревоженное и незримое, пронеслось предъ мною во мракѣ, задѣвая крыльями за кусты... Ужасъ овладѣлъ мной снова; я остановилась, я готова была бѣжать, сейчасъ бѣжать назадъ, въ мою покинутую комнату, и тамъ, лицомъ во прахѣ предъ образомъ Заступницы Небесной, молить Ее о защитѣ, о прощеніи...

„Уже явственно доносился до меня шумъ водопада, и изогнутая крыша павильйона чернѣла въ высотѣ на свинцовомъ фонѣ отученнаго неба. „Еще нѣсколько шаговъ...“ шептало мнѣ искушеніе... „онъ тамъ, онъ ждетъ, чтобы сказать „тебѣ послѣднее „прости“, прежде чѣмъ идти снова на бой „съ враждебною, съ неумолимою жизнью... И ты уйдешь? Ли„шишь его послѣднихъ силъ для той суровой битвы?...“

„— Надежда Павловна, вы?...

„Это былъ онъ. Онъ разслышалъ шаги мои, сбѣжалъ съ пригорка, онъ искалъ меня среди темной аллеи.

„Я не могла отвѣтить,—сердце билось у меня такъ, какъ будто хотѣло выскочить изъ груди...

„— Гдѣ вы? подайте голосъ! Что съ вами? спрашивалъ онъ въ испугѣ, подбѣгая ко мнѣ.

„— Не знаю. Я... устала... едва была я въ состояніи выговорить.

„Онъ донесъ скорѣе, чѣмъ довелъ меня до павильона, уса-

дилъ на диванъ и палъ мнѣ въ ноги, съ судорожнымъ, безумнымъ рыданіемъ...

„О, моя богиня, вы пришли... вы не отвергли меня!... лепеталъ онъ задыхающимся голосомъ.

„— Встаньте, Кирилинъ, встаньте, молвила я черезъ силу.

„Но онъ не отрывался отъ моихъ ногъ и, прижавшись лицомъ къ краю моего платья, продолжалъ рыдать неудержимо...

„— Другъ мой, довольно, перестаньте, говорила я...

„Рука моя въ темнотѣ нечаянно коснулась его волосъ. Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ... Я поспѣшила отнять руку,—онъ ее удержалъ на-лету...

„— Оставьте, умоляю васъ, оставьте, прошепталъ онъ, прижимая ее къ своему пылавшему лбу.

„Такъ прошло нѣсколько мгновеній. Я сидѣла недвижно, безъ словъ, безъ мысли; я понимала только, что подъ моею рукой стихало его волненіе, что безжалостно было бы отымать ее...

— О, еслибы вся жизнь могла пройти въ этомъ снѣ! сказалъ онъ наконецъ, медленно приподымаясь, и, не выпуская руки моей, сѣлъ рядомъ со мной.

„— Я исполнила ваше желаніе, Кирилинъ, начала я,—я пришла съ вами проститься...

„— Проститься! воскликнулъ онъ. — Да развѣ я выпущу васъ отсюда!

„И въ страстномъ увлеченіи онъ сжалъ мнѣ руки съ такою силой, что я вскрикнула отъ боли.

„Я вырвала ихъ у него, поднялась съ мѣста...

„— Не думаете-ли вы удержать меня здѣсь противъ моей воли?

„Онъ снова кинулся къ моимъ ногамъ.

„— Не слушайте меня, умолялъ онъ,—свѣтлый геній мой, не слушайте безумца! Знаю-ли я, что̀ говорю, владѣю-ли теперь собой?... Поймите: вѣдь я переживаю единственную счастливую минуту, которая суждена мнѣ въ жизни. Она не возобновится уже никогда, никогда! Я заплачу̀ за нее вѣчностью непробуднаго мрака... Не говорите же мнѣ о прощаніи, дайте мнѣ выпить до дна изъ чаши этого мгновеннаго блаженства!...

„Безмолвно и безвластно опустилась я на диванъ; онъ зналъ, какихъ струнъ онъ касался!...

„Полный мѣсяцъ выходилъ изъ-за тучъ, и задумчивый свѣтъ его внезапно освѣтилъ блѣдныя, изнеможенныя черты колѣнопреклоненнаго Кирилина. Мнѣ вспомнилось все; невыразимая жалость защемила у меня въ сердцѣ...

„— О, какъ вы измѣнились, какъ похудѣли! вырвалось у меня невольно.

„— А вы какъ полагаете? легко переносить разлуку съ вами? Спросите вотъ у этого кактуса, примолвилъ онъ съ мимолетною усмѣшкой, указывая на уставленныя растеніями ступени кіоска,—какъ я, не казистъ онъ и колючъ,... а спросите, способно-ли ему жить безъ тропическаго солнца?

„— Но вы знаете, эта разлука неизбѣжна... примолвила я.

„ Неизбѣжна, да... глухо и вздрагивая повторилъ онъ... все навѣки кончено...

„— Не надо отчаяваться, другъ мой; я надѣюсь, что въ будущемъ...

„Онъ устремилъ въ самую глубь моихъ глазъ свои сверкавшіе какъ пламя глаза.

„— Я не могу жить безъ васъ, Надежда Павловна, ни единаго мгновенія не могу, — поняли вы это? О какомъ будущемъ говорите вы? Не о томъ-ли, когда вернется этотъ вашъ суженый и завладѣетъ вами?... Вы надѣетесь, что онъ будетъ снисходительнѣе вашего отца; онъ, въ великодушномъ презрѣніи своемъ къ моему ничтожеству, не запретъ для меня дверей своего дома, онъ позволитъ мнѣ свободно наслаждаться зрѣлищемъ своего счастія, своихъ восторговъ... Да тысяча смертей лучше, чѣмъ такое будущее!...

„— Я не властна, Кирилинъ, слабо возражала я, стараясь избѣгнуть его неотрывавшагося взгляда, — будьте разсудительны; вы хотите...

„— Я хочу, пылко прервалъ онъ меня,—чтобы конца не было этой божественной ночи!

„Я не находила словъ въ отвѣтъ ему... Его неотступные глаза, и эта душная ночь, и запахъ лилій, возносившихъ свои бѣлоснѣжныя головки подъ окна павильона, и лунное сіяніе,

озарявшее его причудливо расписанныя стѣны, пробуждали во мнѣ неизъяснимое смущеніе; какая-то проникающая, сладостная до боли, истома оковывала мои члены, и отуманенные глаза горѣли отъ проступавшихъ на нихъ непонятныхъ слезъ...

„— Это невозможно, вы знаете... надо смириться, другъ мой, проговорила я наконецъ, пересиливъ себя. — Скажите мнѣ лучше, что̀ думаете вы предпринять, куда полагаете ѣхать?

„— Зачѣмъ вы спрашиваете? Не все-ли это равно? отвѣчалъ онъ, и отъ звуковъ его голоса болѣе еще, чѣмъ отъ этихъ безнадежныхъ словъ, повѣяло на меня вдругъ какимъ-то могильнымъ холодомъ. — Я отпѣлъ себѣ панихиду, Надежда Павловна, а настоящій мигъ—это тотъ пиръ, которымъ когда-то угощали осужденныхъ наканунѣ казни.

„Онъ обманывалъ меня, онъ никуда не уѣдетъ, онъ за„стрѣлится, выходя отсюда!...“ пронеслось у меня въ головѣ.

„— Но я не хочу, чтобы вы погибли! Слышите-ли? Я приказываю вамъ жить! воскликнула я, стремительно наклоняясь къ нему, и руки мои упали на его плечи.... Помимо воли, помимо самой себя, отдалась я внезапному порыву: онъ охватилъ меня быстрѣе и нежданнѣе, чѣмъ гроза, ударяющая въ соломенную крышу. Все, что̀ пережила я, что вынесла изъ-за этого человѣка въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ,—тревога за него и страхъ, разладъ съ отцомъ, тоска моя, мои тайныя слезы,—все это слилось теперь въ одно безпредѣльное желаніе, въ одну всепоглощающую мысль: спасти его, спасти во что̀ бы ни стало!...

„— Жить! Вы мнѣ велите жить! говорилъ онъ между тѣмъ, и слова его звенѣли теперь какимъ-то опьяненіемъ счастія, и дрожащими устами покрывалъ онъ поцѣлуями мои похолодѣлыя руки....— Знаете-ли вы, что я могу жить только любимый вами! Ваша любовь одна можетъ поднять меня съ долу, совершить чудо моего воскресенія! Какъ спутанному орлу вернетъ она мнѣ крылья, съ ней все придетъ, — силы, воля, вдохновеніе! Выше царей земныхъ вознесетъ она меня, эта любовь!... Да и предъ какимъ же владыкой земли, воскликнулъ онъ вдругъ, откидывая голову (онъ замиралъ отъ восторга), — предъ кѣмъ когда-либо представало это волшебное

видѣніе, скользнувшее будто бы для меня съ неба по золотому лучу мѣсяца? какому счастливцу сіяли звѣзды, подобныя этимъ глазамъ?....

„Неотразимая волна увлекала меня... Голубые огни прыгали у меня въ глазахъ, какое-то невѣдомое, алчущее волненіе разливалось по мнѣ лихорадочнымъ трепетомъ....

„— Живите! повторила я.

„— Договори же, прошепталъ онъ изнывающимъ отъ блаженства голосомъ,—договори, царица этой чародѣйной ночи, скажи, что ты любишь меня!...

„Онъ обвилъ меня обѣими руками и привлекалъ къ себѣ... и лицо мое запылало подъ его горячимъ дыханіемъ...

„— Кирилинъ!... нѣтъ! оставьте меня, оставьте!... молила, я, вырываясь изъ этихъ страстныхъ и мощныхъ рукъ....

„Но онъ не слушалъ: его огненныя губы уже касались моихъ губъ. Я была безсильна, безпомощна....

„Я очнулась, и, съ сознаніемъ моей погибели, моего неслыханнаго позора, закипѣло разомъ въ душѣ моей чувство невыразимой ненависти къ виновнику его...

„— О, бездушный, безсовѣстный человѣкъ! не владѣя собой, дрожа отъ негодованія, стыда и раскаянія, упрекала я его. — Какимъ адскимъ обманомъ довели вы меня до этой пропасти! Я погибла, я пропала въ этой жизни и въ вѣчной,—понимаете-ли вы, безбожный человѣкъ? Вы этою бездной отплатили мнѣ за то, что я, какъ сестра родная, принимала участіе въ вашей жалкой судьбѣ, за мои слезы, за мое заступничество, за то, что я съ отцомъ.... Отецъ мой, мой честный отецъ! Боже мой! Что̀ будетъ съ нимъ!... И кто же? Вы! Вы, кого воспиталъ онъ какъ сына, вы обезчестили его дочь!... Не другомъ, не братомъ вернулись вы въ этотъ домъ, которому вы всѣмъ обязаны, а лютымъ, заклятымъ врагомъ! Вы подругу вашего дѣтства приговорили къ вѣчному сраму, къ безвыходной, къ безконечной мукѣ! Какую казнь, говорите, заслужили вы за это страшное дѣло!...

„— Довольно, молчи! Не произноси этихъ несправедли-

выхъ словъ! восклицалъ онъ въ отвѣтъ, пламенно обнимая мои колѣни.

„Я оттолкнула его, вырвала изъ рукъ его мое платье...

„— Не трогайте меня! Вы мнѣ гадки!

„— Гадокъ? повторилъ онъ, какъ бы не разслушавъ.

„— Да, да, гадки! повторила я, повинуясь неодолимому отвращенію, которое онъ внушалъ мнѣ къ себѣ теперь.—Или вы думали, что я сознательно, добровольно пала въ ваши объятія?...

„ Онъ прервалъ меня.

„— Надя, жизнь моя, умоляю васъ придите въ себя...

„— Какъ вы смѣете называть меня такъ! вскрикнула я на него.—Я для васъ Надежда Павловна Чемисарова, слышите-ли?... Я несчастная, погибшая дѣвушка, но я не сообщница ваша!... Клянусь вамъ моимъ разгнѣваннымъ Богомъ, тѣмъ Богомъ, въ котораго не вѣрите вы и который готовитъ вамъ страшную кару,—воля моя не причастна моему преступленію...

„— Ваша воля не причастна... Что̀ вы хотите сказать этимъ? спрашивалъ онъ, не перемѣняя положенія и подымая на меня недоумѣвающіе глаза.

„— Я васъ никогда не любила, никогда, никогда! Слышите-ли вы это? Вы были всѣми покинуты, никому не милы, родная мать готова была отказаться отъ васъ, я помнила прежнее дѣтство, я жалѣла васъ, другаго чувства я никогда не знала къ вамъ! Вы опутали меня, и я теперь понять даже не могу, какъ вы сдѣлали это, завлекли меня, воспользовались этою ночью, моимъ невѣдѣніемъ, слабостью моей... Но душа моя никогда не принадлежала вамъ, она осталась свободна, чтобы вѣчно терзаться моимъ грѣхомъ и ненавидѣть его!

„Онъ поднялся на ноги, блѣдный при лунномъ свѣтѣ, какъ призракъ надъ могилой...

„— Вы взволнованы, Надежда Павловна, беззвучно и медленно заговорилъ онъ,—я иначе не могу объяснить себѣ ваши невообразимыя рѣчи. Успокойтесь, прошу васъ, и отвѣчайте мнѣ одумавшись: вы не любите... никогда не любили меня?

„— Я уже вамъ сказала, я знаю, что̀ говорю: никогда! Я любила, люблю одного Владиміра Кемскаго, съ которымъ вы меня сегодня на вѣки разлучили!...

И, вспомнивъ про это, сердце мое точно порвалось на куски; я упала на диванъ, захлебываясь жгучими, ядовитыми слезами.

„Кирилинъ обошелъ кругомъ павильона какимъ-то дикимъ, растеряннымъ шагомъ, какъ волкъ въ своей ямѣ.

„— Вы меня не любили, сказалъ онъ, останавливаясь предо мной,—не любили и отдались мнѣ?

— Не любила, нѣтъ. И не отдавалась вамъ! отвѣчала я на этотъ безсовѣстный упрекъ...—Оскорбленіе осушило мои слезы, я стояла прямо и презрительно смотрѣла ему въ лицо.— Я пришла спасти васъ, вѣря вамъ, не подозрѣвая, что̀ могло меня ждать здѣсь... А вы знали, вы воспользовались, вы взяли меня безъ жалости, безъ пощады...

„— Еще разъ спрашиваю, Надежда Павловна!—и слова его шипѣли, проходя сквозь скрипѣвшіе его зубы: онъ былъ страшенъ!—вы никогда не любили меня? Это послѣднее ваше слово?

„— Я презираю и себя, и васъ,—вотъ мое послѣднее слово! сказала я и упала снова на диванъ, закрывая руками глаза. Умереть въ это мгновеніе—о, какое было бы это счастіе для меня!

„Онъ залился вдругъ какимъ-то сатанинскимъ хохотомъ...

„— Вы правы, Надежда Павловна! Я васъ обманулъ, завлекъ, я воспользовался... Я *взялъ* васъ, вы не отдались! Аристократки, какъ вы, не могутъ любить пролетаріевъ, какъ я; мы можемъ внушать имъ лишь жалость къ нашей горькой участи, какъ животное, чрезъ которое проѣхала ихъ карета!... А мы, безсовѣстные, въ благодарность за неизреченную эту милость, *беремъ* ихъ силой и ввергаемъ ихъ души въ геенну огненную!... Да понимаете-ли вы, воскликнулъ онъ, внезапно перемѣняя выраженіе,—и выраженія этого я, пока жива, не за́буду,—понимаете-ли вы, вѣрующіе въ милостивца Христа, что грѣхъ вашъ въ настоящую минуту не въ примѣръ тяжеле того, въ которомъ вы съ такимъ

презрѣніемъ отрицаете всякое сообщничество со мной? Богъ нашъ грозный и карающій, положимъ, но и онъ не дозволяетъ употреблять въ брани отравленныя стрѣлы. А у васъ что̀ слово, то новый ядъ въ рану, и безъ того уже смертельную. Или вы думали, что я могъ пережить эту ночь? Я сказалъ вамъ: идя сюда, я отпѣлъ себѣ заранѣе панихиду. Я зналъ, барышня, примолвилъ онъ съ новымъ горькимъ смѣхомъ, что законовъ мнѣ вашихъ не передѣлать, и что за такіе пиры люди, какъ я, платятъ дорого... И долгъ свой я уплатилъ бы честно... Но тогда я унесъ бы въ могилу благоуханіе вашихъ поцѣлуевъ, какъ вожделѣнный и лучшій даръ, который я могъ взять отъ земли... Но вамъ не угодно было оставить мнѣ и тѣнь обольщенія. Вы, единственная звѣзда, свѣтившая въ моей жизни, и для которой догорала сегодня эта жизнь,—вы обратились въ безчеловѣчнаго палача моего... „Умирай, безутѣшный, безнадежный, виновный“, велите вы „мнѣ, „уноси съ собой въ тотъ вѣчный мракъ ненависть мою „и презрѣніе! Какое мнѣ дѣло до той муки, съ которою „испустишь ты послѣдній вздохъ твой, лишь бы я могла, въ „собственныхъ глазахъ, спасти свою сословную честь, сказать „себѣ, что я не пала, не могла пасть въ объятія человѣка „безъ имени, котораго мой безобразный свѣтъ не даетъ права „любить!“...

„— Свѣтъ, сословная честь! повторяя его слова и рыдая прервала его: — такъ вотъ вы чѣмъ объясняете себѣ мое отчаяніе!...

„Онъ вздрогнулъ, взглянулъ на меня... Я отвернулась...

„— Что̀ бы нѝ было, проговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — отчаяніе ваше безполезно: могила все скроетъ... Я не выйду изъ нея напоминать вамъ объ этой ночи...

„Онъ кинулся вонъ изъ павильона...

„Въ дверяхъ, между имъ и свѣтлѣвшею синевой предразсвѣтнаго неба, показалась темная фигура... Кирилинъ отшатнулся...

„— Батюшка! спасите! крикнула̀ я и всѣмъ тѣломъ рухнулась предъ нимъ.

„Онъ оттолкнулъ меня ногой и, не переступая порога:

„— Ты помнишь мое слово? сказалъ онъ Кирилину.

„— Помню, какъ бы на мигъ дрогнувъ, но безтрепетно, отвѣчалъ тотъ.

„— Пойди сюда!

„Я хотѣла встать... и снова упала. Голосъ мой замеръ, не двигались члены...

„— Черезъ ея тѣло прикажете? спросилъ Кирилинъ, и въ этомъ вопросѣ прозвучала для меня послѣдняя нота того безконечнаго и разбитаго мною чувства, изъ-за котораго погибалъ онъ теперь...

„Отецъ мой нагнулся, приподнялъ меня и оттащилъ къ дивану...

„Они сошли со ступеней... Слова ихъ доходили до меня, какъ иногда во снѣ звуки, неслышимые ухомъ, а принимаемые какимъ-то внутреннимъ, невѣдомымъ нервомъ...

„— Она ни въ чемъ не виновата, говорилъ Кирилинъ,— я ее умолялъ, она боялась отказать, я грозилъ ей застрѣлиться, въ случаѣ, еслибъ она отказала мнѣ...

„— Довольно, пора кончить! говорилъ отецъ мой.—Лобъ крести!...

„— Не извольте безпокоиться. Мы здѣсь не мелодраму разыгрываемъ. Я самъ знаю, что̀ мнѣ надо дѣлать...

„— Умирай же какъ собака! послышался дрожавшій отъ гнѣва шепотъ.

„— Умру какъ свободный человѣкъ! прозвенѣлъ въ послѣдній разъ молодой голосъ.—Не берите лишняго грѣха на совѣсть, благодѣтель!...

„И все смолкло разомъ. Только какой-то, почудилось мнѣ, глухой, внезапный плескъ раздался и смутилъ на мгновеніе однообразный гулъ падающихъ водъ...

„Я вскрикнула, и свѣтъ выкатился изъ глазъ моихъ.

„Высокая комната, обтянутая полинялымъ зеленымъ штофомъ, и на стѣнѣ прямо предо мной портретъ во весь ростъ женщины, въ бѣломъ платьѣ, съ розой въ рукѣ, освѣщенный на половину вечернимъ свѣтомъ, — вотъ что представилось мнѣ, когда я открыла глаза...

„— Кто это? прошептала я, силясь приподнять голову и тщетно стараясь припомнить, гдѣ я видѣла эту розу и эту миловидную, высокую бѣлокурую женщину...

„Я лежала на постели... Въ головахъ у меня кто-то спѣшно задвигался, и надо мной наклонилось вдругъ морщинистое, блѣдное лицо, окутанное во что-то черное...

„Я слабо вскрикнула, въ глазахъ помутилось...

„Мнѣ дали понюхать чего-то очень сильнаго, отъ чего я пришла въ себя и снова открыла глаза... Подлѣ меня стоялъ Карлъ Ивановичъ; онъ держалъ между пальцами стклянку, пробка отъ нея торчала у него въ зубахъ; онъ внимательно сквозь очки свои глядѣлъ на меня.

„Я очень обрадовалась ему и улыбнулась.

„Доброе лицо его все освѣтилось радостью. Онъ закивалъ головой и осторожно взялъ меня за пульсъ.

— Вы не узнали вашу тетушку, Надежда Павловна? спросилъ онъ меня чрезъ нѣсколько времени и, поднявъ очки, глянулъ по ту сторону кровати.

„— Тетушку? повторила я, недоумѣвая.

„Черная особа снова наклонилась надо мной. Я узнала въ ней мать Варсонофію.

„— Это вы, ma tante?...

„— Я, другъ мой, я, отвѣчала она беззвучно. — Какъ ты себя чувствуешь?

„— Я? ничего... Развѣ я больна, Карлъ Ивановичъ?

„— О, немножко, немножко, это скоро пройдетъ, поспѣшно заговорилъ онъ и помахалъ по воздуху рукой, какъ бы приглашая меня не дѣлать безполезныхъ вопросовъ.

„Мать Варсонофія поправила на мнѣ одѣяло, приподняла осторожно подушку подъ моею головой....

„— Гдѣ я, тетушка? спрашивала я ее.

„Она, не отвѣчая, подняла глаза на Карла Ивановича.

„— Тутъ лучше, воздухъ чистый, большая комната, поспѣшилъ онъ опять заговорить.

„— Эта комната твоей матери, Надя, тихо промолвила мать Варсонофія.

„— Маменьки? Это она! прошептала я, узнавая ее вдругъ

въ бѣлокурой красавицѣ, глядѣвшей на меня со стѣны съ такою безконечною нѣжностью....

„Слезы проступили у меня на глазахъ.... Тетушка замѣтила это и заботливо отерла ихъ платкомъ.... Карлъ Ивановичъ съ досадой взглянулъ на нее....

„Онъ былъ не правъ: я заплакала безсознательно, не понимая, не помня ничего, кромѣ этого, мною же сейчасъ проговореннаго слова: „маменька“....

„— Гдѣ Сарра? спросила я опять.

„Карлъ Ивановичъ задергалъ очки свои, видимо затрудняясь отвѣтомъ.

„— Она уѣхала.... ей очень нужно было.... пробормоталъ онъ наконецъ, пытливо всматриваясь въ мое лицо.

„Но я не спрашивала: куда? зачѣмъ? Мнѣ было все равно...

„Докторъ приложилъ руку къ моему лбу.

„— Не болитъ у васъ голова? спросилъ онъ.

„— Нѣтъ.... Мнѣ спать хочется....

„Я проснулась на другой день.... Голова моя была свѣжа, я даже не чувствовала себя особенно слабою. Въ продолженіе дня я узнала отъ тетушки, что больна я давно, „пошла вторая недѣля“, что ее выписалъ батюшка изъ монастыря, а самого его нѣтъ, онъ уѣхалъ вчера въ екатеринославское наше имѣніе и неизвѣстно когда вернется.... Я не удивлялась ничему, ни о чемъ не разспрашивала: все это будто нисколько меня не касалось....

„Я стала поправляться, но съ возвратомъ физическихъ силъ не возвращалась память. — Прошлое не существовало для меня; словно какое-то непроницаемое покрывало легло между имъ и прозябаніемъ,—не нахожу иного выраженія,— наступившихъ для меня дней. Я туда и не старалась заглянуть: тамъ было что-то темное и страшное, говорило мнѣ не сознаніе, а какое-то такое же темное чутье. Я узнала, что Сарра уѣхала въ Англію, что батюшка назначилъ ей большую пенсію, что Катя моя отправлена къ матери, куда-то далеко, что и Настасьи Савельевны нѣтъ въ домѣ, она переѣхала жить въ губернскій городъ... Но все это было для меня звуками, ничѣмъ

болѣе; съ этими именами не связывалось для меня никакого впечатлѣнія, я даже съ трудомъ вспоминала, кто именно были эти лица, почему, съ какихъ поръ извѣстны они мнѣ... Въ этой высокой, старинной, почти незнакомой мнѣ комнатѣ ничто не напоминало прежней моей жизни: меня съ этою цѣлью, вѣроятно, и перевели сюда... Комната была угольная; одна сторона ея выходила въ садъ, другая на красный дворъ. Тамъ каждый день утромъ, въ положенный часъ выводили изъ конюшни лошадей на прогулку, и я, какъ ребенокъ, нетерпѣливо ждала каждый день этой выводки, забавлялась рѣзвыми скачками, веселымъ ржаньемъ моихъ четвероногихъ любимцевъ. Съ такимъ же нетерпѣніемъ ждала я завтрака, обѣда, вечерняго чая.... Повторяю, не жизнь, прозябаніе это было... Тетушка подолгу читывала мнѣ вслухъ разныя книги, по большей части русскія, и это доставляло мнѣ большое удовольствіе: смысла читаемаго я не понимала, но заслушивалась тихаго, медленнаго и проникающаго голоса матери Варсоноѳіи. Я помѣщалась обыкновенно въ это время въ длинномъ креслѣ, противъ портрета маменьки, и въ какомъ-то безотчетномъ умиленіи глядѣла по цѣлымъ часамъ на прелестный, молодой и кроткій обликъ моей матери, безсознательно ища его повторенія въ не менѣе когда-то прекрасномъ лицѣ ея сестры. Иной разъ отцвѣтшія черты матери Варсоноѳіи оживали для меня мгновенною юностью, все перемѣшивалось тогда въ моемъ больномъ воображеніи, и мнѣ представлялось, что уже не тетушку я слышу, а что изъ свѣжихъ и алыхъ устъ двадцатилѣтней красавицы, изображенной на томъ полотнѣ, льется этотъ пѣвучій, убаюкивавшій меня голосъ...

„Много-ли времени провела я въ этомъ состояніи, я не помню... Я начинала уже выходить на воздухъ, въ садъ, одна... Тетушка привела ко мнѣ однажды даму почтенной наружности: это оказалась Швейцарка, madame Beck, выписанная батюшкой откуда-то на мѣсто моей бѣдной Сарры. Она помѣстилась въ ея комнатѣ, наверху, сходила поить меня чаемъ утромъ и вечеромъ и при этомъ почти никогда не раскрывала рта. Сама тетушка начинала поговаривать объ

отъѣздѣ: она соскучилась по своей обители и ждала только батюшки...

„Онъ вернулся наконецъ. Я первая услыхала колокольчикъ и мѣрный топотъ въѣхавшей во дворъ его четверки. Всѣ бывшіе въ комнатѣ побѣжали ему навстрѣчу. Я кинулась къ окну. Онъ сидѣлъ въ коляскѣ съ Фрейманомъ и, проѣзжая мимо моихъ оконъ, поднялъ голову. Онъ увидѣлъ меня, и что-то радостное, показалось мнѣ, мелькнуло на его лицѣ: я закивала ему головой, онъ тотчасъ же отвернулся... Я опустилась въ кресло и заплакала... То были горькія, ѣдкія слезы: сознаніе воскресало во мнѣ вмѣстѣ съ ними, еще не полное, еще смутное, но роковое сознаніе какого-то неизгладимаго прошедшаго...

„Мать Варсонофія и Карлъ Ивановичъ, вернувшись, говорили, что батюшка здоровъ, съѣздилъ благополучно.

„— А я... не увижусь съ нимъ, тетушка?

„— Увидитесь, увидитесь, завтра! отвѣчалъ вмѣсто нея докторъ.—Сегодня нельзя, онъ усталъ съ дороги; поздно теперь, вечеръ, онъ скоро ляжетъ спать...

„Я не противорѣчила, я поняла, что батюшка не спѣшилъ увидаться со мной...

„Онъ не спѣшилъ, онъ не хотѣлъ меня видѣть. Я тщетно прождала его весь тотъ обѣщанный мнѣ день; съ утра била меня лихорадка, глаза мои не отрывались отъ двери, въ которую онъ долженъ былъ войти... Онъ не приходилъ.

„— Что̀ же батюшка, ma tante? спрашивала я. Она не отвѣчала: тѣнь отъ длинныхъ рѣсницъ все такъ же падала на ея блѣдныя щеки; она не подымала ихъ, только длинные пальцы исхудалой руки ея слегка дрожали, перебирая крупныя зерна ея аметистовыхъ четокъ. Карлъ Ивановичъ явился ко мнѣ на минуту, спросилъ о здоровьи, пощупалъ пульсъ и ушелъ куда-то съ какимъ-то неестественно озабоченнымъ видомъ: онъ просто боялся моихъ вопросовъ...

„Я не могла терпѣть долѣе... Я хочу его видѣть! повторяла я себѣ въ продолженіе всего того дня, и я рѣшилась.

„— На слѣдующее утро послѣ чая,—это было въ воскресенье, тетушка ушла къ обѣднѣ, со мной оставалась одна ma-

dame Beck,—я поднялась съ кресла, въ которомъ до того неподвижно сидѣла, взглянула на портретъ матушки, перекрестилась и направилась къ двери...

— Où allez vous? взволнованнымъ голосомъ спросила меня вдругъ изумленная Швейцарка.

„— Je vais chez mon père, madame, отвѣчала я, мѣряя ее взглядомъ съ ногъ до головы.

„Она хотѣла что-то сказать и не смогла, опустила глаза...

„Я отворила дверь.

„Она выходила въ темный корридоръ; я едва могла разсмотрѣть другую маленькую дверь, которая вела въ гардеробную батюшки.

„Я смѣло и быстро пробѣжала ее, но когда вошла въ кабинетъ, силы измѣнили мнѣ... Я схватилась руками за первое попавшееся мнѣ кресло и такъ и замерла...

„Отецъ мой сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ, низко опустивъ голову надъ какими-то бумагами. Онъ услыхалъ шаги мои, глянулъ, узналъ меня...

„— Что̀ вамъ угодно? проговорилъ онъ, блѣднѣя, и поднялся съ мѣста.

„Но я не вняла этимъ жестокимъ словамъ, этому ледяному взгляду... Я рванулась къ нему... Я обнимала его судорожно трепетавшими руками... Я прижималась къ его колѣнямъ моимъ облитымъ слезами лицомъ.

„— Батюшка! говорила я сквозь душившія меня рыданія! — ради нашего ангела... ради покойницы маменьки, не глядите на меня такъ!...

„Онъ дрогнулъ при этомъ имени... не выдержала его желѣзная природа... Онъ наклонился ко мнѣ, взглянулъ мнѣ въ лицо и сказалъ послѣ долгаго, мучительнаго колебанія:

„— Что̀ же ты хочешь отъ меня, погибшая?...

„— Простите!... едва оставалось мнѣ силы прошептать.

„— Простить?—Онъ приподнялъ меня за плечи и, не отнимая отъ нихъ рукъ своихъ, погрузилъ въ глаза мои свои исполненные безконечной печали глаза. — Понимаешь-ли, ты все убила во мнѣ... послѣднее!...

„Въ это, именно въ это мгновеніе всецѣло воскресало во

мнѣ сознаніе. Въ первый разъ, во всемъ ея неизрекаемомъ ужасѣ, освѣтило оно предо мной страшную картину той ночи, смерти... Какъ переносятъ такія мгновенія, я и теперь сказать не могу...

„— Понимаю, отвѣчала я,— и одного прошу я у Бога — смерти!..

„Батюшка опустилъ руки... Что-то похожее на испугъ промелькнуло на его лицѣ... О, онъ еще не вычеркнулъ меня всю изъ своего сердца: мысль, что я не вынесу, что я могу умереть, устрашала его!...

„— Казнись, глухо произнесъ онъ,—признайся во всемъ Владиміру... Онъ можетъ простить тебя...

„Я поняла, — это была послѣдняя искра въ безнадежной ночи, обнимавшей его старость... Ему, во всю жизнь свою не склонявшему ни предъ кѣмъ свою честную, гордую голову, теперь оставалась одна лишь эта робкая надежда на ваше прощеніе, на великодушіе ваше, Владиміръ!... Но мнѣ признаться, сказать вамъ, вамъ, что я... Нѣтъ, думала я, это хуже смерти!...

„— Никогда, никогда, батюшка!...

„Онъ взглянулъ на меня опять: такого выраженія тоски и отчаянія я никогда еще не встрѣчала на этомъ лицѣ.

„— Я получилъ сегодня письмо отъ Грайворонскаго, сказалъ онъ,—онъ проситъ твоей руки. Какъ, по твоему, осмѣлился бы онъ, еслибы не дошло до него?...

„Голосъ батюшки оборвался; онъ не досказалъ и отошелъ отъ меня.

„— Батюшка! взывала я къ нему, ломая себѣ руки:—скажите Владиміру... напишите ему все! Только не я, не я!...

„Онъ обернулся.

„— Нѣтъ, ты, и никто болѣе!... Я могъ простить во имя ея... святой... Но я тебѣ ни покровитель, ни заступникъ... Да и ты, полагаю, примолвилъ отецъ мой съ какимъ-то невыразимымъ оттѣнкомъ и гордости, и презрѣнія,—ты сама не захотѣла бы, чтобъ онъ взялъ тебя изъ жалости ко мнѣ?

„Я согласилась, я обѣщала, сквозь слезы, сквозь прожигающія слезы...

„Отецъ увезъ меня въ Одессу, оттуда моремъ въ Константинополь, Грецію, Италію... Я увидала синія южныя волны и тѣ мѣста, любимыя солнцемъ, которыя я мечтала когда-то посѣтить объ руку съ вами, о, другъ мой, счастливая, безупречная, какъ вы... Теперь подъ это лучезарное небо юга я приносила съ собой безвозвратное отреченіе отъ жизни, и не властно уже было оно вызвать новое пламя къ испепеленномъ сердцѣ... Я не могла простить себя, ни за васъ... ни за *него!*...

„На другую зиму мы поѣхали въ Москву... Бѣдный отецъ мой! Онъ писалъ вамъ объ этомъ въ Иркутскъ, онъ еще чего-то ждалъ для меня, онъ надѣялся...

„— Помни слово! сказалъ онъ мнѣ, возвращаясь съ того бала, гдѣ мы, въ Москвѣ, въ первый разъ встрѣтились съ вами...

„Но вы знаете, я не сдержала его, я не могла тогда... не могла. Много лѣтъ нужно было...

Я умираю, другъ мой, жизнь отходитъ... рука уже не повинуется мнѣ... Не знаю, прочтете-ли вы эти послѣднія строки... а я уже не разбираю... свѣтъ потемнѣлъ...

„Умираю, исполнивъ обѣтъ... Съ сладостными слезами благодарю Отца моего Небеснаго... Онъ дозволилъ.—я успѣла... вы узнаете все... Вѣрю!... Мы увидимся, Владиміръ, тамъ... гдѣ ни плача, ни воздыханій... Онъ проститъ меня... грѣшную!... Онъ проститъ и его... чья скорбная, упрекающая тѣнь стояла неотступно... за кого проплакала я всѣ слезы мои, до могилы молилась... Онъ ушелъ отъ меня въ вѣчность непримиренный, проклинающій... но онъ любилъ!... Любовь... люб..."

На этомъ полусловѣ прервалась рукопись Надежды Павловны. Послѣднія строки, начертанныя ею, можно было, дѣйствительно, разобрать лишь съ величайшимъ трудомъ. Подъ этими строками, нѣсколько ниже, дрожащимъ, но крупнымъ и четкимъ почеркомъ,—очевидно, рукой матери Варсонофіи,—помѣчено было:

„1855 года декабря 11-го, въ половинѣ восьмаго утра, „войдя утромъ къ Надѣ, застала ее преставльшеюся. Скончалась въ ночь такъ тихо, что бывшая у постели сестра Але-

„ксандра и не замѣтила. Наканунѣ, послѣ вечерень, сподоби-„лась причаститься Святыхъ Таинъ и затѣмъ пожелала опо-„чить. Во снѣ и отошла. Тетрадь сія лежала подъ подушками, „и 10-го числа сестра Александра видѣла, что Надя еще въ „нее вписывала. Меня давно просила, когда умретъ, отослать „къ тебѣ, что̀ и исполняю. Зная чувства твои въ покойницѣ, „ничего къ сему не прибавлю. Въ книгѣ Царствъ сказано: „*вкушая, вкусихъ мало меда и се азъ умираю:* такова была „и ей судьба.

„Господи, въ селеніяхъ праведныхъ упокой душу ея!“

КОНЕЦЪ.

ДВѢ МАСКИ.

(СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ).

ДВѢ МАСКИ.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗСКАЗЪ *).

(Памяти Дм. Ив. Нарышкина).

Le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable.
Boileau.

Я плылъ по Волгѣ вверхъ на *Самолетскомъ* пароходѣ. Погода стояла великолѣпная; пассажировъ было мало; поваръ— какой-то доморощенный Каремъ, какихъ создавали Гоголевскіе *Пѣтухи* крѣпостныхъ временъ, — кормилъ отлично... Препріятное было путешествіе.

Остановились мы однажды у одной изъ пристаней, на которыхъ пароходы *Самолета* запасаются дровами. Пока ихъ носили, я, во спасеніе отъ неизбѣжныхъ при этомъ грохота и толкотни, ушелъ наверхъ къ капитану, на рубку (точно-ли это впрочемъ называется *рубкою*, я, право, не знаю, извините, читатель).

Тамъ уже сидѣлъ на скамейкѣ единственный товарищъ мой по первому классу, съ которымъ мы второй день поѣдали камскія стерляди и заѣдали ихъ астраханскими арбузами, съ самымъ трогательнымъ единомысліемъ. Между имъ и мною,—удивительно, какъ эти путешествія на рѣчныхъ

*) Впервые напечатанъ въ декабрской книжки „Русскаго Вѣстника" за 1874 годъ.

пароходахъ, да еще когда поваръ хорошъ и провизія свѣжа. располагаютъ къ благодушію!—успѣли уже установиться самыя дружескія, чуть не нѣжныя отношенія.

Онъ служилъ членомъ суда въ одной изъ низовыхъ губерній, былъ нѣсколько плѣшивъ и тученъ, улыбался очень пріятною, мягкою улыбкой и ѣхалъ за женой въ Москву, куда она отправилась на консультацію къ доктору Захарьину. Жену эту онъ увезъ три года тому назадъ, хотя ему въ то время было уже за сорокъ лѣтъ, а ей двадцать. Любили они другъ друга страстно. Дѣтей у нихъ не было, и вслѣдствіе этого-то обстоятельства онъ и отправилъ ее въ Москву на консультацію... Фамиліи его я и понынѣ не знаю, а звали его Флегонтомъ Ивановичемъ.

Сидѣлъ онъ тамъ, наверху, на *рубкѣ*, и, прищурившись, глядѣлъ на противоположный берегъ Волги, надъ самымъ обрывомъ котораго индѣ зеленѣли уже рѣдкія кущи стараго, запущеннаго сада, и уныло выглядывали изъ-за нихъ заколоченныя досками окна еще очень красивой въ своемъ запустѣніи помѣщичьей усадьбы.

Много, очень много въ эти два дня пробѣжало мимо насъ по обоимъ берегамъ Волги-матушки такихъ опустѣлыхъ покинутыхъ усадьбъ съ ихъ забитыми и покинутыми окнами, растасканными крышами и уже успѣвшими почернѣть пеньками фруктовыхъ садовъ, вырубленныхъ варварскими руками...

— Еще одна! кивнулъ я, подходя, моему спутнику.

— Да-съ, проговорилъ онъ сквозь зубы, не перемѣняя положенія;—и кому отъ этого лучше стало?.. И, какъ бы испугавшись такого вырвавшагося у него нелиберальнаго восклицанія:—Дрова рубишь, щепки летятъ—понятно! промолвилъ онъ, словно извиняясь за что-то.

Я, въ свою очередь, поспѣшилъ либерально улыбнуться.

— А этой мнѣ въ особенности жаль! сказалъ Флегонтъ Иванычъ съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ.

— Знакомая вамъ?

Онъ ерзнулъ всѣмъ тѣломъ, оборачиваясь отъ усадьбы ко мнѣ лицомъ, вытащилъ изъ пальто платокъ, которымъ при-

нялся протирать стекла своего pince-nez, и глядя на меня тѣмъ многозначительнымъ и мрачнымъ взглядомъ, какимъ— замѣтили вы, читатель?—глядятъ всѣ близорукіе люди при этомъ занятіи:

— Близко-съ! отвѣчалъ онъ и даже вздохнулъ.

Я такъ и почуялъ впереди *исторійку*...

— Я-съ тутъ пять лѣтъ судебнымъ слѣдователемъ прослужилъ, заговорилъ Флегонтъ Иванычъ, кивая на уѣздный городъ, предъ которымъ мы стояли, а тамъ, ткнулъ онъ большимъ пальцемъ себѣ за спину,—*тамъ*, почитай, все свободное отъ службы время проводилъ за эти пять лѣтъ... И пріятно проводилъ-съ! вздохнулъ онъ опять.

— Чья она? спросилъ я.

— А *теперича* она, отвѣчалъ онъ, теперича принадлежитъ она графу Бобрищеву-Пущину, если не продалъ... Только я про то время говорю, когда владѣлъ ею дядя этого самаго графа, Дмитрій Иванычъ Горбатовъ-Засѣкинъ.

— Старое имя!

— Съ нимъ и кончилось! въ третій разъ вздохнулъ Флегонтъ Иванычъ:—ну, и,—не совсѣмъ смѣло добавилъ онъ,— ну, и *баринъ* былъ!.. Да главное, человѣкъ-то хорошій!.. Образованный, артистъ... Ходитъ себѣ, бывало, по кабинету, руки за спину закинетъ, и стихи себѣ подъ носъ бормочетъ. Страсть къ нимъ имѣлъ, что̀ наизусть зналъ!.. Время его воспитанія такое ужь было: нынче, конечно, вѣкъ серіозный, это можетъ-быть нѣсколько и...

Онъ не договорилъ и глянулъ мнѣ въ лицо:

— А не дурное, по правдѣ сказать, было это времячко, ей-Богу недурное-съ! вдругъ воскликнулъ онъ, и тутъ же подозрительно оглянулся...

Я не отвѣтилъ. Онъ продолжалъ:

— Музыку любилъ... Органъ у него превосходнѣйшій былъ, и гдѣ-то онъ теперь, этотъ органъ? *Баха* все исполнялъ на немъ... Вы музыкантъ?

— Не совсѣмъ, а про Баха слыхалъ...

— Ну, такъ онъ это все исполнялъ Баха. Единственно духовною музыкой занимался...

Флегонтъ Иванычъ робко улыбнулся, какъ бы опять за что-то извинялся.

— Слабость имѣлъ онъ одну...

— Пилъ? сказалъ я, разумѣя слабость, какъ разумѣетъ ее всякій на родныхъ пажитяхъ вскормленный Россіянинъ...

— Что̀ вы, помилуйте! громко уже засмѣялся мой спутникъ,—человѣкъ такого воспитанія!.. Нѣтъ-съ, я говорю слабость, потому что все-таки... Онъ-съ спиритъ былъ!..

— А! протянулъ я.

— Такъ точно! И даже больше-съ, суевѣренъ былъ и...

Флегонтъ Иванычъ заерзалъ на своей скамейкѣ, вздѣлъ pince-nez на носъ, и съ какимъ-то вдругъ рѣшительнымъ выраженіемъ,—словно сказалъ себѣ: а была не была!

— Конечно, послѣ того, что̀ съ нимъ было... качнулъ онъ головою снизу вверхъ.

— А что̀ съ нимъ было? тотчасъ же полюбопытствовалъ я, присосѣживаясь къ нему на скамейку.

Флегонтъ Ивановичъ откашлянулся.

— Можетъ, изволите помнить-съ, сказалъ онъ,—у Пушкина есть одна вещь:

Онъ имѣлъ одно видѣнье
Непостижное уму,
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врѣзалось ему,

и такъ далѣе... Такъ вотъ это самое и съ нимъ было. И хотя, конечно, въ нашъ вѣкъ положительной науки это, такъ-сказать, представляется анахронизмомъ, — бѣдный Флегонтъ Иванычъ, видимо, ужасно боялся *отстать отъ вѣка*,—однакоже, дѣйствительно, и понынѣ еще многое остается темно и даже, можно сказать, есть случаи, которые вы никакимъ индуктивнымъ методомъ... Такъ вотъ-съ именно съ нимъ былъ такой случай,—перебилъ себя мой спутникъ, видимо чувствуя, что запутывается въ неисходной фразѣ, — и самая даже его смерть представляетъ собою такое странное явленіе...

— Вы тутъ были? воскликнулъ я, уже серьезно заинтересованный.

— Нѣтъ-съ, я тогда уже былъ переведенъ въ Саратовъ.

А только мнѣ извѣстно... Впрочемъ, если не скучно вамъ будетъ, я это вамъ все сначала передамъ-съ...

— Сдѣлайте милость!

Пароходъ тѣмъ временемъ свистя отчаливалъ отъ пристани.

Флегонтъ Иванычъ закурилъ сигару—сигары были у него прескверныя,—и, пыхтя ею съ видимымъ наслажденіемъ, заговорилъ:

— Познакомился я съ Дмитріемъ Иванычемъ случайно. Тутъ у насъ по Волгѣ, изволите знать, искони бѣ существуетъ фабрикація фальшивыхъ ассигнацій и монеты. Гнѣзды цѣлыя поколѣніями этимъ живутъ, и судебному слѣдователю здѣсь, почитай, однимъ этимъ родомъ дѣлъ и приходится заниматься. И бѣдовыя эти дѣла, скажу вамъ!... Только вотъ-съ, по случаю именно такого дѣла, пришлось мнѣ быть у него въ Сосенкахъ,—три молодца тутъ у меня попались. Мошенники, то-есть, жесточайшіе; такъ онъ у тебя изъ рукъ и выскальзываетъ, и водитъ, и путаетъ, и находчивъ, бестія,—не остережешься съ нимъ, бѣда!... Промаялся я эдакъ съ ними отъ ранняго утра и до вечерень. Ни пимши, ни ѣмши, языкъ пересохъ, повѣрите, такъ что едва двигаю. А дѣло въ сентябрѣ, дождь съ утра ливмя льетъ, выйти изъ избы нельзя. А избатоудушная, тѣсная,—притомъ обыскъ, знаете, бабы ревутъ, дѣти пищатъ,—голова то-есть просто ходуномъ ходитъ, до обморока... Только къ самому тому времени, какъ мнѣ кончать, гляжу—къ избѣ коляска какая-то подъѣхала. Входитъ человѣкъ: баринъ, говоритъ, проситъ вашу милость, не угодно ли къ нимъ въ усадьбу будетъ откушать?

— А кто баринъ? спрашиваю.

— Дмитрій Иванычъ Горбатовъ-Засѣкинъ.

— Не имѣю чести знать, а только скажи, что очень благодаренъ—и буду, потому ѣсть хочется смерть!

— Приказано, говоритъ, васъ ожидать здѣсь, коляска прислана...

Вотъ-съ я и поѣхалъ,—и думаю себѣ: кто этотъ благодѣтель такой? Потому хотя я и насупротивъ его въ городѣ жилъ, а про него не слыхивалъ никогда. Дѣло въ томъ, что онъ только въ томъ году пріѣхалъ въ эту свою усадьбу на

лѣто, а до того по лѣтамъ все за границей жилъ, а главное его имѣніе не здѣсь, а въ Полтавской губерніи состояло...

Пріѣзжаю я такимъ образомъ къ нему. Вхожу... И вы можете себѣ легко представить, какое пріятнѣйшее, можно сказать, чувство я испыталъ послѣ той избы, вони, духоты и крика. Свѣтло, лампы горятъ во всѣхъ комнатахъ, благоуханіе,—человѣкъ, видимо, богатый и со вкусомъ: картины, цвѣты горками стоятъ... То-есть, знаете, какъ *по духовному:* мытарства всѣ пройдя, въ Царство Небесное попалъ!... Прохожу нѣсколько комнатъ. Кабинетъ въ два свѣта, полки съ книгами кругомъ, инструменты на столахъ, глобусы, карты разложены... И съ кресла самъ хозяинъ встаетъ, — невысокій ростомъ, только что-то такое тонкое во всей фигурѣ, черты прямыя, — вѣдь это у насъ въ русскихъ лицахъ рѣдкость, — ну, и все это такое въ немъ привѣтливое и красивое, самъ съ головы до ногъ въ черный бархатъ одѣтъ... А человѣкъ ужь не молодой, видно, за сорокъ давно, и на волосахъ боберъ, знаете,—одни глаза еще совсѣмъ молодо улыбаются...

Встаетъ.

— Вы, говоритъ съ перваго слова,—сильно проголодались?

— Признаюсь, отощалъ! отвѣчаю.

— И прекрасно, сейчасъ за столъ сядемъ! Здравствуйте! протягиваетъ онъ мнѣ черезъ столъ руку. И точно это мы съ нимъ ужь цѣлый вѣкъ знакомы.

Разсказываю я вамъ это первое мое съ нимъ знакомство, потому съ этого же перваго дня, дѣйствительно, онъ мнѣ такое чувство внушилъ, будто самый онъ мнѣ кровный, близкій человѣкъ былъ. Полюбилъ я его несказанно, признаюсь вамъ. Я, знаете, почитай сирота отъ первыхъ годовъ жизни, воспитывался у родственниковъ, у бѣдныхъ; состояньице у самого отъ отца осталось не Богъ знаетъ какое. Попалъ однако въ университетъ, вышелъ *дѣйствительнымъ*... Ну-съ, а затѣмъ куда же? Пріѣхалъ сюда и—такъ и погрязъ въ службѣ и тинѣ провинціальной... Не прошло двухъ лѣтъ, и я чувствовалъ ужь, что меня все начинаетъ засасывать это болото, какъ вдругъ посылаетъ мнѣ Промыселъ спасеніе... То-есть, такъ-таки спасеніе какъ есть, смѣю вамъ доложить, потому я—со

всею искренностью скажу вамъ,—потому я отъ тоски запивать даже началъ, прямо говорю...

А Дмитрій Иванычъ мой—съ такими людьми я и въ Москвѣ, когда въ университетѣ былъ, не имѣлъ случаевъ встрѣчаться,—человѣкъ тонко воспитанный, *изящный*, какъ говорилось во время оно, весь, знаете это, какъ бы пропитанный Европою... И такой человѣкъ съ перваго разу меня, совсѣмъ невѣдомаго ему, темнаго провинціала, можно сказать, какъ совсѣмъ себѣ равнаго, какъ стараго пріятеля принимаетъ,—послѣ уже только я узналъ, что слышалъ онъ про меня, что я взятокъ не беру, и съ секретаремъ уголовной палаты по этому случаю очень непріятное одно столкновеніе имѣлъ, такъ даже, что изъ-за этого я чуть изъ службы не вылетѣлъ;—очень мнѣ это тогда лестно показалось, и, знаете, подняло это меня сразу въ собственныхъ моихъ глазахъ...

Долго вамъ разсказывать не стану, а только совсѣмъ у меня иная жизнь пошла съ тѣхъ поръ, *очеловѣчился* опять и, какъ имѣлъ я честь вамъ докладывать, какъ только урвется у меня, бывало, отъ службы часъ свободный, я сейчасъ въ *Сосенки* (усадьба эта бывшая его такъ называется). Было это въ скорости послѣ освобожденія крестьянъ; тутъ, вы знаете, уставныя грамоты, надѣлы крестьянамъ пошли, все это новое колесо заходило... Дмитрій Иванычъ въ мировые посредники поступилъ,—три года прослужилъ,—тогда лучшіе люди шли въ эту должность... Вспомню это время—сердце щемитъ иной разъ: и люди эти гдѣ, и надежды, надежды, что̀ тогда у всѣхъ насъ золотымъ лучемъ горѣли впереди?

Пріѣзжалъ онъ въ *Сосенки* и когда изъ посредниковъ выбылъ. Пріѣдетъ раннею весною, а уѣзжаетъ по первопутку; зимы въ Римѣ проводилъ обыкновенно... Вотъ жалуется онъ мнѣ какъ-то разъ, что лѣто у насъ на сѣверѣ коротко, уѣзжать рано изъ деревни приходится.

— Осени у насъ тутъ совсѣмъ нѣтъ, а это лучшая пора года, говоритъ,—на Украйнѣ что̀ за осени бываютъ, посмотрѣли бы вы! „Тамъ долго ясны небеса“, примолвилъ онъ къ этому изъ Пушкина.

— У васъ тамъ, вѣдь, богатѣйшее имѣніе есть? замѣчаю я ему на это.

У него даже глаза загорѣлись:

— На Послѣ, говоритъ, и мѣстоположеніе—лучшаго во всей Европѣ не знаю!

— Ну, и домъ, и всякое удобство? спрашиваю.

— Лучше здѣшняго, отвѣчаетъ.

— И живали вы тамъ?

— Родился, все дѣтство тамъ провелъ, и потомъ живалъ подолгу.

— А теперь и совсѣмъ не бываете?

— Нѣтъ, говоритъ.

— Разлюбили?

Онъ вдругъ, показалось мнѣ, будто въ лицѣ перемѣнился.

— Нельзя! съ очень страннымъ какимъ-то выраженіемъ молвилъ онъ мнѣ на это.

Знакомъ въ тѣ поры былъ я съ нимъ уже четвертый годъ, и... *странности* его были мнѣ извѣстны. Однако это меня все же удивило, и припомнилъ я тутъ, что во все продолженіе этого нашего знакомства о чемъ и о чемъ мы съ нимъ ни переговорили, но объ этомъ малороссійскомъ имѣніи онъ какъ бы избѣгалъ всегда говорить... „Что за притча!“ думаю себѣ,—однако и на этотъ разъ не рѣшился я почему-то спросить его: отчего это „нельзя“ ему жить тамъ, гдѣ и „долго ясны небеса“, и удобство всякое есть, и гдѣ, видимо, ему самому хотѣлось бы жить... Только намоталъ я себѣ это на усъ.

А *странности* его—это былъ вотъ тотъ самый его *спиритизмъ*, съ котораго я началъ говорить вамъ о немъ. Пока онъ, знаете, посредникомъ былъ, намъ объ этомъ предметѣ рѣдко приходилось съ нимъ трактовать, потому онъ очень дѣломъ своимъ былъ занятъ, да и бесѣды-то въ то время вообще были, такъ-сказать, болѣе политическаго свойства. А какъ отслужилъ онъ свои три года, не захотѣлъ служить дольше,—въ эти три года, знаете, разочаровался онъ во многомъ, и зачинавшееся тогда „мужицкое царство“, какъ говорилъ онъ, претило ему, — съ этихъ поръ и сталъ я замѣчать: какъ къ

нему ни пріѣдешь, застаешь его постоянно за книгою духовнаго, или, вѣрнѣе сказать, мистическаго содержанія. Былъ у него въ библіотекѣ цѣлый отдѣлъ такихъ книгъ, и надъ шкафомъ этимъ даже латинская надпись читалась: Diis ignotis,—*невѣдомымъ богамъ*, значитъ, посвящено... Дорогія, старинныя тутъ изданія были, для библіомана—настоящія сокровища! Я, знаете, къ старымъ книгамъ всегда пристрастіе имѣлъ,—такъ съ этой стороны онѣ мнѣ большой интересъ представляли, и кое-съ-чѣмъ я поэтому нагляднымъ, такъ-сказать, образомъ познакомился. Тутъ-съ могли вы найти всю, если такъ выразиться, классическую литературу мистическихъ знаній: Аполлонія Тіанскаго, Парацельса, Алберта Великаго, Кардана и прочихъ: ну-съ и изъ новыхъ Сведенборга, Экартсгаузена, извѣстную Seherin von Prevost, Еѳраима Леви, Аллана Кардека и такъ далѣе. Дмитрій Иванычъ зачитывался всѣмъ этимъ всласть, и хотя онъ былъ человѣкъ очень сдержанный и, какъ говорится нынче, *убѣжденій* своихъ не любилъ съ-оника выкладывать, а тѣмъ болѣе *навязывать* ихъ кому бы ни было, однако по близости моей съ нимъ не могъ я не видѣть, что онъ все дальше и дальше отъ интересовъ, такъ-сказать, мірскихъ уходитъ въ область какихъ-то — *нетрезвыхъ*, какъ казалось мнѣ въ то время, мечтаній... Было же это въ самое то время, когда начиналось у насъ верченіе столовъ и прочее; о Юмѣ приходили къ намъ изъ Петербурга извѣстія — въ газетахъ писали, и Дмитрій Иванычъ подробныя даже письма о его *сеансахъ* оттуда получалъ. Признаюсь вамъ, очень досадно мнѣ это было, что такой умный и образованный человѣкъ, какимъ былъ онъ дѣйствительно, могъ такъ довѣрчиво относиться ко всему этому *шарлатанству*,—потому все это я иначе не понималъ, какъ шарлатанство и *аберрація*, такъ-сказать, и ничего *сверхъестественнаго* въ природѣ разумъ мой и по сейчасъ допустить не можетъ... Хотя, конечно, такіе случаи, вотъ какъ съ Дмитріемъ Иванычемъ, иной разъ и самый скептическій разумъ могутъ въ тупикъ поставить.

Сочиненія Фламаріона изволили читать, *La pluralité des mondes, les mondes habités* и подобныя имъ? Много книгъ такого рода стало появляться въ послѣднее время. Дмитрій Ива-

нычъ во всѣ эти произвольныя, надо сказать, гипотезы вѣрилъ какъ въ дважды два четыре. По его понятіямъ, человѣкъ представляетъ собою низшую ступень безконечной лѣстницы существъ, которыя, восходя по этой лѣстницѣ путемъ все новыхъ и новыхъ существованій, постепенно совершенствуясь въ нихъ и очищаясь, доходятъ наконецъ до Высшаго Существа, до Бога. Всѣ видимые и невидимые нами міры обитаемы этими существами, находящимися на различныхъ ступеняхъ развитія. По всей этой безконечной цѣпи, между этими различными ступенями развитія, идетъ постоянное общеніе... Словомъ-съ, *манифестаціи*, *духи*, и все это, какъ есть спиритское ученіе, о которомъ вамъ, вѣроятно, еще лучше чѣмъ мнѣ извѣстно, потому у васъ Петербургѣ, говорятъ, цѣлыми обществами этимъ занимаются...

Я, съ своей стороны, ничего этого допустить не хотѣлъ, и постоянно съ нимъ спорилъ, такъ что онъ даже сталъ избѣгать говорить со мной объ этомъ...

Только въ самый тотъ вечеръ, когда я ему напомнилъ о его малороссійскомъ имѣніи, зашла у насъ какъ-то опять объ этомъ рѣчь. Въ сентябрѣ это опять было, на дворѣ скверно, съ Волги вѣтеръ пронзительнѣйшій, каминъ горѣлъ у него въ кабинетѣ съ утра. Вотъ-съ и сидимъ мы съ нимъ предъ огонькомъ, и толкуемъ... И замѣчаю я, что мой Дмитрій Иванычъ какъ-то особенно оживленъ и нервенъ. Надо вамъ сказать, что онъ сердцемъ страдалъ, и бывали у него днями сильные припадки, такъ что иной разъ по цѣлымъ часамъ молчалъ. А отойдетъ когда, онъ какъ бы обрадуется, какъ бы вознаграждаетъ себя, заговоритъ тѣмъ охотнѣе; только, какъ говорю вамъ, чувствовалось въ немъ тогда какое-то особенное нервное возбужденіе...

Не помню, съ чего началось, а перешло на всякіе необыкновенные случаи, изъ которыхъ, по его заключенію, истекало то, что между человѣкомъ и „таинственными, молъ, силами міра невидимаго“ существуетъ несомнѣнная де связь.

— Положимъ, и существуетъ, говорю я ему на это, — только необходимости-то этой связи вы мнѣ ничѣмъ не докажете. Допустимъ, говорю,—что все это не обманъ чувствъ,

и всѣ эти таинственныя явленія представляютъ собою фактъ безспорный, но дѣло въ томъ, что имъ нѣтъ никакой причины быть. Въ мірѣ, говорю,—все такъ мудро, стройно и логично устроено, явленія такъ правильно и естественно вытекаютъ одно изъ другаго, что среди нихъ нѣтъ мѣста *случайности*...

Въ это время часы на каминѣ, — старинные, знаете, *съ курантами* были у него эти часы,—прогремѣли девять.

— Вотъ-съ, говорю ему, — все равно, что эти часы: въ опредѣленный, урочный моментъ играютъ они то, что̀ предназначено имъ исполнять создавшимъ ихъ мастеромъ. Вообразите же себѣ, что къ нимъ вы бы вздумали придѣлать еще какіе-нибудь колокольчики, которые, кромѣ этихъ опредѣленныхъ моментовъ, звонили бы еще неожиданно, когда лишь имъ вздумается. На какую, спрашиваю васъ, потребу могло бы это послужить?

— А на такую, отвѣчаетъ онъ мнѣ пресерьезно,—что они будили бы васъ своимъ звономъ въ тѣ минуты, когда бы вы менѣе всего этого ожидали.

— Покорнѣйше благодарю, засмѣялся я на это,—мнѣ этого вовсе не требуется.

Дмитрій Иванычъ весь откинулся вдругъ въ спинку своего кресла.

— Видно такъ, говоритъ онъ,—они̇ васъ и не будятъ. А я,—и отъ пламени камина что-ли, только лицо его въ эту минуту даже испугало меня своею блѣдностью,—я, говоритъ, слышалъ этотъ таинственный звонъ... Поздно слишкомъ, едва слышно договорилъ онъ къ этому.

Я, знаете, какъ стоялъ, такъ и остолбенѣлъ. Гляжу на него перепуганный, думаю: не послать-ли за Лѣсовскимъ, — докторъ у насъ уѣздный былъ...

А онъ ничего, приподнялся опять и принялся щипцами подкидывать дровецъ въ каминъ. Улыбнулся и поднялъ глаза на меня.

— Вы, говоритъ,—Ѳома невѣрный; поколь сами перстовъ въ раны не вложите, потоль вѣры не дадите,—такъ это?

— Пожалуй и такъ, отвѣчаю.

— Такъ дать вложить? смѣется.

— Что̀ такое?

— Персты ваши въ раны мои?

— Нѣтъ, говорю,—я вамъ настолько вѣрю, насколько самому себѣ вѣрить могу.

— За это спасибо, говоритъ онъ.

Я засмѣялся.

— Вы знаете, говорю,—что добросовѣстный человѣкъ нерѣдко самъ себѣ не вѣритъ.

— Допускаю, засмѣялся и онъ,—только, во всякомъ случаѣ, пока я живъ, объ этомъ никому ни слова.

Я обѣщалъ. И разсказалъ онъ мнѣ слѣдующую преудивительную исторію.

I.

Служилъ я въ кавалергардахъ; ротмистромъ уже былъ, эскадрономъ командовалъ. И старшимъ офицеромъ былъ у меня пріятель мнѣ закадычный, по фамиліи Гордонъ, потомокъ стариннаго англійскаго рода, обрусѣвшаго еще со временъ Петра. Отецъ его, старый генералъ 1812 года, былъ богатый пензенскій помѣщикъ, а онъ со мною вмѣстѣ воспитывался въ лицейскомъ пансіонѣ, въ Царскомъ Селѣ; вмѣстѣ оттуда поступили мы въ полкъ,—словомъ, съ самаго дѣтства почти съ нимъ не разлучались. Былъ онъ малый очень красивый, и въ лицѣ его сохранился родовой англійскій, бѣлокурый и правильный типъ, да и въ характерѣ была у него та рѣшительность и неожиданность рѣшенія, какія мы встрѣчаемъ въ англійской расѣ, и чего у *насъ*, почитай, вовсе нѣту. У женщинъ имѣлъ онъ успѣхъ необыкновенный,—и въ тотъ моментъ, когда начинается моя исторія, былъ уже второй годъ въ связи съ одною изъ прелестнѣйшихъ тогда женщинъ въ Петербургѣ... Называть вамъ ее по фамиліи я не стану, потому она до сихъ поръ жива и очень извѣстна, а буду звать ее по имени: Натальей Андреевной... Объ отношеніяхъ ея къ Гордону никто въ мірѣ, кромѣ меня, не зналъ, и то только потому, что обстоятельства необходимо требовали участія третьяго, вполнѣ преданнаго имъ, лица. Супругъ Натальи Андреевны очень ревновалъ ее въ ту пору,—и я, изъ дружбы, разыгрывалъ въ свѣтѣ роль влюбленнаго въ нее, отводя такимъ образомъ глаза мужа отъ настоящаго предмета женниной страсти... Но не въ этомъ рѣчь...

Происходило все это въ 1844 году. Весною Наталья Андреевна съ мужемъ уѣхала на воды въ Германію, въ надеждѣ вернуться зимой въ Петербургъ. Не тутъ-то было. Входитъ ко мнѣ однажды, въ началѣ зимняго сезона, Гордонъ—жили мы съ нимъ въ одномъ зданіи, въ казармахъ,—и даетъ мнѣ прочесть письмо отъ нея, отчаянное письмо, на двѣнадцати страницахъ, исписанныхъ по-женски вдоль и поперекъ, сущность котораго состояла въ томъ, что мужъ, вмѣсто Петербурга, везетъ ее на зиму въ Римъ, что она съ ума сходитъ отъ одной этой мысли, и что поэтому—или онъ, Гордонъ, долженъ все бросить и тотчасъ же ѣхать также въ Римъ, или она, если онъ только на это согласенъ будетъ, кинетъ мужа и прискачетъ въ Петербургъ, „быть его служанкою, рабою, все, что̀ онъ захочетъ изъ нея сдѣлать“, — словомъ, одно изъ тѣхъ страстно-нелѣпыхъ и прелестныхъ въ нелѣпости своей писемъ, какія въ состояніи писать лишь одна безъ памяти любящая, и притомъ любящая въ первый разъ, женщина... Я прочелъ.

— Что̀ же дѣлать теперь? говорю.

— Это безумство! отвѣчалъ Гордонъ, расхаживая по комнатѣ и пожимая плечами:—въ отставку меня великій князь—Михаилъ Павловичъ покойный тогда гвардіей командовалъ,—ни за что не выпуститъ, а за границу и подавно; кинуть же ей мужа и ѣхать сюда—это значитъ губить себя на вѣкъ, и я былъ бы мерзавецъ, еслибы допустилъ ее сдѣлать такое... безумство, повторилъ онъ.—Я поэтому отправилъ къ ней сейчасъ письмо: умоляю ее всѣмъ ей дорогимъ... имѣть терпѣніе и не прекословить мужу... а я, съ своей стороны, пишу, буду стараться въ концѣ зимы устроить себѣ какъ-нибудь поѣздку за границу, и тогда, разумѣется, я прямо въ Римъ...

— Да какъ же ты думаешь устроить это? спрашиваю его опять.

— Да никакъ не думаю, обернулся онъ быстро на меня;—но вѣдь, согласись ты, то, что̀ она предлагаетъ, невозможно, безумно... Ты согласенъ, что это невозможно? съ какими-то тревожными глазами, вижу, требуетъ онъ отъ меня отвѣта.

— Конечно, такъ! не могъ я не согласиться.

У него лицо повеселѣло.

— То-то, говоритъ,—а потому у меня одна надежда—время! Она успокоится, привыкнетъ къ разлукѣ...

И ни вздоха. Словно онъ даже радъ былъ этой мысли, что она привыкнетъ...

— Э, э, думаю себѣ,—вода, видно, на убыль пошла!

И стало мнѣ ужасно досадно за эту бѣдную женщину: томится она теперь, милая, и слезы льетъ украдкой отъ мужа по этомъ молодцѣ, а онъ въ то же время...

Однако я и его зналъ,—онъ цѣлый годъ добивался ея, и затѣмъ, еще такъ недавно, такъ горячо любилъ, такъ тосковалъ, когда она уѣзжала весною... Странно!.. Притомъ это былъ не вѣтреный, не *легкій* человѣкъ,—чувствовалъ онъ глубоко и сильно,—и если теперь у него, видимо, начиналось охлажденіе къ ней, то необходимо, думалъ я, существуетъ на это какая-нибудь особенная причина... Но какая? Письмо, только-что мною прочитанное, свидѣтельствовало лучше всего, что повода къ этому никакъ нельзя было искать со стороны Натальи Андреевны...

Мысль одна какъ молнія блеснула у меня въ головѣ.

— Мирра! проговорилъ я себѣ.

А *Мирра* вотъ что значило:

Мѣсяца три предъ этимъ, только-что мы изъ лагеря вернулись, пріѣхала изъ-за границы поселиться въ Петербургѣ одна двоюродная сестра моя, Маргарита Павловна Оссовицкая. Была она меня старше лѣтъ на пятнадцать, вышла замужъ рано и жила съ тѣхъ поръ то въ провинціи, то въ Москвѣ. Я, признаюсь, едва помнилъ о ея существованіи, когда въ одинъ прекрасный Божій день получилъ отъ нея записку, въ которой она, „въ качествѣ ближайшей родственницы", извѣщала меня о своемъ пріѣздѣ и полушутливо, полунастоятельно вытребывала меня къ себѣ немедленно. „Провинціальная кузина", да къ тому же не молодая,—въ этомъ, вы понимаете, не могло быть ничего заманчиваго для „блестящаго кавалергарда", какимъ я почиталъ себя, да и какимъ—теперь, подъ старость, можно въ этомъ признаться,—я и дѣйствительно былъ въ ту пору. Я кинулъ, поморщившись, записку ея на столъ,—но

въ то же время припомнилось мнѣ, какъ однажды, въ раннемъ моемъ дѣтствѣ, эта самая Маргарита Павловна ублажала покойнаго отца моего, собиравшагося меня высѣчь за какую-то крупную шалость. „Такъ вотъ за это тотчасъ же и пойду къ ней!“ рѣшилъ я великодушно, надѣлъ каску и отправился. Жила она на Сергіевской, въ двухъ шагахъ... Велѣлъ о себѣ доложить. Выбѣгаетъ ко мнѣ на встрѣчу еще свѣжая, круглая, съ веселыми глазами и веселыми ямочками на румяныхъ и крѣпкихъ какъ яблоко щекахъ, сорокалѣтняя барыня, безъ чепца и въ какомъ-то распашномъ капотѣ и прямо кидается цѣловать меня. Само добродушіе—и самъ Саратовъ!

И вотъ-съ у этого самаго Саратова была дочь—Мирра...

Вы всѣ, воскликнулъ на этомъ мѣстѣ Дмитрій Иванычъ,—вѣрующіе въ одни „физіологическіе законы организмовъ“, объясните мнѣ, пожалуста, какими чудесами у такихъ матерей, какъ Маргарита Павловна, могутъ рождаться такія созданія, какова была Мирра? Ни единой, ни внѣшней, ни внутренней, черты сходства не существовало между ними. У круглолицей, черноглазой и курносой кубышки, хохотуньи и сплетницы, дочь была стройная, блѣдноокая и словно вся ушедшая въ себя дѣвушка, полная неизъяснимой и какой-то таинственной прелести. Кто видѣлъ ее хоть однажды, тотъ не могъ уже забыть выраженія ея загадочныхъ, будто туманомъ подернутыхъ, глазъ, неожиданно поднимавшихся на тебя въ иныя минуты съ какою-то дѣвственно вызывающею смѣлостью и упорно затѣмъ глядѣвшихъ до тѣхъ поръ, пока ты самъ невольно не опускалъ своихъ вѣкъ... Этотъ взглядъ ея, да ея необыкновенные орѣховаго цвѣта волосы, тяжесть которыхъ словно придавливала книзу ея маленькую голову,—ихъ нельзя было забыть, повторяю.

— А вѣдь, ей-же-ей, моя дочь! хохотала Маргарита Павловна, сама указывая на это несходство дочери съ ней,—она съ первой же минуты начала со мною обращаться какъ съ ближайшимъ родственникомъ, выбалтывая все, что̀ у нея было на душѣ:—отъ меня и отъ Петра Петровича покойнаго, и другихъ дѣтей никого у насъ и не было съ тѣхъ поръ. А онъ, помнишь, мущина былъ, что̀ говорятъ у насъ мужики,

ражій, здоровенный, глаза на выкатѣ у него были. И на него ни капельки не похожа Мирра, тонкая вся, будто точеная, distinguée,—и характеромъ-то вся *чудная* какая-то!...

— *Чудна* она была съ дѣтства, разказывала мнѣ словоохотливая кузина,—упорная и вдумчивая не по лѣтамъ; и смѣялась-то она, и плакала не по-дѣтски, не такъ какъ смѣются и плачутъ дѣти—въ перерывъ, то солнце, то дождь. Забьется иной разъ въ темный уголъ,—весь домъ бывало переполошитъ, насилу отыщешь, и не смѣй ее оттуда тронуть,—сидитъ вся съежившись, и не то плачетъ, а слезы какъ изъ кувшина льются, безъ стона, безъ вздоха... Перепугаешься, бывало, ужасъ!—Что̀ съ тобою, цыпочка, о чемъ? Ни слова не отвѣчаетъ. И такъ, и сякъ выспрашиваешь, утѣшаешь... Оставь, говоритъ, мама, мнѣ сладко плакать! Поди ты съ ней! А въ другой разъ какъ примется шалить, весь домъ вверхъ дномъ поставитъ,—что̀ твой кадетъ! Жалостлива была очень,—къ нищенкамъ и по сю пору страсть у нея, готова по часамъ сидѣть съ ними и о *божественномъ* толковать. Сны необыкновенные какіе-то ей снились: ангелы крылатые, старики въ золотыхъ шапкахъ, и все это они съ ней разговоры вели... Иной разъ, повѣришь, какъ начнетъ она эти сны свои и разговоры съ ангелами передавать, со мною чуть не дурно дѣлается... Не жилецъ она на землѣ! говорю себѣ... А то еще къ пятнадцати годамъ стали съ ней припадки лунатизма дѣлаться, ясновидѣніе какое-то явилось. Смерть отца предсказала она мнѣ за мѣсяцъ времени, и сама чуть не померла отъ ужаса тогда: ей вдругъ привидѣлся гробъ, а въ немъ Петръ Петровичъ... и будто кто-то говоритъ ей въ ухо: февраля 10-го... А онъ въ то время, здоровехонькій, на выборахъ былъ въ Симбирскѣ... Вернулся въ Москву, заболѣлъ, и, день въ день, какъ говорила она, такъ и жизнь кончилъ... Ну, а теперь, слава Богу,—заканчивала обыкновенно Маргарита Павловна,—съ тѣхъ поръ, какъ полѣчилась она за границей, все это какъ будто совсѣмъ прошло: чудная она хоть и осталась, только ужь припадковъ, знаешь, нѣтъ прежнихъ. Швальбахъ ей очень помогъ... Тутъ Маргарита Павловна наклонилась къ моему уху и шептала мнѣ, многозначительно

прижмуривая правый глазъ:—а, Богъ дастъ, замужъ выйдетъ, и совсѣмъ какъ всѣ будетъ!...

Выдать замужъ Мирру—спала и видѣла ея мать; для этого и въ Петербургъ пріѣхала жить. „Выбору больше, говорила она,—пусть себѣ по сердцу найдетъ, а мнѣ ничего другаго и не нужно: состоянія хватитъ у нея и на двоихъ, и одного только молю Бога, чтобы хорошій человѣкъ былъ. А пока пусть повеселится“...

Но Мирра была не даромъ *чудная*. Повезли ее на балъ въ grand monde, въ первый разъ; она была сразу замѣчена, окружена и вернулась домой въ восторгѣ. Маргарита Павловна плавала въ сердечномъ упоеніи отъ успѣховъ дочери... Вдругъ, на другой же день, дочь объявляетъ ей, что она другой разъ на балъ ни за что̀, ни за что̀ не поѣдетъ.—Что̀ такое, почему?—Не могу, говоритъ.—Да ты объясни, отчего?—Тамъ всѣ, отвѣчаетъ,—другъ друга ненавидятъ, тамъ *тьма*... На томъ и стала. Мать чуть не плакала, но привыкла никогда ей не противорѣчить,—и со *свѣтомъ* такъ онѣ и покончили. Въ италіянскую оперу стали ѣздить, но страстный голосъ Віардо такъ раздражительно дѣйствовалъ на Мирру, что она возвращалась изъ театра больная и всю ночь затѣмъ спать не могла: пришлось отказаться и отъ этого... Оставался французскій театръ, тогда во всемъ своемъ блескѣ, съ Bressant, Louise Mayer, мужемъ и женой Allan,—и Мирра страстно наслаждалась ихъ игрою. Но тутъ произошло слѣдующее: давали въ ту пору одну неистовѣйшую мелодрамму, *Mademoiselle de Lafaille*, въ которой между прочими ужасами героиню піесы погребаютъ заживо. Влюбленный въ нее герой проникаетъ въ склепъ, скидываетъ крышку гроба, взваливаетъ себѣ трупъ любезной на плечи и уноситъ ее куда-то, гдѣ она, разумѣется, приходитъ въ себя и выходитъ за него замужъ. Брессанъ былъ необыкновенно хорошъ въ этой роли... Только когда увидѣла его Мирра выбѣгающаго изъ темной глубины театра съ недвижною, блѣдною какъ сама смерть, Louise Mayer на плечѣ, услышала крикъ его: „morte ou vivante, tu seras à-moi!“—съ ней сдѣлался нервный припадокъ, и мать увезла ее безъ чувствъ изъ театра. Это былъ послѣдній актъ *выѣздовъ*

Мирры.—Ты видишь, мама, какая я негодная, объявила она,—будемъ дома сидѣть!...

И какъ хорошо было у нихъ *дома*, на Сергіевской, въ большомъ деревянномъ домѣ, въ которомъ устроились они на всемъ просторѣ деревенскихъ привычекъ! Свѣтло, уютно, широко, по поламъ бѣгутъ ковровыя дорожки, розаны на окнахъ и клѣтки съ канарейками, старинная штофная мебель чинно разставлена у стѣнъ... Придешь, бывало, вечеромъ:—въ обширной столовой за огромнымъ самоваромъ сидитъ желтозубая и полинялая Нѣмка Röschen, экономка Маргариты Павловны, а сама она, бочкомъ къ столу, быстро вяжетъ на длинныхъ спицахъ какой-то нескончаемый шарфъ, и въ то же время читаетъ черезъ плечо вслухъ французскій романъ, выпуская изъ него „негодящія страницы", какъ выражалась она. Мирра, на другомъ концѣ, опершись обоими локтями на столъ и уткнувъ въ ладони свою милую головку,—это была ея любимая поза,—слушаетъ безмолвно и недвижно... „Садитесь и молчите!" говоритъ она входящему, не подымая глазъ,—и ты садишься и слушаешь,—а хозяйка продолжаетъ читать, пока Röschen не зашипитъ вдругъ обиженнымъ и хриплымъ голосомъ: „ви верно желайтъ, штобъ шай совземъ простудился?" Мирра улыбнется. Маргарита Павловна, не дочитавъ страницы, поспѣшно захлопнетъ книгу и, словно вырвавшись на волю, затрещитъ звончѣе всѣхъ своихъ канареекъ о всякихъ городскихъ и придворныхъ новостяхъ, ближайшимъ источникомъ которыхъ служила ей одна старая фрейлина изъ Таврическаго дворца, сверстница и пріятельница ея. Заѣдутъ двѣ, три дамы, кое-кто изъ товарищей-кавалергардовъ, которыхъ я познакомилъ съ Оссовицкими,—всѣхъ чаще Гордонъ,—и такъ же часто, какъ я, то-есть почти каждый день, молодой и молчаливый малый, звали его Скобельцынымъ, сосѣдъ ихъ по Симбирску, проводившій также зиму въ Петербургѣ и „съ самаго дѣтства влюбленный безнадежно въ Мирру", шепнула мнѣ однажды замѣтно покровительствовавшая ему Маргарита Павловна; Мирра за то съ нимъ почти никогда не говорила... Соберется такимъ образомъ человѣкъ восемь, девять, весело зазвучатъ молодые голоса, Мирра

оживится, заалѣетъ... Гордонъ сядетъ къ фортепіано... Онъ былъ изъ тѣхъ прирожденныхъ, не умѣющихъ ноты прочесть, музыкантовъ, какихъ такъ много на Руси, игралъ со слуха и съ перваго раза все, что̀ ни услышитъ, и имѣлъ при этомъ какой-то необыкновенно мягкій, убаюкивавшій туше. Заиграется онъ, бывало, а Мирра вдругъ, оборвавъ на половинѣ разговоръ съ тѣмъ или другимъ, быстро подойдетъ къ инструменту, обопретъ голову на руки и слушаетъ, уставившись на игравшаго своимъ вдумчивымъ и неотступнымъ взглядомъ.

Что̀ говорилъ онъ въ тѣ минуты, о чемъ думала она,

То было-ль хладное презрѣнье
Души готовой отцвѣсти,
. . . . . .
Землѣ беззвучное прости—
Иль тайный отблескъ жизни прежней?

Не знаю, но и теперь, какъ живые, свѣтятся предо мною эти странные, фатидическіе глаза...

Вся эта, какъ выражаются теперь, „обстановка“, эта „деревня посередь самого Петербурга“, какъ говорилъ я себѣ тогда, нравилась мнѣ сначала лишь какъ контрастъ тому водовороту придворной и свѣтской жизни, въ который погруженъ я былъ до тѣхъ поръ по самое горло. Слушая невинное сплетничанье и полные безконечной любви разсказы румяной „кузины“ о дочери, покоясь взглядомъ на чистомъ, строгомъ обликѣ Мирры, я отдыхалъ отъ всѣхъ тѣхъ честолюбивыхъ и тщеславныхъ помышленій и разсчетовъ, которыми полна была моя голова, какъ полны были ими тогда, гораздо еще болѣе чѣмъ нынѣ, головы молодыхъ людей моего положенія. Инымъ, уже чуждымъ мнѣ, еще милымъ по старой памяти, но уже пережитымъ мною и смѣшнымъ, казалось мнѣ тогда, вѣяло въ этомъ деревянномъ домѣ съ его канарейками и ковровыми дорожками... Мы всѣ въ ту пору нѣсколько *печоринствовали*, и Лермонтовъ, скажу мимоходомъ, былъ прежде всего представитель тогдашняго поколѣнія *гвардейской молодежи*... Но *разочарованность*, или, вѣрнѣй, *безочарованность* моя—мнѣ шелъ двадцать восьмой годъ, а „*историческаго*“, то-есть „преходящаго“ *чувства*, какъ обозначалъ любовь по-

койный Константинъ Аксаковъ, я еще не испытывалъ,—начала мало-по-малу уступать чему-то другому, что̀ я на первыхъ порахъ самъ разобрать въ себѣ не могъ... Прежде всего стало мнѣ вдругъ досадно на Мирру за то, что она меня неизмѣнно называла „дядей".—„Потому что ея кубышкѣ-матери вздумалось представить меня ей въ этомъ званіи, разсуждалъ я, такъ вѣдь это же не резонъ! И родства въ сущности между ею и мною нѣтъ никакого, и еслибы вздумалось мнѣ сдѣлать глупость, я бы могъ..." И, наткнувшись разъ на такую мысль, эта *глупость* съ каждымъ днемъ уже все чаще лѣзла мнѣ въ голову,—и съ каждымъ днемъ все больнѣе становилось для меня сознаніе, что это была, дѣйствительно, *глупость!* Для Мирры я рѣшительно былъ ничѣмъ инымъ какъ *дядей*, я и чувствовалъ, что былъ имъ для нея безповоротно! А самого меня влекла къ ней какая-то неодолимая сила. Я... Но распространяться о моихъ чувствахъ считаю безполезнымъ; скажу коротко, что поступилъ я вторымъ нумеромъ, послѣ господина Скобельцына, въ число *безнадежныхъ* обожателей Мирры. И, какъ всѣ *безнадежные*, упорствовалъ, не отступалъ, и, упрятывая, насколько хватало силъ, несчастную страсть мою „въ глубь сердца", сидѣлъ чуть не съ утра на Сергіевской, растравляя все сильнѣй мою рану и находя въ этомъ какую-то ѣдкую сладость...

И вотъ въ это самое время произошелъ у насъ разговоръ съ Гордономъ по поводу письма Натальи Андреевны... Я понялъ все: онъ радъ былъ, что мужъ увозитъ ее въ Римъ, что она не будетъ сюда, что онъ свободенъ... Онъ любилъ Мирру!...

За нѣсколько дней предъ этимъ мы возвращались съ нимъ ночью пѣшкомъ отъ Оссовицкихъ. Шли и молчали...

— А знаешь, вдругъ заговорилъ онъ,—что эта твоя племянница...

— Какая племянница! перебилъ я его досадливо: терпѣть я не могъ эти родственныя клички.

Онъ засмѣялся.

— Ну, какъ не племянница!.. Да все равно,—Мирра Петровна...

— Что̀ Мирра Петровна?

Онъ примолкъ опять, какъ бы собираясь съ мыслями...

— Она, словно самому себѣ проговорилъ онъ затѣмъ,— она какая-то неуловимая и неосязаемая... какъ сонъ... А кого увлечетъ она, увлечетъ до смерти!...

Я именно то же самое думалъ въ ту минуту. Но мнѣ стало досадно, что это думаетъ и говоритъ о ней другой.

— Она просто дѣвушка съ плохимъ здоровьемъ, сказалъ я громко,—нервна, и притомъ балована съ дѣтства...

— Нѣтъ, закачалъ головою Гордонъ,—она *не отъ міра сего!*... Читалъ ты *Серафиту* Бальзака?

— Нѣтъ, не читалъ...

— Ну, вотъ тамъ... Я тебѣ пришлю книгу, она у меня есть! заключилъ онъ, какъ-то обрывая вдругъ, и мы разошлись по своимъ квартирамъ.

И я тогда, въ ту же минуту, не догадался! Но я былъ такъ увѣренъ въ любви его къ *той*... И онъ не догадался, какъ видно: онъ бы такъ прямо не выдалъ себя *мнѣ* въ противномъ случаѣ! говорилъ я себѣ съ надрывающею тоской...

Я вспомнилъ еще:

Съ мѣсяцъ тому назадъ, Гордонъ просилъ меня велѣть вставить разбитое имъ какъ-то стекло на миніатюрномъ портретѣ Натальи Андреевны, который онъ носилъ съ первыхъ дней ихъ связи на груди, въ золотомъ медальонѣ, привѣшенномъ къ цѣпочкѣ креста. Надо было поручить это какому-нибудь темному ювелиру, который никакъ не могъ бы знать, кто изображенъ на портретѣ. Порученіе это я исполнилъ въ тотъ же день, но Гордона дома не было, когда я привезъ медальонъ обратно; я положилъ его къ себѣ въ столъ и забылъ о немъ. И вотъ уже цѣлый мѣсяцъ лежитъ онъ у меня въ столѣ, а онъ о немъ и не спрашиваетъ...

— Леонидъ, сказалъ я, выдвигая ящикъ,—а стекло давно вставлено.

Онъ остановился посреди комнаты и уставился на меня, какъ бы не понимая, о чемъ я говорю.

— Ахъ, да! воскликнулъ онъ наконецъ и слегка покрас-

нѣлъ,—взялъ медальонъ и, не кинувъ даже взгляда на него, поспѣшно сунулъ его въ карманъ рейтузъ.

— Бѣдная Наталья Андреевна, сказалъ я нарочно,—а какъ она тебя любитъ!

Онъ—ни слова! Прошелся еще раза два по комнатѣ, толкнулся къ двери и ушелъ къ себѣ.

Сомнѣнья для меня не оставалось. Точно ножомъ рѣзало меня по сердцу...

А Мирра,—Мирра что̀ же? допрашивалъ я себя.

Тысячи мелочей, пропущенныхъ мною доселѣ безъ вниманія, воскресали въ моей памяти.

Во-первыхъ, ея туманные глаза, какъ будто потемнѣли за послѣднее время,—да, синѣе, глубже стали,—я это замѣтилъ недавно и пораженъ былъ этимъ, помню; въ ихъ зрачкахъ теперь переливались какія-то горячія струйки, что-то *разумѣющее* и счастливое будто сказывалось въ нихъ иной разъ... И улыбка стала иная,—не та, прежняя ея, словно отрѣшенная отъ всякой внутренней радости улыбка, которую тотъ же Гордонъ опредѣлилъ ей однажды, шутя, стариннымъ французскимъ выраженіемъ: rien ne m'est plus, plus ne m'est rien! „Не скажу никому, что̀ у меня на душѣ", казалось, говорила эта теперь чуть не лукавая улыбка. И съ этимъ словно воскресшимъ къ жизни взглядомъ, съ этими по-нову улыбавшимися устами, она уже глядѣла на Гордона, не подходила, какъ прежде, слушать его игру, опираясь обоими локтями на доску фортепіано и неотступно воззрясь ему въ лицо, когда онъ садился за инструментъ. Она теперь уходила подальше отъ него, въ темный уголъ залы, и, закрывъ глаза своею блѣдною рукой или уткнувшись въ кипсекъ, слушала его, недвижная какъ мраморъ... И рѣже она теперь говорила съ Гордономъ, но, когда это случалось, что-то неуловимое, смятенное и разнѣженное звучало въ ея голосѣ, что-то, что̀ сама она словно старалась—и не могла—побороть...

Нѣтъ, и съ этой стороны у меня не могло оставаться сомнѣній!..

II.

Они любили другъ друга, и тайна ихъ весьма скоро не для одного меня перестала быть тайной. Сотоварищъ мой по несчастію, Скобельцынъ, все рѣже и рѣже сталъ появляться на Сергіевской. Röschen, до страсти привязанная къ Миррѣ, все чаще и чаще испускала придавленные вздохи, косясь на нее изъ-за самовара своими овечьими глазами. Маргарита Павловна все назойливѣе приставала ко мнѣ съ разспросами о Гордонѣ и съ какимъ-то полуперепуганнымъ, полуторжествующимъ лицомъ шептала мнѣ на ухо: „Что̀-жь, лучшей партіи, пожалуй, и не найти: онъ по всему Мирочкѣ пара, и я, конечно, если онъ ей нравится... А что̀, ты не знаешь, скоро онъ думаетъ сдѣлать предложеніе?..“

А онъ... Смущался-ли онъ своими отношеніями къ Натальѣ Андреевнѣ, или въ этихъ первыхъ аккордахъ молодой любви, въ этомъ еще не выговоренномъ, но уже неудержимо сказывавшемся чувствѣ онъ находилъ высшую сладость и боялся отравить ее малѣйшею примѣсью,—но онъ какъ бы все еще не рѣшался, медлилъ, видимо откладывая со дня на день минуту рѣшительнаго объясненія...

У насъ съ нимъ послѣ того разговора о Натальѣ Андреевнѣ какъ-то разомъ порвалось все прежнее. Онъ какъ бы видѣлъ во мнѣ живой упрекъ тому, что̀ наполняло теперь его душу, и явно избѣгалъ меня. Мы уже видались только на службѣ и у Оссовицкихъ. Какъ это, увы, нерѣдко случается въ жизни, двадцатилѣтніе друзья, почти братья, между нами внезапно, безъ словъ, безъ объясненій, легла глубокая и—я это чувствовалъ,—уже непроходимая пропасть.

А время бѣжало между тѣмъ, перевалило и за Новый 1845 годъ. Рѣшительная минута для Сергіевской ожидалась Маргаритой Павловной съ едва уже скрываемымъ нетерпѣніемъ. Еще томительнѣе, можетъ-быть, ждалъ я. „Когда же, когда будетъ конецъ этому мученію? говорилъ я себѣ.—Скорѣе бы объявлены были они женихомъ и невѣстой,—и тогда прощай, Мирра, я удалюсь, перейду въ армію, въ глушь, гдѣ бы и имени твоего никто мнѣ напомнить не могъ!...“

Былъ ясный и морозный январскій день. Великій князь промучалъ насъ въ манежѣ пѣшимъ ученіемъ отъ восьми часовъ и до двѣнадцати. Я вернулся къ себѣ безъ ногъ, повалился на постель и заснулъ какъ убитый. Въ третьемъ часу будитъ меня мой Назарычъ:

— Маргарита Павловна прислала просить васъ, чтобъ сейчасъ пожаловали.

Я вскочилъ.

— Что̀ такое?

— А кто-жь ихъ знаетъ; только просятъ, чтобъ скорѣе какъ можно.

Въ сѣняхъ у нихъ встрѣчаетъ меня она сама.

— Гдѣ Леонидъ Сергѣевичъ?

— Леонидъ... Не знаю!

— Ты его видѣлъ сегодня?

— Видѣлъ. Четыре часа вмѣстѣ въ манежѣ скорый шагъ продѣлывали.

— Онъ здоровъ?

— Здоровехонекъ!

— Ты слышишь, Миррочка? крикнула ей мать, увлекая меня въ гостиную, гдѣ сидѣла въ углу дивана Мирра съ побѣлѣвшими губами и своимъ прежнимъ, туманнымъ и упорнымъ, взглядомъ,—ты слышишь: Митя съ нимъ все утро скорымъ шагомъ ходилъ и говоритъ—здоровехонекъ!...

— Можетъ-быть, проговорила отчетливо Мирра, — только съ нимъ *несчастье!*

— Какое несчастье, Богъ съ тобою! начала было Маргарита Павловна, но, увидавъ входившаго въ эту минуту слугу,

которому, какъ оказалось, приказано было отъ меня зайти на квартиру къ Гордону:

— Ну что̀? кинулась она къ нему.

— Ихній человѣкъ, отвѣчалъ тотъ,—говоритъ, что Леонидъ Сергѣичъ; вернувшись изъ манежа, письмо получили и сейчасъ, какъ были въ мундирѣ, выбѣжали — на извощика и уѣхали.

— Куда—онъ не знаетъ?

— Говоритъ: въ Михайловскій дворецъ.

— А письмо откуда? поспѣшно встала съ дивана Мирра.

— А онъ говоритъ — изъ ихъ усадьбы, и что такъ надо полагать, ихъ тятенька оченно больны сдѣлались.

— Я знала! промолвила Мирра, въ какомъ-то изнеможеніи опускаясь снова на свое мѣсто.

— Больше ничего не узналъ? спросила опять посланца ея мать.

— Ничего-съ!

— Хорошо, ступай!... Вообрази, обернулась она ко мнѣ,— сидимъ мы эдакъ съ нею здѣсь, часъ тому назадъ, и очень весела она, даже запѣла какъ-то... Вдругъ схватилась рукой за грудь: съ Леонидомъ Сергѣичемъ, говоритъ, несчастье!... Это опять ея припадки пошли!—чуть слышно промолвила она мнѣ и пошла къ дочери.—Ну, и что̀-жь такое, Миррочка, старикъ его заболѣлъ. Ну, и даже если... всѣ подъ Богомъ ходимъ! Конечно, это для него большое огорченіе. Только убиваться изъ-за этого, Миррочка...

— Онъ уѣдетъ! прямо выговорила Мирра, не смущаясь моимъ присутствіемъ.—Вотъ онъ! тутъ же воскликнула она...

Я испуганно глянулъ на нее...

Дѣйствительно, черезъ мигъ въ передней раздался сильный ударъ звонка, и вслѣдъ за нимъ спѣшные шаги Гордона послышались въ залѣ. Это было поразительно!...

Маргарита Павловна побѣжала ему на встрѣчу.

— Что̀ вашъ батюшка?

— Вы почемъ знаете? спросилъ онъ удивленно.

— Мы сейчасъ къ вамъ посылали... вашъ человѣкъ...

— Да, онъ очень боленъ, заговорилъ Гордонъ, не ожидая

дальнѣйшихъ объясненій,—онъ былъ блѣденъ и, видимо, глубоко взволнованъ, — ему 68 лѣтъ... и я одного лишь Бога молю, чтобъ его въ живыхъ застать!... Я сейчасъ отъ великаго князя: онъ такъ милостивъ былъ, курьерскую подорожную велѣлъ мнѣ выдать... Лошадей сейчасъ приведутъ... Я только заѣхалъ проститься, Маргарита Павловна, съ вами... и съ Мир...

Голосъ его дрогнулъ и замигали рѣсницы.

Мирра стояла вся блѣдная, не подымая глазъ, опершись рукою о круглый столъ подлѣ дивана. Я видѣлъ, какъ дрожала эта рука.

Гордонъ глядѣлъ на нее. Наступило на мигъ какое-то общее неловкое молчаніе.

Онъ обернулся ко мнѣ.

— Засѣкинъ, ты не откажешься присмотрѣть за моими людьми и *Баярдомъ?* Я не успѣлъ сдѣлать никакого распоряженія...

— Разумѣется, сказалъ я, — да возьми мою дубленку на дорогу: Крещенскіе морозы стоятъ на дворѣ.

— Спасибо. Я ни о чемъ объ этомъ не подумалъ, натянуто улыбнулся онъ. И глаза его опять направились въ сторону Мирры.—Это извѣстіе... и въ *такую* минуту... вырвалось и не досказалось у него надорванною, стенящею какою-то нотой.

Маргарита Павловна даже хныкнула.

— Полноте вы, полноте, голубчикъ вы мой! Авось, Богъ милостивъ, и батюшкѣ полегчаетъ, и сами вы къ намъ скоро вернетесь.

— А ѣхать, такъ и собираться пора, поспѣшилъ я сказать, глядя на все болѣе и болѣе блѣднѣвшую Мирру и предвидя, что она вотъ-вотъ и грохнется оземь.

— Пора, повторилъ онъ какъ бы безсознательно. — прощайте, Маргарита Павловна! Онъ подошелъ къ ней къ рукѣ.

— До свиданія, говорите: до свиданія! замахала она на это обѣими руками.

— Дѣйствительно такъ, промолвилъ какъ бы внезапно отвердѣвшимъ голосомъ Гордонъ,—до *свиданія!*

И быстро шагнулъ къ столу, за которымъ стояла Мирра.

— Что̀ бы ни было, Мирра Петровна, чрезъ мѣсяцъ, я надѣюсь, мы увидимся опять.

И онъ протянулъ ей руку.

Она дала ему свою, подняла голову и, потянувъ ее впередъ, медленно, все ближе и ближе вглядывалась въ его лицо. И вдругъ откинулась назадъ, отдернула руку и закрыла себѣ ею глаза.

— Никогда, никогда больше! вскрикнула она и зашаталась.

— Что̀ ты, что̀ ты! кинулась къ ней мать:—не слушайте ея, Леонидъ Сергѣевичъ, поѣзжайте себѣ съ Богомъ.

— Пойдемъ; съ нею нервный припадокъ...

Я схватилъ его подъ руку и утащилъ.

— Что̀ же это такое? растерянно глянулъ онъ на меня, когда мы очутились на улицѣ.

— А то, не могъ отказать я себѣ въ злобномъ удовольствіи сказать ему, — а то, что это еще посерьезнѣе Натальи Андреевны.

Онъ схватилъ себя за голову и чуть не опрометью побѣжалъ въ казармы. Почтовая тройка ждала тамъ на дворѣ. Чрезъ полчаса я усадилъ его въ кибитку, пожалъ ему руку,—ни ему, ни мнѣ не вздумалось при этомъ поцѣловаться по обычаю,—и вернулся на Сергіевскую узнать о здоровьи Мирры.

Она спала глубокимъ, „мертвымъ“ сномъ, сказала мнѣ ея мать, а заснула, только-что мы съ Гордономъ ушли отъ нихъ.

III.

На другой день я зашелъ къ нимъ часу въ седьмомъ послѣ обѣда. Мирра съ Röschen ушли къ вечернѣ въ приходъ. Маргарита Павловна разказала мнѣ, что дочь проспала восемнадцать часовъ сряду и проснулась утромъ бодрая и спокойная.

— Съ нею, говорила она, — всегда такъ бываетъ послѣ припадковъ (*кузина* продолжала называть „припадками" эти странныя предвидѣнія, это double vue ея дочери.):—заснетъ мертвымъ сномъ и встанетъ какъ встрепанная.

Сама Мирра скоро вернулась изъ церкви. Она дѣйствительно казалась спокойною, ласково привѣтствовала меня и тотчасъ же сѣла за какое-то шитье. Пришелъ Скобельцынъ, очевидно какъ-нибудь уже прослышавшій объ отъѣздѣ *ривала*. „Что̀ васъ такъ давно не видать было?" улыбнулась она ему даже. Онъ весь вспыхнулъ отъ радости, подсѣвъ къ ней, и сталъ передавать какія-то новости изъ ихъ мѣстъ. Она слушала его, казалось, съ интересомъ, и улыбка нѣсколько разъ опять пробѣгала по ея губамъ. Вечеръ прошелъ въ тихихъ разговорахъ; о Гордонѣ не помянуто было ни единымъ словомъ, точно его никогда и на свѣтѣ не было...

Такъ прошла еще недѣля. Что̀ происходило въ душѣ Мирры, сказать бы никто не могъ: она была ровна, ясна духомъ, ходила по утрамъ съ Röschen гулять въ пустынный Таврическій садъ, шила по вечерамъ, тихо и неторопливо, какъ прежде, вела бесѣду съ гостями. И бесѣды все были тѣ же, старыя, немудреныя бесѣды; только имени Гордона, будто по

какому-то тайному уговору, не произносилъ никто изъ насъ, да крышка фортепіано была спущена надъ клавіатурой и заперта на ключъ. Вздумалось мнѣ какъ-то сѣсть за инструментъ.

— А какъ бы отпереть? спросилъ я Мирру.

— Не надо, получилъ я въ отвѣтъ.

— Что̀ не надо? переспросилъ я нѣсколько озадаченный.

— У меня голова болитъ, коротко промолвила она на это, а Маргарита Павловна, многозначительно поднявъ брови, уставилась на меня и замигала.

Вотъ-съ заворачиваю я однажды съ Воскресенской на Сергіевскую, гляжу—идетъ Мирра со своей Нѣмкой изъ Таврическаго. Я вылѣзъ изъ саней и пошелъ съ ними. Подходя къ ихъ дому, я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и зазвонилъ у крыльца. Вдругъ слышу взволнованный голосъ:

— Какая страшная!...

Оборачиваюсь. Мирра стоитъ вся блѣдная, какъ въ тотъ часъ прощанія съ Гордономъ, и неподвижными глазами глядитъ на только-что проѣхавшую карету. Изъ спущеннаго окна ея рисовался въ поворотѣ ракурсъ бархатной шляпки, выглядывавшей оттуда назадъ въ нашу сторону.

— Кто это? вскрикнулъ я.

— Не знаю, страшная, страшная... Эти глаза... Они жгутъ!..

Она вбѣжала въ отворившуюся тѣмъ временемъ дверь на крыльцѣ, не скидавая шубки и шляпы прошла въ гостиную и опустилась тамъ, будто подкошенная, въ кресло.

— Что̀ еще такое? перепуганно вскрикнула Маргарита Павловна, спѣшно выбираясь изъ-за стола, на которомъ она въ отсутствіи дочери развлекала себя граншасьянсомъ.

Röschen поспѣшила объяснить, что она не понимаетъ, что̀ сдѣлалось съ „Fräulein Миррочка“, что онѣ подходили къ крыльцу, и въ это время проѣхала дама въ каретѣ, и даже, показалось ей, очень красивая, „eine nette Dame“, и поглядѣла въ ихъ сторону, и что она, Röschen, не „видѣлъ, за что̀ себя Миррочка такъ перепугалъ.“

— Господи! промолвила бѣдная кузина, подошла къ дочери и потихоньку накрыла рукой ея глаза.

Мирра сама прижала эту руку своими обѣими руками и затихла. Минуты черезъ двѣ она отвела ее, встала, обняла мать и, поцѣловавъ ее въ щеку, ушла къ себѣ въ сопровожденіи Röschen, не произнеся ни слова.

— Необыкновенная! тяжело вздохнула Маргарита Павловна, когда мы остались вдвоемъ.

— Послушайте, молвилъ я,—вѣдь это все дѣйствительно необыкновенно, и вы должны были бы серьезно посовѣтоваться объ этомъ съ докторами!

Она рукой махнула:

— И не говори! Хуже разстроится! Что̀ я изъ-за этого промаялась съ нею за-границей!... Терпѣть ихъ не можетъ!... И всѣ-то они, сколькихъ я тамъ ни видала, все одно толкуютъ: дѣвичьи, говорятъ, немощи, — съ замужствомъ пройдетъ... Только все это не даромъ! встревоженно домолвила *кузина*.

— Вы про что̀ говорите?

— Да вотъ это, сейчасъ... И *то*, намедни, съ Леонидъ Сергѣичемъ съ бѣднымъ—Маргарита Павловна заплакала,— я и думать даже не смѣю... А только знаю, не даромъ сказала она, что не увидятся они болѣе:—смерть-то отца своего она когда еще предсказала!...

Я вздрогнулъ невольно.

— Но она, замѣтилъ я,—она спокойна... Если она его... любитъ, какъ же это согласить съ той мыслью, что они болѣе не увидятся никогда?

— А ты думаешь, у нея есть теперь эта мысль? Она не помнитъ, я увѣрена! Она совсѣмъ не помнитъ иногда, что̀ говоритъ въ своихъ припадкахъ... Тогда про отца вотъ то же было... У нея какая-то будто двойная жизнь; только перепутано это у нея все такъ, что иной разъ и не поймешь, гдѣ она *отъ себя*, а гдѣ *помимо* что-то дѣйствуетъ въ ней и говоритъ. Теперь вотъ, я знаю, она каждый день думаетъ о Леонидѣ Сергѣичѣ и дни считаетъ, когда ему вернуться. Значитъ, забыла, что̀ говорило въ ней *то* тогда!... А вотъ теперь опять новое! Какіе-то опять „злые глаза“! И у кого-то мо-

гутъ быть „злые глаза“ на эту мою голубушку невинную! Заплакала *кузина* снова.

Въ эту минуту вошелъ слуга съ какой-то наскоро сложенною и незапечатанною запиской на серебряномъ подносѣ.

— Пришелъ вашъ человѣкъ, доложилъ онъ мнѣ,—говоритъ-съ, очень нужное!

Я развернулъ записку и тотчасъ же узналъ почеркъ. Она накидана была карандашомъ по-французски, не подписана и заключала въ себѣ двѣ строки:

„Я пріѣхала утромъ. Мнѣ необходимо васъ видѣть. Жду васъ весь день. У матушки, на Набережной“.

На моемъ лицѣ въ этотъ мигъ выразилось, должно-быть, что-то такое странное, что добрая *кузина*, забывая собственную тревогу, озабоченно вскликнула:

— Что̀ съ тобой, Митя?

— Вы правы, отвѣчалъ я неудержимо,—все это „не даромъ“!

Она приста̀ла ко мнѣ съ разспросами... Я успокоилъ ее, какъ могъ, и поспѣшилъ уйти.

Въ сѣняхъ ожидалъ меня мой человѣкъ.

— Кто принесъ эту записку? спросилъ я.

— Сами заѣзжали.

— Сейчасъ?

— Такъ точно. Вытребовали меня черезъ дежурнаго къ каретѣ и отдали. Сказывали, что съ вами сейчасъ встрѣтились на Сергіевской, и чтобъ вамъ немедленно отнести туда.

Эта бархатная шляпка, выглядывавшая изъ кареты, эти глаза, что̀ „жгли“ бѣдную Мирру,—это была Наталья Андреевна...

IV.

Сани мои стояли у крыльца Оссовицкихъ. Я сѣлъ и помчался на Набережную.

Карета Натальи Андреевны заворачивала у крыльца большаго дома ея матери, когда я подъѣхалъ къ нему. Меня тотчасъ же приняли, или, вѣрнѣе, сама она выбѣжала на встрѣчу мнѣ на площадку лѣстницы во второмъ этажѣ.

— Arrivez, arrivez! услышалъ я снизу ея голосъ,—я только-что пріѣхала и—очень рада васъ видѣть!...

Голосъ былъ звонокъ и веселъ, въ виду, очевидно, швейцара и лакеевъ, стоявшихъ на лѣстницѣ. Я зналъ, что, когда останемся мы вдвоемъ, пойдетъ, что̀ говорится, другой разговоръ.

Я вошелъ съ нею въ маленькую, уютную гостиную ея бывшаго дѣвическаго аппартамента, оставшагося незанятымъ со времени ея замужства, и въ которомъ она остановилась теперь... Она пріѣхала одна; мужъ ея долженъ былъ или пріѣхать черезъ нѣсколько дней, или вовсе не пріѣхать,—это зависѣло отъ какихъ-то одному ему вѣдомыхъ обстоятельствъ,—и въ послѣднемъ случаѣ она должна была черезъ двѣ недѣли ѣхать обратно къ нему въ Вѣну, а оттуда съ нимъ вмѣстѣ въ Римъ...

Все это передала она мнѣ все тѣмъ же звонкимъ и веселымъ голосомъ въ теченіе коротенькаго путешествія съ лѣстницы по корридору, который велъ въ ея покои. Но лишь только дверь гостиной заперлась за нами, она указала мнѣ въ углу кресло, сѣла сама насупротивъ меня, и черные глаза ея мгновенно засверкали, какъ двѣ яркія звѣзды:

— Знаете-ли вы, что я съ ума схожу! начала она разомъ;—*онъ* писалъ мнѣ, чтобъ я не разрывала съ мужемъ. Я покорилась; я чуть не умерла тамъ съ тоски, но я ему повиновалась: я готова была ѣхать въ Римъ... Вдругъ получаю одно письмо... и въ тотъ же вечеръ выѣхала изъ Вѣны!... Мужъ не хотѣлъ меня пустить... Сцены у насъ были ужасныя! Но я сказала ему, что моя мать умираетъ, требуетъ меня къ себѣ... Лгала, выдумывала... Мы почти совсѣмъ разсорились, но я поставила на своемъ, послала за штулвагеномъ, и одна, съ горничной, нигдѣ не ночуя, на шестой день добралась до Петербурга. И для чего!—всплеснула она вдругъ отчаянно руками,—что̀ узнаю я здѣсь!... Это вѣрно, что *онъ* уѣхалъ? быстрымъ переходомъ въ тонѣ кинула она мнѣ этотъ вопросъ и подозрительно, почти злобно глянула мнѣ прямо въ глаза.

— Уѣхалъ еще на прошлой недѣлѣ, сказалъ я,—его отецъ умираетъ.

— Отецъ!...

Она поднялась въ волненіи съ мѣста, подошла къ столу, раскрыла и закрыла лежавшую на немъ какую-то книгу, опять сѣла, и сжавъ брови и дрожа губами:

— А вы, Засѣкинъ,—я васъ почитала за лучшаго моего друга,—скажите мнѣ прямо: какую роль играете вы во всемъ этомъ?

— Въ чемъ? воскликнулъ я, изумленный и, признаюсь, нѣсколько оскорбленный тономъ этого вопроса.

— Я все знаю, сказала она на это:—сестра моя Гагина писала мнѣ въ Вѣну,—писала entr'autres, что въ свѣтѣ удивляются, что вы съ Гордономъ совсѣмъ исчезли, и что говорятъ, будто вы съ нимъ заняты одной какою-то особой, une jeune personne de province, которую видѣли одинъ разъ у Красносельскихъ на балѣ, что она очень хороша собой, богата, и что вы тамъ проводите съ нимъ всю жизнь... И въ то же почти время *онъ* пишетъ мнѣ, чтобъ я покорилась, ѣхала въ Римъ... О, Боже мой!... Я пріѣхала сюда ночью, а утромъ, чуть свѣтъ,—сестра еще спала, я ее разбудила... Она ничего не знаетъ, c'est la vertu même, ma soeur,—какъ я не

выдала себя ей, не понимаю!... Но я узнала, кто *она!* Фамилія ея Оссовицкая, у нея мать, живутъ на Сергіевской, и вы познакомили *ею* съ нею. Кто такія эти Оссовицкія?

Маргарита Павловна Оссовицкая, проговорилъ я серьезнымъ тономъ и отчеканивая каждое слово,—двоюродная мнѣ сестра, дочь роднаго брата моей...

— Но вы, быстро перебила меня Наталья Андреевна,—вы можете жениться на *ней?*

— На Маргаритѣ Павловнѣ? спросилъ я, будто не понявъ:—она на пятнадцать лѣтъ меня старѣе...

— Не смѣйте смѣяться! топнула она ногой:—вы знаете, о комъ я говорю:—на *ней*, на дочери, вы могли бы жениться?...

— Могъ бы... еслибъ она захотѣла, проговорилъ я, стараясь скрыть подъ улыбкой то тоскливое чувство, которымъ опять при этой мысли залегло на сердцѣ...

— А! воскликнула молодая женщина, и губы ея задрожали: опять,—такъ *она* не хочетъ! Она любитъ другаго! *Ею?*..

Я не отвѣчалъ.

— И *онъ* ее!..

Она схватилась за голову:

— Такъ это правда? О, я несчастная! Онъ ее любитъ? Отвѣчайте!... да отвѣчайте же, Христа ради!

— Онъ мнѣ не признавался въ этомъ, сказалъ я, избѣгая прямаго отвѣта.

— Да развѣ я не понимаю, не слышу изъ каждаго звука вашего голоса! Il ne m'aime plus!..

Слезы приливали у нея къ горлу...

— Я ее видѣла сейчасъ, эту вашу красавицу... Une pâlotte efflanquée, какіе-то вылинявшіе глаза... Гдѣ же его клятвы! Онъ говорилъ мнѣ сто разъ, что никогда не женится!.. О, проклятъ будь тотъ день, когда я уѣхала! Будь я тутъ, я бы не допустила!.. И къ чему вы его познакомили!.. Il est beaucoup plus beau que vous,—вы должны были предвидѣть, что она *ею* полюбитъ, а не васъ!..

— Да, я долженъ былъ это предвидѣть! растерянно повторилъ я себѣ внутренно этотъ никакъ мною нежданный

чисто женскій упрекъ, и поднялъ на нее глаза, которые какъ-то невольно держалъ все время опущенными.

Это была женщина лѣтъ 28, во всемъ цвѣтѣ молодости, красоты и—страсти. Усталость отъ дороги и душевная тревога сказывались въ темныхъ полукружьяхъ подъ глазами, отъ которыхъ еще пронзительнѣе, еще ярче сверкалъ пламень ихъ золотистыхъ, изжелта-черныхъ зрачковъ. Подъ плотно охватывавшимъ ее бархатнымъ платьемъ ходила волной ея высокая грудь и вздрагивали пышныя плечи, „античною формой“ которыхъ любовался въ тѣ дни „весь Петербургъ“. Лихорадочный румянецъ то вспыхивалъ, то пропадалъ на ея матово-горячемъ лицѣ... Сравнивая ее съ собою, Мирра дѣйствительно должна была представляться ей ничѣмъ инымъ какъ „une pâlotte efflanquée“.

Она встала опять, обошла кругомъ комнаты точно львица въ клѣткѣ, глянула въ окно, вернулась снова въ свой уголъ... Губы ея сложились въ ѣдкую и высокомѣрную улыбку:

— Я не хочу! J'y laisserai ma réputation, но этого не будетъ! Клянусь вамъ въ этомъ всѣмъ, что̀ есть только святаго на свѣтѣ! Сама погибну, но не позволю... Онъ мнѣ клялся, онъ заставилъ меня забыть долгъ... все!.. Дѣтей у меня нѣтъ... некого любить! Забыть не для кого!.. *Онъ* все былъ для меня, вся моя жизнь! Я не отдамъ его... не отдамъ... не отдамъ! уже истерически, сквозь судорожно сжавшіеся зубы повторяла она...

И вдругъ, къ ужасу моему, съ громкимъ рыданіемъ она, какъ стояла, такъ и бухнулась къ моимъ ногамъ.

— Спасите меня, Засѣкинъ, вы можете,—не доводите меня до отчаянія, до скандала!.. Спасите самого его, онъ вамъ другъ... А если вы сами любите *ее*, тѣмъ болѣе это долгъ вашъ!..

— Бога ради, что̀ вы дѣлаете! упрашивалъ я ее, подымая и сажая въ кресло:—могутъ каждую минуту войти, услышать...

Я кинулся къ двери.

Въ сосѣдней комнатѣ, къ счастію, никого не было.

Я далъ ей выплакаться...

— Ну, а теперь, когда вы нѣсколько успокоились, скажите, чѣмъ я могу служить вамъ?

Она схватила меня за обѣ руки:

— Напишите ему... Нѣтъ, прервала она себя вдругъ,—я сама... Напишите мнѣ только его адресъ,—вотъ здѣсь, на столѣ, мой несессеръ...

— А вы, начала она, когда я кончилъ,—вы, мой другъ, дайте мнѣ сейчасъ честное слово, что исполните свято мою просьбу!

— Вы будете просить невозможнаго? сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣчала на это Наталья Андреевна; она успѣла уже совладать съ собою, и голосъ ея, повинуясь волѣ, звучалъ теперь ровно и отчетливо,—нѣтъ, и мнѣ даже вашего слова не нужно: то, о чемъ я буду просить, столько же въ вашемъ, сколько и въ моемъ интересѣ... Вы любите эту дѣвушку?

Я запнулся...

— Все равно, поспѣшила сказать она,—вы имъ родня, другъ... Во всякомъ случаѣ вы ей желаете добра?

— Ужь конечно! воскликнулъ я.

— Такъ вы скажите... предварите ихъ,—ея мать,—что есть женщина—вы даже можете назвать меня, я позволяю!—которая не допуститъ *его* жениться на ней, что онъ связанъ съ этою женщиной, и она не отдастъ его никому, ни за что!.. Скажите, что она на все готова, что она изъ-подъ вѣнца, еслибы до того дошло, вырветъ *его* у нея!.. Вы видите,—примолвила къ этому Наталья Андреевна,—что я говорю вамъ это теперь не въ горячкѣ, не въ безуміи, а совершенно спокойно. И вы, я знаю, передадите имъ то, что я прошу васъ имъ сказать, потому что вы у-вѣ-ре-ны,—протянула она,—что то, что я говорю, я исполню!..

Глаза ея заискрились снова, изъ-подъ заалѣвшихъ и раскрывшихся губъ блеснули бѣлые, маленькіе и острые зубы,—и все это вмѣстѣ представилось мнѣ въ ту минуту, улыбнулось какою-со безпощадною и хищною улыбкой.

— C'est Vénus toute entière à sa proie attachée!

Вспомнился мнѣ Расиновскій стихъ... Она не ошибалась:

я, дѣйствительно, былъ увѣренъ теперь, что она „готова на все“!..

— Скàжете? говорила мнѣ между тѣмъ Frau Venus. *)

Я утвердительно повелъ головою.

Она протянула мнѣ свою красивую руку:

— Merci! Пока мужа нѣтъ, вы можете меня найти дома каждый день entre trois et quatre. Если онъ вздумаетъ пріѣхать, это будетъ труднѣе: le malheureux—она презрительно приподняла плечи,—продолжаетъ думать до сихъ поръ, что опасенъ для него *вы!*.. Вы можете тогда написать мнѣ: онъ писемъ моихъ не читаетъ.

Я взялъ каску и поднялся.

— Не сердитесь на меня слишкомъ, сказала мнѣ она прощаясь,—за все, чтò могло вамъ показаться непріятнымъ въ нашемъ разговорѣ!

— И было бы изъ-за чего сердиться,—не сталъ бы! Вы дали мнѣ сегодня случай наткнуться на то, въ чемъ, я полагалъ до сихъ поръ, рѣшительно отказано нашимъ, русскимъ барынямъ. Вы—*характеръ*, Наталья Андреевна!

— Люблю! коротко отвѣчала она мнѣ на это, и двѣ крупныя слезы выкатились у нея изъ-подъ рѣсницъ...

Я *съ чувствомъ* поцѣловалъ у нея руку и вышелъ.

— А мнѣ, говорилъ я себѣ, спускаясь съ лѣстницы,—судьба—я тогда называлъ это *судьбою*,—назначила роль орудія къ осуществленію того, чтò такъ странно предчувствовано было Миррой!..

Но, признаюсь вамъ теперь, роль этого орудія нисколько не претила мнѣ въ ту минуту. Предварить близкихъ, *родныхъ* мнѣ особъ о томъ, чтò могло имъ угрожать, въ данномъ случаѣ было моимъ долгомъ,—было бы имъ даже и тогда, если-бы не былъ я такъ рѣшительно уполномоченъ предварить ихъ тою самою особой, отъ которой могла итти опасность. Совѣсть моя чиста, говорилъ я себѣ: самъ я не при чемъ, я *только орудіе*, и положеніе таково, что я могу объявить объ этомъ самому Гордону, и онъ не въ правѣ сѣтовать на меня

---

*) *Tannhaüser*, Heine.

за то... А между тѣмъ послѣ *этого* предвидѣніе Мирры окажется дѣйствительностью. Они не увидятся болѣе!.. А тамъ время... она можетъ забыть его... даже скоро забудетъ, когда узнаетъ объ этой его связи съ другою женщиной...

И новыя, безумныя надежды заискрились въ моей взбудораженной головѣ. За этими надеждами я не видѣлъ... я забывалъ все другое...

V.

Вечеромъ въ тотъ же день я отправился на Сергіевскую. Тамъ сидѣла фрейлина изъ Таврическаго, какія-то еще, невѣдомыя мнѣ, дамы, Скобельцынъ и привезенный имъ какой-то толстый Симбирякъ, страдавшій насморкомъ и трубившій по этому случаю носомъ въ свой огромный фуляръ точно въ охотничій рогъ... Шелъ оживленный разговоръ по поводу только-что сообщенной фрейлиною новости самаго свѣжаго изданія: въ высшихъ областяхъ петербургскаго свѣта наканунѣ объявлены были три свадьбы разомъ. Хотя, начиная съ самой вѣстовщицы, съ четверть уже вѣка забытой этимъ свѣтомъ, имѣвшія сочетаться пары знакомы были гостьямъ Маргариты Павловны развѣ только по общеизвѣстнымъ ихъ фамиліямъ, всѣ онѣ судили и рядили о нихъ будто о самыхъ близкихъ себѣ людяхъ, выражали имъ сочувствіе или порицаніе и называли ихъ, со словъ точно также не видавшей ихъ въ глаза Таврической обитательницы, интимными ихъ уменьшительными, при чемъ, разумѣется, весьма затруднились бы отвѣтить, еслибы вздумали ихъ спросить, напримѣръ, кого слѣдуетъ разумѣть подъ *Мими:* Марью, Марѳу или Людмилу? а подъ *Лили:* Лизавету, Елену, или ту же Людмилу?...

Однѣ хозяйки не принимали участія въ этихъ интересныхъ преніяхъ: Мирра слушала, очевидно думая о чемъ-то другомъ; Маргарита Павловна, слегка выпятивъ губу впередъ, особенно усердно трудилась надъ своимъ шарфомъ, — она, какъ всякая добропорядочная мать, почитала in petto

такой разговоръ о чужихъ свадьбахъ чѣмъ-то въ родѣ личной непріятности...

Я также далеко не былъ расположенъ болтать. То, что̀ имѣлъ я сообщить *кузинѣ*, не выходило у меня изъ головы, и сказывалось вѣроятно особенно озабоченнымъ выраженіемъ на моемъ лицѣ, потому что Мирра нѣсколько разъ, поднявъ голову, щурилась и пытливо взглядывала на меня, а ея мать, не отрываясь отъ своего шарфа, обращалась ко мнѣ съ пѣвучими возгласами: „Митя, кто тебя обидѣлъ сегодня?“ или „что̀ притуманилась, зоренька ясная?“—вслѣдствіе чего даже одна изъ невѣдомыхъ мнѣ дамъ, что-то въ родѣ писательницы, сочла нужнымъ отпустить съ кисло-сладкою улыбкою:

— Такія звѣзды, какъ monsieur Засѣкинъ, не станутъ горѣть для немногихъ!

— А вы меня, сударыня, за уличный фонарь принимаете? отпустилъ я ей на это, въ свою очередь.

Она обидѣлась и уѣхала.

Къ одиннадцати часамъ поднялись и остальные...

Кузина, какъ только мы остались втроемъ, принялась меня бранить за „грубость“ де ея пріятельницѣ, которая мнѣ-молъ этого никогда не проститъ. Я отвѣчалъ ей, что пріятельница ея—дура, и что заботы у меня есть поважнѣе того, проститъ она мнѣ или не проститъ.

Хотя все это сказано было мною съ видомъ и тономъ шутки, но Мирра, какъ бы тотчасъ же почуявъ, что̀ скрывалось за этимъ, кинула свое шитье на столъ и вышла изъ комнаты.

Я не медля приступилъ къ дѣлу:

— Не было у васъ послѣ меня съ *нею* (я кивнулъ на дверь, куда вышла Мирра.) разговора на счетъ сегодняшней встрѣчи?

— Дама въ каретѣ съ злыми глазами? быстро подхватила Маргарита Павловна. — Нѣтъ, Боже сохрани! И ты, Митя, смотри, ни слова съ ней объ этомъ!

— Будьте покойны!... Даму эту я знаю, заговорилъ я опять.

— Что̀ ты! Она даже руками всплеснула.

— Да. Записка, которую я получилъ у васъ здѣсь, была отъ нея.

— Отъ этой самой...

Алчущее любопытство гораздо болѣе, чѣмъ тревога, изображались въ эту минуту въ растворенномъ ртѣ, въ выскакивавшихъ изъ подъ своихъ вѣкъ круглыхъ глазахъ *кузины*.

— Кто она такая? зашептала она, присосѣживаясь ко мнѣ плечомъ къ плечу.

— Этого вамъ, пожалуй, и знать не нужно, сказалъ я;— и для васъ, и для нея даже гораздо лучше, чтобъ это осталось тайной. Дѣло ни въ имени ея, ни въ фамиліи, а въ томъ, что дочь ваша со своею сверхъестественною чуткостью встревожилась не даромъ: женщина эта, если еще не совсѣмъ теперь... но можетъ быть дѣйствительно опаснымъ ей врагомъ!

— Врагомъ! Миррочкѣ, этому ангелу! За что̀? даже вся задрожала она, бѣдная.

— Пугаться заранѣе нечего, началъ я опять,—а вы меня выслушайте!

И я сообщилъ ей все, что̀ уже вамъ извѣстно...

Она ахала и охала, принималась не разъ плакать, всплескивала руками, качала головой и перпендикулярно и горизонтально, хватала меня то за руки, то за плечо и кончила тѣмъ, что вскинулась на меня:

— Какъ же ты это, батюшка, *такого* ко мнѣ въ домъ ввелъ?

— Какого *такого?*

— Да этого *Англичанина* негоднаго! (Бѣдный Гордонъ, вчерашній „голубчикъ Леонидъ Сергѣичъ“!)...

— Чѣмъ онъ негодный?

— Да какъ же, съ чужой этто женой...

— Ахъ, Господи, не могъ не засмѣяться я, — вы такихъ и не встрѣчали никогда?

Кубышка моя сама не могла не улыбнуться:

— Конечно... холостое дѣло!... Такъ ты бы меня хоть предварилъ. Когда онъ Миррѣ сталъ аттенціи показывать... Шепнулъ бы мнѣ: берегитесь, молъ, у него вотъ такъ и такъ, связь, и онъ измѣнщикъ...

— Онъ не *измѣнщикъ!* сказалъ я,—онъ искренно увлекся Миррой и горячо ее даже любитъ, я увѣренъ, а съ той женщиной онъ думалъ покончить... Онъ надѣялся на разлуку, на отсутствіе ея...

— Такъ ты бы такъ мнѣ все это въ ту пору и сказалъ: я бы и Миррочку остерегла, и самому ему дала понять: не суйся, молъ, знаемъ!

— Съ какого права сталъ бы я вамъ это *въ ту пору* говорить? невольно улыбнулся я опять.

— Съ какого? очень удивилась она моему вопросу,—помилуйте, скажите, вѣдь ты мнѣ здѣсь родня ближайшій, матери-то наши родныя сестры были, я тебя съ дѣтства...

— Тутъ дѣло не въ родствѣ, а въ чести! перебилъ я ее:—что̀ бы вы сказали, еслибъ я вдругъ вашу тайну, безъ вашего спроса, сталъ бы выдавать третьему лицу, въ виду того, что я этимъ могу послужить его пользѣ? То, что я вамъ сейчасъ сообщилъ, я не *выдалъ*, а *передалъ* вамъ потому, что мнѣ *поручено это вамъ передать*,—поймите эту разницу!

Бѣдная женщина опустила голову, тяжко вздохнула и принялась опять плакать.

— Да, сквозь эти слезы говорила она,—хорошо вамъ съ вашими *пуанъ д'онёрами* этими, а съ Миррочкой-то какъ мнѣ быть теперь?... Она у меня съ полуслова пойметъ, знаю,—да полуслово-то это какъ выговорить матери, когда это ровно что ножомъ ее рѣзать!...

Я молчалъ... Мнѣ было и жутко, и больно... и опять вдали мерцавшія *надежды*...

— А она... *та-то*... очень она любитъ его? заговорила снова *кузина*.

— Вы можете сами разсудить изъ того, что̀ я передалъ вамъ...

— Да, бѣдовая, видно, закачала она своею *простоволосою* головой:—а мужъ у нея старый?

— Не старый еще.

— А сама она belle femme, очень?

— Красавица!

— Брюнетка или блондинка?

— Рыжая!

— Неправда, прервала она,—я спрашивала Röschen, говоритъ: eine hübsche Brunette!

— Ну и прекрасно, воскликнулъ я нетерпѣливо,—только вы ничего болѣе отъ меня не узнаете, и не для чего вамъ меня и спрашивать! Не о ея наружности, а о томъ, чего можете вы ожидать отъ нея, слѣдуетъ вамъ думать!

Маргарита Павловна вдругъ гордо подняла голову.

— Нечего намъ отъ нея ждать, а ей безпокоиться! Чужихъ любовниковъ дочь моя ни у кого отымать не станетъ! промолвила она, покраснѣвъ отъ волненія: — такъ ты ей и скажи!...

— Хорошо, скажу!...

— Такъ и скажи! повторила она, утвердительно и самодовольно кивая...

Я простился съ нею и вышелъ...

Проходя залу, слышу вдругъ голосъ Мирры:

— Дмитрій Ивановичъ!

Въ первый еще разъ называла она меня такъ,—это удивило меня...

Я обернулся.

Она стояла спиною къ окну, полузакрытая тяжелою штофною занавѣсью, и глядѣла оттуда на меня какъ изъ рамки...

— Вы говорили съ мамой про ту женщину, что̀ утромъ?...

— Говорилъ, сказалъ я, помолчавъ. Подслушивать не въ ея характерѣ: она догадалась! разсудилъ я мысленно.

— И... про... про Леонида Сергѣича? договорила она.

— Дда... и про него, отвѣчалъ я, смутясь невольно.

Она примолкла, опустила голову; что-то въ родѣ усмѣшки пробѣжало по ея лицу... Безъ словъ отдѣлилась она отъ окна, прошла мимо меня къ фортепіано, на которомъ лежала кипа ея нотъ, достала изъ-подъ нихъ ключикъ и, протягивая его мнѣ:

— Вы хотѣли играть въ тотъ разъ... Вотъ вамъ!...

Я недоумѣло шагнулъ къ ней...

— Садитесь, сыграйте! почти повелительно промолвила Мирра.

Я машинально откинулъ крышку...

— Что-нибудь веселое! сказала она.

— Веселое? повторилъ я съ тѣмъ же недоумѣніемъ.

— А то какъ же? отвѣчала она съ улыбкой, странное выраженіе которой заставило меня безсознательно опустить глаза.

Я заигралъ какую-то модную тогда польку. Мирра облокотилась на доску инструмента и стала слушать...

— Миррочка, ты это играешь? послышался тутъ же изъ гостиной удивленный голосъ Маргариты Павловны, раскладывавшей тамъ граншасьянсъ на сонъ грядущій.

— Нѣтъ, это Дмитрій Иванычъ *пошпшается*, крикнула на это Мирра въ отвѣтъ.

Я продолжалъ играть, смутно чувствуя въ то же время, что въ этомъ было что-то подневольное, глупое и оскорбительное для меня... Но еще глупѣе было бы отказываться, еще оскорбительнѣе признать въ этомъ оскорбленіе...

Я едва былъ въ состояніи докончить. Руки мои въ какомъ-то изнеможеніи скользнули съ клавишей на мои колѣни.

— Ну вотъ вы теперь и довольны! медленно и отчетливо выговорила Мирра.

Я вскинулся на нее опущеннымъ до этой минуты взглядомъ... На ея лицѣ, въ туманныхъ глазахъ, въ этой снова бродившей по блѣднымъ устамъ ея улыбкѣ я прочелъ теперь явственно упрекъ, исполненный такой тоски, горечи и презрѣнія ко мнѣ, что меня ожгло будто горячимъ желѣзомъ. „Ты погубилъ мое счастіе изъ личнаго, жалкаго разсчета!“ говорилъ мнѣ теперь весь этотъ стройный, печальный и безпощадный обликъ...

Я хотѣлъ что-то сказать, объяснить... Но Мирра уже вышла изъ комнаты.

Я кинулся вонъ какъ безумный. Пробѣжавъ мимо храпѣвшаго въ сѣняхъ слуги, забывъ тамъ шинель и калоши, я откинулъ болтъ входной двери и очутился на улицѣ.

Тамъ выла злая январская вьюга. Крупныя мерзлыя хлопья били меня по лицу, попадали за воротникъ, лѣзли подъ обшлага моего тонкаго сюртука. Я бѣжалъ домой, погружая въ навалившія груды снѣга мои лакированные сапоги съ ка-

кимъ-то наслажденіемъ. Въ этомъ пронзающемъ ощущеніи холода и влаги я искалъ отвлеченія отъ того чего-то невыразимо мучительнаго, что̀ будто пудовикомъ гнело мою голову и сверлило какъ буравъ сквозь черепъ въ мозгу...

„Да, веселись теперь, будь доволенъ, проносилось у меня тамъ, — жалкій, презрѣнный себялюбецъ! Твоя *совѣсть чиста*, ты *не выдалъ*, ты *передалъ*. Нелѣпыя угрозы обезумѣвшей женщины ты нашелъ выгоднымъ для себя принять за нѣчто дѣйствительно осуществимое и грозное и обратить себя въ *орудіе*... Противъ *кого? Въ чье* орудіе? Ты преклонялся предъ тѣмъ *характеромъ*, а въ этой нѣжной молодой жизни не подозрѣвалъ ни устойчивости, ни глубины... Ты могъ, ты долженъ былъ оградить, спасти эту молодую, дорогую для тебя жизнь; но изо всѣхъ предстоявшихъ тебѣ путей ты избралъ тотъ, въ концѣ котораго, вмѣсто одной, являются три жертвы... Предъ тобой впереди горѣли какія-то надежды... Вотъ онѣ, надежды твои: ненависть ея и презрѣніе!...“

Я насилу дотащился до своей квартиры. Ознобъ пронималъ меня всего насквозь. Словно клещи какого-то исполинскаго рака сжимали и рѣзали мнѣ голову. Огонь вынесенной мнѣ навстрѣчу старымъ моимъ Назарычемъ свѣчи ударилъ мнѣ въ глаза будто двумя острыми какъ шило и нестерпимо палившими лучами... Я вскрикнулъ отъ боли и покатился навзничь безъ чувствъ...

VI.

Очнулся я недѣли черезъ три; оказалось, что я въ ту ночь страшнѣйшимъ образомъ распростудился, и сдѣлалось со мною то, что̀ тогда называли бѣлою горячкой, а теперь чуть-ли не брюшнымъ тифомъ зовутъ, и что я даже одно время былъ очень опасенъ...

Очнулся я, и первое, помню, что̀ сознательно представилось моему зрѣнію, была какая-то женская фигура, сидѣвшая на стулѣ у ногъ моей постели и которую слабо освѣщалъ свѣтъ чего-то, свѣчи или лампы, стоящаго за мною. Помню, что фигура эта мнѣ что-то или кого-то напомнила, и что ощущеніе этого темнаго вспоминанія было непріятное, потому что я закрылъ глаза и не хотѣлъ уже открывать ихъ, пока и на самомъ дѣлѣ не уснулъ крѣпкимъ, какъ узналъ я впослѣдствіи, спасительнымъ сномъ.

Уже нѣсколько времени спустя, когда я вступилъ въ періодъ настоящаго выздоровленія, я узналъ эту женщину.

Это была Röschen, Нѣмка Маргариты Павловны, которую добрая *кузина* оставила ходить за мною, по случаю отъѣзда своего въ Москву.

Еще позднѣе, Röschen рѣшилась сообщить мнѣ, какъ „плакалъ бѣдный Маргаретъ Пауловна", оставляя меня, и для чего она уѣхала въ Москву.

Уѣхала она потому, что Мирра выходила замужъ—за Скобельцына!...

Она сама этого захотѣла, сама предложила это Скобельцыну, предполагала Нѣмка, — потому что самъ онъ никогда бы не рѣшился, „er hätte sich niemals entschieden!..."

— Не знаю, что̀ было между ними сказано, передавала она мнѣ,—только разъ вечеромъ, когда Маргарита Павловна вернулась отъ васъ,—это было дня черезъ четыре послѣ того, какъ вы заболѣли, и она почти цѣлый день, die gute, gute Frau von Ossovitski, сидѣла у васъ, — Скобельцынъ und nu war er glücklich wie ein Taübchen, какъ голубокъ счастливый,—сталъ просить у нея руки Fraülein Миррочки. „Маргаретъ Пауловна очень перепугалъ себя“, но Мирра объявила, что и она этого желаетъ, и проситъ только, чтобъ онѣ сейчасъ же, сейчасъ собрались въ Москву, и чтобы тамъ была свадьба, и до поста, настаивали они оба со Скобельцынымъ... Маргаритѣ Павловнѣ очень этого не хотѣлось, очень не хотѣлось особенно оставить своего Vetterchen, sein Mitia (то-есть меня, своего „Митю“), положеніе котораго внушало ей въ то время самыя серьезныя опасенія. Но Мирра завѣрила ее, что опасаться нечего и что вы будете здоровы, и Frau von Ossovitski ей повѣрила, „потому Fraülein Миррочка всегда напередъ можетъ угадайть“,—говорила Röschen какъ о чемъ-то совершенно простомъ и естественнномъ, — и согласилась. И онѣ очень скоро, и съ женихомъ, отправились въ Москву, а меня оставили ходить за вами, пока доктора не скажутъ, что вы внѣ опасности и я вамъ больше не нужна... И вотъ я за вами ходила, какъ умѣла, можете den Herrn Doktor спросить, и вы, слава Богу, совсѣмъ, совсѣмъ выздоравливаете, и я—Röschen при этомъ скорчила препротивную заискивающую рожу,—я теперь очень бы желала скорѣе ѣхать въ Москву, потому безъ меня Frau von Ossovitski навѣрно забудетъ, что въ приданомъ Fraülein Миррочки цѣлая дюжина сорочекъ еще не помѣчена ея вензелемъ...

Я тутъ же отпустилъ ее, далъ денегъ, велѣлъ благодарить *кузину*, и она, тоже счастливая „wie ein Täubchen“, отправилась немедля во-свояси.

Я широко вздохнулъ съ ея отъѣздомъ. Непріятное впечатлѣніе, которое присутствіе ея у моей постели произвело на меня въ первую минуту воскресавшаго сознанія, переходило въ этомъ фазисѣ моего выздоровленія въ чувство близкое къ отвращенію. То, что̀ она разсказывала, раздражало меня, какъ

что-то назойливое, томительное и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы совсѣмъ чуждое, далекое, до чего уже мнѣ не было никакого дѣла. Странная перемѣна совершалась со мною: новая приливавшая въ организмъ мой волна жизни какъ бы несла съ собой отрѣшеніе отъ всѣхъ узъ, заботъ и связей прошлаго. Прежнее, недавнее, то, что̀ еще три недѣли назадъ такъ всецѣло наполняло, волновало и терзало мою душу, было словно все забыто въ страданіяхъ и бреду моей болѣзни. Съ тѣхъ поръ словно прошли года, и все это представлялось мнѣ чѣмъ-то въ родѣ когда-то читанной, но на половину уже истертой надписи... А то, что̀ еще хранилось въ моей памяти, эта блѣднолицая, непонятная, фантастическая Мирра, представлялось мнѣ чѣмъ-то жуткимъ, мрачнымъ, чуть не страшнымъ,— именно *страшнымъ*, на чемъ менѣе всего хотѣлось мнѣ останавливать, удерживать мысль...

— Я ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы,
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,—
Чтобъ въ груди дрожали жизни силы, и пр.

повторялъ я себѣ въ то время, помню, съ какимъ-то запоемъ эти стихи Лермонтова въ тѣ рѣдкія минуты, когда полковые товарищи, усердно, слишкомъ усердно выражавшіе своими посѣщеніями участіе свое ко мнѣ, оставляли меня одного...

— Vous faites peau neuve, mon cher, comme les coleoptères *)! смѣялся остроумнѣйшій изъ нихъ, ротмистръ Буллаковъ, подмѣтивъ во мнѣ такую „перемѣну декораціи“.— Ты изъ *субъективнаго* россійскаго эскадроннаго командира въ *объективнаго* нѣмецкаго мотылька обращаешься, и изъ кавалергадской конюшни летишь прямо in's Blau, въ самую глубь лазури!...

Онъ былъ правъ въ томъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, что конюшня, фронтъ и все мое недавнее кавалергардское честолюбіе начинали мнѣ тогда представляться чѣмъ-то не менѣе противнымъ, чѣмъ сама Röschen и К°.

*) Извѣстный классъ насѣкомыхъ.

Тотъ же Булдаковъ въ одно прекрасное утро объявилъ мнѣ, что Гордонъ вернулся изъ отпуска и, узнавъ, что я боленъ, просилъ узнать: можетъ-ли онъ посѣтить меня?

— Гордонъ? сказалось у меня внутренно при звукѣ этого имени:—это опять *то!*...

Булдаковъ, не дождавшись отъ меня съ перваго раза отвѣта, повторилъ о своемъ порученіи.

— Кто же ему мѣшаетъ? сказалъ я.

— Это уже ваше дѣло разбирать! засмѣялся онъ.—Пробѣгала между вами кошка, или нѣтъ, и какого она цвѣта, я не знаю, а только онъ хотѣлъ знать предварительно: будетъ-ли тебѣ пріятно его посѣщеніе?

— Никакой кошки между нами я не знаю, отвѣчалъ я, невольно морщась,—и пусть онъ приходитъ, когда ему вздумается!...

Онъ пришелъ на другой же день. Онъ казался такъ же худъ и блѣденъ, какъ и я самъ, и слѣды страданія явно читались на его впаломъ и пожелтѣвшемъ лицѣ.

— Какъ *она* насъ обоихъ!... какъ бы не смѣлъ договорить я себѣ.

— Ты также... боленъ былъ? промолвилъ я съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Да... я тамъ такъ измучился, глядя на его мученія... Это было ужасно!... Цѣлую недѣлю продолжалась его агонія...

Онъ продолжалъ говорить о скончавшемся отцѣ, о раздѣлѣ съ братьями, о своихъ дѣлахъ. О *томъ* ни слова, ни намека... Я слушалъ его равнодушно...

— Я оставляю полкъ! вдругъ сказалъ Гордонъ послѣ довольно долгаго перерыва, какъ-то мелькомъ скользнувъ взглядомъ по мнѣ: онъ съ самаго прихода, я замѣтилъ, какъ бы избѣгалъ моихъ глазъ.

— Да?... И какое мнѣ до этого дѣло! думалъ я.

— Да! подтвердилъ онъ:—графъ Воронцовъ—они старые друзья съ моимъ покойнымъ отцомъ были,—намѣстникъ Кавказскій, беретъ меня въ адъютанты. Завтра приказъ выйдетъ... И я ѣду чрезъ два дня. Тамъ на весну готовится большая экспедиція...

— Поздравляю: полковникомъ вернешься! сказалъ я на это, чтобы сказать что-нибудь...

— Если лобъ не прошибетъ пуля! засмѣялся онъ неестественнымъ смѣхомъ и, поднявшись съ мѣста, заходилъ по комнатѣ, по старой своей привычкѣ, откинувъ полы сюртука и глубоко запустивъ руки въ карманы рейтузъ.

— А *Серафиту* ты и не успѣлъ прочесть? спросилъ онъ все также, показалось мнѣ, неестественно улыбаясь, остановившись предъ столомъ, на которомъ, нетронутая, лежала его книга.

— Вотъ оно сейчасъ начнется! кольнуло меня опять *то* назойливое ощущеніе...

— Нѣтъ, сказалъ я громко,—и не прочту! Возьми ее назадъ!...

Онъ стоялъ, руки въ карманахъ, низко опустивъ голову и задумавшись надъ этою книгой...

— Нѣтъ, тихо и медленно проговорилъ онъ по долгомъ молчаніи,—я не возьму. А ты окажи мнѣ услугу, отошли ее... *по адресу*... Въ память того... что̀ было, ужь чуть внятно досказалъ онъ.—Можешь? сказалъ Гордонъ, помолчавъ опять.

— Хорошо, проговорилъ я также тихо.

Онъ прошелся еще раза два по комнатѣ, подошелъ ко мнѣ:

— Ну, прощай, Засѣкинъ. Если успѣю, забѣгу еще проститься... Дѣла предъ отъѣздомъ конца нѣтъ... А не буду, не взыщи!

Онъ наклонился, какъ-то торопливо поцѣловалъ меня въ щеку и быстро пошелъ къ дверямъ.

— Если ты, остановился онъ тамъ неожиданно,—если ты въ чемъ-нибудь... виноватъ предо мною,—голосъ его дрогнулъ,—суди тебя Богъ и твоя совѣсть. Я... я тебя прощаю, Засѣкинъ...

И онъ исчезъ.

Я тупо поглядѣлъ ему вслѣдъ. Слова его въ ту минуту не представляли для меня значенія. Я былъ только радъ тому, что онъ ушелъ, и что о *томъ*, чемъ-то темномъ и мучительномъ, никто уже болѣе не заведетъ со мною рѣчи.

VII.

Гордонъ не заходилъ болѣе ко мнѣ. Онъ уѣхалъ, какъ говорилъ, черезъ два дня, послѣ шумнаго и веселаго обѣда, даннаго ему товарищами, которые очень его любили и провожали всѣмъ полкомъ на тройкахъ до *Четырехъ Рукъ* *). Заѣхавшій оттуда ко мнѣ Булдаковъ, — блестящее и неосторожное часто остроуміе котораго должно было, по собственному его сознанію, служить вѣчно помѣхою для его карьеры,—откровенно и добродушно завидовалъ блестящей судьбѣ, которая ожидала уѣхавшаго пріятеля, при расположеніи къ нему такого начальника, какимъ извѣстенъ былъ графъ Воронцовъ, и безконечныхъ случаяхъ отличиться, какіе представляла тогдашняя боевая служба на Кавказѣ.

— По женской части, перечислялъ онъ,—тамъ, по правдѣ сказать, должно-быть слабо: въ „красу Черкешенокъ младыхъ" я вѣрю мало, cela doit être sale et mal peigné... И это къ его же явной выгодѣ служитъ, потому что здѣсь l'amour des femmes непремѣнно, рано или поздно, сломила бы Гордону шею, какъ мнѣ мой языкъ... А затѣмъ, вообрази же себѣ: южное небо, горы, походъ... и кахетинское вино! Еще-ли не счастіе человѣку! Только самъ-то онъ будто плохо, я замѣтилъ, вѣритъ этому счастію. Отъ избытка радости, или отъ предчувствія? примолвилъ Булдаковъ, какъ бы ожидая отъ меня отвѣта,—и, не дождаашись его,—вѣдь судьба—индѣйка, говорилъ еще *Аристотъ*, греческій мудрецъ...

— Аристотъ учо-о-о-ный...

---

*) Первая тогда перекладка на Московскомъ шоссе.

началъ было онъ, но тутъ же, вспомнивъ слова, сложенныя на тотъ же мотивъ однимъ его однофамильцемъ, извѣстнымъ тогда во всемъ Петербургѣ повѣсою, запѣлъ:

При сниманьи фра-а-а-аковъ.
Ночью въ три часа,
Офицеръ Булда-а-а-а-аааковъ
Тянетъ хереса, тянетъ хе-ре-са...

— А я готовъ пари держать, неожиданно серьезно закончилъ онъ, пытливо глядя мнѣ въ лицо, — что и въ болѣзни твоей, и въ томъ, что Гордонъ перешелъ на Кавказъ, во всемъ этомъ главную роль играютъ божественныя плечи *** (онъ назвалъ по фамиліи Наталью Андреевну); она васъ обоихъ съ ума *свела*, она же и *развела!*...

— Она за границей должно-быть! пожалъ я на это плечами.

— Теперь, но была здѣсь! воскликнулъ Булдаковъ,—и ты предъ самой болѣзнью былъ у нея,—мнѣ говорила сестра ея, Гагина,—и она въ первые дни каждый день посылала узнавать о твоемъ положеніи... А потомъ пріѣхалъ Гордонъ, и они видѣлись,—это я опять навѣрное знаю,—и затѣмъ она вдругъ собралась и уѣхала... Уѣхала даже вся больная, это все ея семейство говоритъ... Не знаю, что̀ тутъ между вами тремя произошло, но что какая-то драма была, въ этомъ я ни на минуту не сомнѣваюсь!...

Я не отвѣчалъ ему. А произошло со мной то, что Петербургъ служба и все, что̀ окружало меня, становилось для меня съ каждымъ днемъ невыносимѣе. Пользуясь законнымъ поводомъ моей болѣзни и всякихъ грозныхъ послѣдствій ея, услужливо исчисленныхъ въ свидѣтельствѣ, которое выдалъ мнѣ пріятель, полковой докторъ, я подалъ въ отставку. Но главнокомандующій нашъ, великій князь, — хоть я далеко не принадлежалъ къ числу его любимцевъ,—не захотѣлъ выпустить меня изъ полка и вмѣсто отставки велѣлъ отчислить въ безсрочный отпускъ, „въ имѣніе и за границу, до излѣченія болѣзни“, сказано было въ приказѣ.

Съ первыми весенними днями я отплылъ въ чужіе края на Любекскомъ пароходѣ...

Недѣли за двѣ до отъѣзда я получилъ письмо отъ Маргариты Павловны Оссовицкой. Оно было третье счетомъ. — на два первыя я не отвѣчалъ. Это третье письмо было гораздо холоднѣе предыдущихъ: *кузина* почти офиціальнымъ тономъ извѣщала меня, что дочь ея Мирра нѣсколько дней назадъ сочеталась бракомъ съ Евстигнеемъ Степановичемъ,—Скобельцынъ, увы, назывался *Евстигнеемъ!* — что она совершенно счастлива, велитъ мнѣ кланяться и пожелать добраго пути, такъ какъ онѣ узнали, что я отпущенъ и ѣду на дняхъ за границу, а сами онѣ тоже на дняхъ отправляются на цѣлый годъ въ Симбирскую деревню.

Я отвѣчалъ на это насколько могъ любезнѣе, благодарилъ за ихъ „дорогую мнѣ всегда память", посылалъ имъ въ свою очередь всякія „сердечныя пожеланія и искреннія поздравленія", а въ концѣ письма говорилъ, что общій нашъ знакомый „Леонидъ Сергѣевичъ Гордонъ, предъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ, поручилъ мнѣ передать—если на то будетъ ея, Маргариты Павловны, дозволеніе, прибавилъ я отъ себя,—дочери ея, Миррѣ Петровнѣ, прилагаемую при семъ книгу, въ воспоминаніе добрыхъ вечеровъ, проведенныхъ нами прошлою зимой у нихъ, на Сергіевской."

Серафита, переплетенная, по моему распоряженію, въ изящный, малиноваго цвѣта сафьянный переплетъ, отправлена была съ письмомъ въ тотъ же день въ Москву, по извѣстному мнѣ адресу *кузины*.

Переписка наша съ нею на томъ и покончилась.

Я былъ въ Баденѣ и игралъ въ рулетку,—это было въ іюлѣ мѣсяцѣ,—когда кто-то изъ соотечественниковъ, подойдя ко мнѣ, сообщилъ мнѣ съ таинственнымъ видомъ, и по-русски, что онъ получилъ только-что изъ Петербурга письмо, содержащее въ себѣ „не совсѣмъ веселыя извѣстія о нашихъ кавказскихъ дѣлахъ".

Я тотчасъ же пошелъ за нимъ, хотя мнѣ везло, и нумеръ 16-й, на который я все время ставилъ, только-что вышелъ два раза кряду...

Письмо извѣщало о походѣ графа Воронцова въ Дарго, о трудномъ дѣлѣ въ Ичкеринскомъ лѣсу, на возвратномъ пу-

ти, о смерти генерала Пассека и почти совершенномъ „избіеніи" его отряда въ такъ-называемой *сухарной экспедиціи* и проч. Много знакомыхъ, говорятъ, добавлялъ писавшій, убито въ этихъ дѣлахъ, но онъ еще не успѣлъ узнать ихъ имена...

А чрезъ нѣсколько дней, русскія дамы въ Баденѣ не встрѣчались иначе какъ съ громкимъ оханьемъ и возгласами:

— Vous savez la nouvelle, — ce pauvre Gordon! Quel malheur!... il était si bien!... Et comme il polkait, ma chère!... Tué raide... à vingt sept ans,—c'est affreux!... Vous venez à la musique ce soir?...

Гордонъ былъ убитъ пулею въ грудь навылетъ, въ трехъ шагахъ отъ Пассека, къ которому былъ посланъ съ приказаніями отъ главнокомандующаго.

Въ то же почти время во всѣхъ газетахъ можно было прочесть, что мужъ Натальи Андреевны назначенъ былъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при одномъ изъ итальянскихъ дворовъ...

VIII.

Зимою я вернулся въ Петербургъ. Несмотря на лѣченіе за-границей и хотя, въ сущности, самъ чувствовалъ себя довольно здоровымъ, но по наружности *выглядѣлъ* я, какъ говорятъ василеостровскіе Нѣмцы, еще довольно плохо. Благодаря этому счастливому обстоятельству, попечительное начальство сжалилось надо мною и отпустило меня наконецъ *въ чистую*. Я надѣлъ фракъ, радуясь моей свободѣ, и, по правдѣ сказать, не зная самъ, что̀ мнѣ дѣлать съ нею...

На душѣ у меня былъ тотъ же холодъ, то же равнодушіе, къ которымъ я взывалъ годъ тому назадъ стихами Лермонтова. Я достигъ ихъ: прошлое было окончательно отбыто. „Въ груди дышали жизни силы", я обрѣлъ искомые „свободу и покой..." А за тѣмъ же что̀? спрашивалъ я себя—и не находилъ отвѣта.

Я много читалъ, читалъ, какъ со временъ Онѣгина *) и понынѣ читаютъ всѣ такъ-называемые *образованные люди* на Руси, безъ подготовки, безъ плана и безъ послѣдовательности,—хватаясь за все, что̀ только выходило *новаго и серьезнаго*, и извлекая изъ этого гораздо болѣе сумбура въ головѣ, чѣмъ

---

*) Сталъ вновь читать онъ безъ разбора:
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шанфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочелъ скептическаго Беля,
Прочелъ творенья Фонтенеля,
Прочелъ и нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего. *Евг. Онѣг.* Гл. VIII.

удовлетворенія той *жаждѣ знанія*, которую, за отсутствіемъ другихъ цѣлей, возбуждалъ я въ себѣ всѣми силами. Я искалъ общества *умныхъ людей*, изловчался въ довольно невинныхъ эпиграммахъ на счетъ всякихъ тогдашнихъ порядковъ и не безъ нѣкотораго самодовольства сознавалъ себя все болѣе и болѣе споспѣшествующимъ въ довольно рѣдкой тогда, еще менѣе благодарной, но за то небезопасной роли *фрондера*. „А что̀, говорилъ я себѣ иной разъ, если вдругъ пригласятъ меня къ Цѣпному мосту, а оттуда съ *синимъ* усачомъ да прямо въ Вятку?“ И, признаться-ли вамъ въ моемъ ребячествѣ, „въ груди дрожали жизни силы“ съ какой-то особою гордостью при этой мысли...

Въ свѣтѣ, куда я появлялся довольно часто, многіе начинали избѣгать меня, явно боясь компрометтироваться; меня это тѣшило въ моемъ духовномъ бездѣльи... Tempi passati Въ итогѣ—я скучалъ нестерпимо...

Жилъ я тогда въ домѣ Жербина, что̀ на Михайловской площади. Подъ Новый годъ, возвращаясь къ себѣ поздно домой, гляжу—домъ дворянскаго Собранія горитъ всѣми освѣщенными своими окнами; у подъѣзда конные жандармы, на площади ряды каретъ... Маскарадъ!... Отправиться развѣ?...

Отправился; взялъ внизу билетъ, поднялся по лѣстницѣ—и остановился на полпути противъ большаго зеркала, поправить галстукъ и прическу.

Въ это самое время, легкимъ и быстрымъ шагомъ спускаясь по ступенькамъ и шурша изящнымъ шелковымъ домино, какая-то маска пріостановилась на мигъ у загороженной мною узкой площадки:

— Pardon, Monsieur!...

Я поспѣшилъ посторониться. Она мелькомъ повернула изъ подъ капюшона голову въ мою сторону:

— Засѣкинъ! послышался мнѣ вдругъ какъ бы знакомый голосъ:—какъ я рада васъ... *тебя* видѣть! поправилась она.

— И я также! засмѣялся я.

— А ты меня знаешь развѣ? запищала она уже маскарадною интонаціей.

— Настолько вѣроятно, насколько ты меня,—это азбука!... А ты ужь домой ѣдешь?

— Да, тамъ скука ужасная... по случаю Новаго года. Pas une âme connue!

— Uue ame à damner? отпустилъ я.

— Пожалуй... А по-твоему, я непремѣнно должна быть un démon?

— Само собою: ангелы не ѣздятъ въ маскарадъ... И слава Богу! Пойдемъ назадъ со мною,—je risque la damnation!

— Пойдемъ! глухо засмѣялась она подъ маской. — А знаешь, говорила она, просунувъ руку свою подъ мою и медленно подымаясь по лѣстницѣ, при чемъ тонкія оконечности ея ножекъ, словно дразня мой жадный взглядъ, едва коснувшись ступенекъ, исчезали и выступали опять на мгновеніе, одна послѣ другой, изъ-подъ тяжелой ткани длинной ея юбки,—знаешь, что ты главная причина того, что я здѣсь? Я надѣялась видѣть тебя...

— „*Главная*", я согласенъ, сказалъ я: — все равно, что женское письмо; *главное*—предлогъ, вздоръ, первая вещь, попавшаяся подъ глаза. А вотъ небрежный post scriptum, то, гдѣ заключается весь смыслъ и вся тайна писаннаго, — это все-таки *не я?*

Подъ маской слегка засмѣялись опять:

— Ты скроменъ, и за это слѣдуетъ тебѣ награда! Я не такъ выразилась: — post scriptum — это именно *ты!* А *главное*... главное—то, что я умираю отъ тоски, Засѣкинъ! вырвалось у нея съ какою-то страстною искренностью.

Опять знакомые звуки... Неужели *она?*... Но она далеко отсюда...

— И я тѣмъ же боленъ! молвилъ я ей въ отвѣтъ:—только поводы къ этому у насъ, надо полагать, не одинаковы, и даже совсѣмъ, должно-быть, противоположны: я тоскую отъ недостака,—ты, нѣтъ сомнѣнія, отъ преизбытка.

— Чего преизбытка?

— Любви, разумѣется.

— Какой любви? вскликнула она какъ бы съ сердцемъ.

— Вопервыхъ, надо полагать, законной... Мужъ... и, вѣроятно, ревнивецъ...

— Мужъ! повторила маска какъ бы нѣсколько озадаченно:—У меня мужа нѣтъ... Я вдова!...

— Само собою, сказалъ я, — всѣ женщины вдовы подъ маской...

Мы вошли въ залу. Она уже замѣтно рѣдѣла. Сильные міра, усердно посѣщавшіе маскарадъ въ ту пору, успѣли исчезнуть. Гвардейскіе офицеры, въ *венеціанкахъ* на плечахъ и шляпахъ *по формѣ*, понуро вели на верхъ, ужинать, разнодвѣтныя домино, съ какими-то шишаками на головахъ. Всякіе Грузины и Черкесы изъ *Собственнаго конвоя* тащили, улыбаясь съ торжествомъ достойнымъ лучшей участи, повисшихъ у нихъ на рукѣ невозможныхъ барынь съ невозможными спинами, подъ невозможными сквозными косынками. Подъ портретомъ, у Царской ложи, возсѣдала аристократія маскарадныхъ *зависегателей*. Кругомъ ихъ слышались звонкій визгъ, и плескъ рукъ, и картавый парижскій говоръ...

— Подальше, подальше отъ нихъ! шептала мнѣ моя маска, проходя мимо,—кто-нибудь можетъ меня узнать!...

Тѣнь сомнѣнія пробѣжала у меня въ головѣ.

— Кого же изъ этой компаніи можетъ она знать и бояться?... Или я ошибаюсь?...

Мы усѣлись въ одной изъ боковыхъ залъ.

— Я не лгу, говорила маска,—я, въ самомъ дѣлѣ, вдова: въ сердцѣ у меня могила...

— А у меня опорожненный погребъ, — nous sommes manche à manche, поспѣшилъ я отвѣтить: мнѣ нисколько не хотѣлось въ эту минуту, чтобы разговоръ нашъ принялъ сентиментальный оттѣнокъ.

Моя маска какъ бы тотчасъ же поняла это:

— А что же, заторопилась она молвить какимъ-то вдругъ какъ бы повеселѣвшимъ голосомъ, приподымая опущенную голову,—а *прежнее* твое куда же дѣвалось?

— Прежде всего, что ты понимаешь подъ моимъ „прежнимъ“?

— Разумѣется *ее*?

— Имя ея—легіонъ! лгалъ я немилосердно:—опредѣли!

— Она... Маска какъ бы колебалась одно мгновеніе. — прошлою зимой ты хотѣлъ жениться на ней. Довольно тебѣ этого опредѣленія?

И темные глаза изъ-за ихъ прорѣзокъ заискрились мгновенно какимъ-то фейрверочнымъ огнемъ...

Будто чѣмъ-то холоднымъ и острымъ кольнуло меня отъ этихъ словъ, отъ этого взгляда; я судорожно прижмурился...

— Это былъ кошмаръ! вырвалось у меня невольно.

— Кошмаръ! медленно проговорила домино.—да... *Le tout était un mauvais rêve!* добавила она какъ бы про себя.

Она сжалась, словно дрогнувъ, достала платокъ изъ кармана и поднесла его ко рту подъ длинною шелковою бородкой своей маски.

Отъ этого платка донесся до меня тонкій, давно знакомый запахъ *ириса*... Я уже не сомнѣвался: — эти изжелта-темные глаза съ ихъ фейерверочнымъ блескомъ, „божественныя плечи“, какъ называлъ ихъ Булдаковъ, которыя я отгадывалъ подъ тяжелыми складками ея капюшона, — это была она, Наталья Андреевна!

Словно угаръ какой-то, кинулся мнѣ въ голову этотъ тонкій, проницающій запахъ *ея*. Я вдругъ *почувствовалъ* красоту этой женщины, а съ нею и то, что одну эту женщину въ мірѣ я могъ любить... и что я ее любилъ теперь, любилъ какимъ-то пьянымъ, одуряющимъ и уже всего меня уносившимъ чувствомъ...

— Хочешь знать мою тайну? заговорилъ я вдругъ, овладѣвая рукою, въ которой держала она платокъ, и жадно нагинаясь къ нему лицомъ.

Она тихо высвободила руку.

— Что̀ съ тобой? сказала она съ оттѣнкомъ изумленія.

— Что̀? повторилъ я:—ты не поняла?

— Нѣтъ! слегка закивала она головой.

— Да... какъ всегда! Ты... *Она*, началъ я опять, осиливая насколько могъ обнимавшее меня всего волненіе. — *она* никогда не хотѣла понять меня!

— Про кого ты говоришь?

— Про ту женщину, которую я люблю... любилъ всегда... и которая этого никогда знать не хотѣла!

— Ты любилъ... протянула вопросительно маска,—а она?

— А она любила другаго.

— И ты это зналъ?

— Зналъ-ли? Этотъ другой былъ другъ мой, и, чтобъ отклонить отъ него подозрѣніе въ свѣтѣ, я, по ея волѣ...

— А этотъ другой, быстро прервала она меня,—*онъ* любилъ... эту женщину?

— Да! отвѣчалъ я не сейчасъ.

— И кинулъ?

— Не знаю! опустилъ я невольно глаза подъ ея загорѣвшимся взглядомъ.

— Да, кинулъ, безпощадно, разомъ, грубо... кинулъ какъ горничную! порывисто и горько зазвучалъ голосъ изъ-подъ маски,—она чуть не умерла тогда, эта женщина!...

— А я, съ новымъ приливомъ неодолимой страсти заговорилъ я опять, — я готовъ бы былъ какъ собака умирать у ея ногъ!

— Съ какихъ поръ? тихо засмѣялась она вдругъ, повертываясь всѣмъ лицомъ ко мнѣ.

— Отъ вѣка! воскликнулъ я.

Я не лгалъ: мнѣ дѣйствительно казалось въ эту минуту, что я *отъ вѣка* любилъ,—не могъ не любить—ее.

Она какъ бы задумалась.

— И, въ самомъ дѣлѣ, ты и въ то время, когда...

— Когда я отводилъ отъ *другаго* глаза ея мужа, помогъ я досказать ей съ невольною улыбкой.

— Vous preniez au sérieux votre rôle de *Chandelier?* *) уже какъ бы сочувственнымъ откликомъ послышался мнѣ снова ея смѣхъ.

Пылкія, пламенныя рѣчи полились изъ моихъ устъ. Я былъ краснорѣчивъ, я это чувствовалъ, какъ краснорѣчиво всякое искреннее, свободно высказывающееся чувство. То, что, она была подъ маской, закутанная въ это непроницаемое

*) Подъ этимъ заглавіемъ извѣстная піеса А. де-Мюссе.

домино, придавало мнѣ какую-то неслыханную смѣлость и возбуждало воображеніе всею прелестью фантазіи и тайны. И слова мои не уносило вѣтромъ, я это опять-таки чувствовалъ,—она слушала меня, опустивъ голову, но бородка ея маски быстро шевелилась, я видѣлъ, подъ ея усиленнымъ дыханіемъ.

— Она вся жизнь, страсть, красота, эта женщина, говорилъ я,—и еслибъ она рѣшилась полюбить другой разъ...

Я не докончилъ.

Она сняла перчатку съ лѣвой руки и какъ бы разсѣянно перебирала другою кольца на ея длинныхъ, прелестнаго очерка пальцахъ. „Да, я все такъ же хороша, будто говорило мнѣ это движеніе, — вотъ тебѣ въ доказательство мои все тѣ же красивыя руки". Я такъ и уставился на нихъ...

— Que nous veut-on? громко и нѣсколько надменно проговорила въ это время она.

Я поднялъ глаза.

Въ трехъ шагахъ отъ насъ остановились двѣ маски. Одна изъ нихъ, также непроницаемо закутанная, какъ и моя дама, пристально глядѣла на нее изъ-подъ опущеннаго на самые глаза капюшона.

Спутница ея, услыхавъ громкій споръ Натальи Андреевны, ухватила ее подъ руку и, шепнувъ ей что-то на ухо, повлекла съ собою въ большую залу.

— И что̀ же, еслибъ эта женщина рѣшилась, завязывая опять прерванный разговоръ, начала моя красавица,—„рѣшилась въ другой разъ", что̀ бы ее ждало: тѣ же мученья и та же развязка?

— Beau masque, засмѣялся я,—опасенія твои напоминаютъ мнѣ того господина, который никогда не ѣдалъ устрицъ: не стану, говорилъ онъ, потому что, еслибъ я попробовалъ разъ, онѣ бы мнѣ, можетъ-быть, понравились, а я не хочу, чтобъ онѣ мнѣ нравились. А я вотъ, Дмитрій Засѣкинъ, знаю только то, что я на дняхъ ѣду въ Италію.

— Въ Италію? Для чего? воскликнула она.

— Veder Napoli e poi morir: увидѣть еще разъ *тѣ* глаза и подъ тѣмъ небомъ, а затѣмъ умереть, если они прикажутъ.

— А если ихъ нѣтъ въ Италіи, *этихъ* глазъ? спросила она помолчавъ.

— Поѣду за ними въ Сибирь, куда ихъ давно слѣдовало бы сослать за всякія ихъ преступленія.

— Propos de bal masqué, громко засмѣялась она, и поднялась съ мѣста,—поздно, я спать хочу.

— Покорнѣйше благодарю! поклонился я, подавая ей руку.

— А это за то, чтобы вы не говорили вздора, отвѣтила она, медленно подвигаясь со мною къ выходной двери.—Что̀ еслибъ одна изъ тѣхъ женщинъ, которымъ вы *считаете почему-то долгомъ* говорить эти нѣжности, — подчеркнула она,—повѣрила вамъ на-слово?

— Не испробуешь—не узнаешь, сказалъ я на это,—а слово мое вѣрно.

— Какъ и то, живо возразила она,—что все *прежнее*—„кошмаръ", и что ничего у васъ отъ него въ сердцѣ не осталось?

— Что̀ же дѣлать! весело пожалъ я плечами:—les *absentes* ont tort. Тѣмъ хуже для нихъ.

— *И для мертвыхъ тоже*, тихо, внятно и печально проговорилъ кто-то около насъ.

Мы оба съ нею вздрогнули, оба обернулись.

У самыхъ дверей, прижавшись къ стѣнѣ, стояла та же маска, что̀ за нѣсколько минутъ предъ этимъ обратила на себя наше вниманіе;—я ее тотчасъ же узналъ. Это была довольно высокая и худая, надо было полагать, особа, судя по свободно и длинно падавшимъ отъ самыхъ плечъ складкамъ ея чернаго домино. Глаза совершенно исчезали за кружевомъ, которымъ обшитъ былъ плотно окутывавшій все лицо ея капюшонъ. Глухой звукъ раздавшихся изъ-подъ него словъ не напоминалъ ни одного вѣдомаго мнѣ голоса...

— Lâchez-moi, прошептала Наталья Андреевна, быстро высвобождая свою руку изъ-подъ моей,—и узнайте непремѣнно, кто это!..

И она исчезла прежде, чѣмъ я успѣлъ опомниться.

IX.

Я прямо подошелъ къ таинственной особѣ.

— Позвольте узнать, не безъ нѣкотораго, признаюсь, сердечнаго біенія спросилъ я ее,—относится-ли то, что вы сейчасъ сказали, ко мнѣ, или къ... къ той, которая была со мною... или наконецъ къ обоимъ намъ?

Маска медленно повела головой внизъ.

— Къ обоимъ намъ, значитъ... Я имѣю честь быть вамъ знакомымъ? спросилъ я опять.

Она кивнула еще разъ.

— И... эта дама тоже?

— Нѣтъ! выразила она опять движеніемъ головы.

— Что̀ же значили эти ваши слова, сказанныя *намъ обоимъ*, когда изъ насъ двухъ *ее* вы совсѣмъ не знаете?

— Вы поняли! такъ же глухо, но внятно проговорила маска.

Мнѣ стало жутко... Да, мы оба поняли... но къ чему—и кто же это?...

— Я былъ бы весьма счастливъ, молвилъ я опять, стараясь совладать съ чувствомъ какого-то безотчетнаго страха, который внушала мнѣ эта странная особа,—еслибы вы удостоили меня нѣсколькихъ словъ въ объясненіе того, что̀ вы сказали.

Она отрицательно закивала опять.

— Вы не желаете!.. И нѣтъ средства склонить... Умолить васъ? попробовалъ я шутливаго тона.

Маска долго молчала, недвижная и какъ бы зоркая изъ-подъ своего кружева...

— Мы увидимся! проговорила она наконецъ.

— Когда? вскрикнулъ я.

— Черезъ годъ, послышался мнѣ ея отвѣтъ послѣ новаго, томительнаго для меня молчанія.

— Черезъ... Это мистификація! молвилъ я себѣ, какъ-то вдругъ совершенно успокоившись и заинтересованный теперь только тѣмъ, кому вздумалось этимъ забавляться.

— И здѣсь опять, въ маскарадѣ? уже весело спросилъ я маску.

— Гдѣ бы ты ни былъ! словно проронила она...

Я окончательно разсмѣялся.

— Ну, конечно! Даже въ Италіи? добавилъ я, отдаваясь весь мысленно снова тому блаженному чаду...

Она не отвѣчала. Изъ дверей, безцеремонно проталкиваясь широкими плечами сквозь толпу выходившихъ, показалась ея спутница, держа на рукѣ большую турецкую шаль. Она окутала ею маску, и обѣ онѣ вышли на лѣстницу.

— А кто ты, милая моя, я все же узнаю!

Я сбѣжалъ за ними, успѣлъ довольно скоро отыскать свою шинель въ швейцарской и выбѣжалъ на подъѣздъ въ то самое время, какъ маска, подсаживаемая лакеемъ въ шинели и какой-то ваточной фуражкѣ на головѣ, поднималась на подножку неуклюжей наемной кареты.

Спутница влѣзла за нею. Онѣ отъѣхали.

Я вскочилъ въ первыя подвернувшіяся извощичьи сани и велѣлъ ѣхать за каретой. Прозябшія ея клячи бѣжали довольно быстро. Ванька мой зато оказывался черезчуръ плохъ, и, не смотря на обѣщанный ему серебряный рубль,—тогда таковые еще имѣлись,—едва поспѣвалъ настолько, чтобы не потерять мнѣ лишь ее изъ виду. Къ счастію, ночь была довольно свѣтлая, и я видѣлъ, какъ карета, переѣхавъ Симеоновскій мостъ, повернула въ Литейную и, прослѣдовавъ по ней вдоль до Кирочной, заворотила опять въ эту улицу. На этомъ заворотѣ сани мои уже довольно далеко отстали отъ кареты, и я начиналъ терять надежду догнать ее, какъ вдругъ она остановилась у какого-то забора.

— Пошелъ, пошелъ скорѣе! кричалъ я своему извощику.

Но, еще не доѣзжая до мѣста, мы увидали съ нимъ, что маски, выпрыгнувъ изъ кареты, скользнули въ калитку, прорѣзанную въ этомъ заборѣ.

Я кинулся за ними вслѣдъ во дворъ, высоко уставленный дровами съ обѣихъ сторонъ. Онѣ быстро перебѣжали его и исчезли за другою калиткой, выходившей на Фурштатскую.

Эта калитка оказалась уже запертою снаружи въ ту минуту, когда я успѣлъ добѣжать до нея,—слѣдовавшій за ними слуга, видно, догадался... И въ то же время съ той стороны донесся до меня скрипъ колесъ по мерзлому снѣгу, шумъ захлопнутой дверцы... Ихъ тамъ — это было ясно,—ждала другая, своя карета...

Оставалась одна надежда: допросить кучера извощичьей кареты, оставшейся на Кирочной... Я побѣжалъ назадъ; увы, и онъ уѣхалъ, пока я возился тамъ у калитки...

„Съ чѣмъ же я пріѣду къ *ней*, къ моей черноокой красавицѣ?“ долго стоялъ я, одураченный, на тротуарѣ, и въ досадѣ на тощаго возницу, не успѣвшаго доставить меня вовремя къ мѣсту, рѣшительно отвергъ предложеніе его везти меня обратно и отправился пѣшкомъ домой.

Какъ инако глядѣла теперь эта зимняя ночь сравнительно съ той, когда я въ горячечномъ жару бѣжалъ въ казармы отъ *того* блѣдноокаго призрака!... Тамъ, въ Собраніи, одну минуту отъ словъ этой таинственной маски повѣяло на меня тѣмъ, прежнимъ, ненавистнымъ теперь мнѣ... Но тутъ нѣтъ ничего общаго, говорилъ я себѣ:—маска, нѣтъ сомнѣнія, свѣтская женщина, знакомая Натальи Андреевны; намекъ на Гордона—случайный откликъ темныхъ старыхъ слуховъ о его страсти къ ней; сама она, маска, пріѣзжала не для насъ совсѣмъ, у нея въ маскарадѣ было свое, *сердечное* дѣло, требующее особенной тайны: это лучше всего доказывается этими двумя каретами, сквознымъ дворомъ, переодѣтымъ лакеемъ, всѣми этими старыми преданіями любовныхъ похожденій... И ей была неудача въ маскарадѣ, уже смѣялся я внутренно:—того, для кого она пріѣзжала, тамъ не было, или, хуже, онъ занятъ былъ другой, и ей захотѣлось вымѣстить все это злобнымъ словомъ на насъ, невинныхъ,—на мнѣ, счастливцѣ...

Розы цвѣли у меня на душѣ. Никогда еще, казалось мнѣ, такимъ привѣтнымъ блескомъ не горѣли звѣзды въ высокихъ небесахъ, какъ въ эту холодную зимнюю ночь... Я думалъ о Натальѣ Андреевнѣ, о нежданной встрѣчѣ, объ этомъ внезапномъ и какъ бы между тѣмъ давно-давно горѣвшемъ во мнѣ пламени къ ней... Да, я давно, всегда любилъ ее, *не могъ не любить*, повторялъ я себѣ съ какою-то злостью за то, что раньше не открылъ въ себѣ этого чувства,—любилъ еще въ то именно время, когда, *по милости Гордона* „je fesais le chandelier"... И какъ прелестно сказала она мнѣ это сейчасъ!... Она самая блестящая, самая красивая и самая живая женщина въ Петербургѣ... И она... Я пойду за нею на край свѣта!... И какъ очутилась она здѣсь?... Это *судьба*... да, сама судьба этого хочетъ! Эти руки, эти глаза, эти „божественныя плечи",—я ихъ увижу опять... увижу безъ маски!...

Я не спалъ всю ночь.

На другой день я едва дождался времени, когда, по свѣтскимъ обычаямъ, можно ѣхать къ людямъ съ визитомъ, и поскакалъ на Набережную.

— Здѣсь остановилась Наталья Андреевна ***? спросилъ я входя у швейцара.

— Тутъ-съ.

— Давно она пріѣхала?

— На прошлой недѣлѣ.

— Одна, или съ мужемъ?

— Однѣ-съ...

— Дома она?

— Дома-съ. Прикажете доложить?

— Доложи.

Онъ зазвонилъ. Съ перилъ лѣстницы свѣсилась голова лакея.

— Къ графинюшкѣ, возгласилъ старикъ-швейцаръ, называя ее по привычкѣ прежнимъ дѣвическимъ ея титуломъ,— къ графинюшкѣ господинъ Засѣкинъ!

Голова исчезла.

Я ждалъ какъ въ лихорадкѣ.

Лакей появился снова:

— Извиняются, не такъ здоровы, не могутъ принять...

— Что это значитъ?... Какъ ошеломленный вышелъ я на подъѣздъ...

— Можетъ-быть, въ окошкѣ... въ ребяческой надеждѣ, что она, можетъ-быть, теперь у окна смотритъ на меня, говорилъ я себѣ, перебѣгая черезъ улицу на широкій тротуаръ по сторонѣ Невы...

Но никого въ окнахъ видно не было. *Она* не высматривала меня оттуда,—„я нисколько не былъ для нея интересенъ“...

Сердце у меня упало. Она не хочетъ меня видѣть... А вчера? Вѣдь это она была, она,—она даже подъ конецъ голоса своего не измѣняла... И она говорила: „еслибъ эта женщина рѣшилась во второй разъ“... Она, значитъ, не обо мнѣ думала, говоря это: кто-то другой... Тамъ, можетъ-быть, въ Италіи... Она о немъ думала! Она, можетъ-быть, уже и *рѣшилась*... Ужасно!...

Ревность, злость, оскорбленное самолюбіе, цѣлая семья змѣй засосали у меня разомъ въ груди...

Иду я такимъ образомъ вдоль Невы, понуривъ голову, то медленными, то быстрыми шагами ступая въ раздумьи по широкимъ гранитнымъ плитамъ тротуара; гляжу: идетъ ко мнѣ какой-то господинъ въ новенькой бекешѣ съ серебристымъ бобровымъ воротникомъ, и, еще не доходя до меня нѣсколькихъ шаговъ, учтиво приподнимаетъ глянцовитую шляпу и также учтиво улыбается.

Всматриваюсь,—Скобельцынъ!

Меня будто повело всего...

А онъ продолжаетъ улыбаться и, дойдя до меня, протянулъ мнѣ руку:

— Какая пріятная встрѣча! заговорилъ онъ любезнымъ тономъ,—совсѣмъ не ожидалъ... Вы притомъ же перемѣнили костюмъ,—въ первую минуту я даже не совсѣмъ призналъ васъ... Мнѣ говорили, что вы за-границей... А не то я бы непремѣнно счелъ долгомъ...

А по глазамъ его вижу: лжетъ, ни малѣйшаго намѣренія не имѣлъ... И прекрасно сдѣлалъ!...

— Да, отвѣчалъ я ему,—я недавно оттуда вернулся, и скоро... на дняхъ собираюсь опять... А вы давно здѣсь, и надолго?...

— Какъ вотъ-съ съ представленіями кончу и отпуститъ министръ, принялся онъ снова, и уже самодовольно, улыбаться:—я, объяснилъ онъ,—удостоенъ на нынѣшнихъ выборахъ избраніемъ дворянства... въ губернскіе предводители...

— Искренно поздравляю васъ!... И вы здѣсь... одни? рѣшился я наконецъ выговорить съ первой минуты встрѣчи съ нимъ томившій меня вопросъ.

Онъ какъ бы смутился на мигъ, показалось мнѣ.

— Одинъ! довольно твердо проговорилъ онъ однако.

— А... Мирра Петровна?...

— Она... Я ее въ Москвѣ оставилъ.

— Съ матерью?...

— Да-съ... съ нею!...

— Такъ онѣ обѣ въ Москвѣ? переспросилъ я, глядя ему въ лицо.

— Обѣ-съ!

Онъ кашлянулъ, словно поперхнувшись.

— Какъ теперь здоровье... вашей супруги? началъ я опять.

Замѣтная тѣнь печали пробѣжала въ большихъ голубыхъ глазахъ Скобельцына.

— Ничего-съ... все то же! какъ бы вздохнулъ онъ.

— *То же?* протянулъ я за нимъ.

— Да-съ. Это у нея, знаете, врожденное... Чувствительность чрезвычайная. Грудь слаба...

— Вы еще... не отецъ семейства? спросилъ я, помолчавъ и стараясь при этомъ пріятно улыбнуться.

Онъ вдругъ вспыхнулъ весь...

— Нѣтъ-съ, промямлилъ онъ,—и снимая свою новую шляпу:—не смѣю болѣе удерживать... и самому мнѣ тутъ нужно... къ министру финансовъ... записаться...

— Очень радъ, что имѣлъ случай видѣть васъ! молвилъ я, пожимая ему руку,—а вы гдѣ здѣсь остановились,—въ гостиницѣ?...

— Нѣтъ-съ..! я... въ частномъ домѣ! торопливо прогово-

рилъ Скобельцынъ и также торопливо удалился, видимо избѣгая необходимости сообщить мнѣ свой адресъ.

Я растерянно обернулся ему вслѣдъ.

— Кто же это, наконецъ, былъ вчера: *она* или *не она?* ворочалось въ головѣ моей мучительное недоумѣніе.

Я сѣлъ въ свои сани и поѣхалъ домой.

На столѣ у меня лежало письмо, только-что, доложилъ мнѣ Назарычъ, принесенное какою-то „дѣвчонкою изъ магазина". Отъ кого письмо и изъ какого магазина, онъ, по угрюмости своей и лѣни, разумѣется, не догадался спросить...

На письмѣ—сложенномъ втрое листкѣ почтовой бумаги—запечатанномъ облаткой безъ конверта, чьимъ-то круглымъ французскимъ почеркомъ надписано было коротко: „Monsieur Dmitri Zasékine", а ниже приписано по-русски: „домъ Жербинъ".

Письмо писано было тѣмъ же почеркомъ, по-французски, и говорило буквально слѣдующее:

„Домино, имѣвшее случай встрѣтиться вчера съ господиномъ Д. Засѣкинымъ (avec monsieur D. Zasékine) проситъ его сообщить ему *немедленно* о результатѣ его поисковъ, если таковые были имъ сдѣланы, относительно извѣстной ему встрѣчи.

„Надо полагать (il est probable), что исполненіе этого порученія покажется господину Засѣкину во всякомъ случаѣ (quoi qu'il en soit) менѣе затруднительнымъ, чѣмъ ѣхать строить воздушные замки въ Сибирь (que d'aller bâtir des châteux en Espagne en Sibérie)".

Répondre aux lettres R. W." При семъ слѣдовалъ адресъ одного извѣстнаго въ Петербургѣ женскаго моднаго магазина.

Я воскресъ душою. Этотъ насмѣшливый намекъ ея на то, что я обѣщалъ ѣхать „за глазами" ея въ Сибирь, исполнялъ меня безконечною радостью. Она не забыла, она шалитъ, ликовалъ я внутренно, — она продиктовала письмо своей модисткѣ, она тѣшится продолженіемъ маскарадной интриги,—*les suites d'un bal masqué*, вспомнилась мнѣ даже какая-то комедія подъ этимъ названіемъ... Ей хочется помучить, поиграть со мной... Какъ кошкѣ, какъ всякой женщинѣ, увѣрен-

ной въ своей власти... Она не принимаетъ меня, а пишетъ, дразнитъ... Что же,—пусть! Покоримся, но такъ, чтобъ ей самой захотѣлось укоротить мой искусъ, захотѣлось самой скорѣе увидаться со мной...

Я сѣлъ за столъ и, въ отвѣтъ на записку, накидалъ полушутливое, полунѣжное письмо, въ которомъ сообщалъ „волшебницѣ, скрывающейся подъ вчерашнимъ домино", что я напалъ на слѣдъ весьма запутанной и сложной интриги, которая можетъ быть окончательно раскрыта лишь при помощи ея всесильныхъ чаръ, вслѣдствіе чего, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ розыскамъ, я осмѣливаюсь умолять о новомъ случаѣ увидаться съ нею, дабы, во-первыхъ, имѣть возможность передать ей устно имѣющіяся уже у меня данныя, въ тѣхъ неуловимыхъ ихъ подробностяхъ, которыя недоступны письменной передачѣ, а за тѣмъ—чтобы выслушать дальнѣйшій отъ нея по этимъ обстоятельствамъ приказъ. При этомъ слегка указывалось, что „необходимый для дѣла случай этотъ" могъ бы, можетъ-быть, представиться въ маскарадѣ въ Большомъ Театрѣ, имѣющемъ быть черезъ два дня, „если только домино не предпочтетъ *принять* меня въ другомъ, менѣе многолюдномъ мѣстѣ" (подразумѣвалось: у себя дома)...

Письмо это я повезъ самъ въ указанный мнѣ магазинъ, спросилъ хозяйку, пославъ ей предварительоо мою карточку, и тотчасъ принятъ былъ ею въ маленькой комнатѣ, составлявшей часть ея собственнаго апартамента.

— Вы знаете, кому должно быть передано письмо подъ этими буквами? спросилъ я, указывая ей на четко выведенныя мною на конвертѣ его R. и W.

— Certainement, monsieur! засмѣялась Француженка.

— И передать можете скоро?

— Черезъ часъ оно будетъ доставлено.

— Лично? спросилъ я, глядя ей въ глаза.

Она лукаво прищурилась.

— Vous en demandez trop, monsieur, и я не въ правѣ вамъ отвѣчать.

— Я спрашиваю потому, что это письмо требуетъ скорѣйшаго отвѣта и, еслибъ я могъ надѣяться, что вы увидитесь съ

этою дамой у себя, я бы могъ заѣхать самъ къ тому времени... за ея отвѣтомъ, примолвилъ я съ удареніемъ...

Француженка поняла и приняла строгій видъ.

— Ma complaisance ne peut aller jusque là, monsieur! возразила она съ напускнымъ достоинствомъ, — я могу обѣщать вамъ только, что письмо будетъ непремѣнно доставлено по назначенію, — и ничего болѣе: l'honneur de ma maison m'impose des devoirs que je ne saurais enfreindre!...

Послѣ такой внушительной фразы о „чести" ея корсажей и юпокъ, мнѣ оставалось только поклониться и уйти...

Прошелъ день, другой, третій,—отвѣта нѣтъ. Я не выходилъ изъ дому, не пилъ, не ѣлъ и вздрагивалъ съ головы до ногъ при каждомъ ударѣ колокольчика въ передней.

Наконецъ утромъ, на четвертыя сутки, городской почтальонъ принесъ письмо, на которомъ я тотчасъ же узналъ почеркъ моей красавицы, хотя она очевидно старалась измѣнить его...

„*Волшебница* (La *magicienne* de l'autre soir), писала она, — выражаетъ господину Засѣкину искреннее сожалѣніе свое о томъ, что не имѣетъ уже здѣсь никакого способа придти къ нему на помощь своимъ магическимъ жезломъ (sa baguette magique), ни даже выслушать его интересныя сообщенія. Она уѣзжаетъ,—она уѣхала (elle part—elle est partie). Veder *la Siberia* e poi morir."

„Уѣзжаетъ, уѣхала, la Siberia", въ первую минуту я ничего не понялъ...

Чрезъ четверть часа я, едва владѣя собой, входилъ въ сѣни дома ея матери.

— Наталья Андреевна *** дома? спросилъ я, насколько могъ спокойнѣе.

— Изволили уѣхать! отвѣчалъ старикъ-швейцаръ, тяжело подымаясь съ своего кресла и подымая на лобъ круглыя въ серебряной оправѣ очки.

— Съ визитами? спросилъ я, все еще не вѣря.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ онъ, насмѣшливо, показалось мнѣ, глядя на меня изъ-подъ этихъ приподнятыхъ огромныхъ очковъ своихъ,—онѣ совсѣмъ изъ города изволили выѣхать.

— Когда?...

— Вчерась утромъ, въ двѣнадцатомъ часу.

— За границу обратно?

На лицѣ старика, знавшаго меня издавна, выразилось какъ бы участіе въ моей тревогѣ.

— Въ имѣніе свое поѣхали-съ, въ Малороссію, проговорилъ онъ почему-то шопоткомъ.

— Въ какую губернію?

— Въ Полтавскую, слышно...

— У нея тамъ имѣніе? такъ и вскликнулъ я.

— Въ наслѣдство получили, объяснилъ онъ, — отъ дѣдиньки, графа Матвѣя Ѳеимыча,—можетъ слышали, померли они недавно,—такъ отъ нихъ досталось имъ. Вступать во владѣніе отправились. За этимъ и изъ-за границы пріѣзжали...

— Уѣхала?.. Одна? Сердце у меня такъ и прыгало...

— Повѣренный-съ съ ними-съ, взяли здѣсь — чиновника. Братецъ ихній, графъ Петръ Юрьичъ, намѣревались тоже ѣхать, да занемогли, вотъ уже третій день въ постели... Такъ онѣ... рѣшились однѣ...

Я ужь не слушалъ его и выбѣжалъ изъ сѣней...

— На Адмиралтейскую площадь, въ Казначейство, гдѣ подорожныя берутъ! крикнулъ я моему кучеру, вскакивая въ сани.

Имѣніе покойнаго графа Матвѣя Ѳеимовича, доставшееся теперь Натальѣ Андреевнѣ и куда она уѣхала вчера „съ повѣреннымъ-чиновникомъ“, то-есть все равно что ни съ кѣмъ,— имѣніе это, знакомое мнѣ съ дѣтства, отстояло въ какихъ-нибудь 25—30 верстахъ отъ моего собственнаго *Добронолья*, въ томъ же уѣздѣ Полтавской губерніи... „Судьба, сама судьба все это устраиваетъ!“ повторялъ я себѣ въ упоеніи...

Вечеромъ того же дня я скакалъ въ кибиткѣ по Московскому шоссе, платя по цѣлковому на водку мчавшимъ меня ямщикамъ, къ великой досадѣ моего Назарыча, бранившагося со мною за это, къ великой моей потѣхѣ, чуть не на каждой станціи...

. . . . . .

— Veder la Siberia? расхохоталась Наталья Андреевна.

когда я въ первый разъ вошелъ въ уютную, глухую, маленькую гостиную, избранную ею въ обиталище въ затерянномъ углу огромнаго, занесеннаго снѣгомъ, барскаго дома, и въ которой она въ эту минуту грѣла у пылавшаго камина свои обутыя въ узорные чулки и темно-синія атласныя туфли, ножки...

— E poi morir! договорилъ я, страстнымъ, неодолимымъ движеніемъ падая къ этимъ ногамъ...

Въ этой „Сибири“ я провелъ съ нею полтора мѣсяца самаго безумно-счастливаго времени во всей моей жизни...

X.

Я уѣхалъ за нею въ Неаполь.

Она не обманывала меня тогда подъ маскою, говоря, что у нея нѣтъ мужа. Она была дѣйствительно вдова, въ томъ по крайней мѣрѣ смыслѣ, что между ею и мужемъ оставались уже общими лишь обитаемый ими великолѣпный palazzo на Chiaja, Французъ-поваръ, да совмѣстныя обязанности ихъ дипломатическаго положенія по части пріемовъ и выѣздовъ, обѣдовъ и вечеровъ. Затѣмъ—у мужа была танцовщица, преусердно плясавшая въ San Carlo въ зеленомъ трико до пояса *):—у Натальи Андреевны...

При широкой свободѣ итальянскихъ нравовъ и обычаевъ тѣхъ временъ, отношенія наши, еслибъ и были менѣе тщательно скрываемы нами, не смутили бы конечно ни чьей совѣсти. Но тайна наша была дорога намъ; я любилъ ее съ такимъ благоговѣніемъ, а она, при всей пылкости своей природы, такъ умѣла сдерживаться, такъ дорожила вмѣстѣ съ тѣмъ этою холодною внѣшностью пріемовъ, подъ которою какъ бы еще пронзительнѣе, еще глубже забирало насъ пламенемъ страсти, что самый строгій censor morum, увидавъ насъ вмѣстѣ, не могъ бы въ этихъ отношеніяхъ подыскать, что говорится, ни сучка, ни задоринки...

Такъ прошелъ почти годъ,—годъ ясный какъ итальянское небо, безъ тучки на его сіяющей лазури. И конца, казалось мнѣ иногда, не видать этому безконечному счастью.

---

*) Королевское повелѣніе воспрещало, цѣломудрія ради, тѣльный цвѣтъ тогдашнему неаполитанскому кордебалету.

Ноябрь, по новому стилю, уже приходилъ къ концу. Вдругъ получаю письмо изъ Россіи, отъ котораго я чуть съ ногъ не свалился.

Въ моемъ Добровольи сгорѣла устроенная еще покойнымъ моимъ отцомъ въ довольно большихъ размѣрахъ фабрика солдатскаго сукна, принимавшая казенные заказы на значительныя суммы денегъ. Послѣдній подрядъ, къ счастію, былъ сданъ за нѣсколько дней предъ этимъ, но весь новый запасъ шерсти, станки и машины погибли въ пожарѣ вмѣстѣ съ самимъ зданіемъ, а—что̀ хуже всего,—старикъ управитель мой, испытанный и знающій человѣкъ, такъ пораженъ былъ случившимся, что слегъ въ постель и, какъ доносилъ мнѣ объ этомъ его молодой помощникъ, врачи даже сомнѣвались, останется-ли онъ живъ.

Дѣло шло почти обо всемъ моемъ состояніи, — это было для меня ясно. Надо было или тутъ же на все махнуть рукою, или немедленно скакать въ Россію и отыскать средства вывернуться изъ сквернаго, но, быть-можетъ, еще поправимаго положенія.

Наталья Андреевна первая мужественно потребовала, чтобъ я ѣхалъ, не теряя минуты. Мужъ ея весьма джентльменскимъ образомъ предложилъ мнѣ кредитоваться у него, насколько этого потребуютъ первые расходы на возведеніе фабрики вновь. Я благодарилъ и, разумѣется, отказался.

— И не нужно, говорила мнѣ наединѣ моя красавица,— я сама богата и вся твоя. Но ты такъ безтолковъ, что, пожалуй, откажешься и у меня взять. Такъ слушай: я практичнѣе тебя и съ моимъ женскимъ инстинктомъ найду рессурсы тамъ, гдѣ ты, можетъ-быть, совсѣмъ растеряешься. Поѣзжай же сейчасъ въ Доброволье, et parez au plus criant,—а чрезъ мѣсяцъ я сама пріѣду туда, въ свое Матвѣево, et nous aviserons!... То, что̀ теперь представляется тебѣ великимъ несчастіемъ, можетъ сдѣлаться источникомъ новаго для насъ блаженства: сколько разъ говорилъ ты мнѣ, какъ бы хотѣлось тебѣ пережить еще разъ тѣ прошлогодніе полтора мѣсяца въ Матвѣевѣ „подъ вой и плачъ русской метели“! Поѣзжай же и жди меня.

Я уѣхалъ почти счастливый.

Дѣла мои, когда я прибылъ на мѣсто, оказались менѣе отчаянными, чѣмъ это рисовалось мнѣ въ Неаполѣ. Старикъ мой Германъ былъ уже на ногахъ и энергически боролся съ кризисомъ. Шерсть предлагалась намъ въ кредитъ безъ срока и въ какомъ угодно количествѣ; деньги на возобновленіе фабрики можно было выручить отъ продажи части лѣса, и такъ уже давно предназначеннаго Германомъ къ продажѣ...

— А выстроимся лучше прежняго, и машинки новѣйшаго устройства выпишемъ, прибыли увеличимъ, весело потиралъ онъ уже себѣ руки,—только годика на два придется вамъ на пищу святаго Антонія себя посадить.

— И то нѣтъ, говорилъ я, — проживу въ довольствѣ и отъ русскихъ моихъ имѣній.

— Такъ то̀ оброчныя деньги, презрительно поводилъ онъ на это плечомъ; въ его оригинальныхъ понятіяхъ оброчныя, то-есть приносимыя мужикомъ, деньги были какъ бы не тѣ же деньги, что̀ выручалъ онъ отъ продажи сукна и хлѣба...

Но объ этомъ счастливомъ оборотѣ моихъ обстоятельствъ я не упоминалъ въ письмахъ къ Натальѣ Андреевнѣ, боясь, чтобъ это какъ-нибудь не повліяло на намѣреніе ея пріѣхать въ Матвѣево. Я ей писалъ, напротивъ, что „ея женскій инстинктъ", что ея „практичность" нужны мнѣ теперь болѣе чѣмъ когда-либо, что „русская метель воетъ и плачетъ" кругомъ меня еще поэтичнѣе, чѣмъ прежде, и что Италія адъ сравнительно съ тѣмъ раемъ, который ждетъ ее здѣсь...

А въ ожиданіи ея я принялся серьезно знакомиться съ положеніемъ моего состоянія, о которомъ я до сихъ поръ, какъ настоящій русскій дворянинъ, имѣлъ лишь весьма поверхностное понятіе, провѣрялъ конторскія книги за цѣлый рядъ лѣтъ, ѣздилъ по лѣсамъ, ревизовалъ оброчныя статьи, и подолгу—и, какъ говорилъ безцеремонный Германъ, даже „не совсѣмъ глупо",—толковалъ съ выписанными мною архитекторомъ и механикомъ о планѣ и устройствѣ фабрики, которую предполагалось начать строить съ самой ранней весны.

Все утро проходило въ занятіяхъ и разъѣздахъ. Обѣдалъ я поздно, часу въ шестомъ, почти всегда одинъ, а послѣ

обѣда подремывалъ у камина, или перечитывалъ въ десятый разъ кое-какія книги, привезенныя мною изъ Петербурга еще въ прошломъ году. Въ восемь часовъ приходилъ обыкновенно Германъ и сидѣлъ у меня часа полтора, а за тѣмъ мы расходились по постелямъ; ложился я въ десять, а вставалъ въ шесть, совершенно по-деревенски.

Одинокая жизнь эта длилась уже цѣлый мѣсяцъ. Наступили Святки. Къ этому времени я успѣлъ получить письмо отъ Натальи Андреевны. „Я все разсчитала, писала она. — жди меня между нашимъ Рождествомъ и Новымъ годомъ au plus tard". И я ждалъ теперь съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ посланца изъ Матвѣева, имѣющаго привезти мнѣ блаженную вѣсть...

Но вотъ уже и канунъ Новаго года, а ея нѣтъ! Съ утра била меня лихорадка. Это былъ послѣдній срокъ; я зналъ, что она *практична*, что она, дѣйствительно, „разсчитала": если она не ѣдетъ, значитъ, что-нибудь случилось дорогой.

„Что̀, гдѣ могло это случиться?" волновался я, сидя послѣ обѣда предъ трещавшимъ огнемъ въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, принадлежавшемъ еще покойному моему дѣду, и въ которомъ, по семейному преданію, онъ даже и умеръ;—она ѣдетъ на Вѣну, Черновицъ... Оттуда до Полтавы сколько дней?... Дорога теперь установилась... Развѣ что не догадалась она на границѣ велѣть поставить карету свою на полозья?... Въ снѣгахъ завязла? Боже мой, только чтобъ не заболѣла она!... О, какъ мучительна эта тревога ожиданія!..

И, чтобы вырваться хоть на минуту изъ томящаго круга этихъ мыслей, въ которомъ я вертѣлся съ самаго утра какъ бѣлка въ своемъ колесѣ, я взялъ со стола, стоявшаго у камина, рядомъ съ моимъ кресломъ, лежавшій на немъ какой-то томикъ.

Это былъ Лермонтовъ.

— И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли—

прочелъ я подъ пламень камина на первой открывшейся мнѣ страницѣ.

Я задумался... Воспоминанія роемъ замелькали предо мною: прошлые дни, темные и сіяющіе, Сергіевская, Гордонъ, нашъ разрывъ и та встрѣча въ Собраніи, и новая любовь, и... Вѣки мои сомкнулись, голова опустилась на грудь...

Слышу, дверь изъ маленькой залы, отдѣлявшей кабинетъ отъ прихожей, отворилась. Кто-то вошелъ...

Я обернулся въ ту сторону:—Боже мой, что̀ же это?..

Домино, въ бархатной маскѣ, съ капюшономъ, спускавшимся на самые глаза, медленными шагами подвигалось отъ двери ко мнѣ...

— Nathalie! кинулся я ей на встрѣчу,—прелесть моя, ты пріѣхала!.. Но какъ ты здѣсь... и въ этой маскѣ?..

Я схватилъ ея руку, привлекъ къ себѣ... и отодвинулся невольно: рука эта, тѣло подъ шелковыми складками,—были тверды и холодны какъ ледъ.

— Ты смерзла вся, моя милая... Садись къ огню скорѣе! Говори, я ждалъ, что ты пришлешь за мной изъ Матвѣева, а ты сама... Что же молчишь ты?.. Говори! говори, какъ попала ты сюда?

— Я сказала, что буду, и пришла! раздался изъ-подъ маски голосъ, отъ звука котораго вся кровь застыла у меня въ жилахъ.

— Ты... пришла? беззвучно пролепеталъ мой языкъ.

Еще беззвучнѣе скользнула маска и очутилась у камина, опершись локтемъ о его мраморный уголъ, уронивъ голову на руку, черная отъ головы до ногъ и недвижная какъ могильный памятникъ...

— Ты ждалъ *ее?* будто капли горючей смолы падали слова ея мнѣ въ ухо:—Сегодня годъ вашему союзу...

Я вспомнилъ вдругъ:—да, ровно годъ тому назадъ, въ Петербургѣ, я встрѣтился съ нею... и съ *этою!*..

— Грѣхъ и погибель! проронила *эта* слогъ за слогомъ.

— Что̀ ты отъ меня хочешь? въ мучительной тоскѣ могъ только проговорить я, падая какъ подкошенный въ свое кресло.

— Я пришла простить вамъ, послышался мнѣ опять слов-

но стонущій ропотъ ея словъ,—простить, какъ и *онъ* простилъ... за нашу смерть...

— О! воскликнулъ я, исполняясь вдругъ чувствомъ какой-то безконечной жалости и вины моей предъ нею,—развѣ и ты?.. И ты?..

— Я съ нимъ! отвѣчали мнѣ будто изъ воздушныхъ пространствъ уже летѣвшіе звуки,— онъ *тамъ* будетъ со мной... *тамъ*... въ странѣ лучей... Я вымолила его... Я *послана* была за нимъ... Теперь назадъ, назадъ... въ отчизну!.. О, какъ сладко!.. Ты, бѣдный, темный, ходящій во мракѣ,—молись... и помни... Помни!..

Маска свалилась изъ-подъ капюшона домино. Мирра глядѣла на меня недвижными глазами, и изъ этихъ глазъ лился ослѣпительный, всего меня прожигавшій свѣтъ, изсохшія уста съ какою-то страшною красой улыбались неподвижною, неземною улыбкой, шептали какимъ-то нечеловѣческимъ шепотомъ:

— Помни... до свиданія!..

Я закричалъ въ невыразимомъ ужасѣ—и...

И проснулся...

Это былъ сонъ, ужасный сонъ! Холодный потъ обливалъ лицо мое, руки и ноги дрожали лихорадочнымъ ознобомъ...

Я былъ одинъ, почти въ темнотѣ: дрова потухли въ каминѣ; другаго свѣта въ комнатѣ не было. Въ залѣ слышались спѣшные шаги Назарыча.

— Что̀ вы? встревоженно молвилъ онъ входя.

— А что̀?

— Никакъ кричали?

— Да... кажется...

— То-то!... Свѣчи зажечь?

— Зажги... Приснилось что-то такое... страшное, счелъ я нужнымъ объяснить, въ успокоеніе его.

— Безпокоите вы себя безъ толку! пробурчалъ Назарычъ, ставя на каминъ зажженную свѣчу.—Тьфу ее! Чуть въ огонь не попала! вскликнулъ онъ, какъ бы ловя что-то на лету.— И кладете-жь, вѣдь, на самый уголъ!

— Что̀ такое?

— Да книга вотъ!...

— Какая книга?

— А почемъ я знаю, какія у васъ книги!... Французская, должно-быть?...

И онъ съ мѣста протянулъ мнѣ, не оглядываясь, книгу въ малиновомъ сафьяномъ переплетѣ.

Это была *Серафита* Бальзака, два года назадъ отосланная мною, по просьбѣ Гордона, Маргаритѣ Павловнѣ Оссовицкой для передачи дочери ея... На бѣлой страничкѣ, подъ переплетомъ, написано было одно слово: „помни!"—то слово, что слышано было мною во снѣ.

У меня зазеленѣло въ глазахъ...

— Тамъ еще кто лѣзетъ! крикнулъ въ это время Назарычъ, направляясь въ переднюю, откуда сквозь растворенныя имъ на пути двери достигалъ до кабинета стукъ чьихъ-то вошедшихъ толстыхъ сапоговъ.

— Изъ Матвѣева. Барыня вернулись! доложилъ онъ, тотчасъ же возвращаясь назадъ.

Я не отвѣчалъ.

— Кучеръ ихній, продолжалъ Назарычъ,—говоритъ, приказывали: когда васъ ждать?... Завтра что-ль поѣдете?

— Нѣтъ, сейчасъ, сію минуту! вскрикнулъ я, разомъ вскакивая съ мѣста.—Лошадей скорѣе!

— На дворѣ мететъ страсть, возразилъ мой старикъ,—погодить бы вамъ до утра лучше!

Но я его слушать не хотѣлъ; дома, я зналъ, я бы не спалъ всю ночь.... Тамъ живая душа, здѣсь призраки... страхъ и раскаяніе...

Я поѣхалъ.

Кучеръ Натальи Андреевны, которому приказано было ею вернуться немедленно съ моимъ отвѣтомъ, узнавъ, что я собрался тотчасъ же отправиться, счелъ своимъ долгомъ выѣхать впередъ на парѣ своихъ уже нѣсколько уставшихъ лошадей. Тройка моя нагнала его въ концѣ длинной аллеи тополей, соединяющей Доброволье съ однимъ изъ моихъ хуторовъ. Онъ крикнулъ что-то моему кучеру и погналъ своихъ коней.

— Чего гонишь, чортовъ сынъ! промычалъ мой Филиппъ, приподымаясь на облучкѣ и пристально вглядываясь въ даль.

Снѣгъ залѣплялъ намъ глаза. За околицей хутора небо, земля, окрестность—все слилось въ одну безконечную, мутную, волнующуюся пелену. Дорога шла между пахатными полями; ни деревца, ни плетня ни въ какой сторонѣ не было, или не было видно; только впереди, подъ взрывами свистящаго, остраго вѣтра, проглядывало минутами сквозь сыпавшійся немилосердно снѣгъ темное пятно бѣжавшихъ предъ нами саней. Я покрѣпче запахнулъ шубу и откинулся въ спинку кибитки.

Все безпощаднѣе выла и надрывалась буря... Какіе-то неуловимые, но чудовищные, мерещилось мнѣ, образы вились и сплетались, и проносились „рой за роемъ

Въ безпредѣльной вышинѣ“...

То же жуткое чувство недоумѣнья и страха забирало меня за сердце. Я закрывалъ глаза и долго старался не открывать ихъ... Но тамъ, за сомкнутыми вѣками, еще грознѣе какъ будто представалъ *тотъ* блѣдный, мертвый образъ... Я встряхивалъ головою и опять озирался кругомъ... Та же бѣлая, безконечная, однообразная и сливающаяся пелена неба, земли и окрестности... Только вѣтеръ все острѣе рѣжетъ лицо и забирается подъ шубу, и снѣгъ все немилосерднѣе валитъ подъ полозья, подъ копыта храпящихъ моихъ коней...

— Не сбиться бы намъ, Филиппъ!... Передоваго видишь? спрашиваю я, не дождавшись отъ него отвѣта.

Онъ молчитъ опять... Хлопьемъ несетъ ему прямо въ глаза... Онъ, очевидно, не видитъ ничего и ѣдетъ наудачу впередъ,—слѣдъ дороги давно замело вѣтромъ... Я встаю въ саняхъ и вонзаю глаза мои въ даль:

— Вонъ, вонъ, влѣво... чернѣетъ! кричу я ему,—не отставай!

Но это не Матвѣевскій передовой, а большой, одинокій кустъ, нежданно выкидывающій изъ-подъ пластовъ навалившаго подъ него снѣга свои жидкіе и оледенѣлые прутья... Передовой исчезъ... Филиппъ принимается кликать его... Но его хриплый голосъ пропадаетъ въ визгѣ разсвирѣпѣвшей метели.

— И николи-жь тутъ, ажъ до самаго Веребья, бормочетъ Филиппъ;—ни іеднаго куста не бувало.

— Гдѣ *тутъ*, знаешь-ли ты, гдѣ мы? вскрикнулъ я съ новою тревогой.

Онъ снова не отвѣтилъ, и снова захрустѣли полозья по снѣговой невѣдомой равнинѣ... И опять закрываю я глаза, и надрываетъ мнѣ опять сердце жалобный визгъ и вой безпощаднаго, ледянаго вѣтра.

— Тпру! слышу вдругъ испуганный голосъ моего возницы, и самъ онъ весь наваливается спиною на меня, сдерживая разбѣжавшихся лошадей.

— Что̀ тамъ еще?

— Попримайте кони! передалъ онъ мнѣ возжи и, выпроставъ ноги изъ передка, побѣжалъ впередъ.

— Круча! донесъ онъ возвращаясь,—іихать не можно.

— Какъ круча! Я зналъ, на всемъ пути до Матвѣева не было ни одной балки, ни одного спуска.

— Або я знаю! дернулъ плечомъ мой Филиппъ.—Бисъ путае! сиплымъ шопотомъ домолвилъ онъ.

Я вздрогнулъ съ головы до ногъ. Та же мысль проносилась у меня въ головѣ...

Мы плутали всю ночь—и на зарѣ очутились въ виду какого-то шинка, одиноко стоявшаго посередь какой-то неизвѣстно намъ куда и откуда ведущей дороги. Мы доплелись до него. Въ этомъ шинкѣ пришлось мнѣ часа три отпаивать водкой и оттирать снѣгомъ полузамерзшаго моего кучера. Оказывалось, что мы съ нимъ заѣхали Богъ знаетъ въ какую сторону и что отъ этого мѣста до Матвѣева оставались все тѣ же двадцать пять верстъ, которыя отдѣляли его отъ Доброволья.

Погода между тѣмъ стихла, и я снова отправился въ путь. На полдорогѣ попался ѣхавшій намъ на встрѣчу вчерашній посланецъ Натальи Андреевны. Онъ пріѣхалъ въ Матвѣево еще далеко за полночь и, въ оправданіе свое, увѣрялъ, что все время ѣхалъ впереди насъ, прямо по *шляху*, оглядывался и видѣлъ, какъ мы слѣдовали за нимъ, и вдругъ будто бы мы исчезли, какъ бы „унесенные вѣтромъ“, что ему „ажно страшно стало“, и онъ, боясь сбиться съ дороги отыскивая

насъ, счелъ за лучшее ѣхать прямо домой и доложить барынѣ, которая очень испугалась и разослала тутъ же ночью людей на лошадяхъ во всѣ стороны отыскивать меня.

Я нашелъ ее въ большой тревогѣ и изъ-за меня, и вслѣдствіе другаго обстоятельства, о которомъ поспѣшила она сообщить мнѣ, какъ только остались мы съ нею вдвоемъ въ новомъ, избранномъ ею на сей разъ углу ея огромнаго Матвѣевскаго дома.

— У меня домовые завелись! говорила Наталья Андреевна,—и душевное смятеніе слышалось сквозь смѣхъ, которымъ считала она нужнымъ сопровождать свои слова:—Вообрази, вчера я едва успѣла разобраться съ дороги и усѣсться въ моей прошлогодней гостиной,—я вся прозябла и грѣлась въ ожиданіи заказанной ванны у только-что зажженнаго камина,—горничная моя, черезъ комнату, раскладывала бѣлье мое въ шкафахъ... Я сидѣла противъ самаго зеркала, что̀ на каминѣ... Подымаю какъ-то глаза... И вдругъ... И вдругъ вижу, оттуда, изъ зеркала, смотрю не я, а глядятъ два глаза,—я только глаза различала, потому что остальное все сливалось въ одинъ какой-то неуловимый контуръ,—глядятъ прямо мнѣ въ глаза эти два глаза. Я ничего не поняла въ первую минуту: мнѣ показалось, что отъ усталости у меня двоится подъ вѣками... Я храбро подняла голову еще разъ... Они все тутъ же были, въ зеркалѣ, и глядѣли на меня, блѣдные, печальные и свѣтящіеся... и все ближе и ближе какъ бы выступали оттуда, будто хотѣли они сжечь меня своимъ невиданнымъ свѣтомъ... Тутъ я не выдержала, крикнула, позвала людей и немедленно велѣла все переносить сюда... И я узнала ихъ, эти глаза... И чуть не умерла отъ страха...

— Вы узнали? черезъ силу проговорилъ я только.

— Да, это была *та*, ты знаешь, которая тогда въ Петербургѣ съ ума свела васъ съ *нимъ* (Наталья Андреевна никогда не называла Гордона).

— Она?... Все она! прошепталъ я.

— Да... Но что̀ съ тобой? воскликнула Наталья Андреевна.—Ты боленъ, простудился въ эту проклятую ночь?...

— Нѣтъ!...

Она вскинулась на меня всѣмъ пламенемъ своихъ страстныхъ искристыхъ очей...

— Но что съ тобой? Ты... Вы мнѣ даже руку не поцѣловали... *Вы*, подчеркнула она,—вы какъ будто не рады, что я пріѣхала?...

Я слабо усмѣхнулся... У меня на душѣ было скверно, очень скверно...

Разсказывать дальше почти нечего, закончилъ Дмитрій Иванычъ,—мы разошлись съ Натальей Андреевной. Она отправилась въ Неаполь; я уѣхалъ въ Кіевъ:—меня влекло... въ келью... Но русская монашеская жизнь не такова, чтобъ алчущіе мира душевнаго могли найти его тамъ... Я принялся странствовать, былъ въ Grande Chartreuse, въ la Trappe... Ни католикомъ, ни аскетомъ я впрочемъ не сдѣлался и возвратился въ міръ, но измѣненнымъ человѣкомъ. Тотъ таинственный свѣтъ, прозрѣтый на мгновеніе мною, какъ бы изъ-за края откинувшейся завѣсы, влекъ уже меня къ себѣ неотразимо...

Еще въ Кіевѣ получилъ я отъ *кузины*, невѣдомо какъ-то прознавшей, что я тамъ, извѣщеніе о смерти ея дочери. Мирра скончалась 31-го декабря, въ восьмомъ часу вечера, то-есть въ тотъ именно день и часъ, когда приснилась она мнѣ. „Она умерла отъ чахотки, писала мнѣ несчастная мать, открывшейся у нея тотчасъ вслѣдъ за извѣстіемъ, что Леонидъ Сергѣевичъ убитъ на Кавказѣ. Она только этого одного человѣка и любила во всю свою жизнь, хоть и знала его такъ не долго, и никогда-то, можно сказать, у нихъ промежъ себя про любовь и рѣчи не было. Только пожелала она остаться ему вѣрною и — осталась. Евстигней Степанычъ былъ ей до смерти братомъ и больше ничего, никогда. На томъ условіи предложила она сама ему жениться на ней, — и онъ согласился, — очень онъ благородный человѣкъ и совсѣмъ убитъ теперь. Я объ этомъ узнала только отъ него послѣ ея кончины и, признаюсь тебѣ, не прощаю того, что онъ тогда все это скрылъ отъ меня. Еслибъ я знала раньше, я бы употребила всѣ средства, потому еслибъ она, ангелъ мой Божій,

сдѣлалась матерью, то, конечно, жила бы до сихъ поръ и не оставила меня на старость лѣтъ сиротой безутѣшной"...

Бѣдная женщина и годомъ не пережила дочери... Скобельцынъ живъ и до сихъ поръ и гдѣ-то губернаторствуетъ, женатъ во второй разъ, и куча, говорятъ, дѣтей...

Лѣтъ пять послѣ этого, я въ Лондонѣ столкнулся съ Натальей Андреевной въ дверяхъ Британскаго Музея. Она была все также роскошно хороша и шла подъ руку съ черно-кудрымъ красавцемъ, котораго я помнилъ еще съ Неаполя, герцогомъ della Torre-Leone. Я поклонился имъ. Кавалеръ ея учтиво приподнялъ шляпу; Наталья Андреевна не отвѣчала на мой поклонъ... Она была права — съ своей точки зрѣнія...

— И все? воскликнулъ я, когда замолкъ Флегонтъ Иванычъ.

— А то чего же еще желаете? усмѣхнулся онъ.

— Не спрашивали вы его: видѣлъ-ли онъ Мирру еще разъ? Вѣдь она говорила ему: до свиданія?...

— Спрашивалъ.

— А онъ что̀ на это?

— „Не видѣлъ еще, отвѣчаетъ, — а увижу". И такъ увѣренно, знаете!... И дѣйствительно... не докончилъ мой спутникъ.

— Видѣлъ?

— Или *думалъ* видѣть, подчеркнулъ *современный* членъ суда,—а только-что какъ я имѣлъ уже честь вамъ доложить, смерть его тоже сопровождалась — или, вѣрнѣе сказать, предшествуема была—довольно странными обстоятельствами.

— Вы можете ихъ передать мнѣ?

Флегонтъ Иванычъ вмѣсто отвѣта полѣзъ, не растегивая пальто, въ боковой карманъ сюртука и вытащилъ оттуда бумажникъ.

— Вотъ-съ тутъ, молвилъ онъ, перебирая въ немъ толстыми пальцами,—тутъ у меня письмецо-съ одно хранится... Надо вамъ сказать-съ, когда вотъ это я жилъ въ городѣ супротивъ *Сосенокъ* и часто посѣщалъ Дмитрія Иваныча, такъ тогда мы къ нему часто компаніей ѣздили, — очень дружный кружокъ, знаете, вокругъ него образовался, — всего-то впро-

чемъ человѣка три: ну, вашъ покорнѣйшій слуга, разумѣется, предводитель уѣзный, отличнѣйшій человѣкъ, Александръ Евграфычъ Дѣвицынъ, русская душа, знаете, въ полномъ смыслѣ, честная и открытая, и третій былъ Константинъ Петровичъ Зеленскій, съ Дмитріемъ Иванычемъ посредниками вмѣстѣ были, и поднесь, должно-быть, посредникомъ остался,—человѣкъ это стараго воспитанія, грамотный, по ученой части долго служилъ... Такъ вотъ-съ они оба присутствовали при его смерти, — я въ то время назначенъ ужь былъ въ Саратовъ; въ 1867 году это было;—и Константинъ Петровичъ, зная, какъ я преданъ былъ покойному, обстоятельнѣйшимъ образомъ изложилъ все это въ письмѣ ко мнѣ... И вотъ-съ, если угодно, я вамъ могу прочесть, договорилъ Флегонтъ Иванычъ, вынимая изъ бумажника конвертъ, а изъ него нѣсколько тщательно сложенныхъ и мелко исписанныхъ почтовыхъ листиковъ.

— Сдѣлайте одолженіе! взмолился я.

— Гм, гм, началъ онъ, отыскивая глазами, — начало не интересно: сожалѣніе, разумѣется, выражаетъ... Потомъ... Да, вотъ оно! крикнулъ онъ, поправилъ pince-nez на носу и принялся читать.

„Онъ умеръ, потухъ, могъ бы я сказать, на моихъ глазахъ; я подымалъ его бездыханное тѣло, а между тѣмъ все, что совершилось предо мною, представляется мнѣ до сихъ поръ тяжелымъ, мрачнымъ сномъ,—такъ все это необыкновенно и необъяснимо. Судите сами!

„Всю прошлую зиму Дмитрій Иванычъ провелъ въ Римѣ, гдѣ съѣхался съ сестрою своей, графинею Бобрищевой-Пушкиною, и ея сыномъ, а въ половинѣ мая вернулся въ Сосенки. Онъ привезъ съ собой племянника, молодаго графа (юноша скромный и твердо учившійся: такіе теперь рѣдки:). Здоровье нашего друга, на первыхъ порахъ, казалось, даже и значительно поправилось. Онъ былъ бодръ и веселъ, ѣздилъ верхомъ съ племянникомъ и говорилъ, что чувствуетъ себя помолодѣвшимъ. Однако, мѣсяцъ спустя, онъ сталъ опять жаловаться на сердцебіеніе, которое совсѣмъ было прекратилось въ бытность его въ Римѣ. Графъ послалъ тотчасъ же за док-

торами. Пріѣхалъ Лѣсовскій, пріѣхалъ еще одинъ, изъ сосланныхъ Поляковъ,—продѣлали весь свой обрядъ, раздѣвали больнаго, прикладывали ухо и къ спинѣ, и къ груди, болтали что-то промежъ себя и объявили, что опасности нѣтъ никакой, что больному впрочемъ не слѣдуетъ пить вина,—а онъ его, какъ вы знаете, и такъ не бралъ капли въ ротъ, — ни крѣпкаго чаю, а что затѣмъ лѣкарствъ не нужно никакихъ, и что сердцебіеніе Дмитрія Иваныча слѣдуетъ приписать весеннему воздуху и усиленному движенію, отъ котораго, пожалуй, лучше воздержаться. Затѣмъ поклонились, получили по красненькой и уѣхали. Графъ совершенно успокоился, да и Дмитрій Иванычъ съ тѣхъ поръ болѣе не жаловался. Такъ прошли еще двѣ недѣли.

„27-го іюня, вернувшись домой уже поздно вечеромъ изъ одной волости, нахожу у себя привезенное, говорятъ мнѣ, еще утромъ, письмо изъ Сосенокъ. Молодой графъ извѣщалъ меня двумя строчками, что „съ дядей нехорошо", и просилъ немедленно пріѣхать. Я тотчасъ же, не раскладывая лошадей, отправился туда. Пріѣзжаю утромъ часовъ въ пять. Весь домъ, вижу, ужь на ногахъ. Провели меня тотчасъ къ графу, у котораго уже сидятъ и чай пьютъ Лѣсовскій и Александръ Евграфовичъ. „Что̀ случилось?" спрашиваю. На это графъ мнѣ передаетъ слѣдующее:

„Наканунѣ утромъ вошелъ онъ, по обыкновенію, къ Дмитрію Ивановичу звать его завтракать. Къ удивленію его, увидѣлъ онъ, что, несмотря на жаркую погоду стоявшую на дворѣ, въ кабинетѣ пылаетъ каминъ, — но онъ еще болѣе удивился, замѣтивъ, что дядя, небритый и въ халатѣ (чего съ нимъ никогда не бывало: онъ, помните, какъ всталъ, такъ и одѣлся щеголемъ,) сидитъ предъ огнемъ и какія-то письма туда кидаетъ.

„— Здоровы вы, дядюшка? спросилъ встревоженный молодой человѣкъ.—Ничего, живъ пока! отвѣчаетъ ему тотъ такимъ страннымъ голосомъ, что „мнѣ холодно сдѣлалось", говоритъ графъ. Затѣмъ Дмитрій Ивановичъ взялъ его за руку и говоритъ ему: „надѣюсь, Юрій, что то, что̀ я скажу тебѣ, ты примешь съ мужествомъ?... Первою мыслію того было, что

съ его матерью, которую онъ оставилъ на водахъ за границей, несчастье случилось.—Матушка!... не договорилъ онъ.—Нѣтъ, нѣтъ, слава Богу, перебилъ его очень живо Дмитрій Ивановичъ, она совершенно здорова и, надѣюсь, проживетъ еще долго! Нѣтъ, сказалъ онъ тихимъ, но твердымъ голосомъ,—*я* умру завтра!

„Племянникъ вскрикнулъ и кинулся ему на шею. Дмитрій Ивановичъ взялъ его за голову обѣими руками, крѣпко поцѣловалъ и прошепталъ ему на ухо: „*завтра, въ восемь часовъ утра*"...

„Вы можете себѣ представить ужасъ и недоумѣніе бѣднаго юноши! Ему сначала подумалось, что дядя рехнулся... Что съ вами, говоритъ, — отчего завтра, въ восемь часовъ?... Я *видѣлъ*, отвѣчаетъ Дмитрій Ивановичъ, *знаю!* И съ этимъ указываетъ пальцемъ на письменный столъ, на которомъ лежала раскрытая книга. Графъ подошелъ, смотритъ: книжка стиховъ Лермонтова, раскрыта на стихотвореніи *Ангелъ*, и подъ заглавіемъ спѣшнымъ и слабымъ, но довольно яснымъ почеркомъ помѣчено *28-го утромъ 8*... Что это значитъ? спрашиваетъ онъ.—*Она!* говоритъ на это Дмитрій Ивановичъ.—Кто она?... Но, вмѣсто отвѣта, дядя всталъ съ кресла и говоритъ ему: Оставь меня одного, Юрій, мнѣ надо еще весь этотъ старый хламъ въ порядокъ привести. Онъ провелъ его до дверей кабинета и заперся на ключъ.

„Все это такъ ошеломило графа, что онъ насилу добрался до своей комнаты и долго не могъ собрать своихъ мыслей. На его счастье, пріѣхалъ неожиданно самый полезный для него человѣкъ, а именно Лѣсовскій, которому онъ все и разсказалъ. Докторъ нѣсколько успокоилъ его, а, на всякій случай, посовѣтовалъ послать за Александромъ Евграфовичемъ и за мною, какъ за двумя самыми близкими къ Дмитрію Ивановичу людьми.

„И не разскажи мнѣ всего этого графъ, заговорилъ за нимъ Лѣсовскій, мнѣ бы и въ голову не пришло, что онъ ждетъ себѣ какого-то близкаго несчастья. Вышелъ онъ къ намъ изъ кабинета за часъ до обѣда; милъ былъ и любезенъ, какъ всегда, хорошо ѣлъ за обѣдомъ, шутилъ, по обыкновенію, надъ моею

медицинной. На то, что было, или вѣрнѣй, *не было* съ нимъ (докторъ плечами пожималъ все время,), ни намека не было имъ сдѣлано. Часу въ седьмомъ послѣ обѣда, онъ, правда, ушелъ къ себѣ и опять заперся, а отъ Назарыча уже мы узнали, что онъ его ночью за священникомъ посылалъ, исповѣдывался и причастился... Только, повѣрьте вы мнѣ, графъ (утѣшалъ онъ молодаго человѣка,), все это у дяденьки вашего отъ его слишкомъ тонкихъ нервъ происходитъ, отъ крайней воспріимчивости: съ нимъ былъ кошмаръ, галлюцинація, а онъ... Повѣрьте, день сегодня пройдетъ отлично, и ему самому станетъ совѣстно, что онъ всѣхъ насъ перетревожилъ напрасно, отчего мы вотъ съ вами поднялись сегодня не выспавшись, со свѣтомъ.

„Входитъ на эти слова Назарычъ...“

— Потому всѣ мы его хорошо знали, старика, и любили очень, прервалъ на этомъ мѣстѣ чтеніе свое Флегонтъ Иванычъ,—настоящій то-есть типъ, знаете, слуги-брюзги изъ стараго романа...

— Не томите, почтеннѣйшій! взмолился я опять, — продолжайте!

— Да, такъ вотъ-съ...

„И говоритъ на это—Назарычъ, то-есть, счелъ нужнымъ пояснить еще Флегонтъ Иванычъ, — и говоритъ на это: мало его въ дѣтствѣ—то-есть, Дмитрія-то Иваныча, — сѣкли, такъ вотъ и чудилъ весь вѣкъ!... Только слова эти никого изъ насъ не разсмѣшили, потому, видимъ, на старикѣ лица нѣтъ и всего его, лицо и руки, подергиваетъ. — Я, говоритъ, господинъ докторъ, не знаю: будить мнѣ его или нѣтъ, потому 6 часовъ; не разбудишь какъ всегда, осердится, пожалуй? — Докторъ, нарочно, смѣяться началъ: а отчего тебѣ его не будить, онъ совершенно здоровъ!—То-то! пожалъ онъ бровями и пошелъ.—Погоди, старина, крикнулъ ему Александръ Евграфовичъ, до сихъ поръ все молчавшій, мы съ твоимъ чудакомъ штуку сыграемъ: часы во всемъ домѣ часомъ впередъ переставимъ; ты какъ войдешь къ нему, прежде чѣмъ будить, переставь и у него въ кабинетѣ стѣнные и карманные!—Ладно! закивалъ, понявъ, старикъ. Часы такимъ образомъ мы всѣ пе-

реставили въ домѣ, и только что кончили мы съ этимъ, какъ графъ, ходившій слушать у дверей дяди, проснулся-ли онъ, пришелъ намъ сказать, что онъ уже на ногахъ и проситъ насъ въ столовую. Мы всѣ туда и отправились.

Минутъ черезъ десять вышелъ къ намъ и Дмитрій Ивановичъ. Никогда еще не видалъ я его такимъ свѣтлымъ, нарядным, какъ въ это утро: онъ былъ въ легонькомъ пальто, въ башмакахъ и цвѣтныхъ чулкахъ, красивый,—ну хоть сейчасъ подъ вѣнецъ итти! Увидѣвъ меня, онъ, повидимому, обрадовался и сказалъ страннымъ голосомъ: а, и вы тоже пріѣхали, спасибо! и, обращаясь къ доктору: можно мнѣ сегодня крѣпкаго чаю? спросилъ онъ съ улыбкой. — Ни сегодня, ни завтра, отвѣтилъ тотъ, принимая недовольный видъ, — вы знаете, что это кровь волнуетъ.—Ну, *сегодня* вы мнѣ въ этомъ не откажете, надѣюсь? сказалъ на это Дмитрій Иванычъ, подымая чайникъ надъ своимъ стаканомъ, и улыбнулся опять... Но отъ этой улыбки у меня защемило на сердцѣ, а у бѣднаго племянника навернулись слезы.

Всѣмъ намъ сдѣлалось очень неловко. Александръ Евграфовичъ поспѣшилъ заговорить о какомъ-то пароходѣ новой конструкціи, который, по его словамъ, долженъ былъ стоять у города, насупротивъ Сосенокъ, и предложилъ идти посмотрѣть на него съ берега. Всѣ согласились и пошли садомъ. Дойдя до Волги, оказалось, что никакого парохода у пристани нѣтъ. Извѣстный обманщикъ! засмѣялся Дмитрій Ивановичъ, кивая на предводителя, а самъ легъ въ траву и долго глядѣлъ на рѣку, не говоря ни слова. Докторъ засвисталъ мотивъ какой-то пѣсни. Наша украинская? не оборачиваясь промолвилъ Дмитрій Ивановичъ. — *А то ни? Родна-жь!* (то-есть, родная), закивалъ Лѣсовкій, тоже Малоросъ. Они заговорили о той сторонѣ. Дмитрій Ивановичъ поднялся, сѣлъ на скамейку... Глаза его заморгали (помните, какъ мило было въ его лицѣ это морганье!), онъ заговорилъ бойко, живо, горячо, какъ въ лучшія свои минуты. Докторъ изподтишка только подмигивалъ намъ: умирающій де каковъ! Такъ прошло довольно долго времени. Дмитрій Ивановичъ вдругъ какъ бы спохватился: домой, говоритъ, пора!.. Пошли назадъ. Онъ велѣлъ вы-

нести кресла изъ дому, и мы усѣлись на террасѣ подъ его любимымъ старымъ кленомъ. Разговоръ продолжался.

„Вдругъ изъ дому донесся звонъ часовъ.—Тс... заговорилъ онъ,—сколько бьетъ?—Восемь, отвѣчалъ Александръ Евграфовичъ, вынимая свои часы.—Восемь? повторилъ Дмитрій Ивановичъ,—не можетъ быть!—У меня даже двумя минутами за восемь перешло, сказалъ я, показывая ему свои часы.—Точно такъ! подтвердилъ графъ, подходя къ открытымъ дверямъ залы и кидая взглядъ на стоявшіе тамъ большіе столовые часы.—Восемь, и вы здоровехоньки! забасилъ докторъ, подходя къ Дмитрію Ивановичу, и взялъ его за пульсъ:—отличный! протянулъ онъ... Надо признаться, что всю эту комедію разыграли мы превосходно. — Странно! прошепталъ только Дмитрій Ивановичъ, обводя насъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

„Страннѣе еще, пожалуй, то, что всѣ мы знали, что играемъ комедію, что часы поставлены нами впередъ, а между тѣмъ всѣ какъ будто забыли въ ту минуту объ этомъ. у всѣхъ у насъ отлегло отъ сердца, будто все миновало съ этой минуты. Какая-то ребяческая радость вдругъ охватила насъ. Александръ Евграфовичъ присталъ къ доктору, сталъ придираться къ каждому его слову, дразнить хохлацкими его *вареньками* да *пампушками*. Тотъ было даже не на шутку разгнѣвался, хотѣлъ возразить, заикнулся и неожиданно расхохотался. Расхохотались и всѣ ему вслѣдъ... Искренность нашей веселости должна была окончательно разувѣрить, кажется, Дмитрія Ивановича, если онъ и имѣлъ какое-нибудь подозрѣніе. Но лицо его среди общаго веселья сохраняло то же выраженіе тайнаго и печальнаго недоумѣнія, будто жаль ему было разстаться съ мыслью о близкой смерти...

„Между тѣмъ время летѣло. За всякими забавными разсказами, которыми угощалъ насъ повеселѣвшій опять докторъ, мы какъ бы забыли Дмитрія Ивановича. Я подошелъ къ нему: „Не утомляемъ-ли мы васъ?“ Онъ отрицательно покачалъ головою, поднялъ глаза и повелъ ихъ кругомъ себя какимъ-то будто жаднымъ и прощальнымъ взоромъ: „Какая тишь, сказалъ онъ мнѣ,—не шелохнется...“ и затѣмъ: „Помните это“, спросилъ онъ:

И пусть у гробоваго входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

„— Къ чему же, говорю я ему на это, о гробѣ думать? Вотъ она, природа, объ этомъ не думаетъ! Жить, говорю, надо, Дмитрій Ивановичъ, жить да поживать!

„Онъ вдругъ обернулся на меня... Никогда не забуду его лица въ эту послѣднюю минуту! Оно все точно просіяло, точно какіе-то лучи исходили изъ него...—Жизни нѣтъ конца! улыбнулся онъ невыразимою улыбкой:—умирающій человѣкъ, сказалъ Гете, заходящее свѣтило, заря котораго уже блещетъ надъ другимъ мі...

„Онъ не кончилъ, схватился за грудь, судорожно дернулъ ногою и покатился назадъ... Я только вскрикнуть успѣлъ... Докторъ кинулся къ нему. Кровавая пѣна показалась на его губахъ, глаза были открыты, но уже недвижимы... „Разрывъ сосудовъ, кончено!“ могъ только проговорить Лѣсовскій...

„До сихъ поръ не могу безъ содроганья вспомнить эту минуту! Мы всѣ приросли къ своимъ мѣстамъ, какъ окаменѣлые. Среди общаго мертваго молчанія звучно раздался въ это время изъ залы бой большихъ стѣнныхъ часовъ... „Восемь, какъ сказалъ“, дрожащимъ голосомъ пролепеталъ Александръ Евграфовичъ:—„стрѣлки-то я передвинулъ, а бой не успѣлъ перевести“...

Лѣсовскій говоритъ теперь, что у покойнаго былъ аневризмъ сердца и что онъ это зналъ съ перваго разу, какъ слушалъ его, но не говорилъ—„будто чтобъ не испугать больнаго“. Да намъ-то что же мѣшало ему сказать?

„*Что* онъ видѣлъ? *Кто* повѣдалъ ему тайну его смерти? Тотъ же Лѣсовскій увѣряетъ, что помѣтка на томѣ Лермонтова,—который онъ, вѣроятно, сжегъ, потому что мы тщетно искали его повсюду,—могла быть сдѣлана имъ же самимъ подъ вліяніемъ бывшей съ нимъ галлюцинаціи, о чемъ онъ тутъ же забылъ, и при его „спиритскихъ бредняхъ“ объяснена имъ манифестаціей какого-то духа... Все это можетъ быть,

только какъ же выходитъ, что *какъ* тамъ было помѣчено, *такъ* и случилось?

„Нѣтъ, уважаемый Флегонтъ Ивановичъ, какъ ни вертите, а

Есть много на землѣ и въ небѣ, другъ Гораціо, и пр.

„Помните, какъ вы сердились на покойнаго за это, говорили вы, *избитое, переизбитое* изреченіе и утверждали, что оно столько же доказываетъ въ пользу его *фантастическихъ* убѣжденій, сколько то, что *ѣдетъ чижикъ въ лодочкѣ въ генеральскомъ чинѣ* доказываетъ необходимость *выпить водочки по этой причинѣ*. Что-то вы теперь скажете?“

— А скажу я, началъ было мой спутникъ, складывая свои листики,—а скажу я то, что положительная наука нашего времени...

— И ничего болѣе въ письмѣ нѣтъ? поспѣшилъ я прервать его.

— Нѣтъ, ничего...

КОНЕЦЪ.

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

ЗАБЫТЫЙ ВОПРОСЪ.

Содержаніе

ВТОРАГО ТОМА:

	стран.
Часть первая	1
Часть вторая	221

ЗАБЫТЫЙ ВОПРОСЪ.

РОМАНЪ *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Und die Tugend sie ist kein leerer Schall,
Der Mensch kann sie üben im Leben;
Und sollt'er auch straucheln überall
Er kann nach der göttlichen streben.
Und was kein Verstand der Verständigen sieht
Das übet in Einfalt ein kindlich Gemüth.
Schiller. *Die Worte des Glaubens.*

I.

O matutini albori!

Отъ нашей деревни до Богдановскаго считалось верстъ десять *шляхомъ*, а проселкомъ, черезъ лѣсъ, и половины того не было. Въ счастливые дни, когда мнѣ удавалось отбыть урокъ на славу (надо было для этого отхватить наизусть страницъ восемь изъ курса французской литературы Вильмена), въ эти дни, часу въ седьмомъ послѣ обѣда почтенный наставникъ мой, m-r Керети, провансалецъ и поэтъ романтической школы (de l'école d'*Hernani* et des *Orientales*, какъ выражался онъ самъ), притомъ охотникъ страстный, но злополучный, выходилъ на крыльцо съ охотничьей фуражкой на головѣ, ружьемъ въ рукѣ и ягдташемъ черезъ плечо. За нимъ

*) Впервые напечатанъ въ первыхъ четырехъ книжкахъ „Русскаго Вѣстника" за 1872 годъ.

вылетала красивая собака его Сильва, лягавая польской породы, и съ радостнымъ визгомъ кидалась мнѣ на грудь.

— Qui m'aime, me suive! восклицалъ торжественно Керети, но и до этого Сильва, братъ Лева и я бѣжали взапуски къ оградѣ.

— Вести себя хорошо, дѣти, смотрите! раздавался съ балкона голосъ матушки.

— Галечку поцѣлуй, Лева, кричала изъ-за плеча ея сестра Настя.

Досадно мнѣ было всегда на Настю за эти слова, хотя я очень хорошо зналъ, что еслибъ она поручила не Левѣ, а мнѣ поцѣловать Галечку, я бы непремѣнно сталъ алѣе тѣхъ маковъ, что цвѣли подъ ея окномъ.

Не останавливаясь, добѣгали мы до лѣса и кидались, едва дыша, въ его высокую и зеленую траву. Какъ свѣжо, какъ привольно было тамъ въ палящіе дни нашего украинскаго лѣта! Всю жизнь, кажется, пролежалъ бы въ этой пахучей травѣ, да глядѣлъ бы въ небо сквозь темные листья дубовъ, да слушалъ бы, какъ гомонитъ лѣсъ всѣми голосами своими: трещитъ кузнечикъ, шепчутъ листы, кудкудахтаетъ перепелъ; незримая, въ самой чащѣ, тоскливо кукуетъ зозуля. Солнце заходитъ... Ахъ, да гдѣ тѣ слова, которыми я могъ бы сказать, какъ хорошо было въ нашемъ лѣсу въ эти вечерніе часы...

Но вотъ вблизи раздается выстрѣлъ и затѣмъ знакомый голосъ:

— Je l'ai manqué, malédiction! восклицаетъ съ досадой почтенный нашъ наставникъ.

Увы! та же исторія повторяется съ нимъ ровно каждый разъ, какъ вздумается ему стрѣлять. Досада его тотчасъ же обращается на добродушную Сильву, которая, услыхавъ выстрѣлъ, кинулась со всѣхъ ногъ, съ поджатымъ хвостомъ, въ совершенно противоположную сторону.

— Malédiction! восклицаетъ еще разъ Керети и бѣжитъ на нее съ поднятымъ ружьемъ.

Напрасно—Сильвы и слѣдъ простылъ. Лева прыгаетъ въ восторгѣ. Онъ радъ всякой неудачѣ m-r Керети, котораго страшно боится...

Въ лѣсу все темнѣе и прохладнѣе; его уже начинаютъ облекать вечернія тѣни. Просѣка повернула вправо. По извилистой и крутой тропинкѣ спускаемся мы въ Холодную-Балку, довольно глубокій оврагъ, на днѣ котораго шумитъ и пѣнится быстрый ручей, падая съ обрыва на камни. По обоимъ берегамъ его навалено по грудѣ щебня, а на нихъ лежитъ мостомъ свѣже-срубленный кленъ; поблеклые его листья печальными, слипшимися гроздями купаются въ водѣ.

— Attention! кричитъ Керети, но мы уже прыгаемъ на деревѣ, весело чувствуя, какъ оно гнется и скрипитъ подъ нашими ногами.

За ручьемъ начинаются владѣнія Ѳомы Богдановича Галагая. Еще минутъ десять ходьбы,—и изъ-за опушки рѣдѣющаго лѣса выглянуло и само Богдановское, во всей тихой прелести украинскаго вида. Направо широкоразметавшееся село подъ тѣнью яблонь и черешень. Налѣво, на пригоркѣ, господское строеніе съ обширнымъ садомъ, окаймленнымъ высокими тополями. За садомъ синѣетъ широкое озеро, пропадая вдали. Между усадьбой и селомъ большая каменная церковь съ зеленымъ куполомъ, а надъ нимъ серебряный крестъ, весь облитый прощальнымъ свѣтомъ заходящаго солнца.

Мы уже близко. Я начинаю чувствовать какую-то пріятно щекочущую истому; сердце бьется шибче, не то отъ ходьбы, не то отъ ожиданія. Мы подходимъ къ плетню, которымъ обнесенъ садъ и изъ-за котораго въ одномъ мѣстѣ торчитъ что-то въ родѣ скамейки, взбираемся на нее, перекидываемъ ногу черезъ плетень на другую оконечность ея, причемъ Керети ворчитъ что-то про себя о варварскомъ краѣ, гдѣ и калитокъ не умѣютъ устроить, и спускаемся въ садъ.

— Ау! кричитъ Лева.

— Ау! отвѣчаетъ ему голосъ изъ ближней аллеи.

А, чай вѣрно поданъ въ бесѣдкѣ. И точно: Ѳома Богдановичъ узналъ насъ. Изъ довольно обширной тесовой бесѣдки, на фронтонѣ которой вычурными кармазиноваго цвѣта буквами по бѣлому фону начертана надпись: *Монрепо, храмъ отдохновенія*, выходитъ маленькій, толстый и лысый человѣчекъ, похожій на ходячую дыню, и, протягивая къ намъ ко-

ротенькія руки, колеблется отъ смѣха и кричитъ: „Здорово, здорово, мусья французики!“ Ѳома Богдановичъ насъ иначе не называетъ. А за нимъ показалась добрая Анна Васильевна, и ея кроткіе глаза улыбаются такъ привѣтно; она видимо такъ рада намъ, что Лева и я, вмѣсто того, чтобы подойти къ ручкѣ, какъ приличествовало бы благовоспитаннымъ дѣтямъ, кидаемся къ ней просто и оба разомъ на шею. Но глаза мои уже ищутъ Галечку. Она тутъ, въ бесѣдкѣ, за столомъ, уставленнымъ чашками и тарелками, полными плодовъ. Она поднялась было на встрѣчу намъ, но я слышу, какъ гувернантка ея, miss Пинкъ,—говоритъ ей довольно громко: „For boys? Sit down!“ И она сѣла, послушная и приличная какъ всегда, скромно опустивъ глаза и слегка закусивъ нижнюю губу. Хоть бы посмотрѣла на меня! думаю я, и мнѣ кажется, что мнѣ непремѣнно въ эту минуту надо быть печальнымъ, а между тѣмъ, какъ нарочно, на душѣ у меня не печаль, а напротивъ, такъ легко, такъ весело! Лева, съ своей стороны, къ неописанному удовольствію великаго пріятеля своего, Ѳомы Богдановича, дурачится въ волю, безъ помѣхи. Керети не занимается имъ. Онъ присосѣдился къ чопорной и кругленькой миссъ Пинкъ и, по обыкновенію своему, начинаетъ дразнить ее. Англичанка краснѣетъ и сердится, и нашъ наставникъ, достигнувъ своей цѣли, самодовольно улыбается и продолжаетъ уже тише свой, испещренный романтическими фразами и каламбурами, французскій разговоръ, котораго на половину не понимаетъ миссъ Пинкъ.

А между тѣмъ Ѳома Богдановичъ, поднявшись на цыпочки и ухвативши за воротъ дворецкаго своего, Богуна, шепчетъ ему что-то на ухо. Богунъ, рослый и усатый казакъ, въ широчайшихъ шароварахъ и зеленомъ жупанѣ, шитомъ желтыми шерстяными шнурами, выслушиваетъ, низко нагнувши голову и добродушно моргая глазами, это таинственное приказаніе и затѣмъ скрывается. Ѳома Богдановичъ, потирая руки, ходитъ за нашими стульями, поддразниваетъ Леву, щекочетъ по затылку то дочь, то меня, всѣхъ потчуетъ и суетится и хохочетъ пуще всѣхъ.

Время идетъ. Въ померкшей вышинѣ уже зажглись и ми-

гаютъ звѣзды. Изъ-за тополей выплыла луна и потекла по чистому небу. Блѣдно-золотистый свѣтъ ея мягко играетъ на волосахъ Галечки, озаряетъ ея тонкій, нѣжный профиль, и, глядя на нее, мнѣ вспоминается сказка,—дядька мой Максимычъ на нихъ большой мастеръ,—о распрекрасной царевнѣ, что въ высокомъ терему сидитъ, пригорюнившись, у окна косящата, съ огненною звѣздой среди самаго лба.

Вдругъ, среди общей тишины, раздаются звуки. Поютъ, поютъ дивную украинскую пѣсню. Свѣжій дѣтскій голосъ, свѣтлый и звенящій какъ стекло, зачинаетъ:

Сыдыть голубь на берези, голубка на вышни;
Скажи мини, сердце мое, що маешь на мысли!
Якъ не хочишь, мій мыленькій, дружиною буты,
То дай мини таке зилья, щобъ тебе забуты!

А за нимъ густые и мягкіе, какъ бархатъ, голоса принимаютъ тихимъ хоромъ:

Буду пыты черезъ сылу и крапли не впущу;
Тоди тебе я забуду, якъ очы заплющу.

Это пѣвчіе Ѳомы Богдановича, собранные Богуномъ въ большой аллеѣ. Объ этомъ-то такъ таинственно шепталъ на ухо своему дворецкому, вися на его воротѣ, Ѳома Богдановичъ.

— Согласно спиваютъ, бисовы дѣти! говоритъ онъ по-малороссійски, отъ избытка чувствъ; вся круглая фигурка его сіяетъ торжествомъ.—А что, Гануся, каковъ голосъ у Онисыма сынка? спрашиваетъ онъ, подходя къ женѣ, — сегодня въ первый разъ поетъ!

Но Анна Васильевна не отвѣчаетъ. Она только головой качнула и вся ушла въ свое кресло. Ѳома Богдановичъ очень доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на жену пѣвчими; онъ проводитъ рукой по ея волосамъ. Анна Васильевна не измѣнила положенія, только рука ея тихо ловитъ руку мужа и подноситъ ее къ губамъ...

А хоръ поетъ между тѣмъ:

Любилыся, кохалыся, якъ голубкы въ пари,
А тепера розыйшлыся якъ чорніи хмары.

И льется пѣсня за пѣсней въ невозмутимой ясности лѣтняго вечера. А деревья чуть-чуть трепещутъ; зашепчутъ верхушки тополей подъ набѣгающимъ вѣтеркомъ и опять смолкнутъ... Боже мой! гдѣ оно, гдѣ это счастливое время?...

— Господа, пора домой! говоритъ Керети, показываясь на порогѣ бесѣдки.

— Погодите, погодите! восклицаетъ торопливо Ѳома Богдановичъ, — сейчасъ *Чайку* споютъ, безъ *Чайки* я васъ не пущу.

Но наставникъ нашъ неумолимъ, и, не дождавшись *Чайки*, мы идемъ, сопровождаемые всѣмъ семействомъ Галагаевъ, ко двору, гдѣ ждетъ присланная за нами бричка. Прощаемся.

— Скажите маменькѣ, чтобы въ воскресенье непремѣнно привозила васъ, говоритъ Анна Васильевна, осѣняя насъ крестомъ на благополучный путь.

— Настя приказала поцѣловать тебя, Галечка! восклицаетъ вдругъ Лева. Ему только теперь вспомнилось порученіе сестры.

— Такъ на же и ей отвези, отвѣчаетъ Галечка и цѣлуетъ его въ лобъ.—Прощайте, Боренька, обращается она затѣмъ ко мнѣ и низко присѣдаетъ. „Какая она лукавая", думаю я,—„счастливецъ Лева!"

А счатливецъ Лева и не догадывается о своемъ счастіи; онъ заснулъ какъ убитый, едва прикоснулась голова его къ подушкамъ брички. Правда, ему всего двѣнадцатый годъ, а мнѣ уже минуло пятнадцать!

Тронулись. Бодрою рысью бѣгутъ наши кони по гладкой дорогѣ, вьющейся лентой среди безконечныхъ полей. Свѣжій вѣтерокъ вѣетъ въ лицо. Тихо зыблется, куда ни взглянешь, уже высокій, тяжелѣющій колосъ. Темное облако набѣжало на мѣсяцъ. Впереди загорѣлся огонекъ: это чумаки заночевали въ *степу* и варятъ ужинъ. Мы быстро проѣзжаемъ мимо ихъ; я едва успѣваю замѣтить два загорѣлыя лица въ бараньихъ шапкахъ, надвинутыхъ на самыя брови, съ *люльками* въ зубахъ, костлявую руку, протянутую къ котелку, широкую голову вола и колесо телѣги, ярко освященныя пламенемъ. А тамъ потянулися опять несчетныя волны колосьевъ и будто

совершаютъ какое-то чудное таинство: такъ молчаливо и важно изгибаются они надъ землею. Подымешь голову,—а тамъ еще многочисленнѣе и таинственнѣе, и несчетнѣе колосьевъ, все новыя и новыя звѣзды будто льются изъ темной глубины неба. „Максимычъ", думаю я, „до сихъ поръ увѣренъ, что звѣзды—это все праведныя души, смотрящія на землю. А неужели на родинѣ Керети лучше, чѣмъ у насъ?" спрашиваю себя, глядя на моего гувернера, уснувшаго рядомъ съ Левой,—„онъ съ такимъ восторгомъ говоритъ о ней? Нѣтъ, не можетъ быть, не повѣрю, чтобъ было гдѣ-нибудь лучше, чѣмъ у насъ! Вотъ какъ поютъ Богдановскіе пѣвчіе:

Да не будетъ крашче нашей Украины!

„Да не будетъ крашче"... повторяю я, обнимая за шею друга моего, Сильву, лежащую подлѣ меня на передней скамейкѣ брички (она догнала насъ уже въ Богдановскомъ), и укладываясь головой на ея спинѣ. А кони мчатся все такъ же быстро, такъ же звучно грохочутъ колеса... Но нѣтъ, это уже не грохотъ колесъ, это иные звуки: мнѣ чудится, точно все поетъ кругомъ меня,—и безграничное поле, колыхаясь подъ вѣтромъ, и старый лѣсъ нашъ съ его темными дубами, и ручей, прыгающій по камнямъ оврага, и всѣ они хоромъ поютъ:

Да не будетъ крашче нашей Украины!

„Сидыть голубь на березі, голубка на вышни", начинаетъ вдругъ нѣжный дѣвичій голосъ. Это голосъ Галечки! Да, точно, это она, въ вѣнкѣ изъ колосьевъ, а среди ихъ невыносимымъ блескомъ горитъ самая яркая звѣзда неба...

— Какъ вы запоздали! слышу я сквозь сонъ. Открываю глаза и снова быстро зажмуриваю ихъ. Изъ окна бьетъ прямо въ бричку ослѣпившая меня полоса свѣта,—вотъ она, Галечкина звѣзда. Мы дома, сама матушка стоитъ на крыльцѣ.

— Я давно васъ жду, говоритъ она, цѣлуя насъ, — мнѣ уже Богъ знаетъ что вздумалось. Керети отвѣчаетъ, что она совершенно напрасно тревожила себя: она-молъ вѣрно позабыла, что онъ былъ съ нами. Сонного Леву уносятъ на ру-

кахъ въ дѣтскую. Я самъ едва держусь на ногахъ, едва въ силахъ пожелать доброй ночи матушкѣ и тетушкѣ Фелисатѣ Борисовнѣ, батюшкиной сестрѣ, которая, въ огромномъ тюлевомъ чепцѣ набоку, сидитъ въ гостиной, за вѣчнымъ граппасьянсомъ. Она, по милому обыкновенію своему, посылаетъ мнѣ на сонъ грядущій какое-то кислое замѣчаніе, но на этотъ разъ я не въ состояніи отвѣчать ей. Въ дверяхъ показался Максимычъ, съ шандаломъ въ рукѣ. Какъ сквозь туманъ, вижу я предъ собой зеленыя, мѣстами облупившіяся стѣны моей низенькой спальни, съ прадѣдовскимъ портретомъ надъ шкафомъ и постоянно отвореннымъ окномъ, въ которое дерзко врывается вѣтвь растущей подъ нимъ липы. Липа цвѣтетъ. Вся комната полна ея благоуханіемъ. Какъ *вкусно* глядитъ, изъ-подъ бѣлаго какъ снѣгъ канифаснаго одѣяла, подушка, взбитая заботливою рукой Максимыча! Какъ скоро и сладко засыпаю я, какіе золотые сны снятся мнѣ опять!...

Блаженные дни, свѣтлыя зори жизни, спасибо вамъ!

II.

Въ день рожденія Анны Васильевны, 18-го мая, которое приходилось въ этомъ году на воскресенье, положено было у насъ ѣхать въ Богдановское всѣмъ *кагаломъ*, какъ выражался батюшка своимъ насмѣшливымъ, нѣсколько презрительнымъ языкомъ. Но самъ онъ наканунѣ уѣхалъ подъ какимъ-то предлогомъ въ городъ. Скажу здѣсь мимоходомъ, что онъ не любилъ деревенской жизни, смѣялся надъ провинціальнымъ бытомъ и вѣчно скучалъ по столицамъ, въ которыхъ прожилъ лучшіе свои годы и откуда заставили его уѣхать разстроенныя его дѣла. Въ Тихихъ-Водахъ (такъ называлась наша деревня,) онъ проводилъ все утро въ своемъ кабинетѣ, за чтеніемъ иностранныхъ журналовъ, которые выписывалъ во множествѣ, а по вечерамъ ходилъ по залѣ, заложивши руки за спину, не говоря ни съ кѣмъ по цѣлымъ часамъ. Не разъ замѣчалъ я слезы въ глазахъ матушки, когда высокій, красивый и вѣчно разодѣтый, какъ на званый вечеръ, отецъ мой начиналъ свою молчаливую прогулку, съ выраженіемъ неодолимой тоски на лицѣ. Сосѣдей онъ не посѣщалъ вовсе, да и они къ намъ мало ѣзжали. Быть-можетъ, ихъ озадачивало до чрезмѣрности учтивое обращеніе съ ними батюшки, или догадывались они, что подъ его холодною и разсѣянною наружностью скрывался необыкновенный даръ подмѣчать въ каждомъ человѣкѣ его слабую или смѣшную сторону и что никто лучше его не умѣлъ иной разъ выставлять ихъ въ карикатурѣ, часто однимъ словомъ, движеніемъ, подмигиваніемъ глаза. Надъ Ѳомой Богдановичемъ въ особенности, съ его

пѣвчими и пирами, отецъ мой трунилъ постоянно и безпощадно, къ большой досадѣ матушки, очень любившей все семейство Галагаевъ.

Тетушка Фелисата Борисовна также не поѣхала съ нами Ночью разразилась довольно сильная гроза, и отъ испуга у нея схватило подъ ложечкой. Всю ночь шныряли по дому ея горничныя, со снадобьями, припарками и кувшинами съ кипяткомъ. Матушка провозилась съ нею до самаго утра, но, какъ ни убѣждала ее, тетушка рѣшительно объявила, что „ни за какія коврижки“ не тронется изъ Тихихъ-Водъ.

Мы отправились съ maman и сестрой. Керети уѣхалъ еще наканунѣ—давать французскій урокъ Галечкѣ. Какъ ни спѣшили, но обѣдня началась уже давно, когда мы пріѣхали въ Богдановское. За церковною оградой стояло множество экипажей всѣхъ родовъ и видовъ—отъ высокой, разукрашенной гербами, кареты, шестеркой, принадлежавшей генералу Рындину, командовавшему въ нашихъ странахъ кавалерійскою дивизіей, и до скромной *чертопхайки* уѣзднаго засѣдателя. На паперти, подъ ракитами, окружавшими церковь, толпился народъ. Весело мелькали, при ослѣпительномъ свѣтѣ солнца, бѣлыя свитки крестьянъ, въ перемежку съ красными куртками гусаровъ, стоявшихъ на квартирахъ въ Богдановскомъ, червоныя ленты, барвиночки да маки на черныхъ волосахъ дивчатъ. Кое-какъ, боковыми дверями, протѣснились мы въ церковь. Она была полна молельщиковъ, какъ въ самые большіе праздники; все сосѣдство сочло долгомъ пріѣхать поздравить Анну Васильевну. На почетномъ мѣстѣ у праваго клироса, выставляя впередъ широкую и выпуклую грудь, всю залитую орденами, стоялъ генералъ Рындинъ, плечистый и здоровый старикъ, съ густыми бровями и усами, рѣзко отдѣлявшимися своимъ чернымъ цвѣтомъ отъ совершенно сѣдой головы, и подлѣ него, въ синемъ фракѣ и нанковыхъ панталонахъ, Ѳома Богдановичъ, весь млѣющій отъ ожиданія. Хоръ готовился къ концерту. Тихо колебалась за золотою рѣшеткой царскихъ дверей только что задернутая алая завѣса. Голубоватою струйкою тянулся дымъ ладана къ растворенному окну, по косому и трепетному столбу свѣта. Подъ высокимъ куполомъ перелетали

ласточки. Пѣвчіе, въ новыхъ синихъ кафтанахъ съ золотымъ позументомъ, тѣснились вокругъ регента, Богуна, точно тонкія лозы вокругъ столѣтняго дуба. Ѳома Богдановичъ не отрывалъ отъ нихъ глазъ; крупныя капли пота текли по его лоснящимся щекамъ; онъ затаилъ дыханіе, онъ приросъ на мѣстѣ. Но вотъ Богунъ опустилъ руку,—раздались таинственныя слова молитвы, и каждая черта добраго помѣщика засіяла восторгомъ; онъ поднялъ голову, сложилъ свои коротенькія ручки на кругленькомъ животѣ,—видно было, что онъ тихо подпѣвалъ за хоромъ: Хвалите Бога во святыхъ его! „Вотъ бы теперь взглянулъ на него батюшка", подумалъ я, „сказалъ-ли бы онъ опять, что Ѳома Богдановичъ такъ же смыслитъ въ пѣніи, какъ поросенокъ въ апельсинахъ." Въ эту минуту, кажется, нѣтъ на свѣтѣ человѣка счастливѣе его! Да и точно: серебряный голосъ Онисима сынка забиралъ за самую душу. Анна Васильевна, которую я только теперь отыскалъ глазами на ея обычномъ мѣстѣ, въ самомъ темномъ углу церкви, утирала глаза платкомъ. Барыни громко вздыхали. Самъ генералъ Рындинъ казался тронутымъ и осѣнялъ себя крестомъ такъ старательно, будто намѣревался припечатать пальцы свои къ тѣлу. Пока матушка съ Левой и Настей тихонько пробирались въ сторону Анны Васильевны, я остановился у дверей, но, окинувъ глазами молельщиковъ, признаюсь, къ стыду моему, мнѣ стало уже не до молитвы. Отовсюду кивали мнѣ пріятельскія головы, подмигивали улыбающіеся глаза, да украдкой подымались и слагались руки въ какіе-то таинственные и разнообразные знаки, смыслъ которыхъ впрочемъ былъ у всѣхъ одинъ и тотъ же: а дай вотъ только обѣднѣ отойти, нагуляемся въ волю! Всѣ они были тутъ, товарищи наши и сверстники, обычные посѣтители гостепріимнаго и веселаго Богдановскаго. И Саша Рындинъ, нашъ главный предводитель, смотрѣвшій смѣло своими свѣтлыми глазами, ловко стянутый въ пажескій мундиръ,—диковинку въ нашихъ странахъ. И Петя Золоторенко, по прозванью *бутузъ*, выучившій насъ стрѣлять картофелемъ изъ камышевыхъ трубочекъ. И Николай Жабинъ, котораго мы называли „донскою жабой", потому что онъ очень любилъ читать изъ Озерова трагедіи:

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы...

причемъ немилосердно трещалъ буквой р, а слово „Донъ“ произносилъ какъ бы изъ пустой бочки. И маленькій Опицкій промелькнулъ въ толпѣ, лихой, бѣдовый мальчикъ, который, бывало, взлѣзетъ на самую высокую верхушку тополя, обоймѣтъ его ногами, а руки и туловище откинетъ назадъ и кричитъ оттуда пугачомъ. Но кто же это между ними совершенно незнакомый мнѣ мальчикъ? Я его никогда до этихъ поръ не видалъ въ Богдановскомъ, да и никто изъ *нашихъ*, повидимому, не зналъ, кто онъ, потому что всѣ они, очевидно, глядѣли на него съ тѣмъ же любопытствомъ, какъ и я самъ. Онъ былъ высокъ и тонокъ и на видъ однихъ лѣтъ со мною, но большіе темносиніе глаза его поразили меня своимъ выраженіемъ, глубокимъ и не дѣтскимъ. Веснушки слегка покрывали его блѣдныя щеки. Длинные, пепельнаго цвѣта волосы вились большими кудрями, въ безпорядкѣ, очень красивомъ на взглядъ. Во всей его наружности вообще было что-то свободное и изящное, чего я не умѣлъ объяснить себѣ тогда, но что рѣзко отличало его отъ всѣхъ насъ. Онъ понравился мнѣ съ перваго раза. „Однако кто же это можетъ-быть?“ спрашивалъ я себя, между тѣмъ какъ глаза незнакомаго мальчика, вызванные вѣроятно моимъ упорнымъ взглядомъ, поднялись на меня съ какою-то застѣнчивою гордостью, какъ бы говоря: „я не привыкъ, чтобы на меня такъ смотрѣли!“ Я тотчасъ же отвернулся, чувствуя, что ни за что не хотѣлъ бы показаться ему дерзкимъ. Когда я рѣшился, черезъ нѣсколько времени, снова взглянуть на него, онъ уже отошелъ въ сторону, а на его мѣстѣ стояла высокая молодая дама, также совершенно мнѣ незнакомая,—и отъ нея я уже былъ не въ силахъ оторвать глазъ. Дама была необыкновенно красива. Я по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ не встрѣчалъ такого лица, не подозрѣвалъ подобной красоты. Еще наканунѣ мнѣ казалось, что краше Галечки Галагай нельзя себѣ ничего представить; еще наканунѣ, заучивая въ саду французскій урокъ, я занимался, въ честь ея, сочиненіемъ русскаго стихотворенія, въ которомъ, между прочимъ, была слѣдующая, помню, прелестная строфа:

Плѣняешь ты воображенье
И милой скромностью движенья,
И блескомъ темненькихъ очей,
Вселяющихъ къ тебѣ почтенье
И привлекающихъ людей...

и остальное въ томъ же родѣ...

И Боже мой! какъ предъ этою новою, сіяющею красотой показалась мнѣ жалка и ничтожна Галечка! Она стояла тутъ же, подлѣ матери,—въ своемъ коротенькомъ платьѣ, съ своимъ длиннымъ, смуглымъ личикомъ. Какъ худа и нескладна показалась она мнѣ! „У нея руки точно веретена!“ сказалъ я себѣ, презрительно и мелькомъ взглянувъ на нее. И, безсовѣстно забывая предметъ моего недавняго обожанія, я принялся снова жадно вглядываться въ незнакомую красавицу. „Не сестра-ли она тому мальчику, что стоялъ тамъ передъ ней“, думалъ я; „она на него похожа.“ Такіе же, какъ и у него, густые и бѣлокурые волосы выбивались такъ же небрежно изъ-подъ ея голубой, очень открытой шляпки. Очеркъ и цвѣтъ ея глазъ напоминали его глаза. Но выраженіе этихъ глазъ, надъ которыми близко сходились двѣ тонкія дуги бровей, гораздо темнѣе волосъ; но ея почти прозрачныя, подвижныя ноздри,—какъ вишни алыя, и полныя губы, изъ-подъ которыхъ, бѣлѣй березовой коры, сверкали маленькіе и ровные зубы,—все это не походило на строгое и задумчивое выраженіе лица ея молодаго брата: все это какъ будто манило къ себѣ и дразнило въ то же время и дышало неотразимымъ и невѣдомымъ мнѣ до этого очарованіемъ. Она стояла, опершись спиной о стѣну, съ легкимъ наклономъ всего тѣла впередъ. Круглое очертаніе ея плечъ обрисовывалось изъ-подъ бѣлой шали, въ которую она куталась какъ бы отъ холода. „Еслибъ я стоялъ подлѣ нея,“ подумалъ я, „я бы посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и сказалъ бы ей: „Mon Dieu, madame, comme vous êtes jolie!“ И отъ этой мысли я вдругъ, не знаю почему, застыдился, покраснѣлъ и опустилъ глаза. Но что это значитъ? Красавица глядитъ въ мою сторону, головка ея слегка наклонилась,—она кланяется, она мнѣ кланяется? Сердце у меня забилось. Я отвѣчалъ ей глубокимъ поклономъ, чуть-ли даже

ногой не шаркнулъ. На этотъ разъ дама взглянула на меня съ видимымъ неудомѣніемъ, кивнула мнѣ головой и какъ-то странно улыбнулась. Вся кровь прилила мнѣ въ голову: я чувствовалъ, что краснѣю по самые глаза, краснѣю до слезъ. Я быстро отвернулся. Подлѣ меня стоялъ, вѣроятно только-что вошедшій въ церковь, молодой и статный гусарскій офицеръ въ мундирѣ, шитомъ серебряными колечками по воротнику, съ большимъ хохломъ, взбитымъ на правый бокъ, и тщательно закрученными усами. Онъ смотрѣлъ въ сторону бѣлокурой дамы и улыбался, какъ бы отвѣчая ея улыбкѣ. Я понялъ,—они были знакомы, она ему кланялась, они улыбались сообща моему глупому поклону! Невыразимая досада овладѣла мною, и, сверкая глазами, я взглянулъ прямо въ лицо офицеру. Офицеръ посмотрѣлъ на меня вскользь и, прислонясь плечомъ къ косяку двери, подлѣ которой стоялъ, повернулся лицомъ къ иконостасу. Онъ, видимо, даже и не замѣтилъ моего вызывающаго взгляда. Вся моя смѣлость разлетѣлась въ прахъ въ одно мгновеніе. „Я для него мальчишка, козявка, которую онъ даже не замѣчаетъ!“—подумалъ я, и въ первый разъ въ жизни обидное чувство униженія и собственной немощи болѣзненно заныло во мнѣ. Я упалъ духомъ сразу. Съ какимъ кислымъ и унылымъ выраженіемъ глядѣлъ я теперь на моего врага (такъ успѣлъ я уже окрестить офицера), и на прекрасную даму! Она не смотрѣла болѣе въ нашу сторону, но что-то говорило мнѣ, что она не теряетъ изъ виду моего сосѣда. Съ своей стороны, гусаръ, казалось, благоговѣйно слѣдилъ за службой, хотя и не крестился, что̀ меня нѣсколько удивляло, но я видѣлъ, что ни малѣйшее движеніе красавицы не ускользало отъ него. Его глаза то-и-дѣло сверкали какимъ-то боковымъ лучомъ по ея направленію. Я не могъ не сознаться, что глядѣлъ онъ молодцомъ въ своемъ щегольскомъ мундирѣ, что онъ былъ и красивъ, и строенъ, и держалъ себя безукоризненно. Но въ его рѣзкихъ и правильныхъ чертахъ, въ проницающемъ взглядѣ его темныхъ глазъ,—онъ къ тому же имѣлъ способность закидывать ихъ какъ-то назадъ, будто хотѣлъ видѣть, что у него дѣлается за спиной,—во всѣхъ его движеніяхъ было что-то дерзкое и вмѣстѣ съ тѣмъ обдуманное

я холодное, что-то особенно противное моей природѣ. Никогда, я чувствовалъ, не могъ бы я полюбить, даже переносить равнодушно этого человѣка. Но я сознавалъ также, что не одною своею наружностью вселялъ онъ во мнѣ отвращеніе; сюда примѣшивалось еще какое-то новое, неиспытанное мною чувство, отъ котораго мнѣ было и больно, и стыдно заодно,—чувство, въ которомъ я боялся отдать себѣ отчетъ, что-то задирающее и оскорбительное. Я чувствовалъ, что я завидую; да, завидую всему тому, что мнѣ такъ не нравилось въ гусарѣ, но что, видно, давало ему право на взглядъ, на улыбку бѣлокурой красавицы, тогда какъ я, жалкій, ничтожный мальчикъ, могу только смѣшить ее своими неумѣстными, глупыми поклонами... „И, Господи,—гдѣ это я грѣшу!"—вспомнилъ я съ испугомъ, не смѣя поднять глазъ: темные лики святыхъ грозно глядѣли на меня, казалось, изъ-за волнистаго дыма кадилъ...

Обѣдня кончалась; священникъ выходилъ съ крестомъ изъ царскихъ дверей. Толпа двинулась впередъ, но я не рѣшился идти за всѣми и выскользнулъ изъ церкви за спиной гусара. Я чуть не плакалъ.

III.

На чистомъ воздухѣ мнѣ стало легче. Свѣжо повѣяло мнѣ вѣтромъ въ горящее лицо. Солнце такъ кротко сіяло; такъ спокойно глядѣли вокругъ меня простыя, добрыя лица. Какимъ-то умирающимъ гуломъ гудѣли колокола въ вышинѣ. Я вздохнулъ всею грудью, какъ бы просыпаясь отъ тяжелаго сна.

— Борисъ, ты, кажется, забылъ къ кресту подойти? И матушка, вышедшая за мною изъ церкви, взяла меня за руку, пристально глядя на меня. — Зачѣмъ ты ушелъ? Что съ тобой?

Я не знаю, что отвѣчалъ бы ей. Мнѣ было не въ привычку таиться отъ матушки; я ее любилъ страстно. На мое счастіе, насъ уже окружала толпа, выходившая изъ церкви. Генералъ Рындинъ, впереди всѣхъ, велъ подъ руку Анну Васильевну. Она едва успѣвала откланиваться, благодарить, касаться губами ко лбу гостей, наперерывъ бросавшихся „къ ручкѣ“. Громкія поздравленія оглашали воздухъ. За гостями все село кинулось къ ней. Ее чуть съ ногъ не сбили. Напрасно взывалъ густымъ басомъ генералъ: „Осторожно, говорятъ вамъ, черти, осторожно!“ Напрасно, тончайшимъ фальцетомъ, пищала о томъ же толстая попадья, держа въ обѣихъ рукахъ подносъ съ огромнымъ кренделемъ, утыканнымъ подгорѣвшимъ изюмомъ; крестьяне ловили и цѣловали края платья Анны Васильевны: „мати наша, голубонька би́ла“, восклицали старухи, продираясь къ ней; дивчата и маленькія дѣти протягивали ей вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ, кузовочки съ яго-

дами и грибами. Бѣдная Анна Васильевна, по обыкновенію, вся горѣла отъ замѣшательства. Ома Богдановичъ — тотъ просто плакалъ въ умиленіи сердечномъ и побѣжалъ обратно въ церковь благодарить своихъ пѣвчихъ.

Наконецъ толпа стала рѣдѣть, и мы могли добраться до Анны Васильевны. Она обнялась съ матушкой и поцѣловала меня.

— Тебѣ будетъ новый товарищъ, Боря, сказала она.— ты его навѣрно полюбишь... Сынокъ бѣднаго Герасима Иваныча, домолвила она, обращаясь къ матушкѣ:—они вчера изъ К. пріѣхали къ моему рожденію; спасибо Любочкѣ, не позабыла. Да гдѣ же она? спросила Анна Васильевна, озираясь кругомъ.

— Вы о ней не безпокойтесь, отвѣчалъ на это генералъ Рындинъ, смѣясь всею грудью, — хорошенькая женщина, что казенное добро, въ водѣ не тонетъ, въ огнѣ не горитъ. При ней, кажется, на караулѣ мой ординарецъ. Онъ вамъ знакомъ, Софья Михайловна? спросилъ онъ матушку, подымая къ верху усы широкою и красною рукой, по которой бѣжали толстыя, синія жилы, точно рукава Волги на большой картѣ Россіи.

— Кто это?

— Баронъ фонъ-Фельзенъ, штабъ-ротмистръ *** гусарскаго полка; въ настоящую эпоху состоитъ у меня за адъютанта; прекрасное пріобрѣтеніе для общества (генералъ отчеканивалъ каждую свою фразу). Изъ гвардіи разжалованъ былъ; имѣлъ тамъ исторію; къ чести его впрочемъ относится: секундантомъ былъ въ поединкѣ. Въ настоящую эпоху (генералъ очень любилъ это слово,) *тамъ* этого не любятъ, строгости пошли: кого въ солдаты, кого въ армію переводятъ. Послѣдній духъ хотятъ убить въ войскѣ! докончилъ онъ, высоко поднявъ плечами.—А, да вотъ они! Прекрасная сестрица, здравія желаю!

Эти слова обращены были къ красивой дамѣ, медленно приближавшейся къ намъ. Она шла въ сопровожденіи гусара, держа въ рукѣ маленькій зонтикъ, который служилъ ей болѣе игрушкой, чѣмъ защитой отъ солнца. Она щурилась, опу-

скала глаза. Офицеръ что-то весело ей разсказывалъ. Они оба смѣялись.

— Здравствуйте, сказала она, подходя и протягивая генералу свою длинную бѣлую руку.—Я дождалась въ церкви, покуда всѣ выйдутъ. Я боюсь толпы! промолвила она съ недовольнымъ, почти презрительнымъ видомъ.

— Пора бы ѣхать, заговорила вдругъ торопливо Анна Васильевна, озираясь съ безпокойствомъ. (Я понялъ, она боялась, чтобы кто-нибудь изъ стоявшихъ вокругъ насъ гостей не обидѣлся словами красавицы).—Я еще твоего мужа не видала сегодя, Любочка, промолвила она.

— Онъ спитъ, отвѣчала та.

— Какъ теперь его здоровье? спросила матушка.

— Все то же: ничего не понимаетъ, не говоритъ, а впрочемъ здоровъ...

И она какъ-то нетерпѣливо пожала плечомъ.

„Ее зовутъ Любовь!“ промелькнуло почему-то у меня въ головѣ.

— Ты, надѣюсь, Софью Михайловну помнишь? спросила Анна Васильевна,—васъ знакомить не нужно?

— Я васъ сейчасъ узнала, сказала красавица матушкѣ, пожимая ей руку: — а какъ мы съ вами давно не видались, вспомнить страшно! Я тогда только что вышла замужъ, была почти дитя...

— Я, кажется, вашего сына видѣла въ церкви? спросила матушка.—красивый мальчикъ, на васъ похожъ.

— Mais oui, отвѣчала Любовь Петровна съ улыбкой, — un grand garçon, просто стыдно...

— Это ея сынъ, не братъ! чуть не громко вскрикнулъ я, глядя съ великимъ изумленіемъ на ея молодое, капризное, какъ у дѣвочки, лицо, не вѣря своимъ глазамъ и чувствуя между тѣмъ, что снова краснѣю.

— И собой молодецъ! примолвилъ генералъ, смѣясь густымъ басомъ и дребезжащимъ смѣхомъ.—Жаль, физикой жидокъ, а то хоть бы сейчасъ въ кавалергарды.

Любовь Петровна прищурилась, взглянула на генерала и пожала плечами съ невыразимымъ оттѣнкомъ насмѣшки.

— Да гдѣ же онъ? гдѣ Вася? спросилъ генералъ, поворачиваясь всѣмъ тѣломъ и потянувъ головой изъ-за высокаго воротника своего мундира.

— Мы здѣсь, папа, отвѣчалъ ему изъ толпы голосъ Саши:—что тебѣ нужно?

Онъ подошелъ къ отцу, держа за руку кудряваго, голубоокаго мальчика,—*ея* сына.

— А! сказалъ генералъ, окидывая обоихъ ихъ быстрымъ взглядомъ, но въ которомъ легко было прочесть, что онъ въ эту минуту сравнивалъ ихъ и что сравненіе оказалось все въ пользу краснощекаго, здороваго Саши. Оба налицо! Въ порядкѣ!

И онъ снова задребезжалъ своимъ густымъ смѣхомъ.

— У васъ большія дѣти? говорила между тѣмъ матушкѣ Любовь Петровна.

— Вотъ мой старшій сынъ.

Матушка обернулась ко мнѣ.

— Ah! c'est Monsiur? промолвила она и засмѣялась, — мы знакомы... Онъ у васъ премилый и *преучтивый*, добавила она, взглянувъ на меня.

Эти слова, этотъ насмѣшливый взглядъ прямо относились къ моему несчастному поклону... Я бы, кажется, въ эту минуту съ радостію провалился сквозь землю,—и съ нею вмѣстѣ! Никого въ мірѣ не ненавидѣлъ я такъ, какъ ее въ эту минуту.

— Вотъ моя карета, возгласилъ генералъ. — Не угодно ли, сударыни? Она четвероместная. Сестрица, Софья Михайловна, Анна Васильевна, прошу. Да гдѣ же ваши барышни? я ихъ не вижу.

— Онѣ поѣхали всѣ въ линейкѣ, съ англичанкой, закричалъ въ отвѣтъ бѣжавшій изъ-за ограды и запыхавшійся Ѳома Богдановичъ: — я ихъ вывелъ другими дверями. Поѣзжай, Ганна, принимать дорогихъ гостей: и васъ прошу, говорилъ онъ суетливо дамамъ, едва переводя духъ и усаживая ихъ въ карету,—а мы съ его превосходительствомъ въ коляскѣ, а дѣти...

— Мы пѣшкомъ пойдемъ, возразилъ Саша,—всѣ вмѣстѣ пойдемъ.

Вокругъ него собрались уже всѣ наши товарищи. Все это кричало, прыгало, обнималось, хохотало.

— Орда! забасилъ весело генералъ и отправился съ Ѳомой Богдановичемъ къ коляскѣ.

Толпа гостей потянулась за ними. Одинъ гусарскій офицеръ, мой *врагъ*, не пошелъ за прочими.

— Здравствуйте, мой юный другъ, сказалъ онъ, протягивая руку кудрявому мальчику, котораго звали Васей: — какъ вы себя чувствуете послѣ дороги?

— Здравствуйте, отвѣчалъ ему холодно Вася, не глядя на него и не подавая ему руки, такъ что тотъ долженъ былъ, къ немалому моему удовольствію, довольно неловко опустить свою руку.

Саша Рындинъ нахмурился и съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на Васю.

— Вы пойдете съ нами, Эдуардъ Карлычъ, сказалъ онъ живо офицеру, который крутилъ усы и улыбался какою-то недоброю усмѣшкой. — Насъ много, мы пойдемъ справа по шести, а вы будете нашимъ эскадроннымъ командиромъ. Хотите?

— Гдѣ мнѣ, старику, съ вами справиться! отвѣчалъ гусаръ, сверкнувъ бѣлыми зубами, которые показались мнѣ остры, какъ у щуки. — Благодарю за честь. У меня есть здѣсь какая-то таратайка.

Онъ приложилъ руку къ шляпѣ, надъ которою развѣвался щегольски по вѣтру длинный бѣлый султанъ, и пошелъ за ограду, гремя своею круглою и сверкающей саблей.

— Зачѣмъ ты ему руки не подалъ? спросилъ Саша, только-что офицеръ отошелъ отъ насъ.

— Я его не люблю, отвѣчалъ Вася, подымая свои большіе глаза на Рындина.

— Вотъ на! Это почему?

— Не люблю, повторилъ мальчикъ. И глаза его потускнѣли. Меня такъ и подмывало кинуться ему на шею.

— Почему? я тебя спрашиваю! настаивалъ Саша.

— Каждый воленъ любить, кого хочетъ, сказалъ глубоко-

мысленно Петя Золоторенко, извѣстный между нами своимъ безпристрастіемъ.

— У него недоброе лицо, у твоего гусара, добавилъ я.

— Все глупости! закричалъ Саша, топая ногой. — Онъ молодецъ собой и отличный офицеръ, на Кавказѣ отличался, а вы молокососы и ничего не понимаете, вотъ что!

— У! яки дурный генералъ! завизжалъ вдругъ пронзительнымъ голосомъ маленькій Опицкій и неожиданно съ налета вскочилъ ему прямо на плечи.

Саша весь побагровѣлъ, сдернулъ его съ себя одною рукой, а другою принялся бить его немилосерднымъ образомъ.

— Саша! вскрикнулъ задрожавъ Вася и кинулся къ нему.

Но Рындинъ ничего не слушалъ. Мы едва могли общими силами вырвать Опицкаго изъ его рукъ. Неисправимый шалунъ едва всталъ на ноги, весь помятый и исцарапанный, высунулъ языкъ и, потрясая худенькимъ кулачкомъ, закричалъ Сашѣ:

— Погоди, москаль! дай мнѣ вырости!

— Ребенка! безсильнаго! говорилъ Вася тихо.

Саша качнулъ головой. Ему стало совѣстно.

— Другой разъ не будешь! проговорилъ онъ еще дрожащимъ голосомъ, но уже безъ всякаго гнѣва.

— Сломить тебѣ когда-нибудь голову! замѣтилъ Опицкому Жабинъ въ видѣ наставленія.

— Что жъ! И *сломаю*, возразилъ онъ не задумавшись.

Онъ точно сломилъ ее нѣсколько лѣтъ спустя, подъ солдатскою фуражкой, въ глубокомъ ущельи Чечни...

Саша былъ еще весь взволнованъ и притомъ замѣтно не доволенъ собой. Онъ повернулся и молча пошелъ по направленію дома.

Всѣ двинулись за нимъ.

Опицкій уже скакалъ на одной ножкѣ.

— Какой безстрашный, сказалъ мнѣ Вася, глядя на него:—я такого еще не встрѣчалъ.

— И Саша безстрашный, замѣтилъ я. — Онъ ничего не боится, и добрый, только вспыльчивъ. А Опицкій извѣстный забіяка.

— Да, сказалъ Вася, — Сашу ужь такъ воспитывали. У него отецъ самъ такой... рубака, домолвилъ онъ.

— И у Опицкаго тоже, сказалъ я:—отецъ его Саррагоссу бралъ, знаете, въ Испаніи есть такой городъ?

— Знаю. Вася улыбнулся.—Какъ же это онъ ее бралъ?

Мнѣ показалось, что Вася не вѣритъ мнѣ.

— Спросите всѣхъ, всѣ знаютъ, я ужь конечно не буду лгать, увѣрялъ я его, нѣсколько обиженный, — онъ у Наполеона служилъ.

— Гдѣ же онъ теперь?

— Онъ недалеко отсюда живетъ, у Ѳомы Богдановича арендуетъ имѣніе, Селище называется, отсюда версты четыре всего, и отъ насъ близко...

Черечъ четверть часа я успѣлъ передать ему біографіи и родословныя всей нашей веселой компаніи, начиная съ самого себя, описать наши съѣзды въ Богдановскомъ по праздничнымъ днямъ, наши шумныя забавы...

До дому было съ версту. Разговаривая, мы стали мало-помалу отставать отъ прочихъ.

— Здѣсь бываетъ такъ весело всегда, говорилъ я.—Вы въ первый разъ въ Богдановскомъ?

— Я былъ здѣсь ребенкомъ, но не помню... Да, сказалъ онъ съ разстановкой,—здѣсь хорошо, есть просторъ глазамъ! Какъ широко! Прелесть!

Онъ видимо думалъ совсѣмъ о другомъ, чѣмъ я.

Онъ озирался кругомъ, на село, на лѣсъ, на поля, пропадавшія въ свѣтлой дали...

Онъ откинулъ голову назадъ; глаза его сіяли.

— За границей этого не увидишь... простора этого, договорилъ онъ, снимая съ головы фуражку и откидывая назадъ свои длинные волосы, которые вѣтромъ все относило ему на глаза.

— А вы были за границей?

— Два года слишкомъ, отвѣчалъ онъ съ замѣтнымъ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ.

— Скажите, спросилъ я,—весело за границей жить?

— Не знаю... Мы ѣздили для отца... Онъ боленъ третій годъ...

— Такъ давно! Что же съ нимъ такое?

Глаза Васи мгновенно потускнѣли; онъ отвернулся.

— Онъ безъ ногъ и безъ языка, въ параличѣ... проговорилъ онъ глухо, не смотря на меня.

— Параличъ! это ужасно! Не говорить! ничего не понимать! И я содрогнулся невольно.

— Не понимать! воскликнулъ быстро Вася, поворачиваясь ко мнѣ:—кто это вамъ сказалъ?

— Ваша матушка, чуть не отвѣтилъ я, но остановился. Я смутно понялъ, что этого не слѣдуетъ говорить ему.—Я думалъ... параличъ... пробормоталъ я.

— Папа видитъ все, понимаетъ... онъ хочетъ говорить и не можетъ... Вотъ что ужасно!...

На блѣдной щекѣ Васи засверкали слезы...

— Саша вѣрно захочетъ въ войну играть. Вы будете? сказалъ я поспѣшно, не зная, какъ разсѣять его.

„Зачѣмъ это я спросилъ его объ отцѣ," укорялъ я себя. „Какой это день сегодня вышелъ для меня несчастный!"

— Не знаю, я никакихъ игръ не знаю, отвѣчалъ онъ улыбаясь и видимо черезъ силу.

Я взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Вѣдь я одинъ: у меня нѣтъ ни братьевъ, ни сестеръ, объяснилъ онъ съ тою же улыбкой и тою же звучащею въ голосѣ грустью.

— А Саша вамъ не родня?

— Онъ мнѣ двоюродный братъ,... но мы вѣдь съ нимъ врозь живемъ.

— Двоюродный братъ! повторилъ я.—Такъ вотъ почему генералъ называлъ вашу maman сестрицей?

— Да, она родная сестра покойницѣ Сашиной матери.

— Вы и Аннѣ Васильевнѣ родня тоже?

— Отецъ мой родной племянникъ Ѳомы Богдановича, сынъ его сестры; она была замужемъ за дѣдомъ моимъ, Лубянскимъ.

— Вы теперь изъ-за границы пріѣхали? спросилъ я опять Васю.

— Да, недавно. Мы пріѣхали теперь изъ К., вмѣстѣ съ дядюшкой и Сашей.

— И этотъ офицеръ... баронъ... и онъ съ вами пріѣхалъ? старался проговорить я какъ можно равнодушнѣе.

— Да, сказалъ Вася сквозь зубы.

— Онъ служитъ у вашего дядюшки?

— Да, кажется. Онъ ѣхалъ впередъ, заготовлялъ намъ лошадей.

— Развѣ это надобно? Это его должность?

— Не знаю, отвѣчалъ онъ отрывисто и пожалъ плечами. Можетъ быть онъ и изъ удовольствія,... не знаю.

— А онъ мнѣ очень не нравится! сказалъ я по нѣкоторомъ молчаніи, между тѣмъ какъ на языкѣ такъ и вертѣлось спросить его: отчего *онъ* не любитъ гусара?

Вася быстро обернулся на меня.

Я невольно опустилъ глаза.

Не знаю, что прочелъ онъ на моемъ лицѣ, но онъ не отвѣтилъ мнѣ ни слова, и мы молча продолжали путь.

Подходя къ дому, мы услышали веселые крики и смѣхъ. Это былъ Саша, поднимавшійся на крыльцо съ толпой мальчиковъ. На его плечахъ сидѣлъ маленькій Опицкій и понукалъ его ногами, крича пискливымъ голоскомъ: „ну, ну, живѣе, въ галопъ!“ Они дорогой помирились.

VI.

Какъ пчелы на пасекѣ въ знойный день, жужжали гости въ высокой залѣ въ два свѣта, съ хорами, въ которой отбывались по большимъ днямъ пиры Ѳомы Богдановича. Въ столовой помѣщались дамы и дѣвицы. Изъ-за растворенныхъ дверей ея можно было любоваться впрочемъ эполетами генерала Рындина; они сверкали какъ-то особенно торжественно среди женскихъ платьевъ. Генералъ одинъ удостоился этой чести. Вся остальная мужская компанія собрана была въ залѣ. Въ углу, у окна, ближайшаго ко входу, отдѣльной группой собрался цѣлый полкъ учителей, гувернеровъ и дядекъ, „нашихъ просвѣтителей", какъ называлъ ихъ Саша Рындинъ, съ которымъ, сказать мимоходомъ, еще ни одинъ просвѣтитель не могъ ужиться долѣе недѣли. Между ними стоялъ и Керети. Увидѣвъ меня, онъ кивнулъ мнѣ ласково головой, но не отдѣлился отъ группы собратій, изъ которой отъ времени до времени вырывались глухіе взрывы сдерживаемаго хохота. Это потѣшалъ публику нѣмецъ-музыкантъ, жившій у Галагаевъ, маленькій человѣчекъ на дряблыхъ ножкахъ, съ серебряными очками, вѣчно спадавшими съ его крошечнаго ястребинаго носа. Настоящая фамилія его была Богенфришъ, но всѣ, даже Ѳома Богдановичъ, звали его почему-то Булкенфрессъ — прозвище, на которое онъ обыкновенно отвѣчалъ слѣдующимъ витцемъ: „да, я люблю булка, когда она свѣжая и румяная есть, какъ щеки у молодой прачка". Булкенфрессъ говорилъ на всѣхъ языкахъ и на всѣхъ одинаково дурно, но имѣлъ даръ съ невозмутимѣйшимъ хладнокровіемъ отпускать такія штуки,

отъ которыхъ эти господа чувствовали даже и на другой день колотья въ боку.

За ними вслѣдъ, скромно придерживая одной рукой у груди полу своей рясы, другою зачесывая за ухо волнистые съ просѣдью волосы и низко кланяясь еще изъ другой комнаты, вошелъ высокій и тучный священникъ.

— Ахъ, батюшка, васъ только и ждемъ, милости просимъ! воскликнулъ Ѳома Богдановичъ съ другаго конца залы, завидя его и кидаясь подъ благословеніе.

— Благочестной супругѣ вашей, Аннѣ Васильевнѣ, желалъ бы принести душевное мое поздравленіе со днемъ... началъ было священникъ.

— Покорно благодаримъ, покорно благодаримъ, батюшка, она тамъ, перебилъ его торопливо Ѳома Богдановичъ, указывая ему пальцемъ на столовую.—Да не прикажете ли тминной, батюшка?

Батюшка взглянулъ на дверь столовой, потомъ на столъ съ графинами и закуской, какъ бы соображаясь.

— Тминной я выпью, Ѳома Богданычъ, рѣшилъ онъ смиреннымъ голосомъ и кланяясь въ поясъ.

И, выпивъ рюмку, направилъ стопы свои къ новорожденной.

Ѳома Богдановичъ заковылялъ поспѣшно за нимъ.

Но изъ дверей буфета, отворившихся настежь, повалилъ въ то же время запахъ кушанья. Богунъ, все еще въ пѣвческомъ кафтанѣ, выступалъ торжественно впередъ, ведя за собою рядъ людей, которые съ трудомъ несли на большихъ блюдахъ исполинскія кулебяки.

Ѳома Богдановичъ быстро повернулся на ходу и остановилъ священника.

— Снѣдь сію благословите, батюшка, сказалъ онъ, живописно вскидывая обѣ руки по направленію блюдъ.

Священникъ обернулся къ образу.

Все кинулось къ столамъ. Говоръ смолкъ. Съ какимъ-то неистовствомъ, громко жуя и чмокая губами и держа вилки свои у самыхъ зубцовъ, принялись гости Ѳомы Богдановича за уничтоженіе его кулебякъ.

Едва успѣли мы съ Васей проглотить кусокъ пирога, какъ уже Саша торопилъ насъ.

— Полно вамъ жадничать, еще обѣдъ впереди. Они тутъ цѣлый часъ чавкать будутъ, говорилъ онъ, указывая на гостей,—а у насъ время только пропадаетъ. Пойдемте въ садъ въ войну играть.

— Давай, давай! въ войну! отозвались веселые голоса товарищей, сбѣгавшихся со всѣхъ угловъ залы на призывные знаки, которые онъ дѣлалъ имъ глазами и рукой.

— Такъ за мной, ребята, маршъ! Вася, Боря, Петя, впередъ!

Настоящею ордой, какъ говоритъ генералъ, со смѣхомъ и криками побѣжали мы въ двери, ведущія на террасу, а оттуда въ садъ.

Нѣсколько человѣкъ изъ группы „просвѣтителей" кинулись съ мѣстъ своихъ за нами въ погоню.

— Куда, господа? погодите!... не шалите!... кричали они, выбѣжавъ на террасу.

Но ихъ никто не слушалъ.

Одинъ Керети поймалъ налету брата Леву.

— Monsieur Léon, сказалъ онъ ему,—vous savez nos conventions: si vous me revenez déchiré ou sali, vous ne retournez plus à Bogdanovsk.

— Non, non, M-r Qué! увѣрялъ Лева, вырываясь изъ его рукъ, и, минуя ступеньки террасы, вылетѣлъ въ садъ однимъ прыжкомъ.

— Въ крѣпость! въ крѣпость! раздавался впереди голосъ Саши.

Крѣпость, къ которой мы прибѣжали, была небольшая четвероугольная площадка, осѣненная деревьями, вокругъ которой Ѳома Богдановичъ, по просьбѣ Саши, велѣлъ вырыть маленькій ровъ, насыпать валъ и утыкать его палисадомъ. Мы, даже не стѣсняясь, разобрали на это употребленіе сажени четыри плетня, окружавшаго садъ. Черезъ ровъ Саша перекинулъ подъемный мостъ и устроилъ у входа тяжелый шлагбаумъ, выкрашенный даже, по его указаніямъ, богдановскими малярами, тремя казенными цвѣтами. Подъ маленькою

палаткой, сложенною изъ вѣтвей, хранились наши доспѣхи, сабли и пики, небольшая мѣдная пушка и знамя, вырѣзанное изъ старой бѣлой атласной юбки, пожертвованной Анной Васильевной, и на которой Петя Золоторенко удачно намалевалъ двуглаваго орла. Саша всѣмъ этимъ очень гордился и дорожилъ.

— Давайте прежде всего жребій кидать: кому быть русскимъ, а кому туркой, распоряжался онъ. — Сколько насъ всѣхъ?

— Девятнадцать; я еще въ церкви сосчиталъ, отвѣчалъ Петя Золоторенко.

— А Людвига Антоныча считалъ?

Людвигъ Антоновичъ былъ студентъ к—го университета, жившій лѣтомъ *на кондиціи* у одного помѣщика. Онъ иногда принималъ участіе въ нашихъ играхъ и теперь очутился посреди насъ.

— Будете играть съ нами? спросилъ его Саша.

— Для чего нѣтъ? отвѣчалъ нараспѣвъ и съ сильнымъ удареніемъ на о и на первые слоги словъ, студентъ, потрясая огромными и курчавыми волосами, которые, словно черкесская шапка, мохнато вились вокругъ его головы.

— Молодецъ Людвигъ Антоновичъ! Вотъ и четное число. Ну, давайте теперь попарно на палку! чья рука выше возьметъ, тому быть русскимъ, а ниже, — ступай въ бусурманы!

Когда мы раздѣлились на партіи, причемъ было, разумѣется, не мало спора и крика, потому что большинству изъ насъ хотѣлось попасть въ русскіе, Саша скромно предложилъ было выбирать начальниковъ на голоса; но русская армія единодушно положила, что никто, какъ онъ, долженъ быть фельдмаршаломъ.

— Ну, а пашой кому быть? спросилъ онъ.

— Людвига Антоныча пашой, Людвига Антоныча! онъ всѣхъ насъ старше! закричали турки.

— Прекрасно! Согласны вы, Людвигъ Антонычъ!

— Для чего нѣтъ? отвѣчалъ тѣмъ же пѣвучимъ голосомъ студентъ.

— Отлично! такъ ступайте въ крѣпость!

— Нѣтъ, нѣтъ! раздавалось со стороны турокъ,—на палку, кому крѣпость защищать! А то туркой будь, да еще въ крѣпости сиди, нападать не смѣй! На жребій!

— Да вѣдь это противъ исторіи! возражалъ Саша,—Русскіе всегда нападали, а турки въ крѣпостяхъ сидѣли!

— Потому они дурни были! замѣтилъ Людвигъ Антонычъ.

— Все равно! На жребій, на палку! кричали голоса, даже и изъ среды русской арміи.

— А не такъ, *не хочу турчиномъ быть!* объявилъ Петя.

Рындинъ уступилъ.

— Давайте тянуть, Людвигъ Антонычъ, сказалъ онъ, подымая палку.

Студентъ взялъ полувершкомъ выше Сашиной руки.

— Въ крѣпость, Саша! въ крѣпость! закричали, торжествуя, турки.

— Пойду! сказалъ съ неудовольствіемъ Саша,—но ужь я вамъ покажу, какъ надо защищаться; азовское сидѣнье покажу я вамъ, вотъ что!

— Увидимъ, увидимъ!

Жабинъ, попавшій въ число чалмоносцевъ, неожиданно выступилъ впередъ и, предварительно ударивъ себя, что есть силы, кулакомъ въ грудь, завопилъ:

Мечъ будетъ намъ судья, но твердо уповаю,
Что чудный крѣпостью и справедливый Богъ
Поможетъ намъ сотреть гордыни вашей рогъ!

У него были готовы стихи изъ Озерова на всѣ случаи жизни.

Саша и не отвѣтилъ ему. Но студентъ, котораго, повидимому, сильно поразилъ завывающійся басъ „донской жабы“, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я учусь на медыка и могу васъ завѣрить, что вы можете современемъ умереть отъ какой другой болѣзни, только отъ чахотки никогда!

Общій хохотъ послѣдовалъ за этою выходкой. Опицкій съ радости даже ковырнулся въ травѣ.

— Ребята, мы только время теряемъ съ этимъ балагур-

ствомъ, говорилъ между тѣмъ Саша. — Людвигъ Антоновичъ, знаете-ли вы ваше мѣсто? У колодца, въ самомъ углу сада, подлѣ *баштана*, — и не смѣть идти на насъ раньше, чѣмъ займете свои мѣста! Тамъ и лагерь вамъ готовъ, — сторожка есть. Петя знаетъ.

— Знаю, знаю, отвѣтилъ Золоторенко,—не безпокойся!

Когда турки удалились, взявъ сабли и обмотавъ себѣ, по приказанію студента, носовые платки жгутомъ вокругъ головы для изображенія чалмы, Саша, педантъ своего дѣла, осмотрѣлъ кругомъ крѣпость, поставилъ пушку противъ подъемнаго моста, назначилъ караулъ и, оставивъ на площадкѣ свои главныя силы, отправился съ Васей, со мной и Левой отыскивать удобное мѣсто для форпостовъ. Мы ушли довольно далеко; Саша все оставался не доволенъ мѣстностью. Наконецъ онъ остановился на самомъ берегу озера.

— Здѣсь чудесно! воскликнулъ онъ,—здѣсь они насъ не обойдутъ. Становись, Лева, сюда въ кусты. Какъ только завидишь непріятеля, лети стремглавъ въ крѣпость доложить мнѣ, откуда идетъ онъ и въ какихъ силахъ. А вы, Боря и Вася, сюда за дерево! — и онъ указалъ намъ на большую ветлу, на противопожной окраинѣ аллеи. Въ случаѣ нападенія бѣгите мимо бесѣдки на соединеніе со мною. Они пустятся всѣ за вами,—Людвигъ Антонычъ, я знаю, плохой стратегикъ, прибавилъ съ важностью Саша,—а я тутъ-то и сдѣлаю вылазку, ударю имъ во флангъ, раздѣлю и потомъ разобью каждый отрядъ порознь! говорилъ онъ, пылая заранѣе торжествомъ будущей побѣды.

— Смотрите же, смотри, Лева, крикнулъ онъ брату, который уже усаживался въ свою засаду, — помните, что отъ вашей распорядительности зависитъ, такъ-сказать, участь русской арміи. Прощайте; надѣюсь, что отечество будетъ вами гордиться!

И онъ удалился, кивнувъ намъ покровительственно головой.

— Багратіонъ! хихикнулъ ему вслѣдъ Лева, выставляя изъ кустовъ свою лукавую рожицу.

— Не шали, Лева! закричалъ я ему.

Онъ живо юркнулъ и исчезъ въ зелени.

— Что же мы будемъ дѣлать? спросилъ меня Вася.

— Ждать непріятеля.

— И это долго будетъ?

— Не знаю: можетъ быть, онъ и совсѣмъ не пойдетъ сюда.

— Такъ для чего же насъ поставили?

— Для предосторожности.

— Опытный, какъ видно, воинъ Саша! сказалъ онъ, разсѣянно улыбаясь.

— Хотите, я васъ буду называть *ты*, и вы меня тоже? спросилъ я его вдругъ, самъ не понимая, какъ это у меня вырвалось.

— Благодарю васъ, хочу... благодарствуй! поправился онъ и покраснѣлъ.

— Хотѣлъ-ли бы ты быть въ настоящемъ сраженіи, Вася? поспѣшилъ я спросить его, боясь, чтобы разговоръ не оборвался на этомъ „благодарствуй".

— Въ сраженьи? повторилъ Вася, садясь на траву. — Нѣтъ! Раны, кровь, рѣжутъ руки и ноги, проговорилъ онъ медленно и вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ, какъ будто всѣ ужасы войны представлялись ему въ это время.—Лучше всего, если убьютъ разомъ.

— Лучше, если не убьютъ и побѣдишь!

— Богъ знаетъ! отвѣчалъ онъ тихо, какъ бы про себя, и затѣмъ тотчасъ же поднялъ голову, взглянулъ на меня и улыбнулся.

Лева въ это время выглянулъ опять изъ кустовъ.

— Боря, Боря! звалъ онъ шепотомъ и маня меня рукой.— Погляди сюда!

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ его засады, на половину вытащенная на берегъ, подымала корму свою большая восьмивесельная лодка, въ которой Ѳома Богдановичъ прогуливалъ иногда вечеромъ гостей своихъ по озеру. Она вытащена была вѣроятно для починки, потому что вся разсѣлась отъ жары, и большія щели сквозили въ ней на солнцѣ.

— Я влѣзу туда, говорилъ Лева, и побѣжалъ къ лодкѣ.

— Полѣзешь и упадешь! кричалъ я ему.

Но Лева уже подкатилъ къ лодкѣ какую-то колоду, валявшуюся на берегу, поставилъ ее стоймя, взгромоздился на нее, уцѣпился обѣими руками за бортъ и очутился въ лодкѣ.

— У-а? какъ славно смотрѣть! кричалъ онъ оттуда,—теперь я ихъ ни за что не пропущу. Вотъ я влѣзъ! обратился онъ ко мнѣ, прыгая по скамьямъ и трубя въ кулакъ какой-то маршъ.

Я бы могъ урезонить его, уговорить вылѣзть изъ лодки, но мнѣ было не до Левы. Я думалъ о моемъ новомъ товарищѣ. Его улыбка не обманула меня. Я понималъ, что въ его послѣднихъ словахъ высказывалась его задушевная, безотрадная мысль. Но самъ я до этихъ поръ не испытывалъ горя, и мнѣ трудно было понять въ другомъ его постоянное, ноющее безъ умолку присутствіе.

„Какой онъ странный мальчикъ!“ говорилъ я себѣ,—„неужели же лежать въ душномъ, тѣсномъ гробу, подъ тяжелою землей,“—и я вздрогнулъ, невольно думая объ этомъ,—„лучше, чѣмъ жить, дышать этимъ вольнымъ воздухомъ?...“

Я взглянулъ кругомъ себя. День былъ такъ свѣтелъ, небо такъ сине! Блестящія капли, слѣды ночной грозы, еще дрожали на яркой листвѣ... Въ воздухѣ пахло каприфоліемъ и бѣлою акаціей...

— Взгляни-ка, Вася, какъ здѣсь хорошо! сказалъ я, переходя къ нему.

— Да, хорошо, отвѣчалъ онъ, не перемѣняя положенія.

Онъ лежалъ на спинѣ, закинувъ руки за голову, и глядѣлъ на небо.

— Какъ чудесно облака плывутъ, сказалъ онъ, — точно корабли по морю.

Я легъ въ траву подлѣ него и сталъ смотрѣть.

Бѣлыя, пушистыя облака бѣжали по синему небу. Они то свивались, то расходились и таяли, образуя безпрестанно новыя, измѣнчивыя очертанія.

— Корабль покончился, говорилъ Вася, — жаль! А тамъ, гляди, какія горы! И на нихъ точно башни пошли, а внизу цѣлый лѣсъ. Надъ Рейномъ я видѣлъ такіе старые замки...

— Вотъ звѣрь какой-то, налѣво, налѣво! закричалъ я,

увлекаясь этою причудливою и заманчивою игрой, — заяцъ, заяцъ! И уши поднялъ!...

— А посмотри, какъ красиво орелъ летитъ!

Я взглянулъ по направленію его руки. Онъ указывалъ на черную точку, мелькавшую въ вышинѣ и медленно опускавшуюся внизъ.

— Какъ хорошо ему тамъ! продолжалъ Вася.

Орлу дѣйствительно казалось хорошо *тамъ*. Онъ не леталъ, а словно нѣжился, купаясь въ свѣжихъ волнахъ лазури и едва замѣтно колыхаясь на тонкихъ оконечностяхъ своихъ широко распластанныхъ крыльевъ. Мы долго имъ любовались. Безконечною цѣпью проходили надъ нимъ облака, а онъ все чернѣлъ неподвижно въ воздухѣ, точно гордясь своей силой и свободой.

— Летаетъ себѣ подъ небомъ, заговорилъ опять Лубянскій:—ничего не знаетъ, что здѣсь дѣлается! промолвилъ онъ съ какимъ-то внезапнымъ порывомъ.

— Да, а слетитъ, такъ маленькихъ птицъ душитъ, замѣтилъ я, вспоминая какъ при мнѣ, однажды, въ нашемъ оврагѣ, ястребъ терзалъ бѣднаго голубенка.

— Мнѣ кажется, воскликнулъ Вася,—будь у меня...

Орелъ вдругъ поджалъ крылья и, ринувшись камнемъ съ высоты, исчезъ гдѣ-то вдали за озеромъ.

Вася замолкъ.

А облака, то свиваясь опять, то расходясь и тая, все бѣжали, будто спѣша, будто чья-то невидимая рука гнала ихъ куда-то далеко, къ какой-то таинственной цѣли...

— Куда спѣшите вы?... началъ было я и, обернувшись къ товарищу:

— Скажи мнѣ, Вася, спросилъ я его,—ты никогда не сочинялъ стиховъ?

— Нѣтъ, не сочинялъ, отвѣчалъ онъ, съ удивленной улыбкой,—а ты?

— Вася, я скажу тебѣ по секрету, но, ради Бога, не говори никому. Я сочиняю, но не смѣю никому показывать. Папа смѣется надъ этимъ. Онъ говоритъ всегда, что ему было

бы пріятнѣе видѣть меня будочникомъ, чѣмъ жрецомъ музъ,— это его выраженіе.

Вася пристально взглянулъ на меня.

— Скажи мнѣ, сказалъ онъ, — тебя отецъ твой очень любитъ?

— Отецъ мой? Конечно! Онъ всегда *насмѣхается* надо мной... но у него ужь такой характеръ. А онъ всѣхъ насъ любитъ.

— А твоя мать?

— Maman? воскликнулъ онъ:—любитъ ли меня? Да еще какъ, Вася!

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Сколько разъ, заговорилъ я, снова возвращаясь къ любезному мнѣ предмету,—сколько разъ старался я сочинить стихи про облака, какъ они плывутъ, и куда? зачѣмъ?... Но нѣтъ, ничего у меня не выходихъ, такая досада! Я было такъ началъ: куда спѣшите вы?... А дальше? Дальше никакъ не выходитъ у меня стиха...

— Если самъ не можешь, сказалъ Вася,—такъ переведи вотъ эти стихи:

Eilende Wolken, Segler der Lüfte,
Wer mit euch wanderte, mit euch schiffte,
Grüsset mir freundlich mein Jugendland!

— Ахъ, какъ это хорошо! Что это такое? перебилъ я его.

— Это изъ Шиллера трагедіи: *Maria Stuart*.

— Maria Stuart, reine d'Ecosse, проговорилъ я машинально и скороговоркой.—Но дальше есть? Говори, Вася!

Ich bin gefangen, ich bin in Banden
Ach, ich hab keinen andern Gesandten!
Frei in Luften ist eure Bahn,
Ihr seid nicht dieser Königin unterthan...

продолжалъ онъ.

— Ахъ, какая прелесть! Скажи еще разъ, прошу тебя, еще разъ!

— Тебѣ нравится? Я очень радъ, сказалъ онъ и повторилъ стихи еще разъ.

— Бѣдная! воскликнулъ я:—какъ ее эта гадкая Elisabeth d'Angleterre мучила!...

— Ты не читалъ *Марію Стюартъ* Шиллера? спросилъ Вася.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, неожиданно сконфузясь, — я изъ Шиллера знаю только *Die Glocke*. У насъ только въ городѣ нѣмецкій учитель ходитъ, объяснилъ я, считая необходимымъ извиниться.—Но я *Histoire d'Ecosse par Walter Scott* читалъ. Тамъ даже сказано: Marie Stuart, cette reine aussi illustre par ses infortunes que par le charme...

Но Вася не слушалъ моихъ извиненій. Онъ, видимо, о другомъ думалъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а я какъ теперь вижу его милое лицо, его темносиніе глаза, казавшіеся еще темнѣе изъ-подъ длинныхъ его рѣсницъ, задумчиво обращенные къ небу.

— Какъ ее всѣ любили! промолвилъ онъ медленнымъ голосомъ,—сколько людей умерло за нее, а она...

— Марія Стюартъ? спросилъ я.—ну, такъ что же?

— Она своего мужа позволила убить, сказалъ еще медленнѣе и тише Вася, не глядя на облака.

— Да! а ее всѣ любили! вспомнилъ я, пораженный этой мыслью и какъ будто не читалъ уже объ этомъ, и даже очень недавно.

Топотъ, крики и смѣхъ прервали разговоръ нашъ на этомъ мѣстѣ. Мы вскочили на ноги, не понимая, что случилось. Оба мы были далеко отъ дѣйствительности въ эту минуту.

— Это турки! вскрикнулъ я первый.—Въ крѣпость, Вася, въ крѣпость скорѣе!

Но мы не успѣли и тронуться: чалмоносцы съ гикомъ окружили насъ. Бѣжать къ Сашѣ не было уже никакой возможности.

— Господа! вы военноплѣнные! закричалъ, подбѣгая къ намъ, Людвигъ Антоновичъ, который былъ очень смѣшонъ въ фуражкѣ, надѣтой козырькомъ на затылокъ и обмотанной распустившимся носовымъ платкомъ, съ какою-то погнутою и ржавою шпагой въ рукѣ.

Мы сдались безпрекословно.

— Хотите-ли, чтобъ я вамъ велѣлъ руки и ноги повязать, *дабы* предупредить бѣгство, спросилъ студентъ своимъ хладнокровнымъ и пѣвучимъ голосомъ, — или предпочитаете быть плѣнными на слово *гонору*?

— На честномъ словѣ! сказалъ я за себя и за Васю.

— Хорошо! и, обращаясь къ своему войску, произнесъ съ такимъ выраженіемъ достоинства, что всѣ мы расхохотались: —Господа, я отпускаю сихъ воиновъ на шляхетское слово! А теперь, продолжалъ онъ, не надо терять времени. Эффенди Золоторенко!

Петя, отличавшійся пучкомъ метлы, колебавшимся, въ видѣ султана, надъ его чалмой, почтительно подошелъ къ своему пашѣ.

— Я объявляю вамъ, эффенди, сказалъ тотъ,—что иду со всей арміей поражать русскаго фельдмаршала, а вамъ поручаю взять три эскадрона, то-есть три человѣка, прибавилъ онъ все такъ же торжественно, — и завладѣть симъ безпечнымъ русскимъ отрядомъ.

И онъ указалъ на лодку.

Тутъ только понялъ я, отъ чего мы такъ постыдно захвачены были въ плѣнъ непріятелемъ. Лева, на быстрыя ноги котораго Саша возлагалъ такія надежды, отъ котораго „зависѣла, такъ сказать, участь русской арміи“,— Лева ничего не видалъ и не слыхалъ изъ того, что происходило вокругъ него. *Русскій отрядъ* спалъ глубокимъ сномъ на передней скамьѣ лодки, свѣсивъ ноги за бортъ.

Студентъ повелъ свое войско по большой аллеѣ, потрясая шпагой и восклицая: Аллахъ, машаллахъ, теремъ тетемъ!

Петя, Опицкій и двое другихъ мальчиковъ кинулись къ лодкѣ.

— У! у! въ плѣнъ, въ плѣнъ, сдавайся! кричали они.

Лева проснулся, поднялъ голову и быстро вскочилъ на ноги.

— Боря, Вася, помогите, турки! кричалъ онъ, метаясь въ всѣ стороны, какъ звѣрокъ, попавшійся въ ловушку.

— Они тебѣ не помогутъ, они сами военноплѣнные, говорилъ Золоторенко:—сдавайся! вылѣзай!

— Не вылѣзу! не сдамся! кричалъ братъ, раскачивая, что было силы, лодку ногами.

— А я тебя возьму! взвизгнулъ Опицкій, уцѣпляясь за бортъ.

Лева ударилъ его по рукамъ изо всей мочи. Опицкій невольно отскочилъ.

— Придите-ка, возьмите! крикнулъ братъ, весь пылая и все болѣе и болѣе горячась.

Опицкій съ проворствомъ котенка зацѣпился опять за бортъ и, съ помощью одного изъ товарищей, поднявшаго его за ноги, вскарабкался въ лодку и схватилъ брата за волосы.

Дѣло кончилось бы непремѣнно дракой, еслибы при этомъ не случилось неожиданное происшествіе.

Лодка, раскаченная Левой и подталкиваемая мальчиками, пришла незамѣтно въ движеніе, и въ ту минуту, когда Опицкій вскочилъ въ нее, съѣхала неожиданно съ берега въ воду.

Мы всѣ вскрикнули отъ испуга, но лодка не пошла далѣе; ее удержала желѣзная цѣпь, прикрѣпленная къ колу, вбитому въ берегъ.

Опицкій быстро выскочилъ изъ нея и очутился на пескѣ благополучно; но Лева, стоявшій на самомъ носу лодки, потерялъ равновѣсіе и упалъ въ воду.

Мѣсто было не глубокое, и онъ вскочилъ на ноги прежде, чѣмъ мы успѣли броситься къ нему на помощь. Онъ вскочилъ бодро и смѣясь, но, увидя вдругъ, что съ его новой курточки льется ручьями мутная вода, а бѣлые панталоны превратились въ грязную тряпку, онъ вскрикнулъ:

— Ахъ! что будетъ мнѣ онъ m-r Керети! и залился слезами.

Въ это время показался въ аллеѣ бѣгущій опрометью Саша Рындинъ. Онъ весь, казалось, былъ огонь и негодованіе; глаза его сверкали, и издали еще онъ потрясалъ кулакомъ со злости. Да и въ самомъ дѣлѣ было ему изъ чего разсердиться: хорошо вышло его Азовское сидѣнье! Турецкая армія наскочила на крѣпость его врасплохъ, пока онъ со своимъ войскомъ, въ ожиданіи извѣстій отъ Левы, забрался подъ шалашъ и повѣствовалъ о бѣгствѣ французовъ за Бе-

резину. Людвигъ Антоновичъ, какъ разсказывали потомъ мальчики, распорядился очень ловко. Онъ вошелъ съ своими въ крѣпость тихо и незамѣтно, кинулся разомъ на шалашъ, придавилъ его, да и накрылъ такимъ образомъ разомъ все Сашино войско; а затѣмъ турки принялись таскать поодиночкѣ русскихъ воиновъ за ноги, изъ-подъ вѣтвей шалаша, какъ цыплятъ изъ корзины. Война кончилась безъ боя. Саша былъ униженъ до глубины души; онъ, говорили, чуть не рыдалъ. Внѣ себя, пылающій гнѣвомъ, онъ бѣжалъ теперь вымѣщать стыдъ своего пораженія на томъ, кого болѣе всѣхъ почиталъ виновнымъ въ немъ.

— А! а! скверный мальчишка! кричалъ онъ, добѣжавъ до берега, прерывающимся голосомъ, — такъ-то ты!... такъ-то? я тебѣ поручалъ, а ты!... погоди, погоди!

Онъ кинулся было на Леву.

— Не смѣй его трогать! закричалъ я, между тѣмъ какъ Вася, предупредивъ меня, ухватывалъ его за обѣ руки.

— Онъ упалъ въ воду! закричали въ одинъ голосъ товарищи.

— Онъ храбрый вояка! съострилъ бутузъ Золоторенко,— съ храбрости ажно въ болото полѣзъ!

Лева не обращалъ вниманія на пылъ своего военачальника; онъ только глядѣлъ на вымокшіе свои панталоны и продолжалъ плакать.

— Ну, что ты разревѣлся, дрянь эдакая! закричалъ Саша.—Перестань плакать, баба!

— Я не баба, отвѣчалъ сквозь слезы обиженный братъ.— я не баба; меня въ плѣнъ не взяли! Турки столкнули лодку въ воду, я и упалъ, а они меня не взяли.

— А зачѣмъ ты лазилъ въ лодку? говорилъ Саша: — кто тебѣ приказывалъ?...

— Оттуда было хорошо смотрѣть; только я уснулъ, отвѣчалъ братъ, захлебываясь слезами.

— Да полно же плакать, говорятъ тебѣ! кричалъ на него Рындинъ; но уже не гнѣвъ, а скорѣе то, что онъ не могъ видѣть равнодушно слезъ бѣднаго мальчика, слышалось въ его голосѣ.

— Вѣдь у меня здѣсь нѣтъ другаго платья, оправдывался Лева.—m-r Керети накажетъ меня, и въ другой разъ меня не возьмутъ въ Богдановское. Ни за что не возьмутъ, я ужь знаю! повторялъ онъ съ отчаяніемъ.

— Ничего, высохнешь на солнцѣ, сказалъ кто-то.

— Надо вымыть прежде всего панталоны въ чистой водѣ; они совсѣмъ зеленые, говорилъ другой.

— Хочешь, я ихъ надѣну? предложилъ Опицкій, — а ты мои возьми.

— Твои панталоны мнѣ до колѣнъ, отвѣчалъ братъ,—ты такой каплюшка.

— Каплюшка! фурсикъ! сусликъ! завизжали при этомъ случаѣ на Опицкаго разные голоса.

— Господа, кто-то идетъ! возгласилъ одинъ изъ мальчиковъ.

Въ большой аллеѣ показалось женское платье; оно подвигалось по направленію къ озеру.

— Бѣги, Лева, спрячься! закричалъ ему тотъ же голосъ.

— Вздоръ! воскликнулъ вдругъ Саша Рындинъ. — Что за прятанье такое! Стыдно! Лева, ни съ мѣста!

— Это тетушка, сказалъ Вася,—она идетъ сюда.

Всѣ мы, а Саша впереди всѣхъ, побѣжали къ ней навстрѣчу.

— Анна Васильевна, сказалъ онъ прямо,—мы играли въ войну; Лева упалъ въ воду. Виноватъ въ этомъ я, но онъ боится своего Керети, потому что Керети противный и не возьметъ его въ другой разъ въ Богдановское. Выручите насъ, Анна Васильевна!

— Ахъ, Боже мой, бѣдный Лева! Гдѣ онъ?

Лева глядѣлъ такимъ тощимъ и жалкимъ въ своей прилипшей къ тѣлу мокрой одеждѣ, что Анна Васильевна не могла не улыбнуться, увидя его.

— Бѣдняжечка, а какъ же ты вымочился! заботливо сказала она.—Пойдемъ скорѣе со мной.

И, не думая о томъ, что могла сама выпачкать свое платье, она обняла брата за шею и пошла къ дому.

— А глядите-жь, дѣти, говорила она, улыбаясь, — чтобы не встрѣтиться намъ съ какимъ изъ вашихъ учителей?

— Нѣтъ, имъ теперь не до того, отвѣчалъ Саша.—Булкенфрессъ имъ про Блюхера разсказываетъ и, вѣрно, все вретъ, нѣмецъ!...

— Ахъ, Саша, зачѣмъ вы это говорите? замѣтила Анна Васильевна, качая головой.

— Право, Анна Васильевна, повѣрьте мнѣ; эти французы и нѣмцы всѣ лгуны и неблагодарные. А кто спасъ Европу въ 1813 году? Россія—это всѣ знаютъ.

— Конечно, конечно, Россія; только зачѣмъ вы обижаете бѣднаго человѣка?

Между тѣмъ мы подвигались впередъ; половина сада была уже пройдена благополучно, какъ вдругъ изъ боковой аллеи вышли намъ наперекрестъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ былъ самъ грозный Керети.

Всѣ перепугались, не исключая и Анны Васильевны. Она даже поблѣднѣла, но не потеряла присутствія духа.

— Левушка, ховайся скорѣй за меня, а вы, дѣти, становитесь кружкомъ, ко мнѣ тѣснитесь, чтобы Леву не увидали...

Мы быстро сомкнулись вокругъ нея и убавили шагу. Братъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, съежившись и наклонивъ голову, шелъ за Анной Васильевной, крѣпко держа ее за платье.

Когда мы поровнялись съ Керети и его товарищемъ, Анна Васильевна остановилась. Мы прижались еще ближе другъ къ другу. Одинъ Саша отошелъ нѣсколько въ сторону и, смѣло глядя въ лицо гувернера, бренчалъ о сапогъ саблей, которая еще висѣла у него на боку.

— Vous voilà, madame, en véritable Charité, entourée d'enfants, сказалъ галантерейный французъ, вѣжливо кланяясь хозяйкѣ.—Mais je n'y vois point un de mes élèves, промолвилъ онъ, погружая быстрый и проницательный взоръ въ нашу толпу. Où est Léon, messieurs, s'il vous plait?

— Нѣтъ его здѣсь! отвѣчалъ ему за всѣхъ Саша, отрывистымъ и рѣзкимъ тономъ.

— Niet, niet, ce n'est pas là une réponse à donner, messieurs, сказалъ обидчивый французъ, не глядя на Сашу и

обращаясь ко всѣмъ вообще.—Où est Léon, je vous le demande encore?

Бѣдный Лева въ это время судорожно дергалъ платье Анны Васильевны.

— Нѣтъ-ли его въ бесѣдкѣ, въ голубой бесѣдкѣ, тамъ? сказала она запинаясь и не смѣя двинуться, чтобы не открыть виновнаго за своей спиной.

— Et pourquoi serait-il là tout seul, madame? продолжалъ неугомонный гувернеръ, глядя ей подозрительно въ глаза. Онъ, видимо, догадывался, что дѣло не чисто.

Анна Васильевна покраснѣла. Ей было стыдно лгать, а съ другой стороны понятно было, что ее обижали эти разспросы.

— М-г Керети, а прошу же васъ, сказала она съ внезапною рѣшимостью и дрожа, такъ дорого стоила ей эта рѣшимость,—прошу же васъ, оставьте; завѣряю васъ, что Лева ничего дурнаго не сдѣлалъ. Зачѣмъ мѣшать дѣтскому веселью? на то у нихъ годы такіе...

Французъ молча и сухо поклонился ей и, повернувъ въ сторону, отправился съ товарищемъ дослушивать, вѣроятно, разсказы Булкенфресса—о Блюхерѣ, какъ увѣрялъ Саша Рындинъ.

Когда они скрылись изъ виду, Лева кинулся цѣловать свою спасительницу, а Саша подошелъ къ ней и сказалъ своимъ твердымъ и честнымъ голосомъ:

— Вы просто ангелъ, Анна Васильевна!

Добрая Анна Васильевна чуть-ли не была всѣхъ насъ счастливѣе въ эту минуту.

Дойдя до дому, она увела Леву къ себѣ въ комнату и уложила въ собственную постель, въ ожиданіи, пока вымоются и высохнутъ его панталоны и куртка. Къ обѣду онъ явился такимъ щеголемъ, что Керети даже сомнительно покачалъ головой, когда увидѣлъ его, но вѣроятно почелъ за лучшее не ставить ему вопросовъ по этому поводу, а промолчалъ, какъ бы ничего не подозрѣвая.

VI.

Вернувшись въ домъ, мы разбрелись въ разныя стороны. Вася куда-то скрылся, и такъ скоро, что я и не замѣтилъ этого въ первую минуту. Саша, все еще съ досадой на лицѣ, вслѣдствіе своихъ военныхъ неудачъ, усѣлся въ пустой залѣ, рядомъ съ курившимъ тамъ одиноко ротмистромъ Гольманомъ, командиромъ гусарскаго эскадрона, стоявшаго на квартирахъ въ Богдановскомъ. Это былъ человѣкъ уже не молодой, худой и длинный, съ длинными усами, котораго Булкенфрессъ прозвалъ „командоромъ“ за его невозмутимое хладнокровіе и молчаливость. Саша одинъ умѣлъ расшевеливать его какими-то военными разспросами.

Во всѣхъ другихъ комнатахъ играли въ карты. Петя Золоторенко усѣлся подлѣ отца своего, тучнаго и добродушнаго помѣщика съ четвероугольною лысою головой; онъ, по-видимому, жилъ съ сыномъ на самой короткой, пріятельской ногѣ,— показывалъ ему карты, совѣтовался съ нимъ и, наконецъ, послѣ какой-то неудачной сдачи посадилъ его играть на свое мѣсто.

Побродивъ одиноко по комнатамъ, я пошелъ въ гостиную, думая найти въ ней Васю. Я скучалъ безъ него; его уже не доставало мнѣ и мнѣ было досадно, чуть не обидно, что онъ ушелъ, не сказавъ мнѣ—куда. Но Васи въ гостиной не было. Нѣсколько дамъ и дѣвицъ одиноко и чинно сидѣли тамъ кружкомъ, шушукая между собой, за отсутствіемъ кавалеровъ, и посмѣиваясь изрѣдка отрывчатымъ и пискливымъ смѣхомъ.

Отдѣльно отъ нихъ, на диванѣ, у окна, помѣщалась Любовь

Петровна; ее окружали человѣка четыре молодыхъ людей, военныхъ, между которыми я тотчасъ замѣтилъ ненавистнаго мнѣ Фельзена.

Она сняла шляпку, шаль. Бѣлое кисейное платье съ голубыми бантами сбиралось вокругъ ея тонкой таліи такими легкими, красивыми складками. Волосы вились все въ томъ же миловидномъ безпорядкѣ вокругъ ея прелестнаго лица. Она мнѣ показалась чуть ли еще не моложе, чѣмъ на первый взглядъ. Маленькая ея ножка въ тонкомъ сквозномъ чулкѣ покоилась, вся напоказъ, на маленькой скамейкѣ, отставленной довольно далеко отъ дивана.

Она смотрѣла по направленію къ двери, когда я вошелъ въ комнату. Глаза мои встрѣтились съ ея глазами. Я вдругъ почувствовалъ, что сердце у меня снова забилось, какъ въ церкви, что я снова краснѣю по самыя уши.

„Что же это такое наконецъ? Когда же это кончится?“ говорилъ я себѣ почти съ отчаяніемъ, быстро поворачивая назадъ. Первою мыслью моею было бѣжать, бѣжать скорѣе.

Къ моему ужасу, я услышалъ, что она зоветъ меня.

— Молодой человѣкъ, куда вы?

Я замеръ на мѣстѣ, совершенно растерявшись. Она произнесла это такъ громко, что вся гостиная обернулась на меня, а я чувствовалъ, что ноги мои просто не идутъ.

— Что же вы? сказала Любовь Петровна съ такимъ настойчивымъ и удивленнымъ выраженіемъ, что нельзя было не повиноваться и слѣдовало это сдѣлать какъ можно скорѣе.

Я перемогъ себя и подошелъ къ ней.

— Вы меня боитесь? сказала она.

Я не краснѣлъ уже, я блѣднѣлъ отъ смущенія.

— Вы меня боитесь? повторила она, смотря мнѣ въ глаза и какимъ-то мягкимъ, проникающимъ голосомъ.

Трепетъ пробѣжалъ у меня по спинѣ, но это былъ сладкій трепетъ; музыка иной разъ производила на меня это впечатлѣніе.

Я рѣшился взглянуть на нее. Она прищурилась и глядѣла на меня, откинувъ голову на бокъ и улыбаясь своею, все еще насмѣшливою и вмѣстѣ съ тѣмъ неотразимою, улыбкой.

— Нѣтъ-съ, напротивъ! вырвалось у меня неожиданно.

„Что я сказалъ!“ проносилось между тѣмъ въ головѣ моей. Руки мои холодѣли. „Зачѣмъ она на меня такъ смотритъ?“ думалъ я.

— Vous vous décidez donc enfin à être aimable! сказала она, разсмѣявшись и повернувшись ко мнѣ всѣмъ лицомъ, точно хотѣла сказать: „смотри на меня въ волю, я не мѣшаю...“

„Еслибъ она велѣла мнѣ теперь кинуться въ самую средину озера, вѣдь я бы кинулся!“ подумалъ я.

И вдругъ, по странному сближенію мысли, пришли мнѣ на память слова Васи: „Сколько людей умерло за нее!“ сказанныя имъ о шотландской королевѣ, между тѣмъ какъ я съ какимъ-то томительнымъ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя тонкій и слабый запахъ духовъ, вѣявшій отъ Любови Петровны.

— Вы познакомились съ Васей? Понравился ли онъ вамъ? спросила она меня.

— Я его люблю! вырвалось у меня громко въ отвѣтъ, а хотѣлось прибавить: и за него, и за то, что онъ вашъ сынъ!

— Уже? Какъ скоро! сказала она, разсмѣвшись и глядя не на меня, а на Фельзена.

— „Чему же она удивляется?“ спросилъ я себя, нѣсколько озадаченный. „Ничего тутъ удивительнаго нѣтъ!..“

— Въ эти счастливые годы можно безнаказанно признаваться въ своихъ чувствахъ, промолвилъ гусаръ, взглянувъ на нее глазами, засверкавшими какъ пламя.

Она отвернулась, слегка усмѣхнувшись; Фельзенъ улыбался тоже, и какою двусмысленною улыбкой!

„Еслибъ я былъ царемъ, я бы его сейчасъ же послалъ казнить!“ подумалъ я, съ ненавистью взглянувъ на него.

— Я вамъ буду очень благодарна, если вы мнѣ растормошите моего сына, сказала мнѣ Любовь Петровна. — Онъ у меня такой дикій!

— Онъ сейчасъ игралъ съ нами, отвѣчалъ я.

— А! я очень рада, разсѣянно промолвила она, поправляя бантикъ на своемъ платьѣ.—Во что же это?

— Въ войну!

— Въ войну? повторилъ Фельзенъ, смѣясь.—Узнаю моло-

даго Рындина! Онъ навѣрное былъ у васъ предводителемъ? И побѣдилъ конечно?

Я не отвѣчалъ ему.

— Такъ вы побѣдили? повторила Любовь Петровна.

— Нѣтъ-съ, насъ съ Васей въ плѣнъ взяли.

— И вамъ не стыдно въ этомъ признаваться? вмѣшался опять Фельзенъ, обращаясь ко мнѣ съ любезною улыбкой, которая показалась мнѣ крайне для меня обидною.

— Отъ чего же стыдно? Стыдно только дурное дѣлать, а я ничего дурнаго не сдѣлалъ! возразилъ я, весь вспыхнувъ, и дерзко, какъ въ церкви, взглянулъ ему въ лицо.

„На этотъ разъ не отвернешься!“ сказалъ я себѣ, торжествуя въ душѣ.

Онъ дѣйствительно не отвернулся, — взглянулъ на меня прищурясь и проговорилъ насмѣшливо: „Истина, достойная всякой похвалы!“

Я поклонился Любови Петровнѣ и пошелъ изъ гостиной

Проходя мимо кружка дамъ, я съ удивленіемъ услышалъ тихо, но явственно произнесенное: „браво!“ Дамы кивали мнѣ, улыбаясь, головой; одна изъ нихъ даже зааплодировала кончиками пальцевъ. „Всѣмъ противенъ этотъ нѣмецъ“! подумалъ я, — „а онъ еще смѣетъ глупыя шуточки отпускать“.

Въ дверяхъ я услышалъ, что Любовь Петровна говорила:

— J'aime son petit air paladin.

„Отъ чего же paladin?“ сказалъ я себѣ, пожимая плечами, не чувствуя себя, впрочемъ, нисколько оскорбленнымъ этими словами: напротивъ.

Но, не смотря на эти лестныя одобренія, не смотря на то, что имѣлъ случай *отдѣлать* моего врага, и предъ *ней*, и даже услышать, что ей нравится mon petit air paladin, я въ сущности доволенъ былъ только тѣмъ, что это уже кончилось, что я не стою уже передъ нею, блѣднѣя и краснѣя подъ ея обаятельнымъ, но страшнымъ, но волнующимъ взглядомъ. „Лучше подальше“, говорилъ мнѣ внутренній голосъ, между тѣмъ какъ я еще весь трепеталъ отъ этихъ новыхъ для меня ощущеній и, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, готовъ былъ кинуться въ озеро по ея первому слову.

VII.

Черезъ полчаса колоколъ на дворѣ звонилъ къ обѣду. Богунъ съ своею свитой пронесъ торжественно закуску по длинному ряду комнатъ. Изо всѣхъ угловъ подымались гости: дамы выходили изъ гостиной. Нескончаемою вереницей потянулись пары къ столу. По витой лѣстницѣ спускалась съ верхняго этажа, въ которомъ жила Галечка съ своею гувернанткой, толпа смѣющихся дѣвочекъ.

— Боря, съ утра не видались! услышалъ я подлѣ себя тоненькій голосъ сестры.—Зачѣмъ не пришелъ ты къ намъ на верхъ? мы тебя ждали. И Настя, обнимая меня, лукаво поглядывала на Галечку.—А отъ чего ты не веселъ? спросила она вдругъ, заботливо глядя на меня.—Ты здоровъ?

— Здоровъ и веселъ, ты напрасно безпокоишься, Настя! отвѣчала ей за меня Галечка, быстро взглянувъ мнѣ въ лицо своими проницательными сѣрыми глазами. Мое разсѣянное выраженіе вѣроятно не понравилось ей, потому что она тотчасъ же отвернулась и обратилась, улыбаясь, съ какимъ-то вопросомъ къ Жабину, очутившемуся подлѣ нея.

Жабинъ весь вспыхнулъ отъ удовольствія.

Надо сказать, что Жабинъ былъ моимъ соперникомъ. Онъ *обожалъ* Галечку и злобно ревновалъ ее ко всѣмъ намъ. Онъ впрочемъ ее и побаивался настолько же, насколько и обожалъ, и по цѣлымъ часамъ молчалъ, вздыхая въ ея присутствіи до тѣхъ поръ, пока она не приглашала его сказать „какіе-нибудь стишки“. Тогда онъ немедленно приходилъ въ телячій восторгъ и начиналъ вдругъ выть изъ „Фингала“:

Цвѣтя, о красота Мовны,
Какъ въ утро, раннею весной,
Цвѣтутъ прелестныя долины
Благоуханной красотой, --

не замѣчая, что лукавыя дѣвочки визжали отъ смѣха, глядя на его неистовыя движенія и круглые глаза, которые въ это время закатывались у него подъ самый лобъ.

Но я уже былъ совершенно равнодушенъ къ тому, улыбается или не улыбается Галечка Жабину.

Глаза мои безпокойно слѣдили за пестрою толпой, проходившею мимо насъ.

— Не видалъ-ли ты Васю? спросилъ я моего соперника.

— Какого Васю? отвѣчалъ мнѣ Жабинъ черезъ плечо. (Вотъ что значила Галечкина улыбка!)

— Васю Лубянскаго.

— А! новаго твоего друга? хихикнулъ онъ. — У него новый другъ завелся, повторилъ Жабинъ, умильно взглянувъ на Галечку,—съ утра не разставались...

— Какъ скоро! сказала Галечка почти съ тѣмъ же лѣниво-насмѣшливымъ видомъ, съ какимъ произнесла тѣ же слова Любовь Петровна, когда я сказалъ ей, что люблю ея сына.

И, обнявъ Настю за талію, прошла въ залу, не взглянувъ на меня. Жабинъ поспѣшилъ за ними, немилосердно скрипя сапогами. Саша увѣрялъ, что онъ нарочно заказываетъ себѣ сапоги „съ курантами".

„Elles sont toutes les mêmes, les femmes!" сказалъ я себѣ и вслѣдъ затѣмъ подумалъ: „какія это у меня сегодня все новыя и глубокія мысли приходятъ въ голову!"

Подали супъ, а Васи все не было. Потерявъ надежду обѣдать рядомъ съ нимъ, я усѣлся подлѣ Пети Золоторенко, предложившаго мнѣ помѣститься за одинъ изъ маленькихъ столиковъ, разставленныхъ вдоль главнаго, у каждаго изъ оконъ залы. Онъ былъ накрытъ всего на три прибора и стоялъ хотя въ двухъ шагахъ отъ мѣста хозяйки, но полускрытый углубленіемъ окна.

— Тутъ тебѣ по крайности никто не будетъ въ ротъ

смотрѣть, куски твои считать, заманивалъ меня Петя. Надъ обжорствомъ его издавна смѣялись старый и малый, и онъ на этотъ разъ заранѣе пріуготовилъ себѣ мѣстечко въ тѣни, гдѣ бы никто не мѣшалъ ему накушаться въ волю, по самое горло.

Третьимъ сѣлъ къ намъ какой-то еще не старый, одутловатый господинъ, съ усами, спускавшимися ниже подбородка, и волосами скобкой на вискахъ, одѣтый въ венгерку, шитую черными лентами по груди, съ виду вообще похожій на московскаго кучера.

Послѣ перваго же блюда, онъ налилъ себѣ полный стаканъ вина и, поднявъ глаза на Петю:

— Ваше здоровье! проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ, откинулъ голову назадъ и вылилъ себѣ залпомъ стаканъ въ горло.

— И вамъ того-же! отвѣчалъ хладнокровно Золоторенко и, кивнувъ ему, выпилъ рюмку вина.

— Ты его знаешь? спросилъ я шепотомъ Петю.

— *Ни!* лаконически отрѣзалъ онъ,—не рѣчистъ онъ былъ за обѣдомъ,—и наложилъ себѣ полную тарелку перепелокъ подъ соусомъ.

— *О сей їисти мастеръ, спасиби!* раздался за нами знакомый, дребезжащій хохотъ Ѳомы Богдановича. Громкій поцѣлуй чмокнулъ на полной щекѣ Пети, въ знакъ благодарности хозяина. И, заливаясь смѣхомъ, онъ покатилъ далѣе.

Добрый Ѳома Богдановичъ! Онъ казался такъ счастливъ, ходилъ такимъ козыремъ вокругъ столовъ, будто городъ приступомъ взялъ и былъ произведенъ за это въ самый большой генеральскій чинъ. Самъ онъ не садился, не ѣлъ и не пилъ и насыщался, по пословицѣ, однимъ глядѣньемъ. Гости же Ѳомы Богдановича, хотя послѣ тяжеловѣснаго завтрака не прошло и трехъ часовъ, ѣли такъ, какъ еслибы цѣлую недѣлю предъ тѣмъ питались одною древесною корой.

Зато глубокая усталость и скука изображались на лицѣ бѣдной хозяйки. Она сидѣла на главномъ мѣстѣ, между матушкой и генераломъ, и упорно молчала,—извѣстно, не мастерица была наша добрая Анна Васильевна *занимать* го-

стей своихъ. Генералъ кушалъ за четверыхъ. Матушка, вся осунувшись въ своемъ креслѣ, осторожно прикрывала зѣвоту платкомъ. Подлѣ нея, также безмолвно, сидѣла Любовь Петровна. Пышная бѣлая роза лежала на ея тарелкѣ. Она не скидавала перчатокъ и кромѣ супа ничего не ѣла. Но на лицѣ ея сказывалась не одна скука: она казалась не то разгнѣванной, не то задумчивою, какъ-бы занятою какою-то упорною и невеселою мыслью. Я прилежно слѣдилъ за малѣйшими ея движеніями, забывъ торжественное обѣщаніе, которое давалъ себѣ, садясь за столъ, обѣщаніе не глядѣть на нее и даже стараться вовсе забыть, „что она на свѣтѣ есть.“ Долго сидѣла она неподвижно, блѣдная какъ роза, лежавшая предъ ней, и къ которой она повременамъ тихо наклонялась, вдыхая ея нѣжный запахъ и какъ-бы боясь дотронуться до нея рукой. Наконецъ, она подняла глаза, разсѣянно обвела ими вокругъ стола, мелькомъ остановила ихъ на Фельзенѣ, и легкая улыбка пробѣжала по ея губамъ. „Она, кажется, смѣется надъ нимъ“, сказалъ я себѣ и самъ повеселѣлъ отъ одной этой мысли.—„А что это съ нимъ сдѣлалось? онъ будто сердится“.

И точно, Фельзенъ угрюмо сидѣлъ на противоположномъ концѣ стола и пристально глядѣлъ въ раскрытое противъ него окно, скатывая шарики изъ хлѣба разсѣянною рукой. Онъ съ самаго начала обѣда ни разу не взглянулъ на Любовь Петровну.

„Онъ на нее рѣшительно дуется! За что? И какъ онъ смѣетъ, этотъ противный гусаръ?...“

Но онъ видно смѣлъ и былъ правъ, потому что насмѣшливая улыбка скоро исчезла съ лица Любови Петровны. Слабый румянецъ заигралъ на ея безцвѣтныхъ щекахъ. Съ какимъ-то капризнымъ нетерпѣніемъ стали обрывать ея влажныя губы лепестки бѣдной розы, которою она за минуту передъ тѣмъ такъ бережно любовалась. Глаза ея оживились, и все продолжительнѣе, все настойчивѣе останавливались они на Фельзенѣ, будто хотѣла она теперь, во что бы ни стало, встрѣтиться съ его глазами, требовала отъ нихъ отвѣта на какой-то, ему одному понятный, вопросъ.

Но гусаръ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть этого вызы-

вающаго взгляда и неподвижно и упорно продолжалъ глядѣть въ окно.

„Они точно поссорились, вотъ какъ мы съ Настей ссоримся. Онъ не хочетъ смотрѣть на нее. А она... Да какое-же ей дѣло, что онъ на нее сердится?“ спрашивалъ я себя съ тоскливою досадой. Что онъ ей? Вѣдь онъ ей чужой, она вѣдь замужемъ, у нея сынъ есть!.... Неужели...?“

И цѣлый рядъ странныхъ мыслей и увлекательныхъ образовъ внезапно запестрѣлъ въ моемъ воображеніи. Все то, что до сихъ поръ проносилось въ немъ мелькомъ, безсвязно и безслѣдно,—боязливыя догадки о чемъ-то существующемъ, но невѣдомомъ и недоступномъ мнѣ, смутныя предчувствія какихъ-то соблазнительныхъ тайнъ,—все это теперь разомъ и смѣло представало предо мною. Неожиданные вопросы тѣснились въ головѣ, загораясь мгновенно, какъ ночью огоньки надъ болотомъ. Сердце мое стремительнѣе билось, лицо горѣло...

„Нѣтъ, не хочу я объ этомъ думать!“ сказалъ я себѣ и тряхнулъ головой, чтобъ отогнать искушеніе. Меня начинали пугать мои мысли.

Ѳома Богдановичъ очутился въ это время за стуломъ племянницы.

— А что, Герасима такъ и не будетъ? спрашивалъ онъ ее.—Что онъ?

— Ничего, вѣрно спитъ, отвѣчала, какъ бы приходя въ себя, Любовь Петровна, поворачивая къ нему голову и медленнымъ движеніемъ руки откидывая волосы отъ лица.

— Спитъ? А Богъ съ вами, какое-жь тамъ спанье? Пятый часъ! А спитъ,—разбудить, просить сюда.... я велю...

— Въ его положеніи, дядюшка? сказала она тихо, пристально глядя на него и сжимая свои тонкія брови. Она походила на пчелу въ эту минуту.

— Какое тутъ положенье! прервалъ ее неугомонный Ѳома Богдановичъ.—Ему надо за здравіе новорожденной выпить! Богунъ выступалъ торжественно изъ буфета съ засмоленною бутылкой въ рукѣ.—За здравіе тетки выпить ему надо,—вотъ его положеніе! молодцевато примолвилъ Ѳома Богдановичъ.

— Важно! воскликнулъ неожиданно сосѣдъ нашъ въ вен-

геркѣ и прищелкнулъ языкомъ: слова хозяина пришлись ему, видно, по вкусу.

Любовь Петровна вся зардѣлась, живо обернулась, прищурилась и пристально взглянула на него, потомъ на Ѳому Богдановича.

— Что же вы, дядюшка, моего мужа *показывать* хотите? проговорила она рѣзкимъ, поразившимъ меня какъ фальшивая нота, голосомъ и кивнула на господина въ венгеркѣ съ невыразимымъ презрѣніемъ.

— Ѳома Богдановичъ! быстро заговорила, сидѣвшая какъ на иголкахъ впродолженіе всего этого разговора, Анна Васильевна, краснѣя и прерываясь на каждомъ словѣ,—а я думаю... зачѣмъ тревожить?... Можетъ, Герасимъ Иванычъ при такомъ большомъ обществѣ...

— Ну, ну, добре, нехай по-вашему! воскликнулъ, махая руками, Ѳома Богдановичъ.—Извѣстно, гдѣ съ бабами справиться! Вотъ я послѣ обѣда велю пѣвчимъ спѣть. Вы, можетъ, не знаете, Любовь Петровна, добрая у насъ пѣсня есть:

Чоловикъ сіе жито,
Жинка каже макъ!

И, кинувшись со всѣхъ ногъ къ генералу, которому офиціантъ подавалъ въ это время блюдо съ жаркимъ, Ѳома Богдановичъ схватилъ вилку, воткнулъ ее въ жирный кусокъ индюка и положилъ кусокъ на генеральскую тарелку.

Любовь Петровна улыбалась какою-то презрительною и горькою улыбкой...

Мнѣ казалось, этому обѣду конца не будетъ. Два часа уже длился онъ. Все говорливѣе, все шумнѣе становились гости, все суетливѣе почтенный хозяинъ. Но вотъ раздалось наконецъ хлопанье пробокъ; зашипѣло шампанское. Генералъ Рындинъ поднялся съ мѣста съ бокаломъ въ рукѣ. Съ грохотомъ отодвигая и опрокидывая свои стулья, спѣшила мужская половина общества послѣдовать его примѣру. Исправничиха, сидѣвшая противъ Саши и впродолженіе всего обѣда не сводившая съ него глазъ, вскочила также, но, увидѣвъ, что

прочія дамы не шевелились, присѣла и потомъ какъ-то очень долго и неловко усаживалась на свое мѣсто.

— За здоровье нашей многоуважаемой, всѣмъ дорогой Анны Васильевны! возгласилъ генералъ потрясающимъ басомъ. Да даруетъ ей Господь Вседержитель продолженіе утѣхъ на Маѳусаиловы годы, да утѣшится она въ своихъ внукахъ, правнукахъ и праправнукахъ! Ура, господа!

— Урра! загремѣли восторженно гости въ отвѣтъ на генеральскую рѣчь, топая ногами и стуча ножами по тарелкамъ и стаканамъ. Дамы подносили бокалы къ губамъ и кивали головами, обращая умиленные взоры сначала на генерала, потомъ на новорожденную. Исправничиха, въ избыткѣ чувствъ, утирала глаза свои салфеткой. Господинъ въ венгеркѣ залпомъ выпилъ свою рюмку, быстро провелъ ею внизъ по металлическимъ пуговицамъ своего жилета, перевернулъ ее пальцами надъ головой и грохнулъ съ размаха о каблукъ сапога; стекло полетѣло кругомъ мелкими осколками. Мы едва успѣли остеречься съ Петей, закрывъ лицо руками. „Къ счастію! Къ благоденствію!“ раздалось со всѣхъ сторонъ „Урра, гусары!“ закричалъ неистово сосѣдъ, таращa на хозяйку круглые и красные глаза, точно принималъ ее за полковника того войска, въ которомъ, должно-быть, нѣкогда служилъ. „Многая лѣта!“ грянули пѣвчіе съ хоровъ, и въ то же самое время хоръ военной музыки, котораго никто не подозрѣвалъ до этихъ поръ, протрубилъ неожиданно тушъ подъ растворенными окнами залы. Это былъ сюрпризъ отъ генерала имянинницѣ. Ѳома Богдановичъ кинулся къ нему, припалъ къ его груди и зарыдалъ, горячо цѣлуя его звѣзду. Гости, большіе и малые, съ бокалами въ рукахъ, сплошною стѣной двинулись на Анну Васильевну, на бѣдную, дрожавшую и растерянную Анну Васильевну, невольную виновницу и вѣчную страдалицу этихъ праздниковъ, для которой всѣ эти крики, поздравленія, туши были видимо настоящей пыткой. А торжествующій Ѳома Богдановичъ былъ глубоко убѣжденъ, что онъ всѣмъ этимъ тѣшилъ свою „голубоньку Ганну.“

Галечка стояла подлѣ матери. Она успѣла подойти къ ней раньше всѣхъ, чинно присѣсть, почтительно поцѣловать ея

руку и теперь, въ свою очередь, принимала поздравленія гостей и принимала, какъ бы въ упрекъ и въ образецъ краснѣвшей и конфузившейся матери, такъ свободно, съ такимъ достоинствомъ, почти величаво, будто вѣкъ ничего иного не дѣлала, будто такъ и родилась „губернаторшей", какъ называлъ ее Ѳома Богдановичъ. Очень хорошо воспитана была Галечка!...

Чья-то рука въ это время тихо легла мнѣ на плечо.

— Вася! вскрикнулъ я съ радости такъ громко, что матушка погрозила мнѣ, улыбаясь, пальцемъ черезъ чью-то голову, наклонявшуюся въ это время надъ рукой хозяйки.

Мы подошли съ нимъ къ Аннѣ Васильевнѣ. Она тяжело дышала, какъ бы послѣ долгой и утомительной работы. Да и сказать правду, перецѣловать человѣкъ восемьдесятъ въ жаркій іюльскій день—стоило любой работы.

— Ты не обѣдалъ, Вася, я тебя за столомъ не видала? спросила она, обнимая его.

— Я обѣдалъ наверху, тихо, какъ бы стыдясь, прошепталъ Вася.

— Съ отцомъ? договорила Анна Васильевна.

Любовь Петровна обернулась.

— Il adore son père! примолвила она.

Что хотѣла она сказать этими словами? Лице ея уже прояснилось, синіе глаза кротко сіяли, остановившись на сынѣ, но выраженіе ихъ было загадочно: въ нихъ, показалось мнѣ, было будто сожалѣніе или тайный упрекъ. Не такъ смотрѣла на меня матушка въ иныя, счастливыя для меня минуты...

Вася поднялъ голову. Что-то неуловимое пробѣжало у него на лицѣ. Онъ взялъ руку матери и поднесъ ее къ губамъ.

— Что отецъ твой? спросила она, проводя слегка рукой по его свѣтлымъ волосамъ. И, не дожидаясь отвѣта:

— Онъ добрый мальчикъ! сказала она матушкѣ съ какою-то несвойственною ей, казалось, задумчивостью.

Но это выраженіе тотчасъ же измѣнилось. Она увидала меня. Прежнею веселою насмѣшкой заговорили ея глаза.

— Вы его *уже* любите, не правда-ли? спросила она, лукаво щурясь на меня и какъ бы ожидая, что я немедленно

покраснѣю, между тѣмъ какъ матушка, обмѣнявшись быстрымъ взглядомъ съ Анной Васильевной, смотрѣла, слегка нахмурясь, на Любовь Петровну.

— Милая maman, подумалъ я,—ей не пріятно, что меня непремѣнно хотятъ сконфузить.

Но я не сконфузился на этотъ разъ и, не отвѣчая, наклонился только въ знакъ согласія.

— Пойдемъ, сказалъ я Васѣ,—сядемъ вмѣстѣ.

Мы усѣлись кое-какъ за нашъ маленькій столикъ. Петя, увидя Васю, налилъ вина въ только-что опорожненную имъ рюмку шампанскаго и, кивая ему головой, возгласилъ:

— За ваше здоровье, графчикъ!

— Зачѣмъ вы меня такъ зовете? Я не графчикъ! сказалъ Вася, глядя съ удивленіемъ на его раскраснѣвшееся лицо и глаза, обратившіеся въ маленькія, съ трудомъ моргавшія щелки.

— Не графчикъ! А я думалъ, графчикъ! *То нехай всимъ тымъ графчикамъ лыхо буде*!

И Петя взялъ Васю за руку, нѣжно посмотрѣлъ на него; лицо его приняло пресмѣшное жалобное выраженіе, и онъ неожиданно запѣлъ вполголоса стародавнюю пѣсню:

Ой Морозе, Морозенко, славный ты козаче?

— За тобою, Морозенко, вся Украйна плаче! громко подхватилъ господинъ въ венгеркѣ, заливаясь такимъ звонкимъ хохотомъ, что онъ покрылъ собою всѣ остальные голоса, смѣхъ, восклицанія, тосты разгулявшихся гостей и что вся столовая обернулась въ нашу сторону.

— Il est impossible, ce monsieur! сказала во всеуслышаніе Любовь Петровна, обернувшись къ матушкѣ, съ безпокойствомъ смотрѣвшей на насъ.

Бѣдная Анна Васильевна вздрагивала, не отрывая глазъ отъ своей тарелки.

Угрожающимъ кустарникомъ сдвинулись густыя брови генерала Рындина. Онъ откинулся на бокъ, высматривая „невозможнаго господина“. Но невозможный господинъ сидѣлъ спиной къ большому столу и, ничего не замѣчая, продолжалъ,

красный какъ піонъ, пѣть пѣсню о славномъ Морозенкѣ. Генералъ обѣжалъ быстрымъ взглядомъ длинный рядъ столовъ и, остановившись на одномъ изъ офицеровъ, моргнулъ ему. Офицеръ поспѣшно всталъ, подошелъ къ начальнику, выслушалъ какое-то его приказаніе и затѣмъ, подойдя къ нашему сосѣду, сталъ шептать ему что-то на ухо. Господинъ въ венгеркѣ измѣнился въ лицѣ, быстро обернулся, встрѣтилъ полный грозы взглядъ генерала, прямо устремленный на него, и смолкъ, смолкъ внезапно, словно земля вдругъ провалилась подъ нимъ и полетѣлъ онъ головой внизъ, въ бездонный колодезь.

— Шампанское! провозгласилъ въ это время слуга, наклоняясь къ нему съ бутылкой.

— Прочь ступай, прочь! скороговоркой проговорилъ сосѣдъ, отодвигая бутылку одною рукой, а другою принимаясь какъ-то очень невинно собирать хлѣбныя крошки, разсыпанныя по скатерти.

Онъ казался такимъ жалкимъ и перепуганнымъ, что мнѣ даже сдѣлалось неловко, и я взглянулъ на генерала почти съ испугомъ.

— Потмотри, какъ онъ присмирѣлъ, несчастный! сказалъ я тихо Васѣ, указывая на сосѣда! — Хотѣлъ бы я знать, что это генералъ велѣлъ сказать ему?

— А то вѣрно, что онъ изъ-за стола велитъ его вывести. Онъ не церемонится, дядя! Привыкъ тамъ со своими солдатами! примолвилъ Вася, дернувъ плечомъ.

— Этотъ господинъ такой mal élevé! замѣтилъ я, съ удивленіемъ смотря на Васю. Мнѣ показалось, какъ будто онъ хотѣлъ оправдывать господина въ венгеркѣ.

— Да, отвѣчалъ онъ и безъ улыбки взглянулъ мнѣ въ лицо.—Но развѣ дядя здѣсь хозяинъ?

— Вѣдь онъ генералъ, Вася! воскликнулъ я. Это былъ, въ моихъ понятіяхъ, аргументъ неотразимый.

— Да, все равно, что ястребъ на маленькихъ птицъ, сказалъ онъ, откинулъ волосы отъ лица и задумался.

Я вспомнилъ разговоръ нашъ въ саду и задумался тоже. Меня поразили Васины слова...

VIII.

Послѣ обѣда общество перешло пить кофе на террасу, подъ старыя липы, „что еще за гетмановъ сажены, старую казачину помнятъ“, какъ выражался Ѳома Богдановичъ, гордившійся ими чуть-ли не столько же, сколько своими пѣвчими. Подъ ихъ непроницаемою тѣнью вѣчно вѣяло душистою прохладой. Дерновыя скамьи, убитыя вокругъ ихъ могучихъ стволовъ, и широкій, съ подушками, ковровый диванъ, подъ холстиннымъ навѣсомъ, расположенный вдоль стѣны дома, такъ и манили къ покою и дремѣ. Насыщенные гости не заставили себя долго ждать. Напившись кофе и размѣстившись, кто какъ счелъ удобнѣе, большинство ихъ захрапѣло тутъ же, не смущаясь ложнымъ стыдомъ. Иной свѣсилъ голову на плечо, не то на грудь сосѣда; другой присвистывалъ и причмокивалъ, точно еще сидѣлъ за столомъ, въ ожиданіи сладкаго блюда; у третьяго съѣхала голова съ подушки, и онъ впросонкахъ вздрагивалъ и бормоталъ какія-то сердитыя междометія. Самъ генералъ не выдержалъ. Онъ сидѣлъ подлѣ хозяйки, прислонясь спиной къ дереву, и долго отдувался, топыря усы и усиленно моргая бровями, пока наконецъ довольно явственное мычаніе не засвидѣтельствовало, что сновторная власть имениннаго обѣда не щадитъ даже и высокаго чина.

Вслѣдъ за этимъ событіемъ настала глубокая тишина; Ѳома Богдановичъ присѣлъ въ первый разъ съ утра и тотчасъ же заснулъ, невинно сложивъ коротенькія ручки на животѣ. Офицеры, до этого громко болтавшіе съ дамами, заго-

ворили вдругъ шепотомъ, вѣроятно боясь потревожить покой начальника. Веселыя собесѣдницы ихъ закрывали платками румяныя губы. А миссъ Пинкъ, давно уже взиравшая съ негодованіемъ на этихъ отвратительныхъ мужчинъ, осмѣлившихся заснуть при дамахъ, воспользовалась случаемъ увести воспитанницу свою и ея подругъ подальше отъ такого безобразія. Она предложила имъ идти гулять на озеро.

— Les Messieurs, ils peuvent venir aussi, промолвила она, проходя мимо толпы мальчиковъ, окружавшихъ, по обыкновенію, Сашу.

— Очень намъ нужно гулять съ тобой, англійскій попугай! пробормоталъ ей вслѣдъ Саша (миссъ Пинкъ, по случаю праздника, одѣлась въ зеленое платье, съ желтымъ платочкомъ кругомъ шеи и красными гвоздиками въ волосахъ.)— Бѣгомъ ребята, въ чехарду играть!

Всѣ кинулись за нимъ.

— Тебѣ хочется въ чехарду? спросилъ меня Вася. Мы сидѣли съ нимъ рядомъ на скамьѣ, въ сторонѣ отъ прочихъ товарищей.

— Нисколько, отвѣчалъ я. — Довольно съ меня и утренней войны.

— Такъ, хочешь, я тебя познакомлю съ отцомъ моимъ? Онъ долженъ быть въ саду: его повезли гулять. Пойдемъ къ нему!

— Къ отцу твоему? Пойдемъ, пойдемъ, Вася! воскликнулъ я порывисто.

— Онъ меня полюбилъ, этотъ милый мальчикъ! говорилъ я себѣ съ восторгомъ, закидывая руку вокругъ Васиной шеи. И мы побѣжали, обнявшись, въ глубину сада, по длинной и темной кленовой аллеѣ.

Аллея приводила къ довольно обширной, круглой площадкѣ, среди которой пестрѣлъ, благоухая, роскошный цвѣтникъ. Это мѣсто извѣстно было въ Богдановскомъ подъ названіемъ „пріюта Анны Васильевны". Она любила просиживать здѣсь одна по цѣлымъ часамъ.

Подлѣ цвѣтника стояла теперь колясочка, или, вѣрнѣе, стояло кресло о двухъ колесахъ, уложенное подушками, а въ

немъ сидѣлъ, въ большой соломенной шляпѣ, довольно тучный человѣкъ, лѣтъ сорока пяти, съ почти прозрачнымъ, отекшимъ лицомъ и ногами, закутанными до пояса въ большое шерстяное одѣяло. Блѣдныя опухшія руки лежали безъ движенія на его колѣняхъ. То былъ отецъ Васи. Старый слуга, какъ лунь сѣдой, нагнувшись къ травѣ, набиралъ резеды и маргаритокъ и очень искусно подвязывалъ ихъ къ пышному букету изъ розъ и душистаго горошка. Глаза больнаго прилежно слѣдили за его работой.

То были большіе, темные, странные глаза. До сихъ поръ не могу забыть ихъ необычайнаго выраженія. Какъ въ надписи, случайно сохранившейся всецѣло на обрушенномъ памятникѣ, въ нихъ сосредоточивалась, казалось, вся жизнь, весь смыслъ жизни, покинувшей это омертвѣлое тѣло. Въ глубокой впадинѣ ихъ горѣли зоркіе, подвижные зрачки и въ нихъ говорила скорбная, но неизсякнувшая и дѣятельная мысль. „Ничего не понимаетъ!“ вспоминались мнѣ слова Любови Петровны. Нѣтъ, эти глубокіе, говорящіе глаза должны были все видѣть, все понимать: Вася былъ правъ!

Мы подошли къ больному.

Онъ поднялъ голову, живо взглянулъ на Васю, потомъ на меня и затѣмъ остановилъ на сынѣ продолжительный взглядъ, видимо полный вопросовъ.

— Мы недавно изъ-за стола, поспѣшилъ отвѣчать на нихъ Вася:—всѣ, и maman, на террасѣ, кофе пьютъ. А это Борисъ Л., промолвилъ онъ, взявъ меня за руку и подводя къ отцу: — онъ добрый, папа; тетушка Анна Висильевна его очень любитъ.

Блѣдныя губы больнаго зашевелились; послышался какой-то смутный лепетъ, прошипѣли надорванные, безсмысленные звуки и тотчасъ смолкли. Безобразная складка, что-то похожее на отчаянную, безнадежную улыбку, искривила эти безсильныя уста. Но чудесные глаза сказали свое. Они обнимали однимъ нѣжнымъ взглядомъ и меня, и Васю; они такъ явственно говорили мнѣ: „Да, я вижу, ты добрый; полюби же моего Васю!“

Я отвернулся, боясь заплакать.

— Дай ему руку; онъ хочетъ, чтобы ты ему руку далъ, шепнулъ мнѣ Вася.

Больной не покидалъ меня глазами.

Дрожащіе пальцы его правой руки слабо шевелились, какъ бы ища чего-то.

Я взялъ эту бѣдную, немощную руку и, повинуясь неудержимому влеченію, прильнулъ къ ней губами.

Я не успѣлъ поднять головы, какъ Вася обнялъ ее обѣими руками и крѣпко прижалъ къ груди своей. Это пришлось очень кстати: я былъ растроганъ и сконфуженъ въ одно и то же время и не зналъ, куда дѣть пылающее и влажное лице мое.

— А я замѣчаю, тебѣ лучше, папа, началъ весело Вася.— Пальцы твои оживаютъ, ты ими теперь уже двигать можешь. Правда, папа, лучше тебѣ?

— Да, сказали улыбаясь глаза больнаго.

— Вотъ видишь! Въ деревнѣ ты совсѣмъ выздоровѣешь.

Больной вздохнулъ. Глаза его отуманились.

— Выздоровѣть я не могу, говорили они.

— Полно, полно грустить, папа, выздоровѣешь, непремѣнно, я тебѣ говорю... Что это ты такъ стараешься, Савелій? спросилъ Вася, обращаясь къ старому слугѣ.

— Батюшки вашего фантазію сполняю, Василій Герасимычъ, весело отвѣчалъ тотъ, разгибая спину и вертя во всѣ стороны букетъ, оказавшійся огромнымъ.—Жаль-отъ, примолвилъ онъ, — травки подходящей не найти, въ обертку, значитъ, пустить, трафаретомъ. А впрочемъ, ничего-съ, живетъ и такъ!

И, самодовольно улыбаясь своему произведенію, старикъ бережно положилъ букетъ на колѣни своего барина, между недвижныхъ рукъ его.

— Тебѣ цвѣтовъ захотѣлось, папа? спросилъ Вася.

Губы больнаго беззвучно зашамкали. Онъ взглянулъ на сына своимъ говорящимъ взглядомъ.

Сынъ понялъ.

— Для мамы? спросилъ онъ.

— Да, отвѣчали глаза.

— Хочешь, я ей отнесу?

Больной тревожно замоталъ головой. Пальцы его слабо сжались вокругъ стеблей букета, какъ бы желая защитить его.

— Ты самъ хочешь отдать? спросилъ Вася съ какимъ-то грустнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ.

— Самъ хочу! говорили глаза и обернулись на Савелья.

Старикъ всталъ за спинку кресла, взялся за ручки.

— Мама на террасѣ, тамъ теперь тьма народу, тихо замѣтилъ Вася.

— Везите меня! отвѣчалъ упорный взглядъ его отца.

Савелій взглянулъ мелькомъ на Васю, вздохнулъ, поплевалъ на руки и тихо покатилъ больнаго по направленію дома.

Молча шли мы рядомъ съ Васей за этою колясочкою, тяжело скрипѣвшею по крупному песку. Урывками доносились до насъ далекій гамъ и хохотъ товарищей, игравшихъ въ чехарду подлѣ крѣпости. Пискливые голоса дѣвочекъ, птичій щебетъ миссъ Пинкъ прозвучали гдѣ-то недалеко. Изъ боковыхъ дорожекъ выходили группы дамъ и офицеровъ, громко смѣясь и болтая. Но, при встрѣчѣ съ нами, все это смолкало мгновенно; пугливое недоумѣніе изображалось на лицахъ гуляющихъ, и съ обидною осторожностью спѣшили они пройти мимо больнаго, какъ бы озадаченные непріятно его неожиданнымъ и непрошеннымъ появленіемъ.

„Точно съ покойникомъ встрѣчаются!“ подумалъ я, взглянувъ на Васю.

Глаза его темнѣли; онъ кусалъ губы и хмурился. Онъ видимо страдалъ.

Больной, казалось, ничего не замѣчалъ. Онъ не отрывалъ глазъ отъ своихъ цвѣтовъ. Но вдругъ онъ встрепенулся, зашамкалъ губами, залепеталъ.

— Поторопись, Савелій, сказалъ Вася, не покидавшій отца глазами.

— Неловко вамъ, Герасимъ Иванычъ? спросилъ заботливо старикъ, наклонясь къ нему черезъ спинку кресла.

Больной нетерпѣливо задвигался.

— Онъ маму видитъ, объяснилъ тихо Вася.

— Гдѣ же это онѣ? спросилъ Савелій, озираясь.

Въ одной изъ боковыхъ аллей, между деревьевъ, бѣлѣло женское платье. Сверкавшіе глаза больнаго указывали въ эту сторону. Онъ раньше всѣхъ узналъ Любовь Петровну. Онъ словно какимъ-то чутьемъ угадалъ ея близкое присутствіе.

Савелій дернулъ плечомъ и повернулъ кресло вправо.

IX.

Она сидѣла на скамьѣ, блѣдная и недвижная, прислонясь головой къ дереву, опустя глаза и руки. Густая кленовая вѣтвь тихо качалась надъ ней, и, сквозь ея лапчатые листья, вечерній свѣтъ обливалъ ее всю узорнымъ и трепетнымъ сіяніемъ.

Красавица была не одна. Подлѣ нея, за деревомъ, небрежно прислонясь къ нему плечомъ, стоялъ Фельзенъ, неизбѣжный Фельзенъ; на первыхъ порахъ я не замѣтилъ его. Въ немъ, повидимому, не оставалось уже ни тѣни того угрюмаго расположенія, съ которымъ онъ, во время обѣда, такъ упорно избѣгалъ взгляда Любови Петровны. Теперь онъ весь сіялъ, казалось. Острые зубы сверкали изъ-подъ приподнятыхъ усовъ; онъ улыбался съ какою-то гордостью, будто только что вернулся побѣдителемъ изъ сраженія.

„Они помирились, она ему простила, противный гусаръ!...“ И мнѣ сдѣлалось вдругъ невыразимо грустно.

— Votre mari! услышалъ я голосъ Фельзена.

Она вскинула голову, какъ бы просыпаясь, взглянула кругомъ. Колясочка быстро приближалась. Тоскливое напряженіе изобразилось на лицѣ сидящаго въ ней больнаго. Онъ также увидалъ Фельзена. Его большіе глаза горѣли, горѣли болѣзненно, быстро перебѣгая отъ гусара къ женѣ. Но Савелій прибавилъ шагу, подвезъ кресло прямо къ скамьѣ, занимаемой Любовью Петровной и, круто повернувъ его, изловчился такъ, что спинка кресла пришлась какъ разъ къ мѣсту занимаемому

Фельзеномъ у дерева, чуть не сбивъ съ ногъ гусара на поворотѣ. Онъ едва успѣлъ посторониться.

— Откуда вы? спросила сына Любовь Петровна. Голосъ ея слегка дрожалъ, глаза безпокойно озирались.

Больной въ свою очередь тревожно шевелился въ своемъ креслѣ. Онъ видимо старался повернуть голову. Крупныя капли пота выступили у него на лбу.

Фельзенъ стоялъ уже въ сторонѣ, за его спиной, и исподлобья глядѣлъ на Савелья, хладнокровно отиравшаго лысину свою платкомъ, сжатымъ комомъ въ кулакѣ.

— Папа привезъ вамъ букетъ, отвѣчалъ Вася, не глядя на мать.

„Къ чему? Она его въ кусты броситъ, этотъ бѣдный букетъ!“ подумалъ я печально.

— Мнѣ? Почему же именно мнѣ? повторила Любовь Петровна со слабою улыбкой. — Votre père vous l'a-t'il dit? промолвила она какъ бы шутя.

— Папа говорить не можетъ, вы это знаете! отвѣчалъ также по-французски Вася и, поднявъ голову, взглянулъ прямо въ глаза матери.

Блѣдное лицо ея покрылось слабымъ румянцемъ. Она отвела волосы отъ лица и изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ взглянула на мужа.

Онъ глядѣлъ на нее теперь не отрываясь—и какъ глядѣлъ! Жадно, страстно и безнадежно.

Пальцы его дрожали, тщетно силясь приподнять букетъ съ колѣней.

— Прими его, прими, мой бѣдный подарокъ! казалось мнѣ, говорили его влажные глаза.—Я ничего уже болѣе не могу для тебя!...

Лицо Любови Петровны измѣнилось. Поникшіе глаза ея загорались, безцвѣтныя губы алѣли. Она встала и наклонилась къ мужу.

— Благодарю, другъ мой, сказала она тихимъ голосомъ. Вася стремительно кинулся къ ней и обнялъ ее...

— Савелій, заговорила она торопливо,—ты, кажется, балуешь своего барина: въ саду сыро; я боюсь...

— Ничего-съ, сегодня имъ хуже не будетъ, отвѣчалъ старикъ, глядя на нее полуугрюмымъ, полублагодарнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, все лучше домой вернуться; я буду спокойнѣе. Пойдемъ, я помогу тебѣ везти, примолвила усмѣхаясь Любовь Петровна, протягивая руку къ креслу.

— Помилуйте, матушка, чтой-то безпокоиться изволите? возразилъ Савелій, ухватываясь за ручки, съ явнымъ намѣреніемъ не допускать ее.—Не извольте сомнѣваться, довезу; не впервой, слава-те Господи!

— Нѣтъ, нѣтъ, я пойду съ вами, посмотрю, какъ ты барина устроилъ на новомъ мѣстѣ, сказала она поспѣшно.—Да и надо букетъ вашъ въ воду поставить, добавила она, улыбаясь мужу.

Его глаза такъ и потонули въ ея глазахъ. „Боже мой, какъ онъ ее любитъ!“ сказалъ я себѣ и невольно отвернулся. Въ этомъ пожирающемъ взглядѣ было что-то такое, отъ чего вся кровь подымалась мнѣ въ голову.

Колясочка покатилась снова и вскорѣ исчезла за большимъ кустомъ бузины. Легкою поступью удалялась за нею Любовь Петровна съ сопровожденіи Васи.

Ни она, ни онъ ни разу не оглянулись. Одинъ больной, показалось мнѣ, все еще силился повернуть голову назадъ.

„Мнѣ-то могъ бы Вася хоть слово сказать!“ подумалъ я не безъ досады, смотря имъ въ слѣдъ.

— Не правда-ли, заговорилъ вдругъ неожиданно чей-то голосъ,—не правда-ли, молодой человѣкъ, какая это была сейчасъ трогательная семейная сцена?

Фельзенъ стоялъ передо мной, крутя усы и улыбаясь такою недоброю улыбкой, что у меня опять сжалось сердце.

Но ненависть моя къ нему превозмогла,—я смѣло поднялъ на него глаза.

— Не знаю, какъ кому, а мнѣ не смѣшно это ничуть, отвѣчалъ я.

Я думалъ такъ и срѣзать его этимъ отвѣтомъ.

Фельзенъ хихикнулъ и, пронзя меня насквозь своимъ дерзкимъ взглядомъ:

— Вы, кажется, влюблены въ M-me Loubianski, молодой человѣкъ, прошипѣлъ онъ.—Это, конечно, очень похвально и хорошій вкусъ вашъ доказываетъ. Только вы понапрасну стараетесь; вы могли сами сейчасъ убѣдиться,—M-me Loubianski боготворитъ своего супруга!

Это былъ неожиданный и мѣткій отпоръ. Я такъ и онѣмѣлъ, руки застыли; на сердцѣ ныло до тошноты неодолимое отвращеніе. Разъ какъ-то вечеромъ, въ саду, летучая мышь задѣла меня по лицу своимъ холоднымъ, голымъ крыломъ. Это было то же ощущеніе.

„Какъ смѣлъ онъ, какъ смѣлъ этотъ противный человѣкъ"! думалъ я въ отчаяніи. „Что я сдѣлалъ, чѣмъ я показалъ?... Я краснѣлъ, это правда... Но съ какого права, наконецъ, этотъ ненавистный офицеришка..."

И слезы первой обиды, перваго стыда, немощныя и жгучія слезы полились внезапно по моему лицу.

Я рванулся тогда впередъ, не помня себя...

Но Фельзена уже не было. Султанъ его развѣвался широко по вѣтру въ большой аллеѣ. Онъ шелъ къ дому быстрыми шагами.

„Онъ еще подумалъ бы, что я ему завидую. Нечему завидовать!" сказалъ я себѣ, очнувшись отъ перваго порыва и находя въ этой мысли какое-то тайное утѣшеніе.

Долго стоялъ я на томъ же мѣстѣ, перебирая въ головѣ разные планы мщенія, одинъ другаго свирѣпѣе и безпощаднѣе. Но, къ моему горю, всѣ они тотчасъ же оказывались ровно никуда негодными. Всѣ они первымъ условіемъ требовали равенства въ положеніи; а я, по неволѣ, долженъ былъ сознаваться, что „въ нашемъ отечествѣ" не возможенъ бой между мною и „большимъ человѣкомъ", что, если я оскорблю Фельзена какимъ нибудь „ловко-придуманнымъ словомъ", меня накажутъ какъ мальчика, оставятъ безъ обѣда или запрутъ въ комнатѣ, а потомъ m-r Керети будетъ пилить меня цѣлыя сутки сряду и называть при всякомъ случаѣ polisson и malheureux,—а Фельзенъ все-таки не будетъ драться со мною на шпагахъ (мнѣ почему-то сдавалось, что на шпагахъ я непремѣнно убью его). Конечно, оставалось одно средство: спря-

таться за дерево и, когда онъ пройдетъ мимо, выстрѣлить изъ пистолета прямо ему въ сердце. Но, какъ ни былъ я оскорбленъ, а чувствовалъ однако, что никогда не былъ бы способенъ на такое мщеніе.—„Ce n'est pas noble!" говорилъ я себѣ, вздыхая.

„Я дождусь", рѣшилъ я наконецъ, нѣсколько успокоившись, „дождусь своего! Не все-же мнѣ быть „мальчишкой!" Онъ мнѣ дорого заплатитъ за то, что осмѣлился..."

Я не повторилъ тѣхъ словъ, за которыя именно Фельзенъ долженъ былъ такъ дорого заплатить мнѣ. Но тѣмъ назойливѣе скребли они у меня на сердцѣ. „Трогательная семейная сцена", какъ выражался гусаръ, не выходила у меня изъ головы. Мнѣ все представлялась Васина мать, подъ деревомъ, озаренная вечернимъ сіяніемъ, и потомъ этотъ алчный и безнадежный взглядъ ея полумертваго мужа, между тѣмъ, какъ въ душѣ моей шевелилось какое-то ѣдкое чувство раскаянья и стыда...

X.

— Борисъ! Боря! гдѣ ты? Ау! внезапно раздались невдалекѣ голоса, визжавшіе на всѣ лады, какъ септакордъ на разстроенномъ фортепіано.

Я откликнулся.

Шумная толпа дѣвочекъ и мальчиковъ выбѣжала мнѣ на встрѣчу изъ-за кустовъ. Чинная миссъ Пинкъ выступала за ними.

— А! вотъ онъ, вотъ онъ! Что ты пропалъ? Гдѣ ты былъ? Зачѣмъ ты одинъ? кричали они.

— Пойдемъ скорѣе, Боря, говорила Настя.—Maman насъ ждетъ; она сказала, мы сейчасъ домой поѣдемъ.

— Настенька, душенька, упроси твою maman остаться! обратилась къ ней Галечка, обнимая ее, и съ выраженіемъ приличной печали на лицѣ.

— Не уѣзжай отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ!... началъ импровизировать Жабинъ при сей вѣрной оказіи.

— Пожалуйста, безъ фамильярностей, m-r Жабинъ! воскликнула Настя, обидясь.—Какъ вы смѣете называть меня *ты!*

— Я не виноватъ, отвѣчалъ онъ, обидясь въ свою очередь,—что вы до сихъ поръ не знаете, что въ поэзіи всегда говорятъ *ты!*

И онъ, прищурясь, взглянулъ на невѣжду Настю сверху внизъ, точно съ высокаго дерева птица на темную букашку, ползущую въ травѣ.

Настя открыла было ротъ отвѣчать ему, но находчивая Галечка поцѣловала ее въ это время въ самыя губы. Настя разсмѣялась и только плечами пожала.

„Боже мой, какъ онъ смѣшонъ, этотъ Жабинъ, какія у него жалкія ребяческія чувства!“ думалъ я, не подозрѣвая, что въ этомъ случаѣ я былъ гораздо смѣшнѣе и достойнѣе сожалѣнія Жабина. Я гордился въ сущности тѣми *неребяческими* ощущеніями, которыя въ то же время заставляли меня въ глубинѣ души стыдиться и краснѣть.

— А я игралъ въ чехарду и всѣхъ перескакалъ, а Піотра Золоторенка въ *пьясекъ* свалилъ, лепеталъ между тѣмъ Опицкій, скача козликомъ вокругъ меня.—Для чѐго, для чѐго ты не игралъ? приставалъ онъ.—Саша такій *злобный* былъ, что насъ мало играли!

— Какъ это Сашѣ не надоѣстъ эта вѣчная возня! фыркнулъ Жабинъ.—Все у него игры, да игры на умѣ! Пора бы, кажется, о чемъ-нибудь дѣльномъ подумать!

И онъ взглянулъ на Галечку. Эта фраза имѣла видимо цѣлью произвести на нее эффектъ. Но приличная Галечка едва улыбнулась. За то Опицкій вдругъ завозился на мѣстѣ, защелкалъ, затопоталъ. „У! у!“ началъ онъ, указывая пальцемъ на Жабина, и запѣлъ, пристукивая въ ладъ ногами, на голосъ столь извѣстной въ то время мазурки Хлопицкаго, какія-то безтолковыя, полу-русскія, полу-польскія слова, что-то въ родѣ слѣдующаго:

А сегодня поутру, на войнѣ,
Жабинъ хлопалъ себя въ грудь
Кулакомъ, кулакомъ,
И ревелъ какъ бугай,
Что онъ саблей все возьметъ,
А паша ему сказалъ:
Отъ чахотки не умрешь,
Лжешь ты, Жаба, все ты лжешь!

Дѣвочки завизжали отъ смѣха.

— Что такое? что это значитъ? спрашивали онѣ, между тѣмъ какъ миссъ Пинкъ съ испугомъ обводила всѣхъ взглядомъ и махала руками, чтобъ Опицкій пересталъ.

— Презрѣнье—мой отвѣтъ на дерзкія слова! декламировалъ тѣмъ временемъ Жабинъ, величественно махая правою рукой. (У него готовы были стихи изъ Озерова на всѣ случаи жизни).

Опицкій, разумѣется, не понялъ и высунулъ ему языкъ.

Настя нетерпѣливо топнула ногой.

— Да пойдемте же, пойдемте скорѣе, mesdames! вѣдь намъ надо сейчасъ домой ѣхать!

— Прощай, Богдановское! заговорилъ вслѣдъ за ней печально и тихо Лева.

Со времени злополучнаго событія съ его панталонами, это было чуть-ли не первое выговоренное имъ слово. Благонравіе его доходило до умилительныхъ размѣровъ.

Матушка съ Анной Васильевной ждали насъ на террасѣ.

— Ну, дѣти, сбирайтесь скорѣе, поздно, домой пора. Лева, ты поѣдешь съ M-r Керети, примолвила матушка,—ступай, онъ тебя ждетъ.

Лева заморгалъ глазами: онъ, видно было, хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшился и только кинулся въ объятія Анны Васильевны, восклицая съ такимъ забавнымъ отчаяніемъ: прощайте, прощайте, Анна Васильевна! что всѣ невольно разсмѣялись.

Галечка, съ выраженіемъ глубокаго сожалѣнія на лицѣ, и не отымая руки отъ Настиной таліи, стала упрашивать матушку остаться переночевать въ Богдановскомъ. Но ей отвѣчали, что „хорошенькаго понемножку, что въ Богдановскомъ насъ и безъ того слишкомъ балуютъ, что насъ къ завтраму ждутъ уроки" и пр.

Галечка не настаивала, наклонила голову и слегка вздохнула. И все это такъ мило, такъ прилично!

Не такъ легко было матушкѣ отдѣлаться отъ неотвязчивыхъ просьбъ Ѳомы Богдановича. Услыхавъ стукъ нашихъ экипажей у крыльца, онъ выскочилъ изъ-за картъ, поймалъ ее на лѣстницѣ и неотступно убѣждалъ остаться ночевать, а не ночевать, такъ ужинать, а не ужинать, такъ фейерверкъ посмотрѣть, ну, а не то, такъ хоть чай откушать по крайней мѣрѣ. Въ противномъ случаѣ онъ ногой не ступитъ въ Тихія Воды. И такъ уже Михайло Борисовичъ, то-есть батюшка, обижаетъ его очень, никогда у него не бываетъ, а между тѣмъ, кажется, всей губерніи извѣстно, какъ Ѳома Богдановичъ уважаетъ Михайла Борисовича и матушку и все наше семейство, и что грѣшно намъ обижать его, и что онъ

велитъ лошадей нашихъ выпречь, кучеровъ въ ледникъ запретъ...

Матушка осталась непреклонною.

Ѳома Богдановичъ чуть не плакалъ, но дѣлать было нечего; притомъ его звали къ картамъ. Перецѣловавъ всѣхъ насъ по нѣскольку разъ и выторговавъ у матушки обѣщаніе пріѣхать въ слѣдующее воскресенье, онъ побѣжалъ отдать какое-то напутственное наставленіе нашимъ людямъ.

— Какъ я васъ понимаю! говорила въ это время бѣдная Анна Васильевна матушкѣ. — У меня такъ голова ломитъ, что я едва стою, а тутъ еще фейерверкъ предстоитъ!...

Матушка сидѣла уже въ каретѣ, какъ вдругъ съ крыльца сбѣжалъ весь запыхавшійся Вася.

Я очень обрадовался. Я уже было совсѣмъ потерялъ надежду увидѣть его еще разъ.

— Вы уѣзжаете? такъ скоро? Прощай, Борисъ; когда-же мы увидимся? говорилъ онъ, протягивая мнѣ руки.

— Я слышала, вы на все лѣто пріѣхали въ Богдановское, отвѣчала ему за меня матушла изъ кареты.—Надѣюсь, васъ отпустятъ къ Борису въ Тихія Воды?

— Ахъ! какъ бы я хотѣлъ, какъ бы я хотѣлъ! воскликнулъ онъ.—Только не знаю... Ты *его* видѣлъ, сказалъ онъ мнѣ, понижая голосъ.—Можно ли его оставить...

— Онъ не останется одинъ, возразилъ я,—Анна Васильевна, повѣрь, такъ будетъ за нимъ ходить...

— Конечно, тетушка Анна Васильевна... Онъ пріостановился... И maman тоже, поспѣшилъ онъ прибавить, взглянулъ на меня и слегка смѣшался. Я постараюсь, непремѣнно постараюсь пріѣхать; благодарю васъ за приглашеніе, сказалъ онъ, кланяясь матушкѣ. И, обнявъ меня:—я у тебя въ долгу, Борисъ, примолвилъ онъ мнѣ на ухо.

— За что въ долгу? спросилъ я его съ удивленіемъ.

— За *него!* Ты съ нимъ добрый такой былъ; я этого никогда не забуду.

Я кинулся ему на шею. Мы крѣпко, крѣпко поцѣловались.

— Какой онъ, сдается мнѣ, славный мальчикъ! сказала матушка, когда я усѣлся противъ нея, и карета наша трону-

лась.—И какъ онъ хорошъ собой! примолвила она, любуясь Васей.

Онъ стоялъ на крыльцѣ, тонкій и стройный какъ молодая верба. Вѣтеръ слегка раздувалъ его кудрявые волосы. Онъ тихо улыбался, провожая насъ глазами...

Мы выѣхали за ограду.

— Ты, кажется, Борисъ, очень подружился съ нимъ? начала матушка, когда Вася скрылся изъ виду.

— О да, maman! еслибы вы знали, какой онъ милый! Я и съ отцомъ его познакомился. Вотъ ужъ можно сказать, несчастный человѣкъ, maman!

— Да, я его видѣла; мы къ нему ходили съ Анной Васильевной. Именно несчастный: въ его годы, въ такомъ положеніи! Я бы не узнала его. А онъ меня узналъ, къ моему удивленію.

— Вы вѣрно по глазамъ его это замѣтили, maman?... У него удивительные глаза. А вы были знакомы съ нимъ еще прежде?

— Я помню его еще молодымъ человѣкомъ, до его женитьбы, отвѣчала матушка и вздохнула слегка.

— Какъ онъ жену свою любитъ! воскликнулъ я невольно, подъ живымъ впечатлѣніемъ сцены въ саду.

— Ты почему знаешь? быстро спросила матушка.

Я покраснѣлъ до ушей и, запинаясь, принялся разсказывать объ эпизодѣ съ букетомъ. О Фельзенѣ я не упомянулъ ни единымъ словомъ.

А между тѣмъ я чувствовалъ такую жажду разсказать все, все матушкѣ: меня такъ терзала мысль, что въ первый разъ въ жизни я таюсь отъ нея. Но я не могъ, рѣшительно не могъ! Да и тутъ же третьей была насмѣшница Настя; нѣтъ, я бы, кажется, скорѣе согласился умереть, чѣмъ сказать *все*.

Матушка молча слушала, пристально глядя на меня.

— Она очень красива! медленно проговорила она наконецъ.

— Кто, maman? спросилъ я, хоть очень хорошо понималъ, кто...

— Лубянская, Любовь Петровна, мать твоего пріятеля. Или она тебѣ не нравится?

— Нѣтъ, нравится, едва могъ я выговорить. „О, еслибъ я только смѣлъ сказать, въ чемъ меня обвиняютъ!“ думалъ я съ тоской.

— Она удивительно хороша для своихъ лѣтъ, продолжала матушка.

— А она развѣ стара?

— Да, она тремя-четырьмя годами моложе меня, не болѣе: ей должно быть тридцать два-три года. А посмотрѣть на нее— молоденькая дѣвчонка.

— Я ее въ церкви за сестру Васи принялъ, maman.

— И не ты одинъ. На мать взрослаго сына она не похожа. Свѣжа, какъ въ семнадцать лѣтъ, весела, голосъ молодъ, готова до сихъ поръ глазки дѣлать встрѣчному и поперечному, сказала матушка какъ-то вскользь и слегка сжавъ брови.

— Maman, знаете что? заговорила неожиданно Настя, все время молчавшая до этого.—Я увѣрена, que cette dame дѣлала глазки Борѣ!

— Отъ чего ты увѣрена? живо обернулась на нее матушка.

— Потому что онъ былъ такой гадкій сегодня съ Галечкой. Вообразите себѣ, онъ хоть бы слово сказалъ ей во весь день!

— Ну, твоя Галечка, начала матушка и пріостановилась.— C'est une petite pécore! договорила она, засмѣявшись.

Настя открыла большіе удивленные глаза, вздохнула, прижалась въ уголъ кареты и тутъ же заснула крѣпкимъ сномъ.

Матушка съ улыбкой взглянула на нее, потомъ на меня и, прислонясь головой къ другому углу:

— Такъ какъ же, Борисъ, сказала она насмѣшливо:—хороша по твоему Любовь Петровна?

То была, я помню, какая-то неизъяснимо сладкая для меня минута. Этою шуткой матушка какъ бы отпускала мнѣ тѣ вины, въ которыхъ я сознавался въ глубинѣ души.

— Да, maman, она хороша, только вы тысячу разъ лучше! воскликнулъ я, схватывая ея руку и покрывая ее поцѣлуями.

— Добрѣе, это еще пожалуй,—поправила меня матушка, улыбнулась еще разъ и закрыла глаза.

Въ каретѣ становилось темно. Солнце давно сѣло. Послѣд-

няя блѣдно-алая полоса свѣта потухала надъ самою землей; дальнія поля тонули въ синихъ тѣняхъ. Наступала ночь, тихая, звѣздная, южная ночь.

Я высунулъ голову въ окно и долго-долго глядѣлъ въ быстро убѣгавшую даль. „Богъ съ нимъ, съ Богдановскимъ!" рѣшилъ я вдругъ почему-то, потянувъ въ себя съ жадностью струю прохладнаго ночнаго воздуха. И вдругъ,—точно какая-то цѣлебная волна влилась мнѣ въ грудь,—куда дѣвались всѣ мои тревоги? Точно не я, а кто-то другой, чужой мнѣ, вынесъ весь этотъ полный волненій день, а я, я чувствовалъ себя все тѣмъ же беззаботнымъ и счастливымъ мальчикомъ, какимъ еще нынѣшнимъ утромъ ѣхалъ по той же дорогѣ изъ Тихихъ-Водъ въ Богдановское. Матушка, Настя были тутъ со мною; ихъ платья касались моихъ колѣней; при ясномъ мерцаніи звѣздъ я различалъ ихъ милыя лица. „Завтра", думалъ я, съ какимъ-то особенно пріятнымъ чувствомъ увѣренности, „завтра пріѣдетъ учитель математики изъ уѣзднаго училища; пойдутъ опять уроки, жизнь побѣжитъ „обыкновенною дорожкой!"

Богдановское съ его пѣвчими и гостями, шумъ праздника, возня товарищей, Галечка, Фельзенъ, Любовь Петровна, сосѣдъ мой за столомъ,—все это уже сливалось въ моей памяти въ одинъ смутный и будто бы давнишній сонъ...

XI.

Прошло три недѣли,—цѣлая вѣчность. Жизнь въ Тихихъ Водахъ давно уже бѣжала по той „обыкновенной дорожкѣ“, о которой я мечталъ съ такимъ удовольствіемъ, возвращаясь изъ Богдановскаго. Эта дорожка начинала теперь на мои глаза все болѣе и болѣе походить на длинный путь по степи, сухою осенью, когда хлѣбъ убранъ съ полей, низко сжатые стебли колоса печально желтѣютъ надъ сѣрою землей, и конца не видать пыльной, унылой дорогѣ. Время тащилось съ невыразимымъ однообразіемъ. Утромъ уроки, вечеромъ уроки; за обѣдомъ молчаніе и невеселыя лица. Батюшка все еще не возвращался изъ города и не писалъ ни строчки. Бѣдная maman проводила дни въ тревогѣ, тщетно ожидая его. Тетушка Фелисата Борисовна, вѣчно страдавшая какою-нибудь болѣстью, брюзжала подъ этимъ предлогомъ и шипѣла отъ ранняго утра до поздней ночи, и то-и-дѣло срывала чепчикъ съ сѣдой головы, съ тѣмъ же неизмѣннымъ восклицаніемъ: „Фу-ты, душно, смерть моя!“ Къ тому же погода стояла пасмурная и дождливая, и m-r Керети началъ опять кашлять. Онъ не жаловался, какъ тетушка; но мы съ братомъ по цѣлымъ днямъ не смѣли подступиться къ нему, боясь, пуще всякихъ криковъ, его раздраженнаго, злобнаго молчанія. Нечего было думать о прежнихъ удовольствіяхъ, о прогулкахъ въ саду, кончавшихся обыкновенно тѣмъ, что заѣдемъ пить чай къ Галагаямъ.

— Теперь даже и въ лѣсъ съ Сильвой не пускаютъ, не то что въ Богдановское! говорилъ печально Лева,—точно въ тюрьмѣ сидишь! Хоть бы голубушка Анна Васильевна къ намъ пріѣхала!

„Съ Васей!“ добавилъ я мысленно.

Я каждый день думалъ о немъ. Всѣ остальныя воспоминанія послѣдней поѣздки нашей въ Богдановское какъ будто замерли въ моей памяти, лишь для того, чтобы дать мнѣ болѣе простора думать о моемъ новомъ пріятелѣ. Я припоминалъ всѣ подробности нашего знакомства, послѣднія слова, сказанныя имъ при прощаніи со мною, и говорилъ себѣ съ гордостью: „Онъ полюбилъ меня, онъ будетъ моимъ другомъ!“ До этихъ поръ у меня не было друга въ томъ смыслѣ и въ томъ объемѣ, какіе мое воображеніе давало этому слову. Изъ сверстниковъ моихъ Саша Рындинъ былъ мнѣ всѣхъ болѣе близокъ, но между нами было такъ мало общаго. Онъ былъ воинъ отъ головы до ногъ, воспитывался отцомъ-воиномъ, читалъ однѣ военныя книги, мечталъ только о походахъ и битвахъ. Петя Золоторенко, тотъ ничего не читалъ и ни о чемъ не думалъ никогда,—съ нимъ мнѣ рѣшительно бывало скучно. Жабинъ былъ такъ надутъ, такъ самодоволенъ, такъ смѣшонъ со своимъ Озеровымъ и со своими вздыханіями. „Какъ выше, какъ лучше всѣхъ ихъ Вася!“ думалъ я, стараясь воскресить въ памяти его милыя черты и досадуя, что какъ нарочно Саша и Жабинъ и цѣлая толпа непрошеныхъ лицъ представлялись мнѣ сами собою въ живыхъ и ясныхъ очертаніяхъ, между тѣмъ какъ я напрасно усиливался удержать вѣчно ускользающій предо мною образъ Васи. „Онъ будетъ настоящимъ моимъ другомъ“, повторялъ я себѣ, когда бывало, уйдя въ садъ и не боясь зоркихъ взглядовъ Насти,—она въ послѣднее время какъ-то особенно насмѣшливо подглядывала за мною,—я ложился въ траву и глядѣлъ на проходящія тучки, какъ тогда съ нимъ въ Богдановскомъ: „ему можно все сказать, „всю душу“ повѣрить, онъ не будетъ смѣяться надъ моими стихами; онъ, я вижу, тоже любитъ, что и я люблю, и ненавидитъ то же“... Фельзенъ и за нимъ Любовь Петровна невольно вспоминались мнѣ при этомъ, но я моталъ головой, по старой привычкѣ, чтобъ отогнать докучную мысль, и принимался опять думать о Васѣ.

Между тѣмъ надежда скоро увидѣть его уменьшалась для меня съ каждымъ днемъ. Сношенія наши съ Богдановскимъ

какъ будто совершенно прекратились. Матушка не сдержала обѣщанія, даннаго ею Ѳомѣ Богдановичу: ей было не до выѣздовъ. Дни проходили за днями; ни Анна Васильевна, ни Вася не пріѣзжали въ Тихія Воды.

Изъ города наконецъ пришло письмо, но не отъ батюшки, а отъ его камердинера, и содержало невеселыя извѣстія: у батюшки открылась подагра. „Хоша господинъ докторъ", писалъ грамотѣй москвичъ-камердинеръ, „никакой въ томъ опасности не находятъ, а очень мучительно, потому главное безпокойно: у насъ въ домѣ передѣлка идетъ, стучатъ, и хоча баринъ въ верхнемъ этажѣ имѣютъ помѣщеніе, а въ нижнемъ этажѣ стукнутъ долотомъ въ стѣну, а у барина въ ногѣ отдаетъ..."

Матушка перепугалась страшно.

— Сестрица, я завтра въ городъ ѣду! сказала она, дочитавъ письмо и утирая слезы, которыя такъ и текли у нея по лицу.

Тетушка Фелисата Борисовна тотчасъ же окрысилась и фыркнула въ отвѣтъ, что ни за что не останется одна въ деревнѣ.

— Здѣсь тебя не то вылѣчить, завѣщанія-то тебѣ некому будетъ написать! (Она каждый день пугала матушку чаяніемъ своей близкой кончины.) Я поѣду съ тобою въ городъ.

— А дѣтей кому я повѣрю? слабо возражала на это растерявшаяся матушка.

— Фу-ты, душно, смерть моя! закричала разгнѣванная тетушка, срывая чепчикъ съ головы.—Кому дѣтей повѣрить! Что же? прикажешь мнѣ изъ-за твоихъ дѣтей умирать безъ призрѣнія? Вези ихъ съ собой въ городъ!

— Вы слышали, у насъ тамъ перестройка. Гдѣ мы тамъ всѣ помѣстимся?

— Бери Настю, а мальчиковъ оставь съ французомъ.

— Онъ боленъ, онъ того и гляди сляжетъ, говорила матушка въ раздумьи.

— А я ему не лѣкарь! рѣзко отвѣчала Фелисата Борисовнѣ.—Чьими молитвами сама живу, не знаю!

И безъ дальнѣйшихъ объясненій ушла въ свою комнату и

приказала укладываться немедленно. Она до самой ночи просидѣла на чемоданѣ, охая и шпыняя своихъ горничныхъ, которыхъ держала цѣлое стадо.

Бѣдная матушка рѣшительно не знала, что дѣлать и на что рѣшиться.

Молчаливо и грустно сидѣли мы вечеромъ за чаемъ, какъ вдругъ послышался подъ окнами стукъ подъѣзжавшаго экипажа и вслѣдъ затѣмъ въ столовую вошла совершенно неожиданно Анна Васильевна.

Сердце у меня такъ и запрыгало. Я кинулся къ дверямъ. Но Анна Васильевна была одна.

Ее встрѣтили громкими, радостными криками.

— Добрый вечеръ, добрый вечеръ, милые вы мои, торопливо отвѣчала она, обнимая каждаго поочередно.—А не видала же я васъ, не видала дней столько, что и счетъ потеряла. Забыли, разлюбили вы насъ, Софья Михайловна. Ну, да Богъ вамъ проститъ! Вижу, живеньки вы, здоровы всѣ, я и тому рада...

— А у васъ что дѣлается, Анна Васильевна? спросила maman.

— А у насъ что? отвѣчала вздохнувъ ея пріятельница.— А у насъ все одно: была ярмарка, ярмарка и по сейчасъ: одинъ съ мѣста, другой на мѣсто. Сегодня я ужь не утерпѣла, Ѳомѣ Богданычу своему говорю: какъ себѣ хотишь, а я въ Тихія Воды поѣду, Софью Михайловну провѣдать. Взяла да и уѣхала, вотъ на-же имъ всѣмъ! домолвила она, засмѣявшись своимъ внезапнымъ добрымъ смѣхомъ, при которомъ какъ-то необыкновенно мило ежилось ея маленькое, худощавое и нѣсколько болѣзненное лицо.

— И какъ хорошо сдѣлали! сказала матушка, цѣлуя ее:— а не то, я такъ бы и уѣхала, не простившись съ вами.

— А куда это, куда? спросила съ безпокойствомъ Анна Васильевна.

Maman передала ей про болѣзнь батюшки, про свое затрудненіе.

— Ахъ, Боже мой миленькій! чего же вы затрудняетесь?

Поѣзжайте завтра съ Настей и сестрицу забирайте съ собою, а Бориса и Леву я заберу...

— Вы? добрая моя!...

Матушка даже покраснѣла отъ удовольствія. Видно было, что эта мысль не приходила ей въ голову и что она очень обрадовалась предложенію своей пріятельницы.

— А вы что думали? молвила смѣясь Анна Васильевна.— Заберу обоихъ и поѣдемъ, а вернетесь, представлю назадъ цѣлыхъ и здравыхъ... Какъ Вася мой будетъ радъ! обратилась она ко мнѣ:—онъ тебя очень полюбилъ, Боренька; когда уѣзжала я, прибѣжалъ ко мнѣ: тетушка, говоритъ, Бориса отъ меня поцѣлуйте покрѣпче.

Я весь горѣлъ отъ радости.

— Ты радъ, я знаю, шепнула мнѣ на ухо Настя,—faire le grand garçon въ Богдановскомъ... Гадкій!

И она такъ больно ущипнула меня за локоть, что въ другое время я бы непремѣнно вскрикнулъ. Но я не чувствовалъ ни боли, ни упрековъ совѣсти въ эту минуту. Я думалъ только: „наконецъ-то судьба соединяетъ насъ; одну только ночь переспать, и мы будемъ вмѣстѣ съ Васей!“

— И не думайте, не горюйте! говорила тѣмъ временемъ Анна Васильевна задумавшейся матушкѣ.—Завтра рано вмѣстѣ и выѣдемъ всѣ. Съ Богомъ поѣзжайте себѣ въ городъ, а я съ мальчуганами вашими до дому; въ одинъ часъ и поѣдемъ. Пошлите, прошу, сейчасъ въ Богдановское, чтобы меня сегодня не ожидали. Я у васъ ночую! заключила она рѣшительнымъ тономъ. Она, видимо, расхрабрилась, наша добрая Анна Васильевна, и очень выросла въ собственномъ мнѣніи съ тѣхъ поръ, какъ рѣшилась „взять да и уѣхать“ отъ гостей своихъ.

Лева ликовалъ и то-и-дѣло кидался обнимать старую свою пріятельницу-баловницу.

Въ половинѣ десятаго его услали по обыкновенію спать.

— Настя, Борисъ, и вамъ пора! сказала матушка.—Завтра надо подняться пораньше.

Мы простились.

Едва успѣлъ я ступить въ большую неосвѣщенную гости-

ную, по пути въ мою комнату, какъ услышалъ голосъ Анны Васильевны:

— До смерти люблю вашего Бориса, говорила добрая женщина матушкѣ,—славный онъ у васъ такой...

— Ахъ, добрая моя, поспѣшно заговорила за ней maman,— насчетъ Бориса у меня къ вамъ будетъ просьба.

„О чемъ это?" подумалъ я съ удивленіемъ, безсознательно замедляя шаги.

— М-г Керети боленъ, продолжала матушка.—Я не знаю право, какъ быть; нельзя и требовать теперь, чтобъ онъ вѣчно былъ при дѣтяхъ, а между тѣмъ я бы не желала, чтобы Борисъ, въ особенности, слишкомъ разсѣевался. У васъ всегда такая пропасть народу...

— Какъ въ Ромнахъ на ярмаркѣ, домолвила съ какою-то покорностью и вздыхая, Анна Васильевна.—Знаю я, знаю; что будете съ моимъ Ѳомой дѣлать! — Впрочемъ насчетъ вашего Бориса не безпокойтесь. Я его съ французомъ наверху помѣщу, подлѣ Герасима Иваныча; тамъ они и будутъ жить рядомъ съ Васей, и учиться могутъ вмѣстѣ, и забавляться... Вотъ еще скажу вамъ, Софья Михайловна, золотой мальчикъ этотъ Вася Лубянскій! Я такъ рада, что привезу ему завтра товарища! А то вѣдь день цѣлешенькій одинъ съ отцомъ убогимъ...

— А Любовь Петровна не съ мужемъ? живо спросила матушка.

Анна Васильевна не сейчасъ отвѣчала.

— Нѣтъ, наверху ей мѣста мало и встаетъ она поздно. Она внизу живетъ, въ павильонѣ...

— Ну, и тѣмъ лучше! проговорила матушка такъ тихо, что я едва разслышалъ.

Но пріятельница ея громко и вопросительно проговорила:

— Тѣмъ лучше?

Матушка, въ свою очередь, не торопилась отвѣчать.

— Вы не смѣйтесь, добрая моя, начала она наконецъ, слегка запинаясь,—я это, думая о Борисѣ, сказала.

— Какъ такъ о Борисѣ? переспросила опять сосѣдка съ явнымъ изумленіемъ.

— Я буду откровенна съ вами, отвѣчала матушка. — Борису шестнадцатый годъ минулъ. Я знаю, я старалась такъ держать его, до сихъ поръ онъ ребенокъ. Но онъ мальчикъ пылкій, съ воображеніемъ; въ эти годы голова начинаетъ бродить... Чѣмъ дальше будетъ онъ отъ такой женщины, какъ Любовь Петровна, тѣмъ...

— Что же вы объ ней думаете, Софья Михайловна? съ испугомъ въ голосѣ прервала ее Анна Васильевна, громко всплеснувъ руками. — Боже миленькій, что вы объ ней думаете?

Сердце такъ и стучало у меня. „Стыдно подслушивать, уходи скорѣе!“ шептала моя совѣсть, между тѣмъ какъ неодолимое любопытство приковывало ноги мои къ полу.

— Я думаю, чтъ мальчику вскружить голову не трудно, сказала матушка съ оживленіемъ,—а Любовь Петровна такъ привыкла кружить головы всѣмъ и каждому, что попадись ей Борисъ, она и его въ себя влюбитъ за неимѣніемъ лучшаго; я замѣтила тогда у васъ на именинахъ: ея глаза и не мальчика съ ума сведутъ! А я нахожу, рано ему еще о женщинахъ думать, моему Борису!...

Я весь вспыхнулъ въ темномъ углу моемъ.

„Maman все замѣтила!“ едва не сорвалось у меня съ языка. Я прикусилъ его чуть не до крови и весь обратился въ слухъ.

— Нѣтъ, отвѣчала сосѣдка,—Богъ знаетъ, что вы думаете, Софья Михайловна! Не возьметъ Любочка такого грѣха... Вѣдь Борису съ ея сыномъ одни годы! Да и не то, не то у нея теперь на думкѣ.

Анна Васильевна пріостановилась.

— Любочка несчастная женщина, повѣрьте! заключила она неожиданно и глубоко вздохнула.

— Несчастная?

— Боюсь я за нее, боюсь одного человѣка! продолжала вздыхать Анна Васильевна.

— Кого же вы это боитесь? съ новымъ удивленіемъ спросила матушка.

„Знаю!“ воскликнулъ я внутренно, прежде чѣмъ Анна Васильевна успѣла произнести это ненавистное имя.

— Баронъ Фельзенъ? Этотъ офицеръ, пріѣхавшій тогда съ генераломъ Рындинымъ? Развѣ они еще въ Богдановскомъ?

— Генералъ давно уѣхалъ, а тотъ остался; третью недѣлю живетъ у насъ. Ѳома Богданычъ ни за что его отпустить не хочетъ; обвелъ онъ совсѣмъ моего стараго, нѣмецъ этотъ лукавый! А то еще сегодня мнѣ сказали, онъ и совсѣмъ у насъ останется; командиръ будетъ того эскадрона, что у насъ въ селѣ стоитъ. Гольдманъ нашъ, который теперь командуетъ, можетъ слышали? — въ майоры вышелъ... Не къ доброму это, Софья Михайловна, чуетъ мое серденько, не къ доброму!...

— Сколько я могу судить о ней, сказала на это холодно матушка,—ни этотъ господинъ Фельзенъ, ни кто другой не можетъ быть для нея опасенъ. Мнѣ кажется, добрая моя, что у вашей племянницы сердце не изъ очень чувствительныхъ.

— Ахъ, Софья Михайловна, что вы говорите! И странное волненіе зазвучало въ голосѣ Анны Васильевны.—Какъ можно сказать про женщину, что она никогда не полюбитъ!... Съ каждой можетъ случиться такое несчастіе, съ каждой!...

— Несчастія можно, пожалуй, добиться, отвѣчала maman съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ, — да еще если будешь непремѣнно искать его.

— Искать? Спаси Мати Пресвятая Богородица! И не ищите, само придетъ, само! захочетъ врагъ, вездѣ тебя найдетъ, отъ него не уйдешь никуда...

— Отъ этого врага всегда можно уберечься, замѣтила матушка.

— Не убережешься, Софья Михайловна, нѣтъ! Одинъ Богъ милосердый можетъ тебя спасти тогда, одинъ Богъ!

— А разсудокъ намъ на что данъ, а долгъ?...

На этомъ словѣ разговоръ оборвался.

Я не смѣлъ дышать. На каминѣ, надъ самымъ моимъ ухомъ, часы загремѣли вдругъ безконечную арію.

Когда послѣдній звукъ ихъ смолкъ подъ высокимъ потол-

комъ гостиной, я услыхалъ опять голосъ Анны Васильевны. Она говорила про Любовь Петровну.

— ... Съ самаго дѣтства не было ей доли; только родилась она живая да веселая; тѣмъ только, можетъ, и спасла себя отъ отчаянія. Родные ея богатые люди были, да отецъ ея все разорилъ; какъ умеръ, семейство оставилъ большое и почти-что нищее. Мать ея хворая была и хмурая такая, говорятъ, что не давай Боже! Изъ княжескаго рода шла; къ бѣдности привыкнуть не могла никакъ. Дѣтей своихъ она, Богъ ее знаетъ, не любила, или характеръ у нея такой ужь несграбный былъ, только Любочка разсказывала мнѣ, что мать ее къ себѣ почти на глаза не пускала. Такъ и росла она до шестнадцати годовъ, одна, безъ ласки, безъ совѣта, — сестры ея раньше замужъ повыходили. А выросла она красота малеванная, головонька умная, ловкая да быстрая...

— Да, я ее помню въ Петербургѣ, примолвила матушка, — когда они только-что пріѣхали, послѣ свадьбы, изъ Москвы. Лубянскій привозилъ ее тогда ко мнѣ. Бѣдняжка! онъ былъ влюбленъ въ нее какъ сумасшедшій!

— И Герасиму Иванычу не вышла доля на этомъ свѣтѣ! печально сказала на это Анна Васильевна. — Не умѣлъ онъ, не умѣлъ привлечь къ себѣ жены. За него Любочка противъ воли пошла.

— Да, это мнѣ говорили; но отъ чего такъ, скажите? Онъ въ то время молодъ былъ и собой очень не дуренъ, человѣкъ всегда былъ умный...

— И служилъ хорошо, и съ состояніемъ человѣкъ, досказала Анна Васильевна, — любая дѣвушка пошла бы за него съ радостью, Софья Михайловна. А она изъ-за того чуть очей своихъ не выплакала...

— Не нравился-ли ей кто-нибудь другой?

— Было и этого, пожалуй. Студіозусъ былъ одинъ, противъ окошка ея жилъ, подъ самою крышей; сама мнѣ сказывала,—изъ слуховаго окна въ зрительную трубу все выглядывалъ на нее, и на скрыпицѣ самыя жалостныя пѣсни игралъ...

Матушка разразилась громкимъ хохотомъ; да и я едва

успѣлъ зажать ротъ обѣими руками, такъ забавно проговорила все это наша милая Анна Васильевна.

— Студентъ, зрительная труба, жалобныя пѣсни! да развѣ все это серьезно? вѣдь это все пустое ребячество, добрая моя! сказала матушка, продолжая смѣяться. — Можно-ли изъ-за этого глаза выплакать?

— То-то оно и есть, что было то все ребячество глупое, да Герасимъ Иванычъ не умѣлъ понять того; — сгоралъ ужь онъ слишкомъ по ней. Вы, можетъ, не знаете, Софья Михайловна, какъ онъ на ней женился. Былъ онъ въ Москвѣ проѣздомъ. Въ церкви Божіей увидалъ ее въ первый разъ. А только увидалъ, такъ и врѣзался, взгорѣлъ какъ копна отъ грозы. Въ домъ къ нимъ въ первый разъ пріѣхалъ—свататься. До того времени не бывалъ въ домѣ никогда. Мать Любочкина, пустая голова, прости Господи, на первомъ же этомъ разу слово ему дала. Призвала Любочку и говоритъ: благодари меня, я тебѣ жениха нашла; такъ та и упала, чувствъ лишилась. Мать свою, знаете, она пуще грѣха смертнаго боялась; изъ рукъ ея мужа принять—лучше бы, говоритъ меня, живую въ землю зарыли... Ну, а можетъ и то, что она ни говори, скрипачъ-то этотъ музыкой своею серденько ея молодое и тронулъ тогда... Что за разумъ бываетъ у насъ въ молодые глупые годы! примолвила Анна Васильевна съ какимъ-то болѣзненнымъ вздохомъ. — Только мать на своемъ поставила, проклятіемъ ей пригрозила и за Герасима Иваныча просватала, да сама же, съ сердцовъ, али съ дурости своей, сама ему про студента и открыла. На его счастье, Ѳома Богданычъ въ ту пору въ Москвѣ былъ, ѣздилъ шерсть продавать; а то бы онъ, Герасимъ Иванычъ, музыканта бы зарѣзалъ!...

— Что вы? воскликнула матушка.—Онъ такъ ревнивъ былъ?

— А вы что думали? Загубилъ онъ этимъ самымъ все свое счастіе! Какъ еще женихомъ былъ, запугалъ онъ до смерти бѣдную Любочку, запугалъ своею ревностью,.. и ласками своими запугалъ потомъ, примолвила Анна Васильевна, понижая голосъ.—Такая ужь, знаете, кровь въ жилахъ его текла, Софья Михайловна; они свой родъ отъ старыхъ казаковъ ведутъ,—пропадай моя голова, да и шабашъ!...

— Послушайте, добрая моя, сказала матушка,—я помню, когда жила она въ Петербургѣ, я видѣла Любовь Петровну въ свѣтѣ. Она была очень въ модѣ, принимала весь городъ, кокетничала направо и налѣво; воля ваша, она нисколько не походила на запуганную женщину.

— Скажите, спросила поспѣшно Анна Васильевна, — говорили про нее тогда что-нибудь такое нехорошее?

— Нѣтъ, я не слыхала. Она слыла большою кокеткой,— и только. Женщины съ ней мало дружились, многія ей завидовали. Мужчины влюблялись въ нее толпой и говорили, что она холодная какъ ледъ. Мнѣ, признаюсь вамъ, во всемъ этомъ жалокъ былъ ея мужъ. Онъ видимо томился и страдалъ этою жизнью. Въ свѣтѣ на него никто не обращалъ вниманія; онъ былъ для всѣхъ мужъ красавицы Лубянской. Но меня, хотя и сама я была молода въ то время, что-то влекло къ нему, и я какъ-то всегда умѣла отыскивать его мрачную фигуру, вѣчно забившуюся въ уголъ и изъ-подъ темныхъ бровей сверкавшую большими грустными глазами. Этотъ человѣкъ былъ несчастливъ,—у него это было на лицѣ написано.

— Не умѣлъ онъ, не умѣлъ; самъ сгубилъ счастье свое! повторила, вздыхая, Анна Васильевна. Какая разумная голова-то была, а все у него вкось да мимо попадало. Самъ вѣдь онъ хотѣлъ, самъ просилъ Любочку веселиться, повезъ ее въ этотъ свѣтъ вашъ столичный. На балы, да на театры эти пораструсилъ онъ въ пять годковъ всѣ тѣ гроши, что старый батька его—скупой былъ старый,—сорокъ лѣтъ по куточкамъ понапрятывалъ. А знаете ли, Софья Михайловна, каково ей жить было, Любочкѣ? Вы въ гостяхъ ее видали и говорите: не походила она на запуганную женщину. А какъ вернутся они домой изъ гостей, она такъ ужь и знаетъ, такъ и ждетъ. Войдетъ онъ къ ней въ спальню, сядетъ около постели: „Говори мнѣ, Любочка, не томи мою душу, кого ты любишь?“ Она молчитъ: вѣдь и отвѣтовъ нѣтъ на такіе спросы! „Я знаю“, говоритъ онъ опять, а самъ блѣдный, въ лицѣ измѣнится,— „знаю, говоритъ, меня ты не любишь и не любила никогда,— но не для всѣхъ же сердце твое плита могильная! Я все вижу, знаю, говоритъ, въ тебя влюбленъ вотъ тотъ-то, вотъ

этотъ,—считать начнетъ,—говори, кого ты любишь, кого?" Глаза у него загорятся, дрожитъ самъ... Любочка сказывала, и страхъ, и жалость на него глядѣть! А захочетъ она оправдать себя,—и не давай Боже! Вскочитъ, какъ безумный сдѣлается. „Ты обманываешь меня, ты змѣя, кричитъ, изъ рукъ моихъ выскользнуть хочешь!" Другой разъ не выдержитъ она, заплачетъ. Онъ въ ноги ей повалится. „Скажи, говоритъ, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! стѣны развѣ головой ломать, чтобъ ты меня полюбила!" „Другая на моемъ мѣстѣ", говорила мнѣ не одинъ разъ Любочка, „другая бы году въ такомъ пеклѣ не прожила; а меня, говоритъ, счастливый характеръ мой спасалъ: утру слезы и на завтра опять танцовать ѣду".

— Я говорю вамъ, у ней сердца нѣтъ! пылко воскликнула матушка.

— Послушайте, Софья Михайловна, возразила такъ же живо ея пріятельница,—судите вы ее, какъ себѣ хотите, а я вамъ по истинѣ скажу: Герасимъ Иванычъ мнѣ по мужу племянникъ родной и жалѣю я его, такъ жалѣю, что и словъ сказать не найду, а только и Любочку я не могу винить! Сами вы сказали, нехорошаго про нее ничего не слышали. Долгъ свой она исполняла. А въ чувствахъ нашихъ одинъ Богъ милосердный судья.

— Я ее и не виню, но, по всему, что сами же вы разсказываете, нельзя однако думать, чтобъ она страдала избыткомъ этихъ чувствъ, замѣтила насмѣшливо матушка.

— Любочка сама знаетъ, сама мнѣ признавалась, поспѣшила отвѣчать Анна Васильевна,—когда, говоритъ, это безуміе у него проходило, что можно было съ нимъ тихо говорить, я ему не разъ предлагала: „послушайте, чего вы хотите отъ меня? Я никого не люблю и вамъ покорна: другаго и требовать отъ меня нельзя; только той любви, которой вы хотите, я и не пойму никогда; видно ужь уродилась я на свѣтѣ такая непонятная. Гдѣ же мнѣ взять для васъ того, въ чемъ Богомъ мнѣ отказано? Вы говорите, мучитесь черезъ меня. Можетъ, это и правда; не знаю изъ-за чего, а вижу только, что изъ-за этого и я покою не имѣю. Позвольте мнѣ уѣхать къ сестрѣ къ Рындиной; безъ меня вамъ, Богъ дастъ, полег-

чить. Вы, можетъ, еще найдете себѣ счастье; вы забудете меня, а можетъ,—что вѣдь придумала!—можетъ, говоритъ, еще найдете себѣ женщину, которая полюбитъ васъ такъ, какъ вы себѣ желаете, а какъ я не умѣю любить ни васъ, и никого на свѣтѣ"... Такъ нѣтъ, не соглашался онъ. Упадетъ въ кресло, закроетъ лицо руками: „нѣтъ, говоритъ, разстаться съ тобой я не могу! видно доля моя ужь такая несчастливая,—пропадать безнадежно у твоихъ ногъ!"...

— Что же тутъ было хорошаго съ ея стороны? воскликнула опять maman.—Это значило подливать масла въ огонь!

Но заступница Любови Петровны продолжала, не отвѣчая на это замѣчаніе:

— Видитъ Любочка, точно тоскуетъ онъ, мучится, все держитъ въ головѣ своей, что должно-быть она къ кому-нибудь питаетъ страсть. Вотъ она ему разъ: „Герасимъ Иванычъ, говоритъ, вы человѣкъ служащій, занятой, вамъ за мною скучно въ общество ѣздить. Хотите, я перестану бывать въ свѣтѣ, скажусь больной, не буду ни души принимать"? Не согласился онъ и на это.—„Я, говоритъ, жертвъ отъ тебя не приму; что тебѣ за радость жить съ глазу на глазъ со мной? Я, говоритъ, и такъ уже загубилъ твою молодость". Что съ нимъ дѣлать?... Такъ не одинъ годъ прошелъ. Дѣлался онъ, знаете, все хмурѣе и хмурѣе. Любочка и рѣшилась. Стала просить его, что ей ужъ давно на Украину хочется поглядѣть, что это за Украина такая, что имѣніе у него тамъ хорошее, а они живутъ въ Петербургѣ, да дѣла свои только поразстроили. Тамъ, говоритъ, и воздухъ хорошъ; Вася нашъ тамъ здоровенькій будетъ. А Васѣ тогда шестой годъ пошелъ, и все хворый былъ онъ въ нашемъ Петербургѣ. Внялъ наконецъ, почуялъ Герасимъ Иванычъ, а самого-то его давно тянуло въ родную сторону; они тогда и пріѣхали къ себѣ въ село, Горки прозывается; вотъ что теперь Романенковское, отъ васъ верстъ двадцать будетъ,—тогда оно Герасима Иваныча было. Тутъ я съ Любочкой и познакомилась. Годъ цѣлый прожили мы тогда съ ними.

— Скажите, спросила maman,—не сошлись они тогда, не пересталъ онъ ревновать?

— Да къ кому было ревновать ему здѣсь? Къ моему старому развѣ? Ей, знаете, здѣсь и было одно утѣшеніе, что пріѣдетъ Ѳома Богданычъ, посмѣшитъ ее. Въ Богдановское Любочка не любила ѣздить. „У васъ, говорила, шумно, дядюшка, а я одного покоя ищу".

— Это должно было нравиться Лубянскому, замѣтила опять матушка.

— Нравиться? Она здѣсь съ тоски помирала. Развѣ онъ этого не видалъ, не понималъ развѣ, что не для нашей, по правдѣ сказать, глухой стороны родилась она такою красавицей и разумницей? Сами знаете, Софья Михайловна, каково, послѣ столичнаго свѣта, можетъ показаться наше житье деревенское!

Матушка тихо вздохнула. Она, вѣрно, вспомнила про молчаливыя батюшкины прогулки изъ угла въ уголъ большой залы...

— Съ сосѣдями они знакомства не вели, продолжала Анна Васильевна.—Сынъ ея маленькій былъ, нѣмка-нянька не отходила отъ него, съ усердіемъ была женщина; Любочкѣ и заняться нечѣмъ было; тѣмъ только и убивала время, что лежитъ себѣ на диванѣ, книжки читаетъ, что привезла изъ Петербурга. Герасимъ Иванычъ тоже весь Божій день сидитъ одинъ въ кабинетѣ; а выйдетъ—молчитъ, очей не подымаетъ, точно какъ бы совѣстно ему на жену глядѣть... А какъ пришла еще осень, тяжко загудѣли вѣтры въ степу! Домъ у нихъ, знаете, большой былъ, старый—старый; за Разумовскаго еще дѣдъ Герасима Иваныча строилъ. Сидимъ мы другой разъ съ Любочкой, пообѣдавши, вдвоемъ; такой страхъ заберетъ, скажу вамъ, такъ тяжко подѣлается, какъ передъ часомъ смертнымъ. Гудитъ вѣтеръ, мететъ подъ окномъ, съ крыши черепицу рветъ, въ трубахъ будто младенца малюсенькаго рѣжутъ, воетъ... А то еще двери супротивъ тебя сами собой вдругъ какъ отворятся! А у нихъ, знаете, залъ древній былъ, высокій, а въ немъ темь и мракъ, какъ въ криницѣ,—да вдругъ какъ рявкнетъ тамъ, какъ зазвенитъ стекломъ разбитымъ,—и вихремъ у насъ заразъ всѣ свѣчи загаситъ. Родилась я, знаете, такая глупая, пужливая, зачураюсь со всей силы другой разъ!...

А Любочка только смѣется бывало! Наконецъ уже Ѳома Богданычъ уговорилъ ихъ переѣхать на зиму въ Богдановское.

— И не жаловалась она никогда на эту жизнь, скажите?

— Видно—не знаете вы ея, Софья Михайловна! Любочка умирать будетъ, не пожалуется. Сама она, по своей охотѣ, не уѣхала бы отсюда никогда. Герасимъ Иванычъ пожелалъ Горки продать, съ долгами расквитаться хотѣлъ. Любочка долго его даже отговаривала, да давалъ ему Романенко хорошую цѣну, онъ и продалъ; тогда они и поѣхали назадъ.

— Странная она женщина, воля ваша! медленно проговорила матушка.

— Это точно, скажу, странная она, странная! сказала Анна Васильевна, помолчавъ; — ее даже другой разъ понять трудно. А повѣрьте, только лукавства нѣтъ въ ней ни на грошъ. Особливо тогда, какъ молоденькая она была, что на думкѣ, что на сердцѣ, то у нея и на языкѣ бывало. По второму разу, какъ познакомились мы, поразсказала она уже мнѣ всю жизнь свою, съ дѣтства малаго. Признаюсь вамъ, Софья Михайловна, заворожила она меня совсѣмъ тогда; какъ дочь родную полюбила я ее. А съ другаго боку, знаете, посмотрю на Герасима Иваныча, ажъ въ груди защемитъ. Такъ задаромъ, часто думаю, у обоихъ счастье пропадаетъ. Попробую, думаю, допытать у нея тихимъ разговоромъ: чѣмъ обиженной она себя отъ мужа считаетъ? Однако, какъ ни билась, нѣтъ, одно говоритъ: „ничего я противъ него не имѣю, онъ человѣкъ хорошій, я его уважаю“.—Можетъ ты и уважаешь его, говорю я на то, только любви твоей, ласки къ нему я еще не видала; а вижу, что онъ изсохъ весь по тебѣ; это я вижу! — „Знаю, отвѣчаетъ, но я не могу, не могу, тетушка! Сколько разъ уговаривала я себя, по цѣлымъ ночамъ плакала, обѣты себѣ тайные давала... Я знаю, говоритъ, мнѣ слово сказать, улыбнуться ему стоитъ,—и онъ себя счастливѣе царя почитать будетъ,.. но я не могу, всѣмъ святымъ клянусь,— не могу! Только услышу, идетъ онъ изъ другой комнаты, и всѣ обѣты мои сгинули, пропали; языкъ мой сохнетъ, вся кровь отливаетъ къ сердцу. Когда онъ беретъ меня за руку, когда поцѣловать меня хочетъ, я чувствую, какъ вся я какъ

ледъ становлюсь, и онъ точно тогда прижимаетъ къ груди своей мраморную плиту, какую кладутъ на могилы"... И повѣрите мнѣ, Софья Михайловна, разсказываетъ это мнѣ она, а сама вся блѣдная, блѣдная... Богъ его знаетъ, какъ онъ ей такое чувство внушилъ! губы у ней даже какъ холстъ бѣлыя сдѣлаются... Такъ, признаюсь, жаль мнѣ ее станетъ... — Послушай, говорю, Любочка, ни винить, ни хвалить я тебя не могу: не суди, да не осужденъ будешь. А только говори мнѣ по чистой совѣсти: ты не жалѣешь-ли кого, не гадаешь-ли по комъ думки?—„По комъ же это мнѣ думку гадать, тетушка?" передразниваетъ она меня; смѣялась она всегда моимъ хохлацкимъ словамъ, промолвила, засмѣявшись, Анна Васильевна.—Да вѣдь, говорю, ты сама мнѣ призналась, за тобой много мужчинъ пропадало? Смѣется. — Любили они тебя? — „Не знаю, говоритъ; одинъ офицеръ обѣщался застрѣлиться изъ любви ко мнѣ, только живъ и посейчасъ." — Нѣтъ, говорю, ты не шали, Любочка; я не шутя спрашиваю: изъ этихъ мужчинъ всѣхъ, что за тобой пропадали, сама ты никого не полюбила? „Тетушка, говоритъ она мнѣ на это, и за обѣ руки взяла, — замѣтили вы, что я никогда перчатокъ не сымаю?" — Вижу; это у васъ, вѣрно, такая мода въ Петербургѣ. — „Нѣтъ, говоритъ, я не изъ моды, а изъ-за того, чтобы ничьи мужскія губы не касались моей голой руки... Когда сниму перчатки, будетъ значитъ, что я кого-нибудь полюбила!... Только не знаю, говоритъ, когда это случится,— а до сихъ поръ всѣ мужчины для меня то же, что Герасимъ Иванычъ"... И сама опять вся застынетъ, вся блѣдная сдѣлается...

— А въ кокетствѣ своемъ признавалась она вамъ, Анна Васильевна?

— Сколько разъ признавалась! „Безъ этого, говоритъ, въ свѣтѣ веселиться нельзя, а мнѣ веселиться надо было, мнѣ это одно и оставалось въ жизни, тетушка!" И такая она чудная, право! „Бывало, сказываетъ, на балу, когда все это разгорится, музыка такъ и заливается, а ловкій кавалеръ, да еще влюбленный въ тебя, уноситъ тебя по залѣ, — я часто, говоритъ, думала: сегодня ночью *онъ* меня, можетъ, зарѣжетъ

изъ ревности, — такъ дай же хоть натанцуюсь въ послѣдній разъ! И повѣрите, увѣряетъ, никогда я такого веселья не чувствовала, какъ тогда!"—Ну, говорю я ей, храбрая же ты, Любочка! Я бы отъ одного страха отъ этого три раза успѣла помереть до того часу, а ты говоришь, тебѣ весело было!... Напослѣдокъ спрашивала я ее: а до замужества твоего, Любочка, признавайся, никого ты не любила?—„Никого, я дитя была", отвѣчаетъ и такъ прямо мнѣ въ глаза глядитъ.—Ну, смѣюсь я ей, а музыканта того, что въ трубу на тебя глядѣлъ?—Какъ она покатится! — „Ахъ, да! говоритъ, въ этого я точно была влюблена, пока близко не увидала; а разъ въ церкви онъ сталъ рядомъ со мною, — у него на щекѣ была большая бородавка съ волосами. Я его тутъ же въ церкви и разлюбила"...

— Послушайте, Анна Васильевна, сказала матушка,—можетъ быть племянникъ вашъ и виноватъ, виноватъ уже во всякомъ случаѣ въ томъ, что увлекся страстью къ существу, которое его не любило и любить не могло. За то же онъ по винѣ и наказанъ: въ сорокъ лѣтъ человѣкъ безъ ногъ и безъ языка! Но *она*, изъ-за которой онъ всю жизнь свою погубилъ, неужели она, по-вашему, во всемъ права?

— Боже ты мой! со слезами въ голосѣ отвѣчала на это Анна Васильевна, какъ бы глубоко взволнованная этимъ замѣчаніемъ. — Нѣтъ, я такъ думаю, злодѣя на свѣтѣ, чтобы взглянулъ на Герасима Иваныча и не пожалѣлъ бы его... Конечно, примолвила она, запинаясь и вздыхая,—можетъ не безъ грѣха и Любочка... За то можетъ Богъ и наказалъ ее теперь этимъ... барономъ нѣмецкимъ.

— Да скажите, пожалуйста, спросила maman,—что васъ такъ пугаетъ этотъ баронъ?

— А то пугаетъ, Софья Михайловна, что чуетъ сердце мое,—не добрымъ это кончится!

— Вы думаете она перчатки скинетъ? сказала матушка и засмѣялась.

— Ахъ, не смѣйтесь, Софья Михайловна, тревожно заговорила Анна Васильевна,—не смѣйтесь! Право, говорю вамъ, боюсь я за нее. Большаго свѣта вашего я не знаю, вѣкъ

свой на Украйнѣ прожила, а людей я видала. Повѣрьте мнѣ, хитрый это человѣкъ и прожженный, и всю эту женскую науку какъ по книгамъ прошелъ. Отъ Любочки, знаете, у насъ тамъ всѣ безъ ума сдѣлались. Ну, офицерство-то наше, доморощенное, тѣ, по простотѣ, курятъ ей, да финтятъ съ утра до вечера. Смотришь, одного она обсмѣяла, другаго обсмѣяла, — такъ они другъ за дружкой и отъѣзжаютъ. Со стороны смотрѣть даже на это весело. А онъ, нѣтъ, онъ другую политику держитъ. Съ хитрости другой разъ день цѣлый къ ней не подходитъ, а все видитъ, слѣдитъ за ней. Съ Ѳомой Богданычемъ начнутъ они о пѣніи, или что тамъ другое говорятъ, и онъ будто этимъ разговоромъ занятъ, руками даже машетъ это... А въ головѣ, видно, все она, все какъ бы за ней подсмотрѣть; нѣтъ-нѣтъ, — и сверкнетъ на нее очами...

— А глаза у него хороши, замѣтила матушка.

— Какъ у бѣса въ пеклѣ, прости Господи! съ негодованіемъ воскликнула Анна Васильевна. — Богъ знаетъ, что вы нашли въ нихъ хорошаго, Софья Михайловна. Лукавые, недобрые у него глаза, чтобъ имъ лихо было!

„У ехиднаго князя Сатаны Вельзевуловича полымемъ горятъ очи змѣиныя".—пришли мнѣ на память слова изъ какой-то сказки Максимыча. Мнѣ вспомнился въ то же время тотъ взглядъ, которымъ глядѣлъ на меня Фельзенъ въ Богдановскомъ саду; дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, и я съ невольнымъ страхомъ взглянулъ въ темный уголъ гостиной; точно онъ опять, этотъ змѣиный взглядъ, сверкнулъ тамъ въ колеблющейся мглѣ...

Но въ столовой заговорили снова, и я опять весь обратился въ слухъ.

— А Любочку и узнать нельзя теперь, молвила Анна Васильевна, — невеселая такая стала, все молчитъ, будто что тяжкое хоронитъ на сердцѣ. Куда это ея смѣлость, смѣхъ ея вольный дѣвался? И не пойму я ихъ, право: то какъ бы обиженная сидитъ она, будто гнѣвная, другой разъ на его разговоръ словомъ не отвѣтитъ, а то вдругъ на себя не похожа станетъ, гордость свою позабудетъ, подниметъ на него очи

такъ жалостно, точно какъ прощенія проситъ, точно чувствуетъ, что виновата противъ него. А чѣмъ это она можетъ виновата быть противъ этого нѣмца лукаваго, сами скажите, Софья Михайловна?...

— Неужели, въ ея годы? начала было матушка и не договорила. — Мнѣ жаль ея сына! примолвила она, помолчавъ, и потомъ спросила: — а долго еще останутся они у васъ въ Богдановскомъ?

— Любочка обѣщалась пожить съ нами. Герасиму Иванычу, слава Богу, будто полегче стало. Вотъ, Софья Михайловна, ѣздили по чужимъ сторонамъ, ничего не наѣздили. Давно бы къ намъ на Украйну. Нашъ воздухъ вольный, вылѣчитъ лучше всѣхъ тѣхъ микстуръ лядащихъ, что нѣмцы повыдумывали; это я вамъ истинную правду говорю, подтвердила Анна Васильевна.—Ѳому Богданыча, продолжала она,— Любочка просила опекуномъ къ Васѣ. Онъ и ея дѣлами управляетъ.

— Какими дѣлами? сказала матушка:—у нея развѣ имѣніе какое-нибудь?

— Она теперь сама съ состояніемъ, отвѣчала Анна Васильевна. — Герасимъ Иванычъ, когда Горки свои продалъ, скоро потомъ, черезъ Ѳому Богданыча, купилъ въ Черниговской губерніи хорошее имѣніе, 800 душъ, и на ея имя записалъ. Старый мой за то ему часто выговаривалъ. Ты, говоритъ, сына своего обижаешь! А онъ отвѣчаетъ: не хочу, чтобы послѣ моей смерти Любочка отъ кого зависѣла, а сына она сама не обидитъ; я ее знаю...

Новый бой часовъ на каминѣ покрылъ голосъ Анны Васильевны, и затѣмъ послышался въ столовой шумъ отодвигавшихся стульевъ.

На цыпочкахъ, притаивъ дыханіе, выбрался я изъ гостиной.

М-г Керети еще не спалъ. Онъ лежалъ въ постели съ любимою своею книгой: *Notre Dame de Paris*, въ рукахъ. Я объявилъ ему, что мы переѣзжаемъ завтра въ Богдановское.

— Eh bien, ma foi, c'est ce qu'on a pu trouver de mieux dans l'occurence! отвѣчалъ онъ, къ немалому моему удивле-

нію. Я думалъ, самолюбивый французъ непремѣнно обидится, что матушка не спросила предварительно его мнѣнія.

— Je ne serai pas fâché de rire un peu avec ce diable de musicien, промолвилъ онъ, усмѣхнувшись. Ce diable de musicien означало на его языкѣ Булкенфресса, къ которому мой наставникъ питалъ нѣкоторую слабость.

Пожелавъ ему доброй ночи, я улегся въ постель. Но уснуть я не могъ. Подслушанный мною разговоръ не выходилъ у меня изъ головы и глубоко волновалъ меня. Я снова припоминалъ все видѣнное и испытанное мною въ Богдановскомъ, и снова въ воображеніи моемъ загорались соблазнительные образы, шевелились новые смѣлые вопросы. Напрасно звучали мнѣ матушкины слова: „рано еще Борису о женщинахъ думать"; напрасно старался я забыть и повторялъ себѣ съ тоской: не хочу, не хочу я объ этомъ думать. Меня неотступно преслѣдовали, не давали мнѣ покоя слова Анны Васильевны,—изо всего разговора они болѣе всего поразили меня: „запугалъ онъ ее ревностью, запугалъ и ласками своими". Что же это за ласки были? тщетно добивался я отгадать, между тѣмъ какъ я весь горѣлъ и замиралъ, шепча эти слова, среди тишины ночи: „что за ласки такія, отъ которыхъ она стала какъ гробовая плита? Развѣ есть такія страшныя ласки?"

— Finirez vous bientôt de vous tortiller là-bas? закричалъ на меня m-r Керети изъ-за растворенной двери своей комнаты и закашлялся своимъ надрывающимъ, чахоточнымъ кашлемъ.

Я прижался подъ одѣяломъ; но блѣдные лучи зари уже играли на рамкѣ прадѣдовскаго портрета, когда я наконецъ заснулъ на моей сбившейся и горячей подушкѣ.

XII.

Максимъ разбудилъ насъ съ Керети часу въ восьмомъ. На дамской половинѣ, докладывалъ онъ, всѣ давно встали, завтракъ готовъ и лошадей запрягаютъ. Я быстро соскочилъ съ постели и съ радостнымъ чувствомъ принялся одѣваться. День стоялъ великолѣпный; въ растворенное окно, сквозь вѣтви моей старой липы, проникалъ въ комнату свѣжій, пахучій вѣтерокъ. Никогда, кажется, не чувствовалъ я себя такимъ бодрымъ, такимъ счастливымъ, какъ въ это утро. Печальный видъ матушки, которую мы застали съ Анной Васильевной, Настей и Левой въ столовой за завтракомъ, досадливо кольнулъ меня: онъ словно отзывался упрекомъ. „За что? думалъ я,—и изъ чего это, право, maman вѣчно безпокоится? вѣдь не на вѣкъ же мы разстаемся!“ А тутъ еще Настя, подлѣ которой мнѣ пришлось сидѣть за столомъ, пристала ко мнѣ:

— Ты такой противный и равнодушный, une figure endimanchée, quand maman est dans la peiue, — гадко смотрѣть на тебя.

— А ты завистливая дѣвчонка и больше ничего! отвѣчалъ я.

Настя посмотрѣла на меня совершенно озадаченная, на рѣсницахъ ея показались слезы,—она ужасно обидѣлась, но сдержалась и, повернувшись ко мнѣ плечомъ, сказала только:

— Я на дерзости не отвѣчаю.

— Ну, конечно, вы царевна, въ родѣ друга вашего Галечки Галагай! отпустилъ я ей „шпильку“.

Настя мигомъ обернулась; все лицо ея озарилось насмѣшкой, и, глядя мнѣ прямо въ глаза, сказала:

— А ты теперь *насмѣхаешься* надъ Галечкой, потому что ты...

Она не договорила.

— Потому что, что? переспросилъ я, чувствуя въ то же время, что краснѣю по уши.

— Я знаю, расхохоталась Настя и значительно качнула головой.

— Что ты знаешь?

— Не скажу!

„О, Боже мой, опять то же, *encore cette femme*! тоскливо шевельнулось во мнѣ,—и Настя, и maman, всѣ думаютъ, что я"...

Матушка между тѣмъ о чемъ-то шепотомъ переговаривала съ m-r Керети. „Обо мнѣ, навѣрное!" думалъ я, глядя на нихъ, и досада все болѣе и болѣе овладѣвала мною.

— Фу-ты, душно, смерть моя! влетѣла, запыхавшись, въ столовую тетушка Фелисата Борисовна и всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ опустилась въ кресло. Она была одѣта совсѣмъ по-дорожному, въ какой-то, сверхъ платья, полумужской шинели въ рукава, съ огромнѣйшимъ мѣшкомъ въ рукѣ и краснымъ фуляромъ, пристегнутымъ сзади къ чепцу и развѣвавшимся по ея плечамъ.

— Пора бы, кажется, и ѣхать! воскликнула она. — А то отъ жары здѣсь умрешь!

— Вы бы манто скинули, кротко предложила ей матушка.

— Покорно благодарю, — это, чтобы мнѣ простудиться! фыркнула въ отвѣтъ тетушка.

— Да вѣдь вы еще не завтракали.

— Когда же это я такъ рано завтракаю! Успѣю въ каретѣ, запаслась про случай. И тетушка указала на свой мѣшокъ.

— Что же, мы готовы, сказала, вздохнувъ, maman.

— Съ Богомъ, съ Богомъ! заторопилась Анна Васильевна, все время до этого болтавшая съ Левой, къ обоюдному, какъ видимо было, удовольствію ихъ.

Всѣ встали, обернулись къ образу, помолились, потомъ опять сѣли и, поднявшись, перекрестились и направились въ

переднюю. Тамъ уже возились, толкались и шмыгали люди съ подушками, мѣшками и всякимъ господскимъ добромъ.

— Фрося, Фро-о-о-ся? кричала Фелисата Борисовна, точно ее ножомъ рѣзали.

— А я туточки! отвѣчала ей, продираясь сквозь толпу, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, младшая и любимѣйшая изъ горничныхъ тетушки.

— А ты, курносая, вѣчно фуляръ мой забудешь подать! Поди сейчасъ, отыщи!

— А на що жь мини шукаты, когда жь вы іого на очипокъ соби начѣпили? отвѣчала балованная дѣвочка, закрывая рукавомъ свои сверкающіе зубы, чтобы не прыснуть отъ смѣха.

Не она, такъ всѣ остальные тутъ бывшіе громко расхохотались, даже Анна Васильевна, видимо побаивавшаяся тетушки и осторожно избѣгавшая разговоровъ съ нею. Фелисата Борисовна быстро закинула руку за голову, дернула платокъ, вырвавъ вмѣстѣ съ нимъ кусокъ изъ своего кисейнаго чепца, и, раздраженная общимъ смѣхомъ, тутъ же наложила на Фросю опалу, приказавъ ей оставаться въ Тихихъ Водахъ подъ строгимъ присмотромъ ключницы Мавры Ивановны, а вмѣсто Фроси ѣхать съ нею въ городъ толстой Хиврѣ, съ тѣмъ только, чтобы толстая Хивря отнюдь не смѣла въ городѣ ходить о босу-ногу, какъ это она дѣлала постоянно въ деревнѣ, а непремѣнно взяла бы съ собой башмаки и чулки, давно ей купленные тетушкой, но и по сю пору лежащіе ненадѣванными въ сундукѣ Хиври. Толстая Хивря, очевидно обрадованная, кинулась со всѣхъ босыхъ ногъ своихъ за сундукомъ, въ которомъ хранились ея башмаки съ чулками, а тетушка, поймавъ за рукавъ Леву, хохотавшаго звончѣе всѣхъ присутствовавшихъ, прочла ему достодолжную нотацію, главный смыслъ которой заключался въ томъ, что она давно бы его, сквернаго мальчишку, высѣкла, не будь только его баловницъ, подъ которыми, разумѣется, слѣдовало понимать матушку и Анну Васильевну.

Бѣдная Анна Васильевна, встрѣтившись съ разгнѣваннымъ взглядомъ тетушки, ужасно струсила.

— А ну же, идемъ садиться, идемъ скорѣе! залепетала она, поблѣднѣвъ и дергая меня за куртку.

Лева вырвался изъ рукъ тетушки и въ одинъ скачокъ очутился въ двухмѣстной коляскѣ Анны Васильевны, первой поданной къ крыльцу.

Анна Васильевна даже перекрестилась, занявъ въ ней свое мѣсто, такъ рада она была, что ушла отъ тетушки. Я помѣстился рядомъ, а Лева между нами. M-r Керети слѣдовалъ въ брикѣ съ Сильвой и съ Максимычемъ на козлахъ. Грузная четверомѣстная наша карета шестерикомъ, съ матушкой, тетушкой, Настей и съ Хиврей на запяткахъ, догоняла насъ съ трудомъ, тяжело качаясь съ боку на бокъ на огромныхъ своихъ рессорахъ.

На пятой верстѣ, у креста, поставленнаго на перекресткѣ трехъ *шляховъ*, экипажи остановились. Всѣ изъ нихъ вышли, кромѣ Фелисаты Борисовны, изнемогавшей отъ жары и скинувшей съ себя не только уже шинель, но и чепчикъ.

— Умираю, смерть моя! громко охала она въ своемъ углу, обмахиваясь большою вѣтвью, которую откуда-то успѣла ей добыть толстая Хивря, пока матушка, вся въ слезахъ, обнимала и благословляла насъ съ братомъ.

— Помни, что ты не ребенокъ, Борисъ, да и не взрослый тоже, и веди сѣбя какъ слѣдуетъ порядочному мальчику въ твои годы, чтобы мнѣ съ отцомъ твоимъ не стыдно за тебя было, говорила она мнѣ, долго и нѣжно цѣлуя меня. — Обѣщай мнѣ, что когда увидимся, ты мнѣ все откровенно, какъ ты всегда это дѣлалъ до сихъ поръ, разскажешь про себя, все, что бы ни было съ тобою, хорошее и дурное, все. Обѣщаешь?

— Обѣщаю, maman, говорилъ я растроганный, цѣлуя ея руки, но не смѣя взглянуть ей въ лицо. „Помоги мнѣ только, Боже, сдержать обѣщаніе", думалъ я, хотя въ эту минуту твердо былъ увѣренъ, что ничего не сдѣлаю такого, что пришлось бы мнѣ потомъ скрывать отъ матушки. Но я припомнилъ вчерашнія ея слова Аннѣ Васильевнѣ. Если вдругъ *ей* захочется „влюбить меня въ себя", какъ же мнѣ быть тогда и какъ это разсказать потомъ maman?

Нетерпѣливые возгласы тетушки изъ кареты положили конецъ нашимъ прощаніямъ. Всѣ размѣстились опять по своимъ мѣстамъ, лошади тронули, и экипажи наши разъѣхались въ разныя стороны. Долго еще слѣдилъ я за матушкиною колымагой, подымавшей за собою цѣлыя облака пыли, пока не исчезла она за первыми хатами казеннаго села, на которое круто заворачивала дорога въ К. Веселое настроеніе мое исчезло, и я не открывалъ рта до самаго Богдановскаго. Анна Васильевна не докучала мнѣ никакими вопросами и только изрѣдка вопросительно поглядывала на меня. Одинъ Лева, по обыкновенію, трещалъ какъ стрекоза, прерывая свою болтовню лишь для того, чтобы кидаться на шею своей „баловницѣ", выражая ей напередъ восторгъ свой за всѣ радости, которыя ему сулило житье у нея: Анна Васильевна выпросила у матушки позволенія помѣстить его съ собою въ собственной спальнѣ и отпускать къ Керети только на уроки,—выше этого счастья Лева не могъ и придумать ничего.

На большихъ часахъ Богдановскаго дома колоколъ мѣрно отбивалъ двѣнадцать ударовъ въ то самое время, когда мы выѣзжали на *красный* дворъ. Посреди его стояло нѣсколько человѣкъ, внимательно слѣдившихъ за прыжками и вольтами статнаго сѣраго коня, на которомъ крѣпко и красиво сидѣлъ всадникъ въ бѣломъ кителѣ и какой-то вычурной, не русской формы, красной, шитой золотымъ снуркомъ фуражкѣ, молодецки надвинутой прямымъ козырькомъ на правый глазъ. Всадникъ былъ баронъ Фельзенъ. Онъ весело перекидывался словами съ Ѳомой Богдановичемъ, Булкенфрессомъ и старикомъ Золоторенкомъ, составлявшими группу его зрителей. Грохотъ коляски нашей, переѣзжавшей мостикъ предъ службами, услыхалъ онъ первый. Круто, однимъ поворотомъ руки, обернулъ онъ въ ту же минуту лошадь вправо и далъ шпоры. Мигомъ взвился конь на заднихъ ногахъ и съ страшною лансадой перелетѣлъ черезъ перила, отдѣлявшія красный дворъ отъ проѣзжей дороги. Кучеръ нашъ невольно осадилъ своихъ лошадей; съ балкона послышался чей-то пронзительный испуганный возгласъ. Но Фельзенъ на своемъ фыркавшемъ въ бѣлой пѣнѣ конѣ стоялъ уже у нашего экипажа, съ вычурною

почтительностью склонивъ голову предъ Анной Васильевной и держа на отлетѣ въ рукѣ свою красную фуражку.

— Не пужайсь, не пужайсь, Ганночка! кричалъ Ѳома Богдановичъ, бѣгомъ направляясь къ женѣ, поспѣшно вылѣзавшей съ нами изъ коляски, между тѣмъ какъ Фельзенъ, не теряя времени, скакалъ къ крыльцу. Надъ нимъ, на широкомъ балконѣ, заставленномъ померанцовыми деревьями и цвѣтами, бѣлѣли женскія платья. Галечка и Любовь Петровна,— кто изъ нихъ крикнулъ, догадаться было не трудно. Когда я подходилъ къ дому, ко мнѣ донесся обрывокъ фразы:

— ... sachez bien que je tiens aujourd'hui à la vie, madame, говорилъ снизу Фельзенъ, закинувъ голову назадъ и улыбаясь своею заискивающею и острою улыбкой.

— Ah! je l'avoue, vous m'avez fait une peur atroce! отвѣчала ему съ балкона Любовь Петровна, смѣясь громкимъ, но принужденнымъ, какъ мнѣ казалось, смѣхомъ.

Галечки на балконѣ уже не было. Она бѣжала съ лѣстницы навстрѣчу матери и, будто разсчитавъ каждый шагъ свой, у самаго порога низко наклонилась предъ ней, почтительно цѣлуя ея руку, между тѣмъ какъ Любовь Петровна весело кричала ей съ балкона:

— И не стыдно, вамъ, тетушка, такъ пропадать!

На насъ съ Левой она не обратила никакого вниманія.

„Гдѣ ей теперь! подумалъ я, она... Напрасно только maman безпокоилась насчетъ меня", примолвилъ я съ горечью, за которую тотчасъ же упрекнулъ себя.

Какъ за то радъ намъ былъ добрѣйшій Ѳома Богдановичъ! Лева успѣлъ уже ему все пересказать, и Ѳома Богдановичъ торопилъ людей устроить насъ такъ, какъ договорилась Анна Васильевна съ матушкой, то-есть Леву въ ея спальнѣ, а меня съ Керети—въ двухъ комнатахъ рядомъ съ Герасимомъ Ивановичемъ и Васей. Самъ онъ, взявъ меня за руку, потащилъ наверхъ, въ эти комнаты.

— Вася, гдѣ ты? кричалъ онъ еще съ лѣстницы.

— Здѣсь, дядя, послышался знакомый голосъ, и милая бѣлокурая голова свѣсилась съ перилъ наверху.

— А вотъ гляди, привезли еще плѣнника, чтобы тебѣ

одному въ темницѣ не сидѣть! хохоталъ Ѳома Богдановичъ, уцѣпившись рукой за воротникъ моей куртки и едва успѣвая переступать со ступени на ступень своими коротенькими ножками.

Вася поспѣшно сбѣжалъ къ намъ на встрѣчу. Я повисъ ему на шеѣ.

Онъ былъ очень обрадованъ, узнавъ, что мы надолго пріѣхали въ Богдановское.

— Болѣзнь отца твоего не опасна? заботливо спросилъ онъ, когда я ему разсказалъ, какъ это все случилось.—А моему, ты знаешь, лучше! примолвилъ онъ, пожимая мою руку, которую не выпускалъ изъ своихъ.

— А вотъ сейчасъ побачимъ на него, сказалъ Ѳома Богдановичъ, добираясь до верхней ступеньки и садясь отдохнуть на лавку у стѣны, въ ожиданіи людей, тащившихъ наши чемоданы. Ступайте, ступайте, я живенько за вами.

Вася отворилъ дверь налѣво и повелъ меня по корридору, на который, какъ въ гостинницахъ, выходили съ обѣихъ сторонъ двери отдѣльныхъ жилыхъ покоевъ. Въ концѣ его, въ большой угольной комнатѣ, помѣщался отецъ Васи.

— А тутъ вотъ рядомъ мой пріютъ, говорилъ весело Вася, а напротивъ Савелій, а вотъ гдѣ, вѣроятно, ты съ своимъ гувернеромъ будете жить.

— Ахъ, это тѣ комнаты, что выходятъ окнами въ большую залу,—знаю!

— Да, кажется; я не бывалъ... Пойдемъ къ папа, пока ихъ отопрутъ и принесутъ ваши вещи.

Мы застали Герасима Ивановича въ креслѣ у большаго стола, на которомъ наложена была цѣлая груда Гревдоновскихъ женскихъ головокъ, литографированныхъ изображеній разныхъ историческихъ лицъ и сценъ и парижскихъ каррикатуръ. Старикъ Савелій отбиралъ ихъ по порядку одну за другою и тщательно укладывалъ подъ глаза барину. Больному, повидимому, очень нравилось это развлеченіе, и онъ такъ поглощенъ былъ имъ, что не замѣтилъ, какъ мы подошли къ самому его креслу. Онъ былъ гладко выбритъ, остриженъ и

показался мнѣ очень помолодѣвшимъ, въ своемъ свѣжемъ бѣльѣ и свѣтлой лѣтней одеждѣ.

— Папа, посмотри, кого я тебѣ привелъ! молвилъ Вася, подходя къ нему и осторожно обнимая его.

Онъ меня тотчасъ же узналъ, улыбнулся,—не какъ тогда, въ саду,—улыбнулся какъ всѣ люди, и приподнялъ, къ немалому моему удивленію, свою правую руку.

— Вы очень поправились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ, сказалъ я, взявъ эту руку, которая далеко уже не была такая ледяная, какъ тогда.

— Это еще не все! воскликнулъ радостно Вася:—онъ заговоритъ сейчасъ!

Больной улыбнулся снова, губы его зашевелились, и онъ съ трудомъ, тихо и медленно, но такъ, что я явственно могъ разслышать, проговорилъ:

— Я очень радъ васъ видѣть...

— А я какъ радъ, что вамъ лучше, Герасимъ Иванычъ! васъ узнать нельзя!

Вася восторженно глядѣлъ на отца и на меня; мое непритворное удивленіе удостовѣряло его, что состояніе больнаго шло дѣйствительно несомнѣнно къ лучшему.

Но самъ больной вѣрилъ-ли своему выздоровленію, сознавалъ-ли онъ это несомнѣнное *лучше*, которому такъ радовался его сынъ? Едва-ли! Все та же унылая, безотрадная мысль, выраженіе которой такъ поразило меня при первой встрѣчѣ съ нимъ, горѣла все тѣмъ же неугасимымъ огнемъ въ глубокихъ впадинахъ его глазъ; онъ усиленно старался улыбаться, а эти темные глаза въ то же время какъ будто говорили мнѣ: „не вѣрю, я не вернусь къ жизни,—да и къ чему?...“

„О, Боже мой, думалъ я, какой онъ несчастный, безконечно несчастный человѣкъ! И къ чему онъ такъ добивался *ея* любви, къ чему пугалъ *ее* этими непонятными „ласками, отъ которыхъ она стыла какъ плита могильная?“

Я старался не глядѣть на Васю, словно онъ могъ отгадать, что пробѣгало у меня въ мысли въ это время.

Ѳома Богдановичъ явился мнѣ на выручку. Онъ съ шу-

момъ влетѣлъ въ комнату, объявляя, что комната моя готова и Керети тоже, и что самъ французъ тутъ, и что онъ къ нему послалъ Булкенфресса, чтобы французу одному скучно не было, и что племянникъ его, Герасимъ Ивановичъ, совсѣмъ молодецъ, и что все отлично вообще, и Ганнуся такъ славно умомъ прикинула, выведя Софью Михайловну изъ затрудненія и привезя насъ въ Богдановское, что онъ отблагодаритъ ее тѣмъ, что на Успеніе дастъ всему сосѣдству балъ, на которомъ окончательно оправившійся Герасимъ Ивановичъ будетъ съ нимъ, Ѳомой Богдановичемъ, „откалывать гопака". Весь этотъ добродушный вздоръ сопровождался, по обыкновенію, хохотомъ, бѣганьемъ взадъ и впередъ по комнатѣ, щекотаніемъ собесѣдниковъ своихъ подъ мышки и всѣмъ этимъ гамомъ, который будто носилъ въ себѣ добрый помѣщикъ какъ табакерку съ музыкой, и безъ котораго онъ жить не могъ, какъ рыба безъ воды.

— А *гарныя цацки* прислалъ я тебѣ? спросилъ онъ вдругъ Герасима Ивановича, держась подъ бока отъ смѣху и указывая на попавшуюся ему на столѣ каррикатуру, изображавшую французскаго короля Луи-Филиппа въ видѣ груши.

Больной нѣсколько разъ качнулъ утвердительно головой.

— Ну вотъ, я радъ, и не скажу какъ радъ! Спасибо барону! Я ему все говорю: а чѣмъ бы это мнѣ моего недужаго утѣшить? А онъ говоритъ: картинки покажите ему, у меня ихъ интересная коллекція. Вотъ и прислалъ; тутъ еще не все, обѣщалъ другую папку прислать.

Герасимъ Ивановичъ задвигался вдругъ тревожно въ своемъ креслѣ.

— Что, папа? подбѣжалъ къ нему Вася.

Больной зашевелилъ губами.

— Не надо! прошепталъ онъ.

— Чего не надо, папа?

Глаза указывали на эстампы, лежавшіе на столѣ, рука нетерпѣливо двигалась сверху внизъ...

— Унести ихъ прочь?

— Да! да! съ напряженіемъ, довольно громко произнесъ больной.

Ѳома Богдановичъ, открывъ ротъ, съ изумленіемъ глядѣлъ на эту сцену: онъ ничего не понималъ.

Вася съ замѣшательствомъ взглянулъ на дядю.

— Ему довольно, объяснилъ онъ,—онъ утомляется...

— А утомляется, такъ и не надо! воскликнулъ совершенно удовлетворенный Ѳома Богдановичъ.—Борисъ, бери это все, неси къ своему французу, пусть подивуется на своего короля, какая изъ него здоровая *дуля* вышла... А можетъ, онъ обидится? спросилъ онъ меня,—такъ ты ему не показывай.

— Нѣтъ, смѣясь отвѣчалъ я, собирая эстампы,—ему это, напротивъ, очень понравится: онъ Луи-Филиппа терпѣть не можетъ.

— О! скажите на милость, своего короля терпѣть не можетъ! И Ѳома Богдановичъ приподнялъ плечи съ негодованіемъ.—Я же вотъ правду всегда говорю, что французы самый лядащій народъ!... Ну, до свиданія! А гдѣ обѣдать будешь? спросилъ онъ меня.

Вася поспѣшилъ сообщить мнѣ, что онъ обѣдаетъ съ отцомъ въ его комнатѣ. Я отвѣчалъ Ѳомѣ Богдановичу, что если Герасимъ Ивановичъ позволитъ, то и я буду обѣдать съ ними.

— Да, да, закивалъ утвердительно больной.

— Ну, и славно, ну и хорошо! Втроемъ и будете! Собирай цацки, Борисъ, ходимъ до твоего француза!

Въ отведенномъ намъ покоѣ мы застали Максимыча, уже успѣвшаго разобрать и разложить наше добро по шкапамъ и столамъ, и Керети, весело болтавшаго съ пріятелемъ своимъ Булкенфрессомъ. Приходъ Ѳомы Богдановича, принесенныя мною каррикатуры еще увеличили эту веселость. Музыкантъ въ глаза подымалъ на смѣхъ своего Gutsbesitser'a, какъ называлъ онъ Ѳому Богдановича, который въ простодушіи своемъ и допустить не могъ, что онъ служитъ посмѣшищемъ человѣку, живущему у него на хлѣбахъ. Ѳома Богдановичъ плохо разумѣлъ по-французски, а объяснялся еще хуже; изъ этого проистекали презабавныя недоразумѣнія, выходившія еще

смѣхотворнѣе въ переводѣ ихъ Булкенфрессомъ Керети, который только рукой отмахивался, повторяя: Mais finissez donc, vous allez me faire périre de rire! Онъ наконецъ замѣтилъ по моимъ глазамъ, что ему неприлично принимать участіе въ этомъ шутовствѣ, оскорбительномъ для человѣка, подъ кровомъ котораго мы находились.

— Voyons, finissez donc pour de bon! сказалъ онъ музыканту,—vous devenez inconvenant!

Булкенфрессъ глянулъ на меня изъ-подъ очковъ, сжалъ губы и смолкъ. А добрѣйшій хозяинъ, трепля его по плечу, поощрялъ его:

— Ай да нѣмецъ, — потѣшилъ! Съ нимъ со скуки не помрешь! Pas mourir triste avec lui! пояснилъ онъ Керети.

— Non, monsieur, non, jamais, отвѣчалъ ему тотъ, отворачиваясь, чтобы не расхохотаться снова.

Ѳома Богдановичъ ушелъ, а за нимъ Булкенфрессъ увелъ къ себѣ моего гувернера.

— Безпокойно имъ будетъ здѣсь, кивая во слѣдъ Керети головой, сказалъ мнѣ Максимычъ, едва остались мы съ нимъ вдвоемъ.

— А почему ты думаешь?

— Сами видите, окна-то куда выходятъ. Здѣсь по вечерамъ лясы да плясы, въ самой этой залѣ, значитъ, индѣ до пѣтуховъ; говорятъ, иной разъ всякая тутъ музыка бываетъ, пьютъ и играютъ,—вотъ этотъ самый музыкантъ исполняетъ, а съ нимъ и вся офицерія здѣшняя. Гдѣ же больному покой себѣ имѣть? Да и вамъ самимъ, Борисъ Михайловичъ, не знаю, какъ спать-то вамъ будетъ здѣсь.

— Э! еще какъ спать буду, Максимычъ!

— Ну, глядите, чтобы мнѣ завтра одѣяла съ васъ не тащить. Не ожидаю я здѣсь большаго покоя ни для кого, то-есть, примолвилъ мой дядька, морщась и шевеля плечами, что всегда означало въ немъ крайнее неудовольствіе. — Содомъ, какъ есть содомъ! подтвердилъ онъ, значительно взглянувъ на меня,—поживите, сами увидите, а не увидите, такъ это, значитъ, для васъ еще лучше.

„Максимычъ, подумалъ я, вѣрно что-нибудь слышалъ про этого противнаго барона и про....“ Но мнѣ стыдно было разспрашивать моего старика, и я снова отправился къ Васѣ. „Когда я *ее* увижу, непремѣнно замѣчу, въ перчаткахъ она или нѣтъ“, обѣщалъ я себѣ, припоминая опять то, что разсказывала вчера Анна Васильевна матушкѣ.

XIII.

Герасимъ Ивановичъ спалъ въ своемъ креслѣ. „Анна Васильевна только-что къ нему заходила, сказалъ мнѣ Вася, и ушла къ дочери.“ Вася повелъ меня въ свой пріютъ, какъ онъ называлъ очень милую съ ковромъ комнатку, въ которой когда-то спала Галечка, переведенная теперь, по случаю пріѣзда Лубянскихъ, въ другую часть того же этажа. Онъ передалъ мнѣ, что отецъ его обыкновенно засыпаетъ по нѣскольку разъ въ день, за то ночи проводитъ почти безъ сна, сидя одинъ, въ потьмахъ, у открытаго окна. „Онъ сердится, говорилъ Вася, когда Савелій или я входимъ къ нему въ это время. Но вѣдь нельзя же оставить его совсѣмъ одного, и мы поэтому чередуемся съ Савеліемъ и еще другимъ человѣкомъ, который при папа. Я дежурю въ своей комнатѣ отъ девяти часовъ до двѣнадцати, потомъ приходитъ мнѣ на смѣну Савелій и сидитъ здѣсь до двухъ, а потомъ тотъ человѣкъ до зари; на зарѣ папа всегда заснетъ, и это его лучшій сонъ.

— И это все ты такъ устроилъ? спросилъ я.

— А то кто же? отвѣчалъ онъ улыбаясь.

— Нѣтъ, я думалъ... твоя мама...

— Мама... да... пробормоталъ Вася, и онъ торопливо провелъ рукой по лицу. — Она обыкновенно приходитъ сюда утромъ, послѣ завтрака....

— Ты только тогда ее и видишь?

— Она живетъ тамъ, въ павильонѣ. Вася указалъ въ окно по направленію сада, — обѣдаетъ она внизу со всѣми, а я здѣсь, и вечеромъ также здѣсь, внизъ я почти никогда не

схожу... А много ты стиховъ сочинилъ за все это время? спросилъ онъ меня вдругъ, очевидно желая заговорить о другомъ.

— Нѣтъ, я ничего не сочинялъ, такъ скучно было. Мнѣ очень хотѣлось тебя видѣть, Вася.

— Спасибо тебѣ, Боря, ты добрый. Со мною не весело, какъ съ другими, я это знаю, а вотъ ты полюбилъ меня...

— И еще какъ! Мнѣ кажется, что я съ тобой друженъ отъ самой колыбели. Отчего это такъ бываетъ, что сразу увидишь, и вдругъ полюбишь?

Вася улыбнулся.

— Пословица говоритъ: рыбакъ рыбака видитъ издалека. Ну, и хорошіе люди тоже, должно-быть, узнаютъ другъ друга...

— А развѣ хорошій человѣкъ, прервалъ я его, — непремѣнно долженъ полюбить такого же хорошаго? Развѣ такъ не можетъ случиться, что просто полюбишь, самъ не зная за что?

— И что тогда? спросилъ неожиданно Вася.

— Что? не знаю... промолвилъ я, озадаченный такимъ вопросомъ.

— Я думаю, сказалъ онъ, съ внезапнымъ волненіемъ въ голосѣ,—что отъ этого можетъ произойти много нехорошаго...

— Отчего нехорошаго, Вася?

— Надо имѣть волю надъ собой, продолжалъ онъ, не отвѣчая на вопросъ мой:—прежде чѣмъ полюбить, надо знать, что дѣлаешь...

— Да развѣ можно сказать себѣ: вотъ этого я полюблю, а вотъ этого нѣтъ? опровергалъ я его. Это невольно дѣлается.

Вася помолчалъ.

— А какъ бы ты поступилъ въ такомъ случаѣ, напримѣръ? молвилъ онъ затѣмъ, пристально глядя на меня своими большими, темно-синими глазами.—Мы вотъ такъ съ тобой, положимъ, подружились, что любимъ другъ друга какъ братья. И вотъ ты встрѣчаешь другаго мальчика, который тебѣ вдругъ понравится. Я, твой другъ, это вижу. И не я, а положимъ отецъ твой и мать, которые гораздо для тебя дороже, видятъ

это и говорятъ тебѣ: Боря, тотъ, кто тебѣ нравится, не стоитъ, чтобы ты его любилъ; но еслибъ онъ и стоилъ, знай, что если ты его полюбишь, мы будемъ несчастливы, очень, на вѣки несчастливы! Говори, что бы ты сдѣлалъ тогда?

— Я постарался бы не полюбить его, Вася; уходилъ бы отъ него, старался бы его забыть...

— А! вотъ видишь, вотъ видишь! прервалъ меня съ торжествомъ Вася.—Ты бы не захотѣлъ видѣть несчастными близкихъ тебѣ и постарался бы заглушить въ себѣ то чувство, отъ котораго могло бы придти это несчастіе? Такъ вѣдь, такъ?

— Такъ, Вася, но заглушить, какъ ты говоришь, мое чувство, не думать о немъ, я не знаю, успѣлъ-ли бы я.

— Успѣлъ бы, еслибы захотѣлъ, лишь была бы твердая воля. А главное то, что ты бы поступилъ такъ, какъ тебѣ слѣдовало, какъ тебѣ Богъ велѣлъ. Не правда-ли?

— Конечно!

— Ты былъ бы самъ, можетъ-быть, немножко несчастливъ, за то спасъ бы отъ большаго несчастія тѣхъ, кто тебѣ долженъ быть всего дороже на свѣтѣ!..

Я не отвѣчалъ Васѣ и молча глядѣлъ на него. Мнѣ вдругъ сдѣлалось очень, очень тяжело на сердцѣ. Я хорошо понималъ, о чемъ, о комъ онъ думалъ, говоря о „большомъ несчастіи“...

Самъ онъ съ мигающими глазами всталъ, откинулъ обѣими руками назадъ свои длинные волосы, заглянулъ въ комнату отца и, возвращаясь на мѣсто:

— Такъ вотъ видишь, Борисъ, сказалъ онъ, улыбаясь.— что ты, можетъ-быть, очень неосторожно поступилъ, полюбивъ меня такъ сразу, „самъ не зная за что.“ Можетъ-быть, я совсѣмъ не достоинъ, чтобы ты меня любилъ?....

— Нѣтъ, пожалуйста, не говори ты мнѣ этого! воскликнулъ я, кидаясь обнимать его.—Я знаю, какой ты отличный!...

— И ошибаешься! сказалъ онъ.—Совсѣмъ не „отличный!“ Развѣ такіе должны быть отличные люди?... Я прощать не умѣю, неожиданно, глухо примолвилъ онъ.

Слова эти какъ бы противъ его воли сорвались у него

съ языка; онъ вдругъ поблѣднѣлъ, опустилъ голову и принялся искать чего-то глазами на коврѣ.

Я задумался тоже: мнѣ не случалось до сихъ поръ слышать подобныя рѣчи,—онѣ поражали меня, и тоскливо,—а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы унижая меня своимъ превосходствомъ надъ моими мелкими, ребяческими ощущеніями, звучало для меня это скорбное, зрѣлое чувство...

— Ты совсѣмъ какъ *большой* выражаешься, Вася, сказалъ я ему подъ этимъ впечатлѣніемъ.

Онъ поднялъ голову и усмѣхнулся.

— Да я и не маленькій, отвѣчалъ онъ. Мнѣ на дняхъ шестнадцать лѣтъ минетъ: я совсѣмъ не почитаю себя за ребенка.

Вотъ и мнѣ шестнадцатый годъ, только я самъ чувствую, что я предъ тобою какъ малое дитя...

— А у тебя развѣ это есть на рукахъ? отвѣчалъ мнѣ онъ, указывая на комнату, изъ которой довольно явственно слышался храпъ его спящаго отца. Ты счастливъ, оттого ты и дитя, Борисъ,—дай Богъ тебѣ никогда не знать...

Онъ не докончилъ, прошелся еще разъ по комнатѣ и сѣлъ прямо противъ меня.

— Послушай, сказалъ онъ, взявъ меня за обѣ руки.—Я теперь безъ шутокъ говорю тебѣ: не привязывайся ты очень ко мнѣ.

— Ты не хочешь! чуть не плача вскрикнулъ я.

— Шш... папа разбудишь! Я радъ, напротивъ, я тебѣ благодаренъ, и не пустое слово я говорю тебѣ этимъ. У меня до сихъ поръ не было ни единаго друга, товарища, даже просто сверстника, съ которымъ я бы могъ поговорить, обмѣняться мыслью. А вѣчно, вѣчно быть одному, вѣчно носить свою мысль въ себѣ—ты не знаешь, какъ это бываетъ иногда тяжело, Борисъ. Но стыдно только о себѣ думать. Я уже говорилъ тебѣ, со мною не весело, отъ меня не жди того же, что отъ Саши Рындина или отъ другихъ твоихъ товарищей: ты самъ видѣлъ, я никакихъ игръ не знаю. У меня какія забавы—всѣ тутъ вотъ. Тебѣ это или наскучитъ, Боря, и ты

станешь отдаляться отъ меня, а это мнѣ будетъ больно, потому что я привяжусь къ тебѣ,—или...

— Или что? нетерпѣливо допрашивалъ я, видя, что онъ какъ бы не рѣшается договаривать.

— Или самъ ты перемѣнишься, Борисъ...

Онъ пожалъ мнѣ руки и съ какою-то родительскою нѣжностью взглянулъ мнѣ въ лицо.

— Ты вернешься домой не тотъ, какимъ сюда пріѣхалъ... А что скажетъ на это твоя мать?

— Развѣ я ее меньше буду любить оттого, что сдѣлался твоимъ другомъ?

— Боже сохрани! возразилъ живо Вася.—Но если ты желаешь быть мнѣ искреннимъ другомъ, ты захочешь понимать меня, думать заодно со мною, ты станешь размышлять, ты увидишь, можетъ-быть, ты узнаешь многое, отъ чего ты будешь страдать и оскорбляться, и перестанешь быть тѣмъ, чѣмъ ты былъ до сихъ поръ, потому что я знаю, тетушка Анна Васильевна мнѣ еще сейчасъ говорила, у тебя сострадательное сердце и не глупая головушка. Къ чему же тебѣ страдать чужимъ горемъ? Да къ чему тебѣ и знать... Ахъ, Борисъ, право, заключилъ странный мальчикъ, — напрасно, напрасно отпустили тебя сюда!

— Нѣтъ, не напрасно! возражалъ я, — потому что горе вдвоемъ легче сносить, это всѣмъ извѣстно. Ну, я и возьму половину твоего горя!...

— О, о, какой ты отважный! улыбнулся Вася. — Только горю моему не поможетъ то, что ты, бѣлый голубокъ, замараешь въ немъ крылья.

Мрачное, почти злое выраженіе исказило мгновенно лицо Васи. Я никогда бы не повѣрилъ, что оно могло быть способно на такое выраженіе. Тутъ только понялъ я, что хотѣлъ онъ сказать, говоря, что не умѣетъ прощать...

— Онъ думаетъ, что у меня бѣлыя крылья, а я, я... И почти съ ужасомъ вспомнилъ я въ эту минуту смущеніе, какое производила во мнѣ красота его матери...

Герасимъ Ивановичъ все не просыпался, и мы проговорили съ Васей вплоть до самаго обѣда. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ,

почти тому три года, пораженъ былъ ударомъ его отецъ. Это было зимой въ Петербургѣ. Васѣ шелъ тринадцатый годъ. Отецъ очень занимался имъ, самъ давалъ ему уроки. Комната его была смежна съ кабинетомъ Герасима Ивановича. Однажды вечеромъ отецъ его и мать уѣхали куда-то на балъ. Вася легъ въ постель, но долго уснуть не могъ; онъ съ вечера готовилъ математическую задачу назавтра и такъ и легъ, не добившись рѣшенія ея, — это его мучило и мѣшало спать. Вдругъ онъ услышалъ шумъ отворяющейся двери въ кабинетъ и чьи-то голоса. Хорошо, ступай! говорилъ его отецъ. Дверь опять затворилась. Кто-то скорыми шагами зашагалъ по коврамъ.—Ты вернулся, папа? спросилъ Вася изъ своей комнаты. Отвѣта не было. Черезъ нѣсколько времени мальчикъ опять рѣшился спросить: Папа, это ты? Но тутъ произошло что-то ужасное: какой-то грохотъ и хрипъ, отъ чего „я весь оледенѣлъ", говорилъ Вася, „и думалъ, что умираю". Наконецъ онъ вскочилъ и кинулся въ кабинетъ. Одна свѣча горѣла тамъ на каминѣ, и Вася съ перваго раза не могъ понять, что случилось. Отца его не было! Только оглядѣвшись увидѣлъ онъ его въ дальнемъ углу, за письменнымъ столомъ. Бѣдный отецъ его лежалъ на полу недвижно, и густая, темная кровь текла у него по щекѣ: онъ наткнулся, падая, на уголъ тумбы съ какимъ-то бюстомъ, который вмѣстѣ съ нимъ и повалился. Отчаянный крикъ мальчика поднялъ весь домъ на ноги. Бросились за докторомъ; къ счастію, онъ жилъ не далеко и былъ дома. А то Савелій самъ, ремесломъ фельдшеръ, непремѣнно хотѣлъ пустить кровь своему барину—и убилъ бы его на мѣстѣ, объяснялъ Васѣ прибѣжавшій докторъ, который объявилъ, что это нервный ударъ.—„Папа перенесли на диванъ", продолжалъ Вася, „стали вокругъ него возиться... Я и разсказать тебѣ не могу, что со мною тутъ было: я ничего не видѣлъ, не слышалъ... Помню только, что я кидался, рыдая, къ людямъ и умолялъ: мамашу, мамашу скорѣе"! За нею поѣхали.

— Какъ она испугалась, я думаю! сказалъ я.

— Да... Я помню, какъ она вошла въ комнату, вся въ цвѣтахъ, жемчуги на шеѣ, въ такомъ прекрасномъ розовомъ платьѣ, взглянула на папа и вскрикнула...

— Она очень плакала, Вася?...

Онъ моргнулъ глазами и медленно проговорилъ:

— Она упала на стулъ и сказала: этого еще недоставало!... Потомъ расплакалась...

— Ей, должно-быть, было это очень больно, повѣрь, Вася!

— Я и вѣрю! отвѣчалъ онъ, строго взглянувъ на меня своимъ недѣтскимъ взглядомъ.

— Вы послѣ этого уѣхали за границу? поспѣшилъ я его спросить.

— Да, переѣзжали изъ города въ городъ, долго жили въ Гейдельбергѣ, въ Боннѣ, потомъ въ Швейцаріи. Медленно поправлялся папа. Ужасно то, что сознаніе очень скоро въ немъ вернулось, а бѣдное его тѣло все оставалось мертвымъ. Я очень скоро сталъ понимать его по глазамъ; ты самъ видишь, какіе они у него живые, говорящіе... Какъ ему надоѣдали доктора, еслибы ты зналъ! Ты вообрази, въ каждомъ городѣ новыя лица, новыя консультаціи — и все при немъ, какъ будто онъ въ самомъ дѣлѣ былъ мертвый. Сколько разъ я просилъ ихъ, говорилъ имъ, что онъ все слышитъ и понимаетъ. Они улыбались, не вѣрили, пошепчутъ между собой, а потомъ опять начнутъ громко... И чего-чего они ему ни предписывали! При мама онъ принималъ ихъ лѣкарство, а нѣтъ ея—онъ велитъ вылить стклянку за окно. Наконецъ въ Вѣнѣ, одинъ старикъ-докторъ, очень добрый человѣкъ, очень полюбившій насъ съ папа, сказалъ напрямикъ, что никакихъ лѣкарствъ не нужно, что вылѣчить его могутъ только три вещи, которыя онъ и проситъ maman не забывать, — взялъ перо и написалъ большими буквами, по-нѣмецки: время, чистый воздухъ и покой. Она тогда рѣшилась вернуться въ Россію, на югъ, и мы поѣхали прямо изъ Вѣны въ К., посовѣтоваться еще съ тамошними медиками. Они сказали maman, что совершенно согласны съ рецептомъ вѣнскаго ихъ собрата. Въ К. мы застали дядю Рындина и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали сюда.

— И въ самомъ дѣлѣ, какъ поправился отецъ твой здѣсь! Въ три недѣли, а какъ уже замѣтно!

Лицо Васи тотчасъ же повеселѣло, и онъ сообщилъ мнѣ,

что на дняхъ посѣтилъ больнаго докторъ изъ штаба генерала Рындина, видѣвшій его въ К.: онъ былъ пораженъ замѣченною имъ перемѣной къ лучшему и очень обнадеживалъ Васю.

— Я и самъ это вижу, говорилъ онъ.—Ахъ! промолвилъ онъ вдругъ, еслибы только папа согласился не сидѣть вѣчно у этого окна!

— Не все ли равно, гдѣ ему сидѣть, лишь бы воздуху ему побольше?

Вася не отвѣчалъ, и я только потомъ сообразилъ, что окно, о которомъ онъ говорилъ, выходило прямо насупротивъ павильона, занимаемаго Любовь Петровной.

— Ты однако продолжалъ учиться за границей, Вася? допрашивалъ я его. — Только по-русски кто же могъ тебя тамъ учить?

— Никто. Самъ я старался не забыть, много читалъ, мама выписывала мнѣ русскія книги. А по остальному меня готовилъ въ гимназію учитель, котораго ко мнѣ взяли въ Боннѣ, теологъ тамошняго университета, очень ученый; онъ съ нами ѣздилъ, только заболѣлъ въ Вѣнѣ и тамъ остался. Я надѣюсь, онъ пріѣдетъ скоро сюда, а то одному мнѣ успѣвать гораздо труднѣе. А что мнѣ другое дѣлать, примолвилъ онъ, слегка вздохнувъ,—какъ не учиться, когда я перестану быть полезнымъ *ему*...

XIV.

Звонъ колокола на дворѣ разбудилъ наконецъ больнаго. Онъ зашевелился, громко зѣвнулъ, и мы тотчасъ же вошли къ нему.

— Ты крѣпко спалъ, папа, смѣялся Вася,—даже подушка вотъ у тебя съѣхала, а ты не замѣтилъ. Дай я оправлю...

Но отцу его чего-то другаго хотѣлось; онъ зашепталъ, глядя на сына...

— Помоги, Борисъ, сказалъ Вася, подвезти кресло...

Мы подвезли его къ окну, къ *тому* окну, — и больной зорко принялся глядѣть въ него.

Павильономъ, въ которомъ жила Любовь Петровна, прозвано было Ѳомой Богдановичемъ одноэтажное небольшое деревянное зданіе, пристроенное имъ, ни къ селу ни къ городу, къ одному изъ крыльевъ большаго Богдановскаго дома, съ которымъ оно сообщалось довольно длинною, на колонкахъ, à jour, крытою галереей. Это было что-то въ родѣ прихотливой петербургской дачи, красивой развѣ тѣмъ, что она снизу и до самой крыши исчезала въ зелени. Дикій виноградъ, плющъ и павилика широко и густо расползались кругомъ, и поверхъ его росписныхъ ставней обвивали его тонкія, выточенныя пилястры. Ползущія растенія были какъ бы спеціальностью Богдановскаго, — нигдѣ такъ хорошо не принимались они, не росли такъ роскошно и обильно.

Колоколъ продолжалъ звонить къ обѣду,—и вотъ за этою зеленою сѣтью плюща и винограда показался и точно понесся, точно влекомый тихимъ вѣтромъ по сквозной галереѣ,

очаровательный женскій обликъ, съ пунцовою лентой вокругъ стройнаго стана, съ огромнымъ букетомъ такихъ же пунцовыхъ розъ въ рукѣ... *Она* прошла, не взглянувъ въ нашу сторону, и давно исчезла въ дверяхъ большаго дома, а онъ все еще глядѣлъ ей вслѣдъ съ какимъ-то невыразимымъ блаженствомъ и безконечною тоской въ говорящихъ глазахъ. Боже мой, какая сила любви жила въ этомъ „мертвомъ" тѣлѣ, какъ выражался Вася!

Я отошелъ отъ окна...

— Каждый день вѣдь такъ! шепнулъ мнѣ Савелій, уставлявшій тарелками столъ, на которомъ мы должны были обѣдать.—Только и есть у нихъ занятія, сидѣть у окна и ждать, когда барыня пройдутъ...

Обѣдъ нашъ втроемъ прошелъ довольно весело: Вася старался занимать отца, разсказывалъ ему какой-то эпизодъ изъ исторіи Украйны, только-что имъ вычитанный у Бантыша-Каменскаго, которымъ ссудилъ его Ѳома Богдановичъ; больной слушалъ его внимательно и съ видимымъ интересомъ, только иной разъ на какомъ-нибудь словѣ онъ морщилъ лобъ и легкимъ движеніемъ руки останавливалъ Васю: очевидно было, что смыслъ этого слова исчезъ изъ его памяти и что онъ требовалъ повторить его или разъяснить. Вася умѣлъ дѣлать это съ большимъ искусствомъ: онъ по глазамъ отца какъ будто угадывалъ, что именно надо было сказать, чтобы навести его на понятіе о предметѣ, названіе котораго не давалось ему. Понявъ, больной съ видимымъ удовольствіемъ кивалъ головой и опять двигалъ рукой, чтобы сынъ продолжалъ свой разсказъ. Савелій, весьма словоохотливый старикъ, также вмѣшивался иногда въ разговоръ и снисходительно, какъ къ ребенку, обращался къ барину съ какимъ-нибудь своимъ объясненіемъ, всегда вызывавшимъ улыбку Васи и даже самого больнаго. Савелій былъ столь же веселаго нрава, сколько нашъ Максимычъ угрюмъ, и, какъ говорилъ мнѣ потомъ Вася, въ самыя трудныя минуты болѣзни Герасима Ивановича умѣлъ всѣхъ ободрять и утѣшать своимъ никогда неунывавшимъ расположеніемъ духа. Странно было видѣть рѣзкую разницу въ его обращеніи съ отцомъ и сыномъ: къ первому онъ от-

носился, какъ я уже сказалъ, какъ къ нѣжно-любимому ребенку, котораго, для его же пользы, порой и пожурить не мѣшаетъ; къ Васѣ же исполненъ былъ почтительности, никогда не шутилъ съ нимъ и, что говорится, глядѣлъ ему въ глаза, стараясь угадать его желанія.

Послѣ обѣда наступилъ часъ обычной прогулки Герасима Иваныча. Савелій со своимъ помощникомъ подняли больнаго на рукахъ и на летучихъ носилкахъ спустили его по лѣстницѣ; внизу ждала его колясочка, и его покатили по аллеямъ сада. Мы отправились за нимъ съ Васей. Въ саду никого не было, всѣ еще обѣдали. Тихо шелестилъ вѣтеръ въ верхушкахъ тополей и урывками пробѣгалъ по кустамъ, словно испуганная векша. Прохладны были темныя аллеи, пахучъ воздухъ, напоенный свѣжимъ запахомъ ближняго сѣнокоса. Колясочка больнаго остановилась у цвѣтника, и Савелій принялся опять набирать цвѣтовъ для барина, а мы съ Васей ушли далеко, туда, гдѣ уже кончался садъ, а начинался ивнякъ, да ракитникъ, да высокій очеретъ, подымавшійся изъ тихой глади озера—пріютъ чирятъ и всякой водяной дичи, стадами взлетавшей надъ нимъ при нашемъ приближеніи. Мы долго гуляли по этой зеленой пустынѣ, Богъ знаетъ какъ, казалось, отдаленной отъ всякаго людскаго жилища. — Мы точно на Робинзоновомъ островѣ, говорилъ я Васѣ, и мы перекидывались шутками. Онъ дразнилъ меня и увѣрялъ, что я тамъ умеръ бы съ голоду, не умѣлъ бы даже разбить кокосовый орѣхъ, чтобы добыть оттуда молока, потому что я „нѣженка“ и „маменькинъ сынокъ“; я утверждалъ, что дикіе непремѣнно его бы съѣли, потому что онъ не умѣетъ стрѣлять изъ ружья, между тѣмъ какъ я уже три галки на своемъ вѣку убилъ. Вася расхохотался вдругъ громкимъ дѣтскимъ смѣхомъ, который былъ необыкновенно обаятеленъ въ немъ; невѣсть какую глупость я готовъ бы былъ, кажется, придумать, только чтобы заставить его такъ разсмѣяться.

— А знаешь, сказалъ я,—будь здѣсь Саша Рындинъ, онъ непремѣнно бы насмѣялся надъ нами, сказалъ бы, что мы *бабы*, и умѣемъ заниматься только *невинными разговорами*...

— Саша мудрецъ, сказалъ въ свою очередь Вася.

— Это почему?

— А потому, что онъ все кулакомъ рѣшаетъ, — легче, думать не нужно!

— Да, отвѣчалъ я, — Петя Золоторенко не даромъ говоритъ, что думать труднѣе, чѣмъ даже зайца за хвостъ поймать. Пріятель мой опять расхохотался, къ величайшему моему удовольствію...

Вернувшись къ цвѣтнику, мы застали еще тамъ Герасима Иваныча; онъ былъ не одинъ. На скамьѣ, противъ его колясочки, сидѣлъ маіоръ Гольдманъ, по прозванію „командоръ", и разговаривалъ съ нимъ при помощи Савелія. Оказывалось, что этотъ сумрачный господинъ очень благоволилъ къ Лубянскимъ, отцу и сыну, и каждый день приходилъ послѣ обѣда къ этому мѣсту, гдѣ зналъ, что найдетъ Герасима Ивановича. Разговоры его съ нимъ были не многосложны: онъ справлялся о здоровьѣ больнаго, потомъ говорилъ о погодѣ и жаловался на своего вахмистра; но больной привыкъ къ нему, и его бесѣда съ командоромъ доставляла Васѣ каждый день часа два свободныхъ, которыми онъ пользовался для одинокихъ прогулокъ „на волькой своей волюшкѣ". Онъ не любилъ и избѣгалъ встрѣчъ съ вѣчнымъ обществомъ гостей, безъ которыхъ Ѳома Богдановичъ не могъ обойтись ни единаго дня и которыхъ онъ, вѣчная суета, не способный самъ посидѣть ни минуты на одномъ мѣстѣ, повсюду таскалъ за собой и забалтывалъ до обморока, какъ насмѣшливо и презрительно выражался о немъ отецъ мой.

Командоръ сидѣлъ на скамьѣ и съ какимъ-то ожесточеніемъ курилъ свою трубку.

— Здравствуйте, ротмистръ, сказалъ ему Вася, подходя.

— Не ротмистръ,—маіоръ, поправилъ его тотъ.

— Ахъ, да, вы произведены, я слышалъ, — поздравляю, молвилъ и я, здороваясь съ нимъ.

— У-ѣз-жаетъ, проговорилъ Герасимъ Ивановичъ, глядя на сына.

— Это очень жаль, сказалъ Вася: — папа будетъ скучать безъ васъ.

— Я самъ... промычалъ маіоръ, пуская клубъ дыма изъ-подъ усовъ.

— И скоро ѣдете?

— Давно пора, да вотъ... Онъ не договорилъ.

— А вмѣсто васъ эскадрономъ будетъ командовать...

Я также не договорилъ и покраснѣлъ: мнѣ внезапно представилось, что маіоръ сейчасъ же спроситъ, откуда я это знаю, и что затѣмъ, уже „de fil en aiguille“, всѣмъ сдѣлается извѣстнымъ, что я вчера подслушивалъ.

Но маіоръ прямо отвѣчалъ на то, что онъ почиталъ вопросомъ.

— Штабъ-ротмистръ баронъ Фельзенъ.

— Такъ онъ остается здѣсь? проговорилъ Вася, видимо избѣгая глядѣть на отца и на меня.

„И зачѣмъ это вздумалось мнѣ напомнить“! упрекалъ я себя внутренно:—„развѣ я не понимаю, что не надо произносить имя этого человѣка предъ бѣднымъ Герасимомъ Ивановичемъ!...“

— Да, отвѣчалъ Васѣ командоръ, и какъ бы съ злорадствомъ примолвилъ:—повозится недолго!...

— А почему такъ? не могъ я удержаться спросить.

— Въ гвардію вернутъ, угрюмо и нехотя пропустилъ онъ сквозь новое облако дыма.

— Ну, и прекрасно, пусть отправляется отсюда скорѣе! воскликнулъ я и съ торжествомъ поглядѣлъ на Васю.

— Прокатиться бы вамъ еще маленечко, Герасимъ Иванычъ? спросилъ въ то же время Савелій и, не ожидая отвѣта, взялся за ручки. Колясочка двинулась, и Вася пошелъ вслѣдъ за нею.

Длинный маіоръ поднялся со скамьи.

— Вы куда? спросилъ я его. Я былъ очень сконфуженъ и чувствовалъ, что мнѣ будетъ неловко съ Васей.

Мы пошли съ командоромъ по направленію дома.

— Отчего это, скажите мнѣ, баронъ этотъ, Фельзенъ, спросилъ я его,—ходитъ въ красной фуражкѣ? Какая это форма?

— Собственная, отвѣчалъ маіоръ и, какъ видно, полагая,

что сказалъ вещь очень забавную, принялся глухо и отрывисто смѣяться. Это было въ немъ такъ необыкновенно, что я поглядѣлъ на него, думая, что онъ не смѣется, а кашляетъ.

— Онъ мнѣ не нравится! объявилъ я и самъ удивился, къ къ чему это сказалъ.

— Кто это?

— А вашъ баронъ.

— Не мой, можете себѣ взять! фыркнулъ маіоръ, — точь въ точь тетушка Феласата Борисовна.

— Онъ давно у васъ въ полку?

— Четыре мѣсяца. На каждый изъ моихъ вопросовъ отвѣтъ маіора заставлялъ себя ждать невыносимо долго. Но я упорствовалъ.

— Онъ изъ Петербурга переведенъ?

— Съ Кавказа.

— А что онъ тамъ дѣлалъ?

— Разжалованъ былъ въ солдаты.

— Въ солдаты!

Мнѣ показалось это ужаснымъ.

— Вѣдь солдатъ бьютъ! воскликнулъ я, съ отвращеніемъ думая, что такой „солдатъ“ могъ полюбиться такой „волшебной красотѣ“, какъ Любовь Петровна.

— Бьютъ, хладнокровно отвѣчалъ тѣмъ временемъ командоръ.

— Такъ вѣдь и его могли?...

— Нѣтъ, дворяне не подлежатъ...

Маіоръ остановился посреди аллеи, вперивъ въ меня свои неподвижные круглые глаза.

— Что это вамъ вздумалось? спросилъ онъ, вздергивая усы свои кверху, и вдругъ опять засмѣялся, но уже такъ, что можно было подумать, что онъ давится.

— Какъ же онъ вдругъ опять сдѣлался штабъ-ротмистромъ?

— За отличіе въ экспедиціи вернули чинъ по арміи.

— Такъ это правда, что онъ очень храбрый?

— Должно-быть, отрѣзалъ командоръ.

— Только онъ, кажется, очень много думаетъ о себѣ, за-

говорилъ я опять. Мнѣ страстно желалось, чтобы командоръ сказалъ что-нибудь дурное про Фельзена.

— Извѣстно—гвардеецъ! сказалъ онъ только.

— А развѣ гвардейцы всѣ такіе?

— Аристократы,—не нашъ братъ, армейщина темная.

Маіоръ опять остановился, вытащилъ изъ кармана кисетъ съ табакомъ, набилъ трубку и принялся курить съ новымъ ожесточеніемъ.

— Онъ вѣдь нѣмецъ? принялся я опять допрашивать.

— Кто?

— Да онъ же, этотъ баронъ.

— Изъ Курляндіи.

— А вы откуда, маіоръ?

— Изъ Костромской губерніи.

— Такъ вы не нѣмецъ?

— Такой же нѣмецъ, какъ вы жидъ, фыркнулъ онъ снова.

— Я очень радъ этому, сказалъ я.

— Чему вы рады?

— Что вы не землякъ этому господину.

— А чѣмъ онъ васъ обидѣлъ?

Я ужасно сконфузился и разсердился на этого пучеглазаго верзилу.

— Поздравляю васъ, если вы его любите! отололъ я ему „въ пику“, какъ выражалась Настя, и замедлилъ шагомъ, чтобъ отстать и уйти отъ него.

— Чего мнѣ его любить? отвѣчалъ онъ на ходу, не замѣчая моего маневра.—На то есть у него женскій полъ, пробурчалъ онъ.

Я его опять догналъ.

— А женскій полъ его очень любитъ, скажите? приставалъ я къ маіору.

— Должно быть.

— Почему же должно-быть? Вѣдь не каждаго же долженъ женскій полъ любить?

— Извѣстно, не каждаго. Вотъ меня онъ уже пересталъ любить, а васъ еще не начиналъ, отвѣчалъ маіоръ, искоса смѣривъ меня взглядомъ.

— Почему же надо непремѣнно, чтобъ его любили? приставалъ я.

— Потому—все имѣетъ: изъ себя видный, воспитанъ, на всякихъ языкахъ объясняться можетъ, всякую штуку видалъ, тянулъ маіоръ, пріостанавливаясь на каждомъ словѣ. — А главное — ловокъ, шельмецъ, заключилъ онъ, вытряхивая на руку золу изъ своей потухшей трубки.

— И это по-вашему хорошо? воскликнулъ я съ негодованіемъ.

— Что хорошо?

— То, что онъ... „Не могу я однако сказать ему, что этотъ противный баронъ хочетъ свести съ ума мать Васи!" подумалъ я и замолчалъ.

Маіоръ пристально взглянулъ на меня и словно прочиталъ мысль мою на моемъ лицѣ.

— И не то еще бываетъ, молодой человѣкъ, — ничего съ этимъ не подѣлаешь!... А вы съ сынкомъ-то подружились? спросилъ онъ.

— Съ какимъ сынкомъ? спросилъ я, въ свою очередь нарочно.

— Ну, вотъ... съ Лубянскимъ?

— Я его какъ брата люблю! воскликнулъ я.

— Вона! маіоръ усмѣхнулся. — А впрочемъ это къ чести вашей: мальчикъ достойнѣйшій. А затѣмъ мое почтеніе!

Онъ приподнялъ фуражку и исчезъ за калиткой сада за которою проходила дорога на село.

XV.

Я остался одинъ, недовольный собою, недовольный и тѣмъ, какъ отзывался командоръ о „моемъ съ Васей врагѣ“. Командоръ его самъ не любитъ, не скрываетъ этого, а между тѣмъ говоритъ, что женщины должны его любить, что онъ имѣетъ *все*, чтобъ имъ нравиться. „И ничего съ этимъ не подѣлаешь“, говорилъ онъ.—Мать Васи, значитъ, должна, не можетъ его не полюбить, этого дерзкаго нѣмца, который смѣлъ мнѣ тогда прямо въ лицо сказать, что я самъ „влюбленъ“ въ нее!... О, это ужасно!... Правду говорила вчера Анна Васильевна: она несчастная женщина! говорилъ я себѣ вздыхая, а онъ... Но тутъ же, во всемъ очарованіи своемъ, представилась мнѣ Любовь Петровна, такъ, какъ я видѣлъ ее два часа тому назадъ, проходящую по галлереѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ букетомъ яркихъ розъ въ рукѣ... Нѣтъ счастливѣе *его* на свѣтѣ! подумалъ я и, опустивъ голову, пошелъ прямо по аллеѣ, безъ цѣли и съ какою-то разомъ охватившею меня тоской.

Аллея привела меня къ террасѣ, а на террассѣ сидѣли всѣ: и *она* въ своемъ бѣломъ платьѣ и пунцовыхъ лентахъ, и Анна Васильевна съ мужемъ, и Галечка за самоваромъ, и Фельзенъ, и еще разные офицеры и дамы. Я такъ и обомлѣлъ.

Миссъ Пинкъ увидѣла меня первая.

— О, mister Boris, mister Boris! указывала она на меня смѣясь.

— А ходи-ко сюда, ходи! И Ѳома Богдановичъ кинулся ко мнѣ, чтобъ я не ушелъ.

— Я и не знала, что вы здѣсь, сказала мнѣ, точно не

видала меня утромъ, Галечка, когда отецъ ея чуть не за шиворотъ притащилъ меня къ столу, на которомъ она разливала чай.

— А ты къ „губернаторшѣ“ не заходилъ съ почтеніемъ? съ хохотомъ говорилъ Ѳома Богдановичъ, щекоча меня подъ мышки.

— Не удостоилъ, язвительно отвѣчала за меня Галечка.

— Я все былъ съ Васей, пробормоталъ я въ извиненіе.

— Et comment se porte, monsieur, mon fils? обратилась ко мнѣ Любовь Петровна, обмакивая сухарикъ въ чашку, которую держала въ рукѣ.

— Très-bien, madame, отвѣчалъ я не совсѣмъ твердымъ голосомъ. Онъ гуляетъ въ саду....

— Съ Герасимомъ Иванычемъ? договорила Анна Васильевна.

— Cela s'entend! промолвилъ, взглянувъ на Любовь Петровну, Фельзенъ.

„Тебѣ какое дѣло! онъ тысячу разъ лучше тебя!“ едва удержался я крикнуть ему, такъ противенъ онъ былъ мнѣ въ своей красной фуражкѣ, съ своею нахальною улыбкой.

— Vous disiez donc? кивнула ему Любовь Петровна, приглашая его продолжать прерванный моимъ появленіемъ разсказъ.

— Я ему и говорю, послушно началъ тотчасъ же Фельзенъ,—ничего изъ этого, любезный другъ, не выйдетъ. Отецъ ея никогда на это не согласится; онъ скорѣе лишитъ ея наслѣдства, а она слишкомъ умна, чтобы выйти безъ приданаго за человѣка, живущаго однимъ жалованьемъ. — Мнѣ ея приданаго не нужно, увѣрялъ онъ, а она на все будетъ согласна, я знаю, она меня любитъ. — Любитъ, пока дѣло не дойдетъ до жертвъ; повѣрь, я петербургскихъ барышень знаю!...

— Онѣ тамъ не понимаютъ, что такое значитъ настоящее чувство! хихикнула и тотчасъ же затѣмъ вздохнула одна изъ бывшихъ тутъ—молодая, кругленькая и румянная барыня.—О, какъ вы правы! промолвила она, одобрительно взглянувъ на разсказчика.

Онъ даже не повернулъ головы на ея одобреніе и продолжалъ, постукивая своими шпорами:

— Такъ и вышло. Онъ просилъ ея руки у отца, — тотъ отказалъ ему начисто и въ тотъ же день увезъ дочь въ Пятигорскъ. Онъ поскакалъ за ними. Было-ли тамъ у него съ ней свиданіе, и гдѣ, и какъ, и что сказала она ему — я не зная. Я былъ уже въ то время въ Дагестанѣ. Но, къ сожалѣнію, по печальному исходу этой исторіи видно, что онъ не достигъ желаемаго. Въ экспедиціи получаю письмо, въ которомъ между прочимъ говорилось, что Лучинцевъ, какъ я уже вамъ сказалъ, въ одно прекрасное утро застрѣлился...

— Ну, а она что послѣ этого? съ тревогой спросила румяная дама.

— А она послѣ этого, хладнокровно молвилъ Фельзенъ,— уѣхала съ отцомъ въ Петербургъ и черезъ полгода, кажется, вышла за мужъ за князя Телепнева. Мнѣ писали на дняхъ, что она благополучно разрѣшилась третьимъ сынкомъ.

— Безстыдница! воскликнула дама.

— Ничего не безстыдница! отвѣчалъ онъ ей, все такъ же не глядя на нее. Бракъ княжны съ бѣднымъ Лучинцевымъ не принесъ бы счастія ни ему, ни ей.

— Отчего это, отчего, докажите! горячилась румяная дама, зарумянившись еще сильнѣе отъ волненія и, надо полагать, отъ досады за то, что рѣшительно не глядѣлъ на нее, провинціалку, этотъ курляндскій баронъ, который такъ хорошо знаетъ петербургскихъ барышень.

— А потому, доказывалъ курляндскій баронъ, — что это былъ неровный бракъ, то, что справедливо называется une mésalliance.

— Потому что она знатна и богата, уже кричала его собесѣдница,—а онъ только умный, честный и благородный; вы не допускаете, чтобы между ними могъ произойти союзъ сердецъ! Можетъ-быть это и такъ по вашимъ петербургскимъ понятіямъ!...

— Это по понятіямъ всего думающаго міра такъ, возразилъ Фельзенъ,—только не въ томъ... Онъ видимо искалъ, какъ бы это ей сказать помягче, — не въ томъ, конечно,

казенномъ смыслѣ, какой вы придаете моимъ словамъ. Здѣсь вопросъ не въ бѣдности и богатствѣ, знатности и незнатности, а въ томъ, что дѣйствительно полный союзъ сердецъ, какъ вы изволили прекрасно выразиться, не возможенъ тамъ, гдѣ нѣтъ между союзниками правильнаго созвучія, какъ въ музыкальномъ аккордѣ...

— Это уже что-то туманно, колко замѣтила на это дама, приподнявъ свои полныя плечи.

— Это всякому и не дается понять, сказалъ безцеремонно баронъ Фельзенъ, тотчасъ же впрочемъ любезно примолвилъ:— но я говорю съ умными женщинами, которыя, смѣю надѣяться, не откажутся понимать, онъ слегка наклонилъ голову по направленію румяной дамы и тотчасъ же перевелъ глаза на Любовь Петровну, которая уныло слушала его, опершись прелестною головой на руку, и тихою улыбкой отвѣчала на его взглядъ.

— Правильнаго созвучія, какъ я говорю, — продолжалъ онъ доказывать между тѣмъ,—не можетъ быть тамъ, гдѣ инструменты не настроены по одному камертону, а слѣдовательно чѣмъ менѣе будетъ равенства въ условіяхъ, представляемыхъ каждымъ изъ соединяющихся, тѣмъ натуральнѣе слѣдуетъ ожидать, что аккордъ, производимый ими, будетъ нестерпимо фальшивъ. Вообразите себѣ, напримѣръ, дѣвушку хорошаго общества, вышедшую замужъ за русскаго купца-бородача...

— Но вашъ Лучинцевъ, сами вы разсказывали, былъ человѣкъ съ образованіемъ, а не *кацапъ*, какъ называютъ у насъ вашихъ бородачей, возражала румяная барыня, прищуривая глазки, съ очевиднымъ намѣреніемъ изобразить на своемъ лицѣ, что она дѣйствительно умная женщина.

— Да, но все же это не былъ мужъ для княжны Китти. Начиная уже съ того, что онъ былъ человѣкъ средней руки, воспитанный первоначально на скудныя средства, одолженный всѣмъ, до чего онъ дошелъ, одному себѣ...

— И вы это ему въ упрекъ ставите? Прелестно! воскликнула дама.

— Я ставлю ему это въ величайшую похвалу, еще спокойнѣе отвѣчалъ ей Фельзенъ,—и за это справедливая судьба

наградила его по достоинству. Тридцати съ чѣмъ-то лѣтъ онъ уже былъ давно полковникомъ генеральнаго штаба, съ Георгіемъ, на отличномъ счету на Кавказѣ и въ Петербургѣ; ему несомнѣнно предстояла блестящая карьера.

— Такъ, позволь тебя спросить, однако, баронъ, вмѣшался въ разговоръ одинъ изъ офицеровъ, однополчанъ его, — чѣмъ же не былъ партія Лучинцевъ для этой княжны?

— А тѣмъ, любезный Трухачевъ, съ снисходительною улыбкой и легкимъ движеніемъ плеча отвѣчалъ ему тотъ, — что есть, какъ тебѣ извѣстно, городъ Петербургъ, а въ немъ, какъ вездѣ въ большихъ городахъ, извѣстное число лицъ, составляющихъ такъ-называемый свѣтъ, общество, le monde, — называй какъ хочешь,—и что этотъ *мондъ* имѣетъ свои, произвольные и своеобразные, законы, которыхъ мы съ тобой не передѣлаемъ. Въ силу этихъ законовъ, которые я, вмѣстѣ съ тобою, готовъ сейчасъ же назвать безсмысленными, безправыми, безнравственными, все, что хочешь, но которымъ тѣмъ не менѣе всѣ подчиняются,—служебное положеніе Лучинцева, дослужись онъ хоть до военнаго министра, не давало бы ему еще права почитать себя *своимъ* въ томъ кругу, къ которому княжна Китти принадлежала съ дѣтства. Введенный въ него своею женой, онъ долго былъ бы тамъ на положеніи

Беззаконной кометы
Среди разчисленныхъ свѣтилъ,

какъ сказалъ Лермонтовъ.

— Пушкинъ, скромно поправилъ кто-то изъ офицеровъ.

— Все равно; я такъ часто слышалъ эти стихи отъ самого Лермонтова, что думалъ они его. При такихъ условіяхъ Лучинцеву, а слѣдовательно за него и женѣ его пришлось бы на первыхъ порахъ выдержать отъ этихъ „свѣтилъ“ такъ много разныхъ, болѣе или менѣе чувствительныхъ, уколовъ и оскорбленьицъ, что это одно служило бы съ перваго же начала препятствіемъ стройному аккорду изъ супружескаго счастія. Vous voyez que j'en reviens toujours à la musique, madame, добавилъ, смѣясь, Фельзенъ по адресу Любовь Петровны.

— Je vous approuve et vous prierai à cette occasion de

m'en faire plus tard, сказала она, внимательно и, какъ можно было замѣтить, одобрительно продолжая его слушать.

— Счастливыя мы съ вами, Дарья Павловна, что живемъ себѣ по простотѣ въ нашемъ степу и никогда того большаго круга надутыхъ пановъ не видали! обратилась полунасмѣшливо, полугрустно Анна Васильевна къ сосѣдкѣ своей, румяной дамѣ.

По лицу Галечки пробѣжало неудовольствіе: слова матери ей, очевидно, не понравились. Она еще одобрительнѣе и сочувственнѣе, чѣмъ Любовь Петровна, казалось, внимала разсужденіямъ господина барона фонъ-Фельзена.

— А я все же не пойму, ей-Богу, отвѣтила Дарья Павловна,—на что имъ былъ бы нуженъ этотъ надутый свѣтъ и что имъ было бы глядѣть на него!

— Взаимная любовь такое блаженство, примолвила чувствительная дама, подымая глаза къ небу, на которомъ уже загорѣлась первая звѣздочка, — что она бѣжитъ отъ людей, а не ищетъ ихъ!

— Совершенно справедливо! съ легкимъ поклономъ сказалъ ей на это Фельзенъ,—но тутъ-то именно, въ этомъ одиночествѣ вдвоемъ, изолированные отъ людей, они еще болѣе, чѣмъ живя въ обществѣ, должны были бы придти къ сознанію, что „ихъ двое, а не пара", какъ сказалъ кто-то.

— Ну, извините, это уже басни! воскликнула по простотѣ, какъ выражалась Анна Васильевна, румяная и вспыльчивая Дарья Павловна.

Злобнымъ огнемъ сверкнули мгновенно глаза Фельзена, но онъ сдержался, погладилъ усы и спокойно, улыбаясь, отвѣчалъ ей медово-сладкимъ голосомъ:

— Басни для тѣхъ, кто никогда не имѣлъ случая изучать исторію...

— Mais continuez donc! капризно-повелительнымъ тономъ крикнула на него Любовь Петровна, стуча ложечкой по серебряному подносу, какъ бы для того, чтобы Дарья Павловна не успѣла, въ свою очередь, сказать какую-нибудь колкость Фельзену.

Онъ продолжалъ:

— При этомъ безпрестанномъ соприкосновеніи двухъ натуръ, развившихся въ атмосферахъ совершенно различныхъ, должны были бы неизбѣжно происходить между ними непрестанныя недоразумѣнія, чтобы не сказать больше. На Кавказѣ, княжна Китти, подъ впечатлѣніемъ той дивной природы, чувства свободы, которою она тамъ относительно пользовалась, вдали отъ обычныхъ вліяній, могла увлечься Лучинцевымъ, его военною репутаціей, видѣть въ немъ героя, и дѣйствительно даже полюбить его. Онъ, понятно, полюбилъ ее страстно: это была первая такого рода женщина, съ которою онъ встрѣчался... Но перенесенные на положительную почву Петербурга, женатые, для обоихъ ихъ декорація страшно перемѣнилась бы. Разность ихъ взглядовъ, вкусовъ, привычекъ,— замѣтьте, привычекъ, такъ какъ въ жизни онѣ играютъ чуть не первостепенную роль,—сказывалась бы имъ каждый день, и съ каждымъ днемъ переносилась бы все тяжелѣ каждымъ изъ нихъ. Серьезные, положительные интересы, которымъ служилъ Лучинцевъ и которые, натурально, остались бы ему дороги, были бы совершенно непонятны для его жены и казались бы ей сухою, скучною прозой, отвлекающею его отъ исключительнаго міра любви, въ которомъ она мечтала бы жить, рѣшаясь идти за него замужъ. Съ другой стороны, неизысканность его манеръ, непривычка къ легкому, гостинному обмѣну мысли, пренебреженіе къ извѣстнымъ пріемамъ, незнаніе многихъ маленькихъ вещей, по которымъ узнается человѣкъ родившійся въ свѣтѣ,—все это говорило бы ей постоянно о недостаткахъ его воспитанія, о мѣщанской, на ея глаза, средѣ, изъ которой она подняла ее до себя... Она уже одного того не могла бы простить мужу, примолвилъ тономъ насмѣшки Фельзенъ, что онъ по-французски говоритъ съ грѣхомъ пополамъ и за столомъ ѣстъ *съ ножа*, вспоминая, что въ Англіи за такое ужасное преступленіе ее бы съ нимъ ни въ какой фешіонабельный домъ не пустили. Лучинцевъ, съ своей стороны, когда бы прошли первые порывы страсти, все болѣе и болѣе томился бы тѣмъ, что онъ называлъ бы фривольностью своей жены, разочаровывался бы, не найдя въ ней качествъ того дѣйствительно нѣсколько мѣщанскаго идеала

женщины, который могъ быть доступенъ его пониманію. Въ немъ недовольно сильно была развита эстетическая сторона, чтобъ онъ могъ простить ей недостатокъ этихъ качествъ за то изящество, которое такая женщина, какъ княжна Китти, внесла бы въ его жизнь...

— А по-вашему, позвольте освѣдомиться, мѣщанскій идеалъ, чтобы женщина была вѣрная жена и добрая мать? спросила его Дарья Павловна, со всею, повидимому, ядовитостью, на какую она только была способна.

— А хотя бы и такъ! возразилъ, нисколько не смущаясь, Фельзенъ.—Вѣрная супруга и добродѣтельная мать—это, конечно, достопохвально и притомъ очень не сложно, и даже весьма выгодно, потому что даетъ такой барынѣ право быть безгранично довольной собою и безконечно нетерпимой къ другимъ. Но вообразите себѣ, еслибы съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, всѣ женщины до одной были бы ничѣмъ инымъ, какъ только вѣрными женами и хорошими матерями? Вѣдь люди въ своемъ развитіи не ушли бы дальше птицъ, потому что и канарейка прекраснѣйшая супруга, и курица образцовѣйшая мать!...

Всѣ разсмѣялись. Ѳома Богдановичъ, въ продолженіе всего этого разговора сидѣвшій безмятежнѣйшимъ образомъ на стулѣ, за которымъ я стоялъ, внезапно встрепенулся и чихнулъ на весь садъ.

Общество окончательно развеселѣло. Сама Дарья Павловна отложила свою досаду на курляндскаго барона и пожелала еще послушать его „чудачествъ", причемъ въ невинности своей назвала его даже „краснобаемъ".

Онъ говорилъ, дѣйствительно, бойко и свободно, съ едва замѣтнымъ нѣмецкимъ акцентомъ, большимъ одушевленіемъ и необыкновенною разнообразностью оттѣнковъ въ интонаціи. Онъ, какъ Саша Рындинъ въ свайку играетъ, каждымъ своимъ словомъ бьетъ прямо въ кольцо,—пришло мнѣ въ голову это сравненіе, пока я не отрываясь слушалъ его, многаго еще не понимая тогда, негодуя на самоувѣренность и высокомѣріе, которыя такъ и прорывались въ немъ, какъ ни казался онъ любезнымъ и учтивымъ, и чувствуя инстинктомъ, что самое

то, что онъ говорилъ, должно было оскорблять многихъ изъ его слушателей. Но онъ говорилъ все это такимъ скользящимъ тономъ, съ такою заманчивою живостью, что тѣ же слушатели, видимо, увлекались такъ же, какъ и я, этимъ его словомъ, которымъ онъ игралъ такъ легко и красиво, съ такою увѣренностью, что оно ему никогда не измѣнитъ, что оно всегда смягчитъ, заставитъ простить всякую рѣзкость въ его осужденіяхъ...

— Еслибъ отъ начала міра, говорилъ онъ, — женщины были бы только вѣрныя супруги и добродѣтельныя матери, намъ пришлось бы изъ человѣческой исторіи вычеркнуть лучшія ея страницы. Начать хоть бы съ того, что тогда не было бы для грековъ ни малѣйшей причины осаждать Трою, а еслибъ они Трою не осаждали, у нихъ не было бы Гомера, съ котораго, учили меня въ школѣ, начинается вся европейская культура... Все, чѣмъ люди теперь имѣютъ право гордиться,—мягкость нынѣшнихъ нравовъ, человѣчность, поэзія, искусство,—всѣмъ этимъ, несомнѣнно, мы въ наибольшей мѣрѣ одолжены вліянію женщинъ. Но это потому-ли, что вообще женщины всѣхъ вѣковъ и странъ были добродѣтельны и чадолюбивы? Мы имѣемъ право въ этомъ усомниться... Извѣстно, по крайней мѣрѣ, какія добродѣтельныя жены служили, напримѣръ, оригиналами для божественныхъ Мадоннъ Рафаэля... Мы знаемъ также, что пока, напримѣръ въ Германіи, были однѣ только добрыя жены и матери, это была невѣжественная страна, съ грубыми нравами, въ то самое время, когда рядомъ съ нею, не безукоризненныя, но очаровательныя женщины Франциска перваго, — безъ которыхъ, говорилъ этотъ историческій обожатель женщинъ, жизнь все равно, что годъ безъ весны, весна безъ розъ, — les précieuses de l'hôtel Rambouillet и фаворитки du grand roi готовили для Франціи то первостепенное положеніе, которое и до сихъ поръ признаетъ за нею просвѣщенный міръ... Въ той же Германіи умственное возрожденіе связывается съ исторіей извѣстныхъ въ началѣ нынѣшняго вѣка салоновъ Берлина и Дрездена, опять-таки съ именами умныхъ, образованныхъ, прелестныхъ женщинъ, съ вліяніемъ на великихъ

писателей, поэтовъ, мыслителей того времени. Были-ли всѣ эти женщины хорошія жены и матери? Можетъ быть — да, можетъ быть—нѣтъ,—какое намъ до этого дѣло! Онѣ заслужили признательность послѣдующихъ поколѣній тѣмъ, что содѣйствовали движенію впередъ человѣческой мысли, вдохновляли лучшихъ ея представителей, поддерживали ихъ въ борьбѣ, отстраняли отъ нихъ удары судьбы или принимали ихъ на свою голову вмѣстѣ съ ними. Не будь ихъ, сколько бы духовныхъ потерь понесло человѣчество! Можно себѣ представить, еслибы, напримѣръ, Гете въ продолженіе всей своей жизни не зналъ другихъ женщинъ, кромѣ почтенной супруги своей, которая все свое время проводила на кухнѣ, а супруга называла не иначе какъ Herr Geheim-Rath?... Или, еслибъ авторъ Манфреда или Чайльдъ-Гарольда безпрекословно подчинялся ревнивымъ требованіямъ почтенной леди Байронъ и въ угоду ей прожилъ вѣкъ свой въ разоренномъ своемъ замкѣ, въ созерцаніи ея достоинствъ? Вѣдь, надо полагать, въ этихъ добродѣтельныхъ рамкахъ не созданы были бы ни Чайльдъ-Гарольдъ, ни Манфредъ, ни Фаустъ, ни Эгмонтъ, ни Римскія элегіи... Спрашивается, вознаграждены-ли бы мы были за такой колоссальный пробѣлъ тѣмъ, что госпожа фонъ-Гете и леди Байронъ никогда, сколько намъ извѣстно, не измѣняли своимъ супругамъ и усердно нянчили своихъ дѣтей?... Я однако всѣмъ, кажется, надоѣлъ своею проповѣдью,— прервалъ себя Фельзенъ, окидывая взглядомъ безмолвно слушавшее его общество.

Но не то сказывали его глаза, недолго, но глубоко остановившіеся на Любовь Петровнѣ. „Что мнѣ до того, поймутъ или не поймутъ меня эти темные, невѣжественные люди, сказывали они,—я говорю для тебя, для тебя одной!".

— Вашу проповѣдь я понимаю такъ, заговорила опять Дарья Павловна, — что вы для женщины не признаете ни супружескаго, ни материнскаго долга?

— А ты бы шла себѣ, Галечка, робко рѣшилась наконецъ проговорить Анна Васильевна, давно уже, съ тревогой въ глазахъ, слѣдившая за впечатлѣніемъ, какое производили на дочь слова „ехиднаго нѣмца, прости Господи!"

Галечка вспыхнула, взглянула на мать, но, не противорѣча, встала, поцѣловала ей руку и ушла въ сопровожденіи своей гувернантки. Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ, какъ надъ террасой, во второмъ этажѣ, щелкнула задвижка и отворилось настежъ одно изъ оконъ ея комнаты: она слушала оттуда...

— Я или очень дурно говорю по-русски, возражалъ тѣмъ временемъ Фельзенъ,—или вы на меня рѣшительно клевещете, сударыня. Ничего подобнаго я не говорилъ и въ мысли не имѣлъ. Ко всякому долгу я отношусь съ подобающимъ уваженіемъ,—но позволю себѣ думать, что призваніе женщины не можетъ быть опредѣляемо исключительно обязанностями жены и матери. Женщина,—и голосъ его зазвучалъ звончѣе прежняго,—совершеннѣйшее созданіе Божіе; не даромъ, учитъ насъ Библія, является она послѣднею въ ряду Его твореній...

— Браво! воскликнулъ Трухачевъ.

Другіе офицеры подхватили и зааплодировали Фельзену.

— Умѣете подольститься! грозя ему пальцемъ, жеманно улыбалась Дарья Павловна.

— Ну-жь и командуютъ онѣ нами! отозвался Ѳома Богдановичъ, потирая себѣ шею:—нѣтъ, скажу вамъ, горше начальства бабьяго.

— А безъ нихъ было бы такъ горько, что и жить бы не стоило, сказалъ Фельзенъ съ легкимъ вздохомъ, какъ бы давая разумѣть, что онъ эту горечь испыталъ на самомъ себѣ.— Женщины вплетаютъ небесныя розы въ земную жизнь, сказалъ одинъ великій поэтъ *). И въ самомъ дѣлѣ, я обращаюсь, сказалъ онъ улыбаясь,—ко всѣмъ одного со мною пола лицамъ, здѣсь находящимся: пусть каждый припомнитъ изъ своего прошедшаго, кому въ жизни обязанъ онъ былъ своими лучшими, счастливѣйшими минутами, кому.....

— Прекрасному полу! въ одинъ голосъ, не давъ ему кончить, прокричали офицеры.

— За компанію жидъ удавился,—пожалуй и я туда же,

---

*) Sie flechten und weben
Himmliche Rosen in's irdiche Leben
Schiller. *Würde der Frauen.*

подтвердилъ и Ѳома Богдановичъ, молодецки махнувъ рукой и добродушно подмигивая Аннѣ Васильевнѣ.

— Изволите видѣть, какое единодушіе! весело молвилъ Фельзенъ румяной дамѣ. — Еслибъ я теперь обратился къ почтеннымъ моимъ товарищамъ съ новымъ, уже нескромнымъ вопросомъ: законно или незаконно достались имъ эти незабвенныя для нихъ минуты,—они, я полагаю, нѣсколько затруднились бы отвѣтомъ.

— Да, да, конечно! отозвались со смѣхомъ офицеры.

— Еще бы! засмѣялась и Дарья Павловна. — Имъ при дамахъ совѣстно было бы сказать правду.

— Оно и ненужно. Для насъ достаточно того факта, что каждый изъ здѣсь находящихся такъ или иначе обязанъ лучшими минутами, выпавшими ему на долю въ жизни, женщинѣ. Изъ такого общаго признанія мы имѣемъ полное право, слѣдовательно, вывести и такое общее заключеніе: *счастіе въ этой жизни даетъ женщина.*

— Съ этимъ мы спорить не станемъ, сказала предовольная Дарья Павловна.

— А если вы согласны съ этимъ первымъ положеніемъ, то должны согласиться и на послѣдующее. Если такимъ образомъ женщина *можетъ* давать счастье, то она и *должна* его давать.

— Такъ, вѣрно, такъ! подтвердили офицеры.

Я глядѣлъ на Любовь Петровну. Выраженіе ея лица становилось уже неуловимымъ въ тѣняхъ быстро наступавшаго вечера, но какъ будто, чтобы скрыть его еще болѣе отъ нескромнаго вниманія, она низко наклонила голову къ поясу и принялась расправлять свои ленты.

— И такъ, говорилъ торжествующій Фельзенъ, — давать счастіе—вотъ прямое, главное призваніе женщины, счастье во всемъ многообъемномъ значеніи этого слова...

— Чего бы ни стоило, значитъ, а подавай вамъ сладкаго блюда, перебила его Дарья Павловна съ хохотомъ, — а то и женщиной называться не смѣй!

— А такъ, такъ! поддакивалъ Ѳома Богдановичъ. — Якъ

не верты, требо умерты. Давайте намъ счастіе! а не то грызться будемъ!

— Дядюшка, не мѣшайте, спите! нетерпѣливо раздался голосъ Любовь Петровны.

Ѳома Богдановичъ послушно сложилъ руки на кругленькомъ животѣ и дѣйствительно тутъ же заснулъ опять.

— Позвольте однако, безъ шутокъ, снова начала неугомонная Дарья Павловна, — вѣдь это вамъ легко говорить, но потрудитесь объяснить, какъ это сдѣлать? Кому обязана женщина давать счастіе?... Вѣдь это нельзя такъ... Румяная барыня вдругъ почему-то сконфузилась.—И рада была бы иная... но не рѣшится...

— А почему это? какъ бы удивившись, спросилъ баронъ Фельзенъ.

— Вы сами должны понимать, женщина не можетъ.... Дарья Павловна все какъ будто не рѣшалась высказаться противъ своихъ прямыхъ обязанностей.

— Грѣхъ-то большой грѣхъ, какимъ-то шепотомъ и въ то же время взволнованно, задвигавшись въ своемъ креслѣ, промолвила Анна Васильевна.

— Объ этомъ я, конечно, не осмѣлюсь препираться, пристально взглянувъ на нее и снисходительно улыбаясь, сказалъ Фельзенъ,—но вы мнѣ позволите по этому поводу припомнить вамъ только, почтеннѣйшая Анна Васильевна, тотъ великій авторитетъ, которымъ сказано было: много прощено ей будетъ, потому что она много любила.

— Спаситель... Уже ничѣмъ несдерживаемое выраженіе упрека послышалось въ голосѣ доброй женщины.—Спаситель прощалъ... Онъ не говорилъ: грѣши!...

Она не могла удержаться и сказала это помимо воли, и тотчасъ же смолкла милая Анна Васильевна, потому что,— я такъ хорошо понималъ, что происходило въ ней въ эту минуту,— онъ, конечно, „нѣмецъ лукавый“ и Божественныя слова толкуетъ на соблазнъ, съ злою цѣлью, но все онъ человѣкъ, онъ ея гость, и она его вдругъ такъ обидѣла!...

Онъ не былъ обиженъ, но, къ удивленію моему, очевидно нѣсколько озадаченъ.

— Конечно... Я впрочемъ вовсе не хотѣлъ сказать этимъ... Онъ не докончилъ, какъ будто не находилъ удобнымъ вступать съ хозяйкой дома въ споръ по предмету, который она такъ близко принимаетъ къ сердцу.

Поручикъ Трухачевъ счелъ нужнымъ вступиться за товарища:

— Позвольте успокоить васъ, многоуважаемая Анна Васильевна. Я осмѣлюсь поручиться вамъ моею честью, что баронъ не имѣлъ и въ мысляхъ (Трухачевъ произносилъ „въ мысля̀хъ") намѣренія сказать что-либо такое,—онъ запнулся,—что-либо несогласное, такъ-сказать, съ свѣтскимъ приличіемъ. Онъ для этого, смѣю сказать, слишкомъ образованъ, и я позволю себѣ думать, что его слова коснулись вашего слуха въ превратномъ, если смѣю такъ выразиться, смыслѣ.

— Я ничего, я противъ барона не думала, оправдывалась, совсѣмъ уже растерянная, бѣдная хозяйка.

— А воля ваша, продолжалъ неумолимый поручикъ,—казните или милуйте, а я—и вотъ прочіе господа офицеры тоже,—мы вполнѣ, такъ-сказать, должны раздѣлять съ барономъ мнѣніе въ томъ, во-первыхъ, что той, и даже тому,—это я уже отъ себя, такъ-сказать, осмѣлюсь прибавить, Анна Васильевна,—кто много любилъ, много и прощено будетъ, а во-вторыхъ, что назначеніе женщины—это именно, какъ счастливо выразился баронъ, даровать счастіе. И это даже съ полною моею откровенностью могу прямо подтвердить примѣромъ и, не идя далеко, собственно даже настоящею минутой, которую я и прочіе господа офицеры можемъ почитать для себя, прямо скажу, вполнѣ счастливою. Теперь извольте сами судить, Анна Васильевна, кому же мы должны приписать это счастіе, какъ не восхитительнымъ дамамъ, которыя благоволятъ принимать насъ въ свое общество и предоставляютъ намъ случай къ разговору, который можно, безъ лести, почесть за самый пріятный, и даже во всѣхъ отношеніяхъ?

Эта восхитительная рѣчь господина Трухачева, причемъ онъ даже всталъ и расшаркнулся, звякнувъ шпорами, имѣла огромный успѣхъ. Товарищи покрыли его рукоплесканіями,

къ которымъ тотчасъ же присоединился и пробужденный ими Ѳома Богдановичъ.

— Браво, monsieur Трухачевъ! аплодировала ему Любовь Петровна, смѣявшаяся доупаду.

— Такимъ образомъ, усердно хохотала и Дарья Павловна,—обязанности наши къ нимъ эти господа опредѣлили. Интересно теперь узнать, чѣмъ *они* за это должны отдарить насъ?

— Вы поставили вопросъ, сударыня, совершенно правильный и логично истекающій изо всего, что было сказано здѣсь объ этомъ до сихъ поръ, поспѣшилъ отвѣчать баронъ Фельзенъ, видимо довольный случаю овладѣть снова разговоромъ.— Ясно, если женщина даетъ счастіе, она имѣетъ, въ свою очередь, полное право требовать его и для себя. Къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что получить это желаемое, это столь законно ими желаемое и необходимое имъ счастіе представляется для огромнаго большинства женщинъ задачей почти неразрѣшимою.

— А почему? воскликнула Дарья Павловна, готовясь, повидимому, разразиться противъ всѣхъ этихъ гадкихъ мужчинъ, которые такъ много требуютъ, а съ своей стороны ничѣмъ женщинѣ пожертвовать не хотятъ.

— Очень просто, не далъ сказать ей всего этого Фельзенъ:—чѣмъ выше и сложнѣе спросъ, тѣмъ труднѣе удовлетворить ему. Женщины одарены лучше насъ: онѣ чувствуютъ глубже, онѣ понимаютъ тоньше, онѣ воспринимаютъ живѣе. Всѣ эти высшіе дары направлены у нихъ почти исключительно къ одному помышленію, сосредоточены въ одномъ чувствѣ: это помышленіе, это чувство — любовь. Извѣстно, что если для насъ, по большей части, любовь есть прекрасный эпизодъ въ жизни, для женщинъ она все, она сама жизнь. Сосредоточивая всю себя на одномъ предметѣ, женщина пріобрѣтаетъ необыкновенную силу, полноту, всесторонность въ обладаніи имъ. Въ ея сердцѣ и воображеніи слагается цѣльное, готовое представленіе, пожертвовать которымъ она не согласится безъ тяжелой, безъ болѣзненной, часто отчаянной, иногда стоящей ей жизни, борьбы. Есть женщины, — какъ

будто намѣренно медленнѣе, вдумчивѣе заговорилъ Фельзенъ.— которыя носятъ въ себѣ этотъ идеалъ такъ высоко, что онѣ даже заранѣе обрекаютъ себя на внутреннее отшельничество. Я знаю, думаютъ онѣ, что никто не въ состояніи подняться со мною до этой высоты,—и онѣ и не ищутъ. Онѣ проходятъ въ мірѣ, гордыя и повидимому спокойныя, съ холоднымъ челомъ и затаеннымъ пламенемъ въ груди, и, какъ альпійскія розы на неприступныхъ крутизнахъ своихъ, равнодушно смотрятъ на смѣльчаковъ, готовыхъ цѣной жизни заплатить за надежду подняться до нихъ. Но такихъ женщинъ немного...

Онъ остановился на минуту, но никто не воспользовался этимъ; всѣ слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Вообще же, продолжалъ онъ, переходя опять въ свой обычный, живой и веселый тонъ,—женщина прямо, настойчиво требуетъ осуществленія своего идеала въ жизни. Ей недостаточно, чтобы мужчина ей нравился; недовольно, чтобъ онъ съ своей стороны любилъ ее,—она желаетъ, проситъ, требуетъ, чтобъ онъ любилъ ее извѣстнымъ ей образомъ, любилъ не такъ, какъ Богъ ему на душу положитъ, а соотвѣтственно тому, какъ процессъ любви сложился заранѣе въ головѣ ея, со всѣми его подробностями, изъ которыхъ каждая дорога ей до боли. Самый этотъ процессъ любви, его прелюдіи, все то, что польки такъ удачно называютъ *романсованьемъ*, для большей части женщинъ дороже, чѣмъ сама любовь. Въ воспоминаніяхъ самой счастливой изъ нихъ всегда останется извѣстная доля горечи, если на дѣлѣ все это произошло не такъ, какъ представлялось ей въ грезахъ первоначальной юности, если тотъ, кого любила она, не умѣлъ говорить ей тѣмъ же волшебно-сладкимъ голосомъ и тѣ же именно волшебно-сладкія рѣчи, которыя обѣщало ей на зарѣ жизни ея молодое пробуждавшееся чувство. А много-ли изъ насъ, по правдѣ сказать, примолвилъ засмѣявшись Фельзенъ.— способныхъ пѣть такимъ волшебнымъ голосомъ?..

— Вы первый! воскликнула неожиданно Дарья Павловна.

„Только бы и меня не вздумала Анна Васильевна отправить, какъ Галечку, отсюда“, думалъ я, въ свою очередь желая все слушать и слушать его. Къ счастію, становилось уже

довольно темно, и Аннѣ Васильевнѣ было трудно меня видѣть за померанцевымъ деревомъ, на кадкѣ котораго я умостился.

Баронъ Фельзенъ сложилъ руки на груди, à la turque, и отвѣсилъ преувеличенно низкій поклонъ очарованной имъ Дарьѣ Павловнѣ.

— Продолжайте, продолжайте! крикнула она ему въ отвѣтъ.—Я интересанка, даромъ комплиментовъ не дѣлаю.

Онъ повиновался.

— Не надо забывать при этомъ, что идеалъ любви у каждой женщины свой, особенный, и восходитъ по ступенямъ безконечной лѣстницы, начиная отъ печалованія русской бабы на то, что мужъ ея не бьетъ—значитъ не любитъ, и до тѣхъ метафизическихъ областей, добравшись до которыхъ романическая женщина, какъ героиня Бальзака въ его *Le lys dans la vallée*, напримѣръ, или *Valérie* госпожи Крюднеръ, отрицаетъ уже все тѣлесное, все земное и допускаетъ лишь какое-то непрерывное воздыханіе любви двухъ душъ, посредствомъ этой же любви рафинированныхъ до чистоты безплотныхъ небожителей. Извольте же найти среди насъ субъектовъ, соотвѣтствующихъ каждой изъ этихъ ступеней разнообразнѣйшихъ, но равно настойчивыхъ, горячихъ и совершенно притомъ—не надо забывать этого,—законныхъ женскихъ требованій!...

— Ахъ, какъ онъ насъ знаетъ, какъ знаетъ! выражала Аннѣ Васильевнѣ свое восхищеніе румяная дама.—У каждой изъ насъ,—c'est vrai—свое особенное въ головѣ и въ сердцѣ. Не потрафить имъ намъ, никакъ не потрафить, съ комическою печалью приговаривала она.

— А тотъ, кто не умѣетъ, какъ вы изволите выражаться, „потрафить“ любимой женщинѣ, возразилъ съ одушевленіемъ Фельзенъ, — тотъ и не смѣй мечтать о счастіи, потому что онъ счастья не достоинъ. Тотъ не достоинъ счастія, кто не понимаетъ, что любовь иной женщины есть высшее блаженство, какое человѣку дано взять отъ земли, и что это блаженство даромъ не дается. Да и любитъ-ли дѣйствительно тотъ, кто претендуетъ обладать сердцемъ женщины, не давъ себѣ

труда предварительно изучить ее, для кого такое изученіе не составляетъ уже само по себѣ невыразимую радость? Въ мірѣ знанія тотъ только награждается именемъ настоящаго ученаго, кто всѣмъ существомъ своимъ отдался своему предмету, кто благоговѣетъ предъ нимъ, видитъ въ немъ свою святыню и терпѣливо, шагъ за шагомъ, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ, съ восторгомъ и трепетомъ проникаетъ наконецъ въ глубину его тайнъ. А сердце женщины развѣ не та же наука,—живая, увлекательная, всепоглощающая наука? Но въ томъ-то и дѣло, что положительные, такъ-называемые серьезные люди, какимъ былъ и бѣдный пріятель мой Лучинцевъ, pour en revenir à lui, не признаютъ ничего этого съ высоты своей положительности. Да и не могутъ они: они слишкомъ цѣльны, слишкомъ tout d'une pièce; имъ недостаетъ гибкости, у нихъ нѣтъ, если можно такъ выразиться, нравственнаго осязанія. Они понимаютъ любовь какъ какое-то органическое сліяніе двухъ существъ въ одно неразрывное цѣлое, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ оно приняло форму, краски и внутреннее содержаніе ихъ собственной индивидуальности,—другими словами, чтобъ это цѣлое было непремѣнно *онъ*, а не *она*. И это не потому, чтобъ они были деспоты, а потому что внутренній міръ женщины остается для нихъ вѣчно невѣдомою землей, что имъ никакъ не дается ключъ, отмыкающій этотъ очарованный замокъ. Они натягиваютъ на свой положительный аршинъ тончайшія фибры ощущеній, изъ которыхъ вся соткана женщина, и удивляются потомъ, и недоумѣваютъ, почему онѣ порываются подъ ихъ добросовѣстною, но грубою рукой. Они называютъ капризомъ, нервностью, фантазерствомъ то, что часто составляетъ всю сущность и всю прелесть женщины: ея впечатлительность и жадность къ впечатлѣніямъ, ея воображеніе, ея непрактичность, ея вѣчную заботу о прекрасномъ и отвращеніе ко всему, что называется матеріальною стороной жизни... Они въ состояніи сто разъ на день, не вѣдая того, что творятъ, оскорбить внутреннее чувство женщины, потому что не имѣютъ понятія о всѣхъ деликатныхъ оттѣнкахъ, какими преисполнено это внутреннее жен-

ское чувство. Женщина испытываетъ эти оскорбленія въ безднѣ мелочей, о которыхъ не догадываются эти господа, потому что сами они не могутъ дощупаться до нихъ пальцами. Да что говорить о мелочахъ! Въ самой сущности отношеній большинства насъ грѣшныхъ къ любимой женщинѣ лежитъ зародышъ ближайшихъ недочетовъ для насъ и для нея. Обыкновенно одно изъ двухъ: или, — и это чаще всего, — человѣкъ, добившись до обладанія женщины, связавъ законными узами жизнь ея со своею, полагаетъ дѣло свое конченнымъ и отлагаетъ всякое дальнѣйшее попеченіе о томъ, чтобы не дать остыть чувству, которое онъ имѣлъ счастье возбудить къ себѣ; чувство это перестаетъ быть для него нѣжнымъ растеніемъ, которое слѣдуетъ лелѣять и холить, и оберегать отъ холода, поддерживая въ немъ тотъ именно градусъ жара, что даетъ ему ростъ и цвѣтъ и живыя краски; оно, думаетъ онъ, должно, какъ береза въ лѣсу, само собой рости и покрываться листьями, не требуя отъ него болѣе никакого ухода... Или, совершено напротивъ, человѣкъ ненасытенъ въ наслажденіи этимъ чувствомъ, онъ требуетъ непрерывнаго его проявленія, его осязаемыхъ доказательствъ, онъ неустанно навязывается со своею страстію, не допускаетъ отдыха, подозрѣваетъ измѣну тамъ, гдѣ предметъ его обожанія,—вѣрнѣе сказать его несчастная жертва,— силится только на мгновеніе вздохнуть на свободѣ, онъ запугиваетъ ее порывами безумной ревности, или мрачно молчитъ и страдаетъ и томитъ ее до самой смерти этимъ молчаніемъ своимъ и тоской. И Боже мой! воскликнулъ Фельзенъ, — сколько гибнетъ такимъ образомъ или вянетъ довременно прекрасныхъ женскихъ созданій—однѣ замороженныя холодомъ окружающей ихъ атмосферы, другія задыхаясь отъ *законнаго* насилія, — онъ произнесъ это съ особымъ удареніемъ,—эгоистической страсти, относящейся къ нимъ, какъ къ рабынямъ, а не какъ къ свободно-чувствующимъ, свободно-любящимъ женщинамъ. А вы, сударыня, докончилъ онъ, обращаясь къ Дарьѣ Павловнѣ, тономъ шутливаго упрека,—вы даже не допускаете для нихъ мысли о какомъ-нибудь выходѣ изъ такого положенія!...

Что отвѣтила бы на это Дарья Павловна—осталось неизвѣстнымъ: она предупреждена была Любовью Петровной:

— Тетушка, здѣсь и темно, и сыро. Я ухожу.

Она поднялась вся вдругъ, и бѣлая, какъ чайка, въ своемъ кисейномъ платьѣ вспорхнула съ мѣста и исчезла за стеклянными дверьми большой залы. Все общество поднялось за нею. Ѳома Богдановичъ встрепенулся и загоготалъ тотчасъ же, всѣхъ допрашивая, не послать-ли за его пѣвчими. Но Дарья Павловна объявила ему, что баронъ обѣщалъ имъ пѣть, и что надо было бы послать не за пѣвчими, а за „музыкантомъ". Ѳома Богдановичъ немедленно побѣжалъ самъ отыскивать Булкенфресса.

Я ушелъ наверхъ, никѣмъ не замѣченный.

XVI.

„Хитрый *онъ* и прожженый, и всю эту женскую науку какъ по книгамъ прошелъ“, повторялъ я, взбираясь по лѣстницѣ, вчерашнія слова Анны Васильевны. И я себѣ говорилъ, что она права, что онъ и хитрый, и „прожженый“, и что командоръ, который служитъ съ нимъ въ одномъ полку, также отзывается о немъ, что онъ „ловокъ шельмецъ“, и... и не зналъ, какъ согласить это съ новымъ впечатлѣніемъ, съ какимъ я уходилъ съ террасы. Давно-ли я его такъ ненавидѣлъ, и не подалъ ли онъ мнѣ сейчасъ же новый поводъ къ этому! Развѣ я хорошо не понималъ, что все, что сказано было имъ, сказано было лишь для того, чтобы произвести впечатлѣніе на одну женщину,—онъ не даромъ разсчитывалъ на „жадность впечатлѣній“ женщинъ,—и эта женщина—мать Васи, моего друга, который такъ страдаетъ отъ того именно, что Фельзенъ производитъ „впечатлѣніе“ на его мать; развѣ онъ, этотъ дерзкій человѣкъ, не говорилъ, что „обязанность каждой женщины давать счастье“: вѣдь это прямо значитъ, что она должна полюбить *его*, то-есть забыть своего „законнаго“ мужа, сдѣлать „грѣхъ, большой грѣхъ“, какъ справедливо сказала добрая Анна Васильевна; развѣ онъ нарочно не говорилъ о ревности и „эгоистической страсти“, чтобы припомнить Любови Петровнѣ то время, когда, несчастный теперь, немощный Герасимъ Ивановичъ „пугалъ ее ревностью, пугалъ и ласками своими“? И *онъ* произвелъ то впечатлѣніе, какое желалъ: ей было такъ тяжело это припоминаніе ея прошлой „погибшей“, какъ онъ выражался, жизни, что она даже не могла слушать

далѣе, вскочила и ушла, и даже, показалось мнѣ, когда она пробѣжала мимо меня и ея лицо освѣтилось на порогѣ большой залы хлынувшимъ на нее оттуда свѣтомъ лампъ, ушла съ покрасивѣвшими отъ слезъ глазами...

Все это я говорилъ себѣ и между тѣмъ никакъ не могъ найти внутри себя того прежняго чувства ненависти и отвращенія къ *нему*. Онъ такъ хорошо говорилъ и казался такимъ убѣжденнымъ въ томъ, что онъ говорилъ, и такимъ при томъ образованнымъ, si lettré, какъ выражается m-r Керетн, когда очень хвалитъ кого-либо изъ своихъ французскихъ писателей; всѣ остальные вокругъ него казались такими мелкими; я увѣренъ, никто изъ нихъ не понималъ того, что онъ говоритъ, и только слушали, разинувъ рты, а онъ какъ орелъ парилъ надъ ними... Одна Любовь Петровна понимала его, потому что онъ и она люди другаго „кружка", чѣмъ какая-нибудь Дарья Павловна, или этотъ смѣшной поручикъ Трухачевъ со своими „мысля̀ми", „осмѣлюсь сказать" и „восхитительными дамами". Она слушала его такъ внимательно, сосредоточенно, сочувственно, потому что онъ говорилъ на обычномъ, понятномъ ей языкѣ и такія вещи, которыя нравились не ей одной, а всѣмъ, даже этой самой Дарьѣ Павловнѣ, которая сначала такъ съ нимъ спорила и кончила тѣмъ, что отъ восхищенія чуть на шею ему не бросилась. Сама Дарья Павловна слыветъ у насъ хорошенькою: она такая живая, кругленькая, съ такими полными бѣлыми руками, которыя у ней всегда открыты по-локоть; и она „дѣлаетъ ему глазки" и щуритъ ихъ и жеманится, чтобы только какъ-нибудь понравиться ему. Но онъ гордый, онъ не хочетъ и смотрѣть на нее, потому что такой человѣкъ, какъ онъ, не можетъ любить такихъ mauvais genre женщинъ, какъ Дарья Павловна, которая рѣшается брякнуть ему въ глаза, что онъ говоритъ „волшебно сладкимъ голосомъ" и тому подобное; онъ можетъ любить только такую женщину, какова Любовь Петровна; онъ подразумѣвалъ *ее*, когда говорилъ, что „любовь иной женщины есть высшее блаженство, какое можетъ на этой землѣ выпасть на долю человѣку"; онъ *ее* сравнивалъ съ альпійскою розой, которая съ неприступной высоты смотритъ, прекрасная и хо-

лодная, на тѣхъ, кто, пренебрегая жизнью, взбирается по опаснымъ, до неба восходящимъ горамъ въ надеждѣ добыть ее. И какъ мнѣ нравилось это сравненіе Любови Петровны съ альпійскою розой! Именно она такая, rose des Alpes, перевелъ я, вспоминая что сестра Настя играла очень хорошенькую пьеску съ швейцарскимъ мотивомъ, которая такъ и называлась rose des Alpes, вспоминая и самый этотъ мотивъ и начиная его пѣть въ головѣ. Онъ ее любитъ, продолжалъ я разсуждать между тѣмъ; онъ за любовь ея готовъ отдать свою жизнь,—но онъ развѣ виноватъ, развѣ онъ можетъ идти противъ себя, противъ своего сердца, да развѣ можетъ кто-либо видѣть ее и не полюбить—да развѣ я самъ?...

Но тутъ мнѣ вдругъ вспомнился Вася и весь нашъ утренній съ нимъ разговоръ... и я остановился на лѣстницѣ, опустивъ голову, не зная куда идти, потому что чувствовалъ, что не выдержу перваго взгляда строгихъ, „безгрѣшныхъ“ глазъ Васи и выдамъ себя ему съ перваго раза со всѣми со своими „мерзкими мыслями“...

— Куда же идти? спрашивалъ я себя, стоя средь мрака на лѣстницѣ, — внизъ ко всѣмъ? Ни за что въ свѣтѣ! — Не провѣдать-ли Леву? Но онъ, вѣрно, еще не вернулся изъ Селища, куда онъ, успѣла сказать мнѣ на террасѣ миссъ Пинкъ, отправился съ Керети къ Опицкимъ...

— Что же тамъ остановился? раздался вдругъ прямо надо мной голосъ Васи.

Это было такъ неожиданно, что я весь вздрогнулъ.

— А ты что тутъ дѣлаешь? едва перемогъ я себя.

— Жду огня! намъ до сихъ поръ не приносили.

„И слава Богу, что не приносили до сихъ поръ“, подумалъ я и спросилъ:

— А какъ это ты меня въ темнотѣ узналъ?

— У меня глаза какъ у кошки и ночью видятъ, отвѣчалъ смѣясь Вася.

— Вы давно вернулись изъ саду?

— Давно; папа успѣлъ опять заснуть и скоро проснется. Скоро десять часовъ, я полагаю. А ты внизу былъ, на террасѣ?

Я стоялъ уже возлѣ него, на площадкѣ, и мнѣ казалось, что у него дѣйствительно кошачьи глаза, что онъ меня насквозь видитъ.

— Вотъ видишь, Вася, началъ я, — когда ты съ твоимъ папа поѣхали, я пошелъ съ командоромъ, съ этимъ маіоромъ, то-есть... Ну, потомъ онъ ушелъ къ себѣ, на село, а я пошелъ прямо по аллеѣ и вышелъ къ террасѣ, а тутъ Ѳома Богданычъ увидѣлъ меня и удержалъ...

— Къ чему же ты это мнѣ все объясняешь, Борисъ? сказалъ Вася.—Ты точно извиняешься. Развѣ ты не воленъ идти, оставаться, уходить, какъ тебѣ вздумается? Я не твой Керети, который, можетъ быть, требуетъ отъ тебя отчета въ каждомъ изъ твоихъ дѣйствій.

— Какъ же! Стану я ему давать отчетъ! храбро воскликнулъ я, уколотый такимъ предположеніемъ.

— Такъ тѣмъ менѣе, сказалъ онъ съ новымъ смѣхомъ,— обязанъ ты давать его мнѣ. Какой ты забавный, Борисъ!.. А теперь куда ты намѣренъ?

Онъ, слѣдовательно, не ожидалъ меня, даже не приглашалъ къ себѣ! Мнѣ представилось, что все это сіяющее небо дружбы, о которомъ я такъ мечталъ въ Тихихъ-Водахъ, обвалилось вдругъ, и я словно остался одинъ, круглый сирота на свѣтѣ...

— Я хотѣлъ къ тебѣ... но я, можетъ быть, тебѣ помѣшаю, съ трудомъ проговорилъ я, чувствуя, что готовъ разнюниться самымъ постыднымъ образомъ.

— Я занимался, отвѣчалъ онъ, — днемъ не успѣваешь, такъ я всегда въ эту пору... Но все равно, пойдемъ ко мнѣ!

— Зачѣмъ же, я не хочу тебѣ мѣшать, повторялъ я. Ощущеніе, что я какъ будто остался круглымъ сиротой, еще усилилось отъ того, что онъ теперь, казалось мнѣ, только изъ жалости, потому что мнѣ дѣваться некуда, рѣшается пустить меня къ себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемъ! говорилъ Вася.

Савелій показался съ лампой на лѣстницѣ.

„Не хочу, чтобъ они замѣтили мое глупое лицо!“ И во

избѣжаніе такого срама я поспѣшилъ пройти первый въ комнату Васи.

Онъ дѣйствительно занимался предъ моимъ приходомъ. На его столѣ лежалъ раскрытый томъ *Всеобщей Исторіи* Геерена на нѣмецкомъ языкѣ и тетрадь съ надписанной страницей русскаго перевода.

— Ну садись, гость будешь, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой.

— Да, именно, гость—и только гость! печально молвилъ я себѣ:—все кончено!...

Мы оба помолчали:

— Ты что-то невеселъ вернулся снизу? началъ Вася, но въ голосѣ его не слышалось мнѣ того участія, съ какимъ бы я непремѣнно сдѣлалъ ему такой вопросъ, еслибъ былъ на его мѣстѣ, а онъ на моемъ.—Что тамъ, много народу? спросилъ онъ, не дождавшись даже моего отвѣта.

— Очень много, офицеры разные, дамы...

— Каждый день то же, замѣтилъ онъ, шевельнувъ плечомъ.

— Да, Анна Васильевна говоритъ, что у нихъ вѣчная ярмарка. Ѳома Богданычъ безъ этого жить не можетъ.

— Очень онъ ужь добръ и гостепріименъ, сказалъ Вася,— а люди пользуются... И что же тамъ дѣлали? спросилъ онъ опять.

— Такъ, разговаривали, отвѣчалъ я,—стараясь избѣжать его взгляда и принимаясь для этого разсматривать давно знакомую мнѣ картину, висѣвшую на стѣнѣ этой бывшей Галечкиной спальни и изображавшую святую Елисавету, королеву венгерскую, на колѣняхъ предъ больнымъ нищимъ, которому она перевязываетъ рану на ногѣ.

— И разговоръ интересный? продолжалъ между тѣмъ Вася.

— Такъ себѣ... Мнѣ становилось очень неловко.

— Или это секретъ?

Насмѣшка звучала въ его голосѣ. Я обернулся къ нему.

— Какой же можетъ быть тутъ секретъ, Вася! жалобно проговорилъ я.

— Потому что ты такъ неохотно отвѣчаешь... Прости меня.

Борисъ! молвилъ онъ неожиданно, протягивая мнѣ руку: — я точно допытываю тебя...

— Нѣтъ, Вася, нѣтъ, нисколько, я и не думалъ... Мнѣ стало легче отъ его ласковыхъ словъ.—А насчетъ разговора...

— Я знаю, о чемъ говорили, не далъ онъ мнѣ кончить, и какая-то горькая и вмѣстѣ съ тѣмъ презрительная усмѣшка сложилась на его губахъ,—про чувство, про любовь...

— Да, ты отгадалъ!

— Я знаю, повторилъ онъ,—и скажу тебѣ напередъ, что говорилъ, вѣрно, все одинъ, а другіе только слушали, да поддакивали.

— Да, почти такъ, это правда. Говорилъ все этотъ офицеръ, баронъ...

— Баронъ Фельзенъ, твердо произнесъ Вася. Онъ глядѣлъ въ своего нѣмецкаго Геерена и продолжалъ дописывать недоконченную страницу перевода, не прерывая бесѣды со мною. Онъ казался совершенно спокойнымъ, только неестественно сдвинувшіяся его брови напоминали то недоброе выраженіе, которое такъ поразило меня въ немъ утромъ.

— А онъ очень хорошо говоритъ, Вася! сказалъ я.

— Да, такъ же спокойно отвѣчалъ онъ: — онъ вообще уменъ и на все, кажется, способенъ.

— И по всему видно, примолвилъ я,—что онъ такъ много знаетъ...

— Романовъ, дѣйствительно, кажется, не мало на своемъ вѣку прочелъ!

— Нѣтъ, Вася, кажется, онъ и исторію великолѣпно знаетъ!

Онъ съ легкою улыбкой приподнялъ губу и продолжалъ писать.

— Ты мнѣ не вѣришь, не безъ досады сказалъ я, — ты думаешь, я не могу объ этомъ судить, но еслибы ты послушалъ его сегодня, ты самъ бы сказалъ, что онъ такъ краснорѣчивъ, qu'il est si lettré и что...

Вася положилъ перо, печально взглянулъ мнѣ прямо въ глаза и договорилъ за меня:

— И что онъ совершенно плѣнилъ тебя...

— Вася! кинулся я къ нему,—ради Бога, милый, не сердись на меня, выслушай только!... Я самъ не знаю, какая каша у меня теперь въ головѣ. Когда ты меня позвалъ, тамъ, на лѣстницѣ, я стоялъ и именно объ этомъ думалъ... Видишь, этотъ человѣкъ, я какъ только его увидѣлъ тогда въ первый разъ, съ перваго же раза онъ мнѣ сталъ противенъ, и когда ты Сашѣ Рындину сказалъ тогда, что ты его не любишь, я тебя еще больше полюбилъ за это... И сегодня, еслибы Ѳома Богданычъ не схватилъ меня на террасѣ, я ни за что бы не пошелъ самъ его слушать... Но я ничего не хочу скрывать отъ тебя, Вася, я тебѣ буду прямо говорить все, все, что у меня въ душѣ происходитъ,—да, онъ меня сегодня плѣнилъ, то-есть не онъ, Боже сохрани! а его разговоръ, его манера, то, что я еще ни одного человѣка до сихъ поръ не встрѣчалъ, который бы такъ ловко выражался, и съ такимъ „изяществомъ", Вася,—объяснилъ я новымъ для меня словомъ, употребленнымъ нѣсколько разъ барономъ Фельзеномъ и которое очень мнѣ нравилось, — и потомъ еще то, Вася, что онъ такъ горячо стоитъ за несчастныхъ жертвъ...

— За какихъ же это онъ такихъ несчастныхъ жертвъ стоитъ? съ удивленіемъ спросилъ меня Вася.

— За женщинъ, Вася!... Я при этомъ смѣшался и опустилъ глаза, чувствуя, что зашевелилъ вопросъ жгучій для насъ обоихъ.

— Онъ все также пристально глядѣлъ на меня.

— Какихъ же именно женщинъ, спросилъ онъ насмѣшливо,—признаетъ этотъ господинъ „жертвами": старухъ или молодыхъ и красивыхъ?

— Онъ говорилъ вообще о женщинахъ, о тѣхъ, которыхъ любятъ мужчины...

— И онъ о нихъ сокрушается! Видно сейчасъ—настоящій рыцарь! И это тебѣ такъ понравилось?

— Да... отвѣчалъ я конфузливо,—потому что все-таки мы, мужчины, сильны, а онѣ слабы, а... а между тѣмъ „онѣ одарены лучше насъ", промолвилъ я и такъ неловко, что Вася тотчасъ же догадался, что я, какъ скворецъ, запѣлъ съ чужаго голоса.

— Если онѣ одарены лучше насъ, Борисъ,—то, какъ ты думаешь, вѣдь выходитъ, что *онѣ* сильны, а мы слабы?

— Нѣтъ, возразилъ я,—потому что вѣдь мужчина, а не женщина почитается главнымъ въ домѣ, значитъ на сторонѣ мужчинъ и законъ, и сила, какъ тебѣ это сказать,—ну, хоть начиная съ силы физической...

— Да, то есть, что есть женщины, которыхъ мужья ихъ бьютъ. Объ этихъ „несчастныхъ жертвахъ" говорилъ г. фонъ-Фельзенъ? все такъ же насмѣшливо объяснилъ Вася.

— Да нѣтъ же...

— Слѣдовательно о тѣхъ именно, какъ ты сказалъ сейчасъ, которыхъ мужья любятъ?

— Да... Я совершенно растерялся.

— И твой благородный рыцарь плачетъ о томъ, это этихъ „несчастныхъ" смѣютъ любить?

— Вася, ты совсѣмъ меня сбилъ, и самъ я себѣ кажусь очень глупымъ въ эту минуту. Пойми ты, что тутъ былъ цѣлый разговоръ и споры съ одной дамой, ее Дарьей Павловной зовутъ. Онъ доказывалъ ей, что у каждой женщины есть свой, особенный идеалъ любви, какъ онъ выражался, но что между мужчинами рѣдко находятся „субъекты", — это опять его выраженіе, — которые понимали бы этотъ идеалъ, и потому женщинъ никогда почти не любятъ такъ, какъ бы имъ хотѣлось, чтобъ ихъ любили, и очень много ихъ „гибнутъ довременно" или отъ равнодушія, или... Я испугался того, что чуть не слетѣло у меня съ языка: какъ же это сказать „отъ ревности" при Васѣ? А если онъ знаетъ, что отецъ его такъ мучилъ ревностію жену свою?... Или оттого, что къ нимъ, какъ говорилъ баронъ, „относятся какъ къ рабынямъ, а не какъ къ свободно-чувствующимъ женщинамъ!" Вотъ что онъ говорилъ. Вася, докончилъ я, весьма довольный, что такъ счастливо, казалось мнѣ, успѣлъ выпутаться изъ затруднительнаго положенія.

Вася провелъ рукой по лицу, откинулся головой на спинку кресла и, глядя въ потолокъ, промолвилъ, будто говоря самъ съ собою:

— Не знаю, много-ли ихъ гибнетъ оттого, что ихъ лю-

бятъ не такъ, какъ имъ хочется, а что погибаютъ тѣ, которые ихъ слишкомъ любятъ—тому я знаю примѣры!...

— Не сердись на меня, Вася, ради Бога! просилъ я, подходя къ нему и взявъ его за руку:—я говорилъ тебѣ откровенно, я самъ не знаю какъ справиться со всѣми мыслями, которыми наполнена теперь моя несчастная голова. Я очень хорошо понимаю, что онъ противный человѣкъ...

— Во-первыхъ, возразилъ Вася, — что онъ даже не противный, онъ не виноватъ... Вася не договорилъ, и его щеки покрылись быстро набѣжавшимъ румянцемъ. — А потомъ, за что, скажи, буду я на тебя сердиться? За то, что рѣчи и манеры барона Фельзена тебѣ понравились? Онѣ не одному тебѣ нравятся... Или за то, что онъ тебя увѣрилъ, что женщины вообще несчастны, потому что ихъ не долюбливаютъ или перелюбливаютъ, а никогда не любятъ такъ, какъ имъ нравится? Такъ объ этомъ, — знаешь что, Борисъ, я посовѣтовалъ бы тебѣ лучше всего спросить у твоей матери, когда ты съ нею увидишься, и я желаю для тебя, чтобъ это случилось какъ можно скорѣе,—а мнѣ сердиться на тебя за это было бы такъ безсмысленно, такъ глупо... Ты ужасный еще ребенокъ, Боря, договорилъ онъ и, потянувъ къ себѣ, поцѣловалъ меня въ голову.

— Нѣтъ, Вася, нѣтъ! воскликнулъ я съ неудержимымъ порывомъ.—Не воображай, что я такой ребенокъ! Я не умѣю объясняться, не могу совладать съ тѣмъ, что у меня въ головѣ, но я все вижу, все понимаю!

— Ты все видишь... повторилъ какъ бы безсознательно Вася, и его заалѣвшее за мгновеніе передъ этимъ лицо такъ же быстро поблѣднѣло. Онъ отвернулся, точно избѣгая этихъ моихъ видящихъ глазъ, въ которыхъ онъ могъ бы найти отраженіе того, что въ эту минуту происходило въ собственной его душѣ.

— Ты говорилъ мнѣ сегодня утромъ и, можетъ-быть, думалъ, что я дѣйствительно такой ребенокъ, который... но я еще прежде, самъ...

— Хорошо, Борисъ, довольно! прервалъ меня Вася, слегка отстраняя меня рукой.—Объ этомъ нечего говорить... Только

ты, можетъ-быть, воображаешь... воскликнулъ онъ вдругъ, пораженный, видимо, какою-то новою мыслью, какъ будто подозрѣвая, что то, что я могъ представлять себѣ, могло быть еще оскорбительнѣе и тяжелѣе для него, чѣмъ то, что было на самомъ дѣлѣ. Но ничего подобнаго не прочелъ онъ въ моихъ глазахъ.

Онъ прочелъ въ нихъ лишь глубокое, нѣжное къ нему чувство.

— Я ничего не воображаю, а вижу только, что ты очень несчастливъ, Вася!...

Онъ не выдержалъ; онъ закрылъ лицо свое обѣими руками и зарыдалъ, вздрагивая плечами, зарыдалъ судорожнымъ рыданіемъ, котораго не въ силахъ были удержать эти до боли нажатыя на лицо его руки.

— Вася, Вася, не плачь, ради Бога! умолялъ я его, обнявъ его голову и цѣлуя его мягкіе волосы, мокрые отъ слезъ, которыя лились изъ моихъ собственныхъ глазъ.

— Закрой дверь, папа услышитъ... могъ только проговорить онъ.

Я побѣжалъ къ двери, заглянулъ въ другую комнату: лампа подъ темнымъ абажуромъ тускло освѣщала ее; отецъ Васи не шевелился въ своемъ креслѣ.

— Спитъ крѣпко, не безпокойся, милый.

Онъ уже успѣлъ придти въ себя и улыбался мнѣ тихою улыбкой, отирая платкомъ свое влажное лицо.

— Видишь, какая я баба, сказалъ онъ.

— А бабы говорятъ: поплачешь, легче станетъ, старался я развеселить его.

— Онѣ правы, отвѣчалъ онъ, — а то такъ тяжело бываетъ,—знаешь, сердце точно закалится, нѣтъ слезъ, какъ ни больно... Ты, Боря, какъ Моисей жезломъ своимъ изъ скалы, заставилъ литься воды. Ты, конечно, не такой великій пророкъ, какъ Моисей, примолвилъ Вася, стараясь наладить себя на веселый тонъ,—но за то добрѣйшая душа. Спасибо тебѣ!

— Что же хорошаго я сдѣлалъ, что ты меня благодаришь! Только огорчилъ тебя. И все этотъ разговоръ внизу...

Я не хотѣлъ тебѣ передавать, я предчувствовалъ, что выйдетъ скверно,—ты самъ захотѣлъ...

— Развѣ ты думаешь, это для меня ново? Ты бы не сказалъ мнѣ, я завтра догадался бы, какъ только бы *она* вошла сюда. Я по ея лицу узнаю каждый разъ, когда ее опять настроили противъ *него*,—и Вася кивнулъ по направленію отцовской комнаты.

— Какъ же ты это узнаешь? съ удивленіемъ спросилъ я.

— Какъ, сказалъ онъ вздохнувъ, — я объяснить этого не могу, но она еще слова не промолвитъ,—а я знаю. Привычка! А *онъ*, примолвилъ Вася, ты думаешь, не то же? Ея платье только еще зашуршитъ въ другомъ покоѣ, а я по глазамъ его уже вижу, чего онъ ждетъ себѣ на этотъ день: горя или радости...

— А какъ онъ ее любитъ! воскликнулъ я, припоминая сцену тогда, въ аллеѣ.

— Кажется, за это преступленіе онъ довольно и наказанъ, сказалъ Вася съ невыразимою горечью, — но и тутъ пощадить не могутъ...

Мы замолчали оба.

— Но тебя, своего сына, она навѣрное любитъ, Вася? началъ я первый.

— Да... нерѣшительно отвѣчалъ бѣдный мальчикъ;—она бы меня больше любила, еслибъ я къ *нему* не былъ такъ привязанъ...

— Знаешь что, Вася, — мнѣ кажется, ей совѣстно, что она не можетъ любить его, какъ ты?

— Она слишкомъ молода для своихъ лѣтъ, отвѣчалъ онъ не сейчасъ,—а я слишкомъ старъ: мы и не понимаемъ другъ друга...

— Да, она удивительно молода! воскликнулъ я. — Моя maman говоритъ, что она такая же, какъ въ семнадцать лѣтъ, когда отецъ твой привезъ ее въ первый разъ въ Петербургъ.

— Твоя maman, кажется, не очень любитъ ее? робко и не глядя на меня, спросилъ Вася.

— Нѣтъ, maman очень добрая и никого не ненавидитъ.— Но она очень жалѣетъ твоего отца...

— А про нее ничего не говоритъ?

— Ничего дурнаго, увѣряю тебя... Вѣдь ничего дурнаго нѣтъ въ томъ, что она говоритъ про твою maman, что она въ Петербургѣ всѣхъ съ ума сводила,—правда, Вася?

— Это она вездѣ дѣлаетъ, не въ одномъ Петербургѣ, отвѣчалъ онъ, все также не глядя на меня и чертя карандашомъ какія-то каракульки на своей тетради.

— А сама оставалась для всѣхъ холодна, какъ ледъ, продолжалъ я и примолвилъ: — она настоящая rose des Alpes, Вася!

— Это еще что такое? Онъ, недоумѣвая, обернулся на меня.

— Это не maman моя впрочемъ говоритъ, а этотъ баронъ такъ называлъ женщинъ... то-есть тѣхъ, объяснилъ я, сконфузясь, — которыя горды, Вася... и неприступны... и стоятъ, говорилъ онъ, жизни смѣльчакамъ, которые хотятъ добраться до нихъ...

Онъ вздохнулъ глубокимъ, болѣзненнымъ вздохомъ и, снова отвернувшись, проговорилъ съ отвращеніемъ:

— Ахъ, какъ это все гадко!...

И я понялъ, какъ это, дѣйствительно, должно было показаться ему гадкимъ, и какъ неосмотрительно, глупо было съ моей стороны повторять ему эту фразу, такъ грубо напоминавшую ему, что мать его могла быть предметомъ всякихъ нечистыхъ желаній и надеждъ. „Боже мой“ съ ужасомъ представилось мнѣ,—„еслибы мнѣ вдругъ что-либо подобное сказали про мою мать!“... И мнѣ стало такъ больно и такъ стыдно, что я не могъ усидѣть на мѣстѣ. Я вскочилъ со стула и отправился любоваться еще разъ висѣвшею на стѣнѣ святою Елисаветой Венгерскою, омывающею рану на ногѣ нищаго.

— А вотъ и папа проснулся, сказалъ Вася,—я пойду къ нему, а ты, Борисъ...

— Нѣтъ, я ужь къ себѣ, пора спать. Прощай, Вася.

Онъ протянулъ мнѣ руку. Я торопливо пожалъ ее, боясь встрѣтиться съ нимъ глазами, и поспѣшилъ уйти.

XVII.

У дверей нашего съ Керети аппартамента ждалъ меня Максимычъ, сидя на стулѣ, вынесенномъ имъ въ корридоръ и клюя носомъ на этомъ стулѣ. Онъ сіялъ какъ мѣсяцъ огромною своею лысиной, на которую плашмя падалъ свѣтъ нагорѣвшаго сальнаго огарка въ мѣдномъ шандалѣ, стоявшемъ на окнѣ прямо противъ него. Онъ проснулся, едва я подошелъ.

— Что это ты, Максимычъ?

— А что я?

— Отчего ты здѣсь, а не въ комнатѣ?

— А вотъ войдите,—сами увидите и услышите!

Я отворилъ дверь и, дѣйствительно, увидѣлъ и услышалъ: увидѣлъ большой свѣтъ, бившій изъ оконъ большой залы, на которую выходили наши комнаты, услышалъ звукъ фортепіано и чей-то голосъ, звучный и нѣжный, заканчивавшій какую-то блестящую итальянскую арію.

— Il chante délicieusement, ce diable d'officier! встрѣтилъ меня съ этими словами Керети; онъ стоялъ у открытаго окна со шляпой на головѣ и съ сигарой въ зубахъ. Je vous attendais pour descendre. Dormez, mon cher ami, — si vous pouvez, промолвилъ онъ съ какимъ-то преувеличеннымъ смѣхомъ.

И онъ, посвистывая и слегка покачиваясь, вышелъ изъ комнаты.

— Больно ужь веселы, пробурчалъ вслѣдъ ему Максимычъ.

— Давно вернулся? спросилъ я.

— А вотъ сейчасъ.

— Какъ, и Лева также?

— Такъ я ихъ тамъ и оставлю! сердито отвѣчалъ мой старикъ. — Я Льва Михайлыча безъ себя не отпустилъ и въ девятомъ часу доставилъ ихъ оттуда обратно и сдалъ на руки горничной здѣшней. Спятъ давно.

— А m-r Керети остался?

— Остался французъ съ полякомъ за русское здоровье венгерское тянуть, язвительно сострилъ Максимычъ.

Старикъ Опицкій, старый офицеръ Наполеоновскихъ войскъ, и не менѣе самого его старое *вытравное* его венгерское пользовались, дѣйствительно, большимъ расположеніемъ моего гувернера. Максимычъ, ходившій еще въ двѣнадцатомъ году на француза и ляха, почиталъ своимъ долгомъ видѣть врага въ каждомъ иноязычникѣ или чужеземцѣ „къ намъ прешедшемъ за порогъ“; самъ же онъ въ сущности ни малѣйшей злобы къ нимъ, какъ и ни къ кому на свѣтѣ, не питалъ, и за вѣчно болѣвшимъ Керети ухаживалъ, хотя не пропускалъ при этомъ ни единаго случая отпустить на его счетъ какую-нибудь колкость. Ненавидѣлъ Максимычъ лишь одно на свѣтѣ, это—вино: оно когда-то чуть не стоило ему жизни. Получивъ „чистую“ послѣ Турецкой войны, онъ возвращался зимой къ себѣ на родину, въ Черниговскую губернію. Гдѣ-то на постояломъ дворѣ, позднимъ вечеромъ, Максимычъ выпилъ лишній стаканъ и „подъ куражемъ“ затѣялъ драку съ хозяиномъ. Его вытолкали за двери. „А мнѣ наплевать“, сказалъ себѣ старый солдатъ: ночь была морозная, но лунная и тихая,—и онъ бодро отправился въ путь. Но винные пары одолѣли его; не пройдя и двухъ верстъ, онъ повалился посередь дороги, окончательно опьянѣвъ, и заснулъ какъ убитый. Онъ бы, вѣроятно, никогда и не проснулся, еслибы на него чуть не наѣхала кибитка моего отца, ѣхавшаго тѣмъ временемъ изъ К. въ деревню. Максимыча подняли, оттерли, уложили въ кибитку и привезли въ Тихія Воды. Онъ отдѣлался двумя отвалившимися у него пальцами на лѣвой ногѣ, да однимъ на правой,—и съ тѣхъ поръ уже не разставался съ нами. Предъ отцомъ моимъ онъ благоговѣлъ, матушку называлъ не иначе какъ „святою“, а все семейство наше „благословеннымъ“. Въ бывшемъ съ нимъ случаѣ онъ видѣлъ „попущеніе Божіе за

мерзость прегрѣшеній своихъ", проводилъ все свободное время за чтеніемъ „божественныхъ" книгъ и до смерти надоѣдалъ всей дворнѣ ежедневною проповѣдью и бранчивыми выходками противъ пьянства и пьяныхъ.

— Какъ же вы теперича почивать станете, Борисъ Михайлычъ? спрашивалъ онъ, злобно кивая на раскрытое окно, откуда неслись новые звуки, звуки Ланнерова вальса, разыгрываемаго Булкенфрессомъ.

— Ничего, попробую, отвѣчалъ я, хотя въ томъ расположеніи духа, въ которомъ я вышелъ отъ Васи, мнѣ все это было также мало по сердцу, какъ и самому Максимычу.

— И это подъ самый праздникъ, подъ самое воскресенье! ворчалъ старикъ. — Священника, вишь, благочинный что-ли потребовалъ, вечерни не служили, такъ это они вмѣсто вечерни всякую музыку заиграли! А еще благочестивыми господами прозываются! Помяни Господи Царя Давида и всю кротость его. Согрѣшишь съ ними только, ей-Богу!...

— Полно браниться, Максимычъ, я спать хочу.

— Такъ и съ Богомъ, да ангелу своему получше помолиться не забудьте на сонъ грядущій, потому на новосельѣ, да еще при такомъ соблазнѣ... Я вамъ ширмы къ кроваткѣ поставилъ, чтобы, по крайности, свѣтомъ въ глаза вамъ не било. На окнахъ, гляди, ни сторки, ни занавѣси; а то хотите,— я старое одѣяло захватилъ съ вещами на всякъ случай,—можно завѣсить?

— Не нужно, Максимычъ, — и я невольно засмѣялся, вообразивъ себѣ, какъ расхохотались бы тамъ, внизу, этому старому моему одѣялу, навѣшенному на окно.

Я раздѣлся и легъ. Но помолиться получше моему ангелу мнѣ не удалось: да какъ и молиться-то было подъ звуки Pesther-Walzer?

Максимычъ ушелъ, и я остался одинъ за ширмами, въ новой необлежанной постели, не находя привычныхъ мнѣ *ямочекъ* и не зная, какъ умоститься въ ней половчѣе. А тутъ еще все этотъ Pesther-Walzer, что такъ поджигательно умѣлъ всегда разыгрывать Булкенфрессъ и такъ звучно долеталъ теперь до моего слуха, несмотря на то, что Максимычъ по-

заботился закрыть окно на всѣ задвижки! Не спалось мнѣ, а спать хотѣлось, хотя бы для того, чтобы не думать о „глупости", которую отпустилъ я Васѣ...

Но вотъ и вальсъ замолкъ, и ничего уже не слышно, кромѣ глухаго говора и гула шаговъ по паркету. Ужь не расходятся ли всѣ? Нѣтъ,—опять зазвучало фортепіано, играютъ ритурнель какого-то романса, и тотъ же голосъ, звучный и нѣжный, звенитъ за стекломъ моего закрытаго окна, словно просится онъ ко мнѣ, словно хочетъ новымъ соблазномъ смутить мою душу. Правъ былъ старикъ Максимычъ...

— Это Фельзенъ поетъ, ce diable d'officier, какъ вѣрно назвалъ его m-r Керети,—настоящій демонъ, Сатана Вельзевуловичъ, говорю я себѣ, прибирая въ головѣ все, что могло бы растравить во мнѣ злое чувство къ нему, все, что могло бы дать мнѣ силу противостоять искушенію, пытаясь зажать уши, запрятать голову между двухъ подушекъ. Но очаровавательный голосъ проникаетъ и туда, подъ горячую подушку, звенитъ и сквозь зажатыя уши....

И, спустившись съ кровати, я натянулъ на себя умывальный халатъ и о босу-ногу отправился къ окну. Отворить его? А какъ увидятъ меня снизу въ этомъ нарядѣ? Окна моей комнаты выходятъ какъ разъ противъ фортепіано, вокругъ котораго, какъ я успѣлъ уже разсмотрѣть, сгруппировалось все общество. А не отворить, словъ не услышишь: какъ же это слушать безъ словъ? тѣмъ болѣе, что это уже не итальянскія, а русскія слова. Какъ быть? Нельзя-ли подальше, въ комнатѣ Керети? Прекрасно! оказывается, что она въ одно окно, и на немъ занавѣска,—можно его отворить осторожно на половинку и умоститься за занавѣской такъ, что никто не увидитъ моего халата, да и не догадается о моемъ присутствіи...

И вотъ я сижу, гляжу и слушаю, какъ изъ ложи въ театрѣ. А Фельзенъ поетъ:

Какъ сладко съ тобою мнѣ быть
И молча душой погружаться
Въ лазурныя очи твои...

О, какая это восхитительная музыка и какъ онъ это восхитительно поетъ! Какой полный, свѣжій звукъ! Какъ искусно

и выразительно замедлилась, какъ нѣжно протянулась и задрожала бархатная нота на словѣ „лазурныя“!... *У нея* лазурныя очи... Опять она! Онъ поетъ теперь, какъ тогда говорилъ, для нея одной! И она слушаетъ его теперь, какъ и тогда слушала, опершись прелестною головкой на руку, съ глубокимъ вниманіемъ, съ какою-то томною радостью на блѣдномъ лицѣ. Она сидитъ поодаль, на диванѣ у стѣны, между тѣмъ какъ Дарья Павловна облокотилась обѣими руками на фортепіано, прямо противъ поющаго, и глядитъ на него такъ, будто вотъ-вотъ и прыгнетъ сейчасъ ему въ открытый ротъ. Ѳома Богдановичъ словно маятникъ раскачивается на мѣстѣ: онъ вполнѣ счастливъ, и мнѣ не видно, но, я увѣренъ,—плачетъ отъ умиленія сердечнаго. Анну Васильевну совсѣмъ затерли обсѣвшіе вокругъ нея гости. Что-то она, бѣдная, чувствуетъ въ эту минуту, скребетъ-ли все у нея на душѣ за „Любочку“, или забыла она „думку гадати“ про нее, да про нѣмца лукаваго, и все готова ему простить, какъ и я простилъ, за его голосъ, за этотъ всеподкупающій голосъ!...

— И сердце трепещетъ въ восторгѣ
При видѣ тебя...

поетъ Фельзенъ, кончая высокою, сильною грудною нотой, наполнившею всю залу своимъ могучимъ и чистымъ звукомъ. Онъ смолкъ. Понесся новый оглушительный гулъ возгласовъ, рукоплесканій. Болѣе всѣхъ тормошится Дарья Павловна: она кинулась къ Фельзену, схватила его руку обѣими своими руками и, приподымая свои круглыя плечи, откидываетъ назадъ голову, чтобы ближе взглянуть ему въ лицо, и лепечетъ что-то быстро, оживленно, восторженно. Фельзенъ только улыбается и кланяется и, видимо, старается скорѣе уйти отъ нея, — но она не выпускаетъ его руки изъ своихъ и продолжаетъ болтать; ея черные глаза такъ и горятъ, а бѣлые зубы то-и-дѣло сверкаютъ изъ-подъ ея большихъ, полныхъ губъ, словно готовится она загрызть счастливаго пѣвца въ избыткѣ своего восторга. Но вотъ поручикъ Трухачевъ еще разъ является на помощь товарищу: онъ подходитъ къ Дарьѣ Павловнѣ и передаетъ ей какую-то просьбу,—о ней говорятъ его умоляющій

видъ, его почтительно изогнувшаяся спина и выразительныя движенія его рукъ,—онъ то простираетъ ихъ къ румяной дамѣ, то прижимаетъ къ собственному сердцу. Дарья Павловна не согласна исполнить просьбу Трухачева: она самымъ рѣшительнымъ образомъ мотаетъ головой и машетъ руками. Фельзенъ свободенъ — и спѣшитъ, осторожно скользя между наставленными стульями, скрыться подалѣе отъ всякихъ изъявленій и рукожатій, несущихся къ нему на встрѣчу. Трухачевъ, съ своей стороны, не унываетъ,—онъ мигомъ собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ товарищей, — и уже цѣлая толпа обступаетъ румяную даму, цѣлая толпа въ эполетахъ движетъ руками, то вскидывая ими къ ней, то нажимая ихъ къ мундирнымъ пуговицамъ, со стороны сердца. Уже явственно слышатся и голоса, сливающіеся въ выраженіи одного общаго желанія:—изъ *Москаля* изъ *Москаля-Чаривника!*

— Такъ, такъ, изъ *Маскаля*! кричитъ во всю глотку Ѳома Богдановичъ, и принимается, къ общей потѣхѣ, приплясывать и притопывать посередь залы:

— За Тетяну сто кивъ давъ,
Бо Тетяну сподобавъ,

подпѣваетъ при этомъ онъ, подмигивая и дѣлая ручкой Дарьѣ Павловнѣ. Румяная дама не упорствуетъ долѣе,—она хохочетъ и направляется къ фортепіано. Булкенфрессъ, поправивъ очки на носу, прелюдируетъ, каррикатурно барабаня въ басу, и Дарья Павловна поетъ любимую во всей нашей сторонѣ пѣсенку изъ *Москаля-Чаривника*

Ой, не звиткиль віе витеръ,
Звиткиля мнѣ треба,
Выглядаю миленького
Зпидъ чужого неба,

Трухачевъ держитъ обѣ руки на отлетѣ и бьетъ ладонями по воздуху тактъ:

— Кажи, зирки, кажи, ясный,
Где винъ проживае...

подхватываетъ онъ, молодецки махнувъ товарищамъ, и куплетъ заканчивается уже хоромъ. Дарьѣ Павловнѣ стóитъ только

начать, а тамъ ее отъ фортепіано не оттащишь; это всѣ знаютъ. За первымъ куплетомъ идетъ второй, третій, за пѣснью новая пѣсня. Дарья Павловна поетъ пріятнымъ, мягкимъ голосомъ и почти исключительно однѣ малорусскія пѣсни, которыя передаетъ она съ большимъ мастерствомъ, со всею задушевностью и простодушіемъ народнаго украинскаго напѣва. Слушаешь Дарью Павловну, — и словно не она поетъ, а какая-нибудь черноокая дивчиночка, стерегущая своихъ овечекъ подъ жидкою тѣнью вербы, или свѣжая молодица за веретеномъ, на порогѣ хаты, въ тотъ часъ, когда вечерніе лучи льются золотымъ дождемъ на нее, и на ея бѣлую хату, и на яблоню, повисшую надъ ними шатромъ, и на жмурящагося на солнцѣ пѣгаго барбоса, единственнаго слушателя свѣжей пѣвуньи... Всѣ столпились вокругъ Дарьи Павловны. Анна Васильевна пыталась было отвлечь на минуту Ѳому Богдановича; ей, видимо, хотѣлось передать что-то ему, но онъ только рукой ей махнулъ,— вздоръ-молъ! Это она обо мнѣ безпокоится, милая, — безпокоится, что вся эта музыка и шумъ мнѣ спать не дадутъ;— она нѣсколько разъ подымала глаза на наши окна, но я погасилъ свѣчу для большей предосторожности,—снизу ничего у насъ увидѣть нельзя,—и вопросительно переводила ихъ на Керети. Керети понялъ, но остался глухъ, какъ и Ѳома Богданычъ.—Не безпокойтесь, онъ спитъ какъ убитый, il dort comme une souche, говорила въ отвѣтъ ей его улыбка, при чемъ, для скорѣйшаго объясненія, онъ поднесъ руку къ щекѣ и закрылъ на мгновеніе глаза. Почтенному наставнику моему, очевидно, нисколько не хочется покинуть веселое общество, въ особенности только-что вошедшую въ залу миссъ Пинкъ, для того, чтобы бѣжать на верхъ справиться, спитъ или не спитъ ce polisson de Boris. Онъ преудобно усѣлся подлѣ молодой англичанки, и то сіяющее отъ удовольствія, то одолѣваемое смѣхомъ лицо ея свидѣтельствуетъ, что „вытравное“ старика Опицкаго имѣетъ способность удвоивать любезность ея собесѣдника.

Баронъ Фельзенъ воспользовался удобною минутой и подсѣлъ къ дивану, на которомъ помѣщалась Любовь Петровна. Что говоритъ онъ ей,—что отвѣчаетъ она ему? Сначала весе-

лые оба, выраженіе ихъ лицъ измѣняется постепенно: она перестала улыбаться, голова ея склонилась, глаза ея видимо избѣгаютъ встрѣчи съ его глазами; рѣчь его, напротивъ, становится оживленнѣе, настойчивѣе, судя по его взволнованнымъ движеніямъ, не смотря на его замѣтное стараніе сдержать себя, на его опасеніе быть подслушаннымъ, — онъ постоянно оглядывается, онъ, кажется, болѣе всего боится близкаго сосѣдства Анны Васильевны. Но Анна Васильевна, случайно или нарочно, сѣла къ нимъ спиной и слушаетъ, какъ и другіе, Дарью Павловну, — ему нечего опасаться, и онъ уже весь отдается говорящему въ немъ чувству, губы его запекаются отъ волненія,—онъ постоянно отираетъ ихъ платкомъ,—онъ все ближе наклоняется къ ней, и рука его, показалось мнѣ, хочетъ дотронуться до ея руки. Она быстро отдернула эту руку,—безъ перчатки, я это замѣтилъ, — и съ испугомъ взглянула на него; она заговорила въ свою очередь, но слова ея не убѣждаютъ его; видно, онъ слушаетъ ее нетерпѣливо, съ язвительною улыбкой, онъ постоянно прерываетъ ее.

И она снова опускаетъ голову, и ея бѣлая, длинная рука съ сверкающими на ней кольцами принимается съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ перебирать концы ея пунцовыхъ лентъ. — Ей жаль его, но она не можетъ, думаю я себѣ. — Она rose des Alpes, она никого полюбить не можетъ!... Все сумрачнѣе и злѣе становилось лицо Фельзена: я видѣлъ, какъ за какимъ-то ея словомъ онъ замолчалъ и закусилъ усы, какъ бы сдавливая въ себѣ порывъ клокотавшаго въ немъ гнѣва. И за этимъ, словно рѣшившись внезапно на послѣднее средство, онъ что-то коротко, отрывисто сказалъ ей. Это что-то, очевидно, смутило и оскорбило ее: гордымъ, упрекающимъ взглядомъ вскинула она на него; все лицо ея загорѣлось мгновенно, и, не отвѣчая ни слова, она только головой качнула. — Никогда, никогда! говорило ясно это движеніе. Онъ, весь блѣдный, всталъ, остановился предъ ней, началъ что-то говорить, жадно и пронзительно глядя на нее, будто снова хотѣлъ вызвать этотъ гордый взглядъ или склонить ее мольбой къ иному рѣшенію. Но онъ не успѣлъ,—она не хотѣла

или не могла рѣшиться взглянуть еще разъ на него, и еще разъ закачала головой. Онъ низко поклонился ей и отошелъ... Боже мой! сколько страданія сказалось вдругъ въ ея чертахъ, когда она взглянула ему вслѣдъ! — „Я все прощаю, вернись“! казалось мнѣ, сейчасъ сорвется у ней съ языка. Но она не вернула его, она откинулась на спинку дивана, — она такъ напоминала мнѣ Васю въ эту минуту,—и горько, горько усмѣхнулась,—потомъ приподнялась,—и тихо „съ покойнымъ, холоднымъ челомъ“ подошла и сѣла подлѣ фортепіано. По другой сторонѣ его стоялъ Фельзенъ и не сводилъ глазъ съ Дарьи Павловны. Но румяной дамѣ было не до его взглядовъ; она и не видѣла ихъ; она уже все на свѣтѣ позабыла: эта жеманная, „mauvais genre“, какъ я осмѣливался называть ее, Дарья Павловна — и пѣла какъ жаворонокъ въ небѣ, никого и ничего не замѣчая, полузакрувъ глаза, съ выраженіемъ безконечнаго счастія на лицѣ. Долго, внимательно глядѣла на нее Любовь Петровна и, вслѣдъ за послѣднею нотой ея пѣсни, подошла къ ней, обняла за шею и крѣпко поцѣловала ее. Дарья Павловна зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ и низко присѣла предъ красавицей. Любовь Петровна повела взоромъ кругомъ себя, едва замѣтно зѣвнула, улыбнулась, поклонилась общимъ поклономъ всѣмъ, въ томъ числѣ и Фельзену, и, пожавъ мимоходомъ руку Анны Васильевны, вышла изъ залы.

Черезъ пять минутъ никого уже тамъ не оставалось, кромѣ Булкенфресса, собиравшаго свои ноты на фортепіано. Я направился къ своей постели, какъ вдругъ услыхалъ голоса. Любопытство снова потянуло меня къ окну.

— Was suchen sie, Hochwohlgeborener? спрашивалъ музыкантъ барона Фельзена, который искалъ чего-то по столамъ и кресламъ.

— Meine Peitsche... A, da ist sie! отвѣчалъ тотъ, показывая ему отысканный хлыстъ.

Онъ подошелъ къ нему и сказалъ нѣсколько словъ, которыхъ я не могъ разслышать. Лицо его было блѣдно, и какая-то желчная усмѣшка кривила его губы.

— Nicht möglich! съ громкимъ удивленіемъ воскликнулъ Булкенфрессъ.

— Sis sehen's morgen, отвѣчалъ небрежно офицеръ и, круто повернувъ на каблукахъ, быстрыми шагами пошелъ къ двери.

— Hören sie aber Mal, Herr Baron! закричалъ ему вслѣдъ музыкантъ и побѣжалъ за нимъ.

Они изчезли. Люди гасили лампы и свѣчи. Въ корридорѣ раздавались шаги возвращавшагося Керети. Я бросился въ постель и натянулъ себѣ одѣяло по самыя уши. Я ни о чемъ уже не думалъ,—сонъ клонилъ меня,—я чувствовалъ себя безмѣрно усталымъ и отъ прошедшей почти безсонной ночи въ Тихихъ Водахъ, и отъ всѣхъ новыхъ, разнородныхъ впечатлѣній этого перваго дня въ Богдановскомъ. Помню только, что, засыпая, мнѣ все слышался голосъ Васи: „напрасно, Борисъ, напрасно отпустили тебя сюда“...

XVIII.

Едва успѣли мы подняться на слѣдующій день, какъ Керети обратился ко мнѣ со строгимъ наставленіемъ: вчерамолъ проболтался весь день безъ дѣла и ему на глаза не показывался, et que cela ne peut pas aller comme cela, что порядокъ нашей жизни и занятій не долженъ измѣняться, потому что nous ne sommes plus à Tikvodé, mais à Bogdanovsk, — причемъ и самъ повинился въ томъ, что слишкомъ долго засидѣлся послѣ обѣда chez ce brave Opitski и легъ спать à une heure impossible grâce à cette satanée musique et tout le tremblement! Спалъ онъ плохо и прокашлялъ всю ночь, вслѣдствіе чего былъ раздражителенъ и придирчивъ. Напившись чаю, мы тотчасъ же принялись за латинскій языкъ. Латинскимъ языкомъ я занимался съ m-r Керети только лѣтомъ; въ городѣ ко мнѣ ходилъ очень хорошій учитель изъ гимназіи, а въ деревнѣ гувернеръ мой репетировалъ только со мною то, что было пройдено мною съ этимъ учителемъ зимой. Самъ онъ былъ не очень силенъ въ предметѣ, заставлялъ меня только переводить и не вдавался ни въ какія этимологическія и синтаксическія объясненія, но не могъ за то никакъ помириться съ моимъ латинскимъ произношеніемъ, требуя, чтобъ я читалъ comme cela s'écrit en français, то-есть, curriculum, напримѣръ, не *куррикулумъ*, а „корриколомъ“, gerundium не *герундіумъ*, а „жерондіомъ“. Я, съ своей стороны, никакъ на это не соглашался и съ трудомъ удерживался отъ смѣха, когда самъ онъ принимался читать полатыни своимъ носовымъ французскимъ произношеніемъ. Ла-

тинскій урокъ рѣдко поэтому проходилъ у насъ благополучно. На этотъ разъ мы читали изъ Корнелія Непота *Эпаминонда*, котораго я твердо проштудировалъ еще зимой и переводилъ поэтому почти безъ запинки. На бѣду, въ этомъ жизнеописаніи воинственнаго Эпаминонда очень часто встрѣчаются слова bellum и gesta, и каждый разъ какъ встрѣчались они, Керети поправлялъ меня: „белломъ", „жеста", повторялъ онъ все съ большимъ и большимъ раздраженіемъ,—а я все упорнѣе отчеканивалъ каждый разъ: бéллумъ, гéста...

— Ah! Vous m'embêtez enfin avec vos bélloum et guèsta! вскрикнулъ онъ и, вырвавъ у меня изъ подъ носа книгу, швырнулъ ее со всего розмаха въ дальній уголъ комнаты.

Я взбѣсился въ свою очередь, вскочилъ и объявилъ ему, что я pour rien au monde не стану произносить какъ онъ, потому что я русскій, а не французъ, и что римляне, вѣрно, такъ смѣшно не говорили по-латыни, какъ французы говорятъ, а что онъ не смѣетъ за это me maltraiter comme cela, потому что я 'son élève et pas son esclave, и что этого ни родители мои никогда ему не дозволятъ, ни я самъ, потому что я уже не ребенокъ, не Лева, котораго онъ можетъ на колѣни ставить... Я былъ очень доволенъ мужествомъ, съ какимъ произнесена была мною эта рѣчь, и тѣмъ впечатлѣніемъ, какое она, видимо, произвела на моего Керети: онъ затихъ весь и слушалъ меня, не прерывая.

— Est ce votre nouvel ami, ce jeune homme qui passe pour un prodige, язвительно спросилъ онъ меня, когда я кончилъ,—qui vous pousse à la revolte?

— Mon bon sens, monsieur, me pouse à comprendre où finit le droit et où commence l'injustice! отпустилъ я ему въ отвѣтъ эту гремучую фразу, Богъ знаетъ какъ попавшую мнѣ на языкъ, но о которой я потомъ долго вспоминалъ съ чувствомъ великаго самодовольства.

Мой почтенный наставникъ поднялъ на меня глаза и усмѣхнулся. Такая фраза моя должна была ему понравиться, и я увѣренъ, что онъ въ эту минуту думалъ: comme c'est français ce qu'il vient de me dire là!

— Nous reprendrons notre besogne quand vous serez plus

calme, сказалъ, онъ почти ласково, — vous pouvez disposer de votre temps jusqu'à après déjeuner.

Я съ достоинствомъ отвѣсилъ ему сухой, но учтивый поклонъ и отправился къ Васѣ, „ce jeune homme qui passe pour un prodige", какъ называлъ его, невѣдомо почему, мой горячій французъ.

У Лубянскихъ все обстояло, какъ слѣдуетъ. Герасимъ Ивановичъ спалъ своимъ первымъ утреннимъ сномъ; ночь онъ, по обыкновенію, провелъ сидя въ своемъ креслѣ и глядя въ окно; Вася сидѣлъ въ своей комнатѣ и читалъ Бантыша-Каменскаго. Я поспѣшилъ передать ему о моей перемолвкѣ съ Керети изъ-за bellum и gesta и о моемъ торжествѣ въ этомъ дѣлѣ. Онъ слушалъ меня улыбаясь; но я не безъ досады долженъ былъ замѣтить, что это торжество мое не возбуждало въ немъ никакой особенной радости, что онъ даже съ большимъ равнодушіемъ относился къ нему. Вмѣсто какого-нибудь слова поощренія, похвалы за мое „мужество въ неравномъ бою", какъ представлялась мнѣ моя сцена съ m-r Керети,—чего я непремѣнно ожидалъ отъ него,—онъ вдругъ предложилъ прочесть мнѣ вслухъ интересное мѣсто изъ исторіи Малороссіи.

— Читай, уныло отвѣчалъ я ему.

Вася перевернулъ страницу лежавшей предъ нимъ книги и сталъ читать описаніе битвы и побѣды Хмельницкаго при Желтыхъ Водахъ.

Тяжело и дубовато показалось мнѣ это описаніе, но самый предметъ его интересовалъ меня, и по мѣрѣ чтенія воображеніе мое мало-по-малу стало разыгрываться. Я вспоминалъ высокій курганъ въ нашемъ *степу*, ту „казацкую могилу", о которой ходило такъ много суевѣрныхъ слуховъ и всякихъ разсказовъ среди нашихъ крестьянъ; вспоминалъ, какъ однажды старый *дидъ*, что сидѣлъ у насъ на пасѣкѣ и кормилъ насъ всегда съ Левой такимъ чуднымъ липовымъ медомъ, говорилъ мнѣ, что въ Тихихъ Водахъ „когда-сь ще за Ляхивъ", много побито было душъ христіанскихъ, что много „арматы казацькой заховано въ тій могилѣ", а съ нею много „шаблей", сѣделъ и сбруи конской серебряно-и-златокованныхъ, много червонцевъ, таляровъ нѣмецкихъ и камней самоцвѣтныхъ, потому

что тогда „казаки билися съ ляхами за вѣру истинную, и „казаки всю Польшу зруйновали и много понабрали добра у „католиковъ и съ тимъ добромъ до дому іихали. А іихали они, „да горилки старой зъ панскихъ погребовъ позабранной съ „собою пивсотни бочекъ на пивсотни парахъ воливъ везли. „И съ тій горилки, бисовой дочки, и смерть имъ пришла". Стали казаки обозомъ у самаго нашего *става*, напились той горилки и залегли спать. А жидъ проклятый навелъ на нихъ ночью враговъ. И стали, ихъ рѣзать сонныхъ ляхи, а кого не перерѣзали, того въ ставъ вогнали и тамъ потопили... Вспоминался мнѣ весь почернѣлый отъ времени прадѣдовскій портретъ, что всегда, сколько я себя помнилъ, висѣлъ тамъ, въ Тихихъ Водахъ, на стѣнѣ моей спальни; вспомнился этотъ смуглый, суровый круглостриженный и усатый, съ тройнымъ подбородкомъ и какимъ-то страннымъ, не то недописаннымъ художникомъ, не то отрубленнымъ, дѣйствительно, ухомъ, ликъ предка, котораго, какъ я слышалъ отъ батюшки, тотъ самый Богданъ Хмельницкій, о комъ читалъ теперь Вася, послалъ посломъ съ двумя товарищами къ польскому королю за миромъ; миръ былъ заключенъ, а пословъ король Янъ-Казиміръ пожаловалъ въ шляхетство,—и съ тѣхъ поръ, говорилъ батюшка, идетъ нашъ дворянскій родъ... И мнѣ представлялась кровавая отчаянная сшибка на этомъ самомъ, знакомомъ мнѣ, *степу*, близъ того высокаго кургана, не въ Желтыхъ, а въ Тихихъ Водахъ, не ночью, когда бѣдныхъ казаковъ перерѣзали сонными у става, а при свѣтѣ яркаго солнца, весной, когда изумрудною зеленью покрыта земля, — и вотъ на вороныхъ коняхъ, попирая эту яркую зелень серебряными подковами, летятъ смѣлые всадники съ развѣвающимися по вѣтру рукавами, въ кунтушахъ, какіе я видѣлъ однажды въ Кіевѣ на городскомъ парадѣ въ день Крещенія *), и машутъ

*) Въ Кіевѣ, гдѣ, при польскомъ владычествѣ, существовало магдебургское право, еще въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, въ день Крещенья 6-го января, производился этотъ парадъ *муниципальной гвардіи*; конницу составляло купечество, а пѣхоту—цехи, все это со знаменами, значками, литаврами историческаго происхожденія и въ старинномъ польскомъ одѣяніи, въ которое должны были облекаться въ этотъ день и лица чисто-русскаго происхожденія, но принадлежавшія къ кіевскому городскому сословію.

они кривыми саблями, и вьются надъ ихъ головами бѣлыя перья, и врубаются они въ тѣсный рядъ чумацкихъ телѣгъ, за которыми въ черныхъ смушковымъ шапкахъ, въ широкихъ, измаранныхъ дегтемъ, шаравахъ, засѣли почернѣлые, усатые и дюжіе, какъ портретъ моего предка, казаки и палятъ оттуда изъ длинныхъ *рушницъ*... Врубаются свѣтлые кунтуши и бѣлыя перья въ эту густую и измаранную толпу, летятъ съ плечъ усатыя головы, валятся съ головъ смушковыя шапки, „смерть пришла" казакамъ... Но вотъ изъ-за „могилы", изъ-за того высокаго кургана вылетаетъ съ булавой въ рукѣ и въ зеленомъ кафтанѣ самъ онъ, самъ гетманъ Хмельницкій,—я почему-то никакъ себѣ его представить иначе не могъ какъ въ зеленомъ кафтанѣ, такомъ, какой обыкновенно носилъ Богунъ Ѳомы Богдановича, и съ такимъ же толстымъ лицомъ какъ у него,—на дикой, страшно ржущей и все давящей подъ собою степной лошади, и за нимъ вся „армата казацькая"... И въ одинъ мигъ все перемѣняется, и князь Іеремія Вишневецкій,—какъ двѣ капли воды похожій на старика Опицкаго,—и съ нимъ всѣ кунтуши и перья, преслѣдуемые черною тучей казаковъ, исчезаютъ за нашимъ домомъ, изъ-за котораго только слышатся мѣрные *бумъ*, *бумъ* какой-то большой пушки, о которой только-что прочелъ что-то Вася въ Бантышѣ-Каменскомъ...

И чтеніе его, и мои фантазіи на тему казацкихъ войнъ прерваны были Савеліемъ, который вошелъ доложить, что Герасимъ Ивановичъ проснулись и завтракъ поданъ.

Больной былъ тревоженъ,—приближалось время обычнаго утренняго ему визита Любови Петровны, — онъ почти ничего не ѣлъ за завтракомъ, глядѣлъ на дверь и прислушивался, выражая неудовольствіе нетерпѣливымъ движеніемъ головы, когда Вася или я говорили слишкомъ громко. Но красавица заставляла себя ждать. Вошла Анна Васильевна и, поздоровавшись съ Лубянскимъ, тотчасъ же обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:—не помѣшала-ли мнѣ вчера музыка спать? Я не хотѣлъ лгать и сказалъ только, что слушалъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ пѣла Дарья Павловна, и что это нисколько не помѣшало мнѣ затѣмъ отлично выспаться. Анна Васильевна взглянула на меня съ какою-то особенною ласковостью;—

вѣрно въ благодарность за то, что я не произнесъ имени барона Фельзена, сказалъ я себѣ.

— А все-жь Софья Михайловна не скажетъ мнѣ спасибо за то, что ты у меня не можешь засыпать въ свои часы, сказала она. — Да и французу твоему тоже нездорово. Надо будетъ васъ перевести въ другія комнаты... Только не знаю... тамъ тебѣ отъ Васи далеко будетъ, черезъ весь домъ придется проходить...

— Нѣтъ, ради Бога, милая, добрая Анна Васильевна, умолялъ я ее, — оставьте меня тамъ, гдѣ теперь! Клянусъ вамъ...

— Въ чемъ это вы такъ горячо клянетесь, молодой человѣкъ? послышался за мною женскій голосъ. И, не ожидая моего отвѣта, Любовь Петровна прошла мимо, задѣвъ меня слегка рукавомъ своего широкаго распашнаго капота съ большими турецкими узорами. Она благоухала, какъ всегда, какимъ-то особенно тонкимъ запахомъ раздушеннаго бѣлья, — какъ Киприда, когда она съ Олимпа сходила въ смертнымъ, подумалъ я, припоминая мѣсто изъ *Иліады*, которую m-r Керети давалъ мнѣ читать къ переводѣ madame Dacier...

— Здравствуй, Вася, говорила она, поднося ему свою руку къ губамъ. Bonjour, mon ami!

И она перенесла эту нѣжную, длинную руку въ приподнявшуюся съ колѣнъ, дрожавшую и тянувшуюся къ ней руку мужа—и слегка прикоснулась губами къ его лбу.

Онъ жадно припалъ къ ней устами и такъ и замеръ.

Она тихо высвободила свою руку и сѣла рядомъ съ его кресломъ.

„Ну, гляди на меня, любуйся, будь счастливъ", казалось, говорило ея блѣдное, томное и нѣсколько усталое лицо.

И онъ глядѣлъ на нее во всѣ глаза, любовался ею и былъ безконечно счастливъ. Грудь его высоко подымалась, въ складкахъ рта играла несказанно нѣжная, мягкая улыбка...

— Папа аккуратно принимаетъ свое лѣкарство? спросила она Васю.

— Онъ давно ничего не принимаетъ, отвѣчалъ тотъ; — докторъ, когда былъ здѣсь въ послѣдній разъ, сказалъ, что это совершенно безполезно теперь.

— Это вашими молитвами, тетушка, сказала она, улыбаясь, Аннѣ Васильевнѣ, — онъ удивительно поправился съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь.

— А ты... какъ... Лю-бочка? все глядя на нее, проговорилъ больной, и въ его глубокихъ глазахъ сказывалось все наслажденіе, какое испытывалъ онъ, что могъ произнести это слово „Любочка"...

Она взглянула на него съ удивленною усмѣшкой.

— Я ничего, отвѣчала она.

— Ты такая... блѣд-ная, проговорилъ онъ опять, и брови его озабоченно сдвинулись.

— Я плохо спала нынче и полѣнилась утромъ взять мою ванну. Vous en voyez les conséquences sur ma vieille figure, засмѣялась она ему въ отвѣтъ.

— Да и поздно же мы вчера сидѣли! воскликнула Анна Васильевна, — негодится такъ дѣлать, я всегда говорю. Ужь это мой Ѳома Богданычъ съ своей музыкой.

— А что твой Ѳома Богданычъ съ своею музыкой? неожиданно выбѣгая изъ Васиной комнаты, заегозилъ самъ онъ, уперши, какъ говорится, руки въ боки и глаза въ потолки. въ двухъ шагахъ отъ жены и ожидая въ такомъ положеніи ея отвѣта.

— А то, *старый мій*, съ ласковымъ упрекомъ сказала она,—что отъ того самаго у насъ никому въ домѣ сна нѣтъ...

— А отъ-же того самаго и нема бильше! прервалъ ее съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ Ѳома Богдановичъ.

— Ахъ, Боже мой, миленькій! перепуганнымъ голосомъ воскликнула Анна Васильевна,—что́ тамъ еще случилось?

Ѳома Богдановичъ вытащилъ изъ кармана своихъ панталонъ какое-то письмо и, протягивая его, но не давая въ руки женѣ,

— Читать умѣешь? спросилъ онъ.

— Да ну же!...

— Нѣтъ, говори прежде—умѣешь читать?

— Ахъ, якій же ты нудный, Ѳома! уже засмѣялась Анна Васильевна, видя, что дѣло идетъ не „въ серьозъ".

— Читать умѣетъ, — самъ видѣлъ, какъ послѣ вѣнца въ

книгѣ расписывалась! продолжалъ шутовство свое бѣдовый Ѳома Богдановичъ.—Хотѣлъ, чтобы сама похвалилась,—да не хотитъ, бо какъ коза упряма! Такъ на жь тебѣ, о,—читай!

Онъ сунулъ ей письмо и пошелъ здороваться со всѣми.

Анна Васильевна развернула письмо, взглянула съ нѣкоторымъ удивленіемъ на подпись и принялась читать его про себя. По мѣрѣ чтенія, лицо ея принимало все болѣе довольное, свѣтлое выраженіе. Окончивъ, она сжала письмо въ рукѣ и тотчасъ же обернулась ко мнѣ съ предложеніемъ идти съ нею къ Галечкѣ, у которой завтракаютъ Лева съ Керети; она, видимо, торопилась уйти.

— Чего же это, дядюшка, „нема у васъ бильше" теперь? передразнивая его, спросила небрежно веселымъ тономъ, зорко между тѣмъ слѣдившая за теткой, Любовь Петровна.

— А того нема, отвѣчалъ онъ, вздыхая,—что была у насъ душа общества, а теперь безъ души осталися...

— Что это значитъ? Мнѣ показалось, что голосъ Любови Петровны дрогнулъ, дѣлая этотъ вопросъ.

— А отъ—пишетъ, сказалъ, угрюмо качая головой, Ѳома Богдановичъ.—Ганнуся!...

Анна Васильевна уже уходила.

— Чего тебѣ? спросила она, не оборачиваясь.

— А куда ты?

— А на что я тебѣ?

— Давай писульку!

— Да некогда же мнѣ, возразила Анна Васильевна, спѣша къ двери и показывая этимъ, что ей не хотѣлось отдавать письма.

Ѳома Богдановичъ побѣжалъ за нею, схватилъ за руку и притащилъ въ средину комнаты.

— Давай мое добро! требовалъ онъ.

— А вотъ же не дамъ! пробовала она шутить. И какъ мало шло это ей, милой моей Аннѣ Васильевнѣ!

— Право, ma tante, все тѣмъ же неестественно небрежнымъ и преувеличенно веселымъ тономъ молвила Любовь Петровна, — еслибы мы всѣ здѣсь не видѣли, что это тай-

ственное письмо передано было вамъ дядюшкой, можно было бы подумать, что это пишетъ кто-нибудь влюбленный въ васъ.

Анна Васильевна, къ удивленію моему, вдругъ перемѣнилась въ лицѣ, выпустила изъ рукъ письмо и опустилась въ ближайшее кресло, точно ноги подъ ней подкосились.

Ѳома Богдановичъ поднялъ письмо и усѣлся съ нимъ подлѣ племянницы.

— Кто же это вамъ пишетъ? спросила она.

— А нашъ гость дорогой, милый нашъ баронъ.

— А! какъ можно болѣе равнодушно промолвила Любовь Петровна.—И что же ему нужно? договорила она послѣ паузы и оперлась головой на руку, такъ что весь верхъ ея лица закрыла эта рука.

— А вотъ, слухайте.

Фельзенъ писалъ къ Ѳомѣ Богдановичу, что полученное имъ весьма важное для него извѣстіе требуетъ его немедленнаго отъѣзда въ К., и что онъ сейчасъ же отправляется въ полковой штабъ выправить себѣ отпускъ. Онъ никакъ не можетъ опредѣлить времени своего возвращенія,—и даже далеко не увѣренъ, придется-ли ему вернуться. Во всякомъ случаѣ для него теперь не можетъ быть рѣчи о командованіи эскадрономъ, расположеннымъ въ Богдановскомъ, и онъ, съ глубокою печалью, видитъ себя вынужденнымъ разстаться съ успѣвшимъ сдѣлаться ему уже столь близкимъ, — роднымъ, смѣетъ онъ сказать,—обществомъ любезнаго, радушнаго его хозяина и милѣйшихъ хозяекъ. Обо всемъ этомъ онъ надѣялся сообщить лично Ѳомѣ Богдановичу, но такъ какъ неожиданное извѣстіе пришло къ нему сегодня очень рано, на самой зарѣ, то онъ, съ одной стороны, чтобы не терять ни минуты дорогаго времени, съ другой, не желая тревожить сна Ѳомы Богдановича, рѣшился уѣхать, не простясь съ нимъ, не обнявши его предъ долгою, по всей вѣроятности, разлукой.

„На моемъ невеселомъ, испытанномъ всякими невзгодами пути“, писалъ подъ конецъ Фельзенъ, „я нашелъ въ Богдановскомъ рай, изъ котораго изгоняетъ меня теперь вѣчно враждебная судьба... Что же дѣлать, — приходится стиснуть зубы и повиноваться. Я уношу изъ-подъ вашего крова един-

ственно свѣтлыя воспоминанія моей жизни и вѣчно (насколько лишь моя жизнь можетъ разсчитывать на вѣчность"), загадочно прибавлялъ онъ въ скобкахъ, „сохраню ихъ въ благодарномъ сердцѣ..."

— Ну, и поклонъ всѣмъ посылаетъ, передавалъ уже отъ себя Ѳома Богдановичъ, со слезами въ горлѣ, — всей вашей семьѣ, пишетъ, скажите, что никого ихъ не позабуду... А пишетъ-то какъ, Любовь Петровна, а? Вѣдь самъ Карамзинъ, какъ вы думаете, лучше его не написалъ бы, а ужь какой былъ большой сочинитель!

Ѳома Богдановичъ всхлипнулъ на этомъ послѣднемъ словѣ, такъ что можно было подумать, что онъ расчувствовался именно потому, что вспомнилъ, какой былъ большой сочинитель Карамзинъ, — и, нѣжно еще разъ взглянувъ на письмо Фельзена, вздохнулъ и засунулъ его опять въ карманъ своихъ панталонъ.

— И такъ это вдругъ! жаловался онъ.—Вчера еще такъ пѣлъ у насъ, и съ Дарьей Павловной колотился насчетъ женскаго полу, и все это такъ у него прекрасно и весело... И вдругъ сегодня—нѣтъ! Сиротами остались мы безъ него, Любовь Петровна... А почему онъ вамъ не говорилъ? спросилъ онъ ее торопливо.

Она отняла руку и взглянула на него какими-то ледяными глазами. Ни кровинки не было въ лицѣ ея.

— Что же могъ онъ мнѣ сказать?

— А насчетъ того, что ему за такая треба вышла покинуть насъ да ѣхать?

— Онъ, кажется, пишетъ, насмѣшливо отвѣчала она, — что получилъ какое-то извѣстіе сегодня рано, на зарѣ. Въ это время я сплю, дядюшка, и визитовъ не принимаю, а слѣдовательно баронъ Фельзенъ, еслибы даже и былъ намѣренъ me faire ses confidences, не нашелъ бы для этого случая. Онъ впрочемъ знаетъ, я думаю, что я вовсе не любопытна, промолвила она, привставая и протягивая снова руку мужу.

Больной задержалъ ее своими обѣими руками.

„Погоди, еще на одно мгновеніе!" говорилъ его умоляющій взглядъ.

Она опять сѣла и улыбнулась ему, какъ улыбаются дѣтямъ, когда они просятъ о новой игрушкѣ.

— Барона Фельзена, надо думать, въ гвардію перевели, сказалъ я Ѳомѣ Богдановичу.

Любовь Петровна, съ измѣнившимся лицомъ, обернулась въ мою сторону и съ тѣмъ пчелинымъ выраженіемъ, которое я уже въ ней замѣтилъ разъ, въ первый день моей встрѣчи съ нею, спросила меня:

— А вы почему это можете знать, молодой человѣкъ?

Я рѣшительно не могъ говорить съ ней, не краснѣя по уши.

— Вчера, пробормоталъ я,—майоръ Гольдманъ говорилъ, что его должны скоро перевести.

— Гольдманъ, а? Гольдманъ говорилъ тебѣ? набросился на меня Ѳома Богдановичъ.—А у меня, стараго дурня, и въ мысли не было его спытать. А вотъ мы сейчасъ Гольдмана за чупрыну, кажи, верста шляховая, всю правду про нашего барона...

И онъ со всѣхъ ногъ кинулся изъ комнаты.

Безучастно и холодно глядѣли уже опять глаза Любови Петровны.

— Скажите пожалуста, обратилась она къ Аннѣ Васильевнѣ, которая, казалось, только теперь, когда мужъ ея вышелъ, начинала приходить въ себя,—чѣмъ это баронъ Фельзенъ такъ очаровалъ дядюшку?

— А все то же—пѣнье, отвѣчала та, слабо улыбаясь.

— C'est vrai il ne chante pas mal, проговорила красавица и вдругъ принялась смѣяться. — Но вѣдь дядюшка богатъ, сказала она,—пусть выпишетъ себѣ тенора изъ Италіи: тотъ отъ него, навѣрно, въ гвардію не уйдетъ... Такъ я говорю, monsieur Loubianski? обернулась она къ мужу съ этою внезапною, напускною—это всѣми чувствовалось,—веселостью.

— Д-да, Любочка, проговорилъ онъ, словно околдованный волшебствомъ ея взгляда, ея улыбки.

— Я не люблю, когда вы меня такъ называете. Помните какъ вы звали меня когда-то? Попробуйте сказать: mon Aimée chérie.

— Mon Ai...mée...ch...che... онъ не могъ дальше, и безцвѣтныя его губы искривились въ прежнюю уродливую улыбку... Любовь Петровна съ невольнымъ чувствомъ отвращенія откинула назадъ свою наклоненную къ нему голову.

Я взглянулъ на Васю. На рѣсницахъ его дрожали слезы. Недобрыми глазами глядѣлъ онъ на мать...

— А я пойду къ Галечкѣ. До свиданія, Герасимъ Иванычъ, сказала Анна Васильевна, подошла къ нему и, обнявъ, крѣпко поцѣловала его въ голову.

— И я съ вами, тетушка.

Любовь Петровна прижала свою руку къ губамъ мужа, улыбнулась ему и, какъ бы избѣгая встрѣтиться съ глазами сына, торопливо прошла мимо его, вслѣдъ за Анной Васильевной. Я пошелъ за ними.

— Скажите, пожалуста, тетушка, молвила въ корридорѣ красавица,—она меня не видѣла,—отчего это вы хотѣли держать въ тайнѣ письмо... этого офицера къ вашему мужу?

— Ахъ, Любочка, отвѣчала съ замѣшательствомъ, остановясь на ходу, Анна Васильевна,—ты вѣдь знаешь... при Герасимѣ Иванычѣ...

— Что при Герасимѣ Иванычѣ? переспросила та гордымъ и холоднымъ тономъ.

— Я такъ боялась... что мой старый,—онъ, ты знаешь, у насъ какъ блажной, что взбредетъ на думку, то и говорить ему надо,—что сталъ бы онъ при Герасимѣ Иванычѣ свои балясы распускать про того барона, что онъ за тобою пропадаетъ и вотъ теперь, можетъ, уѣхалъ все изъ-за тебя же...

— Ну и пусть! Можетъ быть это и правда,—почемъ вы знаете? раздраженно отвѣтила на это мать Васи.

— Такъ вѣдь это и хорошо, если правда, Любочка! воскликнула Анна Васильевна.—Только ни хорошаго, ни дурнаго про такое, что при мужѣ твоемъ вѣдь не надо... вѣдь очень жестоко говорить, Любочка! промолвила она ласковымъ, почти молящимъ голосомъ.—Ты знаешь, вѣдь это его равно, что ножомъ рѣзать!...

— Такъ что же это, тетушка! воскликнула Любовь Петровна въ гнѣвномъ порывѣ, въ которомъ такъ и чуялись близкія, горячія слезы.—Это безуміе, эта безсмысленная ревность будетъ меня до гроба преслѣдовать?

И она побѣжала по корридору. Анна Васильевна едва поспѣвала за ней.

XIX.

Итти за ними было неловко. Я зашелъ къ себѣ въ комнату, не засталъ Керети, подождалъ немного — и отправился къ Галечкѣ. Тамъ также никого не было, кромѣ молодой хозяйки и миссъ Пинкъ. „Губернаторша“ приняла меня свысока и глядѣла расфуфыренною павой, въ своемъ длинномъ, неловко еще на ней сидѣвшемъ, платьѣ,—длинныя платья она выпросила себѣ дозволеніе носить только предъ самымъ нашимъ пріѣздомъ въ Богдановское. Я рѣшительно былъ у ней въ опалѣ: во-первыхъ, самъ отсталъ отъ нея и пересталъ „обожать“ съ самой первой минуты, когда увидѣлъ Любовь Петровну; во-вторыхъ, разъ она уже надѣла длинное платье и поступила на положеніе jeune personne, — она почитала для себя унизительнымъ обращать вниманіе на „мальчика“. Я понялъ это съ перваго ея слова и тотчасъ же рѣшилъ не выйти изъ ея комнаты, прежде чѣмъ не побѣсить ее хорошенько.

— Чему я обязана чести васъ видѣть? спросила она меня по-французски, едва вошелъ я къ ней, церемонно отвѣшивая мнѣ поклонъ одною головой сверху внизъ.

— Обязаны вы этимъ вашей maman, отвѣчалъ я ей на это, принимая самый развязный и равнодушный тонъ, — она меня приглашала сюда съ собой и сказала, что я застану на этой половинѣ—я, нарочно, не хотѣлъ сказать: *у васъ*,— моего брата и monsieur Керети. Я очень жалѣю, что ихъ никого здѣсь нѣтъ.

— M-r Керети и Левушка m'ont fait l'honneur de déjeuner chez moi, принимая, въ свою очередь, видъ театраль-

ной царицы, молвила Галечка,—и послѣ этого ушли, кажется, въ садъ.

— Рыбу удить на озеро, добавила миссъ Пинкъ, — но я знаю, что они ничего не поймаютъ. И она засмѣялась своимъ гортаннымъ англійскимъ смѣхомъ, показавъ мнѣ при этомъ весь заводъ своихъ бѣлыхъ, ровныхъ, но очень ужь большихъ зубовъ.

— А гдѣ же Анна Васильевна? Развѣ она не приходила сюда?

— Нѣтъ, отвѣчала опять миссъ Пинкъ.—Она также пошла въ садъ, мы ее сейчасъ видѣли въ окно...

— Avec ma cousine, сказала Галечка.

— Кто это ваша cousine? спросилъ я съ дѣйствительнымъ, въ первую минуту, удивленіемъ.

— А вы не знаете? Странно! колко и съ полупрезрительною, полулукавою улыбкой возразила она.

— Нѣтъ, не знаю.

— Ma cousine—Любовь Петровна Лубянская, мать Васи, вашего друга.

— Ахъ, вотъ кто! И я расхохотался.

— Я думаю, что такъ! вся покраснѣвъ, отрѣзала Галечка. Мужъ ея родной племянникъ папа, сынъ его сестры, — значитъ по мужу, она мнѣ cousine, и еще cousine germaine.

— Да, да, я вспомнилъ, продолжалъ я смѣяться, — но очень ужь это смѣшно, c'est très drôle, что *вы* ее называете „ma cousine".

— Mister Boris говоритъ это потому, что находитъ васъ слишкомъ молодою, чтобъ быть кузиной дамы, у которой сынъ старше васъ лѣтами, поучительно объяснила миссъ Пинкъ на своемъ родномъ языкѣ.

— Ну, конечно! сказалъ я на это по-русски.

Галечка не сочла нужнымъ возражать и, прищурившись, стала глядѣть въ окно.

— Изъ этого окошка какъ все хорошо видно и *слышно!* съ удареніемъ сказалъ я опять.

Она повернула ко мнѣ голову.

— Это что значитъ?

— То значитъ, что отсюда можно не только все видѣть, но и слышать, и не только слышать, а еще и *слушать*.

Глаза Галечки такъ и забѣгали.

— Что слушать?

— А то, что не позволяютъ, отвѣчалъ я съ самымъ невиннымъ видомъ.

— Вы дерзкій, и больше ничего! воскликнула она,—очень ужъ разобидѣлъ я ее,—тѣмъ болѣе, что не могла она отрицать, что вчера открыла это окно и слушала изъ него то, чего мать не желала, чтобъ она слышала...

— Qu'est-ce qu'il dit? What does he say? тревожно засуетилась миссъ Пинкъ, ни слова, разумѣется, не понимавшая по-русски.

Меня это очень забавляло.

— T, i, ti, il est parti, отвѣчалъ я ей, посылая въ воздухъ поцѣлуй обѣими руками.

— Qu'est ce que vous dites? Qui est parti? недоумѣвая и сердясь, приставала она ко мнѣ.

— Don't, miss, he is stupid! закричала ей Галечка, подымая свои жиденькія плечи, словно хотѣла она похоронить меня и засыпать своимъ презрѣніемъ.

— Grand merci, mademoiselle *de* Galagai! продолжалъ я буфонить, съ хохотомъ расшаркиваясь предъ ней. — Только хотя я stupid, а это самая настоящая правда, — и я запѣлъ:

Malbrough s'en va t'en guerre...

— Вы рѣшительно съ ума сходите!

— Нѣтъ, нѣтъ, я не схожу—у... продолжалъ я пѣть:

Mironton, ton, ton, mirontaine,

— Я правду говорю—у.

Jamais ne reviendra...

— Да кто это ne reviendra? Кто il est parti? Скажете-ли вы наконецъ! топнувъ ногой, требовала Галечка, между тѣмъ какъ ея гувернантка, хорошенькая, но зубастая, наступала на меня съ угрожающимъ лицомъ.

— Тотъ, кого вы слушали вчера изъ этого окошка, ско-

роговоркой проговорилъ я Галечкѣ.—Ce n'est pas ma faute, miss Pink, объяснилъ я ея англичанкѣ, — mais Malbrough, c'est à dire le baron Fehlsen, est parti ce matin...

— Le baron! вскрикнули онѣ въ одинъ голосъ.

— Точно такъ. Взялъ и уѣхалъ, и окна не нужно ужь будетъ открывать, жалобно пищалъ я „губернаторшѣ". Но мои „шпильки" уже не кололи ея. Онѣ переглядывались съ миссъ Пинкъ, и на лицахъ обѣихъ ихъ изображалось самое печальное изумленіе.

„Онъ ихъ всѣхъ до одной околдовалъ!" подумалъ я и съ какимъ-то внезапно прилившимъ ощущеніемъ радости примолвилъ внутренно: „но теперь все кончено, тю-тю!"...

— И вы говорите „jamais", и онъ ужь больше сюда не будетъ и это вы правду говорите? допрашивала Галечка.

— Et c'est vrai vraiment? Qui vous a dit? допрашивала миссъ Пинкъ.

— Pour toujours! торжественно махнулъ я рукой. И эскадрономъ не будетъ командовать, и въ утѣшеніе вамъ остается все тотъ же, прежній, командоръ, и что я не stupid и не солгалъ, можете спросить у вашихъ папа и мама. Adieu, mesdemoiselles!

— Mister Boris, Боренька погодите, скажите... кричали мнѣ вслѣдъ обѣ дѣвушки. Но я ихъ не слушалъ и побѣжалъ въ садъ.

Тамъ я тотчасъ же наткнулся на Керети и Леву: они шли къ озеру съ удочками въ рукахъ. Дворовый мальчикъ безъ шапки несъ за ними въ черепкѣ червей и большую краюху хлѣба. Лева кинулся цѣловать меня съ большой радости. Онъ прыгалъ какъ козликъ и принимался цѣловать тутъ же и Керети, и замарашку-мальчика, который то-и-дѣло послѣ этого утиралъ лицо рукавомъ, размазывая пуще грязь по потному лицу и смѣясь во весь ротъ,—онъ казался счастливъ не менѣе Левы, не менѣе самой Сильвы, сопровождавшей ихъ, которая, въ свою очередь, прыгала съ радости имъ на грудь и лизала то одного, то другаго въ самыя губы. Французъ мой глядѣлъ нѣсколько сконфуженно; онъ извинился предо мною за то, что не можетъ en ce moment продолжать

со мною латинскій урокъ, говоря, что у него голова страшно разболѣлась, и очень жарко, и что онъ надѣется подышать на озерѣ свѣжимъ и влажнымъ воздухомъ, который онъ почитаетъ для себя лучшимъ лѣкарствомъ.

— Вы впрочемъ хорошо помните то, что проходили, et ma conscience ne me reproche pas le léger retard que j'apporte à vous le faire répéter, съ улыбкой примолвилъ онъ,— и весьма любезно пригласилъ меня de les accompagner à la pèche.

Я согласился, и мы самымъ дружелюбнымъ образомъ болтали съ нимъ въ продолженіе всего пути; Лева и Грицько побѣжали впередъ. Дойдя до озера, мы застали ихъ уже за дѣломъ, засѣвшими на берегу подъ большою вербой, и Лева, неопытный рыболовъ, кричалъ намъ издалека, что онъ чуть-чуть не поймалъ большущаго карася, между тѣмъ какъ замарашка-мальчикъ, неподвижно стоя съ закинутою удой, дѣлалъ ему выразительные знаки рукой, чтобъ онъ крикомъ своимъ не пугалъ рыбу. Керети тотчасъ же присѣлъ неподалеку отъ нихъ и принялся, съ гадливымъ выраженіемъ глядя на червяка, судорожно вившагося между его пальцами, насаживать его на крючокъ своей удочки. Разговоры смолкли, всѣ глаза обратились на воду. Но отъ этой неподвижной, гладкой и зеленоватой, какъ стекло въ парникѣ, воды вѣяло не свѣжестью, а какимъ-то жгучимъ, какъ въ банѣ, паромъ. Солнце точно упало въ озеро и дремало, пламенное и лѣнивое, на его днѣ; дремали вокругъ ракиты и вербы, съ ихъ потускнѣвшими отъ жары длинными и узкими, какъ змѣиное жало, листами; дремала болотная дичь въ густомъ очеретѣ, и сонная рыба не рѣшалась всплывать изъ своихъ глубей на приманку нашей мякиши и червей. Я скоро кинулъ уду, къ великому удовольствію Грыцька, у котораго взялъ ее на время, и, пожелавъ имъ всѣмъ успѣха, пошелъ искать побольше тѣни въ старыхъ аллеяхъ сада. Меня такъ и тянуло прилечь, растянуться, отдохнуть на холодкѣ отъ этой гнетущей жары. На моемъ пути лежала бесѣдка, въ которую я вводилъ уже читателя въ самомъ началѣ моихъ воспоминаній. „Монрепо, храмъ отдохновенія",—такъ значилась она на

поэтическомъ языкѣ Ѳомы Богдановича. Она стояла на четыреугольной площадкѣ, обсаженной тополями, и состояла изъ двухъ комнатъ—одной побольше, въ которой часто пивали чай по вечерамъ, и за нею другой въ два окна съ итальянскими жалузи, которыя никогда не подымались, и потому въ этой комнатѣ было всегда почти темно и свѣжо, или, вѣрнѣе, сыро. Она служила иногда спальней для холостой молодежи, въ тѣ праздничные дни, когда въ Богдановское съѣзжалось такъ много гостей, что въ большомъ домѣ и флигеляхъ не оказывалось уже ни одного свободнаго угла. Спали на большомъ, широкомъ турецкомъ диванѣ во всю стѣну, который съ двумя или тремя низенькими столиками составлялъ всю мебель этой комнаты. На него-то я и разсчитывалъ...

Двери бесѣдки были, по обыкновенію, не заперты, и, пробѣжавъ первую комнату, я немедленно очутился „тормашками кверху“, какъ говаривалъ Саша Рындинъ, на этомъ широкомъ, низенькомъ диванѣ, въ этомъ прохладномъ, чуть не холодномъ покоѣ, куда свѣтъ проникалъ тоненькими золотыми черточками сквозь промежутки зеленыхъ дощечекъ жалузи. Сунувъ подъ голову подушку и закинувъ надъ нею руки, я почувствовалъ себя такъ хорошо, что не могъ противостоять искушенію закрыть глаза, а закрывъ глаза—заснулъ какъ-то внезапно, разомъ, самымъ неожиданнымъ для себя образомъ...

XX.

Чей-то пронзительный голосъ, звавшій меня по имени, разбудилъ меня.

— Ne criez donc pas comme cela! тотчасъ же вслѣдъ за нимъ заговорилъ другой.

Это были Лева и Керети, — они искали меня; шаги ихъ скрипѣли на пескѣ подъ окнами бесѣдки.

Я не успѣлъ отозваться, какъ изъ первой комнаты кто-то отвѣтилъ за меня:

— Il n'est pas ici.

„Это *она* здѣсь!“ воскликнулъ я про себя, не смѣя уже шевельнуться.

— Онъ, вѣрно, у Васи, послышался голосъ и Анны Васильевны.

— Mille pardons, mesdames, учтиво извинился мой гувернеръ,—voyons, Léon, marchons!...

Они ушли.

Боже мой! какъ же мнѣ теперь выйти отсюда, показаться *ей*, съ моимъ заспаннымъ лицомъ и растрепанными волосами, признаться, что я тутъ былъ и такъ постыдно спалъ среди бѣлаго дня. Нѣтъ, ни за что! Буду спать или притворюсь спящимъ, буду лежать какъ мертвый, хотя бы онѣ сами пришли сюда и стали будить меня...

А *она* продолжала между тѣмъ давно, какъ видно, начатый и прерванный криками Левы разговоръ:

— Васъ пугаетъ моя смѣлость, говорила она,—вы называете это смѣлостью! Онъ уѣхалъ, я его больше никогда, можетъ-быть, не увижу,—чего же еще вы хотите, тетушка!...

Мнѣ почудилось, что она тихо, тихо заплакала.

— Любочка, голубонька моя, растроганнымъ и тревожнымъ голосомъ возражала ей Анна Васильевна,—да я развѣ что противъ тебя говорю! Знаю я хорошо, что ты себя не забудешь, и такъ хорошо это ты сдѣлала, и покой тебѣ будетъ теперь, увидишь сама, и на серденькѣ полегчаетъ какъ только ты сама себя обдумаешь. А что я сказала, что ты смѣло говоришь...

— Я говорю, что думаю, нетерпѣливо прервала ее Любовь Петровна,—и нѣтъ еще, слава Богу, такой власти, которая могла бы помѣшать мнѣ думать и страдать, и проклинать мою жизнь! горячо воскликнула она.

— Мати Пресвятая Богородица! воскликнула въ свою очередь съ ужасомъ Анна Васильевна. — Зачѣмъ ты такія, Любочка, слова говоришь? не дай Боже!

— Проклинаю, повторила красавица,—потому что, сколько я себя помню, мнѣ до сихъ поръ не было дано ни одного дня, ни одной минуты счастія! А я счастія имѣю право требовать, какъ всякая другая,—онъ говорилъ правду...

Анна Васильевна глубоко вздохнула.

— Неправду онъ говорилъ, Любочка, сказала она, — не счастія намъ надо искать здѣсь, а чтобы только жизнь нашу прожить безъ грѣха.

— Грѣхъ ни въ какомъ случаѣ не ляжетъ на мою совѣсть, коротко и язвительно засмѣялась Любовь Петровна,— за него отвѣтятъ тѣ, кто исковеркали мою жизнь и поставили ее вверхъ дномъ. Вѣдь со мной безжалостно поступили, тетушка! Коса травы не рѣжетъ, пока она не созрѣетъ, не приметъ своей доли дождя и солнца; меня оторвали отъ куколъ и кинули на жертву какой-то африканской страсти, отъ которой я задыхалась, какъ птица подъ стеклянным колпакомъ... И меня же еще упрекали, — съ горечью, со злостью упрекали за мою черную неблагодарность къ тому, отъ чего я задыхалась! Развѣ я весь вѣкъ свой не слыла за холодную, вѣтреную, безсердечную женщину, за эгоистку, которая пожертвуетъ всѣми и всѣмъ на свѣтѣ для прихоти, для тщеславія, для минуты удовольствія? Развѣ каждый не считалъ

себя въ правѣ говорить, что у меня вмѣсто сердца камень въ груди, что я не въ состояніи привязываться, не могу любить никого, никогда? И каждый, это говорившій, былъ вѣдь правъ, тетушка! Но виновата-ли я была въ томъ,—виновата-ли, что всѣ мои молодыя силы были довременно пригнуты и помяты, какъ цвѣтокъ, засушенный въ книгѣ?...

— Любочка, заговорила опять Анна Васильевна,—пожалѣй ты *его*, прости,—вѣдь это онъ отъ большой любви къ тебѣ...

— О, Боже мой! съ горечью молвила Любовь Петровна:— я ему давно простила и искренно жалѣю его, какъ несчастнаго человѣка... Но не могу я однако не сознаться, — вы опять заохаете, тетушка,—что въ первый разъ могла я вздохнуть свободно лишь съ той минуты, когда... когда это съ нимъ случилось. Не весела обязанность таскать по свѣту живаго мертвеца, въ фантастической надеждѣ, что его излѣчитъ какое нибудь чудо, — я тысячу разъ однако предпочитаю это тому аду, въ какомъ жила я въ пору моей soi-disant *блестящей* жизни въ Петербургѣ!... Но я еще разъ говорю вамъ, я не упрекаю его, не жалуюсь, я упоминаю лишь объ этомъ какъ о случившемся, о давно прошедшемъ. И такъ хорошо для меня устроилось это прошедшее, что я, не живши, прожила до тридцати трехъ лѣтъ, — потому что мнѣ вѣдь тридцать три года, тетушка, il ne faut pas se faire d'illusions, я почти старая женщина... И вотъ, тише и печальнѣе заговорила она, — на этой вечерней моей зарѣ встрѣчается мнѣ человѣкъ...

— А Богъ съ нимъ, Любочка! горячо прервала ее Анна Васильевна, — лучше бы ты николи съ нимъ не встрѣчалася, съ этимъ человѣкомъ.

— Не спорю, можетъ-быть вы и правы. Я его и не искала, но я съ нимъ встрѣтилась; вѣдь этого опять вычеркнуть нельзя,—вѣдь это фактъ! Я встрѣтилась съ умнымъ, съ замѣчательно умнымъ и благороднымъ человѣкомъ, тетушка.... Я много видала на своемъ вѣку, но онъ, онъ первый, который... И я съ нимъ теперь разлучена... Я согласилась на эту разлуку... И знаете—для чего это?

— Для того, что уважаешь ты себя, Любочка, промолвила Анна Васильевна.

Она снова горько засмѣялась.

— Для того, чтобы какъ-нибудь тѣ же люди, которые говорили, что у меня камень въ груди, не сказали теперь, что у меня на мѣстѣ сердца котелъ съ кипяткомъ. Другой, въ сущности, причины нѣтъ... Вотъ какая „смѣлая“ женщина, дорогая моя и строгая тетушка!

— Такъ вѣдь тебѣ жь что было иного дѣлать? замѣтила съ успокоивающимъ, примирительнымъ оттѣнкомъ „строгая тетушка“.

— Что дѣлать! воскликнула Любовь Петровна, и ея контральтовый голосъ зазвучалъ какою-то металлическою, почти мужскою нотой, отъ которой мурашки забѣгали у меня по спинѣ.—Любить прямо, открыто, любить не стыдясь, въ тридцать три года, какъ любятъ въ восемнадцать лѣтъ, какъ и я, можетъ быть, любила бы въ свое время, еслибы не отдали меня, какъ холопку, немилому человѣку, загубившему всю мою молодость! Любить, презирая всякіе людскіе толки, гордясь предъ всѣми тѣмъ, кого свободно выбрало сердце, быть счастливою, однимъ словомъ,—вотъ что дѣлать!

Новый, всю объявшій ее ужасъ послышался въ голосѣ бѣдной Анны Васильевны:

— Подумай, подумай, что ты говоришь! лепетала она.— Такъ открыто предъ всѣми слюбиться съ чужимъ человѣкомъ— при живомъ мужѣ!... И не грѣшно-бъ было, не загрызла бы тебя совѣсть отъ стыда и жалости, что покинула бы ты его, покинула бы сына роднаго?...

— Сынъ меня не любитъ, промолвила коротко Любовь Петровна, какъ бы не желая останавливаться на этой мысли,— мужъ... онъ даже не человѣкъ теперь... а когда былъ имъ, онъ свое взялъ! Дайте же и мнѣ мою долю счастія, вѣдь и я тоже Божіе созданіе, и я имѣю право желать не умереть безъ того, чтобъ и мнѣ посвѣтило солнце хоть на одно мгновеніе...

И она громко, слышно заплакала.

И такъ нежданны и трогательны были эти слезы, эта жалоба этой гордой, этой прелестной женщины, которая, думалось мнѣ, для того только и родилась на свѣтъ, чтобы всѣ исполняли, предугадывали ея желанія, и почитали бы это за величайшее для себя счастіе, что и я принялся какъ дуракъ плакать въ своемъ темномъ углу, уткнувшись носомъ въ твердую, пахнувшую гнилью подушку протертаго стараго дивана и весь дрожа отъ мысли, что малѣйшій шумъ, неосторожное движеніе могли выдать мое присутствіе здѣсь...

— Вы все меня грѣхомъ пугаете, тетушка, продолжала красавица, — а я вамъ скажу: есть такіе грѣхи, что нѣтъ, кажется, наказанія, котораго не вытерпѣла бы за нихъ съ блаженствомъ!... Я сама удивляюсь тому, что вамъ говорю, прервала она себя недолгимъ смѣхомъ, — я ни о чемъ подобномъ никогда до этого времени не думала, ничего подобнаго не ощущала: я самой себѣ кажусь смѣшною за этотъ поздній приливъ чувства, за эту весну сердца въ мои годы!... Но то, что я чувствую и думаю теперь, — я вамъ и говорю не скрывая. Я думаю, что не грѣхъ это, тетушка, когда женщина горячо, свято, безкорыстно любитъ человѣка, умѣвшаго завладѣть ея душой, потому что она не можетъ не любить его, потому что она любитъ, какъ живетъ, не по своей, а по чьей-то высшей волѣ; ее можно истязать, убить, что вы хотите, но вырвать изъ души ея любовь — нѣтъ силы въ мірѣ, которая могла бы успѣть въ этомъ!... А вотъ гдѣ грѣхъ и позоръ, и невыносимое мученье, — а въ этомъ позорѣ и мученіи прошла вся моя молодость, — когда женщина должна отдаваться человѣку, который внушаетъ ей не любовь, а ужасъ и отвращеніе, когда она таится и скрываетъ и лицемѣритъ, — какъ я тамъ сейчасъ у *него* принуждена была таиться и лицемѣрила...

— Не лицемѣрила ты, Любочка, возражала Анна Васильевна, — долгъ ты свой исполняла. Ты ему въ церкви Божіей, предъ святымъ алтаремъ, обѣтъ давала, что будешь ему вѣрная и послушная до могилы.

— Обѣтъ давала! Кто его давалъ? я или тѣ, кто располагали мною какъ вещью, какъ существомъ безсловеснымъ? Я *его* не выбирала, я бы его никогда не выбрала! Никакому

свободно данному слову я не измѣнила, а только такое слово обязательно, только оно могло бы связать мою совѣсть...

— Любочка, печально заговорила опять Анна Васильевна,— когда слово предъ святымъ Божіимъ Евангеліемъ не будетъ насъ вязать, какое свяжетъ насъ наше человѣческое свободное слово? Вѣдь его-жь легче смѣнить, чѣмъ то, что тамъ, на небѣ, записуется! Сегодня дастъ одному женщина свободное свое слово, а завтра скажетъ: свободно его дала, свободно и назадъ беру, и другому дастъ опять то же слово. Такъ гдѣ-жь тогда законъ христіанскій? Гдѣ семья? Гдѣ миръ и благодать?

— Такъ по-вашему, порывисто отвѣчала Любовь Петровна,—справедливо, чтобы мы отвѣчали за то, что не нами сдѣлано, чтобы мы вѣкъ свой добровольно оставались несчастными, потому что вздумалось сдѣлать насъ такими тѣмъ, кто располагали, командовали нами? Не благодарить-ли еще судьбу за это, не цѣловать-ли орудіе, которымъ насъ безжалостно пытаютъ?...

— Покориться надо, Любочка, тихо, едва слышно, проговорила на это Анна Васильевна.

— Ахъ, тетушка, почти съ отчаяніемъ воскликнула красавица,—вѣдь это жестоко! Жизнь вѣдь еще не вся прошла, еще жить хочется!... Васъ Богъ хранилъ, тетушка, не давили васъ, не терзали, не знали вы тѣхъ мученій, не знали и этой жажды счастія...

— Не знала! повторила Анна Васильевна. И въ этихъ двухъ словахъ было такъ много тревоги и робости и какого-то непонятнаго замѣшательства,—что у меня сперло дыханіе, отъ любопытства, отъ ожиданія. Что же это она будетъ говорить, милая, добрая Анна Васильевна?

— Ахъ, Любочка, начала говорить она,—думала я, помру и въ могилу съ собой это возьму. Тяжко, скажу тебѣ, припоминтаь мнѣ то. Только не знаю, что внутри меня такъ будто теперь шевелится и нудитъ: скажи, можетъ ей для пользы, для твоей пользы, Любочка, будетъ... Ты думаешь, не знала я ни тѣхъ мученій, ни жажды той, какъ сказала ты... И мученія тѣ, и жажду,—все я испытала. Только ты истинно сказала, что Богъ меня хранилъ. Сохранилъ онъ меня отъ

стыда вѣчнаго, и до сихъ поръ нѣтъ того дня, чтобъ я его, Творца Небеснаго, со слезами за то не благодарила... Жалуешься ты, что не спросясь тебя за немилаго замужъ тебя выдали. А на то я тебѣ опять скажу: старѣе я тебя, — за наше время никого насъ не спрашивали, почему молодыми очень выдавали насъ, такъ что жь было и спрашивать: за кого батька съ маткой скажутъ, за того и выходили. Такъ и я вышла...

— И не любили дядюшку, когда шли за него? послышался удивленный голосъ Любовь Петровны.

— А не любила жь! простодушно отвѣтила Анна Васильевна.—Я другаго любила, промолвила она, пріостановившись и вздохнувъ.

— Вы, тетушка?

— А сама я, съ тою же невыразимою прелестью простодушія и стыдливости отвѣтила она опять.—О томъ самомъ и хочу тебѣ передать...

— Кто же это былъ? спросила Любовь Петровна.

— Кто былъ?... повторила замедленнымъ голосомъ Анна Васильевна. Ей, бѣдной, видно, очень не хотѣлось выдавать это имя, которое она думала „взять съ собою въ могилу".— Звали его Тимофей Евграфычъ, а былъ онъ родня близкій и другъ моему Ѳомѣ Богдановичу, и съ нимъ вмѣстѣ ѣздили они къ намъ въ село, когда я еще дѣвушкой была.

— И хорошій онъ былъ человѣкъ, тетушка?

— Хорошій, Любочка, только былъ онъ гуляка, голова пропащая; за него бы ни одну дочку съ хорошаго дома не отдали. Былъ онъ изъ роду богатаго и одинъ сынъ; сиротой молодымъ остался. Тогда было это гусарство въ Бердичевѣ, онъ туда служить пошелъ. Тамъ онъ въ четыре года нищимъ сдѣлался, все изъ-за компаніи, да съ простоты своей. Какъ ни съ чѣмъ онъ остался, пріѣхалъ онъ къ Ѳомѣ Богданычу, а старый мой за мной пропадалъ тогда и все это его съ собою къ намъ и возилъ. А на того всѣ у насъ кругомъ какъ на сову, аль на чуму какую глядѣли, чуть въ носъ ему, бывало, не смѣются, потому много про его глупости въ Бердичевѣ,—какъ онъ тамъ всѣ гроши свои на паненокъ, да въ карты проигралъ,—много тогда разсказывали въ нашей сторонѣ. А онъ гордый былъ, не

хотѣлъ показать, что у него, можетъ, на сердцѣ какъ въ пеклѣ огненномъ, и самъ про себя все разсказываетъ и надъ собою смѣется. И хорошо, скажу тебѣ, я его понимала и жалѣла его... Съ того самаго у меня и началось. Стала я все думать, какъ это онъ съ такихъ молодыхъ лѣтъ пагубу себѣ зробилъ, потому окромѣ тѣхъ *вполетъ*, что на плечахъ у него болтались, ничего ужь у него не оставалось ни сзади, ни спереди,—человѣкъ былъ онъ не ученый, до большихъ чиновъ дойти разума у него не хватитъ, думала я себѣ, а съ другаго боку, знаешь, честный онъ слишкомъ былъ, вздумалъ бы въ судейскіе пойти—съ голоду-бъ померъ, почему хапанцевъ ни за что бы не сталъ брать онъ съ бѣднаго человѣка. Добрый онъ былъ, скажу тебѣ, Любочка, и человѣколюбецъ, не хуже моего Ѳомы стараго, родъ ужь у нихъ весь такой; встрѣчается ему гдѣ калика, или нищая старая, а то еще слѣпой съ бандурой,—тѣхъ онъ до страсти слушать любилъ,—онъ сейчасъ руку до кишени, позабывши, что у него тамъ одинъ вѣтеръ гуляетъ... Такъ, знаешь, смотрѣть на него въ тотъ часъ жалость меня брала, ажно слезы въ очахъ у него покажутся и побѣжитъ прочь, чтобъ и слезъ тѣхъ его, и стыда люди не видали. И все это я себѣ въ душѣ держала, что оттого вышла ему недоля такая, что ни матери у него, ни сестры съ дѣтства не было, что онъ, можетъ, добраго женскаго слова николи не слыхалъ, некому было приласкать его, да при той ласкѣ разуму его научить. И такъ все журилась я о немъ и гадала себѣ такъ, что когда бы я богатая была, — спасла бы я непремѣнно этого самаго пропащаго человѣка, пошла бы я за него замужъ, а богатство свое ни за что бы въ руки ему не отдала, а что день — то давала бы ему по два карбованца на слѣпыхъ и каликъ, по ту самую пору, когда-бъ онъ настоящимъ человѣкомъ сдѣлался... Глупая, знаешь, въ тѣ годы была я, Любочка, тихо засмѣялась Анна Васильевна,—и въ головонькѣ молодой все это фантазія шла... На зарѣ, сама знаешь, всяка пташка слаще поетъ, примолвила она, словно извиняясь.

— Ахъ, милая, растроганнымъ голосомъ молвила на это Любовь Петровна,—какая же тутъ глупость, что вы любили?

— А какъ не глупость, когда я не то богатая, а можно сказать почти совсѣмъ бѣдная была, а была бы богатая, то еще хуже не отдали бы меня за такого человѣка...

— И онъ васъ любилъ, тетушка?

Не сейчасъ отвѣчала Анна Васильевна.

— Любилъ, рѣшилась она наконецъ сказать, и примолвила, помолчавъ опять:—любилъ съ того самаго часа, когда привезъ его къ намъ въ первый разъ Ѳома Богданычъ.

— И признался онъ вамъ тогда въ этомъ? снова спросила красавица: слышно было по ея голосу, что она жадно внимала разсказу тетки.

— А не дай Боже! возразила Анна Васильевна.—Какъ же бы онъ признался, когда зналъ онъ, что Ѳома взять меня хотѣлъ, а и тотъ все ему повѣрялъ, какъ брату родному. Онъ и думать того не смѣлъ, чтобы мнѣ какое слово лишнее сказать...

— А вы сами догадывались?

— Некогда жь было мнѣ о томъ догадываться. Любочка, потому Ѳома Богданычъ, не долго ждамши, просилъ меня за себя у родителевъ моихъ, и стала я его тутъ нареченная невѣста.

— Васъ принудили къ этому?

— Не принуждали меня, потому я сама не отказывалась. Онъ у насъ первый по всей губерніи женихъ былъ, и добре я знала, какая душа въ семъ человѣкѣ есть. Какъ же бы я это противъ отца и матери и противъ своего счастія пошла?... Только просила я ихъ, чтобы повѣнчали меня съ нимъ лѣтомъ, — а просватана я была въ самый Великъ день, — съ краснымъ яичкомъ поздравилъ меня невѣстой покойный батюшка, — а до лѣта, чтобы въ Кіевъ повезли меня, святой Варварѣ великомученицѣ помолиться. Хотѣла я, скажу тебѣ, чтобы за то время, что до вѣнца оставалось, мнѣ остатки про того-другаго изъ думки повыгонять и на то мудрости намолить себѣ у той премудрой святой... Итакъ я его до самаго вѣнца нашего не видала, а не видавши, да еще какъ съ богомолья вернулась я домой съ легкимъ духомъ, — и совсѣмъ не стала объ немъ думать, и съ чистою совѣстью стала предъ налой съ женихомъ своимъ...

— А на свадьбѣ вашей былъ онъ? спросила Любовь Петровна.

— А какъ не быть! Дружкой былъ даже у Ѳомы Богданыча, надъ головой его вѣнецъ держалъ.

— Что же сталось съ нимъ потомъ?

Анна Васильевна опять помолчала.

— А какъ поженилъ онъ насъ, да въ Богдановское привезъ, пожилъ онъ тутъ съ нами сутокъ пять аль шесть,— а тамъ разъ раненько, отъ всѣхъ потаившись, выѣхалъ себѣ отъ насъ,—и долго не знали мы съ Ѳомой моимъ, куда онъ это пропалъ. Ужь долго потомъ, чрезъ письмо его узнали, что онъ на Кавказѣ,—форму свою золотую гусарскую позабывши, — въ пѣхотный полкъ поступилъ и служитъ себѣ тамъ на томъ Кавказѣ, что всегда тамъ война идетъ съ черкесами...

— Какъ, тѣмъ и кончилось? воскликнула Любовь Петровна.

— Не кончилось тѣмъ, съ новымъ замѣшательствомъ, съ новымъ вздохомъ отвѣчала Анна Васильевна.

— Онъ съ Кавказа вернулся? И скоро?

— Не скоро, — седьмой годъ ужь замужемъ я была, и былъ у меня сынокъ, Павликомъ звали, по четвертому годочку шло ему тогда,—Галечки тогда и на свѣтѣ не было,—одинъ былъ онъ у меня, и слабенькій такой былъ, хворый...

Анна Васильевна пріостановилась, высморкалась, — она вѣрно заплакала, подумалъ я, какъ это всегда бываетъ съ нею, когда вспомнитъ она про своего Павлика, — и продолжала:

— Прихожу разъ къ Ѳомѣ Богданычу, гляжу—сидитъ онъ, письмо читаетъ и плачетъ себѣ одинъ. А писалъ это къ нему Тимоѳѣй Евграфычъ, что онъ въ грудь,—въ ту самую грудь, что, можетъ, думалъ онъ, ею выиграть, примолвила Анна Васильевна въ скобкахъ, — раненъ пулей, и что подняли его какъ мертваго съ того мѣста, гдѣ палъ онъ, и думалъ ни за что онъ живъ не останется. Пролежалъ онъ въ гошпиталѣ четыре мѣсяца, и пули той, какъ ни бились доктора, а не вынули... Да на что долгій сказъ, — и тутъ не вышла ему

доля: черезъ ту пулю долженъ онъ былъ въ отставку итти. Дали ему крестъ и маіорскій чинъ, — хорошо онъ служилъ тамъ,—и отпустили съ Богомъ... Тогда онъ опять и пріѣхалъ къ намъ.

— И поселился въ Богдановскомъ? спросила Любовь Петровна.

— Нѣтъ; далъ ему Ѳома Богданычъ въ аренду Селище свое, что теперь тотъ старый полякъ держитъ,—онъ тамъ и сталъ жить, за хозяйство взялся...

— И о васъ больше не думалъ, тетушка?

— А думалъ, Любочка, проговорила тихо Анна Васильевна,—только я опять того не знала и, можетъ, до сихъ поръ не знала бы, какъ бы не такой случай, что Ѳомѣ моему надо было въ Москву ѣхать. Старая тетка его, Переверзиха, отъ которой ему и твоему Герасиму Иванычу наслѣдство-то большое пошло, въ Москвѣ тогда жила и больная слишкомъ сдѣлалась, Ѳому и выписала къ себѣ. Онъ къ ней заразъ и поѣхалъ, а Тимоѳѣя Евграфыча просилъ за себя быть въ Богдановскомъ, меня съ ребенкомъ хранить, за управителемъ приглядѣть и все прочее... Тутъ онъ сталъ часто пріѣзжать, часто я его видать стала...

— И тутъ онъ вамъ открылся въ любви? Какъ же это случилось?...

— Сказать тебѣ, Любочка, дрожащимъ голосомъ отвѣчала она, — ты и не повѣришь, можетъ. Мигъ былъ одинъ, будто громъ безъ хмары съ неба ударилъ, такъ и это вышло... Какъ уѣхалъ въ Москву Ѳома Богданычъ, сталъ онъ, говорю тебѣ, часто ѣздить сюда, въ конторѣ посидитъ, поля объѣдетъ, а потомъ ко мнѣ зайдетъ, про Павлика спытаться,—любилъ онъ его до страсти, а и тотъ его, голубчикъ,—да посовѣтываться на счетъ какого дѣла по хозяйству. И не было у насъ съ нимъ никогда другаго сказа, какъ про траву, да про овецъ; лѣто въ тотъ годъ было горячее, не дай Богъ, и стали у насъ овцы падать, и онъ очень о томъ журился и безпокойство въ себѣ держалъ, что случилось то какъ нарочно, какъ уѣхалъ хозяинъ, — и что онъ безъ него, можетъ, не такъ поробитъ,

какъ треба. А я его утѣшала тѣмъ, что Ѳома Богданычъ добре знаетъ, что онъ за его добро стоитъ какъ за свое, а что противъ Бога никто, и ничего бъ и Ѳома Богданычъ не могъ подѣлать противъ мора! Одначе онъ овецъ перевелъ на другой степъ, а тамъ и мору того не стало. Онъ такъ радъ сдѣлался и со степу всегда пріѣдетъ ко мнѣ съ доносомъ, что овечки наши всѣ живеньки и здоровы... Такъ и пріѣхалъ онъ оттуда разъ; усталъ былъ слишкомъ отъ ѣзды и отъ жару,—и было у него въ моей горницѣ кресло любимое, вольтеромъ звалъ его Ѳома Богданычъ, въ кресло то ровно мѣшокъ съ мукой опустился! „Какъ, говоритъ, хорошо у васъ тутъ; какъ въ лѣсу, тѣнь и холодокъ". А у меня отъ солнца всѣ сторы спущены и, правда, какъ въ лѣсу свѣжо и свѣтъ мягкій какъ въ сумеречки. Такъ и сидимъ мы, я у окошка, шарфъ на спицахъ вяжу, а онъ себѣ въ креслѣ, и молчитъ,—я думала, даже заснулъ онъ... Только слышу, застоналъ онъ такъ, тихо. Обернулась я, спрашиваю: Болитъ у васъ что?—А онъ мнѣ на это: „Пуля, говоритъ, одолѣваетъ".—Какіе это, говорю я ему, дурни тѣ доктора, что не могли вамъ ее вынуть.—„Очень глубоко подъ ребромъ засѣла", отвѣчаетъ; помолчалъ и опять говоритъ: „кабы не вы, то и живымъ бы не остался". Слишкомъ удивилась я такимъ словамъ его:—А я тутъ что? спрашиваю.—„Коли-бъ пуля", объясняетъ онъ, „не въ вашъ образокъ ударила, да въ бокъ оттого не приняла, умеръ бы я на мѣстѣ". Тутъ я вспомнила, когда въ тотъ разъ, предъ вѣнцомъ, на богомольѣ была въ Кіевѣ, привезла я оттуда всѣмъ домашнимъ образки съ мощей Варвары великомученицы, и ему такой образокъ чрезъ Ѳому Богданыча послала.—Вы, спрашиваю, тотъ образокъ мой на себѣ носили?—„И до могилы носить буду!" говоритъ, вытащилъ изъ-за сорочки снуръ, на которомъ висѣлъ онъ у него, всталъ и идетъ съ нимъ до меня... Я и не знаю, что сказать. подняла на него очи, а онъ,—голосъ Анны Васильевны словно надорвался,—онъ въ ноги мнѣ вдругъ упалъ: „Семь лѣтъ", насилу черезъ слезы сказать можетъ, „семь лѣтъ, съ перваго дня, какъ увидалъ. молился я тебѣ какъ Христу"....—Что вы, что вы, Тимофей Евграфычъ! крикнула я,—побойтесь Бога! А онъ какъ вско-

чить, обѣими руками обнялъ меня, притулилъ къ груди своей и ну цѣловать меня въ голову, въ очи, въ губы...

Она не могла продолжать отъ волненія.

— Что же вы, тетушка? не менѣе взволнованнымъ голосомъ спросила Любовь Петровна.

— А я, Любочка, едва переводя дыханіе, говорила уже бѣдная Анна Васильевна,—я и не скажу, что со мной подѣлалось, стыдъ такой мнѣ и жалость за того человѣка, что меня такъ долго любилъ и можетъ померъ бы, колибъ я о немъ не думала, какъ дивчиной была, и не дала бы ему того образка, когда сердцемъ своимъ разставалась съ нимъ, и слабой такой себя я чувствовала,—только противъ тѣхъ поцѣлуевъ его не было у меня силы... И потеряла бы я себя, можетъ, Любочка, замарала бы себя на вѣки,—какъ въ тотъ самый мигъ до меня какъ голосъ съ неба дошелъ: „мама, мама"! Сынокъ мой миленькій, Павликъ мой бѣдный, тащился до меня изъ дѣтской на хворенькихъ ножкахъ своихъ и звалъ меня... И тутъ, Любочка, поняла я, что мнѣ спасеніе пришло, и женскими руками своими такъ отпихнула отъ себя человѣка того, что воевалъ на Кавказѣ, что похилился онъ отъ меня, а сама, ухвативши своего ангела-малютку, кинулась я въ спальню, да такъ съ нимъ и упала предъ крестомъ и чувствъ лишилась...

Анна Васильевна насилу договорила...

— Какъ же вы встрѣтились съ нимъ потомъ, тетушка? давъ ей отдохнуть, опять спросила Любовь Петровна.

— А не встрѣчалась ужь я болѣе съ нимъ, не видала его до самой его смерти, отвѣчала она.

— Онъ уѣхалъ?

— Не уѣзжалъ, только предъ очи мнѣ, говорю тебѣ, до самой смерти своей не показывался. На другой день послѣ того, что я тебѣ сказала, пріѣхалъ домой Ѳома Богданычъ, тетку въ Москвѣ живую не заставъ. Наслѣдство надо было пріймать послѣ нея, съ мужемъ твоимъ дѣлиться; такъ это тотъ все и робилъ,по тѣмъ имѣніямъ жилъ, а пріѣдетъ назадъ, сидитъ дома, сюда не ѣздилъ; нужно переговорить ему съ Ѳомой Богданычемъ, такъ старый мой къ нему ѣдетъ, въ Селище.

— Понятно, сказала Любовь Петровна, — онъ избѣгалъ

васъ, ему невозможно было встрѣчаться съ вами. Но странно, неужели дядюшка этого не замѣчалъ?

Анна Васильевна пропустила эти слова безъ отвѣта, будто и не слыхала ихъ.

— И не долго жилъ онъ послѣ того, продолжала она;— не даромъ ударила его та пуля: открылась у него чахотка. Все хуже ему стало, да хуже,—и ничего про то не говорилъ мнѣ мой Ѳома, черезъ другихъ людей знала я,—а на другой годъ, какъ прилетѣли журавли, такъ онъ и кончился. Два дня предъ тѣмъ, какъ ему умереть, Ѳома и домой не пріѣзжалъ, все у него коло постели сидѣлъ. Тяжко мнѣ было за эти дни, Любочка,—чуяла я, что смерть пришла за тѣмъ человѣкомъ, что чуть меня несчастною на вѣки не сдѣлалъ, а только и не скажу тебѣ, какъ жалѣла я о немъ, сидючи одна въ своей горницѣ и поминаючи молодость свою и прежнее все... Какъ заплющилъ онъ очи, обмыли его и на столъ положили, тоди только вернулся мой Ѳома, и ко мнѣ прямо.—Что? спрошу его. „Кончился Тимоѳей Евграфычъ“, говоритъ, — и горько, горько заплакалъ и я за нимъ.—„Ганна“, сказалъ онъ опять,— „не откажи принять, что онъ предъ смертью просилъ меня отдать тебѣ“. И показываетъ мнѣ тотъ образокъ, что носилъ онъ, какъ обѣщался, до могилы,—побитый былъ онъ весь отъ пули...—Пріймаю, говорю, Ѳома, только этотъ человѣкъ виноватъ былъ предо мною, а больше еще предъ тобой виноватъ; не говорила я тебѣ, пока онъ живъ былъ... А онъ и кончить мнѣ не далъ.—„Не треба, говоритъ, все я знаю“!—Какъ знаешь?—„А такъ!“ — Кто-жь тебѣ могъ сказать? — „Онъ самъ говорилъ,—какъ я только тогда вернулся съ Москвы, какъ на духу исповѣдалъ онъ мнѣ все, Ганна, что было тогда у васъ“. Я вся омлѣла, Любочка, отъ тѣхъ словъ его.—И ты, говорю, простилъ его, Ѳома? А онъ, Божья душа, обнимать меня сталъ. — „Какъ, говоритъ, не простить ему было, Ганнуся, когда добре зналъ я, какъ онъ любилъ тебя и какъ страдалъ по тебѣ; можетъ, въ недолѣ его и была-то одна минута счастія во всей его жизни, и за ту плакалъ онъ каждый день, пока жизнь кончилъ!... И обнялись мы тогда съ моимъ старымъ, а образокъ, что тотъ мнѣ оставилъ, навѣсилъ мнѣ самъ Ѳома

на шею, и ношу я его съ того мига съ крестикомъ моего Павлика,—не стало, еще черезъ годъ, и того моего голубчика сизаго,—съ ними и заховаютъ меня, Любочка...

Послышалось тихое всхлипыванье и громкій звукъ спѣшныхъ, горячихъ поцѣлуевъ.

— Ахъ вы, милая, безцѣнная моя, перерывающимся голосомъ говорила Любовь Петровна, — что вы за удивительные люди съ дядюшкой!

— Простые люди, Любочка, жить стараемся, какъ Богъ велѣлъ, отвѣчала Анна Васильевна.

— Какъ Богъ велѣлъ? послѣ довольно долгаго молчанія тихо и медленно повторила красавица. — Да,—но это очень тяжелое!...

XXI.

— Ахъ, Любочка.... начала было говорить Анна Васильевна, но была прервана на полусловѣ запыхавшимся и дребезжавшимъ какъ надорванная струна голосомъ того самаго, кого она за минуту предъ этимъ назвала „Божьею душой“. Божья душа съ хохотомъ ввалился въ бесѣдку, зацѣпивъ за дверь такъ, что стекла въ ней зазвенѣли.

— Чего вы ховаетесь? съ хохотомъ напустился онъ на двухъ дамъ.—Я васъ по всему дому ищу, съ жару какъ крыса употѣлъ, — а онѣ, о, во храмъ отдохновенія позапрятались! Бѣгалъ ажъ до села, думалъ, сидитъ Гольдманъ съ большаго жару дома, да люльку палитъ себѣ, а тамъ его нема,—я назадъ, а Богунъ ко мнѣ бѣжитъ: маіоръ, каже, въ манежу, жеребцовъ нашихъ на кордѣ гоняетъ. Я туда, а конюхъ говоритъ: былъ, да до дому пишелъ. А нехай его бисъ! Я опять туда,—а онъ самъ, долговязый, оттуда. Ну я его, какъ сказалъ вамъ, Любовь Петровна, въ тотъ мигъ за чупрыну: говори, говори, выложь правду, какъ галушку на столъ!

И онъ закатился новымъ, заразительнымъ смѣхомъ, отъ котораго я самъ едва могъ удержаться,—такъ забавно мнѣ представилось вдругъ это невообразимое зрѣлище маленькаго, кругленькаго Ѳомы Богдановича, ловящаго „за чупрыну“ безконечно длиннаго, мрачнаго и притомъ же лысаго какъ колѣно командора.

— И онъ вамъ выложилъ всю правду? смѣясь спросила Любовь Петровна.

— А такая его правда, что самъ онъ ничего не знаетъ.

И Борисъ тотъ востроносый слышалъ,—звонятъ, да не знаетъ, чи къ утренней, чи къ вечерней. А и гдѣ онъ самъ?

— Кто? спросила Анна Васильевна.

— Да Борисъ тотъ, — его французъ по всѣмъ куткамъ дома ищетъ. Не бывалъ онъ здѣсь? спросилъ Ѳома Богдановичъ и забѣгалъ по комнатѣ.

— Онъ меня сейчасъ откроетъ! съ ужасомъ сказалъ я себѣ и даже закрылъ глаза отъ страха. Къ счастію выручила Любовь Петровна.

— Не былъ, дядюшка, успокойтесь, отвѣчала она ему. — Такъ что же говорилъ вамъ господинъ этотъ, маіоръ, который у васъ лошадей на кордѣ гоняетъ?

— А говорилъ, что приходилъ къ нему раненько утромъ баронъ и сказалъ ему, что треба ему до К. ѣхать,—ну, какъ самъ онъ ко мнѣ пишетъ, о! — что приказа тамъ ихняго по полку, — это насчетъ того, чтобъ ему на мѣсто Гольдмана эскадрономъ нашимъ командовать,—что приказъ тотъ, говорю, не вышелъ, такъ онъ будетъ полковника просить,—чтобы другаго кого-съ назначили, а онъ ни за-что не можетъ эскадроннымъ быть, — о! Долговязый сердился на него за то, потому, говоритъ, опять дѣло потянется, пока полковникъ другаго назначитъ, а онъ, маіоръ нашъ, скоро самъ захочетъ до себя ѣхать, пока осень не пришла, потому тамъ у нихъ хуже еще, чѣмъ у насъ, грязь невылазная. Только баронъ его не послухалъ и уѣхалъ.

— И все? спросила его племянница.

— А кажу-жь вамъ, съ досадой отвѣчалъ Ѳома Богдановичъ,—не знаетъ тотъ кикимора больше нашего.

— Бѣдный дядюшка! засмѣялась Любовь Петровна,—и вы изъ-за этого путешествовали по такому солнцу?

— Солнце меня любитъ: на сало не стопитъ, захохоталъ онъ опять.

— Труда не стоило. Уѣхалъ человѣкъ, — Богъ съ нимъ, нечего болѣе о немъ думать! рѣшительнымъ, почти строгимъ голосомъ промолвила Любовь Петровна.

— А правда твоя, правда! радостно-одобрительно воскликнула на это Анна Васильевна.

— Правда, правда, передразнилъ Ѳома Богдановичъ. — А ты, о, лучше правду скажи, скоро-ли обѣдъ? Заговорилъ о салѣ, о,—іисты захотѣлось.

— А скоро, думаю, отвѣчала она.—Гостей много у насъ сегодня?

— А какіе гости! отгрызся Ѳома Богдановичъ, — поразъѣхались всѣ. Дарья Павловна тутъ; ну, офицеровъ будетъ два, а то три; Золоторенко старый, — добрый сосѣдъ, спасибо, — пятый день живетъ; Пушковскій тутъ съ Мокшицкимъ, да исправничиха сейчасъ прикатила и съ собой изъ артиллеріи кого-сь привезла, — въ первый еще разъ у насъ. Артиллерія отъ насъ далеко стоитъ, пояснилъ онъ,—такъ мало ихъ сюда ѣздитъ, а офицерія тамъ, говорятъ, все ученые. Вы, можетъ, такихъ любите, Любовь Петровна?

— До страсти, пресерьезно отвѣчала она на это.

— А что давно не сказали! Къ Успенію всю батарею вамъ сюда выпишу! Ну, ходимъ обѣдать!

— Вы вѣчно такъ бѣгаете, дядюшка, послышался голосъ уходившей красавицы,—что я не въ состояніи догнать васъ; не ждите меня, я дойду одна потихоньку...

Я далъ имъ удалиться, и вслѣдъ затѣмъ, выбравшись изъ своей засады, юркнулъ въ боковую аллею, гдѣ не рисковалъ съ ними встрѣтиться.

Я шелъ, взволнованный, смущенный всѣмъ тѣмъ, что мнѣ такъ нечаянно довелось услышать, какъ вдругъ на поворотѣ аллеи чуть не наткнулся на Любовь Петровну. Я тотчасъ же шмыгнулъ въ сторону: мнѣ представилось, что она остановитъ меня, станетъ спрашивать, откуда я иду и гдѣ пропадалъ до сихъ поръ. Но она меня и не замѣтила. Она шла тихими, тихими шагами, держа низко надъ головой маленькій зонтикъ, отъ котораго тѣнь падала ей на лицо до самаго подбородка. Глаза ея были опущены, и въ медленной ея походкѣ сказывалась глубокая, почти болѣзненная усталость. Я жадно глядѣлъ ей вслѣдъ и говорилъ себѣ: я знаю, отчего ты такъ блѣдна и печальна, о комъ ты думаешь теперь... Но его нѣтъ, ты сама не хотѣла... онъ не „*притулитъ*“ тебя къ груди своей, не будетъ цѣловать эти темные, синіе глаза и эти бѣлыя, пол-

ныя плечи твои, что такъ чудно сквозятъ сквозь твое кисейное платье. О, есть другой, и этотъ другой — за одинъ твой нѣжный взглядъ готовъ бы былъ отдать всю свою молодую жизнь...

Она прошла, не догадываясь, какъ „безумно любилъ я ее“ въ эту минуту. Я вздохнулъ глубоко и пошелъ за ней, стараясь попадать ногой въ едва замѣтные слѣды, оставляемые узенькими ея подошвами на пескѣ дорожки; все же пріятно, думалъ я, чтобы нога моя ступала именно на тѣ *мѣстечки*, по которымъ проходила ея маленькая ножка.

Она уже всходила на террасу.

Тамъ на скамьѣ, подъ липой, съ газетой въ рукѣ, сидѣлъ одиноко Булкенфрессъ и какъ будто поджидалъ ее: расшаркиваясь и низко кланяясь, онъ подбѣжалъ къ ней, едва только ее завидѣлъ. Она остановилась, съ удивленіемъ, показалось мнѣ, повернувъ голову къ музыканту. Онъ торопливо замахалъ руками, заговорилъ. Разстояніе, на которомъ я находился отъ нихъ, не дозволяло мнѣ слышать ни одного слова; но я могъ видѣть, какъ Булкенфрессъ сѣменилъ и извивался ужомъ, стоя предъ красавицей, какъ передергивалъ онъ плечами и вскидывалъ на нее глазами поверхъ спадавшихъ съ его носа очковъ; какъ старался онъ въ чемъ-то, повидимому, убѣдить ее, какъ наконецъ что-то, чего я различить не могъ, какъ будто перешло изъ его руки въ ея руку. Я прибавилъ шагу; забѣжавъ за деревья, я уже близко подходилъ къ нимъ. Но вотъ Любовь Петровна кивнула слегка музыканту, еще ниже опустила свой зонтикъ и быстрою, вдругъ перемѣнившеюся походкой повернула вправо, по направленію своего павильона.

Я вышелъ въ свою очередь на террассу.

Музыкантъ глядѣлъ въ слѣдъ красавицѣ и улыбался, моргая своими лукавыми и подслѣповатыми глазками.

Онъ обернулся на шумъ моихъ шаговъ.

— Вы откуда? спросилъ онъ, окидывая меня подозрительнымъ взглядомъ.

— Какъ видите, изъ сада.

— И давно приходили сюда?

— Давно, отвѣчалъ я, смотря на него во всѣ глаза.

Музыкантъ видимо смутился.

— Да гдѣ ви былъ? Я сейшасъ имѣлъ честь разговаривайть съ madame von-Lubianski....

— Да, я видѣлъ.

— Что ви видѣлъ? тревожно воскликнулъ онъ.

— Что вы разговаривали съ madame von-Lubianski.

Онъ глянулъ на меня поверхъ очковъ, точно козелъ, готовящійся бодаться, и вдругъ захохоталъ.

— О, я вижу, сказалъ онъ, — што ви... какъ это сказывайть по-русски?... да! што ви большой *балагуръ*, молодой шловѣкъ!

— Не знаю, кто *балагуръ*, только не я! воскликнулъ я, обидясь.

— О, о, сейшасъ и фейерверкъ, пуфъ, пуфъ! Quelle cheunesse (jeunesse) imbetueuse! (impétueuse), продолжалъ онъ смѣяться.

— Никакого тутъ фейерверка нѣтъ, а только я удивляюсь, Herr Bogenfrisch, съ чего вы вздумали называть меня балагуромъ, когда я вамъ ничего *балагурнаго* не говорилъ, старался промолвить я это съ наибольшимъ хладнокровіемъ и достоинствомъ.

Онъ подбѣжалъ ко мнѣ, схватилъ меня за руку и, потрясая ее:

— Ви нишего не сказалъ, молодой шловѣкъ, проговорилъ онъ комическимъ шопотомъ, — только зачѣмъ ви какъ Deus ex machina, какъ изъ люкъ въ театръ, вдругъ пеш... и вискочилъ сейчасъ за Frau von Lubianski?

— А мнѣ хотѣлось знать, отвѣчалъ я такимъ же шопотомъ, — для чего вы ждали здѣсь Frau von Lubianski, Herr Bogenfrisch.

Я и не воображалъ, что мой отвѣтъ такъ озадачитъ его: онъ, въ первую минуту, остался безъ словъ и только глядѣлъ на меня, вздергивая очки на носъ.

— И ви што узналъ? нерѣшительно спросилъ онъ наконецъ.

— Не скажу! засмѣялся я и побѣжалъ къ дому.

Онъ кинулся за мной.

— Mon cher monsieur Boris, bitte sehr, пошалуста!

Но я его не слушалъ и побѣжалъ еще шибче.

Для меня теперь было ясно: Булкенфрессъ передалъ Любови Петровнѣ письмо отъ барона Фельзена...

XXII.

— Что у васъ было съ музыкантомъ вчера? допрашивалъ меня на другой день за утреннимъ чаемъ Керети, — онъ на васъ жалуется.

— Жалуется,—на что? спросилъ я съ удивленіемъ.

Я тотчасъ же замѣтилъ, что гувернеръ мой былъ затрудненъ выразить мнѣ, въ чемъ именно состояла эта жалоба на меня Булкенфресса.

— Mais il vous soupçonne il parait, проговорилъ онъ нерѣшительно, — d'avoir surpris un entretien intime qu'il aurait eu avec cette belle dame... la mère de votre ami enfin...

Я вспыхнулъ и отвѣчалъ, что я никакого entretien intime Булкенфресса avec la mère de mon ami не слыхалъ, и что Булкенфрессъ дуракъ.

Керети нахмурилъ брови.

— Какъ же вы именно очутились тутъ въ то время, когда онъ разговаривалъ съ этою дамой?

— Очень просто, началъ я...

Но оказалось, что объяснить это вовсе не было для меня такъ просто. Вѣдь въ сущности я очутился тутъ потому, что шелъ за Любовью Петровной и даже старался попадать ногой въ ея слѣды; я ничего не слыхалъ, это правда, но я не могъ не сказать самому себѣ, что я далеко не прочь былъ услышать этотъ entretien intime музуканта avec la belle dame, и даже весьма заботился объ этомъ, напротивъ...

— Je n'ai rien entendu je vous le jure, повторилъ я,

избѣгая такимъ образомъ прямаго отвѣта на затруднительный вопросъ.

Онъ слѣдилъ пристально за моимъ выраженіемъ, очевидно стараясь отгадать то, что, въ его предположеніи, я непремѣнно долженъ былъ скрывать отъ него. Но онъ не былъ способенъ долго мучить меня допросами.

— Votre parole me suffit et je ne vous en demanderai pas davantage, довѣрчиво промолвилъ онъ.—Надѣюсь, сказалъ онъ, — что вы отъ музыканта не будете требовать никакихъ объясненій и не подадите ему даже виду, что слышали что-либо отъ меня обо всемъ этомъ вздорѣ.

— Я съ нимъ и не говорю никогда, объяснилъ я, — это онъ...

— Très-bien, très-bien... Ses appréhensions sont ridicules, je le saie. Онъ усмѣхнулся, потомъ задумался. — Je crains bien, примолвилъ онъ уже серьезно, — que cet animal là ne fourre son nez dans un guêpier dont il ne se tirera pas sauf...

Мы принялись за латинскій урокъ, который на этотъ разъ прошелъ въ полномъ мирѣ и согласіи. Отпуская меня завтракать къ Лубянскимъ, Керети обратился вдругъ ко мнѣ съ слѣдующимъ наставленіемъ:

— Mon cher Boris, il se passe ici je ne sais quel mic-mac, auquel il serait plus que fâcheux de vous voir mêlé. Vous me comprenez, n'est ce pas? Онъ взялъ меня за руку и значительно поглядѣлъ мнѣ въ глаза. Могъ-ли я сказать, что не понимаю его? Я молча опустилъ голову.

— Soyez donc prudent et songez à votre mère... Vous voilà prévenu! торжественно примолвилъ Керети, освобождая, къ большому моему удовольствію, руку мою изъ своей непріятно влажной руки.

„Какой мерзавецъ этотъ Булкенфрессъ", думалъ я, уходя изъ нашей комнаты. „Онъ навѣрное сказалъ m-r Керети о письмѣ Фельзена къ *ней*. Какъ объяснить иначе эти наставительныя слова моего гувернера и всѣ эти намеки его на „guèpier" и „mic-mac!"...

Въ корридорѣ я встрѣтился съ Анной Васильевной. Она

шла легкимъ и быстрымъ шагомъ, словно семнадцати-лѣтняя дѣвушка, и казалась особенно весела. Я подошелъ къ ней со здорованьемъ; она поцѣловала меня и, обнявъ за шею, повела съ собою.

— Вотъ я съ какимъ кавалеромъ, бачите? засмѣялась она, входя со мной въ комнату Герасима Ивановича.

— Браво, тетушка, отвѣчалъ ей такъ же весело голосъ Любови Петровны. Она сидѣла тутъ, за столомъ, между мужемъ и сыномъ. А гости ваши что же?

— Ничего, сидятъ, перепеловъ ѣдятъ, продолжала смѣяться Анна Васильевна. — Я Галечку хозяйкой за себя сдѣлала, и будетъ она теперь навсегда хозяйка,—и Ѳома мой на то согласенъ, потому, самъ видитъ, стара я стала, не смогу больше,—а сама я и утикла!...

Маленькое, поблеклое лицо ея такъ и ежилось отъ свѣтлой, какъ у ребенка, улыбки.

— Съ на-ми те-туш... проговорилъ больной, оживленными глазами указывая на завтракъ.

— А буду, буду! Она сѣла за столъ, усадила меня подлѣ себя и принялась за котлеты.

— Bonjour, jeune homme, сказала мнѣ черезъ столъ Любовь Петровна, въ отвѣтъ на мой поклонъ.—Отыскались вы?

Всѣ обернулись на меня. Но я чувствовалъ себя почему-то необыкновенно храбрымъ въ эту минуту.

— Я и не пропадалъ, отвѣчалъ я, смѣло глядя ей въ лицо.

— А то вчера тебя искали, пояснила Анна Васильевна.— Французъ твой говорилъ мнѣ, ты съ большаго жару подъ кустикомъ гдѣ-то спать легъ?

— Грѣшенъ, сказалъ я съ комическою интонаціей, которая вызвала общій смѣхъ. Любовь Петровна, прищурившись, взглянула на меня, потомъ на сына.

— Вы, кажется, совершенно однихъ лѣтъ съ нимъ?

— Я его старше, отвѣтилъ за меня Вася.

— И умнѣе, промолвилъ я,

— Oh, oh, quelle modestie! улыбнулась красавица.—Изъ чего же вы это заключаете?

— Мамаша, не далъ мнѣ открыть рта Вася, — вѣдь онъ меня сейчасъ начнетъ хвалить, потому что онъ необыкновенно добрый человѣкъ, и мнѣ, чтобы не краснѣть, придется убѣжать въ свою комнату. А я еще не доѣлъ котлетки,—пощадите, мамаша!

Нельзя узнать было Васю; точно и у него, какъ у Анны Васильевны, спала съ плечъ какая-то тяжелая ноша...

— И напрасно бы хвалилъ, сказала Любовь Петровна и ласковымъ, почти молящимъ взглядомъ обернулась на сына,— онъ навѣрно любитъ свою мать болѣе, чѣмъ ты меня любишь...

Вася поднялъ на нее свои большіе глаза,—на нихъ вдругъ набѣжали слезы. Герасимъ Ивановичъ тяжело дышалъ и съ посинѣвшими отъ напряженнаго вниманія жилами на лицѣ перебѣгалъ взглядомъ отъ жены къ сыну.

— А съ чего ты это, Любочка, взяла, что не любитъ тебя сынъ твой? вмѣшалась Анна Васильевна, съ тревогой и упрекомъ въ задрожавшемъ голосѣ.

— А изъ того, тетушка, что онъ слишкомъ серьезенъ, что ему никогда не вздумается, какъ всѣмъ дѣтямъ, приласкаться къ своей матери, обнять ее...

Она не успѣла договорить, какъ уже Вася повисъ на ея шеѣ, цѣлуя ее безконечными, судорожными поцѣлуями...

Герасимъ Ивановичъ опрокинулся на спинку кресла и зарыдалъ. Анна Васильевна подбѣжала къ нему со стаканомъ воды въ рукахъ.

— Это они отъ радости, не извольте сумлѣваться, успокоивалъ ее Савелій, засуетившійся вокругъ барина. Онъ сунулъ руку въ карманъ кресла, вытащилъ оттуда флаконъ и далъ ему понюхать.

— Allons, allons, pas trops d'émotion, mon ami, говорила Любовь Петровна, слегка постукивая рукой по блѣднымъ рукамъ мужа.

Онъ приподнялъ голову,—его глаза сіяли...

— Ахъ, мнѣ такъ хо-ро-шо, Лю... Лю-боч-ка, явственно проговорилъ онъ.

— Ну, и слава Богу, и дай Богъ! молвила она въ отвѣтъ.

И не лгалъ ея языкъ, не „лицемѣрили“ ея глаза: она была дѣйствительно тронута въ эту минуту, какъ Анна Васильевна, какъ Вася, какъ всѣ мы...

На всѣхъ на насъ нашло такое настроеніе, будто совершилось что-то необыкновенно и неожиданно радостное. Анна Васильевна, ни съ того ни съ сего, принялась передразнивать, какъ исправничиха представляла Дарьѣ Павловнѣ привезеннаго ею артиллерійскаго офицера, какого-то своего племянника, и говорила ей, что онъ „хоть ученый, только лоску не имѣетъ, такъ она хочетъ его *швитче* выдрессировать черезъ дамское общество.“—И стоитъ онъ себѣ, бѣдный, несграбный такой, уши у него длинненькія, а носикъ къ верху торчитъ, какъ у щеночка лягавенькаго,—того и жду я, что она ему по носку швыркъ, да и гаркнетъ на него: „апортъ, Трезоръ!“ И такъ забавно представляла исправничиху и ея племянника Анна Васильевна, и такъ была сообщительна эта ей необычная веселость, что всѣ мы, начиная съ больнаго, принялись хохотать до упаду.

— Apporte, Tresor! крикнула Любовь Петровна и, сдернувъ съ руки перчатку, кинула ее черезъ столъ сыну. Я сидѣлъ рядомъ съ нимъ, и перчатка упала на мою тарелку. Я схватилъ ее зубами и—откуда прыть у меня взялась!—поскакалъ кругомъ стола, между тѣмъ какъ Вася, вскочивъ съ мѣста, бѣжалъ за мной, крича: „отдай, я Трезоръ, я, а ты только Амишка!“ Но я не отдавалъ и, добѣжавъ до его матери, склонилъ колѣно и протянулъ къ ней голову съ перчаткой въ рукахъ. Она взяла и слегка ударила ею по щекѣ Васи:—Вотъ тебѣ! сказала она,—а вотъ вамъ! и протянула мнѣ руку. Я жадно прильнулъ къ ней губами. Вася схватилъ ея другую руку и принялся цѣловать каждый пальчикъ отдѣльно.

— Я тебя на дуэль вызываю, Борисъ!

— И онъ тебя непремѣнно убьетъ, смѣялась Любовь Петровна, car il est plus adroit que vous, monsieur mon fils.

— Еще бы! онъ уже трехъ воронъ на своемъ вѣку убилъ.

— А ты будешь четвертая!

Она посмотрѣла на меня и улыбнулась, и ничего не было насмѣшливаго или вызывающаго въ этой улыбкѣ, ничего того,

что прежде такъ смущало меня, когда случалось мнѣ встрѣчаться съ нею. Она была для меня даже не красавица въ эту минуту. Она просто, какъ maman сдѣлала бы на ея мѣстѣ, смѣется и шутитъ съ Васей и со мной, думалъ я. И я такъ же довѣрчиво и *невинно*, какъ еслибы тутъ была не она, а maman, глядѣлъ ей въ глаза и чувствовалъ, что внутри и кругомъ меня все такъ легко, такъ свободно отъ всякой тяжелой мысли и заботы, какъ будто всѣ мы были птицы, присѣвшія на мгновеніе кругомъ этого стола, а вотъ-вотъ вспорхнемъ всѣ и полетимъ въ открытое окно...

— А спросите его, maman, говорилъ Вася,—изъ-за чего они ссорятся съ своимъ гувернеромъ!

Я долженъ былъ разсказать, — и постарался передать это какъ можно смѣшнѣе,—нашу размолвку съ Керети изъ-за bellum и gesta и какъ скучны для меня особенно thèmes de versification, которыми по два раза въ недѣлю онъ *угощаетъ* меня.

— Вотъ видите, какъ вкусы разны, сказала на это Любовь Петровна,—а я была бы очень рада, еслибъ этимъ угощали моего сына. Son français est loin d'être irréprochable.

— За то онъ отлично по-нѣмецки знаетъ, отвѣчалъ я, — а я очень плохо.

— Если хотите, maman, предложилъ Вася,—и если позволитъ тетушка...

— Все заранѣе позволяю! воскликнула Анна Васильевна.

— Такъ я могу вмѣстѣ съ кузиной Галечкой брать французскіе уроки у m-r Керети. А мы съ тобой по-нѣмецки займемся, Боря, промолвилъ Вася.

Герасимъ Ивановичъ закивалъ одобрительно головой.

— Умница Вася! весело воскликнула Любовь Петровна, поймала его за шею и поцѣловала.—А вы будете-ли довольны имѣть такого учителя? спросила меня она.—Вѣдь онъ у насъ престрогій?

— Но справедливый, такъ же шутливо отпарировалъ Вася.

— Да, да, подтвердилъ улыбающимися глазами отецъ его.

Бѣдный человѣкъ, какъ безконечно былъ онъ счастливъ въ это утро!...

XXIII.

Хорошіе дни настали для насъ съ Васей въ Богдановскомъ. Мы не разставались съ нимъ. Утромъ, послѣ двухчасоваго урока съ Керети, я заходилъ къ Лубянскимъ, и мы всѣ вмѣстѣ отправлялись къ Любови Петровнѣ въ павильонъ. Она пожаловалась какъ-то однажды на усталость и просила насъ притти завтракать къ ней. Съ тѣхъ поръ въ павильонѣ стало часто повторяться это завтраканье тѣснымъ и веселымъ кружкомъ, среди котораго Анна Васильевна представлялась чуть не самымъ оживленнымъ лицомъ. Милая женщина была, видимо, такъ счастлива сближенію ея „Любочки" съ мужемъ и сыномъ, она была такъ рада, съ другой стороны, тому, что ея „старый" отрѣшилъ ее отъ хозяйскихъ обязанностей, ей такъ нравилось это семейное житье, не стѣсняемое никѣмъ постороннимъ, и наши съ Васей молодыя, счастливыя лица, и звонкіе голоса, отвѣчавшіе неумолкаемымъ смѣхомъ на ея комическіе разсказы и шутки,—что она, по собственному ея выраженію, плескалась среди насъ, какъ красноперая рыбка въ водѣ прозрачной... Герасимъ Ивановичъ поправлялся съ каждымъ днемъ; онъ тверже выговаривалъ слова и уже былъ въ состояніи составлять цѣлыя фразы; дольше удерживалъ онъ въ своихъ рукахъ руку красавицы-жены, и страстная улыбка, съ которой онъ глядѣлъ на нее, уже не кривила его губъ, а придавала что-то трогательно-задумчивое его чертамъ, и глаза красавицы уже останавливались на немъ безъ прежняго страха, безъ прежняго отвращенія...

Какъ она перемѣнилась за это время, какъ непохожа стала

сама на себя! Не знаю, что происходило въ ея душѣ, что шевелилось тамъ, въ самой глубинѣ ея, но словно какимъ-то волшебнымъ опахаломъ свѣяло съ ея наружности все то, что прежде и манило, и смущало меня въ ней. Небрежнѣе вились ея свѣтлые локоны подъ небрежно повязанною подъ тонкимъ подбородкомъ черною кружевною косынкой, которую она теперь почти не снимала съ головы; синіе глаза уже не подымались, какъ бывало, вдругъ, мгновенно загораясь и искрясь то привѣтомъ, то насмѣшкой,—они словно потухли подъ бархатными своими рѣсницами, и равно мягко, равно невозмутимо останавливались они на Васѣ, на мужѣ, на мнѣ. Лѣнивѣе, усталѣе двигалась она, и длинныя блѣдныя ея руки стали, казалось мнѣ, еще длиннѣе и блѣднѣй. Она перестала быть „женщиной" для меня: я говорилъ съ нею, какъ съ Анной Васильевной, какъ съ maman. Она смѣялась и шутила, какъ всѣ мы,—только и смѣхъ ея, и шутки были такъ же тихи, какъ ея глаза, и не чувствовалось при этомъ, что все смѣется внутри ея, какъ это бывало съ Анной Васильевной, когда она принималась „жартовать" надъ исправничихой и ея племянникомъ.—„Надо же и мнѣ быть какъ всѣ", говорила, казалось, несообщительная улыбка Любови Петровны...

Послѣ завтрака она обыкновенно усаживалась въ длинное кресло, скрестивъ руки на груди, закинувъ голову и полузакрывъ глаза. Она называла это „regarder en dedans" и просила насъ съ Васей какъ-можно болѣе шумѣть и веселиться въ это время,—а не то, говорила она „je finirai par n'y plus rien voir". Кончалось тѣмъ, что она засыпала, или притворялась, что спитъ. Герасимъ Ивановичъ, помѣщавшійся въ своемъ подвижномъ креслѣ противъ нея, не сводилъ съ нея глазъ, пока въ дверяхъ не показывался Савелій и не увозилъ его въ садъ, гдѣ, по приказанію доктора, онъ долженъ былъ часа два оставаться на солнцѣ, и куда сопровождала его обыкновенно Анна Васильевна...

Какъ я любилъ эту минуту дня, въ этомъ уютномъ павильонѣ Любови Петровны, облитомъ розовымъ свѣтомъ опущенныхъ сторъ, сквозь которыя, ложась измѣнчивою тѣнью на негустой ихъ ткани, пробивались очертанія ползучихъ растеній наруж-

ной сквозной галереи! Какъ привлекателенъ былъ этотъ розовый сумракъ и эти легкія тѣни и оригинальное убранство комнатъ; какъ хороша была эта рамка вокругъ неподвижно покоившейся, блѣдной и прекрасной матери Васи! На чердакахъ и въ старыхъ кладовыхъ Богдановскаго Любовь Петровна, еще во время своего перваго пребыванія у Галагаевъ, отрыла цѣлый магазинъ всякаго стараго добра, de vrais trésors, говорила она; все это теперь Ѳома Богдановичъ велѣлъ переклеить и перечистить и принести къ ней въ павильонъ. Брюхатые комоды и столы съ вычурными мѣдными скобками и бляхами, покрытые грудами саксонскаго фарфора, дубовые рѣзные шкафы, черные отъ лѣтъ, японскія вазы, изъ которыхъ подымались цѣлые кусты розъ и азалій, огромная клѣтка изъ золоченой проволоки, по жердочкамъ которой прыгали безъ пѣсни желтобокія канарейки, а надъ нею такой же огромный осьмиугольный китайскій фонарь, съ шелковыми кистями и повязками,— все это размѣщено, нагромождено было здѣсь въ такомъ стройномъ, красивомъ безпорядкѣ, такъ ласкало взглядъ округлостью формъ, изяществомъ рисунка, отсутствіемъ всякой рѣзкой линіи и яркаго колера: по царицѣ и хата царская, говорилъ справедливо Ѳома Богдановичъ. Я каждый разъ входилъ въ эти комнаты съ какимъ-то благоговѣніемъ, послѣ того какъ узналъ отъ Любови Петровны, что одному изъ ея bahuts болѣе трехсотъ лѣтъ отъ роду, и что мастеръ, его дѣлавшій, положилъ двадцать пять лѣтъ жизни на его отдѣлку. Любовь Петровна была большой знатокъ въ художествахъ и страстно любила „l'art dans ses grandes oeuvres et dans ses délicieux caprices“, какъ выражалась она. Иногда она подробно толковала намъ съ Васей о красотѣ и рѣдкости какой-нибудь старинной гравюры, затѣйливаго блюда временъ Бернара де-Паллиси или вычурнаго dressoir'a, когда-то украшавшаго трапезную кармелитскаго монастыря, разграбленнаго „par la bande noire“, во времена первой французской революціи. „Надо съ молодыхъ лѣтъ пріучаться любить и понимать прекрасное“, говорила она намъ...

И мы подолгу засиживались съ Васей въ этомъ изящномъ жилищѣ его матери, разглядывая ея великолѣпные альбомы,

подъ рисунками которыхъ читались имена знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, ея коллекціи старинныхъ эстамповъ, пріучаясь мало-по-малу цѣнить ихъ, сначала недоступныя непосвященному глазу, красоты и подъ конецъ приходить отъ нихъ въ восторгъ. Любовь Петровна тихой, одобрительною улыбкой отвѣчала всегда на порывы нашего восхищенія. Она удерживала насъ охотно у себя послѣ завтрака,— ей видимо было съ нами веселѣе, занимательнѣе, чѣмъ въ обществѣ мужа и даже Анны Васильевны, которая въ послѣднее время стала какъ будто утомлять ее. По уходѣ ихъ она почти тотчасъ же просыпалась и, не покидая своего глубокаго кресла, подзывала насъ къ себѣ. Мы усаживались подлѣ нея, разложивъ на столѣ папки съ гравюрами, и съ хохотомъ или съ блестящими отъ удовольствія глазами передавали ей то какой-либо изъ наиболѣе нравившихся намъ гротесковъ Калло, то баталію Ванъ-деръ-Мейлена, то Рафаэлевское Святое семейство, гравированное Эделинкомъ. Начинались толки, разсказы, споры. „А вотъ посмотримъ, что объ этомъ пишетъ Вазари", говаривала Любовь Петровна, и я тотчасъ же кидался къ прелестному, чернаго дерева шкафу, съ дверцами, изукрашенными флорентинскою мозаикой, въ которомъ хранились ея книги, и приносилъ французскій переводъ этого знаменитаго біографа великихъ живописцевъ „cinquo cento". Она открывала хорошо знакомую ей книгу, выбирала страницу и давала читать намъ поочередно,—причемъ на долю Васи приходилось всегда болѣе чтенія, чѣмъ мнѣ, потому что она постоянно поправляла его не совсѣмъ чистый французскій выговоръ... А сколько при этомъ сообщала она намъ замѣчательныхъ подробностей о первой, до замужества, молодости своей, проведенной ею съ родителями въ Италіи, о художественныхъ чудесахъ Рима, о Кановѣ, дружески знакомомъ съ ея покойнымъ отцомъ и дорогое вспоминаніе котораго хранилось у нея въ видѣ изваяннаго изъ мрамора медальона, на которомъ изображена она была сама въ дѣтствѣ—амуромъ съ бабочкой на рукѣ...

Мы уходили изъ павильона лишь съ приходомъ туда Ѳомы Богдановича, который являлся каждый день, часу во второмъ,

къ племянницѣ, и при которомъ не было уже мѣста никакому разговору или чтенію. Онъ обыкновенно входилъ крадучись— и тотчасъ же кидался на насъ; мы вскакивали и, вырвавшись изъ его рукъ, опрометью бѣжали въ садъ,—а онъ за нами,— но, несмотря на прыткость своихъ коротенькихъ ножекъ, догнать насъ, разумѣется, не былъ въ состояніи и возвращался къ Любови Петровнѣ, съ хохотомъ угрожая намъ на прощанье послать хлопцевъ изловить насъ и запереть въ ледникъ. Мы исчезали съ Васей въ глубинѣ аллей или уходили на село... Вася располагалъ теперь свободнѣе своимъ временемъ, чѣмъ прежде: Анна Васильевна все утро замѣняла его у отца, да и самъ Герасимъ Ивановичъ чувствовалъ себя видимо такъ хорошо, что не требовалъ постояннаго подлѣ себя присутствія сына; онъ самъ часто отсылалъ его, когда Вася иной разъ слишкомъ долго засиживался въ его комнатѣ. Мы пользовались этими свободными часами для продолжительныхъ прогулокъ. Къ намъ присоединялся обыкновенно Лева съ неотлучною при немъ Сильвой, и мы уходили иногда за нѣсколько верстъ отъ Богдановскаго, въ лѣсъ или на другую оконечность озера—удить рыбу. Лишь издали доносившійся до насъ звонъ колокола напоминалъ намъ объ обѣдѣ, и мы кидались тогда бѣжать взапуски домой. Послѣ обѣда, когда начинала спадать жара, мы расходились по урокамъ. Вася отправлялся къ Галечкѣ заниматься съ Керети французскимъ языкомъ; я усаживался въ своей комнатѣ за Корнелія Непота или за рѣшеніе математической задачи, которое доставалось мнѣ всегда очень туго, благодаря нетерпѣливому нраву моего гувернера, при которомъ природная моя неспособность къ цифрамъ обращалась въ окончательную тупость...

Но лучшее для насъ время начиналось вечеромъ, когда Герасимъ Ивановичъ засыпалъ въ своемъ креслѣ, и мы, никѣмъ не тревожимые, усаживались съ Васей въ его уютной комнаткѣ, у открытаго окна, и подъ зеленымъ абажуромъ маленькой лампы принимались за чтеніе „нашего друга“. Подъ этимъ именемъ разумѣлся у насъ Шиллеръ. Вася еще въ Германіи перечелъ его всего съ своимъ теологомъ и теперь знакомилъ меня съ нимъ... Боже мой, и понынѣ, когда все темнѣе и

темнѣе наступаютъ для меня сумерки жизни и вѣетъ отъ нихъ леденящимъ, всепроникающимъ холодомъ, и понынѣ, какъ въ тѣ незабвенные вечера, бьется горячо мое сердце, вспоминая эти первыя, эти лучшія впечатлѣнія моей молодости! „Безгрѣшныя" уста Васи звали меня за собою въ волшебный, невѣдомый мнѣ до этой поры міръ, гдѣ все кругомъ обнимало меня прелестью, любовью, очарованіемъ,—и я шелъ за нимъ, переходя отъ восторга къ восторгу. *Богъ*, *человѣчество*, *свобода*, „die Worte des Glaubens",—какъ захватывали всю мою молодую душу эти слова, какъ говорила мнѣ объ этихъ святыхъ вѣрованіяхъ каждая страница поэта! А Вася,—онъ весь былъ проникнутъ ими: Шиллеръ былъ для него какимъ-то божествомъ...

— Ахъ, Вася, говорилъ я ему однажды,—мы только-что прочли die Bürgschaft,—я чувствую, что съ тѣхъ поръ, какъ мы читаемъ это съ тобою, я совсѣмъ другимъ сталъ. Я ничего не понималъ до этихъ поръ, я былъ мальчишка, а теперь я человѣкомъ, *хорошимъ* человѣкомъ чувствую себя, Вася. Какъ счастливо жить, какъ мы теперь живемъ съ тобою здѣсь; всю жизнь хотѣлъ бы я такъ прожить. Скажи самъ, приставалъ я къ нему,—развѣ здѣсь намъ не хорошо?

Онъ улыбнулся.

— Очень хорошо—покамѣстъ... проговорилъ онъ.

— И всѣ счастливы, продолжалъ я восхищаться,—живемъ мы всѣ такъ вмѣстѣ, такъ дружно, и Анна Васильевна, и Герасимъ Ивановичъ, и твоя мать.

— Моя мать... повторилъ онъ.

Онъ оперся головой на обѣ руки и долго въ этомъ положеніи глядѣлъ на меня.

— Она ужасно скучаетъ, Борисъ! рѣшился онъ договорить наконецъ.

— Съ чего же ей скучать? началъ было я, но пріостановился: мнѣ вдругъ вспомнилось множество маленькихъ обстоятельствъ, изъ которыхъ слѣдовало безспорно заключить, что Любови Петровнѣ было скучно.—Она однако такъ любезна къ тебѣ, вспомнилъ я ему, такъ ласкаетъ тебя...

— Да, ей самой... она сама желала бы... но она не можетъ, тихо вздохнулъ онъ на недосказанную свою мысль.

Я понялъ его, но спросилъ безсознательно:

— Чего не можетъ она, Вася?

Онъ опять долгимъ взглядомъ взглянулъ на меня и, слегка приподнимая лежавшаго предъ нимъ Шиллера:

— *Любить* какъ вотъ здѣсь, отвѣчалъ онъ,—всѣмъ существомъ, всею душой... О, еслибъ она могла, примолвилъ онъ, снова опустивъ голову,—вотъ это было бы счастіе, небесное счастіе для меня, Боря!

„Кого она могла бы такъ любить, его, къ счастію твоему, нѣтъ здѣсь, бѣдный мой Вася“, подумалъ я. „Любить прямо, открыто, не стыдясь, презирая всякіе людскіе толки“, точно звуча надъ самымъ моимъ ухомъ, вспомнились мнѣ эти слова его матери тогда, „въ храмѣ отдохновенія“, и тихій голосъ Анны Васильевны, отвѣчавшій ей на это: „надо смириться, Любочка...“

А гдѣ онъ былъ въ это время, тотъ, кто тогда внушалъ ей тѣ слезы ея и рѣчи, чего и не подозрѣвалъ бѣдный Вася? Первое извѣстіе о немъ сообщено мнѣ было матушкой въ письмѣ изъ К., въ которомъ строго упрекала она меня за то, что я ей не писалъ тотчасъ же по пріѣздѣ нашемъ въ Богдановское. „Я такъ и Богъ знаетъ какъ измучилась бы“, говорила она, „еслибы не встрѣтила на улицѣ барона Фельзена, который мнѣ сказалъ, что видѣлъ васъ обоихъ наканунѣ своего отъѣзда“, и въ концѣ письма прибавляла, что тотъ же баронъ Фельзенъ весьма любезно предложилъ ей заѣхать къ намъ въ домъ, узнать, не будетъ-ли какихъ порученій къ намъ, въ случаѣ, еслибъ онъ долженъ былъ обратно ѣхать въ наши страны. Объ этомъ свиданіи матушки съ Фельзеномъ я никому, кромѣ Анны Васильевны, не сообщалъ въ Богдановскомъ. Помню, какъ смутилась добрая женщина, когда она объ этомъ узнала, какъ она взглянула на меня съ видимымъ намѣреніемъ что-то сказать,—и не сказала, а только глазами заморгала и отвернулась, а я ей за то весьма храбро отпустилъ:

— Пусть лучше я останусь безъ цвѣтныхъ чулковъ (за

этою именно посылкой и долженъ былъ заѣхать къ матушкѣ обожатель Любови Петровны), только бы не видать здѣсь этого нѣмца!

— А что онъ тебѣ сдѣлалъ, Боренька? живо спросила Анна Васильевна.

— Ничего онъ мнѣ не сдѣлалъ, только безъ него лучше!

Милая старушка не подумала спросить, что я разумѣю подъ этимъ „безъ него *лучше*",—она взяла меня за голову и горячо поцѣловала въ лобъ.

„Онъ вернется сюда, рано или поздно вернется", часто думалъ я послѣ этихъ моихъ разговоровъ съ Васей и Анной Васильевной, и все явственнѣе сталъ я читать теперь признаки неодолимой тоски въ чертахъ, въ каждомъ движеніи Любови Петровны. Съ каждымъ днемъ, казалось, тяжелѣе становился для нея ея образъ жизни, и нашъ тѣсный кружокъ, и чтеніе Вазари, и нескончаемая возня Ѳомы Богдановича. А между тѣмъ она, какъ бы на зло самой себѣ, упорствовала въ этомъ образѣ жизни; она никого кромѣ насъ не видала, перестала вовсе ходить въ большой домъ, обѣдала даже у себя въ павильонѣ и проводила тамъ вечера одна, пожирая томъ за томомъ французскіе и англійскіе романы, которые получала она изъ Петербурга чуть не съ каждой почтой. Анна Васильевна начинала безпокоиться и спросила разъ при мнѣ: здорова-ли она? Красавица подняла на нее глаза и только улыбнулась, — но отъ этой улыбки у Анны Васильевны вдругъ навернулись слезы... Однажды вечеромъ изъ Васиной комнаты мы услыхали музыку въ павильонѣ.

— Это Булкенфрессъ играетъ у твоей maman! сказалъ я.

— Развлеченіе ей, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ мнѣ Вася съ улыбкой,—только папа бы это не разбудило...

Онъ прошелъ въ покой больнаго,—но тотъ мирно и сладко спалъ, какъ всегда.

Съ тѣхъ поръ все обычнѣе и дольше стало звучать фортепіано въ павильонѣ Любови Петровны, а съ этимъ вмѣстѣ Булкенфрессъ, съ которымъ я не встрѣчался уже очень давно, сталъ вдругъ попадаться мнѣ на каждомъ шагу. Къ Керсти онъ забѣгалъ каждый день поутру, въ то самое время,

когда я, окончивъ урокъ, складывалъ свои книги и отправлялся къ Лубянскимъ. Онъ былъ необыкновенно любезенъ со мной, нѣжно потряхивалъ мнѣ руку и называлъ charmant cheune (jeune) homme. Но мнѣ не нравился его лукаво-заискивающій взглядъ и его настойчивые разспросы о здоровьи Герасима Ивановича, о характерѣ Васи и тому подобномъ, касавшемся Лубянскихъ, разспросами, которыми онъ забрасывалъ меня каждый разъ. Я отвѣчалъ ему неохотно и коротко и спѣшилъ уходить отъ него. „Не для одной музыки повадился онъ такъ часто къ Любови Петровнѣ", не разъ приходило мнѣ въ голову, но я не хотѣлъ останавливаться на этомъ; я боялся всякой посторонней мысли, способной разстроить тотъ волшебный міръ, въ который я весь былъ погруженъ въ это время. Мы читали съ Васей *Донъ-Карлоса*.... Кто-то сказалъ очень вѣрно, что каждое чувство имѣетъ свой медовый мѣсяцъ. Я именно переживалъ въ то время медовый мѣсяцъ маркиза Позы. Донъ-Карлосомъ представлялся мнѣ, разумѣется, Вася, для котораго Поза, то-есть я, съ восторгомъ отдаетъ жизнь; королеву я никакъ не могъ вообразить себѣ иначе, какъ въ прелестномъ образѣ Любови Петровны, а Филиппъ былъ опять-таки Фельзенъ, только со старымъ, какъ у генерала Рындина, но гораздо болѣе злымъ, лицомъ, и я говорилъ ему пламенныя рѣчи въ защиту Донъ-Карлоса, у котораго онъ похитилъ любовь его прекрасной и „настоящей", законной матери...

Время шло между тѣмъ. Успеньевъ день былъ уже недалеко, и вотъ, въ одно прекрасное утро, въ мою комнату вкатился Ѳома Богдановичъ съ письмомъ ко мнѣ отъ матушки. Главная его сущность состояла въ томъ, что батюшкѣ лучше, но что докторъ никакъ не согласенъ отпустить его пока изъ К., и что поэтому ни онъ, ни матушка никакъ не могутъ опредѣлить времени возвращенія своего въ деревню. Въ самомъ концѣ сказано было, что письмо это съ посылкой доставятъ намъ вѣроятно Рындины, собирающіеся скоро ѣхать въ Богдановское.

— Саша здѣсь? вскрикнулъ я, когда дошелъ до этого мѣста, вопросительно обернувшись къ Ѳомѣ Богдановичу, ко-

торый тѣмъ временемъ болталъ съ моимъ наставникомъ на своемъ забавномъ французскомъ жаргонѣ.

— Саша! А съ чего ты взялъ? воскликнулъ онъ въ свою очередь, подбѣгая ко мнѣ.

Глаза его такъ и прыгали.

— Мама мнѣ пишетъ про посылку...

Ѳома Богдановичъ не далъ мнѣ кончить.

— Другой, другой посылку тебѣ привезъ.

— Баронъ... началъ было я.

Онъ кинулся на меня и зажалъ мнѣ ротъ рукой.

— А ты молчи! съ хохотомъ заговорилъ онъ, — ходимъ скорѣе за тою посылкой!

И, схвативъ за руку, онъ потащилъ меня, мимо недоумѣвавшаго Керети, въ корридоръ.

— А слухай же ты, Боренька, зашепталъ онъ тутъ, уцѣпившись обѣими руками за пуговицы моей куртки, — никому ты не говори, потому я хочу, чтобъ это сюрпризъ былъ на Успеніе... Такой будетъ имъ всѣмъ сюрпризъ, о побачишь!...

И онъ, заранѣе ликуя, принялся мнѣ торопливо сообщать, что посылку и письмо прислалъ баронъ Фельзенъ съ Трухачевымъ изъ Юрасовки, деревни верстахъ въ 25-ти отъ Богдановскаго, гдѣ стоялъ другой эскадронъ того полка, въ которомъ служили они оба, и что баронъ будетъ теперь тѣмъ, а не нашимъ эскадрономъ командовать, а Гольдманъ останется у насъ до осени, и что Трухачевъ далъ Ѳомѣ Богдановичу офицерское свое слово, что баронъ пріѣдетъ на Успеніе...

— И окрутилъ я опять того Трухачева тѣмъ же его словомъ офицерскимъ, попрыгивая отъ радостнаго волненія съ ножки на ножку, продолжалъ Ѳома Богдановичъ, — что не смѣетъ онъ никому ни голосомъ, ни какимъ другимъ сортомъ открыть про барона, пока самъ не пріѣдетъ тотъ. — Такъ и ты-жь смотри, востроносый, какъ маму любишь, клятву мнѣ сейчасъ давай, что никому про то въ домѣ не откроешь, ни даже французу твоему.... А коли, можетъ, онъ пытать тебя будетъ, черезъ кого ты посылку получилъ, говори на меня, да и все! Пусть идетъ до меня, откуда я получилъ. Ну, давай скорѣе клятву, давай!

Я обѣщалъ ему, и онъ стремглавъ понесся внизъ по лѣстницѣ.

— Qui donc a apporté cela? спросилъ меня Керети, когда я вернулся въ комнату въ сопровожденіи Максимыча, вносившаго довольно объемистую матушкину посылку.—Ce n'est pas jour de poste ce me semble?

Я отвѣчалъ, что доставилъ мнѣ Ѳома Богдановичъ.

— А ему же кто?

— Не знаю, невольно улыбнувшись, сказалъ я.

Керети усмѣхнулся тоже и приподнялъ плечи.

— Et pourquoi en fait il mystère le brave homme? on dirait qu'on ne le sait pas!

— А вы развѣ знаете? спросилъ я въ свою очередь, не безъ любопытства.

— Не трудно догадаться, объяснилъ мой французъ, — въ первомъ письмѣ вашей матушки было означено то лицо, чрезъ которое она думала прислать вамъ это,—а я знаю, что это лицо—ce personnage est dans la contrée depuis quelqus jours.

— Вы это знали! съ удивленіемъ воскликнулъ я. Какимъ же образомъ?

— Devinez! засмѣялся Керети.

— Je devine, сказалъ я, сообразивъ, что Булкенфрессъ могъ объ этомъ знать и передать ему.

Его лицо перемѣнило выраженіе; онъ почти строго взглянулъ на меня и отвѣчалъ, что если я и отгадалъ, то могу это держать про себя, и что вообще ни ему, ни мнѣ нѣтъ никакого дѣла до того, что происходитъ въ домѣ, временно пріютившемъ насъ,и что чѣмъ скромнѣе буду я себя держать въ этомъ отношеніи, тѣмъ это будетъ приличнѣе и сообразнѣе съ образомъ дѣйствій d'un enfant de bonne maison.

Я выслушалъ его наставленіе съ достодолжною почтительностію.

„Только зачѣмъ же тогда нужно было ему говорить мнѣ: devinez?“ не могъ я не подумать при этомъ...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЗАБЫТЫЙ ВОПРОСЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXIV.

Наступилъ и Успеньевъ день. Съ ранняго утра началась суетня; только и слышно было, что звонъ колокольцевъ, лошадиный топотъ и фырканье на дворѣ, бѣготня по лѣстницѣ, шуршанье и лязгъ чемодановъ и сундуковъ, тащимыхъ людьми по корридору. Что вѣды въ ростопель приливали гости и исчезали въ отводимыхъ имъ комнатахъ, — но наводненіе ежеминутно росло, и вновь прибывавшіе начали слоняться по всѣмъ угламъ, въ ожиданіи себѣ пріюта: уже не хватало помѣщенія. Ѳома Богдановичъ влетѣлъ къ намъ съ Керети какъ угорѣлый, съ просьбой опростать скорѣе нашъ апартаментъ. Онъ, какъ сказалъ Любови Петровнѣ, послалъ приглашеніе на этотъ день всей артиллерійской батареѣ, стоявшей верстахъ въ 80 отъ Богдановскаго, — вся батарея и прибыла, то-есть толстѣйшій полковникъ и четыре тоненькихъ офицера; „люди все полированные“, говорилъ чуть не съ отчаяніемъ Ѳома Богдановичъ, „а ткнуть ихъ нема куда!“ Ткнуть ихъ онъ и рѣшилъ въ наши комнаты: я долженъ былъ перейти къ Васѣ,

а наставникъ мой отправиться во флигель къ пріятелю своему Булкенфрессу,—причемъ Максимычъ чуть не наговорилъ грубостей хозяину за безпокойство, причинявшееся этимъ его господамъ, но тотъ только рукой махалъ и въ попыхахъ своихъ, спѣша скорѣе ввести новоприбывшихъ въ опорожняемую нами комнату, ткнулъ ихъ дѣйствительно на лахань съ грязною водой, которую въ эту минуту выносилъ изъ нея мой дядька. Огромный животъ батарейнаго командира въ ужасѣ подался назадъ; мутные мыльные ручьи стекали съ его поверхности на новехонькіе панталоны и какъ зеркало свѣтлые сапоги полковника. Ѳома Богдановичъ кинулся за полотенцемъ, „полированные" офицеры съ трогательнымъ единодушіемъ вытащили разомъ платки свои изъ кармановъ. Одинъ Максимычъ, равнодушный къ несчастію ближняго, спокойно подобравъ съ пола черепки упущеной имъ изъ рукъ лохани, вынесъ ихъ прочь, не повернувъ даже головы на сѣтованье и оханье смущеннаго такимъ пассажемъ артиллерійскаго вѣдомства...

Передъ самою обѣдней, въ ту минуту, когда все, что было въ домѣ, старые и малые, собиралось на крыльцо, чтобы всѣмъ разомъ отправиться въ церковь, показалась издали, словно несшаяся вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ, и съ грохотомъ подкатила къ подъѣзду щегольская и здоровая коляска генерала Рындина. Ѳома Богдановичъ, уже успѣвшій принарядиться во фракъ и въ свѣтлыя брюки, кинулся со всѣхъ ногъ встрѣчать его—и принялъ къ себѣ на грудь Сашу, выскочившаго изъ коляски первымъ и съ такимъ азартомъ, что они непремѣнно оба свалились бы съ ногъ, еслибы не случился тутъ длинный майоръ Гольдманъ, который уперъ могучую длань свою въ спину Ѳомы Богдановича и тѣмъ спасъ его отъ постыднаго крушенія. Сашу между тѣмъ подхватила на лету вся „орда" товарищей, давно нетерпѣливо ожидавшихъ его пріѣзда. Онъ переходилъ изъ объятій въ объятія. Жабинъ привѣтствовалъ его даже какими-то стихами изъ Державина.

— Здорово, здорово, Вася, пробасилъ, облобызавъ предварительно трижды Ѳому Богдановича, старикъ генералъ, давая поцѣловать племяннику небольшое оставшееся свободнымъ

отъ волосъ мѣстечко на щекѣ своей, — все вверхъ тянешься; на службу царскую пора бы! Я вотъ Сашу надняхъ въ Питеръ везу, въ корпусъ... Ну, а что,—какъ отцу твоему?

— А совсѣмъ молодецъ, не далъ отвѣчать Васѣ Ѳома Богдановичъ,—кулакомъ теперичка вола свалитъ!

Генералъ разразился смѣхомъ.

— Люблю за сравненіе, молвилъ онъ, обнявъ и трепля хозяина по спинѣ. — А сестрица что́, въ вожделѣнномъ?... А вотъ она сама, красавица писанная! воскликнулъ онъ—и двинулся на встрѣчу Любови Петровнѣ, вышедшей изъ садовой калитки и подымавшейся на крыльцо.

Она была въ большой круглой соломенной шляпѣ и длинномъ бѣломъ арабскомъ бурнусѣ, который падалъ съ ея плечъ какими-то удивительно благородными и красивыми складками. Она всѣхъ точно освѣтила своимъ появленіемъ.

— Эка пава! крикнулъ Ѳома Богдановичъ.

— Пожалуйте ручку, сказалъ генералъ и, овладѣвъ ею, повернулъ ладонью вверхъ и поцѣловалъ въ отверстіе перчатки.—Герасиму, слышалъ, лучше; душевно поздравляю. Ну, а вы сами?

— Вашими молитвами, прозябаю понемножку, молвила она улыбаясь.

— Въ эдакомъ раю-то прозябать! захохоталъ генералъ Рындинъ, махнувъ рукой на окрестность.—Отсюда и не выѣхалъ бы кажется...

— Я и не намѣрена, поспѣшно сказала Любовь Петровна, сдвинувъ брови.

— А я и не пущу! молодецки топнулъ ногой Ѳома Богдановичъ.

— А впрочемъ, продолжалъ генералъ, покручивая усы и смѣясь всею грудью,—я полагаю, сестрица, вы и въ царствѣ небесномъ нашли бы законную причину Господу Богу жалобу подать, еслибы вамъ, къ примѣру, запрещено тамъ было ангеловъ съ ума сводить? Такъ я говорю-съ?

— Я нахожу и теперь самую законную причину на васъ жаловаться, только не знаю кому, за ваши неумѣстныя шутки, полуусмѣхаясь, полусердясь, отвѣчала она на это.

— Какія же шутки, помилуйте-съ! не унывалъ расходившійся генералъ.—Я недавно еще имѣлъ случай видѣть одну изъ вашихъ жертвъ.

Любовь Петровна подняла на него глаза.

— Вы старый шутъ! съ громкимъ смѣхомъ проговорила она и, отвернувшись отъ него, заговорила съ Трухачевымъ, который такъ и вился подлѣ нея, улавливая видимо случай обратить на себя ея вниманіе.

Генерала Рындина даже покоробило, я это замѣтилъ,—но онъ не счелъ нужнымъ показать, что сердится.

— Отъ васъ, Любовь Петровна, и этотъ невѣдомый мнѣ доселѣ чинъ не почту себѣ за стыдъ принять, любезно отпустилъ онъ, поклонившись и браво звякнувъ шпорами.

Она обернулась къ нему опять и съ очаровательною улыбкой протянула ему руку, которую генералъ снова нѣжно поцѣловалъ въ перчатку.

— Господа, мое почтеніе, сказалъ онъ, будто только теперь замѣтивъ офицеровъ, собравшихся на крыльцѣ, — очень радъ васъ видѣть.

Онъ погрузилъ зоркій взоръ въ ихъ толпу.

— Изъ знакомыхъ здѣсь кавалеристовъ нашихъ не всѣ, кажется, пріѣхали? спросилъ онъ.

Офицеры стали перешептываться, считая другъ друга глазами.

— А будетъ ще, будетъ кавалерія, отвѣтилъ за нихъ Ѳома Богдановичъ,—а артиллерія ужь туточки!

— Здорово, юноша! заговорилъ опять старикъ Рындинъ, замѣтивъ меня,—поклонъ тебѣ привезъ отъ матушки; батюшку не видалъ, не совсѣмъ еще поправился, говорятъ... Да бишь! вдругъ вспомнилъ генералъ, — Софья Михайловна говорила мнѣ о какой-то посылкѣ, хотѣла со мною вамъ прислать... Саша, не помнишь, доставлена намъ она?

— Нѣтъ, папа, молвилъ Саша,—ее кажется...

— Получена, получена, кидаясь къ генералу и подмигивая ему, загоготалъ Ѳома Богдановичъ, — по окказіи получена... А, да вотъ и моя хозяйка!...

Краснѣющая и сконфуженная Анна Васильевна, со шляп-

кой на боку, въ сопровожденіи спокойно улыбавшейся и какъ кукла разодѣтой Галечки, поспѣшно сходила съ лѣстницы.

— Экипажи подавайте! крикнулъ хозяинъ. — Господи, да гдѣ голова у меня! И онъ схватился за нее обѣими руками.— Перекусить вамъ съ дороги треба, ваше превосходительство, перекусить.

— По горло сытъ; часъ тому назадъ, пока лошадей перемѣняли, мы съ Сашей перехватили важно, молвилъ генералъ.—Ну а послѣ обѣдни, пожалуй, можно будетъ и вторично... Многоуважаемая Анна Васильевна, не прикажете-ли, въ моей коляскѣ?

Онъ усадилъ ее, сѣлъ самъ, и дорожный шестерикъ на полныхъ рысяхъ повлекъ тяжелую генеральскую коляску въ церковь. Любовь Петровна съ Галечкой и Дарьей Павловной поѣхали за нею въ шарабанѣ, сопутствуемыя Трухачевымъ верхомъ. Съ полсотни разнородныхъ и разнокалиберныхъ экипажей помчались за ними вслѣдъ. Мы переглянулись съ Васей и, пропустивъ Сашу съ товарищами, — они предпочли отправиться въ церковь пѣшкомъ,—вскочили въ линейку, гдѣ уже сидѣлъ маіоръ Гольдманъ и два другихъ офицера его полка: они живо между собой разговаривали и не обратили на насъ никакого вниманія.

— У него сильная протекція въ Петербургѣ, говорилъ одинъ.

— На то нѣмецъ! коротко и рѣзко фыркнулъ командоръ.

— Все это такъ-съ, молвилъ другой гусаръ, — только я навѣрное знаю, что тамъ сказали: рано. Вѣдь и точно, года нѣтъ, какъ ему офицерское званіе вернули.

Первый изъ говорившихъ засмѣялся.

— А я такъ думаю, что это вздоръ. При связяхъ его и ловкости, да захоти онъ,—онъ навѣрное былъ бы уже теперь въ гвардіи. Дѣло въ томъ, что самъ онъ не хочетъ... Ему и здѣсь хорошо...

— Въ Юрасовкѣ-то? насмѣшливо спросилъ маіоръ.

— Ну, положимъ, и не въ Юрасовкѣ... Только вы поймите, Степанъ Парѳенычъ, что не изъ однихъ же чиновъ

бьются люди, особенно въ молодые годы, Бываютъ и другіе виды...

Маіоръ выпучилъ на него такіе страшные глаза, что офицеръ не смѣлъ докончить; онъ оглянулся на насъ съ Васей и тотчасъ же отвернулся, чтобы скрыть краску, которою внезапно покрылось все его лицо.

Товарищъ его, сидѣвшій къ нему спиной, рядомъ съ Васей, ничего не замѣтилъ.

— А поглядѣли бы вы, Степанъ Парѳенычъ, заговорилъ онъ,—какъ онъ себя тамъ, въ какую-нибудь недѣлю времени, устроилъ. Простую хату въ бонбоньерку, можно сказать, превратилъ, стѣны, потолки, полы, все это въ коврахъ, увѣшано оружіемъ... Тысячъ на десять, вѣрно, вывезъ онъ всякаго такого добра съ Кавказа... Да-съ, договорилъ молодой офицеръ и глубоко вздохнулъ при этомъ, — этому счастливчику хоть первую львицу изъ Петербурга не стыдно принять въ такой хижинкѣ...

— Вахмистръ, чуть не крикнулъ маіоръ, — вахмистръ у него, полагаю, что себѣ хочетъ, то и дѣлаетъ?

— Это уже само собою, отвѣчалъ, расхохотавшись, гусаръ:—только вѣдь и боится онъ его, повѣрите, страхъ! Вчера, напримѣръ...

Офицеръ началъ передавать какую-то исторію про Фельзена—рѣчь шла несомнѣнно о немъ, — и его вахмистра, изъ которой я ровно ничего не понялъ, кромѣ того развѣ, что ето самое помѣшало барону отправиться сегодня утромъ въ Богдановское одновременно съ разскащикомъ, какъ они это намѣревались сдѣлать вчера.

Вася все слышалъ—и все понялъ; онъ сидѣлъ, уткнувшись въ уголъ линейки, не поворачивая головы, опустивъ глаза. Болтливые офицеры очевидно не знали, кто онъ. Едва остановились наши дроги, онъ соскочилъ и, не ожидая меня, побѣжалъ въ церковь. Командоръ расправилъ свои длинныя ноги и, остановившись на паперти, обвелъ мрачнымъ взглядомъ всю прибывшую съ нимъ компанію, то-есть двухъ товарищей своихъ и меня многогрѣшнаго. „Проваливай, молокососъ“, казалось, говорилъ мнѣ этотъ взглядъ. „И безъ тебя знаю!“ ста-

рались отвѣчать ему мои глаза. И я прошелъ въ церковь, не сомнѣваясь, что, оставшись одинъ съ гусарами, онъ прочтетъ имъ достодолжную нотацію.

Вася забился въ церкви куда-то такъ далеко, что я его и не отыскалъ. Мы увидались съ нимъ лишь по окончаніи обѣдни.

XXV.

Начался разъѣздъ. Генералъ повезъ опять Анну Васильевну въ своей коляскѣ. Ѳома Богдановичъ подхватилъ Дарью Павловну и двухъ другихъ дамъ и отправился съ ними въ большомъ открытомъ четверомѣстномъ ландо. Галечка, въ ожиданіи шарабана и Любови Петровны, не выходившей еще изъ церкви, стояла на паперти, окруженная гостями. И посмотрѣли бы вы, читатель, съ какимъ скромнымъ достоинствомъ, съ какою приличною самоувѣренностію обращалась она къ нимъ, какъ умѣла она каждому сказать привѣтливое слово, и сколько было оттѣнковъ въ ея голосѣ, въ ея улыбкѣ, смотря по тому, говорила-ли она съ почтенною дамой, съ застѣнчивымъ офицеромъ или съ нашимъ братомъ-шалуномъ! Обожатель ея Жабинъ исправлялъ при ней должность адъютанта и краснѣлъ каждый разъ, какъ она, случайно или намѣренно, подымала на него свои черные, умные глазки. Онъ ужасно суетился, ловилъ каждаго изъ товарищей, выходившихъ изъ церкви, и передавалъ приглашеніе „mademoiselle Anna“ приходить, по возвращеніи въ домъ, пить шоколадъ на ея половину, причемъ наставнически поучалъ каждаго, что отказываться нельзя, что не придти къ Галечкѣ было бы высшею неучтивостію.

— Ну и ступай самъ, пей шоколатину, бузиной запивай, а мы не пойдемъ! злобно отрѣзалъ ему Саша Рындинъ, который, по обыкновенію, собиралъ вокругъ себя охотниковъ играть въ войну и понималъ приглашеніе Галечки, какъ личную для себя обиду.

И онъ увелъ своихъ сторонниковъ подальше отъ соблазна Галечкинаго приглашенія. Лишь самые юнѣйшіе, въ томъ числѣ Лева и пріятель его Опицкій, не пошли за прочими, узнавъ отъ самой Галечки, что шоколатъ будетъ очень сладокъ и что они получатъ его каждый по двѣ чашки.

— Tu viendras aussi, Basile? обратилась Галечка къ Васѣ, который тѣмъ временемъ, безучастный ко всему, что шумѣло и двигалось вокругъ него, стоялъ рядомъ со мною на паперти, глядя въ даль глубоко задумчивыми глазами.

— Куда это? спросила подошедшая къ намъ Любовь Петровна.

Она не менѣе сына казалась задумчива и блѣдна.

Галечка объяснила.

— А меня примешь? спросила мать Васи.

— O, ma cousine, воскликнула Галечка, обнимая ее,—vous me rendez tout à fait heureuse!

— Такъ поѣдемъ скорѣе, Вася; ты могъ бы съ Борисомъ сѣсть къ намъ въ шарабанъ, онъ четвероместный...

— Merci, maman...

Онъ подошелъ къ ней,—она закинула ему руку за шею и прижалась лицомъ къ его лицу; не разставайся никогда со мною! точно хотѣло сказать это ея внезапное, страстное какое-то движеніе...

Я побѣжалъ отыскивать замѣшкавшійся шарабанъ.

Въ него запряжена была пара старыхъ, когда-то весьма цѣнныхъ, сѣрыхъ лошадей въ англійскихъ шорахъ; Любовь Петровна сама ими правила. Мы усѣлись вчетверомъ,—Вася впереди, рядомъ съ матерью, я съ Галечкой на заднемъ сидѣньи. Трухачевъ и еще какіе-то два гусара скакали верхами по обѣимъ сторонамъ экипажа и занимали пріятнымъ разговоромъ нашихъ дамъ до самаго пріѣзда въ домъ.

— Забѣги, Боря, къ папа, узнай, какъ ему, шепнулъ мнѣ Вася на крыльцѣ.

Любовь Петровна оперлась на его руку, и они поднялись по лѣстницѣ.

Я обогналъ ихъ и побѣжалъ къ Герасиму Ивановичу.

Онъ только-что заснулъ. Савелій сказалъ мнѣ, что онъ съ

самаго утра находился въ особенно хорошемъ расположеніи духа и все толковалъ, нельзя-ли бы ему было поѣхать къ обѣднѣ. Савелій отговорилъ его лишь тѣмъ, что барыня разсердятся-молъ на меня за то, что я привезъ васъ въ церковь, потому тамъ духота и вѣтеръ сквозной...

— Съ часу на часъ акуратнѣй себя чувствуютъ, слава Царицѣ Небесной! молвилъ старый слуга и перекрестился.— Главное потому—покой душевный себѣ имѣютъ, примолвилъ онъ, поглаживая свои бѣлые волосы и глядя умиленнымъ взглядомъ на мирно покоившагося въ своемъ глубокомъ креслѣ барина.

— Такъ я пойду, Савелій, сказалъ я.

— Съ Богомъ идите себѣ, Борисъ Михайлычъ, и Василью Герасимычу скажите, чтобъ безпокоиться не изволили, потому чего еще надо!..

У Галечки, на широкомъ балконѣ ея гостиной, съ котораго виднѣлось безпредѣльное пространство лѣсовъ, полей и деревень, исчезавшихъ въ зелени вишневыхъ садовъ,—веселое молодое общество сидѣло вокругъ стола, за которымъ миссъ Пинкъ, засуча рукава, разливала большою ложкой въ чашки шоколатъ, кипѣвшій въ большой серебряной кастрюлѣ. Жадно слѣдили дѣти за ея проворными, бѣлыми руками, еще жаднѣе принимались они за горячее лакомство,—и не мало было тутъ обожженныхъ губъ и громкаго смѣху, и улыбающихся ртовъ съ проступавшими въ то же время отъ боли крупными слезами на глазахъ...

Любовь Петровна была тутъ же; она стояла, опершись обоими локтями на перила балкона, вся погруженная, казалось, въ созерцаніе живописной окрестности, разстилавшейся предъ нею. Вася сидѣлъ неподалеку отъ нея и также безмолвно глядѣлъ въ ту же сторону. Сквозь дѣтскій визгъ и гамъ звенѣлъ доносимый урывками вѣтромъ звукъ отдаленнаго колокольчика.

Я передалъ Васѣ о его отцѣ.

Онъ молча поднялъ на меня глаза и молча пожалъ мнѣ руку. Онъ былъ, видимо, занятъ какою-то упорною, неотвязною мыслью, и слова не шли ему на языкъ.

А звонъ колокольчика становился все явственнѣе. Изъ-за лѣсу, въ самой дали, выѣхалъ какой-то экипажъ и помчался по большому шляху. Не сюда... Но, нѣтъ, — вотъ онъ повернулъ вправо, поворотилъ за околицу ближняго хутора и несется прямо на насъ. Кто это? видны только четыре лошадиныя морды и мѣрно топочущія ноги, изъ-подъ которыхъ густыми, круглыми клубами бьетъ во всѣ стороны сѣрая пыль... Любовь Петровна словно еще ближе прильнула къ перилам... Экипажъ ужъ въѣзжалъ на красный дворъ и огибалъ огороженный среди его кругъ, на которомъ гоняли жеребцовъ Ѳомы Богдановича... Это была неуклюжая, на высокихъ рессорахъ бричка, а въ ней сидѣлъ такой же неуклюжій сосѣдъ-помѣщикъ, въ какой-то допотопной камлотовой шинели, въ синихъ очкахъ и въ кожаной фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ,— нѣкое подобіе почтенной тетушки моей Фелисаты Борисовны въ мужскомъ родѣ...

Любовь Петровна отдѣлилась отъ балкона и разомъ опустилась на стоявшій позади ея стулъ.

— Ахъ! слабо вскрикнула она въ то же время.

— Что съ вами, maman? обернулся къ ней Вася.

— Ничего, мой другъ, ничего! засмѣялась она, — я уронила платокъ... Онъ тамъ повисъ...

— Гдѣ, гдѣ? закричали Лева съ товарищами, подбѣгая и перевѣшиваясь черезъ перила.

Отъ земли вплоть до самаго балкона поднималась рѣшетка изъ тонкихъ жердей переплетомъ, по которой зеленой стѣной стлались густо и широко розросшіяся лозы дикаго виноградника. Тонкій, обшитый широкимъ кружевомъ платокъ Любови Петровны зацѣпился за сучекъ на половинѣ стѣны, такъ что до него нельзя было достать рукой ни съ верху, ни съ земли.

— Вотъ тебѣ и разъ! воскликнулъ Жабинъ, преглупо разставивъ руки.

— Онъ точно дразнится, засмѣялся Лева, болтая ногами и кивая свѣсившеюся за балконъ головой на платокъ, который, дѣйствительно, словно дразня зрителей, развѣвался по вѣтру, не отрываясь отъ сучка.

— Вы бы лучше побѣжали внизъ,—тамъ у садовника есть

лѣстница,—замѣтила, взглянувъ на Жабина недовольными глазами, Галечка.

— Шестомъ можно, пробормоталъ онъ, растерявшись, — такъ боялся онъ Галечку.

— Чтобы платокъ разорвать? не глядя болѣе на него и приподнявъ свои узенькія плечи, промолвила она.

— Я сейчасъ достану, сказалъ я, направляясь къ двери.

Вася побѣжалъ за мною.

— Гайда-гопъ! раздался вдругъ за нами пронзительный дѣтскій голосъ.

Мы невольно обернулись на-ходу... Маленькій Опицкій, перекинувъ ноги за балконъ, спускался, какъ бѣлка, внизъ по виноградной стѣнѣ.

Раздался общій крикъ ужаса.—Vous tuez vous! взвизгнула миссъ Пинкъ, ухватываясь въ перепугѣ за перила, между тѣмъ какъ Любовь Петровна, закрывъ лицо руками, вскакивала съ своего мѣста.

Отъ балкона до земли было нѣсколько саженей. Хрупкія жерди такъ и гнулись, такъ и трещали подъ ногами отчаяннаго мальчика; тонкія лозы и листья сыпались, отодранные, смятые его руками; онъ могъ сто разъ оборваться, упасть, расшибиться до смерти,—а онъ еще припѣвалъ какую-то пѣсенку. Онъ уже спустился въ уровень зацѣпившагося платка, онъ уже протягивалъ къ нему руку, какъ вдругъ послышался рѣзкій и сухой трескъ, вся стѣна зелени дрогнула, будто собираясь рухнуть разомъ, — подъ ногой Опицкаго обломилась жердь...

— Finished! гробовымъ шопотомъ проговорила миссъ Пинкъ, откидываясь назадъ всѣмъ тѣломъ.

Къ счастію, все не было кончено. Мальчикъ удержался невредимъ, уцѣпясь за какую-то крѣпкую, длинную лозу, попавшуюся ему подъ руки, и, не теряя ни минуты присутствія духа, ловко сдернулъ зубами платокъ съ сучка и быстро полѣзъ тѣмъ же путемъ назадъ къ балкону.

— Внизъ, внизъ! кричала ему на всѣхъ языкахъ миссъ Пинкъ, отчаянно стуча руками по желѣзу перилъ.

Но Опицкій, не слушая ея, продолжалъ свою безстрашную прогулку по трещавшимъ жердямъ.

— Платки ваши, платки скорѣе! быстро проговорила находчивая англичанка, обращаясь къ присутствовавшимъ и топая ногой въ нетерпѣливой тревогѣ.

Она живо связала платки наши узлами, велѣла намъ всѣмъ вмѣстѣ крѣпко держать конецъ этой импровизированной ею веревки, а другой конецъ кинула подъ руки Опицкаго. Но онъ не воспользовался ею,—онъ и безъ нея долѣзалъ уже до перилъ и затѣмъ благополучно спустился обратно на балконъ.

Еще весь дрожа отъ напряженія и тяжело дыша сквозь зубы, стискивавшіе платокъ Любовь Петровны, онъ подбѣжалъ къ ней—она стояла, ухватившись за плечо сына, все еще съ зажмуренными отъ страха глазами, — и, съ какою-то рыцарскою удалью раскланиваясь и подавая ей платокъ, проговорилъ своимъ тоненькимъ голоскомъ:

— Tout pour les dames!

Всѣ въ одинъ голосъ закричали: браво! Любовь Петровна схватила его за голову—и вдругъ заплакала...

Миссъ Пинкъ подошла къ нему, взяла за руку и, крѣпко пожавъ ее, сказала:

— You are a gentleman!

Только Галечка улыбалась все тою же своею невозмутимою улыбкой, да поэтъ Жабинъ, скрестивъ руки на груди, спросилъ, медленно роняя слова, точно гроши въ церковную кружку:

— Откуда это у него берется?

— Ужь, конечно, не у тебя выучился! отвѣчалъ я ему съ сердцемъ: терпѣть я не могъ его важности.

— Вы могли бы убиться, миленькій! говорила тѣмъ временемъ сквозь слезы Любовь Петровна: она все еще не могла успокоиться...

— Messieurs et mesdames, предложила находчивая Галечка, — хотите играть au fou? (Она полагала что „au fou“ гораздо приличнѣе, чѣмъ сказать просто: *въ дурачки*.)

— Давайте лучше въ фофаны, возразила бѣлесоватая и худая, съ острыми и красными какъ морковь локтями, барышня, петербургская институтка, лѣтъ 16-ти, недавно вернувшаяся

къ родителямъ въ наши края и которую почему-то называли Angèle. Настоящее имя ея было Анисья, а на ангела походила она столько же, сколько патока на лунный свѣтъ.

Опицкій подскочилъ къ молодой хозяйкѣ:

— Давай, давай въ фофаны играть!

— И я буду! подхватилъ Лева.

— И я, и я! крикнула вся компанія.

Перейдя съ балкона въ гостинную Галечки, всѣ усѣлись за большой круглый столъ. Галечка, усадивъ подлѣ себя съ одной стороны Васю, съ другой Опицкаго, взяла карты и, вытащивъ изъ нихъ осторожно фофана, быстро прикрыла его рукой и осторожно подсунула подъ коврикъ лампы, стоявшей на столѣ. Кто-то изъ мальчиковъ тутъ же потянулся съ дерзкимъ намѣреніемъ подглядѣть фофана, за что тотчасъ же и получилъ полновѣсный ударъ по пальцамъ отъ безпощадной миссъ Пинкъ.

Карты были сданы, игра началась.

Любовь Петровна одна осталась на балконѣ и, медленно опустившись въ кресло, подперла голову рукой,—и такъ, казалось, и замлѣла... *Ждетъ*-ли она, думалъ я, или не знаетъ, что *онъ* будетъ, и ей просто невыносимо скучно, и не живетъ она, а „прозябаетъ“, какъ говорила она нынче генералу? И я глядѣлъ на нее и не могъ дать себѣ отчета, кого болѣе жаль мнѣ было въ эту минуту — ее или ея сына? Я успѣлъ уже привыкнуть читать на его лицѣ и понималъ, что онъ страдаетъ, глубоко страдаетъ; онъ такъ глядѣлъ, будто все, что происходило вокругъ него, мелькало предъ нимъ какъ въ туманѣ, будто ни единаго звука раздававшихся тутъ рѣчей не доходило до его слуха, и лица наши представлялись ему въ видѣ какихъ-то волнующихся, темныхъ пятенъ. Галечка скидывала за него его пары и слегка подталкивала его, когда приходилъ ему чередъ играть; онъ поворачивался, по ея указанію, вправо или влѣво, безсознательно, тупо поднимая на нее глаза, и ни разу не посмѣялась этому Галечка, не спросила о причинѣ его разсѣянности. Удивительно умѣла вести себя Галечка. Не даромъ говорила про нее, смѣючись, Анна Васильевна, что дочь ея, какъ только на свѣтъ Божій родилась,

осмотрѣлась кругомъ и спросила: а что, все-ли у васъ тутъ въ порядкѣ?...

— Браво, браво! раздался общій взрывъ восклицаній. Оказывалось, что всѣ играющіе вышли парами, кромѣ Опицкаго и Жабина. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ остаться фофаномъ.

Вся компанія приняла тотчасъ же живѣйшее участіе въ завязавшейся между ними игрѣ, повскакала съ мѣстъ, окружила ихъ. Звучный хохотъ, хлопанье въ ладоши подымались каждый разъ, какъ тотъ или другой вытаскивалъ не парную карту.

Да и забавны же были они оба. Опицкій такъ фиглярилъ, съ такими уморительными ужимками скашивалъ глаза къ носу, мѣшалъ карты за спиной и подсовывалъ ихъ подъ руки Жабина на выборъ, а Жабинъ глядѣлъ на нихъ такъ мрачно, такъ ожесточенно вздыхалъ, прежде чѣмъ рѣшиться вытащить ту или другую карту, и такъ судорожно прикрывалъ ихъ своими крючковатыми пальцами, когда приходила его очередь предлагать ихъ сопернику, что сама строгая миссъ Пинкъ не могла удержаться отъ смѣха.

Наконецъ фофаномъ остался Жабинъ.

— Уррра! Чепчикъ ему, колпакъ ночной! закричали мальчики, между тѣмъ какъ Жабинъ поводилъ глазами во всѣ стороны, аки левъ рыкаяй, а Опицкій скакалъ по стульямъ и пѣлъ во все горло:

Вивать ты, вивать я,
Компанія цала?

Миссъ Пинкъ бросилась было унимать его, но онъ вырвался у нея изъ рукъ, ринулся кубаремъ на диванъ и исчезъ подъ подушками, которыя съ невѣроятнымъ проворствомъ нагромоздилъ на себя въ одно мгновеніе.

Не было никакого средства совладать съ „джентльменомъ". Англичанка только рукой махнула и принялась сооружать изъ большаго листа сахарной бумаги дурацкій колпакъ, который тутъ же и воздѣла на главу Жабина.

Дѣвица Angèle такъ и покатилась. Очень смѣшливая была дѣвица!

— Въ Петербургѣ воспитывались, въ театрѣ бывали, а туда же смѣетесь, будто никогда сахарной бумаги не видали! накинулся на нее разсвирѣпѣвшій Жабинъ.

А тутъ еще, на его бѣду, широко растворились двери гостиной, — и въ нее ввалилась цѣлая толпа нашихъ сверстниковъ, съ Сашей Рындинымъ во главѣ.

Съ новою, удвоенною силой раздался хохотъ. Жабинъ не выдержалъ—и съ досадой сорвалъ съ головы своей дурацкій свой колпакъ.

— Не смѣйте приглашать меня на танцы сегодня вечеромъ! тотчасъ же и сказнила его за это Галечка.

Съ приходомъ Саши карты были кинуты. Онъ горячился, чуть не кричалъ, жалуясь, что война не могла у нихъ состояться за малымъ числомъ играющихъ, что мы ему измѣнили и что съ нашей стороны „неблагородно", тѣмъ болѣе, что онъ съ нами со всѣми видится сегодня въ послѣдній разъ, потому что черезъ недѣлю его повезутъ въ корпусъ. Галечкѣ и ея подругамъ онъ едва поклонился,—онъ не любилъ и конфузился „мамзелекъ", — не обращая никакого вниманія на засверкавшіе взоры миссъ Пинкъ и на стиснувшіяся губы ея воспитанницы.

— Ахъ, тетя, здравствуйте! сказалъ онъ, замѣтивъ наконецъ Любовь Петровну и идя на балконъ поцѣловать ея руку.—Прикажите, пожалуйста, Васѣ... онъ мнѣ двоюродный братъ, а хуже чужаго, право...

— Что онъ тебѣ сдѣлалъ? спросила она съ улыбкой.

— Да что онъ сюда забился, и Бориса держитъ, точно ихъ къ женскимъ юбкамъ пришили... Вѣдь это, просто, для мужчинъ стыдно, тетя!... А у насъ черезъ нихъ все тамъ разстроилось...

— Я его не пришивала, ни Бориса тоже. Ихъ пригласила здѣшняя молодая хозяйка, и, если *она* позволитъ, примолвила мать Васи, — а они согласны, — уведи ихъ, куда хочешь!

Саша позамялся: какъ же это, въ самомъ дѣлѣ, ему про-

сить позволенія „у дѣвчонки!“ Настолько былъ онъ воспитанъ однако, что понялъ,—нельзя было далѣе простирать неучтивость.

— Mamzelle Галечка, промолвилъ онъ, быстрымъ шагомъ подходя къ ней и не подымая на нее глазъ, — вы отпустите Борю и Васю играть съ нами въ садъ?

Она смѣрила его сначала съ ногъ до головы и затѣмъ насмѣшливо улыбнулась:

— *Mamzelle Галечка*, сказала она,—не можетъ и *не желаетъ* мѣшать этимъ господамъ поступать, какъ имъ будетъ угодно.

— C'est ça! подтвердила, одобрительно кивнувъ головой, миссъ Пинкъ, на эти слова, которыя едва-ли поняла она, а тонъ, съ которымъ они были сказаны.

— Такъ пойдемте! Борисъ, Вася! крикнулъ намъ Рыпдинъ.

— Куда это? спросилъ разсѣянно Вася.

— Въ садъ, другъ мой, отвѣтила ему съ балкона Любовь Петровна: — сегодня не жарко, вы бы, въ самомъ дѣлѣ съ Борисомъ отправились...

Саша былъ уже у дверей,—и вся компанія пріятелей, не исключая Жабина, двигалась за нимъ.

— Tant mieux, ils sont trop bruyants! громко проговорила намъ вслѣдъ миссъ Пинкъ.

Спустившись съ лѣстницы, всѣ побѣжали опрометью въ „крѣпость“. Только мы съ Васей не поспѣшили за прочими. Онъ, попрежнему, былъ задумчивъ и разсѣянъ. Мы шли молча, рядомъ, не глядя другъ на друга.

Вдругъ онъ остановился.

— Борисъ, ты слышалъ... когда мы ѣхали въ церковь?

— Что?

— Вѣдь это про него говорили... *Онъ* будетъ опять сюда...

— Да, слышалъ, печально отвѣтилъ я.

Вася замолчалъ опять.

— Галечка однако хорошо отдѣлала Сашу, началъ я. — Онъ ужасно неучтивый, Саша...

— Какъ я ему завидую, еслибы ты зналъ! воскликнулъ

вдругъ Вася.—Онъ такой живой, бодрый,—вотъ какъ и этотъ мальчикъ сейчасъ... Знаешь, что вѣдь онъ удивительный мальчикъ, этотъ Опицкій! Онъ чуть не убился — и изъ-за чего!... А я... на что я похожъ! какимъ-то надрывавшимся, чуть слышнымъ голосомъ проговорилъ Вася:—я точно старый человѣкъ... ни молодости, ни радости... все лишь одно, да одно въ головѣ...

— Вася, полно, что это съ тобой сдѣлалось! заговорилъ было я.

— Нѣтъ, Борисъ, право, съ натянутою улыбкой сказалъ онъ, — знаешь, что я часто думаю: еслибы не папа, лучшее, чего я могъ бы для себя желать,—это умереть...

— Не смѣй, не смѣй и произносить этого слова! Какіе ужасы! закричалъ я, кидаясь къ нему, и притиснулъ голову его къ моей груди.

— Ну, и не буду, высвобождаясь изъ моихъ объятій, сказалъ онъ.

— Зачѣмъ ты такой вздоръ говоришь, Вася?

— Ну, а ты прости великодушно, коли это вздоръ... Да, а гдѣ ты будешь обѣдать, Борисъ? спросилъ онъ, спѣша перемѣнить разговоръ.

— Съ вами, какъ всегда. Вѣдь ты не оставишь Герасима Иваныча обѣдать одного. А этихъ большихъ столовъ внизу я терпѣть не могу.

— Ну, и прекрасно!

Онъ опять остановился; онъ успѣлъ уже перемочь свое уныніе, и лицо его глядѣло почти весело.

— Какъ бы намъ теперь такъ сдѣлать, молвилъ онъ карикатурнымъ шепотомъ, озираясь во всѣ стороны, — чтобы взять, да и тягу дать подальше отъ Сашиной войны?

— Очень просто: свернемъ влѣво, а тамъ въ сиреневую аллею—и алонъ маширъ цу гаузъ, какъ говоритъ вашъ Савелій.

— Алонъ маширъ! повторилъ Вася.

Черезъ пять минутъ мы сидѣли, запершись, въ его комнатѣ и читали *Die Pieccolomini*. Отецъ его еще не просыпался. По всему дому, будто дальніе раскаты грозы, шелъ

нескончаемый гулъ голосовъ, смѣха, передвигавшихся стульевъ, спѣшныхъ и тяжелыхъ шаговъ. Изъ подвальнаго этажа несся въ окна запахъ кушанья; третій день не потухалъ огонь въ обширной кухнѣ гостепріимнаго Богдановскаго. Гости недавно отзавтракали; немилосердно стучали ножами повара, готовясь къ предстоявшему обѣду...

XXVI.

Мы такъ и не трогались со своей половины до самаго вечера, и никто не тревожилъ насъ: видно Саша нашелъ, что война и безъ насъ обойтись можетъ. Пообѣдали мы, какъ всегда, втроемъ съ Герасимомъ Ивановичемъ. Онъ былъ все въ томъ же добромъ духѣ и весело допрашивалъ меня:

— Танцовать сегодня?

— Да, Герасимъ Иванычъ, непремѣнно, отвѣчалъ я: — Ѳома Богданычъ вотъ уже двѣ недѣли пристаетъ къ намъ съ Васей, чтобы мы непремѣнно пришли на балъ. Только не знаю, ка́къ Вася вотъ,—ему все не хотѣлось...

— Придетъ, улыбаясь отвѣчалъ мнѣ больной.

— Я танцовать не люблю, началъ было Вася.

— На-до... какъ всѣ...

— А вы бы, Герасимъ Иванычъ, спустились бы внизъ посмотрѣть. Я ужь Васю растормошу!

Вася съ неудовольствіемъ взглянулъ на меня. Отецъ его перехватилъ этотъ взглядъ:

— Я спать буду, проговорилъ онъ совершенно твердо и съ улыбкой, отъ которой сынъ его вдругъ покраснѣлъ...

Его повезли гулять послѣ обѣда. Но на этотъ разъ онъ самъ какъ будто боялся показаться въ люди и выбралъ крайнюю боковую аллею сада, по которой никто никогда не ходилъ. Мы вернулись домой очень скоро. Герасимъ Ивановичъ потребовалъ, чтобы весь туалетъ Васинъ и мой принесенъ былъ въ его комнату и чтобы мы при немъ одѣлись. Когда же все это было совершено, и мы, умытые, причесаные, даже

слегка подвитые Савеліемъ, встали предъ нимъ въ новыхъ курточкахъ и глянцевыхъ башмакахъ, онъ долго поворачивалъ насъ во всѣ стороны, видимо любуясь сыномъ, и съ какимъ-то ребяческимъ удовольствіемъ похваливалъ насъ почему-то по-нѣмецки: ganz brav, ganz brav! Мы были готовы гораздо ранѣе, чѣмъ это было нужно, и долго прохаживались по комнатѣ подъ неотрывавшимися отъ насъ взглядами вдругъ оожившагося больнаго, то подходя, по его приказанію, къ зеркалу, заколоть булавкой свороченный на бокъ галстукъ, то изображая въ каррикатурѣ, какъ мы будемъ раскланиваться дамамъ и приглашать ихъ „pour une contredanse s'il vous plait". Онъ очень смѣялся нашимъ шалостямъ и все кивалъ на меня, повторяя: „какъ онъ, какъ онъ!" И Вася, въ угоду отцу, буфонилъ, подражая мнѣ, округлялъ локти и подымался на носкахъ, точно дѣло дѣлалъ...

Въ половинѣ девятаго, наконецъ, громко, точно изъ сосѣдней комнаты, долетѣли до насъ снизу звуки полонеза. Балъ начался.

— Пора, пора вамъ! залепеталъ Герасимъ Ивановичъ и, откинувшись на спинку кресла:—музыка... какъ хорошо! проговорилъ онъ. Все лицо его просіяло.

— А спать какъ же ты подъ это будешь? заботливо спросилъ его Вася.

— Лучше... сна, отвѣчалъ онъ, закрывая глаза,—хорошо... мнѣ... идите...

Мы отправились внизъ.

Все звончѣе гремѣлъ и заливался, и такъ и забиралъ за душу чудный полонезъ Огинскаго; тамъ было, въ особенности, одно мѣсто,—такое задумчивое и съ тѣмъ вмѣстѣ увлекающее, что каждый разъ, какъ повторялось оно, меня всего передергивало: не то заплакать хотѣлось, не то вскочить на самаго бѣшенаго изъ жеребцовъ Ѳомы Богдановича и понестись на немъ въ степь, и скакать до тѣхъ поръ, пока никакой силы уже не станетъ... Мнѣ былъ хорошо извѣстенъ этотъ полонезъ,—я его уже не разъ слышалъ въ Богдановскомъ, и старикъ Опицкій даже разсказывалъ какъ-то при мнѣ Ѳомѣ Богдановичу, что композиторъ его, наскучивъ

жизнью, велѣлъ себѣ сыграть эту вещь въ послѣдній разъ и, дождавшись того самаго любезнаго мнѣ мѣста, пустилъ себѣ пулю въ самое сердце, и что съ тѣхъ поръ, въ память его, мѣсто это при исполненіи всегда сопровождается пистолетнымъ выстрѣломъ. Я передалъ это теперь Васѣ, пока мы пробирались съ нимъ по корридору въ залу, прибавивъ, что Ѳома Богдановичъ очень перепугался тогда и объявилъ, что ни за что не позволитъ стрѣлять у себя въ домѣ, въ чью бы то память ни было.

— Онъ не изъ храбрыхъ, Ѳома Богдановичъ, говорилъ я Васѣ смѣясь.

Но, къ удивленію моему, Вася вдругъ поблѣднѣлъ при этомъ разсказѣ; онъ остановился и, вперивъ въ меня какой-то странный, смущенный взглядъ, спросилъ:

— На этомъ самомъ мѣстѣ... прямо въ сердце? И когда отыграли,—его нашли уже, вѣрно, мертвымъ?...

— Да, но я только этому не вѣрю. Старикъ Опицкій очень хорошій старикъ, но знаешь, когда онъ начнетъ про своихъ польскихъ героевъ, онъ много выдумываетъ... Папа называетъ его за это monsieur de Crac...

— Какая смерть!... проговорилъ тихо мой пріятель уже въ дверяхъ залы...

Она горѣла огнями,—съ перваго раза даже глазамъ было больно. На хорахъ помѣщался большой, извѣстный во всей губерніи, оркестръ богатаго князя Шузины, выписанный къ этому дню въ Богдановское. Шурша накрахмаленными юбками и звеня шпорами, выступали по паркету одна за другою пары.

Впереди всѣхъ шелъ генералъ Рындинъ. Онъ велъ подъ руку хозяйку и весело улыбался ей изъ-подъ нафабренныхъ усовъ, потряхивая своими толстыми эполетами. Анна Васильевна, маленькая, худенькая, пресмѣшно какъ-то подпрыгивала, чтобы не отставать отъ своего дюжаго, далеко забиравшаго впередъ ногами кавалера. Ѳома Богдановичъ немедленно слѣдовалъ за нею съ Дарьей Павловной, которая, какъ жена сосѣдняго уѣзднаго предводителя, была самою почетною дамой бала; онъ былъ все въ тѣхъ же неизмѣнныхъ своихъ

нанковыхъ панталончикахъ и синемъ фракѣ, — за то въ бѣломъ жилетѣ и такомъ же крѣпко-на-крѣпко накрахмаленномъ и высочайшемъ галстукѣ, длинные концы котораго торчали кверху, въ видѣ заячихъ ушей;—онъ такъ сѣменилъ ножками и празднично выпиралъ брюшко свое впередъ, будто говорилъ своимъ зрителямъ: „а такъ, такъ, добрые люди, вотъ это самое брюшко принадлежитъ самому счастливому помѣщику во всей вселенной!" Дама его глядѣла не менѣе оживленною, не менѣе счастливою. Дарья Павловна была очень *авантажна*, въ палевомъ газовомъ платьѣ, убранномъ васильками и золотыми колосьями, такая румяная, быстроглазая, пухленькая... „Вѣдь въ нее можно было бы влюбиться сегодня", подумалъ я, „еслибы здѣсь не было *божества*"...

О, Господи, какъ хороша была въ этотъ вечеръ Любовь Петровна, въ вѣнкѣ изъ живыхъ лилій подъ свѣтлою косой, и сама бѣлая, стройная, воздушная—какъ эти лиліи! Точно по рѣчной глади скользила ея легкая поступь; длинные глаза сіяли такимъ страннымъ, точно сквозь туманъ прорывавшимся, блескомъ...

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,

припомнились мнѣ, едва увидѣлъ я ее, стихи Лермонтова, надняхъ прочитанные и выученные нами съ Васей наизусть;— русалкой, именно русалкой глядѣла она въ этотъ вечеръ. Она улыбалась, очевидно не слушая его, своему бравому кавалеру, старому наполеоновскому улану, Ошицкому, безъ котораго не обходился ни одинъ балъ Ѳомы Богдановича. Онъ былъ, видимо, очарованъ прелестью своей дамы и съ красивою старческою молодцеватостью наклонялся къ ней и приподнималъ въ то же время свой длинный сѣдой усъ, сгибая, по-польски, колѣни подъ тактъ полонеза и слегка притопывая ногой, обутою въ гусарскій съ золотою кистью сапогъ. Толстый артиллерійскій полковникъ велъ Галечку и уже пыхтѣлъ отъ усталости, не догадываясь, что Трухачевъ, шедшій за нимъ съ Angèle, повторялъ въ каррикатурѣ каждое его движеніе, его грузную походку, его сонную улыбку. Angèle хихикала на всю залу, а за нею звонкимъ смѣхомъ хохотала вся вереница

слѣдовавшей за ними молодежи. Я подхватилъ Васю, за недостаткомъ дамы, и потащилъ его догонять другихъ.

Въ это время на другомъ концѣ залы отворились двери нараспашку. Кто-то вошелъ и остановился, склонивъ учтиво голову предъ проходившею хозяйкой и генераломъ. Блеснулъ красный ментикъ, расшитый серебряными шнурами,—и Ѳома Богдановичъ, вырвавшись изъ ряда и таща за собою свою даму, кинулся къ нему съ громкимъ голосомъ:

— Сюрпризъ! А говорилъ же я, будетъ сегодня у меня сюрпризъ!

Неожидавшій, видно, никакого сюрприза, генералъ круто осадилъ на ходу Анну Васильевну и потянулъ назадъ голову изъ высокаго воротника своего мундира. За нимъ остановились всѣ, пары смѣшались. На хорахъ послышался сухой ударъ капельмейстеровой палочки, — музыка смолкла... Ѳома Богдановичъ повисъ на шеѣ барона Фельзена...

Я почувствовалъ, какъ рука Васи внезапно похолодѣла въ моей рукѣ. Онъ отдернулъ ее и отошелъ въ сторону.

— А рады, рады, признайтесь, — заслужилъ я отъ васъ спасибо? говорилъ хозяинъ, ухватывая опять руку Дарьи Павловны и, самъ весь колеблясь отъ смѣха, подводя ее къ новоприбывшему.

— Я, въ самомъ дѣлѣ, очень рада вамъ, баронъ, отвѣчала румяная дама, подавая ему руку и глядя на него своими черными, веселыми глазами.

— А вы тамъ что, наверху, заснули себѣ! загоготалъ снова Ѳома Богдановичъ, закинувъ голову и махая рукой музыкантамъ. Вальса швитче, греми музыка вальса! Баронъ, отличайтеся!

Фельзенъ тотчасъ же охватилъ талію Дарьи Павловны и стремительно понесся съ нею по залѣ.

Трухачевъ подлетѣлъ къ Любови Петровнѣ.

Я успѣлъ уже помѣститься поближе къ ней и глядѣлъ на нее во всѣ глаза.

— Вы меня не уроните? засмѣявшись спросила она Трухачева. И ничего не сказали для меня эти шутливыя слова, эта ея спокойная равнодушная улыбка; только еще блѣднѣе

показалось мнѣ ея лицо, еще сосредоточеннѣе выраженіе ея потемнѣвшихъ глазъ.

Лихой поручикъ помчалъ ее и, въ доказательство своей ловкости, сдѣлалъ съ ней цѣлыхъ три тура.

— N'abusons pas! засмѣялась она опять, вырываясь отъ него и возвращаясь на прежнее мѣсто.

Фельзенъ и его дама стояли тутъ же.

— Baron, mon oncle a raison—c'est une vraie surprise! молвила Любовь Петровна на его глубокій поклонъ, оправляя обѣими руками свою прическу.—Quel coup de vent vous ramène ici? продолжала она, медленно протягивая ему руку.

— Un coup d'état manqué, madame! отпарировалъ онъ, пожимая эту руку съ глубокимъ поклономъ.

— Какъ онъ любезенъ, однако! со смѣхомъ обратилась она къ Дарьѣ Павловнѣ.—Еслибъ его coup d'état удался ему, мы бы никогда, значитъ, его болѣе здѣсь не увидали?

— Совершенно справедливо, тѣмъ же тономъ и также обращаясь къ Дарьѣ Павловнѣ, отвѣчалъ гусаръ,—и съ этою единственною цѣлью онъ былъ даже предпринятъ.

— Ecoutez, воскликнула румяная дама, — да вы просто грубите!

— Нисколько, отвѣчалъ онъ,—я спасалъ себя отъ гибели, какъ всякая уважающая себя власть.

— Это значитъ?...

— Это значитъ то, повторилъ почти серьезно Фельзенъ,— что прекрасная здѣшняя сторона devenait trop île de Calypso pour moi...

— Et la nymphe Eucharis? едва давъ ему кончить, вопросительно подняла на него глаза Любовь Петровна.

Что-то неуловимое, мгновенное, какъ блескъ зарницы, промелькнуло въ обмѣненномъ ими взглядѣ,—но отъ этого *чего-то* меня точно ножомъ рѣзнуло по сердцу. За это *что-то*, почувствовалъ я въ это мгновеніе, люди не задумываются отдавать жизнь...

— Et la nymphe Eucharis? спросила опять Любовь Петровна, переводя глаза на Дарью Павловну и улыбаясь ей такъ, что не могло оставаться сомнѣнія, кого именно она раз-

умѣла подъ нимфой, противъ очарованій которой счелъ баронъ Фельзенъ нужнымъ прибѣгнуть къ coup d'état...

Румяная дама зардѣлась по самыя уши.

— Que dites-vous, ради Бога, душечка! воскликнула она, испуганно простирая руки къ Любови Петровнѣ.

— Rien d'impossible, отвѣчала та, — quand on est jolie comme vous...

И, приподнявъ свой круглый съ ямочкой локоть, причемъ тонкая ея талія качнулась, точно стебель цвѣтка, русалка опустила руку на плечо подошедшаго къ ней въ это время офицера и полетѣла съ нимъ по залѣ. Дарья Павловна робко, какъ бы не смѣя уже болѣе глядѣть прямо въ лицо Фельзена, взглянула на него сбоку.

— Отсутствующіе всегда неправы, прогорилъ онъ, усмѣхаясь своею, давно знакомою мнѣ, двусмысленною улыбкой.

— Пойдемте лучше вальсировать, безъ улыбки отвѣчала она на это.

„Зачѣмъ *она* хочетъ увѣрить эту бѣдную Дарью Павловну, что Фельзенъ влюбленъ въ нее?“ подумалъ я. „Вѣдь она лучше всѣхъ знаетъ, что это неправда... И неужели она не знала, что Фельзенъ непремѣнно пріѣдетъ сегодня,—не выжидала-ли она его утромъ у Галечки? Къ чему же это притворство, къ чему обманъ?“ Недоброе чувство шевелилось во мнѣ: мнѣ словно стыдно было за нее, и въ то же время я чувствовалъ, что самъ я готовъ бы былъ на всякій обманъ, на самую постыдную ложь, за то только, чтобы, какъ этотъ гусарскій офицеръ, вальсировавшій теперь съ нею, имѣть счастіе обнять ее моею рукой и крѣпко-крѣпко держать ее, такъ, чтобъ ея бѣлое, обнаженное плечо прижалось къ моей груди, чтобъ ея дыханіе чувствовалъ я на лицѣ моемъ... Но я не умѣю вальсировать, да еще въ два темпа... А еслибы даже умѣлъ,—я не могъ бы, я бы упалъ въ обморокъ, кажется... Какъ это они всѣ могутъ вальсировать съ нею, и такъ близко держать ее къ себѣ, и съ ума не сходятъ отъ счастія!...

— Кадриль французскую! раздалась новая команда Ѳомы Богдановича. Я опять отправился въ сосѣдство красавицы.

Она стояла подлѣ Анны Васильевны и Галечки и разговаривала съ Дарьей Павловной.

— M'accorderez vous la première contredanse, mademoiselle? спросилъ Фельзенъ, подходя къ молодой хозяйкѣ.

— Avec plaisir, поспѣшила отвѣтить Галечка, — она, кажется, только этого и ожидала,—заморгавъ даже отъ удовольствія.

— Борисъ, громко сказала, обернувшись во мнѣ, Любовь Петровна:—я, кажется, вамъ обѣщала эту кадриль?

Она мнѣ никогда не обѣщала ничего подобнаго, и это неожиданное предложеніе наполнило меня такимъ восхищеніемъ, что я даже слова не могъ промолвить, а только взглянулъ на нее такъ, что она разсмѣялась и ударила меня слегка вѣеромъ по щекѣ.

— Я сейчасъ найду vis à-vis, пробормоталъ я, кидаясь его отыскивать.

— Вамъ нуженъ vis-à-vis? остановилъ меня баронъ Фельзенъ:—позвольте вамъ себя предложить, у меня нѣтъ...

Музыка заиграла кадриль изъ *Бронзоваго коня*. Дрожащею рукой прикоснулся я къ рукѣ русалки и сталъ съ нею въ рядъ, противъ Галечки и Фельзена.

Онъ былъ, казалось, весь занятъ своею юною дамой и разсказывалъ ей что-то очень веселое, заставлявшее Галечку то-и-дѣло прятать въ букетъ смѣявшееся лицо свое. Любовь Петровна, въ свою очередь, разсѣянно глядѣла по сторонамъ и только повременамъ обращалась ко мнѣ съ короткимъ напоминаніемъ: à vous! Я отъ удовольствія и непривычки постоянно путался.

Въ третьей фигурѣ, пока я усердно балансировалъ въ chaine anglaise, до меня донеслось слово „мазурка", проговоренное Фельзеномъ.

— Non, non, vous avez Eucharis, спѣшно отвѣчала ему, проходя на мѣсто, Любовь Петровна.

— Неужто она ревнуетъ его къ Дарьѣ Павловнѣ? засѣло у меня въ головѣ, и я почему-то никакъ не могъ отвязаться отъ этой мысли.

— Prenez moi la taille, jeune homme, неожиданно послышался мнѣ ея голосъ.

Послѣднюю фигуру кадрили танцовали галопомъ. Я обнялъ талію моей дамы, обнялъ стремительно и безотчетно...

Огоньки запрыгали у меня въ глазахъ: безумное желаніе прикоснуться губами къ бѣлому плечу ея неодолимо охватило меня... Я еще крѣпче прижалъ ее къ себѣ...

— Mais lachez-moi donc, maladroit! крикнула она на меня: она приписывала это моей неловкости!...

Я ее выпустилъ, нечаянно, вдругъ, какъ выпускаютъ пойманную птичку изъ руки, въ которой она отчаянно трепещетъ...

Ее подхватилъ мой vis-à-vis; подъ моею рукой очутилась длинная, темнокожая и сухая Галечка...

Не знаю, какъ передалъ я ее опять Фельзену, какъ снова перешла ко мнѣ отъ него Любовь Петровна, какъ кончилась эта кадриль,—я уже ничего не видѣлъ, не понималъ:—точно туманомъ задернулось для меня все окружающее и нестерпимо била кровь въ виски...

XXVII.

Я очнулся на террасѣ, подъ безоблачнымъ и безлуннымъ небомъ, съ котораго, чудилось мнѣ, глядѣли на меня, точно зоркія и строгія зѣницы, большія мигающія звѣзды. Отъ померанцевыхъ деревъ проносился въ прозрачномъ и тепломъ воздухѣ какой-то невыразимо тонкій, почти неуловимый запахъ. Свѣтъ изъ оконъ падалъ на нихъ длинными правильными полосами, и зрѣющій плодъ индѣ желтѣлъ подъ ихъ сочными отливисто-темными листами.

Въ одной изъ этихъ полосъ свѣта отчетливо рисовалась смѣлая фигура Саши Рындина. Онъ сидѣлъ на кадкѣ и разговаривалъ съ кѣмъ-то, незримымъ за деревомъ раздѣлявшимъ ихъ, но котораго можно было узнать по длиннымъ ногамъ, вылѣзавшимъ впередъ изъ мрака, словно на показъ. Это былъ *командоръ*, вѣчный Сашинъ собесѣдникъ. Еще кто-то третій пріютился на другой кадкѣ, подалѣе отъ нихъ, но о его присутствіи здѣсь можно было догадаться лишь по блеску свѣта, падавшему на его бѣлый жилетъ: лица не было видно за тѣнью низко опускавшейся надъ нимъ шапки апельсиннаго дерева.

Саша меня не замѣтилъ.—Тѣмъ лучше, подумалъ я,—онъ бы непремѣнно сталъ приставать за нашу съ Васей „измѣну“ утромъ... И я усѣлся на диванѣ у стѣны, въ самой темн. Я еще не успѣлъ совладать съ собою, я весь еще горѣлъ соблазномъ пережитой мною минуты...

— Когда, подъ Денневицемъ, горячо говорилъ между тѣмъ Саша,—папа отбилъ эти двѣ пушки подъ самымъ носомъ французовъ, развѣ это не было геройство?

— Ловкое дѣло, промычалъ на это изъ-за дерева командоръ.

— Или, подъ Кулевчей, когда отъ его выстрѣловъ взорвало всѣ зарядные ящики въ арміи визиря, и онъ съ кавалеріей ринулся съ горы...

— Нашъ полкъ ходилъ, проговорилъ опять маіоръ, — я взводомъ командовалъ...

— Счастливецъ вы! воскликнулъ Саша.—И вы еще можете говорить, что геройства нѣтъ!...

— Удача!

— *Удача!* повторилъ недовольнымъ тономъ Рындинъ: — Суворовъ говорилъ: сегодня счастье, завтра счастье, надо когда-нибудь и умѣнье...

— Кому мать, кому мачиха, договорилъ, не отвѣчая на его возраженіе, командоръ.

Рындинъ въ свою очередь не слушалъ его.

— А я хочу быть такимъ же героемъ, какъ папа, котораго вся русская армія, вся Россія знаетъ, который въ исторію попалъ,—въ исторію *Двѣнадцатаго* года, Степанъ Парѳенычъ! восторженно примолвилъ онъ.—Меня убьютъ, или, повѣрьте, и я заслужу, какъ онъ, Георгіевскій крестъ, спасая отечество!...

— Можно, только-бъ случай вышелъ, подтвердилъ одобрительно маіоръ,—и въ этихъ словахъ его слышалось, что онъ дѣйствительно вѣрилъ въ то, что такой человѣкъ, какъ Саша Рындинъ, заслужитъ Георгіевскій крестъ или будетъ убитъ.

— Какъ не быть случаю! самоувѣренно сказалъ тотъ.

— Н-ну! сомнительно промурлыкнулъ маіоръ.

— Что ну?

— Кто къ намъ теперь къ чорту полѣзетъ! объяснилъ онъ.

— Послѣ Парижа! горделивымъ голосомъ воскликнулъ Рындинъ.—Еще бы!... Только неужели вы думаете, что по выходѣ въ офицеры я останусь киснуть въ гвардіи, тянуть тамъ носокъ на парадѣ? Шалишь! У меня давно въ головѣ планъ сдѣланъ, и, я знаю, папа будетъ не прочь,—какъ произведутъ, я тотчасъ же перейду поручикомъ на Кавказъ....

— Лихо! отозвался командоръ.

Саша Рындинъ всталъ, поднялъ голову.

— Ночь какая славная!... Вообразите себѣ, Степанъ Парѳенычъ, въ такую ночь экспедицію на Кавказѣ,—я все теперь знаю, баронъ Фельзенъ мнѣ подробно все разсказывалъ.... Вообразите,—дикое, узкое ущелье, и лѣпятся по немъ солдатики наши, одинъ за другимъ, никто не смѣетъ слова промолвить, строгій приказъ,—штыки припрятаны, чтобъ не блестѣли при мѣсяцѣ, кругомъ все горы, только небо да звѣзды сверху видно.... И вотъ до хребта добрались благополучно, перевалили,—а тамъ въ долинѣ аулъ, черкесы, завалы... Урра! наши кидаются на завалъ, черкесы оттуда отвѣчаютъ убійственнымъ огнемъ.... Но вдругъ во флангѣ ихъ появляется другая наша колонна, врагъ бѣжитъ, мы врываемся въ аулъ,— и все гибнетъ подъ нашими ударами.

— За что? прервалъ его вдругъ тихій голосъ, голосъ Васи,—это онъ сидѣлъ тамъ, подъ деревомъ, въ бѣломъ жилетѣ.

— Какъ за что? гнѣвно крикнулъ Рындинъ, прерванный на самомъ торжественномъ мѣстѣ своей фантазіи.

— За то, что они спасаютъ свое отечество, какъ ты свое хочешь спасать? такъ же тихо отвѣтилъ Вася.

— Н-ну! неодобрительно пробурчалъ опять маіоръ.

— Какъ же ты можешь такъ глупо разсуждать? И Саша кинулся, размахивая руками, къ Васѣ.—Вѣдь они хищники, разбойники, которые живутъ грабежемъ нашихъ, *русскихъ* областей! Развѣ мы можемъ допускать это?

— Не допускайте ихъ грабить у насъ, а если вы отправляетесь къ нимъ—*губить* ихъ, вы такіе же злые хищники, какъ они...

— Знаешь, Вася, сказалъ рѣзко Рындинъ,—еслибы ты не былъ мой двоюродный братъ, я подумалъ бы, что ты жидъ какой-нибудь, у котораго нѣтъ отечества, и потому ему всѣ народы равны. Въ тебѣ *русской жилки* нѣтъ совсѣмъ.... И это потому, что тебя по Нѣмечинѣ слишкомъ долго таскали,— вотъ что! докончилъ онъ, и быстрыми шагами отошелъ отъ него.

Я былъ ужасно оскорбленъ за моего *друга* и соскочилъ

съ мѣста, съ намѣреніемъ вызвать Сашу на споръ уже со мною, въ защиту Васи. Но я не успѣлъ: съ звонкимъ говоромъ и смѣхомъ высыпала въ эту минуту изъ гостиной на террасу длинная вереница танцующихъ, подъ предводительствомъ Трухачева,—онъ придумалъ закончить шестую фигуру кадрили прогулкой по саду....

— Погодите, погодите! слышенъ былъ за ними покатистый хохотъ Ѳомы Богдановича.—Жидовскій шлюбъ (свадьбу) заразъ устроимъ!

Пары остановились на мгновеніе. Дарья Павловна, стоявшая впереди съ Трухачевымъ, обвела глаза кругомъ и увидѣла Сашу.

— Александръ Иванычъ, крикнула она,—вы не танцуете, какой срамъ! Я папашѣ вашему пожалуюсь...

— У мень дамы нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— Такой душка, какъ вы, и чтобъ у васъ дамы не было! Хотите со мной, я васъ приглашаю?..

— А меня ужь не нужно? встревоженно и плачевно вскрикнулъ Трухачевъ.

— И васъ нужно, и Александра Иваныча нужно, заливалась она смѣхомъ, какъ ребенокъ.—У меня будутъ два кавалера. Я не храбрая, а вы, Богъ васъ знаетъ, въ какую темноту заведете насъ, — такъ мнѣ двухъ нужно, чтобы волки меня не съѣли.

— Веду, веду! послышался снова крикъ Ѳомы Богдановича. Онъ выскочилъ на террасу: за нимъ бѣжали четыре музыканта со скрипками.

— Скрипицы впередъ ступай, скомандовалъ онъ,—да *вай-вай* вальса пили!

Музыканты стали во главѣ танцующихъ и заиграли весьма извѣстный въ нашемъ околодкѣ вальсъ на еврейскій мотивъ, „вай-вай вальсъ“, какъ называлъ его Ѳома Богдановичъ. Двадцать лѣтъ спустя, слушая въ первый разъ *Гугенотовъ* Мейербера, мнѣ вспомнился этотъ мотивъ, несомнѣнный первообразъ начала знаменитаго дуэта Рауля и Валентины въ 4-мъ дѣйствіи...

Дарья Павловна, не покидая руки Трухачева, подхватила

другою Сашу Рындина. Подпрыгивая и спѣша, исчезали одна за другою пары во мракѣ большой аллеи. Въ самомъ хвостѣ ихъ шли Фельзенъ и Любовь Петровна, укутанная въ свой бѣлый бурнусъ. Они казались непричастны общему веселому расположенію и двигались безъ улыбки и безъ словъ, не подымая глазъ другъ на друга...

Терраса опустѣла. Вася исчезъ; даже командоръ убралъ куда-то свои длинныя ноги.

— Вася! крикнулъ я.

Отвѣта не послѣдовало. Куда онъ ушелъ? Я отправился въ садъ, въ надеждѣ встрѣтиться съ нимъ.

Едва слышенъ былъ звукъ скрипокъ. Бѣлыя женскія платья, при слабомъ мерцаніи звѣздъ, походили издали на легкіе клубы тумана, волновавшіеся надъ землей. И тѣхъ уже не видно стало. Ночь ушла снова въ свое торжественное безмолвіе. И такъ примирительно вѣяло отъ этой тишины ея!... Мнѣ захотѣлось вдругъ заплакать, тихими, долгими слезами заплакать, и не оттого, что я такъ „грѣшенъ" былъ сейчасъ, когда обнималъ въ кадрили Васину мать, — я какъ бы уже совсѣмъ успѣлъ позабыть объ этомъ, — а потому, что я теперь здѣсь одинъ, какъ въ пустынѣ, и такъ чудно тиха и тепла ночь, и свѣжій воздухъ такъ сладко льется въ грудь, и сквозь недвижные листья съ недосягаемаго неба глядятъ на меня эти зоркія и непостижимыя *Божьи очи*...

— Вася! позвалъ я снова.

Отвѣта опять нѣтъ, — но мнѣ показалось, что гдѣ-то невдалекѣ кто-то перебѣжалъ по травѣ въ кленовую аллею.

— Зачѣмъ ты отъ меня прячешься, Вася? И я направился ощупью,—подъ деревьями было темно, какъ въ погребѣ,—по тому же направленію.

Но и тутъ не было никого.

— Ну, и Богъ съ тобою! сказалъ я громко, не безъ досады,—и пошелъ прямо.

На встрѣчу мнѣ понеслись опять музыка и смѣхъ: кадриль, предшествуемая скрипачами, возвращалась въ домъ по кленовой аллеѣ. Я свернулъ за дерево, чтобы дать ей мѣсто. Словно легкіе, веселые призраки замелькали предо мною, —

слышны были звуки, шаги и голоса, и никого въ лицо узнать нельзя...

— Вотъ ужасы! Темь какая! Куда это вы насъ завели? звонко восклицала Дарья Павловна.

— Во адъ кромѣшный! діаконскимъ басомъ, отвѣчалъ ей кто-то сзади,—и смѣхъ перекатывался эхомъ по всему длинному ряду паръ.

— Нѣтъ, вотъ у насъ въ Смольномъ, пищала Angèle, — пойти ночью въ *берлогу*—вотъ страхъ!..

— Въ *берлогу*? повторилъ за ней насмѣшливый мужской голосъ:—развѣ у васъ въ Смольномъ медвѣди водятся?

— Ахъ, пожалуйста! обидчиво крикнула Angèle,—у насъ тамъ одинъ корридоръ такъ называется.

— Ахъ, ахъ, спасите! завопила дама въ послѣднихъ рядахъ.

Произошло какое-то смятеніе, остановка.

— Что съ вами? Что случилось? сыпались встревоженно вопросы.

— Лягушка мнѣ на ногу вскочила... я сквозь чулокъ почувствовала...

— И соскочила? сострилъ кто-то.

— Д-да, кажется, трепетнымъ голосомъ отвѣчала трусиха.

— Молодецъ лягушка, видно, въ свѣтѣ жила, отпустилъ тотъ же острякъ.

Новый взрывъ смѣха,—и отставшія пары побѣжали догонять переднихъ.

Одна, послѣдняя, не поспѣшила за другими. Она подвигалась не торопясь и вела тихій разговоръ; нѣсколько словъ долетѣли до меня:

— Что я выстрадалъ! говорилъ Фельзенъ.

— А я!.. точно вырвалось изъ устъ Любови Петровны.

Онъ что-то неслышно прошепталъ во мракѣ... Я могъ почти дотронуться до нихъ рукой... Я едва дышалъ... Шаги замедлились, стали,—на мигъ все замерло,—въ нѣмомъ воздухѣ пронесся какой-то мягкій звукъ, словно взмахъ птичьяго крыла,—и тотчасъ вслѣдъ затѣмъ послышался перепуганный шепотъ.

— Au nom du ciel, laissez moi... Rejoignons les autres...

И песокъ снова заскрипѣлъ подъ ногами быстро удалявшихся счастливцевъ.

Я упалъ въ траву и разрыдался какъ сумасшедшій...

Строгіе, проницательные глаза maman точно блеснули въ темнотѣ предо мною. О, что сказала бы она, увидѣвъ меня въ этомъ положеніи! И чего я хочу, чего плачу? Какое мнѣ дѣло до того, кого *она* любитъ, кому дозволяетъ цѣловать себя... Я бы долженъ былъ горѣть отъ стыда за нее, за *Васину мать*... а я я, несчастный,—я завидую тому, кто...

Я вскочилъ, словно какая-то пружина заставила меня вскочить, словно какая-то сила извнѣ осушила мнѣ вѣки и внушила внезапное рѣшеніе.—Она же увидитъ, что это мнѣ все равно! громко вскрикнулъ я.

Въ это самое время явственно послышались шаги кого-то шедшаго по аллеѣ въ мою сторону.

— Кто тамъ? крикнулъ я въ перепугѣ.—Что, если подслушали мои слова! подумалъ я съ ужасомъ.

— Я, отвѣчалъ слишкомъ знакомый голосъ...

— Это ты, Вася? едва былъ я въ силахъ проговорить засохшимъ языкомъ.

— Я, я... Или ты испугался?

Онъ подошелъ ближе.

— Нѣтъ... но откуда ты?

— Изъ сада,—я гулялъ въ сиреневой аллеѣ, примолвилъ онъ съ какою-то, показалось мнѣ, не совсѣмъ естественною поспѣшностью.

— Боже мой, неужели онъ былъ здѣсь и слышалъ, какъ я!...

— Отчего ты мнѣ не откликнулся, когда я звалъ тебя? спросилъ я его.

— Когда это? какъ бы съ удивленіемъ спросилъ онъ въ свою очередь.

— Да вотъ, сейчасъ... недавно... предъ тѣмъ, какъ прошла кадриль. Вѣдь ты встрѣтился съ нею?

— Да, они сейчасъ прошли, сказалъ онъ, не отвѣчая прямо на мой вопросъ,—я видѣлъ... оттуда, неопредѣленно примолвилъ онъ,—я только сейчасъ повернулъ...

— Хочешь погулять, Вася?

— Нѣтъ, съ меня будетъ, сухо отвѣчалъ онъ,—я къ себѣ пойду.

— Такъ и я съ тобой.

— Нѣтъ, пожалуйста, какимъ-то раздраженнымъ тономъ отказалъ онъ. Дядя обо мнѣ не подумаетъ, онъ знаетъ, что я бука,—а замѣтитъ, что тебя нѣтъ на его балѣ, непремѣнно прискочитъ къ намъ наверхъ, нашумитъ, накричитъ—и отца моего разбудитъ.

Вася никогда не звалъ Герасима Ивановича иначе, какъ „папа". Мнѣ показалось страннымъ употребленное имъ теперь выраженіе; говоря „*моего отца*", онъ какъ бы невольно усиливалъ изъявленіе своей нѣжности къ нему, будто болѣе, чѣмъ когда-нибудь, въ эту минуту ощущалъ эту нѣжность къ немощному гдѣ-то въ углу этого ликующаго дома, отцу своему...

Мы пошли молча, рядомъ.

— Я былъ на террасѣ, когда ты съ Сашей о черкесахъ спорилъ, сказалъ я ему,—только ты, кажется, меня не замѣтилъ.

— Не помню, отвѣтилъ онъ разсѣянно.

— Я хотѣлъ непремѣнно побраниться за тебя съ Сашей. Какъ онъ смѣетъ говорить, что у тебя *русской жилки* нѣтъ!

— Онъ правъ, сказалъ неожиданно Вася.

— Какъ правъ?

— У меня никакой *жилки* нѣтъ, — я это самъ знаю. Я самъ понимаю, что я не какъ всѣ люди...

— Отчего же это, Вася?...

Мы выходили изъ аллеи, и яркое освѣщеніе било намъ изъ окна прямо въ глаза. Я воспользовался этою первою возможностью взглянуть въ лицо моего друга.

Но онъ тотчасъ же отвернулъ его и круто повернулъ въ сторону, по направленію флигеля.

— Ты не забылъ, что ночуешь сегодня у меня, Борисъ? громко проговорилъ онъ на ходу.—Пожалуста не шуми, когда вернешься.

Я вздохнулъ, постоялъ нѣкоторое время въ раздумьи на самой чертѣ, отдѣлявшей темень сада освѣщенной огнями дома террасы, — и отправился опять въ эту темень, въ опустѣвшій садъ.

XXVIII.

Уже въ полномъ разгарѣ была мазурка, когда я вернулся на балъ. Ее велъ Трухачевъ, танцовавшій съ Любовью Петровной. Рядомъ съ ними сидѣла, помахивая вѣеромъ, молодая хозяйка; кавалеромъ ея былъ старикъ Опицкій, и по надутымъ губкамъ Галечки можно было предположить, что ей не очень льстило танцовать со старикомъ, а главное съ арендаторомъ ея отца, то-есть „почти съ управителемъ", какъ выразилась она однажды при мнѣ.

А между тѣмъ сѣдой наполеоновскій воинъ былъ лучшій мазуристъ всего общества. Надо было видѣть, съ какою щеголеватою удалью проходилъ онъ по залѣ, въ своей шитой по всѣмъ швамъ синей венгеркѣ и гусарскихъ сапожкахъ, лихо постукивая каблуками и шевеля широкимъ плечомъ, какъ ловко перебрасывалъ онъ даму съ правой руки на лѣвое плечо свое и, подхвативъ ее, отчаянно закидывалъ голову назадъ, будто говорилъ: а попробуй кто-нибудь отнять ее у меня! — и вертѣлъ ее вокругъ себя въ какомъ-то бѣшеномъ вихрѣ. Каждый разъ послѣ этого по всему кругу танцующихъ пробѣгалъ одобрительный смѣхъ, слышались рукоплесканія и громкое *браво*. Молодые офицеры видимо подлаживались подъ него и старались уловить тайну неподражаемыхъ колѣнъ, выдѣлываемыхъ, словно по вдохновенію, его еще удивительно крѣпкими и ловкими ногами. Дамы безпрестанно выбирали его, и старикъ, сдѣлавъ съ ними туръ или два, возвращался на мѣсто, обмахиваясь краснымъ фуляромъ, и опять начиналъ пѣть какія-то любезности Галечкѣ, глядя на нее съ осо-

бенно почтительнымъ, заискивающимъ, почти подобострастнымъ видомъ, странно противорѣчившимъ той молодцевато-гордой осанкѣ, съ которою онъ только-что прошелся въ мазуркѣ... Дарья Павловна съ Фельзеномъ сидѣли, затерявшись въ числѣ прочихъ танцующихъ, на противоположномъ концѣ залы.

Среди общаго движенія танца то-и-дѣло мелькала юркая и назойливая фигура Булкенфресса. То попадаясь на встрѣчу быстро несшейся парѣ и безцеремонно откидываемый въ сторону нетерпѣливою рукой кавалера, то наступая на платья дамъ, взвизгивавшихъ и чуть не со слезами кричавшихъ на него: *противный!* — онъ безпрестанно перебѣгалъ съ одного конца залы на другой. Прибѣжитъ, усядется за спиной Любови Петровны, къ видимому неудовольствію Трухачева, и заболтаетъ, размахивая руками и откидывая кончикомъ носа кверху спадавшія съ этого неудобнаго носа очки. Она, не поворачивая головы, слегка сдвинувъ брови и безъ улыбки, слушаетъ его, едва отвѣчая. Онъ вскочитъ, перебѣжитъ къ Фельзену, и тамъ повторяется то же. Гусаръ хмурится еще болѣе, чѣмъ Любовь Петровна. — Wollen Sie doch endlich ruhig bleiben! говорилъ онъ ему уже болѣе гнѣвнымъ, чѣмъ шутливымъ образомъ, въ то самое время, когда я усаживался за стуломъ Саши Рындина, котораго Дарья Павловна, какъ оказывалось, заставила танцовать съ Angèle и помѣстила рядомъ съ собою.

Булкенфрессъ взглянулъ на барона исподлобья; недобрая, пронзительная какая-то улыбка скользнула по его тонкимъ губамъ,—онъ видимо готовился отвѣчать какимъ-нибудь ѣдкимъ словомъ, но не сказалъ этого слова и съ притворнымъ равнодушіемъ откинулся въ спинку своего кресла.

— Я еще въ Смольномъ всѣ гвардейскіе мундиры знала, объясняла тѣмъ временемъ Сашѣ дѣвица Angèle.

— А уроки свои знали? бухнулъ ей въ отвѣтъ свирѣпо глядѣвшій на ея безбровое и зеленоватое лицо Саша.

— Кому можно вѣрить въ нашъ вѣкъ? говорила въ свою очередь Фельзену Дарья Павловна, вздыхая далеко не печальнымъ вздохомъ.

— Вы это справедливо сказали, m-me фонъ-Дорошенко, вмѣшался въ разговоръ Булкенфрессъ, наклоняясь сзади къ ея стулу,—правда въ нашъ вѣкъ пропалъ...

— Это вы лучше всего своимъ примѣромъ доказываете, съ громкимъ смѣхомъ и очень мило, какъ-то приподнимая свои круглыя плечи, обернулась она къ нему. — Вообразите себѣ, баронъ, онъ предо мною такъ и разсыпается, а за глаза называетъ меня провинціальною Аспазіей. Я даже не знала, что это значитъ,—мужъ ужь мнѣ сказалъ, что это была, кажется, одна греческая наѣздница...

Булкенфрессъ покраснѣлъ какъ ракъ...

— O Gott! das ist doch infam! колотя себя въ грудь кулакомъ, оправдывался онъ. — Я шестный нѣмецъ, che (je) n'ai jamais dite que vous étiez une наѣздница.

Молоденькая жена уѣзднаго судьи подошла въ эту минуту къ Фельзену, держа за руку уже выбраннаго ею кавалера, помѣщика среднихъ лѣтъ, подвитаго à la mougik, въ синихъ очкахъ и атласномъ бѣломъ галстукѣ и съ брюшкомъ, не уступавшимъ брюшку Ѳомы Богдановича, но съ выраженіемъ лица не только глубокомысленнымъ, но даже *фатальнымъ*.

Фельзенъ учтиво вскочилъ и взялъ робко протягивавшуюся къ нему руку судейши.

— Vos qualités? спросила она его басомъ, напоминая въ то же время смущеніемъ всей своей особы оконфуженнаго цыпленка.

— Греческая наѣздница, отвѣчалъ гусаръ, улыбаясь по адресу румяной дамы.

— *Et vos* (то-есть, *ваши* качества?), тѣмъ же басомъ вопросила судейша приведеннаго ею кавалера.

Тотъ подумалъ, подумалъ...

— Твердый малороссіянинъ! неожиданною фистулой объявилъ онъ себя и, повернувшись на высокихъ каблукахъ, побрелъ, увлекаемый робкою судейшей.

Дарья Павловна, какъ закрылась платкомъ, такъ и не въ силахъ уже была отнять его отъ задыхавшагося смѣхомъ лица своего...

Я пошелъ бродить по комнатамъ. Вся эта веселость, музыка,

топотъ не въ состояніи были развлечь меня,—они, напротивъ, навели на меня какъ бы еще большую тоску. Я чувствовалъ что-то похожее на то, какъ если бы тебѣ къ ногамъ привязали пудъ свинца и сказали бы: ну, а теперь поди-ка, попляши! И ни на чемъ не могла остановиться мысль: Вася, мать его, баронъ Фельзенъ, Саша,—все путалось въ моей головѣ; точно облака, гонимыя вѣтромъ, проносились въ ней то тѣ, то другія неясныя черты, безтолковые обрывки фразъ,—безсвязно ныло что-то на сердцѣ тоскливое, противное, давящее. Скверно мнѣ было...

Въ гостиной разставлены были карточные столики. Немилосердо стучали по нимъ костлявыя руки играющихъ. Болѣе всѣхъ горячился генералъ Рындинъ; онъ игралъ въ преферансъ съ Ѳомой Богдановичемъ и старикомъ Золоторенко, которому везло „воловье счастье", какъ выражался генералъ, злобно фыркавшій и придиравшійся къ нему чуть не за каждую взятку. Бѣдный хозяинъ былъ въ отчаяніи: умоляющими глазами глядѣлъ онъ на сосѣда-пріятеля: — поудержи-молъ свою прыть хотя крошечку! — и великодушно самъ ставилъ ремизъ за ремизомъ. Но ничто не помогало; генералу шли однѣ семерки, да девятки, а Золоторенко, ни разу не отрывая глазъ отъ своихъ картъ, свирѣпо забиралъ одинъ за другимъ и его и Ѳомы Богдановича ремизы, обтирая лишь, въ интервалѣ сдачъ, свою отъ удовольствія ужасно потѣвшую, четвероугольную и лысую, какъ колѣно, голову. Петя, сидѣвшій, по обыкновенію, подлѣ отца, вытаскивалъ для этого каждый разъ изъ кармана его фрака огромнѣйшій фуляръ и засовывалъ его туда обратно, по минованіи надобности. Родитель его, когда сдавалъ, муслилъ большой палецъ правой руки толстымъ языкомъ своимъ, а затѣмъ языкъ этотъ такъ и оставлялъ высунутымъ въ углу рта на все время сдачи; эта невинная привычка выводила, видимо, изъ себя проигрывавшаго генерала:

— Послушайте, почтеннѣйшій, брякнулъ онъ ему наконецъ,—вѣдь я не докторъ!

Золоторенко передернулъ бровями и полѣзъ за прикупкой.

— Пантелей Савичъ, растерявшись крикнулъ Ѳома Богда-

новичъ, перекидываясь къ сосѣду и заглядывая ему въ глаза,— слышишь?

— Да, гм... промычалъ на это сосѣдъ, скидывая двѣ карты.

— Онъ знаетъ! успокоительно закивалъ Ѳома Богдановичъ генералу.

— Такъ для чего-жь тогда, гаркнулъ тотъ опять, — для чего же вы мнѣ вашъ языкъ показываете?

Старикъ Золоторенко прижалъ карты къ груди, поднялъ голову, поглядывая на вопрошавшаго,—и объявилъ девять безъ козырей.

— Тьфу! плюнулъ генералъ, швыряя карты свои на столъ.—Какъ сквозь строй прогналъ! Я дѣлюсь!...

Сосѣдъ уложилъ бережно въ портфель проигранныя ему ассигнаціи, а два серебряные рубля, тутъ же случившіеся, сунулъ Петѣ, съ краткимъ объясненіемъ:

— На граматыку просилъ!...

— Ариѳметикѣ самъ выучитъ! желчнымъ смѣхомъ захохоталъ генералъ, кивая Петѣ на почтеннаго его батюшку.

И съ запорхавшимъ тотчасъ же на прыткихъ своихъ ножкахъ Ѳомой Богдановичемъ онъ направился въ бальную залу.

А на сердцѣ у меня ноетъ все та же тоска, та же неодолимая тяжесть пригибаетъ меня, словно огромный мѣдный колоколъ на меня опустили...

— Вася, должно быть, давно уже спитъ. Отправлюсь и я,—что мнѣ здѣсь дѣлать!

Надо было опять проходить черезъ залу, мимо генерала и Ѳомы Богдановича, остановившихся у самыхъ дверей, за креслами Любови Петровны. Ее только-что примчалъ къ мѣсту баронъ Фельзенъ и почтительно раскланивался предъ ней...

— Баронъ, а каковъ баликъ? обратился къ нему генералъ, обнимая взглядомъ эту сіявшую огнями залу, съ гремящимъ оркестромъ на хорахъ и оживленною толпой танцующихъ.—Хоть-бы въ Петербургѣ, а?

— А не дай Боже,—гдѣ-жь намъ до столицы? воскликнулъ, чуть не вспрыгнувъ съ радости, Ѳома Богдановичъ и кинулся обнимать его превосходительство.

— И я осмѣлюсь повторить: „не дай Боже!“ сказалъ улыбаясь Фельзенъ, — потому что въ Петербургѣ этотъ балъ конечно на половину не былъ бы такъ веселъ.

— А, такъ, такъ! еще радостнѣе возгласилъ хозяинъ и кинулся обнимать барона.

Но тотъ успѣлъ ускользнуть во-время....

— Праздникъ вашъ, дѣйствительно, прелесть, дядюшка, обернулась къ нему Любовь Петровна.

Никогда не забуду я ея лица въ это мгновеніе: ничего загадочнаго, русалочнаго не оставалось уже на немъ; никогда еще такою сіяющею улыбкой не улыбались эти раскрытыя, влажныя ея губы. Это было счастливое, почти надменное отъ счастія лицо!...

Необычайное выраженіе его поразило не одного меня.

— Давно-съ, давно-съ, сестрица, не видалъ я васъ такою живою и прекрасною, галантерейно отпустилъ ей генералъ, видимо любуясь ея красотой.

Она не отвѣчала и только глянула на него снизу вверхъ, откинувши свою увѣнчанную лиліями прелестную голову на спинку кресла. „Вы правы“, говорилъ этотъ блаженный взглядъ.

Генералъ, широко улыбаясь, наклонился надъ ея кресломъ.

— Жить, сестрица, значитъ, еще можно?

— Должно! проговорила она, смѣясь; но въ звукѣ ея голоса было что-то болѣе чѣмъ веселый отвѣтъ на шутливый вопросъ генерала.—On ne vit qu'une fois, примолвила она и обернулась къ Трухачеву:

— Намъ начинать, кажется? Велите вальсъ играть...

Она отправилась выбирать кавалеровъ.

— А такъ, такъ, гоготалъ ей вслѣдъ Ѳома Богдановичъ,— треба жить поки живется и пить поки...

Я не слушалъ уже далѣе и за его спиной сталъ осторожно выбираться изъ залы. Я успѣлъ уйти въ другія двери незамѣченный имъ и въ три прыжка очутился въ верхнемъ этажѣ. Максимычъ ждалъ меня въ корридорѣ, на порогѣ Васиной комнаты.

— Шш! шикнулъ онъ на *Сильву*, бывшую съ нимъ и

радостно при видѣ меня застучавшую было хвостомъ по ножкѣ стула, на которомъ онъ сидѣлъ. — Вы тише входите, угрюмо шепнулъ онъ, поднося бережно руку къ замку двери.

— А Вася спитъ?

— Только сейчасъ заснули.

— Онъ у Герасима Иваныча сидѣлъ?

— Нѣтъ,—тамъ Савелій сидитъ. Они давно спятъ.

— А Вася что же дѣлалъ?

Еще угрюмѣе взглянулъ на меня Максимычъ, словно провинился я чѣмъ-нибудь.

— Лежали въ постелькѣ да плакали. Вотъ что дѣлали, пояснилъ Максимычъ и даже отвернулся отъ меня.

— Плакалъ? воскликнулъ я, чувствуя, что у самого меня мгновенно подступили слезы къ горлу.

— А то не плакать?... Чувствительность также имѣютъ... пробормоталъ несвязно Максимычъ, налегая на замокъ и тихо отводя дверь, чтобы дать мнѣ пройти.

Что хотѣлъ онъ сказать этимъ, и что могъ знать онъ о причинѣ слезъ Васи,—я не спрашивалъ. Да едва-ли и отвѣтилъ бы мнѣ на такой вопросъ суровый дядька мой.

Но когда при свѣтѣ внесенной имъ свѣчи, которую Максимычъ тотчасъ же и загородилъ рукой отъ спящаго, я увидѣлъ Васю, — онъ лежалъ въ постели лицомъ къ стѣнѣ, натянувъ одѣяло поверхъ самой головы, и только одна выбившаяся изъ-подъ него прядь длинныхъ его волосъ свивалась кольцомъ на бѣломъ полотнѣ его подушки,—когда подъ этимъ одѣяломъ я различилъ его тонкіе члены, съеженные и подобранные имъ, точно весь онъ хотѣлъ уйти въ себя, какъ бѣдная улитка въ свою хрупкую келейку,—я уже не сомнѣвался: Вася былъ тамъ, въ аллеѣ, онъ *все* слышалъ, какъ я... И не успѣлъ еще разуть меня Максимычъ, какъ самъ я, повалившись на мою кровать лицомъ къ стѣнѣ и забившись въ подушки, чтобы не слышалъ Вася, рыдалъ новыми, иными, еще болѣе горькими, но болѣе чистыми слезами, чѣмъ тамъ, въ саду, въ этомъ „проклятомъ“ саду...

— А суровый дядька мой, стаскивая съ ногъ моихъ чулки,

бормоталъ между тѣмъ своимъ страннымъ, глухимъ и грубымъ шепотомъ:

— Блаженни плачущіе, яко тіи утѣшатся... Помочи отстегните!... На соблазнъ одинъ дѣтей сюда отпустили... Завтра я васъ будить не стану, сами встанете... даже подушку ишь перекрестить забыли...

Онъ покрылъ меня одѣяломъ, заботливо заткнувъ конецъ его подъ тюфякъ, и заскорузлые его пальцы съ сизыми старческими ногтями, слегка задѣвъ меня за щеку, потянулись къ моей подушкѣ:

— Во имя Отца и Сына и...

Слезы мои еще не успѣли высохнуть, какъ я уже спалъ мертвымъ сномъ...

XXIX.

Еще цѣлыхъ три дня продолжался праздникъ въ Богдановскомъ. Щедрою рукой во всѣхъ видахъ сыпалъ удовольствія Ѳома Богдановичъ гостямъ своимъ: онъ ихъ возилъ утромъ въ экипажахъ завтракать въ лѣсъ, за десять верстъ отъ села; вечеромъ угощалъ прогулкой по озеру въ большой, устланной коврами лодкѣ, въ которой пили чай при свѣтѣ безчисленныхъ цвѣтныхъ фонарей. Неизбѣжные пѣвчіе пѣли утромъ въ лѣсу, пѣли вечеромъ въ лодкѣ, пѣли послѣ обѣда на террасѣ, пѣли до сипоты, до потери голоса, до того, что Богунъ разбранился наконецъ со своимъ паномъ и, купно со всѣми басами своего хора, напился съ досады пьянъ до безчувствія. Капельмейстеръ князя Пузины спасъ Ѳому Богдановича отъ печальныхъ послѣдствій гнѣва и отчаянія, въ которыя ввергъ злополучнаго помѣщика такой ужасный поступокъ со стороны коварнаго Богуна: онъ согласился, за большія деньги, остаться съ оркестромъ на лишній день въ Богдановскомъ. Ѳома Богдановичъ расцвѣлъ душой снова, а молодому большинству его гостей приходилось даже гораздо болѣе по душѣ инструментальная, чѣмъ вокальная музыка. Подъ веселые звуки ея расходившаяся молодежь плясала съ утра до вечера. „И во снѣ такой чудесной жизни не бываетъ, какъ у васъ въ дѣйствительности!“ восклицало восторженное „офицерство“, качая на рукахъ умиленнаго и счастливаго хозяина, послѣ каждаго обѣда и ужина...

„Артиллерія“ только не оправдала его надеждъ. Ея „полированные“ и „ученые“ представители оказались черезчуръ

уже полированными и учеными: они вскакивали съ мѣстъ, краснѣли и смущались заранѣе, едва достигало до чуткаго ихъ слуха шуршанье женскаго платья, — за то танцовали плохо, или и вовсе не танцовали, держались особнячкомъ и „занимать“ прекрасный полъ „пріятнымъ разговоромъ“ оказались окончательно неспособными. Гусары безъ труда оттерли ихъ отъ всѣхъ мѣстныхъ „очаровательницъ“, — и Ѳома Богдановичъ, раздѣляя общее впечатлѣніе, не нашелъ въ возраженіе ни единаго изъ обычныхъ ему горячихъ доводовъ и страстныхъ упрашиваній, когда толстый батарейный командиръ, пыхтя и тяжело шаркая ногой, объявилъ ему, на другой же день послѣ бала, что „пора имъ на службу царскую, восвояси“. Безъ сожалѣнія отпустилъ его Ѳома Богдановичъ со всѣми его офицерами. „Никакого вида не имѣютъ“, выражался онъ о нихъ неодобрительно, „и форма у нихъ *такая-жь брудная* какъ они сами“, — и, проводивъ ихъ до крыльца, тотчасъ же побѣжалъ наверхъ, приказывая людямъ вымести и прибрать оставленную артиллеристами комнату и перенести въ нее вещи барона Фельзена.

Я встрѣтился съ нимъ въ корридорѣ. Фельзенъ догонялъ его.

— Это совершенно безполезно, кричалъ онъ ему,—я послѣ-завтра уѣзжаю; стоитъ-ли перебираться на сутки?

— А тамъ ще побачимъ, какъ вы уѣдете! гоготалъ Ѳома Богдановичъ,—а дорогаго гостя не оставлю жить во флигелѣ съ крысами. Тамъ, о какія крысы ходятъ! отмѣривалъ онъ себѣ пальцами по локоть.

— Тутъ, я помню, кто-то помѣщался, заговорилъ опять гусаръ.

— А вотъ кто съ французомъ жилъ тутъ — Борисъ, о! указывалъ на меня Ѳома Богдановичъ. — А теперь ему еще лучше: съ Васей Лубянскимъ живутъ вмѣстѣ. Правда, лучше тебѣ, Боря? И, не дожидаясь моего отвѣта:—А Герасима моего видѣли?

— Нѣтъ еще... проговорилъ гусаръ.

— Такъ ходимъ, ходимъ до него! Поглядите, какъ онъ у насъ тутъ поправился.

Фельзенъ—я это видѣлъ,—едва могъ совладать съ непріятнымъ впечатлѣніемъ, какое произвело на него это неожиданное имъ предложеніе.

— Не обезпокоимъ-ли мы больнаго? съ замѣшательствомъ проговорилъ онъ, обращаясь болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ Ѳомѣ Богдановичу.

— Я сейчасъ узнаю, поспѣшилъ я отвѣтить и побѣжалъ стремглавъ въ комнату Васи.

Онъ читалъ, уткнувъ голову въ обѣ руки.

— Вася, Вася, Ѳома Богданычъ тащитъ сюда, къ отцу твоему, этого гусара... барона...

— Не пускать его, не надо! съ побагровѣвшимъ лицомъ вскочилъ онъ съ мѣста.

— Поздно, Вася. Слышишь, они ужь вошли въ его комнату... Не пойти-ли намъ туда? Я боюсь, Ѳома Богдановичъ заговоритъ его...

— Ступай... Я не могу, промолвилъ онъ, въ какомъ-то изнеможеніи опускаясь снова на стулъ.

Ѳома Богдановичъ успѣлъ уже усадить Фельзена противъ самаго кресла Герасима Ивановича, и больной глядѣлъ на него пристально своими большими, вопрошающими и глубокими глазами.

Фельзенъ, уже вполнѣ овладѣвшій собою, заботливо разспрашивалъ его о здоровьѣ, сопровождая эти разспросы участливымъ, ласкающимъ взглядомъ. Ѳома Богдановичъ, размахивая коротенькими ручками и прыгая на мѣстѣ, отвѣчалъ за племянника, что онъ теперь здоровъ, какъ волъ, и что одна только лѣнь помѣшала ему вчера танцовать съ нимъ, роднымъ дядей своимъ, Ѳомой Галагаемъ, гопака, какъ „когдась диды ихъ танцовали“.

Онъ добился своего: улыбка скользнула по блѣднымъ губамъ больнаго.

— А вы... *сюда*... на... долго? спросилъ онъ гостя, въ свою очередь.

— И хотѣлъ бы, да не могу: служба одолѣла, эскадронъ, объяснилъ Фельзенъ съ видомъ учтиваго сожалѣнія.

— Вы хотѣли... совсѣмъ... уѣхать?

— Да, признаюсь,—и онъ даже вздохнулъ,—какъ ни полюбилъ я здѣшнюю привольную и гостепріимную сторону, — онъ взглянулъ на Ѳому Богдановича, — но честолюбіе не совсѣмъ еще замерло во мнѣ. Я думалъ, въ Петербургѣ успѣли положить гнѣвъ на милость относительно участниковъ этого несчастнаго поединка, quorum pars *minima* fui, промолвилъ Фельзенъ и самъ какъ-то необыкновенно искренно засмѣялся своему латинскому изреченію.

Герасимъ Ивановичъ тоже улыбнулся: добродушный тонъ Фельзена, его прямо и весело глядѣвшее лицо производили на него видимо хорошее впечатлѣніе; я самъ невольно поддавался обаянію этого необыкновенно близкаго къ правдѣ тона простосердечія и откровенности.

— От-ка-зали? спросилъ его опять больной.

— Отложили, отвѣчалъ гусаръ, полуулыбаясь, полувздыхая, — обѣщали, что „при случаѣ вспомнятъ“: а время уходитъ между тѣмъ, — и я все болѣе и болѣе отстаю отъ товарищей... Вы не служили въ военной службѣ, примолвилъ онъ, какъ бы извиняясь, — вамъ и непонятнымъ, и смѣшнымъ можетъ показаться то, что такъ тяжко переносить нашему брату въ эполетахъ,—именно это сознаніе, что *отсталъ отъ товарищей*.

Герасимъ Ивановичъ сочувственно качнулъ головой.

— Я не для этой дороги готовился... и, можетъ быть, не для нея и рожденъ, какъ бы отвѣчая самому себѣ, съ задумчивымъ медленіемъ продолжалъ Фельзенъ,—но въ Россіи теперь она ведетъ ко всему... И, какъ вѣроятно и заключили уже вы изъ моихъ рѣчей, домолвилъ онъ съ прежнимъ веселымъ видомъ,—я успѣлъ окончательно втянуться и полюбить ее...

— Такъ, такъ! поддакнулъ Ѳома Богдановичъ.

— Терпѣть на-до! сказалъ больной.

— Ждать, по крайней мѣрѣ, терпѣливо въ Юрасовкѣ, пока обо мнѣ „вспомнятъ“.

При словѣ *Юрасовка* Ѳома Богдановичъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, затопалъ ножками и, лукаво подмигивая племяннику на Фельзена, запѣлъ:

А въ мéне чáри, чáри готóвы:
Бíлее лыченько, и чóрни брóвы...

И больной, и гусаръ вопросительно взглянули на него.

— А Юхновка отъ Юрасовки сколько верстъ? обернулся онъ къ Фельзену.

— Не знаю.

— А неправду казали,—знаете! Три! *Пѣшки* въ четверть часа дойдете. А Юхновка чья, знаешь? спросилъ онъ уже Герасима Ивановича.

Тотъ кивнулъ утвердительно головой.

— Дорошенки, договорилъ голосомъ Ѳома Богдановичъ.— А Дорошенкова кто? опять повернулся онъ къ гусару.

— Дарья Павловна, проговорилъ съ запинкой баронъ Фельзенъ и, къ величайшему моему удивленію, даже весьма замѣтно покраснѣлъ.

— Гáнную сéрдце, що-жь ты мíни дала,
Що мене до себе такъ причарувала!...

запѣлъ опять, притоптывая и прищелкивая, бѣдовый Ѳома Богдановичъ.

Широко и свѣтло улыбнулся Герасимъ Ивановичъ; онъ довѣрчиво глянулъ на смутившагося, казалось, гусара и покачалъ головой, въ видѣ шутливаго ему упрека.

— Врѣзался, о до кихъ поръ, объяснялъ Ѳома Богдановичъ, показывая на горло.—Съ того самаго и эскадрона нашего не захотѣлъ брать, а взялъ тотъ, что подъ самою Юхновкой стоитъ; съ того послѣзавтра отсель и ѣхать хотитъ, потому Дорошенкова сама до дому сбирается. А мужъ у нея все въ городѣ, въ опекѣ своей сидитъ, о, — такъ они себѣ вдвоемъ съ барономъ спивать будутъ:

Хочь буду быта, знáтыму за кóго:
Прыстáло сéрденько мóе до твóго ..

И онъ закатился своимъ заливающимся, сообщительнымъ смѣхомъ, къ которому невольно пристали и Герасимъ Ивановичъ, и я, и Савелій, выглядывавшій изъ передней и мгновенно скрывшійся при этомъ за дверью, зажавъ себѣ ротъ ладонью.

— Вы злой насмѣшникъ и клеветникъ, молвилъ Фельзенъ, какъ бы серьезно сердясь сквозь натянутую приличіемъ улыбку, — Дарья Павловна не подлежитъ подобнымъ шуткамъ,—она внушаетъ глубочайшее уваженіе всѣмъ, кто имѣетъ честь ее знать.

— А и слѣдуетъ уважать ее, потому душа-женщина, на рѣдкость жена и мать! горячо вступился за нее и самъ добродушный „насмѣшникъ". — А все-жь вы на то и гусаръ, чтобы „по свиту ходыть, — не одну дивчину зъ розуму зводыть". Ну, а и пора-жь намъ внизъ: сбиралась тамъ молодежь въ жмурки играть... А ты что, Борисъ, сидишь тутъ? словно спохватился онъ и сконфуженно глянулъ на меня.— Лучше-бъ шелъ туда скорѣе, чѣмъ глупыя слова мои здѣсь слухать!

— Я сейчасъ, за вами, Ѳома Богдановичъ.

Фельзенъ сталъ прощаться съ больнымъ.

— Надѣюсь васъ еще увидѣть, сказалъ ему тотъ по-французски и протянулъ свою, уже почти совершенно свободно двигавшуюся теперь, руку.

Въ отборнѣйшихъ выраженіяхъ, на томъ же языкѣ, отвѣчалъ ему баронъ, что не преминетъ воспользоваться его любезнымъ приглашеніемъ и не уѣдетъ изъ Богдановскаго, не простившись съ нимъ.

Они ушли. Я вернулся къ Васѣ.

Онъ сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, опустивъ руки на колѣни и, какъ это часто бывало съ нимъ, совершенно недвижно глядя въ даль, въ открытое окно.

— Ты слышалъ? спросилъ я, садясь подлѣ него.

Онъ кивнулъ головой.

Онъ умѣлъ и твоего отца совершенно „причарувать", какъ пѣлъ сейчасъ Ѳома Богданычъ, заговорилъ я опять, налаживаясь на шутливую интонацію.

Вася долго не отвѣчалъ.

— Лучше это... тихо промолвилъ онъ наконецъ, какъ бы послѣ зрѣлаго обсужденія и не перемѣняя положенія.

„Лучше, чтобъ *онъ* не зналъ того, что мы съ тобой

знаемъ", договорилъ я себѣ внутренно его мысль, „это конечно!"

Голосъ, отъ котораго онъ вдругъ мгновенно вздрогнулъ, какъ вздрагиваетъ листъ осины подъ набѣгающимъ вѣтромъ, голосъ его матери, раздался въ эту минуту въ комнатѣ его отца:

— А гдѣ же Вася?

— Пойдемъ, Вася, *она* тебя зоветъ, надо идти, говорилъ я ему, толкая его.

Онъ торопливо провелъ себѣ рукой по лицу и вышелъ къ ней. Я шелъ за нимъ.

— И Борисъ тутъ? Такъ! засмѣялась она, какъ только увидала меня. Dites-moi, de grâce, что это вы тутъ вѣчно сидите вдвоемъ? Ваши товарищи бѣгаютъ, шалятъ, веселятся,—а они, точно старцы дряхлые, забьются въ уголъ и ихъ не отыщешь. Вчера вечеромъ, вообразите, обернулась она къ мужу,—*нашъ* Орестъ, comme une étoile filante, блеснулъ и исчезъ въ одно мгновеніе, monsieur ne m'a pas donné seulement le temps de me montrer fière d'être sa mère... И, разумѣется, Пиладъ туда же, — только мы ихъ тамъ и видѣли... Ну-съ, а теперь извольте-ка отправиться оба внизъ,— тамъ превесело...

Она говорила спѣшно, отрывисто, съ преувеличенною живостью и какъ-то странно не глядя на Васю, будто съ перваго же раза, когда онъ подошелъ поцѣловать ей руку, она чутьемъ какимъ-то догадалась, что не слѣдуетъ ей встрѣчаться глазами съ сыномъ, что не выдержитъ она взгляда его строгихъ и печальныхъ глазъ.

— Я съ папа... началъ-было Вася.

— Я и пришла, чтобы посидѣть съ *папа*, нетерпѣливо проговорила она,—а тебя прошу идти внизъ, ко всѣмъ, и не глядѣть такимъ букой.

„Знаетъ кошка, чье мясо съѣла!" подумалъ я, чуть не со злобой взглянувъ на нее. „Она насъ оттого и гонитъ поскорѣе внизъ, что она это знаетъ, и ей неловко съ нами".

— Идите, идите! проговорилъ, въ свою очередь, Герасимъ Ивановичъ...

Онъ глядѣлъ на „коварную“ — такъ я уже называлъ ее мысленно, — какимъ-то пытующе-восхищеннымъ взглядомъ, словно недоумѣвая, безмѣрно-ли радоваться ему или скорбѣть этому неожиданному, никогда еще до сихъ поръ не выражавшемуся ею желанію остаться съ нимъ вдвоемъ наединѣ...

Мы повиновались и отправились внизъ, въ большую залу, гдѣ, вслѣдъ за жмурками, послѣдовали танцы, подъ звуки струннаго квартета, въ ожиданіи имѣвшаго возобновиться вечеромъ бала со всѣмъ оркестромъ. Ѳома Богдановичъ, на сей разъ, заставилъ всѣхъ насъ, юношей и юницъ, плясать безъ перерыва вплодь до самаго обѣда. Любовь Петровна не возвращалась. Анна Васильевна, и та куда-то словно провалилась съ самой минуты „сюрприза“, то-есть появленія Фельзена вчера во время польскаго; на наши спросы о ней намъ отвѣчали, что она сегодня съ утра съ „мальчуганами“ и не танцующими дѣвочками сидитъ и въ фанты играетъ въ Галечкиномъ апартаментѣ. Галечка, на полной своей волюшкѣ, кокетничала, насколько лишь дозволяло ей врожденное ей чувство мѣры, съ благовоспитаннымъ и изящнымъ барономъ Фельзеномъ, съ „cet homme de si bonne compagnie“, какъ чопорно выражалась она,—и, видимо, старалась *отбить* его у Дарьи Павловны. Но усилія ея оказывались тщетными: баронъ не отставалъ отъ болѣе чѣмъ когда-либо румяной, торжествовавшей въ своемъ ребяческомъ тщеславіи, дамы. Она, дѣйствительно, дѣлалась предметомъ вниманія всего общества.

— Dites donc, спросилъ пріятеля своего Булкенфресса m-r Керети, съ которымъ мы почти сутки не видались и который, увидѣвъ меня въ кадрили съ Angèle, подошелъ ко мнѣ смѣясь, pour me donner un petit bonjour en passant, и тутъ и остался по близости,—dites donc, votre don-Juan aurait-il déjà passé d'Elvire à Zerline?

— Peuh!... слегка засвисталъ музыкантъ.

— Que voulez vous dire?

— Di-plo-ma-tie! по складамъ прошепталъ тотъ довольно слышно.

— Ecoutez, mon vieux, заговорилъ Керети, vous en savez plus long.

Онъ не докончилъ, замѣтивъ, что я гораздо внимательнѣе прислушивался къ ихъ разговору, чѣмъ къ повѣствованію дѣвицы Angèle о прелестяхъ сидѣнья на полу въ „берлогѣ“ и о томъ, какъ она „обожала“ учителя рисованія,—и, взявъ Булкенфресса подъ руку, увелъ его въ сторону. Невѣдомо осталось для меня, что передавалъ музыкантъ моему любознательному наставнику, но это, вѣроятно, было очень забавно, потому что Керети помиралъ со смѣху...

„О, Боже мой! думалъ я съ какимъ-то ноющимъ чувствомъ отвращенія,—неужели впереди—въ жизни — будетъ все таже ложь и злоба?...“

XXX.

Die schönen Tage in Aranjuez
Sind nun zu Ende.

Баронъ Фельзенъ уѣхалъ въ назначенный день и предъ отъѣздомъ зашелъ, какъ сказалъ, проститься съ Герасимомъ Ивановичемъ:—онъ просидѣлъ у него даже довольно долго. Изъ Васиной комнаты, куда мы оба тотчасъ же ушли, мы могли слышать его звучный, самоувѣренный и вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивый голосъ: онъ говорилъ о Кавказѣ, о дѣлѣ подъ какимъ-то ауломъ, въ которомъ онъ былъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ и за которое получилъ солдатскаго Георгія, о генералѣ, представившемъ его къ кресту и оказавшемся старымъ пріятелемъ и товарищемъ Герасима Ивановича. Онъ просидѣлъ и проговорилъ ровно столько, сколько было нужно, чтобы заинтересоватъ и не утомить больнаго, котораго, послѣ его ухода, мы нашли какъ-то особенно бодрымъ и веселымъ. Его лицо, какъ въ зеркалѣ, отражало то чувство самоуслажденія, что вотъ онъ, послѣ столькихъ дней отупѣнія и немощи, велъ сейчасъ бесѣду съ умнымъ человѣкомъ, и что этотъ умный человѣкъ говорилъ съ нимъ, какъ равный съ равнымъ,—значитъ, предполагая въ немъ, хотя еще недужномъ, полное присутствіе мысли, несомнѣнную способность понимать то, что говорилось ему, и принимать въ этомъ участіе...

— Очень пріятный молодой человѣкъ... проговорилъ онъ, свѣтло улыбаясь, когда мы подошли къ его креслу.

Онъ, всегда все замѣчавшій и въ которомъ внѣшняя наблюдательность казалась тѣмъ болѣе развита, чѣмъ менѣе былъ

онъ до сихъ поръ способенъ выражать мысль свою словомъ,— онъ не замѣтилъ, что Вася при этомъ быстро отвернулся и отошелъ къ окну, чтобы скрыть отъ отца то выраженіе мученія, какое внезапно приняло его поблѣднѣвшее лицо...

— Командоръ, Герасимъ Иванычъ, называетъ его „ловкій шельмецъ", сказалъ я: мнѣ было почти такъ же какъ Васѣ тяжело, что этотъ несчастный, обманываемый страдалецъ хвалилъ—кого же?—злѣйшаго врага своего!

— Ко-ман-доръ!... повторилъ больной, покачавъ головой, и губы его сложились въ новую улыбку: что понимать можетъ въ этомъ такой добрый, но ограниченный человѣкъ, какъ пріятель нашъ командоръ?—краснорѣчиво говорила эта улыбка.

Я было хотѣлъ продолжать на ту же тему, но черезъ голову Герасима Ивановича встрѣтился глазами съ неодобрительнымъ взглядомъ Васи и заговорилъ о чемъ-то другомъ...

Еще черезъ день отправились Рындины, отецъ съ сыномъ. Далеко нечувствительный на видъ, почти всегда грубый и рѣзкій въ пріемахъ своихъ, Саша неожиданно залился слезами, прощаясь съ Богдановскимъ, съ Анной Васильевной, съ товарищами дѣтства,—и въ первую минуту ужасно устыдился своихъ слезъ. Онъ торопливо глоталъ ихъ, топалъ ногой, сжималъ брови и готовъ бы былъ, кажется, прибить насъ всѣхъ за то, что не съумѣлъ до конца показать себя суровымъ воиномъ и, вмѣсто этихъ унизительныхъ „бабьихъ" слезъ, отпустить намъ при прощаньи нѣчто въ родѣ приказа по арміи: ребята-молъ, смирно;—прошу помнить мои наставленія и вести себя добропорядочно въ мое отсутствіе; меня же долгъ службы призываетъ на время въ Его Императорскаго Величества Пажескій корпусъ. Но когда все разрюмилось вокругъ него, и Петя Золоторенко, протолкавшись впередъ, сунулъ ему въ руку жбанку *коржиковъ съ медомъ*, которые очень любилъ Саша и которыми снабжалъ его обжора Петя на дорогу, какъ лучшимъ воспоминаніемъ о себѣ,—Саша не выдержалъ: онъ съ громкимъ всхлипываніемъ кидался на шею друзей, окружавшихъ его толпой... Когда очередь дошла до меня, онъ отвелъ меня нѣсколько въ сторону и сказалъ мнѣ тихимъ, прочувствованнымъ голосомъ, глубоко тронувшимъ меня:

— Борисъ, я тебя больше всѣхъ любилъ; ты мнѣ въ послѣднее время измѣнилъ для моего двоюроднаго брата. Но знай, что я на тебя не сержусь и буду тебя всегда помнить и любить. У меня тамъ, въ корпусѣ, будетъ еще не мало товарищей, а онъ—одинъ, ему нуженъ *вѣрный* другъ... Прощай, крикнулъ онъ,—прощай, Вася, милый, вѣрь...

Онъ не докончивъ, разомъ, какъ бы по командѣ, повернулся ко всѣмъ спиной—и побѣжалъ къ коляскѣ, въ которой уже сидѣлъ его отецъ, а на подножкѣ стоялъ и глухо рыдалъ Ѳома Богдановичъ, въ отчаяніи своемъ умудрившійся какъ-то засунуть лысую свою голову подъ капишонъ генеральской шинели.

За Рындиными пошелъ общій отъѣздъ. Уѣхала Дарья Павловна; уѣхали робкая судейша и исправничиха съ племянникомъ, котораго она такъ и не успѣла „выдрессировать чрезъ дамское общество"; уѣхали всевозможные Золоторенки, Пушковскіе и Мокшицкіе, съ толстыми женами и свѣжими дочками. Разъѣхалось *офицерство* по эскадронамъ. Богдановское опустѣло...

Вчужѣ тяжко было глядѣть на гостепріимнаго—и вдругъ безъ гостей очутившагося хозяина. Онъ себѣ на первыхъ порахъ нигдѣ мѣста не находилъ. Толкается безцѣльно по пустыннымъ комнатамъ, и вздохи его раздаются по всему дому. А Богунъ съ басами какъ свалились подъ лавку, такъ и лежатъ тамъ четвертый день безпробудно; тенора и дисканты ушли съ дивчатами въ яръ за орѣхами,—развести тоску пѣніемъ и думать нечего! Чуть не плакалъ бѣдный Ѳома Богдановичъ. Къ счастію, вспомнилъ, что у него на току начинаютъ молотить, — тамъ шумъ, и гамъ, и стукъ цѣповъ, и „громада" съ села. Велѣлъ заложить себѣ *чертопхайку* Ѳома Богдановичъ — и покатилъ на молотьбу. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ почти невидимымъ въ домѣ,—иногда къ обѣду не возвращался: все сидитъ на току и заставляетъ паробковъ и дивчатъ пѣсни пѣть подъ тактъ цѣповъ, и горилкой поитъ ихъ, къ великому отчаянію управляющаго своего Перепеленка, строгаго и честнаго ворчуна, съ которымъ Ѳома Богдановичъ бранится уже тридцать лѣтъ сряду и безъ котораго онъ, не смотря

на свое большое состояніе, пошелъ бы завтра по-міру съ сумой...

И Анна Васильевна не повеселѣла съ отъѣздомъ гостей,— а куда, кажется, обрадовалась бы она этому въ другое время! Анна Васильевна почти все время свое теперь проводила съ братомъ Левой. На нашу половину,—я такъ и остался жить у Васи въ комнатѣ,—она заходила попрежнему каждый день, но не засиживалась уже болѣе подолгу съ нами, *жартуя* и лепеча своимъ милымъ „хохлацкимъ" говоромъ, какъ бывало это еще такъ недавно. Мы не собирались уже болѣе на завтракъ къ Любови Петровнѣ, и павильонъ ея какъ-то вдругъ сдѣлался недосягаемымъ для насъ. Она сама приходила къ мужу по утрамъ — и заставала тамъ обыкновенно Анну Васильевну. Онѣ встрѣчались все также дружелюбно, но что-то—и мы съ Васей, не говоря другъ другу, оба хорошо понимали что именно,—будто развело ихъ въ послѣдніе дни, будто смущались и тяготились уже онѣ присутствіемъ другъ друга. Это легко было отгадать по тревожно, почти пугливо вопрошавшему взгляду Анны Васильевны каждый разъ, когда, при встрѣчѣ, приходилось ей обращаться къ племянницѣ:—что ты замышляешь, чего ждать должно теперь отъ тебя? казалось, говорилъ этотъ простодушно допрашивавшій честный взглядъ, причемъ нервно содрогались ея поблеклыя губы и болѣзненно ежилось покрытое тонкою сѣтью морщинокъ маленькое ея лицо. Чуть не до дерзости спокойными глазами отвѣчала теткѣ Любовь Петровна.—Что ты знаешь, что можешь знать о томъ, чего я хочу? будто говорили они въ свою очередь. И какъ лучезарно свѣтились теперь эти, точно расцвѣтшіе, прелестные глаза! Лучезарно — и сосредоточенно, какимъ-то внутрь себя обращеннымъ блескомъ, какъ бы улыбаясь лишь тому, что цвѣло тамъ и пѣло въ тайникѣ ея души, и не находя отблеска ни для чего остальнаго. — Какое мнѣ дѣло до васъ всѣхъ! слышалось за ея улыбкой, за ласковыми ея рѣчами, за снисходительностью, за мягкостью, которою она вся была проникнута теперь. Она словно весь окружающій ее міръ хотѣла бы теперь осыпать благодѣяніями—и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждалась его и презирала этотъ міръ со всей высоты своего внут-

ренняго, таинственнаго счастія. Только иногда, когда случайно падалъ ея взоръ на изможженное долгою болѣзнью лицо ея мужа, какъ-то страшно темнѣла и измѣнялась синева этихъ глазъ, — и никто бы не могъ сказать, что выражали они въ тѣ мгновенія: раскаяніе-ли, состраданіе, или непобѣдимую и нетерпѣливую ненависть...

Странное чувство внушала она мнѣ теперь: ея красота уже не смущала, не ставила вверхъ дномъ все существо мое,— она пугала меня! Мнѣ вспомнилась первая наша встрѣча съ Васей въ Богдановскомъ саду, и разговоръ надъ озеромъ о Маріи Стюартъ, и то, что онъ сказалъ мнѣ тогда: „Сколько людей умерло за нее“... Да, она именно такая, думалъ я, съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ поглядывая на нее,—кто любитъ ее, тотъ погибаетъ... И съ каждымъ днемъ все сильнѣе росло во мнѣ смутное чаяніе какого-то близкаго, невѣдомаго, но неизбѣжнаго удара, который долженъ былъ разразиться надо всѣми нами. И на тревожномъ лицѣ Анны Васильевны, и въ лихорадочно-горѣвшихъ, впалыхъ глазахъ Васи я читалъ все тотъ же суевѣрный страхъ, то же ожиданіе чего-то близкаго, неизбѣжнаго и страшнаго...

Но откуда должно обрушиться оно? Фельзена нѣтъ; онъ не скоро будетъ. — „Недѣльки черезъ двѣ, три, постараюсь побывать въ Богдановскомъ“, говорилъ онъ, прощаясь съ отцомъ Васи. Развѣ Любовь Петровна вздумаетъ поѣхать въ Юхновку, къ Дарьѣ Павловнѣ, откуда въ трехъ верстахъ стоитъ его эскадронъ? Но Дарья Павловна сама *любезничаетъ* съ Фельзеномъ, и „коварная“ — вѣдь я самъ слышалъ, — поощряла его ухаживать за „la nymphe Eucharis“. Для чего же она туда поѣдетъ?...

Галечка въ послѣднее время какъ-то особенно сблизилась съ своею кузиной. Онѣ постоянно гуляли вмѣстѣ по саду и проводили вечера въ павильонѣ Любови Петровны. Миссъ Пинкъ обыкновенно сопровождала туда свою воспитанницу, но тѣмъ не менѣе все это, какъ могъ я замѣтить, не нравилось Аннѣ Васильевнѣ. Добрая женщина не рѣшилась бы никогда огорчать дочь или подвергнуться ея допытыванію, давъ ей почувствовать, что она не желала бы этой близости,—

она притомъ какъ бы побаивалась Галечки, боялась ея самоувѣреннаго приличія, ея не по лѣтамъ сдержанной и сухой рѣчи, ея холодныхъ глазъ. Но она постоянно искала и большею частію не умѣла найти приличныхъ предлоговъ удержать Галечку близъ себя или на половинѣ ея, куда Любовь Петровна рѣдко когда удостоивала приходить...

Однажды я засталъ Анну Васильевну на террасѣ въ оживленныхъ переговорахъ съ Булкенфрессомъ. Музыкантъ раздраженнымъ тономъ жаловался на то, что Fräulein Hanna условилась съ нимъ утромъ повторить „sa leçon de piano“ и просила его зайти къ ней для этого въ 6 часовъ послѣ обѣда, что́ онъ и исполнилъ, но не нашелъ ея дома, и, узнавъ, что она въ павильонѣ, у „madame von Lubianski“, отправился туда за нею, но что тамъ этотъ „гробіанъ Педрушка, der wilde Grum въ красный жилетъ“, не пустилъ его и „такъ глупо—il est donc si pète (bête), vous savez! — сказалъ ему, что никого дома нѣтъ и не при-ни-ма-ютъ; imachinez vous çà!“ негодуя и передразнивая Петрушку, восклицалъ Булкенфрессъ, очевидно до крайности разобиженный.

— Но... можетъ въ самомъ дѣлѣ ихъ нѣтъ тамъ, можетъ онѣ въ садъ пошли... говорила на это Анна Васильевна.

— Нѣтъ? заколотилъ себя въ грудь Булкенфрессъ. — Можетъ быть, душа ихъ полетѣла въ садъ или другой мѣсто, а ихъ персонъ тамъ сидятъ, въ павильонъ, желчно сострилъ онъ,—я самъ чрезъ окошко слышалъ, какъ онѣ оба смѣялся... Madame Lubianski очень весело жить теперь...

Всѣ черты Анны Васильевны болѣзненно сжались, точно иголкой укололи ее. Она съ отвращеніемъ и тоской отвернулась отъ нахала...

— Борисъ, а, будь такой добрый, взволнованнымъ голосомъ обратилась она ко мнѣ,—сходи... туда... скажи, что прошу я Галечку... что ей надо,—чтобъ урокъ шла брать...

— Сейчасъ, сейчасъ, Анна Васильевна!

Я вбѣжалъ прямо въ гостиную павильона. Въ глубинѣ комнаты, на низкомъ диванѣ, сидѣли рядомъ Любовь Петровна и Галечка и разсматривали какой-то альбомъ.

— Pardon, madame, сказалъ я, расшаркиваясь такъ це-

ремонно, что Любовь Петровна разсмѣялась, — я пришелъ за mademoiselle Anna.

— За мной? Галечка холодно и величаво смѣрила меня удивленнымъ взглядомъ.

— За вами. Вы должны въ 6 часовъ prendre votre leçon de musique, и ваша maman проситъ васъ идти.

— Maman? Почему она знаетъ?

— Ей сказалъ вашъ учитель. Онъ самъ приходилъ сюда, только его не пустили...

— Кто не пустилъ? въ свою очередь, подняла на меня удивленные глаза Любовь Петровна.

— Вашъ Петрушка.

— Quel idiot! засмѣялась она, приподнявъ плечи.

— Хорошо, я сейчасъ приду, все такъ же величаво объявила мнѣ „губернаторша".

Я поклонился и вышелъ.

Невдалекѣ, подъ деревомъ, ждалъ меня Булкенфрессъ.

— Галечка сейчасъ придетъ, сказалъ я ему и хотѣлъ пройти мимо, но онъ остановилъ меня вопросомъ:

— А вы спросилъ Frau von Lubianski, зачѣмъ она мнѣ дверь въ носъ заперъ?

— Я сказалъ, что васъ не пустилъ къ ней Петрушка.

— А она што сказалъ? съ сверкающими любопытствомъ и нетерпѣніемъ глазами воскликнулъ музыкантъ.

— Она сказала: quel idiot!... Она это про Петрушку сказала, Herr Bogenfrisch.

— А о мнѣ што? спросилъ онъ опять, пропустивъ безъ вниманія мое лукавое намѣреніе.

— А про васъ ни слова, ни единаго.

Булкенфрессъ сложилъ губы въ кислую улыбку и вдругъ озадачилъ меня новымъ, неожиданнымъ вопросомъ:

— Comment prenez vous le thé, cheune homme?

Я, недоумѣвая, поднялъ на него глаза.

— Versteht sich: avec du lait ou du citron?

— Съ молокомъ, отвѣчалъ я, смѣясь.

— А вы знайтъ, што съ цитронъ дѣлаютъ, кагда чай выпилъ?

— А что? Я не понялъ въ первую минуту.

— Какъ што-о, какъ што-о! поблѣднѣвъ отъ какого-то внезапнаго прилива злости, передразнилъ меня Булкенфрессъ.— Сокъ въ чашка остался,—а корка вонъ выкинулъ, въ помойный яма... Вотъ што!

— Ну да,—это конечно! И я окончательно расхохотался.

— А! вамъ ошень смѣшно? уже шипя говорилъ онъ.— А ви желай qu'on vous jette par la fenêtre, въ помойный яма?...

— Нѣтъ, не желаю!

— И я не желай! А это со мной сдѣлалъ Frau von Lubianski! воскликнулъ музыкантъ, задыхаясь и подлавливая кончикомъ носа спадавшія очки, — mit mir, Johann-Maria Bogenfrisch aus Salzburg!...

И, вскинувъ на меня свои маленькіе раздраженные глазки, онъ мотнулъ головой съ какимъ-то угрожающимъ видомъ, — и побѣжалъ прочь по направленію Галечкинаго флигеля.

— Вотъ откуда первая туча! пронеслось у меня въ головѣ. Въ тотъ же вечеръ я передалъ весь этотъ разговоръ m-r Керети.

— Quel animal, quel animal! воскликнулъ онъ, выслушавъ меня,—avec sa manie de fourrer son nez partout! Il se fera écraser comme un insecte,—qu'il est, домолвилъ мой честный французъ, гадливо поморщившись.

— А намъ съ вами давно бы пора вернуться à Tikvode (то-есть въ *Тихія Воды*), проговорилъ онъ, помолчавъ.—l'air n'est plus sain ici!...

XXXI.

Воздухъ становился нездоровымъ и для нашего больнаго,— онъ начиналъ плохо спать. Ночи онъ и прежде проводилъ напролетъ безъ сна, сидя въ своемъ креслѣ у окна,—но за то вознаграждалъ себя продолжительнымъ утреннимъ и послѣобѣденнымъ отдыхомъ. Теперь онъ утромъ не отдыхалъ совсѣмъ. — Не могу, отвѣчалъ онъ коротко и неохотно на заботливые вопросы сына, отворачивая отъ него свои глубокіе, говорящіе глаза, языкъ которыхъ такъ привыкъ понимать Вася. Но мы догадывались, — онъ не спалъ отъ нетерпѣнія, потому что ждалъ *ее* каждое утро, отъ тревоги — потому что она могла и не придти... По мѣрѣ того, какъ шло пока къ лучшему его физическое состояніе, все пламеннѣе, казалось, обнимала его та безконечная страсть къ красавицѣ-женѣ, которая, какъ говорила тогда Анна Васильевна матушкѣ, „загубила и его, и ея жизнь". Въ ея присутствіи онъ весь замиралъ отъ счастія, онъ жадно упивался звуками ея гортаннаго, низкаго голоса, онъ блаженнымъ и восхищеннымъ взглядомъ весь приникалъ къ ней, любуясь каждою прядью ея волосъ, каждою складкой ея одежды, и будто всю ее, весь ея стройный обликъ, со всѣми этими волосами и складками, хотѣлъ запечатлѣть у себя гдѣ-то внутри, глубоко, глубоко, чтобы тамъ, въ глубинѣ его души, вѣчно и царственно сіялъ ея образъ, какъ царственно сіяла она для него живая, улыбающаяся алыми своими устами и прикрывающая длинными рѣсницами блестящую эмаль своихъ очей, каждый разъ, когда его алчный взглядъ встрѣчался съ ними... Уйдетъ она, — онъ

долго еще сидитъ недвижный и нѣмой, словно очарованный,— „онъ въ свое зеркало на *нее* глядитъ“, говорилъ въ этихъ случаяхъ Вася съ натянутою улыбкой. А черезъ нѣсколько времени на выразительномъ лицѣ недужнаго заговоритъ опять какая-то внутренняя и уже мучительная тревога: точно старается онъ припомнить что-то недавнее, близкое и наразрѣшенное имъ, что-то требующее отвѣта и неотвязчиво долженствующее волновать его, пока онъ не отыщетъ въ себѣ этотъ отвѣтъ, пока не найдетъ слова загадки... А какъ найти это слово? И все сильнѣе и видимѣе росло въ немъ скорбное недоумѣніе,— онъ все пристальнѣе и дольше вглядывался въ сына, допрашивая взглядомъ и не смѣя спросить словомъ, какое общее имъ и невѣдомое еще ему горе гложетъ душу этого, черезъ силу улыбавшагося, несчастнаго мальчика? А Вася блѣднѣлъ и худѣлъ съ каждымъ днемъ, и все шире становилась зрачки его глазъ, очеркомъ своимъ еще такъ недавно напоминавшихъ глаза его матери,—и съ каждымъ днемъ становилось для него труднѣе и тяжелѣй его лицемѣріе — его святое лицемѣріе— предъ недоумѣвавшимъ взоромъ его отца. Съ какою невыносимою тоской, помню, глядѣлъ я на него, когда, бывало, вернувшись въ свою комнату отъ Герасима Ивановича, которому онъ только-что, преувеличенно смѣясь, передавалъ какой-нибудь нѣмецкій анекдотъ, — онъ падалъ, безсильный, на свою кровать, закинувъ руки за голову и устремивъ въ потолокъ эти пугавшіе меня, расширенные и тупо неподвижные зрачки свои. Отъ этой-ли необходимости таиться отъ отца, отъ другаго-ли, еще глубже захватывавшаго его, сознанія, — онъ словно не смѣлъ уже болѣе никому глядѣть въ лицо и, какъ преступникъ предъ судьей, избѣгалъ чужаго взгляда. Съ такимъ же болѣзненнымъ напряженіемъ избѣгалъ онъ и всякаго разговора о матери,—онъ и называлъ ее теперь не иначе, какъ „она“, и только въ томъ случаѣ, когда нельзя было не упомянуть о ней. Онъ даже — я это чувствовалъ,—тяготился тѣмъ, что я тутъ, рядомъ съ нимъ, что ему иной разъ нельзя не перекинуться со мною словомъ, сознавая вмѣстѣ съ тѣмъ, что я не безполезенъ ему, что, занимая его отца разговоромъ или чтеніемъ по цѣлымъ часамъ, я принималъ на себя, изъ

дружбы къ нему, половину его обязанностей, что онъ въ это время могъ отдохнуть, прилечь, остаться одинъ, — и робко иной разъ протянутая его рука, слабо сжимая мои пальцы, какъ будто просила меня простить ему... Но одна мысль, одно желаніе владѣли имъ теперь, — отгадать было не трудно, — взять отца и увезти его куда-нибудь далеко, далеко, куда бы и слуха не доходило о *ней*, гдѣ бы не было ни этого печальнаго, перепуганнаго лица Анны Васильевны, ни сверстника, вольнаго и невольнаго свидѣтеля всего этого позора!..

Въ сумерки, по обыкновенію, больной начиналъ дремать, но сонъ его не былъ миренъ и дологъ, какъ прежде. Онъ безпрестанно просыпался, метался въ креслѣ, часто требовалъ пить и своимъ неспокойнымъ состояніемъ держалъ насъ всѣхъ на ногахъ...

— Вы дурно себя ведете, Герасимъ Иванычъ, сказалъ я ему однажды, оставшись съ нимъ вдвоемъ,—не спите совсѣмъ. Вася тревожится о васъ.

— Вася... ахъ... что Вася? Онъ не-хорошъ!... заговорилъ тотчасъ же больной, сжимая мнѣ руки и подымая на меня влажные и мгновеннымъ ужасомъ омраченные глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, увѣрялъ я его. — Это вамъ такъ кажется, потому что онъ о васъ, о томъ, что вы не спите, тревожится. Онъ даже чрезъ Анну Васильевну послалъ въ городъ записку, чтобы докторъ ранѣе обыкновеннаго пріѣзжалъ къ намъ...

— Я бу-ду, буду спать, Боренька, жалобнымъ, какъ у ребенка, нѣжнымъ, какъ у женщины, голосомъ прошепталъ онъ:—онъ не у-ви-дитъ, не у-слышитъ... Только бы онъ... мой Ва-ся, Вася...

Онъ опустилъ на грудь свою слабо качавшуюся со стороны на сторону голову и тихо заплакалъ...

И онъ сталъ съ тѣхъ поръ лицемѣрить предъ сыномъ, какъ сынъ лицемѣрилъ предъ нимъ. Спалъ онъ, или не спалъ,—онъ, равно не открывая глазъ, съ опущенными на колѣняхъ руками, лежалъ въ своемъ креслѣ, уткнувъ голову въ подушки, рѣшаясь приподнять ее лишь когда зналъ онъ, что Вася, „его Вася“, не могъ этого видѣть...

Вася, съ своей стороны, утомлялся ужасно въ продолженіе дня и когда, подъ полночь, отецъ его, окончательно проснувшись, усаживался все къ тому же окну, у котораго онъ вплоть до зари просиживалъ, глядя на тусклый огонекъ лампады, свѣтившей въ спальнѣ Любови Петровны,—бѣдный мальчикъ уходилъ къ себѣ и засыпалъ, часто не успѣвъ раздѣться, какимъ-то мгновеннымъ, тяжелымъ, точно мертвымъ сномъ. Я долго не могъ привыкнуть къ этому, и каждый разъ съ ужасомъ глядѣлъ, когда онъ валился на постель, и черезъ мигъ, безъ кровинки въ лицѣ и не дыша, лежалъ недвижный, какъ въ гробу, съ разсыпанными по подушкѣ кудрями. Совсѣмъ другое впечатлѣніе производило это на Максимыча: умиленнымъ и благоговѣйнымъ какимъ-то взоромъ глядѣлъ онъ изъ-подъ нависшихъ бровей въ эти минуты на Васю, широко крестился и, обернувшись ко мнѣ, шепталъ наставительнымъ тономъ: „въ свой часъ, значитъ, душѣ праведной успокоеніе послано"...

XXXII.

Мы уже довольно давно спали съ Васей, какъ вдругъ я услыхалъ сквозь сонъ, кто-то шепотомъ зоветъ меня по имени и притрогивается ко мнѣ рукой.

Я раскрылъ глаза и при свѣтѣ ночника—который Максимычъ изъ предосторожности всегда ставилъ намъ въ умывальную лохань,—увидѣлъ Савелія, стоявшаго предо мною съ растерянным лицомъ.

— Извините, Борисъ Михайловичъ, торопливо говорилъ онъ,—Василья Герасимыча не рѣшился будить... измученные они очень,... а у васъ душа добрая...

— Что случилось, ради Бога, Савелій?..

— Да не ладно что-то *тамъ*... Онъ кивнулъ на комнату Герасима Ивановича.

Пока я натягивалъ на себя панталоны и куртку, Савелій сообщилъ мнѣ слѣдующее: онъ дремалъ у дверей больнаго, какъ вдругъ услышалъ не то стонъ, не то его позвалъ баринъ; захвативъ свѣчу изъ передней, онъ поспѣшилъ къ нему: — гляжу, а они совсѣмъ изъ кресла вонъ, на подоконникѣ грудью лежатъ, глядятъ въ окно и Богъ ихъ знаетъ, что лепечутъ...

— Что вамъ угодно, спрашиваю, Герасимъ Ивановичъ?— а они только: „въ садъ“, али „въ саду“, не разобралъ я...— Привыкъ я къ ихнимъ фантазіямъ, говорилъ старикъ,—одначе на этотъ разъ они совсѣмъ съ толку меня, почитай, сбили. Не дойду, просто, чего имъ требуется... Авось, думаю, Борисъ Михайлычъ помогутъ,—я вотъ и рѣшился...

Мы побѣжали съ нимъ въ ту комнату.

Герасимъ Ивановичъ лежалъ все въ томъ же положеніи, грудью на подоконникѣ, ярко освѣщенный въ профиль пламенемъ свѣчи, поставленной Савеліемъ на столѣ подлѣ окна. Что-то пронзительное и страшное изображалось въ рѣзкихъ очертаніяхъ этого блѣднаго профиля съ большимъ, не въ мѣру открытымъ глазомъ, устремленнымъ въ окно...

— Голубчикъ, Герасимъ Иванычъ, что съ вами? Вамъ неловко такъ лежать!...

— Пробовалъ усадить на мѣсто, шепталъ мнѣ Савелій,— не дается!

— Въ садъ, въ садъ! повторилъ недужный. Онъ говорилъ съ замѣтнымъ усиліемъ. „Ему хуже", пронеслось у меня въ мысли.

Онъ, видимо, при этомъ силился повернуть голову въ мою сторону.

— Позвольте васъ въ кресло посадить, Герасимъ Иванычъ, прошу васъ!

Вѣко его спустилось на глазъ, какъ бы въ знакъ согласія.

Савелій приподнялъ его и опустилъ въ глубину кресла.

— Въ са... въ саа... не договаривая, сказалъ еще разъ больной, подымая на меня умоляющіе глаза...

— Кто въ садъ? Кто въ саду, Герасимъ Ивановичъ?

— Я, я... нетерпѣливо проговорилъ онъ.

— Ахъ, я телятина! хлопнулъ себя въ лобъ Савелій. Это они сами желаютъ въ садъ! Ночью-то? Баринъ,—а что докторъ скажетъ?

— Да, да, настойчиво закивалъ больной.

Савелій смущенно взглянулъ на меня.

— Ночь теплая, сказалъ я.

— Укутать можно, конечно, подтвердилъ и онъ, уже съ улыбкой, видимо успокоенный тѣмъ, что успѣлъ — и даже раньше меня—догадаться, чего хотѣлъ его баринъ.—Ну-съ, а какъ же мы спустимъ ихъ? началъ онъ суетиться.—Павло-то мой, помощникъ, ушелъ должно-быть въ сѣнникъ спать, до смѣны,—а вы, Борисъ Михайлычъ, не сможете, чай?

— Я сейчасъ Максимыча разбужу, предложилъ я.

— Ну, этотъ дюжъ, сможетъ, весело промолвилъ старикъ,—а я пока ихъ на прогулку снаряжу какъ слѣдуетъ.

Я засталъ Максимыча уже на ногахъ. Изъ корридора, гдѣ онъ устраивалъ себѣ каждую ночь постель на полу, онъ своимъ чуткимъ солдатскимъ ухомъ разслышалъ наши съ Савеліемъ голоса въ комнатѣ Васи и черезъ мигъ былъ готовъ.

Савелій тѣмъ временемъ одѣлъ и укуталъ своего барина, надѣлъ ему шапку на голову. Они дружно съ Максимычемъ подняли его и понесли внизъ по черной лѣстницѣ...

Я забѣжалъ взглянуть на Васю:—онъ не шевелился...

— И слава Богу! успѣлъ я только сказать себѣ и побѣжалъ за тѣми...

— Впередъ пожалуйте, Борисъ Михайловичъ, командовалъ Савелій, осторожно спуская больнаго,—колясочка ихняя подъ лѣстницей, вывезти нужно!

Я вывезъ колясочку. Въ нее усадили больнаго и выѣхали въ садъ.

— Ну, спасибо, баринокъ, сказалъ мнѣ ласково старый слуга,—извольте почивать итти: мы и безъ васъ теперича управимся.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пойду за вами...

— А Василій Герасимычъ неравно проснутся, кто-жь имъ доложитъ?...

— Ва-а-ся, Ва-а... послышался жалобный голосъ больнаго.

— Такъ ступай ты въ комнаты, кавалеръ! обратился Савелій къ Максимычу. Неравно проснутся, такъ ты и объясни, что батюшка-молъ вашъ изволили на променажъ выѣхать...

— Знаемъ, чего балясы-то точишь! угрюмо фыркнулъ Максимычъ, очевидно недовольный этимъ шутливымъ, неприличнымъ, по его мнѣнію, тономъ Савелія, и отправился назадъ.

— Ве-зи ско-ррр... нетерпѣливо прошамкалъ опять недужный.

Это были прежніе, безобразные звуки, которые онъ издавалъ тогда, при первой встрѣчѣ моей съ нимъ... Языкъ у него снова переставалъ повиноваться мысли. „Боже мой, что же случилось съ нимъ?“ говорилъ я себѣ съ тоской; колѣни мои неудержимо дрожали...

Мѣсяцъ уже шелъ на ущербъ и стоялъ низко на небѣ,— до разсвѣта было недалеко. Косою пеленой падалъ отъ него свѣтъ на широкую лужайку, отдѣлявшую павильонъ Любови Петровны отъ дорожки, по другой сторонѣ которой собственно начинался садъ. Только на этомъ чистомъ и освѣщенномъ мѣстѣ могъ увидать Герасимъ Ивановичъ то, что-то ужасное и непонятное, что привело его въ такое состояніе... Но что же именно видѣлъ онъ? Неужели Фельзена? Неужели этотъ отчаянный гусаръ прошелъ въ павильонъ, къ ней, къ этой „женщинѣ"?...

Но нѣтъ, безъ остановки со стороны больнаго, везетъ его Савелій мимо павильона и сворачиваетъ вправо, въ большую аллею. *Сильва*, сбѣжавшая сверху за мною, съ радостнымъ лаемъ мчится впередъ, взмахивая пушистымъ хвостомъ, и исчезаетъ въ кустахъ... Въ темныхъ аллеяхъ не разглядѣть лица Герасима Ивановича. Я на-ходу низко наклонился къ нему и спрашиваю: какъ онъ себя чувствуетъ? Онъ отвѣчаетъ какимъ-то молчаніемъ... У меня голова начинаетъ ходуномъ ходить.

Но вотъ опять выѣхали на открытое и свѣтлое мѣсто, къ большой клумбѣ, носящей названіе „пріюта Анны Васильевны", и въ то же время вылетаетъ изъ-за деревъ *Сильва* и съ злобнымъ рычаніемъ, поджимая хвостъ, осаживается на заднія лапы, какъ бы готовясь кинуться на кого-то...

— Halt's Maul, verfluchter Hund! раздался чей-то визгъ.

Я бросился унимать собаку. Ухватившись обѣими руками за рѣшетчатую спинку скамьи и весь съежившись отъ перепуга, стоялъ у поворота дорожки Булкенфрессъ въ оборонительномъ положеніи.

— Что вы здѣсь дѣлаете, Herr Musiker?

Онъ принялся отчаянно, неестественно смѣяться.

— Che (je) vous dois la vie, cheune homme! Я никакъ сегодня засипать не могъ... и пошелъ гуляйть... и вашъ этотъ злой собакъ вдругъ на мене... Ch'ai eu beur (peur), ich erkenn's... Ахъ, господинъ фонъ-Лубянскій, мое почтеніе!... Какъ вы такъ ночью, поздно?...

Онъ, въ свою очередь, съ изумленіемъ и любопытствомъ оглядывалъ насъ.

Я ему объяснилъ въ двухъ словахъ причину нашей поздней прогулки.

Онъ двусмысленно закачалъ головой.

— Ia, ja, les malades ont souvent de tels caprices... И куда ви гуляйть думалъ, господинъ фонъ-Лубянскій?

Изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ больнаго, въ отвѣтъ докучливому музыканту, приподнялись вдругъ такимъ мрачнымъ отчаяніемъ и негодованіемъ засверкавшіе при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца глаза, что у меня руки похолодѣли. „Поможешь-ли ты мнѣ... Кто мнѣ поможетъ?“ казалось, говорилъ этотъ страшный взглядъ...

Булкенфрессъ невольно отступилъ на шагъ. Савелій нагнулся къ барину.

— Куда прикажете теперь, Герасимъ Иванычъ?

— Ве-зи, неясно, но упорно пролепеталъ больной. Голова его снова опустилась, глаза заходили какъ маятникъ по сторонамъ, словно ища чего-то въ потемнѣвшей чащѣ, словно допытывая каждый кустъ, не таитъ-ли онъ искомое въ своей листвѣ непроглядной...

Музыкантъ понялъ это и какъ-то странно сморщилъ губы.

— Cherchez—et vous trouverez! хихикнулъ онъ мнѣ на ухо, безцеремонно завладѣвая моею рукой и шагая рядомъ со мною.

— Подъ дерева нишего не видайть и ошень сиро, ошень не карошъ для больной; вы на шистой мѣсто везить! кричалъ онъ Савелію.

Старикъ вывезъ колясочку прямо къ знаменитому „храму отдохновенія“.

Заходившій мѣсяцъ стоялъ какъ разъ въ ту минуту на небѣ насупротивъ низенькаго крыльца бесѣдки, и палевые его лучи, пробиваясь сквозь окружавшіе ее невысокіе кусты сирени, играли въ трепетныхъ очертаніяхъ на наглухо закрытыхъ его ставняхъ.

Сильва понеслась снова впередъ на этотъ серебристый свѣтъ, въ которомъ какъ-то особенно красиво залоснилась ея длинная, шелковистая шерсть, гавкнула на мѣсяцъ, и вдругъ, потянувъ воздухъ своимъ двойчатнымъ носомъ, метнулась на-

задъ, вспрыгнула на крыльцо и отчаянно залаяла, обнюхивая дверь и нетерпѣливо скребя лапами, какъ бы требуя, чтобъ ей отворили ее...

— Sieh doch, sieh doch den Hund! Что онъ тамъ искалъ? толкнулъ меня Булкенфрессъ и снова хихикнулъ.

Но еще ранѣе донесся до меня надрывающій стонъ недужнаго:

— Тамъ, тамъ, повторялъ онъ какимъ-то металлическимъ звукомъ, похожимъ на звукъ желѣза, падающаго въ мѣдный сосудъ.

— Вотъ онъ, ударъ! мгновенно озарила меня мысль:— въ глазахъ у меня потемнѣло.

Савелій догадался тоже.

— Чего *тамъ*! насилованно грубо отвѣчалъ онъ барину,— песъ мышенка насторожилъ, такъ и скребетъ!...

И, круто двинувъ кресло спиной къ крыльцу, онъ заворотилъ разомъ за уголъ бесѣдки.

— Га-а-а!... заревѣлъ неистовымъ голосомъ больной.

Перепуганный слуга подался назадъ... Я какъ одурѣлый подбѣжалъ къ крыльцу...

— От-ворр... задыхаясь бормоталъ безсильными устами Герасимъ Ивановичъ.—Отворрр...

— Господь съ вами, баринъ! уговаривалъ его, чуть не плача, Савелій, — что вы требовать изволите? Бесѣдка заперта,—чѣмъ же намъ теперича отворить ее, сами подумайте!..

Но тотъ не слушалъ: безсильно расширенные зрачки его устремлены были на стѣну бесѣдки, дрожавшая рука тянулась все далѣе, впередъ и впередъ, а за нею весь онъ, всѣмъ немощнымъ тѣломъ своимъ, словно готовился какою-то сверхъестественною силой дотянуться до той стѣны...

— Свѣ-е-етъ! прохрипѣлъ онъ.

Онъ былъ правъ: едва замѣтная, горизонтальная полоска свѣта сквозила невысоко надъ землей, промежъ вѣтвей куста, за которымъ приходилось одно изъ боковыхъ оконъ „храма отдохновенія“.

— Творецъ Небесный! только могъ пролепетать Савелій.

Булкенфрессъ, какъ змѣя, проползъ между колясочкой и сиреневымъ кустомъ.

— Тамъ никого нѣтъ, господинъ фонъ-Лубянскій, зашепталъ онъ, наклоняясь къ креслу,—тамъ, можетъ быть, только одинъ садовникъ есть... Мы сейчасъ это попробуймъ увидать, si le volet не закрытъ на замокъ...

Онъ юркнулъ за кустъ.

Послышался ржавый скрипъ и стукъ откинутаго ставня, съ размаха ударившагося объ стѣну. Внезапный свѣтъ хлынулъ изъ окна на дорожку... На мгновеніе четко вырисовались въ этомъ свѣтѣ, обезображенныя, какъ у мертваго, черты больнаго, выпуклый черепъ Савелія, безъ шапки, растерянно вперившаго взоръ въ окно, и *они* — тѣ, что были тамъ, въ этой освѣщенной комнатѣ...

Двѣ свѣчи горѣли на столѣ. На широкомъ диванѣ, откинувшись головой назадъ и закрывъ глаза ладонью отчаяннымъ движеніемъ, лежала бѣлокурая женщина, закутанная въ черную шаль. Баронъ Фельзенъ, въ статскомъ платьѣ, стоялъ у входной двери, ухватившись одною рукой за замокъ и сжимая другою что-то длинное и блестящее, показавшееся мнѣ лезвеемъ кинжала. Онъ обернулся на стукъ ставня, сверкнулъ глазами, какъ дикій звѣрь, и, прыгнувъ къ столу, разомъ задулъ обѣ свѣчи...

Произошло затѣмъ что-то невыразимое... Раздался крикъ, котораго и до сихъ поръ не могу я забыть, и надъ кресломъ, будто движимое какою-то невидимою пружиной, высоко приподнялось тѣло больнаго, съ грозно протянутою впередъ рукой,.. приподнялось, качнулось — и рухнуло внизъ, какъ мѣшокъ, мимо кресла, головой въ кусты...

Какъ подняли его, какъ уложили, какъ очутились мы съ нимъ опять въ виду дома, у лужайки противъ павильона,—я не съумѣю сказать. Помню только, какъ, въ первую минуту, я отъ ужаса закрылъ себѣ лицо руками и чуть не упалъ въ траву, какъ кто-то поддержалъ меня, и я пошелъ безсознательно впередъ, и какъ затѣмъ точно ножомъ рѣзалъ мнѣ долго слухъ и сжималъ сердце чей-то нечеловѣческій хрипъ,

и что-то быстро катилось предо мною по темнымъ аллеямъ сада...

— Баринъ, баринокъ, разслышалъ я наконецъ голосъ Савелія, — онъ весь дрожалъ какъ въ ознобѣ и трясъ меня за плечи обѣими руками, — снести ихъ наверхъ надо, дядьку вашего потрудитесь... Господи! бѣда-то стряслась какая! Василью Герасимычу что́ мы скажемъ! говорилъ онъ, путаясь и рыдая...

Булкенфрессъ былъ тутъ же и суетился около кресла.

— Надо Ѳома Богдановичъ будить, докторъ послать, кричалъ онъ, въ свою очередь.

Я кинулся на верхъ. Максимычъ ждалъ меня въ корридорѣ.

— Ступай скорѣе... нести, внизъ... несчастіе, могъ только проговорить я.

Онъ побѣжалъ со всѣхъ ногъ. Я вошелъ къ Васѣ. Онъ спалъ въ томъ же положеніи, съ закинутою за голову рукой, съ разсыпанными по подушкѣ кольцами волосъ,—бѣлокурыхъ, какъ у той женщины, *тамъ*... Безмятежная, почти счастливая улыбка—точно улыбался онъ чему-то радостному, грезившемуся ему въ эту минуту, — играла на его заалѣвшихъ въ снѣ губахъ.

Боже мой, а сейчасъ, сейчасъ внесутъ его отца,... и онъ проснется,... онъ узнаетъ!...

Я упалъ на колѣни предъ его кроватью, охватилъ его голову и прижался къ ней, въ отчаянномъ порывѣ...

Послышались тяжелые, зловѣщіе шаги по корридору.

— Вася, тихо звалъ я его, почти касаясь уха его губами.

Онъ раскрылъ глаза и зажмурилъ ихъ опять, и опять раскрылъ — и съ недоумѣвающею усмѣшкой остановилъ ихъ на мнѣ.

А шаги все тяжеле и ближе слышались въ корридорѣ.

— Что тамъ такое? спросилъ Вася, не отдѣляя еще головы отъ подушки.

— Это... изъ сада... несутъ... Герасима Иваныча, пробормоталъ я черезъ силу.

— Папа?!

Онъ приподнялся, схватилъ меня за руку, близко, близко глянулъ мнѣ въ глаза — и, оттолкнувъ меня, опрометью бросился въ отцовскую комнату... Я побѣжалъ за нимъ.

— На постель надо,—ворочай налѣво, въ уголъ, шепталъ Максимычу въ дверяхъ Савелій, едва переводя дыханіе...

— Папà, папà! съ раздирающимъ воплемъ кинулся къ этой постели несчастный мальчикъ,—что съ тобою? Отвѣчай... говори!... Это я, Вася,... твой сынъ!

Но тотъ, кого онъ звалъ этимъ воплемъ, уже былъ не въ силахъ отвѣчать ему, понимать его...

Безсмысленнымъ, животнымъ взглядомъ глядѣли въ потолокъ эти большіе, страшно раскрытые глаза, еще такъ недавно горѣвшіе жгучимъ пламенемъ мысли, — и въ уродливо-искривленныхъ, хрипѣвшихъ устахъ его не выражалось уже болѣе ничего человѣческаго, кромѣ тупаго страданія...

XXXIII.

Въ шлафрокѣ, растерявъ дорогой туфли и обливаясь заранѣе слезами, влетѣлъ въ комнату Ѳома Богдановичъ... Онъ успѣлъ уже поднять весь домъ на ноги. Поднялась общая тревога, возня людей, шопотъ громче крика, безсмысленное шмыганье взадъ и впередъ, торопливо отдаваемыя и тотчасъ же затѣмъ отмѣняемыя приказанія. Верховые поскакали во всѣ стороны за медицинскою помощью. Савелій притащилъ цѣлую груду старыхъ сигнатурокъ, хранившихся у него съ перваго дня болѣзни Герасима Ивановича, и дрожащею, нетерпѣливою рукой, точно дѣло дѣлалъ, отыскивалъ между ними какой-то списанный имъ рецептъ микстуры, когда-то, по его увѣренію, необыкновенно помогавшей больному...

Та же нагорѣвшая свѣча въ мѣдномъ шандалѣ, которую онъ въ первую минуту внесъ изъ передней въ комнату, стояла на столикѣ у изголовья постели, на которой безчувственно лежалъ теперь его баринъ, тяжко дыша высоко подымавшеюся грудью. Красноватое пламя отражалось на его бѣломъ какъ бумага лбу и на спутанныхъ, слипшихся отъ пота темныхъ волосахъ. Все такъ же тупо и широко раскрытые зрачки глядѣли вверхъ не моргая. Изъ темнаго угла, съ другой стороны кровати, протягивалась къ нему отъ времени до времени женская морщинистая рука, рука Анны Васильевны, — она очутилась тутъ какъ-то неслышно, незримо, вся съеженная и безмолвная, — и отирала платкомъ кровь, сочившуюся у него изъ довольно глубокой царапины подъ глазомъ, — слѣдъ его паденія въ кусты.

А на подоконникѣ открытаго окна, весь облитый алымъ заревомъ разсвѣта, сидѣлъ Вася, безъ слезъ, безъ вздоха, отвернувшись отъ этого скорбнаго одра и словно прислушиваясь къ чириканью воробьевъ, веселою стаей перелетавшихъ въ саду съ тополя на тополь... Я не смѣлъ подойти къ нему,— пуще всякаго плача и стона пугалъ меня этотъ его недвижный, словно мраморный обликъ...

Ѳома Богдановичъ въ десятый разъ ворвался въ комнату.

— У пана Яна (такъ звалъ онъ старика Опицкаго), заговорилъ онъ, отыскивая глазами жену въ ея темномъ углу,— у пана Яна съ кондиціи пріѣхалъ вчера племянникъ, Людвигъ тотъ Антонычъ, ты знаешь, до университета ѣдетъ назадъ... Такъ треба за нимъ послать, — поки ще настоящіе доктора пріѣдутъ съ города,—а онъ по сосѣдству швитко тутъ будетъ.

— А посылай скорѣе, отозвалась Анна Васильевна.

Онъ убѣжалъ въ корридоръ—и вернулся опять.

— А Любочка не бывала? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, слабо проговорила она.

— А какъ же ты о томъ не помыслила! тотчасъ же затормошился Ѳома Богдановичъ.—Хоть и спитъ она, вѣрно,— такъ треба разбудить ее!... А то мужъ, о, — и онъ внезапно захлебнулся слезами,—а она нии-чее-го... не знаетъ... Я заразъ сбѣгаю до нея...

— Это совершенно безполезно, дядюшка, спокойно и отчетливо проговорилъ Вася, оборачиваясь къ нему всѣмъ тѣломъ.

— А якъ такъ безполезно? Изумлённый Ѳома Богдановичъ даже ротъ раскрылъ.

— Она придетъ, когда вздумаетъ. А будить къ чему?... Она *ему* не поможетъ, домолвилъ Вася.

— А и правда-жь, послышался изъ угла прерывающійся голосъ Анны Васильевны,—чи-жь на радость пойдешь ты будить ее, Ѳома?..

Ѳома Богдановичъ всхлипнулъ на всю комнату и отправился послать гонца къ пану Яну.

Вася подошелъ къ ногамъ постели, хрустя пальцы о пальцы, и долго и безмолвно не сводилъ глазъ съ отца. Глаза эти

были сухи и воспалены, и подъ ними щеки горѣли какимъ-то страннымъ румянцемъ...

Онъ провелъ обычнымъ своимъ движеніемъ рукой по лицу и, какъ-будто вспомнивъ что-то безотлагательно нужное, обвелъ кругомъ себя взглядомъ и, увидѣвъ меня,—я сидѣлъ въ большомъ креслѣ Герасима Ивановича, почти посреди комнаты,—подалъ мнѣ головой знакъ пройти въ его комнату. Я молча повиновался. Онъ пошелъ за мною.

Изъ-за подушекъ больнаго выглянули безпокойно слѣдившіе за нимъ глаза Анны Васильевны...

Вася опустился на кровать.

— Борисъ, заговорилъ онъ... У меня сердце такъ и упало: я предчувствовалъ, о чемъ будетъ рѣчь...

— Борисъ, разскажи мнѣ, какъ все это было?... Зачѣмъ ты пустилъ *его* въ садъ, зачѣмъ не разбудилъ меня?

— Развѣ я могъ думать, что это случится! А будить тебя... мнѣ было жаль, Вася,—и самъ Савелій не хотѣлъ.... А *онъ* требовалъ,—мы отказать не могли....

— И вы повезли его... Что онъ говорилъ, зачѣмъ хотѣлъ въ садъ?... Ты не понялъ?

— Меня разбудилъ Савелій. Мы нашли его на окнѣ, — онъ совсѣмъ вывалился изъ кресла и просилъ, кричалъ только: „въ садъ, въ садъ",—больше ничего я не понялъ.

— И вы повезли его? повторилъ опять Вася, не отрываясь отъ меня взглядомъ:—куда?

— По саду... Я опустилъ глаза, я не могъ глядѣть на это мраморное лицо, покрывавшееся все болѣе и болѣе какими-то неестественными сизо-алыми пятнами, по мѣрѣ того, какъ онъ допрашивалъ меня.

— Борисъ, ты долженъ, я умоляю тебя, разсказать мнѣ все.... Я *долженъ* знать,—ты понимаешь... Я не хочу узнавать это отъ Савелія!...

Я кинулся къ нему.

— Къ чему тебѣ знать, къ чему? Ради Бога, не спрашивай лучше, Вася!....

— Ты послушай,—онъ схватилъ меня за обѣ руки съ какою-то желѣзною силой и заставилъ сѣсть рядомъ съ нимъ

на кровать,—*онъ*.... онъ умретъ,... отецъ мой умретъ, можетъ быть, сегодня!... Вѣдь это же не такъ, безъ причины, случилось.... Онъ же былъ въ полномъ разсудкѣ!.... Вѣдь ты это знаешь, знаешь?

— Да! пробормоталъ я.

— Онъ кричалъ, говоришь ты: „въ садъ, въ садъ", онъ требовалъ... Вѣдь это же не капризъ былъ, не безуміе? Развѣ я этого не понимаю?... Онъ что-то *видѣлъ*,... онъ оттого... Да развѣ все это не написано на лицѣ твоемъ, Борисъ?... Вася почти грубо схватилъ меня за голову, поднялъ ее и, заглядывая мнѣ прямо въ глаза, — я хочу знать, *какъ убили моего отца*!... проговорилъ онъ какимъ-то страшнымъ шепотомъ.

Въ первый разъ въ эту минуту возникло въ головѣ моей ясное представленіе того, чему я былъ свидѣтелемъ въ саду...

— Его убилъ этотъ мерзавецъ, музыкантъ! вырвалось у меня невольно.

— Музыкантъ? впился въ лицо мое Вася.

— Да, Булкенфрессъ. Мы его нашли въ саду.... Онъ, вѣрно изъ мщенія, я теперь вижу, — онъ навелъ Савелія на эту бесѣдку...

— На какую бесѣдку?

— „Храмъ отдохновенія", ты знаешь...

— Ну, и тамъ?... стиснувъ зубы, торопилъ меня онъ.

— Подъ ставнемъ Герасимъ Иванычъ замѣтилъ свѣтъ и сталъ кричать: „отворите, отворите"!... И онъ, этотъ мерзавецъ, побѣжалъ и отворилъ этотъ ставень... И все видно стало въ бесѣдкѣ....

Договорить не хватило у меня силы.

— А тамъ, договорилъ за меня, захрустѣвъ опять пальцами Вася,—была *она* со своимъ...

— Къ чему ты спрашиваешь—это пытка! съ отчаяніемъ прервалъ я его.

Онъ весь сразу приподнялся съ мѣста:

— И это моя мать, Борисъ, моя *мать*! проговорилъ онъ глухо и зашатался на ногахъ.

На порогѣ комнаты показалась Анна Васильевна.

— Голубчикъ мой, Вася, сквозь слезы говорила она,—не

томи ты душеньку свою заранѣе.... можетъ ему еще и полегчаетъ... Она обняла его за шею и опустилась съ нимъ вмѣстѣ на кровать, прижимаясь щекой къ его щекѣ и заставляя его тихо качаться вмѣстѣ съ собою, какъ это дѣлаютъ съ больными малютками, чтобъ усыпить ихъ страданія.

Но не помогло это средство Васѣ: онъ отдавался ласкамъ доброй тетки, но не успокоивали, не утѣшали онѣ его, не сообщались ему ея слезы, и его воспаленные глаза горѣли все тѣмъ же пожирающимъ, неумолимымъ какимъ-то огнемъ.

— Тетушка, сказалъ онъ,—вѣдь это конецъ!

— А Богъ съ тобою, Васинька! воскликнула она спѣшно, чтобы не дать ему замѣтить свою собственную тоску, принимаясь цѣловать его волосы,—и хуже ему, можетъ, въ первый разъ было, а Богъ помогъ.

— Его убили, промолвилъ опять Вася.

— Убили! съ ужасомъ повторила Анна Василтевна, вглядываясь въ него лицомъ въ лицо.

Онъ не отвѣчалъ. Она еще крѣпче прижала голову его къ своей щекѣ.

— Пожалуйста, снова заговорилъ онъ, — не зовите *ее* сюда!...

Анна Васильевна смущенно заморгала своими влажными вѣками: она поняла, о комъ говорилъ Вася.

— Звать? зачѣмъ? промолвила она. — Сама придетъ, увидитъ, бѣдняжечка.

— Да, да, захохоталъ вдругъ Вася короткимъ, судорожнымъ смѣхомъ,—сама увидитъ, *бѣдняжечка*!

Анна Васильевна поблѣднѣла какъ полотно и испуганными глазами глянула на него, потомъ на меня.

Я отвернулся.

— Голубчикъ Вася, начала она торопливо,—а ты бы легъ себѣ, можетъ уснулъ бы, успокоилъ себя?

Онъ разсѣянно, вскользь поцѣловалъ ее въ голову, приподнялся и, какъ будто вспомнивъ что-то вдругъ:

— Доктора! воскликнулъ онъ, ни на кого не глядя.—Да развѣ можетъ онъ остаться живъ послѣ этого!

И онъ быстрыми шагами направился въ комнату отца.

Мы дошли до дверей за нимъ.

Онъ сѣлъ въ уголъ противъ отца, на бывшее мѣсто Анны Васильевны, сжалъ свои обѣ руки колѣнями и словно застылъ въ этомъ положеніи.

Анна Васильевна обернулась на меня и пошла назадъ въ Васину комнату, какъ бы приглашая меня послѣдовать за нею.

— Борисъ, заговорила она и не докончила: ее давили слезы.

— Только, ради Бога, не спрашивайте меня ни о чемъ, голубушка Анна Васильевна! взмолился я,—меня самого душили рыданія.

— А ходи же ты скорѣе до твоего француза! воскликнула она съ новымъ испугомъ, взглянувъ на мое, должно быть, очень разстроенное лицо,—ходи сейчасъ, сейчасъ, чтобы мнѣ еще за тебя не отвѣчать предъ Софьей Михайловной!

И добрая женщина нѣжно обняла меня, какъ обнимала сейчасъ Васю, и, выпроваживая меня въ корридоръ, повторяла:

— И сейчасъ спать ложись, и спи до полудня; французу такъ и скажи, что я просила, чтобы далъ тебѣ спать... И постарайся, примолвила она съ какимъ-то внезапнымъ умиленіемъ,—постарайся мать свою во снѣ увидать. Счастливый ты, Борисъ, что у тебя такая мать есть!

Керети былъ уже на ногахъ; его разбудили шумъ и бѣготня людей мимо дверей нашихъ комнатъ; онъ собирался идти провѣдать меня.

— Ah, vous voila! J'allais vous voir... Mais qu'avez vous? воскликнулъ онъ, съ искреннимъ участіемъ озирая меня.

— Я такъ измучился,... *тамъ* такіе ужасы происходятъ! съ усиліемъ проговорилъ я.

— Oui, oui, Macsimiche—то-есть Максимычъ — m'a tout conté. Il parait que le pauvre homme a été frappé une seconde fois. Mais dites-moi...

— Я не въ состояніи вамъ ничего сказать, cher monsieur Qué, я такъ усталъ, я спать хочу.

Онъ не настаивалъ, заботливо самъ уложилъ меня на свою постель и вышелъ на цыпочкахъ изъ спальни.

XXXIV.

Я тотчасъ же заснулъ и проспалъ довольно долго. Громкій говоръ въ сосѣдней комнатѣ разбудилъ меня.

— Che (je) n'ai rien fait—ch'ai (j'ai) fait voir! острилъ, хихикая, наглый Булкенфрессъ.

— Et vous osez vous en targuer encore (вы смѣете этимъ хвастаться), vous, vous complaisez à en faire le récit (вы самодовольно разсказываете это)? негодующимъ голосомъ отвѣчалъ на это Керети. — Eh bien, c'est hideux tout ça, musicien, — c'est moi qui vous le dis! (это отвратительно, скажу вамъ)... D'autant, примолвилъ онъ, — тѣмъ болѣе, что я въ сущности не обязанъ вѣрить вашимъ словамъ, какъ Евангелію, d'admettre vos assertions comme paroles d'Evangile!

— А! вы мнѣ не вѣрите! Мнѣ, Iohann-Maria Bogenfrisch aus Salzburg! злобно прошипѣлъ Булкенфрессъ. — Такъ можете вашего воспитанника спросить; онъ видѣлъ, какъ я, de ses deux yeux vu.

Искры запрыгали у меня въ глазахъ; я вскочилъ какъ сумасшедшій съ постели и вбѣжалъ къ нимъ въ комнату.

— Да, я видѣлъ и скажу, что вы... задыхаясь отъ негодованія, лишь только проговорилъ я.

— Taisez vous! крикнулъ на меня Керети, ухватывая меня за обѣ руки.—N'osez pas mêler mon élève à vos saletés! громко обратился онъ къ музыканту.—Мой воспитанникъ ничего не видѣлъ. Понимаете вы это?

— Какъ не видалъ, какъ не видалъ! весь перемѣнясь и заикаясь забормоталъ тотъ,—онъ самъ...

— Vous me faites pitié! вы мнѣ жалки! презрительно прервалъ его мой французъ. — Vous voulez un procès verbal, — trés bien! Я допрошу его, но не иначе, какъ въ присутствіи здѣшняго хозяина, господина Галагая, en présence de monsieur de Galagai, le maitre de céans; согласны вы?

Булкенфрессъ глянулъ на него зайцемъ изъ-подъ очковъ и забѣгалъ по комнатѣ.

— Comment ne comprenez vous pas, malheureux, продолжалъ Керети,—qu'il faut vous taire à tout prix, что вы должны молчать, какъ рыба; что если узнаютъ о той роли, какую вы играли dans toute cette lamentable histoire, васъ не продержатъ часа лишняго въ этомъ домѣ,—et vous y êtes bien, on ne trouve pas tous les jours des positions comme celle que l'on vous y a faite! А вы сами лѣзете въ петлю! Et pourquoi—je vous le demande?

— Mon jer (cher) ami, жалобнымъ голосомъ заговорилъ вдругъ Булкенфрессъ, такъ и захлебываясь своими словами и не обращая никакого вниманія на нетерпѣливыя движенія и знаки, которыми Керети тщился остановить потокъ его безстыдныхъ откровеній,—mon jer ami, вы не знаете, какъ они меня обидѣли, какъ оскорбили мою честь, meine Ehre! Я отъ добраго моего сердца вижу, она такая хорошенькая женщена, une si cholie femme, и онъ, этотъ рыцарь изъ Курляндіи, dieser Ritter aus Kurland, такъ влюбленъ въ нее,—и я дѣлалъ для нихъ все, что могъ, я упросилъ ее отвѣчать на его письма,... потому, вы сами знаете, мужъ ея—это болѣе не человѣкъ, er ist ja kein Mensch mehr,—мнѣ было ее такъ жалко, такъ жалко!... А дворянинъ этотъ совсѣмъ пропадалъ отъ любви къ ней, der Edelmann war ganz zu Grunde... Онъ два раза ночью, переодѣтый, пріѣзжалъ сюда,... онъ готовъ былъ застрѣлиться, потому она все не рѣшалась видѣться съ нимъ наединѣ... И когда она наконецъ согласилась, и они подумали, что я имъ болѣе не нуженъ, — очки Булкенфресса свалились отъ волненія съ его крючковатаго носа, и близорукіе красненькіе глазки просительно обернулись на меня,—вы сами видѣли, молодой человѣкъ, она мнѣ двери свои въ носъ закрыла,... а онъ подарилъ мнѣ жалкую булавку

съ драгоцѣннымъ камнемъ, une misérable épingle mit einem Edelsteine, какъ будто я продажный человѣкъ, какъ какой-нибудь русскій исправникъ, comme un russischer ispravnik, и сталъ таиться отъ меня... Они полагали, что я не узнаю, не открою мѣста ихъ свиданія.

— Et la misérable épingle, la lui avez vous renvoyée, а отослали вы ему булавку? неожиданно фыркнулъ отъ смѣха мой гувернеръ.

Булкенфрессъ глянулъ на него оторопѣлымъ взглядомъ.

— Я хотѣлъ самъ... началъ было онъ. Но Керети не далъ ему продолжать.

— C'est un détail qui nous intéresse peu du reste, mon élève et moi, отрѣзалъ онъ, сообразивъ, что смѣхъ не долженъ былъ имѣть мѣста въ эту минуту, когда ему доставалось играть такую блестящую, рыцарскую роль. — Довольно, assez causé. Тутъ идетъ рѣчь о спасеніи чести женщины, матери, il s'agit de sauver l'honneur d'une femme, d'une mère! проговорилъ мой наставникъ театральнымъ, но искренно прочувствованнымъ голосомъ, и, положивъ руку на мое плечо, примолвилъ, откидывая голову назадъ: — je vous réponds de lui, я отвѣчаю за него! Длинные и жидкіе волосы его, которыми онъ вѣчно старался прикрыть свою лысину, разсыпались при этомъ бахрамой за ушами. Но ему было не до волосъ,—ему надо было доканать Булкенфресса.

— Quant à vous, mon Jago, рекъ онъ ему, — мнѣ отвѣчаетъ за васъ если не вашъ странный нравственный кодексъ, votre singulier code de morale, то во всякомъ случаѣ вашъ собственный интересъ; если вы хотите сохранить ваше положеніе въ здѣшнемъ домѣ... и вашу кожу, votre peau, — car cet officier après tout, объяснилъ Керети, отчеканивая каждое свое слово и видимо наслаждаясь впечатлѣніемъ, какое рѣчь его производила на окончательно, казалось, сконфузившагося музыканта, — car cet officir pourrait n' y point trouver matière à rire (потому что ваша болтовня можетъ, пожалуй, показаться и не забавною этому офицеру),—vous vous tairez. Et sur ce bonjour, bonjour, musicien, докончилъ мой наставникъ и величественно помахалъ ему рукой, изображая

этимъ жестомъ, что аудіенція-молъ кончена, и ты можешь убираться.

Булкенфрессъ поднялъ на него свои опущенные глаза и, схвативъ его за руку, принялся усиленно трясти ее съ громкимъ, напускнымъ смѣхомъ.

— Eloquent comme feu Mirabeau! воскликнулъ онъ, — и, въ виду этого вашего краснорѣчія, ничего другимъ и не остается дѣлать, какъ безмолствовать, какъ рыбы. Nous allons donc tous conchuguer (conjuguer) le ferbe (verbe) „se taire". Je me tairai, tu te tairas, il se taira, — и онъ указалъ на меня пальцемъ... Bonjour, bonjour, poète! передразнилъ онъ вдругъ съ необыкновеннымъ искусствомъ голосъ и движеніе моего наставника,—и съ новымъ смѣхомъ выбѣжалъ въ корридоръ.

Керети сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ ему вслѣдъ, но пріостановился, поднялъ преувеличенно плечи и, вернувшись ко мнѣ:

— Вы видѣли предъ собою, наставительнымъ тономъ заговорилъ онъ,—одинъ изъ гнуснѣйшихъ образцовъ человѣческой природы, un des plus abjects spécimens de la nature humaine. Quelle étude pour un grand poète comme Hugo, par exemple! неожиданно присовокупилъ онъ къ этому.

— О, еслибы вы меня не удержали! воскликнулъ я, чувствуя новый приливъ негодованія, затихшаго было во время предыдущей сцены, и удивляясь, какъ это могло во мнѣ затихнуть, — еслибъ вы меня не схватили за руки, я бы, кажется, его... я бы высказалъ ему, по крайней мѣрѣ, все, что я думаю про него!.. Вѣдь это онъ, онъ убилъ этого несчастнаго человѣка, monsieur Qué, онъ привелъ насъ къ бесѣдкѣ, откинулъ ставень, и тотъ увидѣлъ...

— Pardieu, il s'en flatte, le misérable! воскликнулъ мой наставникъ не менѣе горько, сочувственно глядя на меня блестящими глазами, — онъ вполнѣ заслуживалъ бы, чтобъ его отсюда шлепками выгнали. Mais il parlerait alors pour se venger,—и Керети внушительно покачалъ головой, — et c'est ce qu'il faut éviter à tout prix! Я полагаюсь на васъ, Борисъ, vous ne vous trahirez pas, n'est ce pas? Вы не забудете qu'il y va de l'honneur d'une femme, d'une mère! повто-

рилъ онъ съ новою торжественностью. Эта фраза, повидимому, натолкнула его на новую мысль, и онъ заходилъ вдругъ по комнатѣ, громко задекламировавъ:

Oh! n'insultez jamais une femme qui tombe!
Qui sait sous quel fardeau la pauvre âme succombe,
Qui sait...

Онъ вдругъ остановился и пристально поглядѣлъ на меня:

— Я сегодня же напишу вашей матушкѣ и буду настаивать, чтобъ или она пріѣзжала немедленно домой, или позволила бы намъ и безъ нея вернуться à Tikvode. А не то вы кончите тѣмъ, что заболѣете, — tout ce qui se passe ici vous affecte trop, — вы слишкомъ нервны и впечатлительны. Et puis,—досказалъ онъ, снова закачавъ головой,—c'est commencer pour vous à connaître la vie de trop bonne heure...

— А Вася? подумалъ я, — и сердце у меня сжалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ точно чѣмъ-то благоухающимъ и свѣжимъ, какъ запахъ ландыша, сорваннаго весеннимъ утромъ, пахнуло на меня при мысли о Тихихъ-Водахъ, о нашемъ старомъ лѣсѣ, гдѣ каждая тропинка хранила мои слѣды, и о моей чистой, безупречной матери, съ ея строгими глазами и невыразимо нѣжною улыбкой...

Дверь изъ корридора съ шумомъ отворилась въ это время, и въ комнату ввалился Ѳома Богдановичъ, таща за руку „племянника пана Яна", того самаго Людвига Антоновича, который такъ удачно тогда, въ саду, предводительствовалъ турецкою арміей и накрылъ подъ шалашомъ Сашу Рындина со всѣмъ его войскомъ.

За ними шелъ Булкенфрессъ, безпокойно выглядывая метавшимися во всѣ стороны глазками: онъ, очевидно, возвращался сюда не по собственному желанію.

— А отъ же самъ онъ, Борисъ! заговорилъ, порывисто дыша, хозяинъ, — спытаемъ и его... Ну, садитесь, панъ студіозусъ, милости просимъ...

Онъ усадилъ его, самъ сѣлъ напротивъ, верхомъ на стулъ и, заглядывая студенту въ лицо:

— То якъ же, пане, повѣдзице, началъ онъ, подлаживаясь подъ польскій языкъ,—кепско съ моимъ Герасимомъ?

Людвигъ Антоновичъ принялъ вдумчивый и ученый видъ, гораздо болѣе забавный, чѣмъ когда онъ, махая шпагой и съ козырькомъ на затылкѣ, велъ своихъ чалмоносцевъ противъ русскаго фельдмаршала.

— По освидѣтельствованіи паціента, убѣдившись, что онъ пораженъ apoplexia cerebri, или, другими словами, что надо полагать здѣсь разрывъ мозговыхъ сосудовъ, я, на основаніи указаній науки, приказалъ выпустить ему достаточное число крови, доказавъ предварительно молодому сыну паціента, что безъ того онъ можетъ моментально лишиться отца своего... Но исцѣленія не доставляетъ это средство, а въ семъ казусѣ вообще даже нельзя и ждать исцѣленія. Употребляютъ еще въ такихъ случаяхъ возбудительныя, какъ-то moschus, arnica и тому подобныя...

Ѳома Богдановичъ неожиданно всхлипнулъ.

— А якъ думаете, чи проживетъ онъ ще долго?

Студентъ пожалъ плечами.

— Медыкъ не профета, — а тимъ болѣе въ такихъ случаяхъ... Паціенты есть, что и долго живутъ послѣ такихъ пораженій,—а другіе умираютъ скоро...

Ѳома Богдановичъ схватился за голову.

— И якъ же то его, такъ *небога*, вдругъ!...

— А апоплексія-жь всегда такъ *вдругъ*, — улыбнулся студентъ, и насмѣшливо примолвилъ по-малорусски же: не пришлетъ съ вечора *паробка* (мальчика) казати, що на утро прійде.

— А все-жь зъ якой-нибудь причины случилось то, не выпуская головы своей изъ рукъ, разсуждалъ, тяжело охая, добрый помѣщикъ.

— Моральна якась, муси быть, была причина, глубокомысленно проговорилъ Людвигъ Антоновичъ.

— А Богъ съ вами! живо возразилъ Ѳома Богдановичъ,— якъ позавчера жилъ онъ, и вчера такъ, и сегодня... Съ чего-жь взять яку-съ тамъ моральну причину?

— Або я знаю! дернулъ опять плечомъ студентъ.

Булкенфрессъ заерзалъ на мѣстѣ и, сорвавъ очки съ носу, началъ протирать ихъ платкомъ. Керети, на половину не понимавшій разговора, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за лицами присутствовавшихъ, стоя и прислонясь спиной къ коммоду, стоявшему въ простѣнкѣ, между оконъ.

Догадка студента о „моральной причинѣ" тѣмъ не менѣе произвела впечатлѣніе на Ѳому Богдановича. Онъ задумался, потеръ рукой свою лысину и, вспоминая вдругъ:

— Савелій тотъ старый, началъ онъ, взглянувъ на Булкенфресса и меня, сказалъ, что оба вы тутъ были, когда...

— Были, подтвердилъ я тотчасъ же.

— А ты хиба не спалъ, Борисъ, что въ садъ попалъ съ ними?

— Я спалъ, когда меня разбудилъ Савелій и просилъ помочь ему, что Герасиму Ивановичу вздумалось въ садъ...

— А онъ часто на шпацырь (прогулку) въ садъ велѣлъ себя возить ночью? спросилъ меня студентъ.

Я нѣсколько смутился отъ этого вопроса.

— Я не могу сказать вѣрно, отвѣчалъ я, подумавъ, — но меня сегодня въ первый разъ разбудили...

— И не замѣтили въ паціентѣ какого-либо симптома, по коему можно было бы заключить о предрасположеніи его организма къ тому, что случилось съ нимъ? началъ Людвигъ Антоновичъ новый затруднительный для меня вопросъ.

Булкенфрессъ значительно взглянулъ на меня, какъ бы приглашая не торопиться отвѣтомъ.

Я сказалъ, что замѣтилъ необычное Герасиму Ивановичу волненіе, какъ предъ прогулкой, когда онъ настойчиво и безъ всякихъ объясненій требовалъ только, чтобъ его везли въ садъ, такъ и во время прогулки, что причины этой его тревоги ни я, ни Савелій объяснить себѣ не могли, что въ аллеяхъ было, дѣйствительно, темно и нельзя было видѣть его лица, и онъ ничего не говорилъ, кромѣ „вези" да „вези", что, наконецъ, когда мы остановились на одномъ мѣстѣ—на какомъ именно я не упомянулъ, и пріостановился, соображая, какъ бы обойти половчѣе весь этотъ страшный эпизодъ предъ „храмомъ отдохновенія",—на этомъ мѣстѣ, объяснилъ я, я услыхалъ ужас-

ный крикъ,—какъ будто онъ чего-то страшно испугался, домолвилъ я невольно,—и шумъ паденія Герасима Ивановича въ кусты...

— Любопытно, медленно проговорилъ студентъ, — какой предметъ или явленіе могли возбудить въ его мозговыхъ нервахъ это непонятное съ вашихъ словъ ощущеніе страха, или испуга...

Булкенфрессъ привскочилъ на мѣстѣ, какъ будто озаренный мыслью, объвснявшею все.

— А ви забилъ вашъ собака? крикнулъ онъ мнѣ,—какъ онъ мене совсѣмъ хотѣлъ на куски раздирать?...

— Нѣтъ, не забылъ...

— И вообразитъ, Ѳома Богданшъ, началъ снова захлебываться музыкантъ,—я совсѣмъ не знай, што съ этимъ собака сдѣлался, когда мы становились на то мѣсто, онъ изъ-за деровъ выскочилъ и началъ лайть такъ страшно, что я самъ содригался и думалъ, онъ будетъ сейчасъ меня раздирать. И въ этотъ самъ время,—голосъ музыканта рѣзко перешелъ въ минорный тонъ,—я увидалъ бѣдній, бѣдній Герасимъ Иваншъ всталъ въ кресло... и вдругъ, какъ если ноги его срѣзалъ большой ножъ, упалъ какъ полѣнъ дровъ, носъ впередъ въ дерева... И я думалъ, онъ завсѣмъ уже мертвій!.. Ви спрашивалъ, и Булкенфрессъ поворотилъ къ Людвигу Антоновичу плаксиво скорченное лицо свое,—ви спрашивалъ: какой тутъ мошетъ быть моральный пришинъ?... Вотъ онъ пришинъ!

И онъ указующимъ жестомъ ткнулъ пальцемъ по направленію стола, подъ которымъ на коврѣ, мирно уложивъ носъ свой на переднія лапы, отдыхала злополучная Сильва отъ ночныхъ своихъ похожденій.

— А щобъ тебя волки зъили, песъ анаѳемскій! крикнулъ въ первомъ пылу негодованія Ѳома Богдановичъ и отпустилъ „моральной причинѣ“ Булкенфресса такой пинекъ каблукомъ, что бѣдная собака перевернулась на спину отъ перепуга и, съ поджатою отъ боли заднею лапой, кинулась въ спальню Керети подъ кровать, отчаянно взвизгивая и воя.

Наставникъ мой, весь блѣдный, отдѣлился отъ коммода и шагнулъ къ Ѳомѣ Богдановичу.

— Que vous a donc fait *ma* chienne, monsieur, pour que vous lui infligiez ce châtiment? проговорилъ онъ глубоко оскорбленнымъ тономъ.

Музыкантъ невыразимо насмѣшливо глянулъ на него поверхъ очковъ: „Il s'agit de sauver l'honneur dune femme, d'une mère", такъ и говорилъ, казалось мнѣ, его саркастическій и наглый взглядъ.

— Ну, извините, извините, мусье, не сердитесь! тотчасъ же приходя въ себя и, очевидно, ужасно раскаяваясь въ своемъ поступкѣ, бросился Ѳома Богдановичъ обнимать моего гувернера.—Не помретъ отъ того псица ваша, pas mourir, la chienne, объяснилъ онъ по-французски,—а Герасимъ мой бѣдный вѣдь слышали, отъ ея лаю, можетъ, и жизнь свою кончитъ...

Добродушный Ѳома Богдановичъ собирался, повидимому, еще разъ заплакать, какъ дверь изъ корридора снова отворилась и въ нее глянуло чье-то женское лицо.

— А кто тамъ? крикнулъ онъ и немедленно же метнулся къ двери.

Вошла бойкая, не очень молодая, но щеголеватая горничная Любови Петровны, Прасковья Ильинишна.

— Здѣсь господинъ докторъ? спросила она.

— А на что вамъ? полюбопытствовалъ Ѳома Богдановичъ.

Горничная, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ упрека въ выраженіи, отвѣчала, что барыня ея „очень нервами разстроились" послѣ посѣщенія ея Ѳомой Богдановичемъ и такъ себя „слабо чувствуютъ", что „почти съ дивана встать не могутъ". А такъ какъ „онѣ очень желаютъ посѣтить *больнаго*", то и просятъ господина доктора побывать къ нимъ: не пропишутъ-ли они имъ лавровишневыхъ капель, или другаго подкрѣпительнаго лѣкарства?"

— А чѣмъ, чѣмъ я ее разстроилъ? загоготалъ Ѳома Богдановичъ, подбѣгая къ Прасковьѣ Ильинишнѣ и тревожно заглядывая ей въ глаза.

Та улыбнулась.

— Извѣстно, жеманно молвила оно, скользнувъ взглядомъ по краснощекому лицу „доктора", взиравшаго, въ свою оче-

редь, не безъ удивленія на ея шелковый фартукъ и чепчикъ à la Fanchette,—извѣстно, барыня очень нѣжной комплекціи и деликатнаго характера, а вы изволили такъ безъ *сандута* (что́ хотѣла она сказать этимъ французскимъ *sans doute* въ русскомъ падежѣ — осталось невѣдомымъ), не *приготовимши* ихъ нѣсколько, объявить имъ о Герасимѣ Иванычѣ. Какіе они ни на есть, хотя и мужемъ ихнимъ назвать ихъ, почитай, нельзя, одначе все они имъ не чужой, а супругъ законный, добавила она съ насмѣшливымъ оттѣнкомъ.

— Такъ я же ей про кого говорилъ? Про законнаго ея мужа,—не про чужаго!... оправдывался Ѳома Богдановичъ.— Вы успокойте ее, панъ студіозусъ, чтобъ она, бѣдная, не слишкомъ плакала. Да лѣкарство напишите ей... можетъ такое напишете, что не надо и рецепта: у Богуна спытайтесь,— у насъ всей той медицины много повыписано...

— Я сейчасъ къ нимъ пойду, сказалъ студентъ, вставая съ мѣста.

Горничная ушла.

— А отъ этой дамы я ужь поѣду въ Селище, объявилъ Людвигъ Антоновичъ.

— А на що, на що? закричалъ хозяинъ.

Оказывалось, что студентъ назавтра собирался уѣхать въ К. и уже нанялъ для этого жида-*фурмана*, но Ѳома Богдановичъ удержалъ его и упросилъ остаться при больномъ до пріѣзда доктора изъ города, и что такимъ образомъ ему необходимо отказать жиду, предваривъ его во-время, чтобы „Ицекъ“ не потребовалъ съ него всей суммы, уговоренной между ними за проѣздъ.

— До Селища всего четыре версты, двадцать минутъ ѣзды, объяснялъ Людвигъ Антоновичъ, — я съѣзжу, покончу съ Ицкомъ и черезъ часъ буду назадъ...

— Ну, добре, нехай по-вашему! согласился наконецъ Ѳома Богдановичъ.—Только ворочайтесь швитко, да скажите пану Яну, что, о, кака недоля у насъ приключилася, чтобы пріѣхалъ до насъ,—можетъ совѣтъ какой дастъ и все такое,... за людьми и горе легче человѣку терпѣть...

— Онъ и такъ хотѣлъ ѣхать до васъ, какъ только прі-

ѣхали за мною кони ваши, молвилъ студентъ, — да пріѣхалъ до него эскадронный ротмистръ овса покупать. Такъ онъ съ нимъ зостался...

— Какой скадронный? воскликнулъ хозяинъ.—Гольдманъ же нашъ тутъ у Герасима съ Ганной моею сидитъ... Сами видѣли!...

— Другій, отвѣчалъ Людвигъ Антоновичъ,—съ четвертаго эскадрона, что въ Юрасовкѣ стоитъ.

— Баронъ!

Ѳома Богдановичъ даже припрыгнулъ.

— А онъ самый есть.

— Такъ прошу же васъ, панъ студіозусъ, засуетился онъ,—напишите рецептъ Любови Петровнѣ, и швитче, швитче поѣзжайте до Селища, чтобы баронъ тотъ не уѣхалъ себѣ до Юрасовки, и такъ и скажите ему: что не можетъ того быть, не повѣритъ старый Галагай, чтобы онъ не пріѣхалъ до Богдановскаго, что, можетъ, какъ не пріѣдетъ теперь, николи больше не увидится онъ съ Герасимомъ, съ тѣмъ самымъ, что онъ его съ генераломъ тогда изъ К. привезли недужнаго до насъ, и что я знаю, что онъ любитъ того *небога*...

— О, да! не могъ удержаться ввернуть сюда свое ѣдкое слово Булкенфрессъ, — баронъ фонъ-Фельзенъ ошень любитъ весь здѣшній семействъ...

Ѳома Богдановичъ поднесъ фуляръ свой къ глазамъ.

— И ужь не скажу (не знаю), какъ и его любятъ здѣсь всѣ, воскликнулъ онъ, махнувъ платкомъ съ рѣшительнымъ видомъ, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, и, подхвативъ студента подъ-руку, вышелъ съ нимъ изъ горницы.

Музыкантъ поднялся со стула и, не двигаясь, долго провожалъ его глазами.

— Vieux Paillasse, va! проговорилъ онъ наконецъ, взглянувъ избока на Керети, и махнулъ платкомъ точь-въ-точь такъ, какъ только-что сдѣлалъ это Ѳома Богдановичъ.

Французъ мой не выдержалъ опять и расхохотался... Булкенфрессъ только того и ждалъ, повидимому; онъ вздернулъ очки на носъ съ торжествующимъ видомъ и удалился. Очень

непріятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ смѣхъ Керети. Онъ самъ очень скоро какъ бы почувствовалъ неумѣстность такого сочувствія наглости Булкенфресса, которую онъ такъ еще недавно громилъ съ высоты своего рыцарства, — и съ презрительно выставленною впередъ губой поглядѣлъ въ спину удалявшагося музыканта: „Animal“ проговорилъ онъ уже громко, когда тотъ изчезъ за дверями, и нетерпѣливо принялся переводить съ затылка на лобъ свои разлетѣвшіеся волосы.

Я поспѣшилъ уйти въ комнату больнаго.

XXXV.

Васю я засталъ на томъ же мѣстѣ, въ томъ же положенія, со сжатыми межъ колѣней руками, съ неподвижно прикованнымъ къ отцу взоромъ,—точно не прошло цѣлыхъ трехъ часовъ съ той минуты, какъ я ушелъ отъ него. И какъ бы подъ магнетическимъ вліяніемъ этого неотступнаго взора, изъ котораго словно текли незримыя струи молитвенно-нѣжнаго и скорбно-баюкающаго сыновняго чувства, черты недужнаго успѣли потерять свое первое, безобразно-страдальческое выраженіе. Глаза были полузакрыты, искривленныя губы подобрались почти въ прежнія, знакомыя складки, грудь тише и ровнѣе подымалась и падала; мирный сонъ, сказали бы вы, вѣялъ надъ нимъ, еслибъ отъ времени до времени свистящій звукъ, прорывавшійся изъ его гортани, и желтоватая пѣна, закипавшая въ углахъ его рта, не свидѣтельствовали о томъ, что это былъ не сонъ, а тяжкое забытье, не крѣпительный, возрождающій отдыхъ, а развѣ лишь отсутствіе прямаго, сознательнаго страданія.

Окна были всѣ растворены настежъ; свѣжій воздухъ и мягкій свѣтъ первой осени свободно проникали въ обширный покой... Какимъ-то новымъ, страннымъ умиленіемъ охватило меня вдругъ... Къ этому пламенному солнцу, на крыльяхъ этого тихаго вѣтра, чудилось мнѣ сквозь слезы, упорною пеленой застилавшія мнѣ глаза, понесется скоро душа, отрѣшенная отъ той жалкой плоти, что тутъ, въ углу, прячется теперь отъ нихъ за зелеными ширмами, приставленными заботливой рукой Анны Васильевны... И какъ сладко, какъ легко

будетъ этой изстрадавшейся душѣ нестись, нестись безконечно по лазурнымъ волнамъ безпредѣльныхъ пространствъ, гдѣ „ни плача, ни воздыханія“, а все ближе, ближе къ тому вѣчному непостижимому... Но будетъ-ли эта освобожденная душа помнить о молодой, безутѣшной жизни, что такъ неразрывно, такъ болѣзненно сливалась съ ея жизнью на землѣ? Вымолитъ ли сыну отцовская душа тотъ тихій миръ, въ которомъ такъ сурово отказано было здѣсь ей самой? Или не вынесетъ утраты молодая жизнь эта и, вслѣдъ за отцомъ, понесется и она, отрѣшенная отъ оковъ земныхъ, къ тому же вѣчному солнцу, на чьихъ-то невидимыхъ, избавительныхъ крыльяхъ?...

Все тутъ же была и Анна Васильевна: она сидѣла у одного изъ оконъ, выходившихъ на павильонъ, а рядомъ съ нею, спиной къ окну, вытягивалъ длинныя ноги свои впередъ угрюмый командоръ, задумчиво навивая себѣ на палецъ нескончаемый усъ. Они молчали оба, и, въ первую минуту, я ихъ даже не замѣтилъ. Но они внимательно слѣдили за мною и, встрѣтившись нечаянно глазами съ Анной Васильевной, я какимъ-то внутреннимъ чутьемъ почувствовалъ, что та-же печальная и въ то же время отрадная „думка“ объ *избавленіи*, о томъ о чемъ-то другомъ, невѣдомомъ, но лучшемъ, ожидающемъ Васю, проносилась и предъ ея мысленнымъ взоромъ. Да и кто, въ чьей душѣ не изсякла жажда вѣчной справедливости,—а есть-ли такая человѣческая душа, которая, вопреки отрицаніямъ своей гордыни, не взалкала бы хоть разъ въ жизни по этой недостижимой для нея, но несомнѣнной, необходимой, гдѣ-то неизбѣжно сущей высшей справедливости? — Кто не „погадалъ бы той же думки“, глядя теперь на Васю? За что суждена ему была эта безъисходная для нея мука? Чтó онъ сдѣлалъ, чѣмъ, какъ заслужилъ ее? „Я тоже Божіе созданіе, я тоже имѣю право на счастіе“, говорила *она*, его мать... И она не отреклась отъ того, что почитала этимъ своимъ правомъ, она завоевала себѣ это счастіе, купила его цѣной двухъ жизней... А онъ, этотъ нѣжный, „безгрѣшный“ мальчикъ, который самъ отдавалъ всего себя въ жертву, развѣ не былъ и онъ Божіе созданіе, развѣ менѣе, чѣмъ она, имѣлъ права на счастіе? Боже мой, да и думалъ-ли онъ когда-нибудь требо-

вать, смѣлъ-ли даже мечтать о счастіи? Какъ бѣдный листокъ, распустившійся на полусгнившей вѣткѣ, онъ молилъ лишь о томъ, чтобъ осенняя буря не сломила родной древесины, хилымъ бытіемъ которой питалось его собственное бытіе. И не вняла безпощадная буря, и ударила она, и сокрушила... Чѣмъ, для чего ему жить теперь?...

Командоръ мрачно переводилъ круглые глаза свои съ Васи на меня и обратно, словно злобствуя и негодуя на обоихъ насъ за что-то очень скверное, въ чемъ виноватыми оказывались мы. Точно такимъ же злобнымъ взглядомъ, вспомнилось мнѣ, глядѣлъ онъ на любимую свою собаку, подстрѣленную нечаянно на охотѣ однимъ изъ его товарищей и которую онъ принесъ на рукахъ верстъ изъ-за пятнадцати къ старому нашему коновалу, въ Тихія-Воды, на излѣченіе. Онъ и теперь, какъ и тогда, серьезно сердился, сердился за то, что чужое страданіе могло такъ глубоко захватывать его за сердце...

Я подошелъ къ нему и къ Аннѣ Васильевнѣ.

— Выспался, Боренька? спросила она меня, ласково и печально улыбаясь.

— А ночь на что? пробурчалъ командоръ, исподлобья глянувъ въ мою сторону.

— А ночью-жь онъ тамъ былъ, въ саду, еще тише объяснила Анна Васильевна.

— Съ нѣмцемъ? И маіоръ опять глянулъ на меня избоку.

Я утвердительно кивнулъ головой.

Онъ переложилъ ноги съ правой на лѣвую и, помолчавъ съ минуту:

— А вотъ бы кого выпороть на порядкахъ! промолвилъ онъ.

— А, Богъ съ вами! испуганно возразила Анна Васильевна.—За что?

Онъ наморщился, потянулъ усъ.

— Чтобъ не блудилъ! коротко кивнулъ онъ ей наконецъ въ отвѣтъ.

Она уже не съ первымъ недоумѣніемъ подняла на него глаза, какъ бы что-то припомнивъ и соображая, мелькомъ,

какъ бы съ боязнью глянула на павильонъ—и невольно вопросительно перевела свой взглядъ на меня.

— Вѣрно, милая Анна Васильевна, подтвердилъ я, наклоняясь къ ней.

Она вся покраснѣла, заморгала, опустила голову, какъ будто уличенная сама въ какомъ-то преступленіи...

— А не встрѣтился ты съ Ѳомой Богдановичемъ? спросила она, стараясь уже не смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Онъ сейчасъ былъ у насъ, въ комнатѣ m-r Керети, съ Людвигомъ Антоновичемъ. За этимъ присылала сейчасъ Любовь Петровна; онъ и пошелъ къ ней, а съ нимъ и Ѳома Богдановичъ.

— Любочка до себя доктора просила? А что съ ней? проворно спросила Анна Васильевна.

— Горничная ея говорила, что она очень разстроилась тѣмъ, что Ѳома Богданычъ разсказалъ ей про Герасима Иваныча, и что она хотѣла придти сюда, только очень слаба...

— Ахъ, Боже мой миленькій! воскликнула Анна Васильевна,—просила-жь я Ѳому не бѣгать до ней. А онъ, должно быть, не успѣла она глазъ открыть, напужалъ ее до смерти!... Пойду я къ ней, чтобы чего еще горшаго не вышло...

Она глянула за ширмы, потомъ на насъ и на Савелія, уныло и недвижно прислоненнаго къ стѣнѣ въ головахъ своего барина, и, убѣдившись, что больной и Вася могутъ обойтись и безъ нея, вышла изъ комнаты.

Что-то въ родѣ горькой улыбки сложилось подъ длинными усами командора. Его невзрачное, грубое лицо необыкновенно какъ-то вызывало меня на довѣріе въ эту минуту.

Ѳома Богданычъ, началъ я прямо, садясь подлѣ него на мѣсто, оставленное Анной Васильевной, — Ѳома Богданычъ очень просилъ Людвига Антоныча, — онъ сейчасъ ѣдетъ въ Селище,—сказать тамъ барону Фельзену, чтобъ онъ непремѣнно пріѣзжалъ сюда.

— На что? спросилъ маіоръ, не поворачивая головы.

— Провѣдать вотъ... я кивнулъ на кровать. — Ѳома Богданычъ, примолвилъ я, подчеркивая слова, — убѣжденъ, что баронъ очень любитъ бѣднаго Герасима Иваныча...

Командоръ бровью не моргнулъ.

— А онъ въ Селищѣ? сказалъ онъ помолчавъ.

— Да.

— Давно?

— Онъ нынче утромъ пріѣхалъ, говорилъ Людвигъ Антоновичъ, овесъ покупать у пана Яна.

— Откуда?

Я не ждалъ этихъ вопросовъ. Знаетъ-ли маіоръ все, что происходило въ саду, размышлялъ я, — а въ такомъ случаѣ отъ кого же онъ могъ узнать это: неужели отъ того же мерзостнаго Булкенфресса? Или онъ только догадывается о чемъ-то и допытываетъ меня? А если такъ, то я не могу, не имѣю права выдать эту тайну. „Je ne dois pas me trahir", повторилъ я мысленно слова моего гувернера.

— Откуда? повторилъ я. Изъ Юрасовки, должно-быть, вѣдь онъ тамъ стоитъ.

Командоръ одобрительно, показалось мнѣ, покосился на меня и, сморщивъ брови, погрузился въ новое молчаніе.

— Неужели онъ рѣшится сюда пріѣхать? заговорилъ я опять.

Мысль объ этомъ настойчиво преслѣдовала меня, и меня такъ и тянуло высказать ее командору.

— Кто? переспросилъ онъ по своему обыкновенію.

— А баронъ этотъ.

— А для чего ему не пріѣхать? Знакомъ! фыркнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ.

Я поднялъ на него глаза.

— Онъ такъ много зла надѣлалъ здѣсь,... робко прошепталъ я, невольно оглядываясь въ сторону Васи, хотя весь разговоръ нашъ шелъ вполголоса, и на разстояніи, на которомъ мы были отъ него, онъ рѣшительно не могъ ничего слышать.

— Такъ для того и ѣхать! отвѣчалъ маіоръ съ какимъ-то оттѣнкомъ злости въ тонѣ.

— Какъ для того? съ удивленіемъ повторилъ я.

Онъ взглянулъ на кончики своихъ сапоговъ, переложилъ

ноги съ лѣвой на правую и презрительно проговорилъ, оборачиваясь къ окну:

— А то какъ же: сблудилъ; и въ кусты!

Что это? Намекъ на Булкенфресса, или просто, безъ всякаго намека, командоръ хотѣлъ сказать этими словами, что Фельзенъ обязанъ, именно потому, что „много зла надѣлалъ", не прятаться, не избѣгать тѣхъ, кто пострадалъ отъ этого зла?... Или еще, что пріѣхать въ Богдановское, какъ ни въ чемъ не бывало, по первому приглашенію Ѳомы Богдановича, представлялось лучшимъ для Фельзена средствомъ зажать ротъ тѣмъ, кто сталъ бы доискиваться или объяснять причину удара, поразившаго вновь отца Васи?... Но поди, добейся теперь, что именно хотѣлъ сказать этотъ сфинксъ въ маіорскихъ эполетахъ!...

Я и не добивался; я глядѣлъ на стройный обликъ Васи, отчетливо выдѣлявшійся на темнозеленой обивкѣ ширмъ, служившихъ ему фономъ. Недвижный, безмолвный и печальный, съ наклоненною къ отцу головой, вокругъ которой густыми кольцами вились его свѣтлыя кудри, и опущенными длинными рѣсницами, тѣнь отъ которыхъ падала на его мертвенно-блѣдныя щеки, онъ походилъ въ эту минуту на могильный памятникъ, на изваяніе ангела, слетѣвшаго съ неба за душой умирающаго...

— О, несчастный мальчикъ! вырвалось у меня невольно.

— За то мать красавица, отрѣзалъ маіоръ, глядя въ окно.— Полюбуйтесь!

Она тихо подвигалась вдоль сквозной галереи, по направленію дома, въ сопровожденіи Анны Васильевны. Онѣ шли, очевидно, сюда, къ намъ.

— Надо Васѣ сказать, промолвилъ я громко.

Командоръ опять какъ-то одобрительно покосился на меня и будто еще задумчивѣе потянулъ внизъ свои усы.

Я осторожно прошелъ за ширмы и сталъ въ ногахъ больнаго. Глаза у него были совсѣмъ закрыты, дыханье стало ровнѣе; онъ, казалось, дѣйствительно уснулъ на этотъ разъ.

Въ передней послышались шаги.

— Любовь Петровна идетъ сюда. Вася, тихо проговорилъ я, наклоняясь къ его уху.

Онъ словно проснулся отъ какого-то далеко уносившаго его сна и со страшнымъ изумленіемъ поднялъ на меня глаза.

— Твоя maman идетъ сюда, повторилъ я.

Онъ провелъ рукой по лицу, глубоко и тяжело вздохнулъ и, взглянувъ еще разъ, какъ бы на прощанье, на спавшаго отца, ушелъ въ свою комнату, приперевъ за собою дверь.

Любовь Петровна была уже тутъ, въ комнатѣ мужа, и, остановившись на порогѣ, послала долгій взглядъ вслѣдъ за удалявшимся Васей. Горько и печально было его выраженіе. Она поняла...

Неужели это была та же женщина, которую я сегодня ночью видѣлъ тамъ, въ „храмѣ отдохновенія", съ закрытыми отъ стыда, казалось мнѣ, и ужаса глазами, которая часъ тому назадъ такъ была „нервами разстроена", что не могла встать съ дивана отъ слабости? Произвели-ли чудеса предписанныя ей Людвигомъ Антоновичемъ средства, или возбужденная гордость ея давала ей эту силу,—но не униженною, не сломанною горемъ и раскаяніемъ вошла теперь она въ эту комнату. Она вошла спокойная и изящная, какъ всегда, тихо приблизилась къ скорбному одру своего „законнаго супруга", по выраженію ея горничной, и, опершись локтемъ объ уголъ кровати и подбородкомъ на руку, стала безмолвно глядѣть на него. Рука эта слегка дрожала... Я стоялъ еще тутъ, рядомъ съ ней, и жадно слѣдилъ за нею. Она это видѣла, и глаза ея приняли знакомое мнѣ *русалочное* выраженіе; безъ блеска глядѣли они впередъ загадочно и безучастно, не отражая ни внутренняго трепета, ни лицемѣрной жалости,—только глубже, казалось мнѣ, ушли они внутрь своихъ впадинъ, и сухи были сжатыя губы, которыя она нервно покусывала своими матовыми зубами, какъ бы стараясь заглушить внѣшнею болью что-то еще болѣе болящее въ ея душевной глуби...

— Онъ спитъ, кажется, промолвила она.—Онъ спитъ, не правда-ли? спросила она Анну Васильевну, зашедшую вслѣдъ за нею за ширмы, безпокойно глядя на нее.

Та утвердительно кивнула.

— Спитъ, значитъ—не страдаетъ... Слава Богу! сказала она тихо, какъ бы про себя, и едва замѣтно перекрестилась.

И она осторожною поступью направилась къ креслу, стоявшему у окна.

Командоръ привсталъ и отпустилъ ей глубокій и сухой поклонъ.

— Que je ne vous dérange pas, садитесь пожалуйста, молвила она, усаживаясь сама. — Этого надо было ожидать, начала она, пытливо поглядывая то на командора, то на смущенную тетку, которая, въ свою очередь, вопросительно подымала то-и-дѣло на нее глаза и тотчасъ же боязливо опускала ихъ, какъ только встрѣчались они съ ея взглядомъ: — этого надо было ожидать: всѣ доктора, въ Петербургѣ и за границей,—а съ кѣмъ я не совѣтовалась! примолвила она, слегка приподымая плечи,—всѣ говорили мнѣ, что этого рода пораженія безпощадны, что за ударомъ, раньше или позже, неминуемъ бываетъ другой, третій... Развѣ бывали случаи, чтобъ отъ этого когда-нибудь радикально вылѣчивались? обратилась она къ маіору, какъ бы требуя отъ него подтвержденія своимъ словамъ.

Командоръ промычалъ отрицательно. Она какъ-бы благодарно-ласково улыбнулась ему.

— Мы должны еще благодарить Бога, продолжала она,— что организмъ *его* настолько былъ живучъ, что мы почти три года могли поддерживать его кое-какъ... Въ послѣднее время ему даже было замѣтно лучше...

— А совсѣмъ же къ лучшему шло! печально воскликнула Анна Васильевна,

— Мнѣ впрочемъ, заговорила опять Любовь Петровна,— этотъ молодой человѣкъ, cet étudiant en médecine, говорилъ, что отчаяваться не слѣдуетъ, что жизнь можетъ еще продолжиться...

— Какая ужь къ чорту это жизнь, сударыня! пробурчалъ вдругъ маіоръ и тутъ же сконфуженно отворотился, словно говоря себѣ:—дернуло же меня хватить такую штуку дамѣ!

— Какая жизнь была ему всѣ эти три года! глубоко вздохнула она.—Я бы для себя не хотѣла такой жизни!... Страдать

самому и знать, что изъ-за тебя мучаются другіе! Да развѣ смерть, воскликнула она съ блеснувшимъ мгновенно взоромъ,— развѣ смерть не предпочтительнѣе въ тысячу разъ такого существованія?...

Анна Васильевна потупилась съ такимъ видомъ, что конечно-молъ такая жизнь хуже пекла, но какъ рѣшаешься мы говорить объ этомъ?

— А кого изъ докторовъ можно надѣяться увидѣть скорѣе? спросила ее Любовь Петровна.

— А Кикинъ, уѣздный, должно быть пріѣдетъ, отвѣчала та, — только толку съ него не будетъ, потому давно забылъ себя человѣкъ...

— Дядюшка совсѣмъ было уморилъ меня сегодня, заговорила опять Любовь Петровна, — онъ такъ напугалъ меня, что я подумала... все кончено. Конечно, не утѣшительно и это,... но все же надежда еще не совсѣмъ потеряна для тѣхъ, кому онъ дорогъ, задумчиво домолвила она.

Страннымъ оттѣнкомъ звучали эти слова: словно хотѣла она сказать ими, что она допускаетъ, что онъ можетъ быть „дорогъ" другимъ, не ей, и что ей вѣдомо, что этого никто и не предполагаетъ, и что она слишкомъ горда, чтобъ унизить себя притворствомъ, дѣлая видъ, что она его любитъ.— Знаетъ-ли она, или не знаетъ, что происходило тамъ, подъ окномъ „храма отдохновенія?"—думалъ я:—знаетъ-ли, что не случай, „котораго надо было ожидать", а то, что видѣлъ ея „законный супругъ", лишило его послѣднихъ признаковъ человѣческаго существа? И я глядѣлъ на нее все пристальнѣе и внимательнѣе и чувствовалъ на себѣ опять ея прежнее, всегдашнее обаяніе. Да полно, и происходило-ли тамъ что-нибудь, не видѣлъ-ли я все это во снѣ? представлялось мнѣ даже минутами, — такъ хотѣлось мнѣ найти ее невиновною, объяснить просто тѣмъ, что дѣйствительно „напугалъ ее дядюшка", тѣ пробѣгавшія по ея лицу судорожныя движенія, которыя она старалась видимо прикрыть то зѣвотой, то легкимъ подергиваніемъ плеча, будто платье ея ей было узко. Мнѣ не хотѣлось допустить въ ней сознанія, раскаянія въ совершенномъ ею злѣ, но я чувствовалъ, что чѣмъ сильнѣе

страдала бы она имъ, тѣмъ холоднѣе отливало бы отъ синевы ея глубокихъ глазъ, тѣмъ высокомѣрнѣе улыбались бы эти сухія губы, которыя тщетно старался увлажить пробѣгавшій по нимъ воспаленный языкъ ея... Я читалъ на ея лицѣ выраженіе чего-то непреклоннаго до безпощадности, но очевидно было для меня, что не легко доставалась ей эта непреклонность: ее вызывало, казалось, изъ нѣдръ души ея опасеніе за дорогое ей и угрожаемое право, а не бездушіе преступника...

Командоръ, въ свою очередь, я замѣчалъ, внимательно наблюдалъ за красавицей, изъ-подъ своего равнодушнаго вида, и какъ бы допытывался, насколько въ эту минуту заслуживала она порицанія или снисхожденія. Мало-по-малу разжимались его сурово сдвинутыя брови: и его будто подкупали эти спокойствіе и гордость, и красота, и онъ, какъ я, спрашивалъ себя можетъ быть: да въ чемъ же виновата она въ сущности?

Только на маленькомъ, говорившемъ всѣми своими тонкими морщинками лицѣ Анны Васильевны сказывался приговоръ Любови Петровнѣ; но какою тоской, какою нѣжностью къ виновной сопровождалось, видимо, это строгое осужденіе, которое принуждена она была изречь ей въ глубинѣ души своей! Бѣдная, бѣдная Любочка, словно выражало все это старенькое, подергивавшееся, растроганное лицо,—понимаешь ли ты, сознаешь-ли, какой грѣхъ приняла ты на душу и въ сей жизни, и въ вѣчной, какимъ страшнымъ, неисходнымъ горемъ отзовется на близкихъ тебѣ, на самой тебѣ твое преступное увлеченіе! И зачѣмъ ты это сдѣлала, Любочка? Неужели не могла ты... неужели этотъ „нѣмецъ лукавый“ дороже тебѣ всѣхъ, дороже сына роднаго?...

— Сюда, что ли? раздался грубый голосъ въ передней, съ шумомъ такихъ же грубыхъ, тяжело и неровно двигавшихся ступней, и въ дверяхъ показалось слонообразное, красноносое, заплывшее жиромъ тѣло, принадлежавшее извѣстному каждому мальчишкѣ въ нашей сторонѣ уѣздному врачу Кикину.

— Qu'est ce que cette horreur là? гадливо и удивленно воскликнула, никогда, повидимому, не видавшая его до сихъ поръ Любовь Петровна.

Анна Васильевна съ громкимъ привѣтствіемъ, чтобы заглушить обидное восклицаніе племянницы, пошла къ нему на встрѣчу.

Онъ грузно наклонился къ ней и зашлепалъ губами что-то такое же нескладное, какъ и онъ самъ. Можно было понять только, что онъ видѣлся съ Ѳомой Богдановичемъ и знаетъ о случаѣ съ Герасимомъ Ивановичемъ.

Она повела его за ширмы и вывела оттуда, очевидно для проформы. Полезнаго совѣта она не ожидала отъ Кикина, да и ожидать было трудно: уѣздный эскулапъ еле языкомъ ворочалъ.

— Дѣло видимое, бормоталъ онъ, опускаясь на стулъ,— на чистоту, значитъ... Тарелочки двѣ выпустить можно...

— Чего это? презрительно спросила Любовь Петровна.

Онъ повернулъ къ ней мутные зрачки своихъ отекшихъ глазъ:

— Не извольте безпокоиться.... сударыня, залепеталъ онъ снова, усиленно моргая слипавшимися вѣками,—правило знаемъ.... а противъ Божія произволенія, конечно... потому каждому... каждому, повторилъ онъ съ жалобнымъ, слезливымъ вздохомъ,—предѣлъ свой положенъ...

И онъ совсѣмъ закрылъ глаза.

— А видѣли недужнаго, видѣли? зашепталъ на всю комнату вбѣжавшій Ѳома Богдановичъ, кидаясь къ нему.

— Чего видѣть? громко отвѣчалъ ему со своего мѣста командоръ,—когда у человѣка въ глазахъ вѣдьмы прыгаютъ.

— А бачу-жь я, бачу! съ отчаяніемъ воскликнулъ Галагай, — не въ своемъ видѣ человѣкъ! Проспаться дать ему треба... А закусить съ дороги не хочете? крикнулъ онъ на ухо Кикину.

— Можно, проговорилъ тотъ, раскрывая глаза и тяжело подымаясь со стула.

Маленькій Ѳома Богдановичъ подхватилъ обѣими руками пошатывавшагося слона подъ руку и потащилъ его съ собою вонъ.

— Людвигъ Антоновичъ будетъ заразъ назадъ, съ баро-

номъ, возгласилъ онъ на ходу, обращаясь къ женѣ, и исчезъ за дверями передней.

Анна Васильевна мгновенно приподнялась, какъ бы намѣреваясь бѣжать за нимъ, и въ какомъ-то изнеможеніи опустилась на мѣсто. Командоръ такъ же внезапно подобралъ свои вытянутыя ноги подъ стулъ—и тучъ же злобно дернулъ усъ свой внизъ, какъ бы наказуя себя за это невольное движеніе.

Горячимъ румянцемъ покрылось вдругъ все лицо Любови Петровны и столь же быстро поблѣднѣло вновь, но въ дрогнувшихъ прозрачныхъ ноздряхъ ея, въ рѣзкой улыбкѣ, сложившейся въ углахъ ея губъ, сказалось какъ будто еще болѣе рѣшимости, чѣмъ прежде. Потемнѣвшими, но попрежнему спокойными глазами повела она кругомъ себя, какъ бы спрашивая: чего вы такъ испугались всѣ?...

Я поспѣшилъ къ Васѣ въ комнату.

Онъ ходилъ по ней взадъ и впередъ и вопросительно остановился, увидѣвъ меня.

— Докторъ сейчасъ былъ, сказалъ я ему.

— Докторъ!

Онъ было двинулся къ двери.

— Онъ ушелъ, остановилъ я его,—это Кикинъ, извѣстный пьяница; онъ даже ничего говорить не могъ. А Герасимъ Ивановичъ не просыпался... И *всѣ* тамъ, промолвилъ я тише.

Онъ снова заходилъ по ковру.

— Какъ его зовутъ,—Кикинъ? переспросилъ онъ.

— Да.

— Онъ пьяница?

— Извѣстный. Папа приказалъ не пускать его никогда къ намъ въ Тихія-Воды.

— И онъ ничего не сказалъ?

— Онъ не могъ ничего, Вася...

— А другіе скажутъ что-нибудь, ты думаешь, спасутъ *его?*

Онъ остановился противъ меня и глядѣлъ мнѣ прямо въ лицо съ отчаяннымъ до злости выраженіемъ.

Я опустилъ глаза,—у меня не было отвѣта ему...

— И тѣмъ лучше, проговорилъ онъ, наклоняясь еще

ближе ко мнѣ и пропуская слова сквозь стиснутые зубы, — теперь чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!...

— Вася!... Я схватилъ его за руку. Онъ освободилъ ее изъ моей и зашагалъ опять изъ угла въ уголъ, наталкиваясь на стулья и столы, вздрагивая плечами и безсознательно хрустя суставами судорожно ломаемыхъ рукъ.

— *Она*, все тамъ? нѣсколько разъ принимался онъ спрашивать меня.

— Тамъ, Вася, отвѣчалъ я печально, не зная, что дѣлать съ нимъ, чѣмъ помочь этому безпредѣльному, сосредоточенному, грозному отчаянію...

Такъ прошло довольно много времени.

XXXVI.

Въ корридорѣ послышались опять шаги и голоса, или, вѣрнѣе, гудящій какъ дудка шепотъ, которымъ Ѳома Богдановичъ считалъ нужнымъ говорить съ утра; онъ велъ кого-то и горячо благодарилъ его:

— И не скажу вамъ, просто, якъ одолжили вы насъ пріѣздомъ своимъ; добре зналъ я, что не оставите вы насъ однихъ въ горѣ... И обрадуются же вамъ всѣ мои дамы. Тутъ онѣ всѣ, тутъ, у Герасима, говорилъ онъ у двери нашей комнаты.—Людвигъ Антоновичъ, ходите вы прямо до нихъ и кажите имъ, можетъ, лучше недужнаго одного себѣ оставить, такъ, можетъ, онѣ выйдутъ... Погодите, погодите, я самъ съ вами, перебилъ онъ себя и торопливо промолвилъ еще кому-то:—А милости просимъ васъ, зайдите пока сюда, въ эту горницу...

Дверь изъ корридора отворилась,—и въ эту дверь вошелъ баронъ Фельзенъ.

Съ перваго же взгляда можно было прочесть на его лицѣ, что это былъ человѣкъ, которому выпала тяжелая обязанность и который рѣшился стойко, чего бы это ему ни стоило, выполнить ее до конца. Командоръ не ошибался,—онъ пріѣхалъ въ Богдановское по первому приглашенію хозяина,—для того ли, чтобы никто не могъ подумать, что онъ „сблудилъ—и въ кусты“, или потому, что тутъ была любимая женщина, которая, по его мнѣнію, могла нуждаться въ его защитѣ,—какъ бы то ни было, но онъ, очевидно было, пріѣхалъ потому, что почиталъ это своимъ долгомъ... Холодно, сдержанно и подо-

зрительно глядѣли его темные глаза, искусственная улыбка блуждала подъ его красиво приподнятыми вверхъ усами...

— Извините за нескромность, господа, промолвилъ онъ, учтиво кланяясь намъ,—я никакъ не ожидалъ попасть такъ нечаянно...

Онъ обрѣзалъ вдругъ на этомъ словѣ, встрѣтившись глазами съ глазами Васи, и остановился на полпути, какъ бы выжидая.

Вася стоялъ у окна на противоположномъ концѣ комнаты и, глубоко задумчивый и недвижный, глядѣлъ въ это окно въ продолженіе всей болтовни Ѳомы Богдановича въ корридорѣ; онъ ничего не слышалъ, даже когда скрипнула дверь и вошелъ въ нее гусаръ,—онъ обернулся лишь на неожиданный звукъ этого голоса, этого ненавистнаго голоса...

Онъ обернулся и уставился на Фельзена, какъ бы не вѣря самому себѣ. Его пронимала дрожь, зубы его застучали слышно... Онъ рванулся съ мѣста, пробѣжалъ два шага — и не могъ,—ноги его подкашивались. Онъ ухватился обѣими руками за конторку письменнаго стола, стоявшаго поперекъ комнаты.

— Уходите прочь! едва переводя дыханіе, проговорилъ онъ.

Фельзенъ закусилъ губу и такъ же сдержанно и холодно повелъ на него взглядомъ.

— Что это значитъ? спросилъ онъ и глянулъ на меня, какъ бы призывая меня въ свидѣтели и судьи.

— Вася, ради Бога!... попытался я остановить его.

Но онъ перебилъ меня.

— Уходите! я не хочу... Я васъ ненавижу! крикнулъ онъ Фельзену.

Лицо барона передернуло, но мгновенно вспыхнувшій на немъ гнѣвъ смѣнило тотчасъ же выраженіе искренняго состраданія.

— Вашъ пріятель боленъ, у него начинается горячка, обернулся онъ опять ко мнѣ,—вы бы позвали доктора изъ той комнаты.

— Если вы не уйдете, я васъ убью!

И Вася схватилъ со стола тяжелую фаянсовую песочницу и поднялъ ее съ размаха надъ головой своей.

— Что ты дѣлаешь! бросился я къ Васѣ съ такимъ перепугомъ, что на крикъ мой изо всѣхъ дверей выбѣжали такъ же перепуганные Ѳома Богдановичъ, Максимычъ, Анна Васильевна, командоръ...

Но я не успѣлъ остановить удара: песочница съ грохотомъ ударилась о стѣну, — осколки ея и песокъ обрызгали Фельзена какъ дождемъ.

— Всему есть мѣра! вскрикнулъ онъ и шагнулъ впередъ...

— Ну, это шутишь, баронъ! мгновенно очутился между ними маіоръ Гольдманъ.—Пойдемъ-ка лучше отсюда, тутъ рядомъ у мальчика отецъ умираетъ!... И онъ направился къ двери, приглашая его строгимъ взглядомъ слѣдовать за нимъ.

Фельзенъ опустилъ глаза, повелъ плечомъ — и безмолвно вышелъ.

— А чи ты сказився (съ ума сошелъ)? подбѣжалъ къ Васѣ разгнѣваннымъ пѣтухомъ Ѳома Богдановичъ.—Въ моемъ домѣ? Моего гостя?... Да что-жь ты думаешь, что я, Ѳома Галагай, пущу, чтобъ у меня...

— А ты, Ѳома Галагай, коли не хотишь ты сироту обидѣть, такъ выслухай меня напередки! взмолилась Анна Васильевна, прежде чѣмъ успѣлъ вымолвить слово Вася,—и уцѣпилась обѣими руками за шею мужа.

При словѣ „сирота“ весь гнѣвъ слетѣлъ мгновенно съ раскраснѣвшихся ланитъ Ѳомы Богдановича; онъ опустилъ глаза разомъ и разомъ же поднялъ ихъ на Васю съ какимъ-то трогательнымъ замѣшательствомъ.

— Ну, а кажи-жь ты мнѣ, прошу тебя, Василю, задрожавшимъ отъ волненія голосомъ заговорилъ онъ,—за что ты такъ взбунтовался на барона, на гостя моего?...

— А ходимъ, ну, ходимъ, Ѳома, не допытывай его, самъ видишь, до сказовъ-ли ему теперь! торопилась увести его Анна Васильевна.—Отъ меня все узнаешь, почти на ухо ему промолвила она, и съ глубокою жалостью взглянувъ еще разъ на Васю:—дай ему воды напиться, шепнула она мнѣ, а если, не дай Боже, замѣтишь что худое, бѣги скорѣй до меня сказать...

Она ушла, увлекая за собою безпрекословно послушнаго и совершенно растерявшагося Ѳому Богдановича.

Я поспѣшно налилъ въ большой богемскаго стекла стаканъ воды изъ такого же графина—они постоянно стояли у насъ на столикѣ за большимъ платянымъ шкафомъ,—и понесъ стаканъ Васѣ.

Онъ опустился въ кресло у письменнаго стола, еще весь дрожа и блѣдный какъ смерть.

Онъ жадно припалъ губами къ стакану и выпилъ до дна. Я принялъ его обратно изъ его обезсилѣвшей руки и отнесъ на мѣсто. Только въ эту минуту я замѣтилъ, что мы остались въ комнатѣ не одни: у двери, которая вела въ комнату больнаго, какъ бы припирая собою эту дверь, стояла, прижавшись къ ней спиной, мать Васи. Недвижная какъ мраморъ, она глядѣла на сына съ выраженіемъ, въ которомъ ужасъ смѣшивался съ какою-то отчаянною рѣшимостію.—„Я на все готова", казалось, говорила она.

— Что съ тобою, что ты сдѣлалъ?... начала она.

Я такъ и исчезъ въ креслѣ за платянымъ шкафомъ.

„Боже мой, что же это будетъ!" съ трепетомъ ждалъ я...

Вася поднялъ глаза.—и онъ только теперь увидалъ стоявшую противъ него мать. Кровь мгновенно прилила къ его лицу и такъ же быстро отступила. Онъ поднялся съ мѣста:

— Пустите меня, я къ папа пойду! воскликнулъ онъ; въ его возбужденномъ воображеніи представлялось, какъ будто въ эту минуту мать загораживаетъ ему единственный путь, чрезъ который онъ могъ бы пройти къ отцу.

— Я не мѣшаю тебѣ, промолвила Любовь Петровна, отодвигаясь отъ двери и садясь на близъ стоявшій стулъ,—только я прошу у тебя объясненія... И голосъ ея дрогнулъ.

— Объясненія? безсознательно повторилъ Вася и такъ же безсознательно снова упалъ въ свое кресло. Взоръ его блуждалъ кругомъ, какъ будто ища какого-либо предмета, который могъ бы припомнить ему что-то ускользнувшее у него изъ памяти.

— Да,—ты сейчасъ неслыханно оскорбилъ человѣка...

Какъ отъ прикосновенія горячаго желѣза, вернулась вся

память къ Васѣ отъ этого слова. Глаза его вспыхнули, и онъ, не давъ матери кончить...

— Вашего любезнаго? поспѣшилъ онъ точно кинуть ей это ужасное слово.

Какъ ни готова была она на все, но этого, видно, она не ожидала... Она приподнялась съ мѣста, качнулась и выпрямилась тутъ же...

— Ты это смѣешь сказать мнѣ... мнѣ, твоей матери?...

— Не матери... Вася злобно закачалъ головой,—не матери, повторилъ онъ,—а убійцѣ моего отца!...

Она кинулась, внѣ себя, къ нему, схватила его за плечи и судорожно принялась трясти ихъ.

— Понимаешь-ли ты, что говоришь, ты—безумный?... Ты обвиняешь меня въ преступленіи!... Что же, по-твоему, я отравила что-ли твоего отца?...

— Безъ отравы,—хуже!.. отвѣчалъ Вася, отводя отъ себя ея руки.

Она опустила ихъ внезапно внизъ, отошла отъ него на шагъ и глянула ему въ лицо испуганнымъ взглядомъ.

— Ты бредишь, ты боленъ? вскрикнула она.

— *И вашъ* сейчасъ говорилъ, что я боленъ, что у меня бѣлая горячка, возразилъ Вася съ короткимъ, ѣдкимъ смѣхомъ,—но я пока еще не брежу, — я ясно вижу, знаю, кто убилъ моего отца!...

— Его никто не убивалъ! гнѣвно проговорила она;—онъ давно уже былъ приговоренъ... немного ранѣе или немного позже, онъ долженъ былъ этимъ кончить.

— Немного ранѣе или позже! надрывающимъ голосомъ повторилъ за нею Вася... — И вы не могли подождать, — *немного* подождать, чтобъ онъ не кончилъ, по крайней мѣрѣ, отъ этого срама и горести, сегодня ночью!... Вѣдь онъ все видѣлъ...

Вася не могъ докончить — и, опрокинувшись въ спинку кресла, зарыдалъ неудержимымъ рыданіемъ.

Не ожидала, какъ видно, и этого, Любовь Петровна, — этого упрека, этого обличенія, этихъ безумныхъ сыновнихъ слезъ... Она растерянно оборотилась кругомъ и безсильно

упала на кровать Васи, стоявшую рядомъ со шкафомъ, за которымъ я сидѣлъ, не смѣя двинуться; и мать, и сынъ словно забыли о присутствіи третьяго въ эту минуту...

Любовь Петровна первая очнулась. Она не могла выдать себя сыну повинною головой. Она почитала себя правою, она,—я это понималъ чутьемъ, — кичилась сама предъ собой этою правотой своею... Не почиталъ-ли самъ я ее правою еще такъ недавно?...

— Я не признаю тебя судьей надъ матерью! воскликнула она. — Отчета въ моемъ поведеніи я не обязана давать тебѣ. Положеніе твоего отца—и это, промолвила она сухо, конечно похвально, — глубоко огорчаетъ тебя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возбуждаетъ до забвенія всякихъ приличій... и всякой справедливости!... Ты видишь предъ собою только *его* несчастіе... и не хочешь знать, что каждая минута жизни твоей матери съ нимъ была для нея нестерпимою мукой... Онъ истомилъ меня, истерзалъ,... когда я неповинна была предъ нимъ, какъ ребенокъ въ колыбели...

— Да, я помню, утеревъ свои слезы, прервалъ ее Вася,— мнѣ было десять лѣтъ тогда, а я какъ теперь помню... Папа— это было въ Петербургѣ, въ вашемъ будуарѣ, — поцѣловалъ вамъ разъ при мнѣ руку и сказалъ при этомъ—какъ теперь слышу: „знай, Любочка, что ты для меня сто разъ дороже жизни“... А вы, только онъ вышелъ, схватили стклянку съ духами и стали тереть ту руку, которую онъ цѣловалъ. И такое лицо у васъ было, что я, помню, убѣжалъ въ свою комнату и горько, горько заплакалъ... Я тогда еще понялъ, что *онъ* любилъ васъ такъ, какъ только можетъ любить человѣкъ, а вы... вы его за это ненавидѣли!...

— Я не могла его любить,—и Любовь Петровна вздрогнула всѣмъ тѣломъ, какъ будто все, что было для нея ненавистнаго въ ея прошедшемъ, воочію представало предъ ней въ эту минуту.—Я не могла, повторила она.—Онъ давилъ меня всю жизнь, какъ пудовая гиря!...

— За это и заплачено ему сполна сегодня ночью! новымъ злобнымъ, больнымъ смѣхомъ отвѣчалъ на новую обиду оскорбленный сынъ.

— А еслибъ это было и такъ! воскликнула Любовь Петровна. И, словно противъ ея воли, словно вырвавшись мятежно изъ-подъ сдерживавшихъ ихъ, опущенныхъ ея рѣсницъ, надменно и страстно засверкали ея темно-синіе глаза. — Еслибъ я, дѣйствительно, любила этого человѣка, котораго ты позволилъ себѣ отсюда гнать, — кто имѣетъ право запретить мнѣ любить его? Не ты-ли, осмѣливающійся говорить съ матерью такимъ дерзкимъ, такимъ ядовитымъ языкомъ? Не ты-ли прикажешь мнѣ отказаться отъ единственнаго счастія, какое мнѣ, можетъ быть, суждено на землѣ послѣ того, какъ въ счастіи отказали мнѣ и мужъ мой, и сынъ!...

— Зачѣмъ отказываться? молвилъ Вася, опуская голову на руку, опиравшуюся о его колѣно:—сегодня одного похороните, завтра другаго,... и вы свободны!...

Любовь Петровна шагнула впередъ къ сыну, наклоняясь къ нему, и вспыхнула снова, и снова безсильно опустилась на первый попавшійся ей подъ руку стулъ.

— Ты меня никогда не любилъ, Вася! тихо сказала она, закрывая глаза себѣ ладонью.

— Я васъ не любилъ! съ мучительною тоской повторилъ онъ. Я за каждое ваше ласковое слово, за то только, чтобы вы посмотрѣли на меня такъ, какъ смотрятъ другія матери на своихъ дѣтей, я бы за это одно, кажется, съ радостію далъ бы себѣ пальцы отрѣзать!...

— А ты отъ меня не видалъ ласки, я на тебя никогда не смотрѣла, какъ смотрятъ другія матери,—ты можешь упрекнуть меня въ этомъ? горько вскрикнула Любовь Петровна, поднимая на него глаза съ дрожавшими на нихъ росинками слезъ.

Онъ закачалъ головой.

— Я вамъ сказалъ,—я съ десяти лѣтъ привыкъ все видѣть и понимать... Вы ласкали меня, вы были нѣжны,... но развѣ это то?... Вы точно купить меня хотѣли ласками, точно говорили: ты видишь, какая я добрая, нѣжная, — люби же меня, Вася, но люби одну меня, только меня! Вы не могли простить мнѣ, что я еще и *его* любилъ, что я не хотѣлъ отказаться отъ него... А вы подумали-ли хоть разъ: кто же бы безъ меня

у него остался?... Вы? кѣмъ можете вы дорожить? Чья нужна вамъ привязанность!... Въ васъ короли влюблены были,... дѣти готовы сломать себѣ шею, чтобы достать вамъ платокъ... Вамъ стоитъ только взглянуть!... А онъ бѣдный.... и рыданіе снова послышалось въ голосѣ Васи, — заброшенный, забытый... О, Боже мой! Когда только вспомню! Вѣдь тамъ, за границей, вы по цѣлымъ днямъ не видали его, вы веселились, принимали гостей,... за вами бѣгали, какъ за богиней какой-нибудь... А онъ? Вы никому его не показывали, стыдились его; вы при мнѣ... при мнѣ сказали разъ одному французу: mon pauvre idiot de mari! Вы это забыли, — да вамъ вѣрно и тогда въ голову не пришло, что мнѣ легче было бы, еслибы вы мнѣ глаза вырвали, чѣмъ это слышать отъ васъ о немъ! Вы вѣрили, вы хотѣли вѣрить, что онъ идіотъ, ничего не понимаетъ и не можетъ никогда выздоровѣть,—вы готовы были тогда, въ Женевѣ, оставить его въ maison de santé, а самимъ уѣхать со мной... Папа,—да это былъ мой сынъ! воскликнулъ внезапно Вася,—я ему былъ одинъ защитникъ, другъ и покровитель; я чувствовалъ, я зналъ, что онъ живетъ потому, что я живу, что я живу и дышу для того только, чтобъ онъ жилъ. И Богъ слышалъ мои молитвы, и ему все легче становилось, легче, онъ воскресалъ... И вы въ одну ночь, въ одну ночь...

Онъ закашлялся—и замолкъ.

Любовь Петровна безмолвно слушала, безсознательно перебирая пальцами по спинкѣ стула, на которомъ она сидѣла боком.

— Для тебя *онъ* все, а мать ничего! горестно проговорила она.

— А *я* для васъ что? горько вырвалось изъ устъ Васи.— Какое вамъ дѣло, что у васъ сынъ есть!...

— Какое дѣло!

Она съ новымъ упрекомъ взглянула на него: она въ эту минуту готова была, казалось, кинуться ему на шею; но онъ не видѣлъ,—онъ сидѣлъ, опустивъ низко голову въ руки.

— Другія матери, заговорилъ онъ опять, — онѣ умѣютъ жертвовать!...

Ее всю покоробило точно...

— Чѣмъ жертвовать? дрожащимъ голосомъ спросила она.

— Всѣмъ! Онъ тихо развелъ руки.

— И ты отъ меня этихъ жертвъ требуешь?

— Развѣ можно требовать? Вася тихо и печально улыбнулся.—Развѣ можно требовать? повторилъ онъ, оживляясь.— Мать... та, которая любитъ,... приноситъ ихъ сама — и не думаетъ, что это жертвы...

— Отдать все счастье моей жизни! съ новымъ страстнымъ увлеченіемъ перебила его Любовь Петровна.

— Вы хотите счастія! И глаза мальчика строго и тоскливо поднялись на мать.—Вы и взяли свое, *отдѣльное* счастіе. На что же я вамъ теперь?...

Она вдругъ заплакала.

— О, Вася... Вася, говорила она сквозь слезы,—вѣдь ты мнѣ сынъ, я носила тебя подъ сердцемъ,... и я такъ счастлива была твоимъ рожденіемъ! Я такъ долго надѣялась, — ты будешь для меня *все!*... Могу-ли я вырвать тебя изъ сердца!... Ты никогда не хотѣлъ вникнуть въ мое положеніе. — ты только о *немъ* думалъ. Но подумай,... ты самъ видишь, — *онъ* приговоренъ, давно приговоренъ: мы скоро останемся съ тобой... вдвоемъ,—ты и я... что же тогда? Неужели, какъ и теперь, ты будешь врагомъ твоей матери,... потому что ты мнѣ врагъ теперь, врагъ твоей матери, Вася, — я это на лицѣ твоемъ читаю...

Она ошибалась: не вражда, а безконечное, невыносимое мученіе читалось на его лицѣ; мрачно опущенные глаза его тупо приподнялись на мать и снова опустились. Онъ не отвѣчалъ.

— А ты подумай... И невыразимою лаской зазвучали глубокія ноты голоса Любови Петровны, — спроси себя самъ въ глубинѣ твоего сердца: возможно-ли это, чтобы сынъ ненавидѣлъ свою мать,... чтобъ онъ желалъ видѣть ее несчастною?..

Онъ уставился на нее тѣмъ же тупо допрашивавшимъ взглядомъ,—онъ не понималъ, о чемъ она ему говорила...

— Другъ мой, продолжала она молящимъ, сладко-звучавшимъ голосомъ,—погоди осуждать.... не торопись ненавидѣть меня!... Время успокоитъ тебя.... освѣтитъ... Ты разсудишь,

Вася, поймешь, что я родилась ни бездушною, ни порочною;— что жизнь, — безпощадная жизнь!... Развѣ ты думаешь, мнѣ было жить легко?... думаешь, что... и теперь... я не страдала... не мучилась... не боролась?... О Вася, mon enfant chéri, говорила она, — неужели не придетъ это время, когда ты все поймешь... и сжалишься—и простишь... простишь *тѣмъ*, кого ты сегодня такъ безжалостно... несправедливо оскорбилъ?...

И влажное лицо ея склонялось къ нему, и съ тревожнымъ, лихорадочнымъ ожиданіемъ заглядывала она ему въ глаза...

Онъ слушалъ ее, — и все шире, болѣзненнѣе и грознѣй раскрывались его воспаленные зрачки... При послѣднихъ ея словахъ нервно стало подергивать его нижнюю губу, и яркія пятна снова выступили на его щекахъ.

— Вы про кого это говорите? коротко отрѣзалъ онъ.

Она пошатнулась всѣмъ тѣломъ назадъ: какъ карточный домикъ отъ дуновенія ребенка, разлетѣлось все зданіе ея призрачныхъ надеждъ отъ одного этого вопроса. Брови ея сдвинулись, и сомкнувшіяся губы приняли не то страдальческое, не то вызывающее выраженіе.

— Простить! съ трудомъ пропуская слова сквозь зубы, заговорилъ Вася. — Кому? Вамъ?... Ему? Ему—съ какимъ-то скрежещущимъ смѣхомъ повторилъ онъ,—для кого вы забыли всякій стыдъ и долгъ вашъ,... потому это долгъ каждой матери, чтобы сыну ея никто не могъ въ глаза бросить, что у него безчестная мать!... А васъ сегодня три человѣка видѣли ночью, запершись съ этимъ *вашимъ*... И вы мнѣ это говорите, когда еще дышетъ и страдаетъ тутъ рядомъ, въ той комнатѣ, отецъ мой!... Отецъ мой, который умираетъ отъ васъ и отъ *него!*...

И, страшный какъ привидѣніе, будто сразу выросшій отъ муки и негодованія, вскочилъ съ своего мѣста Вася.

— Вы скажите ему, грохоталъ онъ сквозь кашель, душившій его,—что я ему не прощу никогда, никогда!... Скажите, чтобъ онъ меня избѣгалъ... скрывался... Я не ручаюсь... Я его убью... чѣмъ ни попало, палкой, камнемъ...

Въ невыразимомъ испугѣ поднялась Любовь Петровна,—и отступила на шагъ, и безсознательно протянула руку впередъ,

какъ бы для того, чтобы защититься отъ сына. Онъ, въ свою очередь,—его била лихорадка, и помутившіеся глаза блуждали какъ у безумнаго, — онъ, въ свою очередь, испугался этихъ, словно для преграды ему, протянутыхъ рукъ его матери.

— Пустите, пустите меня! крикнулъ онъ какимъ-то ребяческимъ визгомъ.—Онъ еще не мертвъ, онъ живъ, папа!... Пустите меня къ нему!...

И онъ со всѣхъ ногъ, оттолкнувъ ее, ринулся въ комнату отца...

XXXVII.

Любовь Петровна ухватилась за стулъ, — она шаталась... Блуждающіе глаза ея остановились на мнѣ.

— Дайте мнѣ воды, черезъ силу проговорила она.

Я растерянно глядѣлъ на нее только... Я сидѣлъ какъ раздавленный всей этою сценой.

— Воды! повторила она еле слышно.

Я кинулся къ ней со стаканомъ. Еще мигъ—и она грохнулась бы безъ чувствъ на полъ... Она уцѣпилась за мое плечо—и такъ и повисла на немъ.

Я обнялъ ее одной рукой, а другой поднесъ воду къ ея губамъ.

— Уведите меня отсюда, прошептала она, еще вся дрожа.

— Вы такъ слабы, — вамъ итти нельзя... Погодите немного! возражалъ я, суетясь и усаживая ее въ единственное кресло, находившееся въ комнатѣ и которое я какъ-то уловчился, не отымая руки отъ ея стана, подкатить къ ней, захвативъ ножку ея моею ногой.

Она мало-по-малу пришла въ себя. Я стоялъ предъ ней, уныло глядя на нее...

— Борисъ, заговорила она, быстрымъ движеніемъ проводя платкомъ по глазамъ своимъ,—вы все слышали... Это сынъ смѣлъ говорить своей матери... Вы свидѣтель,—я все сдѣлала, что могла... Я унижалась предъ нимъ...

— Вы видите, въ какомъ онъ состояніи, началъ я извинять моего друга,—онъ себя не помнитъ... Но вы сказали, время... Современемъ, я увѣренъ, Вася...

Я вовсе не думалъ того, что говорилъ ей теперь, — и не зналъ, какъ кончить... Но она сама́ себя не обманывала:

— Онъ! сказала она, сдвигивая брови:—онъ непреклоненъ и упоренъ!... какъ отецъ...

Она задумалась на мгновеніе.

— Нѣтъ у меня сына,—кончено! рѣшила она, горько и горестно улыбнувшись. Она говорила не мнѣ, она забыла о моемъ присутствіи,—устами ея лишь невольно громко сказывалось то печальное заключеніе, до котораго она додумывалась въ эту минуту...

Она подняла глаза, и вдругъ—точно только теперь замѣтила меня,—вся зардѣлась отъ стыда, отъ гордости... Ей, можетъ-быть, только теперь пришло на мысль: что онъ? зачѣмъ? къ чему торчитъ здѣсь предо мною?—какою злою насмѣшкой судьбы поставлена я въ положеніе призывать этого мальчика въ свидѣтели, въ судьи?... Что за позоръ!...

И она отвернулась отъ меня съ новою горькою усмѣшкой, — и опять черезъ мгновеніе подняла свои синіе глаза... Какой-то огонекъ пробѣжалъ въ нихъ теперь, словно уже новое ощущеніе выплывало изъ нѣдръ ея души, — словно за этою тоской по утрачиваемомъ сынѣ чуяла она, помимо своей воли, приближавшееся вѣяніе утѣшенія, вѣяніе грядущихъ,—быть можетъ, уже близкихъ—радостей... Такъ сквозь талый снѣгъ пробиваются робкіе побѣги первыхъ травъ подъ лучами весенняго солнца...

Такое, или почти такое сравненіе мелькало у меня въ головѣ, глядя на нее,—и въ то же время, ноя и негодуя, осуждало ее мое молодое, не истрепанное еще жизнью чувство. Она утѣшится, да,—думалъ я,—а онъ, мой бѣдный Вася... сирота, какъ заранѣе назвала его Анна Васильевна,—ему что останется?...

Она между тѣмъ поднялась и попробовала итти — и не могла...

— Дайте мнѣ руку! коротко и сухо проговорила она.

Я повиновался.

Она крѣпко прижалась къ моей рукѣ и кивнула мнѣ на дверь въ корридоръ.

Я повелъ ее медленно и молча; она двигалась съ трудомъ, и нервная дрожь пробѣгала то-и-дѣло по ея членамъ.

У самаго выхода на лѣстницу мы встрѣтились съ Галечкой. Она была одна и шла такъ скоро, что чуть не наткнулась на Любовь Петровну. Она тотчасъ же откинулась назадъ, низко присѣла и промолвила преувеличенно учтиво:

— Pardon, madame.

Любовь Петровна не поняла сначала.

— Bonjour, Anna, сказала она, — мы съ тобой не видались еще сегодня...

И она протянула ей руку.

— Pardon, madame, еще разъ сказала Галечка, не беря этой протянутой ей руки и проскальзывая бочкомъ мимо насъ въ корридоръ, — maman послала меня prendre des nouvelles de mon *pauvre* cousin. Она съ особымъ какимъ-то злорадствомъ проговорила это „mon *pauvre* cousin",—и убѣжала.

— Ah! on m'insulte déjà ici! едва слышно проговорила Любовь Петровна, и глаза ея запылали, между тѣмъ какъ губы сжались съ выраженіемъ гордаго, злаго презрѣнія...

Несомнѣнно было, что до ушей Галечки дошло уже о томъ, что произошло сегодня ночью (какъ узнала она объ этомъ — осталось для меня навсегда тайной,), и она почитала теперь неприличнымъ сохранять близкія отношенія съ женщиной, виновною въ такомъ страшномъ скандалѣ... Но не изъ одного только приличія дѣйствовала Галечка:—злая дѣвчонка мстила за Фельзена.

Все такъ же молча спустились мы съ лѣстницы и прошли на террасу.

Визгливый голосъ Ѳомы Богдановича раздавался еще издалека оттуда.

Онъ стоялъ къ намъ спиной въ дверяхъ и топоталъ ножками, обращаясь то къ Богуну, то къ такому же круглому и лысому, какъ онъ самъ, управляющему своему Перепеленкѣ:

— *Богацько, іому* (ему) *грошей слишуе?* спрашивалъ онъ.

— *А ще по пéреду* (впередъ) *забравъ за два мѣсяця*, отвѣчалъ управляющій.

— *А ты іому на що дававъ?* тотчасъ же и напустился на него тотъ.

— *А я іому не дававъ*, хладнокровно возразилъ Перепеленко.

— *Якъ не дававъ, якъ не дававъ, — а самъ кажешь, що забравъ винъ онъ по пéреду?*

— *А самы вы до конторы пришлы, давай, кажите, пивдесятъ карбованцивъ* (рублей)...

— Ну, ну, торопилъ его, такъ и прыгая, Ѳома Богдановичъ.

— *А я вамъ и давъ...*

— *Такъ що-жъ, що давъ?*

— *А вы и узялы и заразъ отдалы іому: на, казалы вы,—посылай до свого—Тыроля якогось,—казалы вы...*

— *Винъ и взявъ у меня?* спросилъ Ѳома Богдановичъ, почесывая лысину.

— *А то не возьме якъ даютъ?* уже засмѣялся Перепеленко.

— *Ну, и нехай винъ ими подавится!* рѣшилъ его панъ, махая рукой.—*Такъ ты слухай, Богунъ!* подскочилъ онъ къ дворецкому...

— *А слухаю-жъ!*

— *Ходь ты до іого и кажи такъ, що просыть васъ панъ іихать съ Богомъ туды, звиткиль* (откуда) *вы пріихалы, а що въ Богдановскомъ бильше васъ не треба... А колы, може, будетъ онъ пытать за що то, — кажи іому щобъ шелъ до маіора Гольдмана, — онъ іому повидае. А щобъ до мене, не дай Боже, ни лазивъ,—не хочу я нѣмецкаго іого носа и бачиты... Чуешь* (понимаешь)?

— А чую! засмѣялся въ свою очередь и Богунъ.

— *Бричьку ему запрягты, и щобъ подставы булы іому до самаго К.*

— *Добре!* закивалъ Богунъ.

— Дайте намъ пройти, дядюшка, молвила Любовь Петровна. — Мы, незамѣченные имъ, пріостановились было за его спиной...

Онъ живо обернулся, увидѣлъ ее и видимо смутился...

— *А идыть соби!* торопливо замахалъ онъ своимъ людямъ.

Богунъ и управляющій удалились.

Страннымъ взглядомъ глядѣлъ теперь на Любовь Петровну Ѳома Богдановичъ: въ этомъ взглядѣ было и смущеніе, и жалость, и какой-то испугъ, и большое, мучающее его, видимо, недоумѣніе...

— Можетъ имѣете что до К? спросилъ онъ ее.

Она подозрительно посмотрѣла на него.

— Зачѣмъ вы меня это спрашиваете?

— А кони наши туда пойдутъ съ музыкантомъ, залепеталъ Ѳома Богдановичъ, — такъ можетъ привезти что, аль отвезти?...

— Развѣ меня самоё, отвѣчала съ полуулыбкой она, — а то мнѣ рѣшительно нечего... А господинъ Богенфришъ ѣдетъ въ К.? небрежно спросила она, будто ничего не слыхала. — Надолго?

— А совсѣмъ себѣ ѣдетъ... И лицо Ѳомы Богдановича приняло еще болѣе сконфуженный и притомъ печальный видъ. *Добре гралъ нѣмець!* со вздохомъ глубокаго сожалѣнія примолвилъ онъ.

— Такъ зачѣмъ же вы его отсылаете?... Потому что, полагаю, онъ не по доброй своей волѣ оставляетъ вашъ домъ?...

Слова Любови Петровны звучали холодно, ровно, почти повелительно; глаза ея, въ упоръ устремленные на дядю, настоятельно требовали отвѣта. Гордость ея всевластно овладѣла ею вновь; я не чувствовалъ уже болѣе тяжести ея на моей рукѣ,—она точно вся поднялась, вся выросла опять...

Ѳома Богдановичъ зачесалъ себѣ лысину и сталъ переминаться съ ноги на ногу.

— А всю правду казать вамъ, — разрѣшился онъ наконецъ,—такъ и самъ я не знаю за что!... Тольки треба такъ! поспѣшилъ онъ прибавить, нахмуря брови, какъ бы ожидая опаснаго возраженія со стороны племянницы.

Но она не возражала и двинулась было впередъ, все не покидая моей руки, но Ѳома Богдановичъ очутился предъ нами и остановилъ насъ опять.

— Наробилъ онъ такогось чего, что и не разумѣю я, заговорилъ онъ опять, разводя руками, — только длинный тотъ Гольдманъ нашъ говоритъ, что коли останется онъ тутъ, — хуже будетъ, потому баронъ обѣщалъ морду ему побить...

Я почувствовалъ подъ локтемъ моимъ, какъ вся содрогнулась Любовь Петровна.

— И якъ я его длиннаго ни пыталъ, не хотѣлъ казать, за что такъ тотъ баронъ побить музыканта хочетъ... А самъ баронъ, какъ сверху сошелъ, такъ заразъ и уѣхалъ опять до Селища,—и проститься со мною не хотѣлъ,.. може чегось и соромно (стыдно) ему было, договорилъ сквозь зубы Ѳома Богдановичъ. — А Ганна мнѣ говоритъ: маіоръ задармо не скажетъ, ты его совѣта слухай... Ну, и другое что казала... запинаясь промолвилъ онъ, — такъ съ того всего я его рѣшилъ съ Богомъ до К. отправить...

— И хорошо сдѣлали! невольно вырвалось у меня.

— О! воскликнулъ Ѳома Богдановичъ, — и Борисъ туда же! А ты... Онъ замѣтилъ внезапную краску и смущеніе на моемъ лицѣ, взглянулъ на племянницу—и оборвалъ на полусловѣ. Его собственное лицо приняло невиданное еще мною на немъ выраженіе достоинства, и онъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ произнесъ:

— Только горько старому Галагаю, что въ его *честномъ* домѣ чтось такое негарное (нехорошее) зробилось, что хозяину того и сказать въ глаза не смѣютъ!...

Любовь Петровна немедленно подняла голову.

— Спросите вашу дочь, злобно и презрительно кивнула она ему,—она вамъ объяснитъ вѣроятно...

Ея рука вынырнула изъ-подъ моей руки, и она быстрыми шагами пошла по направленію своего павильона.

Ѳома Богдановичъ растерянно поглядѣлъ ей вслѣдъ и обернулся на меня,—губы его дрожали...

— А что ей до моей дочки? спросилъ онъ меня.

Я ему откровенно передалъ, что Галечка сейчасъ очень оскорбила свою „кузину“ своимъ колкимъ тономъ и даже руки ей не хотѣла дать.

Бѣдный Галагай схватилъ себя за голову.

— А щобъ тимъ всѣмъ бабамъ!... И чего тамъ Галечка сдурила?... А ты, Борисъ...

И онъ снова, видимо, готовился допрашивать меня, и снова не докончилъ фразы, сообразивъ можетъ-быть, что неприлично ему требовать объясненій по такому щекотливому обстоятельству у мальчика, у ребенка, какимъ неизмѣнно пребывалъ я въ его глазахъ съ тѣхъ временъ, когда въ красной рубашкѣ бѣгалъ, переваливаясь, по тѣнистымъ аллеямъ Богдановскаго. Или, просто, добрѣйшему „старому Галагаю" не хотѣлось, претило узнать ближе то что-то *негарное*, сотворившееся въ его „честномъ" домѣ, о чемъ онъ теперь лишь только смутно догадывался и что, предчувствовалъ онъ, должно было глубоко оскорбить и опечалить его...

Онъ съ обычнымъ ему въ такихъ трудныхъ случаяхъ движеніемъ, означавшимъ какъ-бы: „а пропадай же все!"—махнулъ рукой и побѣжалъ въ домъ.

Я остался одинъ на террасѣ. Воздухъ посвѣжѣлъ. Сквозь старыя липы пробивались солнечные лучи, рисуя странные узоры на желтомъ пескѣ аллей... Чѣмъ-то прощальнымъ вѣяло отъ этого осенняго дня, а на сердцѣ у меня было такъ тяжело...

Мнѣ вспомнился тотъ день, когда, лежа на травѣ съ бѣднымъ Васей, я глядѣлъ на пробѣгавшія тучки и удивлялся, что мой новый товарищъ могъ думать о темной могилѣ среди лучезарнаго дня, когда все въ природѣ кругомъ было блескъ и очарованіе, и вся она будто дышала проникающимъ и нѣжнымъ запахомъ каприфолія и бѣлой акаціи... Какъ далекъ я былъ теперь отъ той минуты!...

Знакомая читателямъ горничная Любови Петровны вышла тѣмъ временемъ изъ-за угла дома и, увидѣвъ меня, подошла быстрыми шагами:

— Докторъ не пріѣхалъ? торопливо спросила она.

— А что? воскликнулъ я:—Любови Петровнѣ дурно?

— Очень разстроились, хотятъ...

— Людвигъ Антоновичъ тутъ, перебилъ я ее,—онъ сидитъ должно-быть у больнаго; я сейчасъ...

— Нѣтъ, *ихъ* не нужно, остановила меня Прасковья

Ильинишна. Какой они докторъ! промолвила она, засмѣявшись, и даже почему-то покраснѣла слегка.—Барыня желаютъ знать, не пріѣхалъ-ли тотъ, за кѣмъ въ К. послали,—Кашеваровъ, что-ли, прозывается?...

— До К. семьдесятъ пять верстъ, объяснилъ я ей,—когда же бы успѣлъ онъ пріѣхать!... Да нѣтъ же, вспомнилъ я вдругъ,—сегодня вторникъ... На прошлой недѣлѣ Вася писалъ ему пріѣхать ранѣе и именно сегодня... Онъ навѣрно будетъ!... Любовь Петровна хочетъ съ нимъ посовѣтоваться насчетъ себя?...

— Нѣтъ, съ запинкой отвѣчала горничная,—онѣ бы желали знать... потому въ случаѣ...

— Въ случаѣ смерти бѣднаго Герасима Ивановича? договорилъ я за нее.

— Нѣтъ, напротивъ того... Я впрочемъ ничего не знаю, поспѣшила поправиться Прасковья Ильинишна.—Только ужь будьте такъ добры, миленькій баринъ, со столичнымъ своимъ жеманствомъ промолвила она,—не откажите прислать его къ намъ въ павильонъ, когда онъ тамъ *обревизуетъ* Герасима Ивановича... Барыня теперь ужь ни за что не пойдутъ туда!...

— Да вотъ не онъ-ли ѣдетъ? сказалъ я, не обративъ въ этотъ мигъ особеннаго вниманія на ея слова и прислушиваясь къ еще слабо, но уже несомнѣнно доносившемуся до насъ звуку колокольчика.—Слышите, звенитъ?

— Ну, и тѣмъ лучше, значитъ!

Прасковья Ильинишна припрыгнула безъ всякой надобности и побѣжала во-свояси.

XXXVIII.

Обогнувъ террасу, я вышелъ чрезъ калитку на *красный* дворъ. По прямой линіи добѣгавшей до него дороги, межъ параллельно обрамлявшими ее съ обѣихъ сторонъ пирамидальными тополями, мчалась парой легкая таратайка, въ которой, высоко умостившись, сидѣлъ, дѣйствительно, докторъ Кашеваровъ: я его издалека узналъ по бѣлой пуховой шляпѣ, которую онъ носилъ постоянно, даже въ городѣ.

Это былъ человѣкъ еще не старый, весьма симпатичный и пользовавшійся вездѣ вокругъ большой извѣстностію. Его всѣ знали и всѣ любили...

— А, здорово, молодой человѣкъ, привѣтствовалъ онъ меня на крыльцѣ, живо и весело выбираясь изъ своего экипажа, и тутъ же внимательно взглянулъ мнѣ въ лицо.—А что вы это, никакъ похудѣли? спросилъ онъ.

— Мы тутъ всѣ такъ измучились, Ѳедоръ Ѳедоровичъ,— Герасимъ Ивановичъ совсѣмъ умираетъ. Съ нимъ сегодня опять былъ ударъ...

— Что́ вы?!

Онъ былъ видимо пораженъ этимъ извѣстіемъ.

— Развѣ вы ничего не знали? Къ вамъ же посланъ былъ верховой отсюда рано утромъ сегодня. Не встрѣчался онъ вамъ на пути?...

— Нѣтъ, вѣрно какъ-нибудь разъѣхались... Надо къ нему бѣжать. А поглядите-ка, кто за мною ѣдетъ? съ улыбкой примолвилъ онъ, указывая на дорогу, по которой все ближе и ближе катился къ намъ большой клубъ пыли, вздымаемой ка-

кимъ-то новымъ экипажемъ, котораго разглядѣть нельзя еще было.

Сердце екнуло у меня отъ предчувствія.

Докторъ поспѣшилъ къ больному. Я побѣжалъ, какъ былъ, безъ фуражки, на встрѣчу ѣхавшимъ...

Это коляска, — это наша старая четверомѣстная коляска. Человѣкъ нашъ Степанъ сидитъ на козлахъ, а тамъ...

Я вскрикнулъ, остановилъ ямщика и, вскочивъ на подножку, бросился обнимать maman... Она была одна съ горничной...

Она и бранила меня за неосторожность, и цѣловала, и плакала отъ радости.

— Легко сказать, говорила она, — почти три мѣсяца не видала я васъ... Здоровъ-ли Лева? Отчего ты такой блѣдный?...

Я сѣлъ къ ней въ ноги и доѣхалъ съ нею до крыльца. Кашеваровъ успѣлъ уже предупредить Анну Васильевну: она выбѣжала на встрѣчу пріятельницѣ.

— Софья Михайловна, самъ Богъ васъ принесъ, восклицала она, обнимая ее со слезами.

Я не успѣлъ еще ничего разсказать матушкѣ, ни о чемъ разспросить ее; я понялъ пока лишь то, что она оставила Настю въ К. съ батюшкой и пріѣхала прямо сюда, не заѣзжая въ Тихія Воды, куда поѣхала за день предъ ней тетушка Фелисата Борисовна браниться съ нашимъ управляющимъ за какое-то упущеніе по имѣнію, которымъ она занималась гораздо болѣе, чѣмъ отецъ мой.

Анна Васильевна повела ее въ комнаты нижняго этажа, которыя всегда занимаемы были нами въ обычные пріѣзды въ Богдановское. На пути она сообщила ей о „несчастіи съ Герасимомъ Ивановичемъ“.

Матушку это еще болѣе поразило, чѣмъ доктора.

— Ты мнѣ въ каждомъ письмѣ писалъ, что ему все лучше и лучше? обратилась она ко мнѣ.

— А и лучше-жь все было, повторила Анна Васильевна,— а прошлою ночью, о, при немъ... вырвалось какъ бы у нея.

— При тебѣ? воскликнула матушка.

„Сейчасъ пытка начнется!“ тоскливо подумалъ я, предчувствуя за этимъ вопросомъ цѣлый рядъ мучительныхъ для меня допросовъ и объясненій.

Радостный визгъ Левы, раздавшійся изъ сада подъ окнами покоя, въ который только-что ввела матушку Анна Васильевна, отвлекъ отъ меня, къ счастію, вниманіе maman. Она подбѣжала къ окну.

— Онъ сейчасъ сюда прибѣжитъ, сказала улыбаясь Анна Васильевна,—*я* послала за нимъ.

— Хорошо онъ себя велъ? съ такой же улыбкой спросила maman.

— А чѣмъ нехорошо! *Якъ голубочекъ сызенькій*! отвѣчала ея пріятельница своимъ задушевнымъ, ласкающимъ говоромъ.

— Ахъ, вы добрая моя!...

— Мамаша, мамаша! вбѣжалъ еле дыша въ комнату Лева и повисъ на ея шеѣ.

Керети вошелъ вслѣдъ за нимъ.

Когда поунялись немножко первые восторги Левы, превратившіе окончательно и такъ уже смятый отъ дороги туалетъ чопорной матушки въ какое-то ни на что непохожее тряпье, она успѣла только подать руку гувернеру, спросить его: доволенъ-ли онъ былъ нами? и получивъ въ отвѣтъ весьма утѣшительное: „je n'ai guère eu à m'en plaindre, madame,“— тотчасъ же попросила дозволенія пойти „совершить омовеніе“ и переодѣться.

— А вотъ тутъ все готово.

Анна Васильевна прошла съ матушкой и ея горничной въ сосѣднюю комнату, служившую спальней. Лева побѣжалъ было вслѣдъ за ними, но его не пустила матушка:

— Пойди себѣ пока въ садъ, сказала она ему.

Онъ не преминулъ немедленно же воспользоваться дозволеніемъ, вскочилъ на стулъ, затѣмъ на столъ, со стола на подоконникъ и прыгнулъ въ садъ въ открытое окно.

Матушка было ахнула, но пронзительный голосъ незримаго уже Левы распѣвалъ на весь садъ выученную имъ отъ Опицкаго жидовскую пѣсню:

Якъ поихавъ жолниржъ...

Maman разсмѣялась и заперла двери спальни. Мы остались вдвоемъ съ Керети.

— Madame votre mère est venue sans doute pour nous ramener à Tikvode? началъ было онъ. — Я не успѣлъ отвѣтить: вошелъ докторъ Кашеваровъ.

— Здѣсь хозяйка?

— Здѣсь, у матушки, рядомъ, отвѣчалъ я. — Позвать ее?

— Нѣтъ; матушка ваша съ дороги, вѣроятно, въ порядокъ себя приводитъ; я погожу.

Онъ вошелъ и сѣлъ.

— Видѣли Герасима Ивановича?

— Видѣлъ.

— Ну, что, Ѳедоръ Ѳедорычъ?

— Что! повторилъ онъ, покончeнный человѣкъ!

— Васъ Любовь Петровна Лубянская велѣла просить къ себѣ, когда вы повидаете ея мужа, сказалъ я ему, послѣ общаго непродолжительнаго молчанія...

Изъ спальни вышли дамы. Оказывалось, что матушка нагнала доктора на послѣдней станціи и что они тамъ разговаривали о Герасимѣ Ивановичѣ, нисколько не подозрѣвая того, что случилось. Докторъ былъ даже того мнѣнія, что при правильномъ ходѣ жизни организмъ больнаго, вообще человѣка „крѣпкаго", могъ бы и совсѣмъ поправиться.

— А теперь нѣтъ надежды? печально спросила матушка.

— Никакой! отвѣчалъ онъ. — Его... докторъ, очевидно, какъ будто искалъ точнѣйшаго выраженія, — его *подрубило* какое-то внезапное, внѣшнее впечатлѣніе, настолько сильное, чтобы произвести моментальный разрывъ сосудовъ въ области мозга... Это весьма желательно было бы уяснить ближайшимъ образомъ... Не было-ли у него предъ этимъ какой-нибудь непріятности? спросилъ Кашеваровъ, обращаясь къ Аннѣ Васильевнѣ.

Она мучительно задвигалась въ своемъ креслѣ — и ничего не отвѣчала.

Докторъ повелъ на нее внимательнымъ взглядомъ и замолчалъ. На его умномъ лицѣ можно было прочесть, что онъ уже не нуждался въ объясненіяхъ: смущеніе Анны Васильевны сказало ему достаточно.

Ѳома Богдановичъ ворвался въ эту минуту въ комнату и съ восторженными привѣтствіями кинулся цѣловать руку матушки. „Онъ былъ у дочки и не зналъ... И глупые слуги не прибѣгли извѣстить его о пріѣздѣ дорогой, дорогой гостьи... И онъ поэтому лишенъ былъ возможности встрѣтить ее у крыльца, какъ подобаетъ, и только теперь узналъ... И да проститъ ему это великодушно Софья Михайловна... И какъ здоровье почтеннѣйшаго Михаила Борисыча... И что вотъ какое горе обрушилось надъ ними"...

— Да, мы объ этомъ сейчасъ говорили, молвила матушка.

Онъ между тѣмъ увидѣлъ доктора и кинулся къ нему съ тѣмъ же гамомъ, вопросами, всхлипываньями... Узнавъ, что докторъ видѣлъ уже больнаго, онъ тотчасъ же вспомнилъ о Кикинѣ, который *муси буть, вже проспався* и съ которымъ ему, то-есть Кашеварову, не мѣшало бы потолковать...

— Ходымъ, ходымъ до него! приглашалъ онъ его.

— А что этотъ бѣдный мальчикъ? вспомнила матушка о Васѣ, обращаясь къ доктору. Онъ сморщилъ брови.

— На него надо будетъ обратить серьезное вниманіе, сказалъ онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, — у него на лицѣ нехорошія пятна... Не нравится мнѣ это... Натура вообще жидкая, и, кажется, случай этотъ съ отцомъ имѣлъ на него потрясающее вліяніе...

Анна Васильевна всплеснула руками и съ ужасомъ на лицѣ поднялась съ своего мѣста.

— Я до него вернусь, извините меня, Софья Михайловна едва могла проговорить она и вышла спѣшно изъ комнаты.

— Стряслась, стряслась бѣда надъ нами! горестно воскликнулъ Ѳома Богдановичъ, хватаясь опять за голову.

— Ну, авось Богъ и поможетъ! утѣшалъ его докторъ и, вставая, объявилъ, что отправляется къ Любови Петровнѣ.

— Я васъ провожу до нея, тотчасъ же вызвался Ѳома Богдановичъ,—только не войду самъ, примолвилъ онъ, — ужь вы тамъ себѣ якъ знаете съ ней...

— Я и одинъ пойду. Я хорошенькихъ женщинъ не боюсь, отвѣчалъ, смѣясь, Кашеваровъ.

Лицо Ѳомы Богдановича приняло опять то серьезное выра-

женіе, которое такъ мало привыкли всѣ знавшіе его замѣчать на немъ.

— Якъ не была-бъ она такая *хорошенькая*, съ удареніемъ проговорилъ онъ,—ничего бы того, може, и не случилось!...

Онъ опять подбѣжалъ „къ ручкѣ“ моей матери и ушелъ вмѣстѣ съ докторомъ.

Мы остались втроемъ.

Матушка задумчиво сидѣла на диванѣ. Керети ходилъ по комнатѣ, закинувъ руки за спину. Я стоялъ у окна въ безпокойномъ ожиданіи...

— Я пріѣхала за дѣтьми, начала maman по-французски, обращаясь къ моему наставнику, — и вижу, что должна была бы это сдѣлать гораздо ранѣе: здѣсь происходятъ какія-то невообразимыя вещи... То, что мнѣ разсказывала madame Galagai!...

— Madame, быстро подходя къ ней, заговорилъ Керети,— у меня на столѣ лежитъ начатое письмо къ вамъ; я могу его сейчасъ принести, и вы изъ него увидите, что и я почиталъ необходимымъ намъ скорѣе уѣхать. Ваше материнское предчувствіе, vos pressentiments de mère, предупредили меня...

Онъ наклонился къ ея уху и сталъ шептать что-то оживленно и долго, но голосъ его становился все громче, по мѣрѣ того, какъ оживлялся его разсказъ, и уже совершенно явственно проговорилъ онъ со своею театральною интонаціей:

— Et l'on vit alors, madame, au fond de la chambre apparaître deux visages pâles et haletants: c'étaient monsieur de Fehlsen et madame...

— Quelle horreur! воскликнула матушка. — И Борисъ видѣлъ все это?...— Мы сегодня же ѣдемъ! рѣшительнымъ тономъ провозгласила она.

— Сегодня?

Мнѣ это представлялось невозможнымъ. — Какъ, сегодня, черезъ нѣсколько часовъ, меня разлучатъ съ Васей, оторвутъ *отъ всего этого*, съ чѣмъ я такъ уже успѣлъ сжиться!... На дняхъ садовникъ, разсаживая при мнѣ розаны въ одной изъ аллей Богдановскаго, вырывалъ какое-то не у мѣста посаженное въ прошломъ году деревцо. И мнѣ вспомнилось въ этотъ

мигъ, какъ онъ тогда дернулъ вдругъ, сразу, и тонкіе длинные молодые корни очутились подъ его рукой на воздухѣ, еще всѣ облѣпленные комочками черной земли и дрожавшіе словно отъ боли... „И со мною такъ поступятъ!" представлялось мнѣ...

— Сегодня же? не безъ нѣкотораго удивленія повторилъ и Керети.

Маman отвѣчала, что батюшка очень желаетъ скорѣе увидать дѣтей, что у него дѣла въ городѣ, и что онъ рѣшилъ остаться въ К., куда и мы поѣдемъ уже на всю зиму...

Керети, осторожно и учтиво прибирая выраженія, далъ ей издали понять, что такой поспѣшный отъѣздъ ея съ дѣтьми не вполнѣ бы, можетъ-быть, соотвѣтствовалъ тому чувству признательности, которымъ мы обязаны, такъ-сказать, нашимъ добрымъ хозяевамъ, à nos bons hôtes. Ils ont été vraiment charmants pour nous, madame, горячо говорилъ онъ, и дѣти ваши поистинѣ...

— Имъ въ родительскомъ домѣ не могло бы быть лучше,— я знаю! тотчасъ же воскликнула тронутая матушка:—mari et femme, ils sont bons, comme le bon Dieu! съ умиленіемъ вспомнила она о Галагаяхъ.

Она, это сейчасъ можно было замѣтить, согласилась внутренно съ доводами Керети и искала теперь въ головѣ средства, какъ устроить дѣло такъ, чтобы не огорчить богдановскихъ друзей нашихъ.

XXXIX.

Входная дверь полуотворилась въ это время, и кто-то, еще не видный, спросилъ не громкимъ скромнымъ голосомъ по-французски:

— Можно войти?

— Конечно можно, отвѣчала матушка.

Вошла Галечка.

— Совсѣмъ взрослая дѣвица! зазсмѣялась maman, глядя на ея длинное платье и прическу à la Clotilde, замѣнившую дѣтскія косы, еще такъ недавно висѣвшія у нея за спиной, между тѣмъ какъ Галечка обнимала ее съ видомъ необычайной радости и нѣжности.

Она такъ и забросала матушку любезными вопросами, разсказами о „жантильесахъ“ Левы, съ которымъ она будто бы не разставалась все время, и такъ далѣе...

— Что ей нужно отъ maman? думалъ я; она была мнѣ рѣшительно противна!

То, что ей нужно было, не заставило себя долго ждать.

— А у насъ, вы слышали, какое несчастіе... Mon pauvre cousin (весь разговоръ шелъ, разумѣется, по-французски,), заговорила она, усаживаясь подлѣ матушки и заглядывая ей въ глаза.

— Да, это ужасно, сказала матушка.

— Это у насъ въ домѣ все вверхъ дномъ поставило, молвила опять Галечка, давъ лицу своему достаточно времени на изображеніе соболѣзнованія о несчастіи ея pauvre cousin.— Папа такъ взволнованъ, что его узнать нельзя. И вы знаете, что у меня нѣтъ болѣе учителя музыки?

— Вотъ какъ! равнодушнѣйшимъ образомъ проговорила maman.

Но та не унывала.

— Вѣдь вы знаете monsieur Богенфриша, — какой онъ отличный музыкантъ, и я съ нимъ такъ успѣла... И вдругъ папа его прогоняетъ! И, и такъ непонятно: приходитъ къ нему Богунъ и объявляетъ, что онъ долженъ уѣхать сейчасъ же. И никакихъ объясненій!... Онъ, бѣдный, прибѣгаетъ ко мнѣ весь въ слезахъ,—je n'ai pas pu y tenir moi-même, madame, j'ai fondu en larmes—и побѣжала къ папа. А онъ даже ногами затопалъ. — „Такъ треба", повторила она иронически слова отца и пріостановилась... Не могли-ли бы вы сказать папа? обратилась Галечка уже прямо съ просьбой своею къ maman,—онъ такъ глубоко уважаетъ васъ, chère Софья Михайловна, я знаю напередъ: вамъ стоитъ только слово сказать...

— Можетъ-быть, но я этого слова не скажу, прервала ее maman—съ серьезною улыбкой.

— Отчего же это?

Галечка вся вспыхнула даже.

— Оттого, что отецъ вашъ не ребенокъ и знаетъ, что дѣлаетъ, я полагаю. Если онъ удаляетъ вашего учителя музыки изъ своего дома, то у него, вѣроятно, есть на это свои соображенія...

„Точно отецъ мой способенъ на какія либо соображенія!" такъ и сказалось въ мелькнувшей на губахъ Галечки насмѣшливой улыбкѣ...

— А слава-жь Богу, согласился Вася прилечь, — хоть и спать не будетъ, а все-жь отдохнетъ себѣ трошечки! молвила, входя, Анна Васильевна, не замѣчая нѣсколько взволнованнаго вида дочери и даже не глядя на нее.

Галечка, въ свою очередь, живо отвернулась и принялась спокойно улыбаться, какъ ни въ чемъ не бывало.

Но я не могъ не замѣтить, что Анна Васильевна продолжала ея не замѣчать—и что это происходило не случайно. Чувствовалось, что опричь ея тревоги за Васю, за отца его, было на душѣ милой женщины что-то еще болѣе близкое ей

и болѣе глубоко захватывавшее ее за сердечныя струны, — и что именно Галечка вызывала это мучительное что-то въ ея дѣтски-нѣжной, голубиной душѣ...

Она передавала между тѣмъ матушкѣ о томъ, что Герасима Ивановича она застала въ томъ же не то снѣ, не то безчувствіи, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кашеваровъ прописалъ ему moschus, за чѣмъ и послано въ городъ, но отъ чего и самъ докторъ не ожидаетъ особенной пользы, что она лишь съ величайшимъ трудомъ убѣдила Васю отдохнуть, и то лишь при помощи Ѳедора Ѳедоровича, который вернулся отъ Любови Петровны и обѣщалъ ему, что будетъ самъ сидѣть у постели его отца до самаго обѣда...

— А Любовь Петровна—не говорилъ докторъ,—гдѣ будетъ обѣдать сегодня?... Съ нами? прервала ее Галечка, — и въ этихъ двухъ словахъ звучалъ какъ бы вызовъ матери на дальнѣйшее объясненіе.

— Не говорилъ, кажется, все такъ же не глядя на нее, отвѣчала Анна Васильевна, — и поторопилась обратиться къ матушкѣ съ какимъ-то вопросомъ.

Галечка дала maman отвѣтить и снова обратилась къ своей матери:

— А если *она* будетъ внизу обѣдать, то какъ „*прикажете*: и *мнѣ* придти?

Болѣзненно, глазами полными упрека и глубокаго душевнаго страданія, взглянула на дочь Анна Васильевна. Я понялъ, что она только-что—и вѣроятно отъ Ѳомы Богдановича—узнала, какъ успѣла уже Галечка обойтись съ Любовью Петровной.

— А для чего тебѣ на это моего приказа просить? промолвила она съ явнымъ усиліемъ.

Галечка потупилась съ такимъ видомъ, что: конечно — молъ не мнѣ вамъ объяснять это!

— Если *вамъ* угодно, maman, я приду, проговорила она тихимъ, покорнымъ, будто приниженнымъ голосомъ, — за который въ ту минуту я бы ей, кажется, съ радостью косу оторвалъ...

Бѣдная мать ея растерянно задвигалась на своемъ мѣстѣ:

не подъ силу ей было совладать съ этимъ самоувѣреннымъ, безсердечнымъ пятнадцатилѣтнимъ существомъ.

— Можешь у себя обѣдать... коли со всѣми *не нравится*, проговорила милая женщина, пряча глаза свои отъ невозмутимыхъ глазъ дочери... И какъ еще хватило у ней духа это сказать!...

Галечка, добившись своего, встала, почтительнѣйшимъ образомъ присѣла предъ матушкой, поцѣловала на лету руку Анны Васильевны и вышла изъ комнаты.

Не успѣла еще затвориться за нею дверь, какъ мать ея, ухвативъ мою мать за обѣ руки и наклоняясь къ ней, прошептала сквозь слезы:

— Въ кого она, скажите на милость, Софья Михайловна!...

Мы поспѣшили съ Керети оставить ихъ однѣхъ и отправились гулять въ садъ до обѣда.

Къ обѣду не явились ни Любовь Петровна, ни Галечка, и никогда еще такъ скучно не совершалась въ Богдановскомъ трапеза, какъ въ этотъ день. Довольно сказать, что самъ Ѳома Богдановичъ ни разу не улыбнулся въ продолженіе всего обѣда, никого не тормошилъ и почти рта не разѣвалъ: взглянетъ на незанятые стулья и приборы съ неразвернутыми на нихъ салфетками дочери и племянницы и—вздохнетъ только... Бесѣду за столомъ вели почти исключительно доктора Кашеваровъ и Кикинъ, успѣвшій проспаться и видимо заискивавшій теперь „въ человѣкѣ науки", какъ называлъ К—го врача Людвигъ Антоновичъ. Студентъ былъ тутъ же, ѣлъ за четверыхъ, молчалъ, какъ булыжникъ, и отдувался послѣ каждаго блюда. О больномъ и его сынѣ не произнесено было ни одного слова: всѣ словно боялись коснуться этого предмета. Матушка переговаривалась вполголоса съ хозяйкой, подлѣ которой она сидѣла, и по печальному взгляду, которымъ милая Анна Васильевна отъ времени до времени поглядывала на насъ съ Левой, не трудно было отгадать, о чемъ шла между ними рѣчь: Анна Васильевна убѣждалась доводами матушки о необходимости намъ скорѣе ѣхать въ К...

Подъ этимъ впечатлѣніемъ побѣжалъ я на верхъ, въ покой Лубянскихъ, едва успѣли встать изъ-за стола.

Савелій, котораго я встрѣтилъ въ корридорѣ, передалъ мнѣ, что Герасиму Ивановичу данъ Васей уже второй пріемъ лѣкарства, которое какъ будто нѣсколько оживило его, но что въ настоящую минуту они, должно быть, опять заснули, — потому Василій Герасимовичъ прошли, кажется, сейчасъ въ свою комнату.

Я отворилъ двери—и вошелъ.

Вася былъ тутъ, дѣйствительно; онъ стоялъ у конторки, облокотившись головой на руку,—и оборотился, слегка поморщившись, на легкій скрипъ двери.

— Это я, Вася, осторожно пробираясь къ нему, сказалъ я,—по ковру не слышно...

— Ничего, теперь все равно, проговорилъ онъ.

— *Его*, говорятъ, нѣсколько оживило лѣкарство?

Вася только плечомъ повелъ.

Какъ онъ страшно осунулся за эти нѣсколько часовъ! Глаза ввалились, и вокругъ нихъ образовались черные большіе круги, а на щекахъ алѣли тѣ зловѣщія пятна, которыя такъ не нравились Ѳедору Ѳедоровичу.

— Спалъ ты предъ обѣдомъ, Вася?...

— Нѣтъ, отрѣзалъ онъ.

— Не могъ?

— Да...

— А къ намъ maman пріѣхала, опять началъ я послѣ долгаго, тяжелаго молчанія.

— А! сказалъ онъ только, и губы его слегка дрогнули.

— Она пріѣхала за нами... увезти насъ въ К... робко заговорилъ я, снова слѣдя тревожно за выраженіемъ его лица.

Онъ повелъ на меня равнодушнымъ взглядомъ...

— Скоро? спросилъ онъ.

— Она сегодня даже хотѣла... Но я надѣюсь,—хоть еще одинъ день...

— Конечно! промолвилъ онъ, разсѣянно переводя глаза въ окно, въ которое горячо и трепетно вливался въ эту минуту золотой лучъ склонявшагося къ западу солнца.

— Мнѣ будетъ очень... Не знаю даже, какъ сказать тебѣ, — такъ будетъ больно разстаться съ тобою, Вася, сказалъ я.

Мнѣ жадно хотѣлось обнять его, прижать къ груди... Но я не смѣлъ.

— Какъ кукушка закуковала, слышишь! проговорилъ онъ вдругъ вмѣсто отвѣта.

— Онъ и не слышалъ, подумалъ я тоскливо.—Вася!

Онъ снова поморщился и глянулъ на меня во всѣ глаза.

— Я сегодня ужь буду у m-r Керети ночевать... Лучше, не правда-ли?

Онъ кивнулъ въ знакъ согласія.

— Если насъ завтра увезутъ отсюда, Вася, я приду къ тебѣ проститься, жалобно молвилъ я, все надѣясь, что онъ вспомнитъ о нашей дружбѣ, о томъ, какъ я любилъ его...

— Да, да, сказалъ онъ; слова мои очевидно докучали ему, и онъ отошелъ къ окну.

XL.

На другой день утромъ,—мы только-что съ Керети успѣли одѣться,—пришли насъ звать чай пить къ maman внизъ. Она поднялась очень рано и была давно готова, когда мы явились къ ней.

Оказывалось, что, оставшись вчера вечеромъ одна съ Анной Васильевной и ея мужемъ, она окончательно убѣдила ихъ отпустить насъ сегодня же. Матушка была очень довольна: Анна Васильевна сама призналась ей, что на ея мѣстѣ она бы точно также поступила.

— Въ домѣ нашемъ дѣти ваши ничему доброму не научатся, рѣшилась она даже сказать своей пріятельницѣ.

— Сбѣгай же ты сейчасъ къ Максимычу, приказывала мнѣ матушка,—чтобы скорѣе онъ собиралъ ваши вещи.

У меня въ первую минуту опять защемило на сердцѣ. Но я вспомнилъ разговоръ мой вчера съ Васей. „Я ему ни на что не нуженъ, онъ тяготится мною“, съ горечью подумалъ я.

Я отправился къ Максимычу. Онъ даже перекрестился, узнавъ о рѣшеніи матушки.

— Отъ грѣха и соблазна, значитъ, подальше васъ, крикнулъ онъ и вдругъ началъ выпѣвать мнѣ:—Вчера-то съ барыней этой... подъ ручку. Точно сами онѣ идти не могутъ, такъ и навалились на васъ...

— Ну, довольно, однако, Максимычъ, воскликнулъ я, вспыхнувъ.

Но онъ не унимался.

— Мало имъ одного, должно быть, такъ еще васъ нужно... Тьфу! Вотъ только барина этого молодаго жаль, а то бы, кажется, на стѣны на эти самыя плюнулъ. Чтобъ имъ...

Я убѣжалъ скорѣе отъ его причитаній.

Въ корридорѣ повстрѣчалась мнѣ Анна Васильевна: она шла къ Лубянскимъ и казалась очень взволнованной.

— Видѣлъ ты Васю? спросила она на ходу.

— Нѣтъ еще, я хотѣлъ сейчасъ идти.

Она остановилась.

— А ты бы погодя приходилъ лучше... Мнѣ съ нимъ поговорить надо...

— Хорошо, Анна Васильевна, я пойду къ maman.

— И я до ней скоро, такъ ты туда ходи...

У maman я засталъ Ѳому Богдановича; онъ стоялъ предъ ней, переминаясь съ ноги на ногу и держа въ рукѣ какое-то письмо.

— А знаетъ Вася? такъ и огорошилъ онъ меня непонятнымъ вопросомъ, едва я вошелъ.

— Что́ знаетъ, Ѳома Богданычъ? недоумѣвая спросилъ я.

— А что мать его уѣхала?

— Любовь Петровна?... Я ничего не понималъ.—Я Васю еще не видалъ сегодня, объяснялъ я.

— Какъ же все это произошло? съ любопытствомъ спросила матушка.

— А кажу-жь вамъ, Софья Михайловна, съ совершенно растеряннымъ видомъ отвѣчалъ онъ,—съ вечера послала она своего лядащаго Петрушку на село, жида съ конями нанять, а и пришелъ ночью съ конями тотъ жидъ, въ карету ея коней тѣхъ впрягъ, и поѣхала она на томъ жидѣ...

— Куда?

— А въ К. кажутъ.

— И прислала вамъ письмо.

— А и тотъ же Петрушка ея лядащій, какъ уѣзжали они, такой приказъ Марку кучеру далъ, чтобъ какъ я встану утромъ,—будить меня ни за-что не казалъ, шельма!—какъ встану, казалъ, чтобъ мнѣ письмо то и дали...

— Что же она вамъ пишетъ?

— А хоть убейте не скажу (не знаю), Софья Михайловна. Не понялъ я и не дочиталъ, потому тонко такъ, по-аглицкому пишетъ,... да и читать не хотѣлось, о!... Борисъ, обратился

онъ ко мнѣ, протягивая письмо, которое все время мялъ въ комокъ своими вѣчно безпокойными руками,—глаза у тебя молодые, прочти, о!...

Я кое-какъ расправилъ листокъ и началъ читать:

„Любезный дядюшка, писала Любовь Петровна,—я ненавижу объясненія и уѣзжаю отъ васъ ночью, таясь и избѣгая свѣта, какъ какой-нибудь злой преступникъ, единственно для того, чтобъ избѣгнуть ихъ. Но вы сами понимаете, вѣроятно, что я не могу долѣе оставаться въ вашемъ домѣ...“

— Бо сама не хотитъ, такъ и не можетъ, прервалъ меня Ѳома Богдановичъ, съ какою-то ребяческою тревогой, заглядывая въ лицо матушкѣ: не подумайте-молъ, что я въ состояніи выгнать ее изъ моего дома.

— И добре она сдѣлала, воскликнулъ Ѳома Богдановичъ,—похвалю я ее теперь за то,—что отъ сына отказалась она и мнѣ съ Ганною за сына его отдала. Не нужно ему такой матери,—правду она сказала!...

Старый Галагай откинулъ назадъ свою лысую голову, маленькіе глазки его запрыгали, и невзрачное, почти комическое лицо его освѣтилось внезапно невыразимымъ обаяніемъ сердечности и умиленія... Онъ протянулъ руку впередъ, какъ бы совершая обрядъ присяги.

— Клянусь же я предъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, съ какою-то тихою торжественностью возгласилъ онъ,—клянусь за себя и за жену мою, что пріймаемъ мы Васю Лубянскаго за сына нашего роднаго и будемъ мы любить и хранить того сына...

— А и надолго-ли будетъ у насъ тотъ сынъ! прервала его Анна Васильевна горестнымъ восклицаніемъ и закрыла себѣ глаза рукой.

Ѳома Богдановичъ глянулъ на жену, дрогнулъ и, подбѣжавъ къ ней, охватилъ ее за шею:

— А не надолго, горячо цѣлуя ее, воскликнулъ онъ,—такъ будемъ мы плакать по немъ, какъ по томъ Павликѣ нашемъ покойномъ плакали мы!...

И онъ стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты.

XLI.

Рѣшено было, что мы уѣдемъ тотчасъ же послѣ завтрака,— и время уже подходило къ нему,—но я напередъ объявилъ, что завтракать не приду. Я желалъ проститься съ Васей: я все надѣялся улучить минуту поговорить съ нимъ „по душѣ", въ послѣдній разъ; мнѣ жадно хотѣлось взглянуть ему въ лицо, убѣдить самого себя, что докторъ ошибается, что ничего нѣтъ страшнаго въ этихъ пятнахъ, которыя ему такъ не нравятся, что Анна Васильевна напрасно тревожится. „Богъ дастъ, все пройдетъ", представлялъ я себѣ,—„и мы опять будемъ съ нимъ; Ѳома Богдановичъ пришлетъ его учиться въ К.; онъ у насъ жить будетъ, а лѣтомъ въ Богдановскомъ, въ Тихихъ-Водахъ"...

Но онъ, не отрываясь, все сидѣлъ за ширмами у постели отца, а я боялся зайти туда: можетъ-быть, это будетъ не пріятно Васѣ. Я вспоминалъ сухость его пріема вчера и его недовольные глаза,—мнѣ такъ больно было бы, еслибъ это должно было повториться теперь. Я нѣсколько разъ на цыпочкахъ входилъ въ спальню Герасима Ивановича и выходилъ оттуда опять въ комнату Васи, незамѣченный имъ.

Тамъ у окна сидѣлъ командоръ и лѣниво слушалъ Кикина, что-то вполголоса повѣствовавшаго ему. Длинный маіоръ внушалъ мнѣ теперь какую-то зависть: онъ точно вытѣснилъ меня изъ этого покоя, который я такъ долго почиталъ своимъ, и какъ будто хотѣлъ, думалось мнѣ, замѣнить меня въ сердцѣ Васи. А между тѣмъ добрый человѣкъ, не переставая прислушиваться къ разсказамъ полупьянаго врача, слѣдилъ, какъ

оказалось, внимательно за моими входами и выходами и угадывалъ ихъ поводъ.

— Вы не видались сегодня съ Василіемъ Герасимычемъ? спросилъ онъ меня вдругъ.

— Нѣтъ еще... Я хотѣлъ съ нимъ проститься,—мы сегодня ѣдемъ, печально объяснилъ я.

Онъ взглянулъ на меня—и нахмурился, какъ всегда это бывало съ нимъ, когда чувствовалъ онъ себя тронутымъ.

— Сегодня? переспрочилъ онъ.

— Скоро, послѣ завтрака...

— А не поглядите вы на больнаго? обратился онъ къ Кикину.—Ѳедоръ Ѳедоровичъ на село ушелъ...

Тотъ только взъерошенною головой своею дернулъ: чтомолъ глядѣтъ-то на него теперь...

— Ну, а все-жь для порядка пойдемте,—на то вѣдь пріѣхали вы, безцеремонно отрѣзалъ командоръ, приглашая движеніемъ руки Кикина пройти въ комнату Герасима Ивановича, и самъ пошелъ за нимъ.

Черезъ нѣсколько времени вышелъ ко мнѣ Вася.

— Борисъ, ты ѣдешь! воскликнулъ онъ, протягивая мнѣ обѣ руки.

Я схватился за нихъ, наклонился къ нему и крѣпко поцѣловалъ его въ щеку... Зловѣщія пятна куда-то скрылись: желтоватая, восковаго оттѣнка блѣдность покрывала все его лицо. Глаза его опять поразили меня: лихорадочный блескъ, которымъ они такъ страшно горѣли вчера, потухъ совсѣмъ. Они точно вылиняли и глядѣли тускло и упорно, какъ у слѣпыхъ.

— Какъ ты себя чувствуешь, Вася?

— Ничего, отвѣчалъ онъ совершенно покойно и даже улыбнулся.

— Спалъ ты, по крайней мѣрѣ, хоть сколько-нибудь?

— Да, кажется, дремалъ... Не все-ли равно?

— Какъ все равно! Вѣдь ты заболѣешь, серьезно заболѣешь, если не будешь спать!...

Онъ опять коротко улыбнулся.

— Послушай, Борисъ, сказалъ онъ, подходя къ своему

письменному столу,—ты ѣдешь... Прими это отъ меня на память.

На столѣ лежалъ такъ хорошо знакомый мнѣ толстый томъ, переплетенный въ темную кожу,—компактное изданіе „*нашего друга*".

— Твой Шиллеръ, Вася? Вѣдь онъ у тебя одинъ!...

— Мнѣ не нужно, сказалъ онъ, а тусклые, неподвижные глаза его добавляли: мнѣ ничего не нужно теперь!...

Я взялъ книгу, и цѣлые ряды блаженныхъ часовъ, проведенныхъ съ нимъ за чтеніемъ ея, мгновенно воскресли въ моей памяти.

— О Вася! сквозь слезы проговорилъ я, — вернутся-ли когда наши вечера?

Онъ поднялъ на меня свои странные глаза и еще болѣе страннымъ голосомъ, утвердительно кивнувъ нѣсколько разъ головой:

— Не здѣсь только! отвѣчалъ онъ.

— Господи! кинулся я къ нему въ перепугѣ:—неужели мы съ тобой уже никогда не увидимся?...

Онъ будто не слышалъ, продолжалъ глядѣть на меня своимъ упорнымъ, мучительнымъ взглядомъ.

— А вѣдь ты любилъ меня, Борисъ, неожиданно вымолвилъ онъ, какъ бы отвѣчая какой-то своей, для меня непонятной мысли.

— И люблю и буду любить, пока живъ! воскликнулъ я, съ новымъ порывомъ нѣжности и обнимая его.—Скажи только одно слово, Вася, и я упрошу, на колѣняхъ умолю maman, чтобъ она оставила меня еще въ Богдановскомъ, съ тобою...

Онъ отвернулся отъ меня вдругъ и, подавляя вырывавшійся у него изъ груди кашель, проговорилъ нетерпѣливо, почти злобно:

— Не надо, не хочу, что́ тебѣ со мною дѣлать!

И онъ быстрыми шагами направился въ комнату отца и заперъ за собою дверь.

Я побѣжалъ въ корридоръ и горько заплакалъ.

Два часа послѣ этого мы катили по дорогѣ въ К.... Я уѣз-

жалъ изъ Богдановскаго съ тяжелымъ и оскорбленнымъ чувствомъ и угрюмо молчалъ въ продолженіе всего пути. Матушка, напротивъ, имѣла такой счастливый видъ, будто только-что отъ пожара насъ спасла. Керети, бодрый и веселый, въ свою очередь, смѣшилъ ее всякими разсказами и остротами. Его нескончаемая болтовня, возня и трещаніе Левы наводили на меня еще большее уныніе....

XLII.

Мы жили въ городѣ уже двѣ недѣли. Другія лица, другая рамка жизни, усиленное ученіе,—батюшка рѣшилъ помѣстить меня въ одно изъ привилегированныхъ петербургскихъ заведеній,—начинали мало-по малу заслонять собою печальныя воспоминанія, вынесенныя мною изъ Богдановскаго, которыя въ первое время нашего пріѣзда въ К. неотступно преслѣдовали меня. Я начиналъ опять втягиваться въ нашу обычную городскую жизнь и уже не безъ удовольствія представлялъ себѣ скоро предстоявшій мнѣ отъѣздъ въ столицу, и мундиръ съ шитыми петлицами, и „честь воспитываться тамъ, гдѣ воспитывался самъ Пушкинъ"... Самолюбія было у меня тогда не мало,—и я старательно зубрилъ свои уроки, постоянно тревожась мыслью „какъ бы не хуже быть другихъ *тамъ*". Въ моихъ понятіяхъ, *тамъ*, на *тѣхъ* скамьяхъ, должны были сидѣть все какіе-то необыкновенно мудрые, прилежные „jeunes gens lettrés", изъ которыхъ каждому вмѣнено въ обязанность сдѣлаться тотчасъ послѣ выхода какимъ-нибудь великимъ человѣкомъ.

Однажды послѣ обѣда,—мы сидѣли съ maman въ кабинетѣ батюшки, у вѣчно тепливщагося у него камина, — вошелъ слуга и доложилъ: докторъ Кашеваровъ.

— Проси, проси! сказала живо матушка. — Онъ, вѣрно, привезъ извѣстія отъ Галагаевъ, отвѣчала она на вопросительно поднявшіеся на нее глаза батюшки.

— Я къ вамъ съ поклономъ отъ богдановскихъ обитателей,—было, дѣйствительно, первымъ словомъ доктора.

— Ну, что тамъ, скажите, что бѣдный Лубянскій? участливо спросила maman.

— Вчера похоронили, отвѣчалъ онъ.

— Царство ему небесное! Матушка перекрестилась.—Вы, кажется, надѣялись сначала, что онъ протянетъ еще? сказала она, помолчавъ.

— Удивляюсь, напротивъ, слегка улыбнулся Кашеваровъ,—какъ это онъ протянулъ цѣлыя десять сутокъ...

— Но вы, если не ошибаюсь, женѣ его говорили въ такомъ смыслѣ?....

Онъ пожалъ плечами и улыбнулся еще разъ.

— Ей, во что бы ни было, требовалось уѣхать,—такъ, по крайней мѣрѣ, я могъ заключить изъ ея словъ; удерживать ее я не видѣлъ никакой надобности, а ее только и удерживало, что неловко-молъ кинуть мужа, когда онъ при послѣднемъ издыханіи....

— Была она на похоронахъ?

— Къ ней Ѳома Богданычъ эстафету послалъ: пріѣхала она къ самому отпѣванію, а тотчасъ послѣ похоронъ сѣла въ карету и уѣхала.

— Вася ужасно убитъ, должно быть! воскликнулъ я.

Докторъ значительно помолчалъ.

— Наружно, пожалуй, и не замѣтишь, сказалъ онъ, наконецъ,—мальчикъ какъ будто давно успѣлъ освоиться съ этой мыслью.... Посмотрѣли бы вы, съ какимъ спокойствіемъ подошелъ онъ къ умершему и закрылъ ему глаза.... Ни слезки, вѣдь, рука не дрожала! Но все это ушло у него въ глубь и засѣло. Я говорилъ Аннѣ Васильевнѣ: его не надо оставлять одного, примолвилъ Кашеваровъ съ такимъ оттѣнкомъ въ выраженіи, что maman и я мы оба вздрогнули.

— А съ матерью они видѣлись? спросила она опять.

— Нѣтъ, онъ видимо избѣгаетъ ея. Я стоялъ подлѣ него при отпѣваніи. Едва вошла она и пододвинулась ко гробу, онъ отошелъ на противоположный конецъ, а когда въ могилу опустили,—она было къ нему хотѣла подойти, а онъ, будто не видѣлъ, въ сторону,—и скрылся. Насилу отыскалъ его въ саду

маіоръ этотъ гусарскій, что стоитъ въ Богдановскомъ... Такъ она и уѣхала, слова не перемолвивъ съ сыномъ.

— О ней здѣсь совсѣмъ не слышно. Гдѣ она живетъ? обратился къ Кашеварову батюшка, равнодушно все время внимавшій этому разговору.

— Она никого не видитъ, никого не принимаетъ, и докторъ примолвилъ:—она, полагаю, скоро и уѣдетъ отсюда....

— Куда? спросилъ отецъ мой.

— Да въ Петербургъ, должно-быть.... Кашеваровъ засмѣялся. — Кого-то на дняхъ въ гвардію вернули, — вы знаете? сказалъ онъ, глядя на матушку.

— А! холодно отвѣчала она, принимая тотъ презрительный видъ, какой немедленно появлялся на ея лицѣ каждый разъ, когда шла рѣчь о Любови Петровнѣ.

— Une bien jolie femme! жалѣю, что давно не видалъ ея! сказалъ батюшка, насмѣшливо покосившись на maman.

Она отвернулась.

Черезъ нѣсколько дней, вернувшись съ прогулки, которую онъ методически совершалъ ежедневно предъ обѣдомъ, батюшка зашелъ въ садъ, гдѣ мы, обыкновенно, ждали его всѣмъ семействомъ къ обѣду.

— Знаешь, кто меня сейчасъ до дому провелъ? сказалъ онъ весело maman.

— А кто?

— Тотъ музыкантъ, помнишь, что жилъ у Галагаевъ?

— Булкенфрессъ! назвалъ я.

— Une grande canaille! воскликнула матушка.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ отецъ мой съ своимъ вѣчно равнодушнымъ видомъ,—но очень золъ и остеръ.... Ему сильно хотѣлось, кажется, чтобъ я пригласилъ его войти. Я обманулъ его пламенное ожиданіе, конечно, но за то потѣшилъ онъ меня всю дорогу. Вообрази...

Онъ, очевидно, собирался разсказать что-то смѣшное, но, взглянувъ на Настю и Лёву, пріостановился.

— Докторъ былъ правъ, сказалъ онъ только, — la jolie femme уѣхала въ Петербургъ. Надѣюсь, примолвилъ онъ, подсмѣиваясь заразъ надъ матушкой и надо мною, — что когда

Борисъ отправится туда, ты ему дашь къ ней рекомендательное письмо?... А то, можетъ-быть, вмѣсто ученья, ты бы юнкеромъ въ лейбъ-гусары хотѣлъ поступить? прищурился онъ на меня: — такъ и это можно. Попроси маменьку оказать тебѣ протекцію: баронъ Фельзенъ, съ тою-же рабскою угодливостью ей, приметъ тебя въ свой эскадронъ, съ какою важивалъ тебѣ отъ нея чулки....

— Какой ты вѣчно вздоръ говоришь, Michel! полусердито упрекнула его за эту шутку матушка.

Прошелъ еще мѣсяцъ; никакихъ извѣстій не доходило къ намъ изъ Богдановскаго. Maman писала къ Аннѣ Васильевнѣ тотчасъ послѣ того, какъ узнала отъ Кашеварова о смерти Герасима Ивановича, но на это письмо не получила отвѣта.

Октябрь былъ уже на половинѣ, но дни стояли еще великолѣпные. Медленно увядала природа въ этомъ году, и въ к—хъ садахъ цѣпко держалась еще на своихъ сучьяхъ вся багряная гамма осенней листвы.—Какъ хорошо теперь должно быть въ Тихихъ-Водахъ! вспоминала не разъ, вздыхая, maman. И не разъ при этомъ заводила со мною рѣчь о добрыхъ богдановскихъ друзьяхъ своихъ и о моемъ другѣ Васѣ, „къ которому ты давно могъ бы, кажется, написать“, замѣчала она мнѣ.

— Что́ ему до меня! отвѣчалъ я ей угрюмо, все еще подъ впечатлѣніемъ моего прощальнаго свиданія съ нимъ, — онъ обо мнѣ и думать пересталъ.

Но бѣдный Вася не забылъ меня.

— Пожалуйте къ маменькѣ, вызвалъ меня въ одно прекрасное утро изъ-за урока Максимычъ, входя въ мою комнату.—Тамъ гость одинъ ждетъ васъ.

— Что за гость?

— Сами увидите.

Керети сложилъ книгу. Я побѣжалъ въ гостиную. Матушку я засталъ на обычномъ ея мѣстѣ, въ углу дивана,—а противъ нея, у стола, сидѣлъ длинный маіоръ Гольдманъ и сообщалъ ей что-то, отъ чего maman казалась очень взволнованной. Я очень обрадовался командору, котораго никакъ не ждалъ видѣть въ К., но, по первому взгляду на мрачное лицо его, я догадался, что онъ пріѣхалъ не съ добрыми вѣстями.

— Что Вася? съ невольной тревогой спросилъ я, подавая ему руку.

— На, прочти, отвѣчала за него maman, протягивая мнѣ письмо, привезенное ей командоромъ отъ Анны Васильевны.

Письмо это говорило слѣдующее:

„Софья Михайловна,—я такъ думаю, что вы не откажете умирающему. Бѣдный нашъ Вася безъ надежды и проситъ Бориса увидать въ послѣдній разъ. Болѣе писать вамъ силы нѣтъ, потому такъ мы измучились надъ нимъ съ моимъ старымъ, что я только одного у Бога молю, чтобы не слегъ въ постель и Ѳома Богданычъ. Прочее все на словахъ скажетъ вамъ добрый человѣкъ, что взялъ отвести вамъ письмо, и Бориса можетъ привести до насъ, и обратно къ вамъ доставить".

„Преданная вамъ Анна Галагай".

Я едва могъ дочесть — и съ ужасомъ поднялъ глаза на командора. Онъ морщился и навивалъ себѣ усы на палецъ, по обыкновенію, и глядѣлъ на меня изъ-подъ нахохлившихся бровей съ такимъ выраженіемъ, будто сбирался съѣсть меня живаго:—онъ былъ глубоко потрясенъ, какъ видно.

— Maman! воскликнулъ я:—неужели вы меня не пустите?

Она, видимо, была въ большомъ замѣшательствѣ: она не рѣшалась согласиться сразу, и потому, что, пожалуй, это батюшкѣ можетъ не понравиться, да и сына было жаль: не на радостныя впечатлѣнія отпустила бы она меня въ Богдановское. А какъ „отказать умирающему" между тѣмъ?... Сомнѣнія ея разрѣшены были съ той стороны, съ которой она, кажется, менѣе всего ожидала содѣйствія.

Въ комнату вошелъ отецъ мой; онъ радушно привѣтствовалъ командора, съ которымъ часто, въ Тихихъ-Водахъ, хаживалъ на охоту.

— Бекасовъ что должно-быть теперь на Толокѣ? засмѣялся онъ ему съ перваго слова, вспоминая о болотѣ, хорошо знакомомъ имъ обоимъ.—Не туда-ли звать меня пріѣхали, достопочтенный воинъ?

— Не тебя,—Бориса, отвѣчала на это матушка. Она, безъ словъ, передала ему письмо Анны Васильевны.

Оно его тронуло, очевидно; его всегда холодное лицо приняло, какъ бы противъ его воли, выраженіе печали и сожалѣнія...

— Мальчикъ такъ плохъ? коротко спросилъ онъ у командора.

— Не вынесъ! еще короче отрѣзалъ тотъ.

— Вы когда пріѣхали? спросилъ опять батюшка.

— Сейчасъ.

— И ѣхать думаете?

— Какъ отъ васъ отвѣтъ получу.

— Съ человѣкомъ вы, или безъ человѣка?

— Одинъ.

— Въ чемъ?

— Въ двумѣстной бричкѣ; на козлахъ мѣсто.

— Ступай, Борисъ, къ Максимычу, собирайтесь скорѣе— и съ Богомъ, рѣшилъ отецъ мой.

Я прыгнулъ ему на шею и побѣжалъ къ своему старику...

Черезъ часъ мы скакали втроемъ, въ бричкѣ командора, по проселочному пути, на которомъ ждали насъ подставы черезъ каждыя двадцать верстъ. Маіоръ хотѣлъ непремѣнно привезти меня въ Богдановское еще засвѣтло. Все это совершилось такъ скоро, что я не успѣлъ ни о чемъ разспросить его, ничего узнать о томъ, какъ вдругъ, такъ скоро, очутился Вася „безъ надежды“, на порогѣ смерти... Все это было такъ поразительно, что въ первую минуту никакіе вопросы не шли мнѣ на умъ: — „онъ умираетъ, онъ хочетъ проститься со мною“, стояло у меня только, точно гвоздемъ забитое въ головѣ.... Лишь теперь, сидя рядомъ въ экипажѣ съ этимъ человѣкомъ, „который везъ меня къ нему, котораго онъ послалъ за мною“, и то лишь проѣхавъ съ нимъ безмолвно добрыхъ часа два,—командоръ какъ сѣлъ, такъ рта не разжималъ, — подумалъ я обратиться къ нему за объясненіями, за подробностями...

Изъ его короткихъ, нескладныхъ, часто недосказанныхъ

отвѣтовъ я могъ себѣ составить о случившемся слѣдующее приблизительно предоставленіе:

Въ самый день смерти Герасима Ивановича Вася захаркалъ кровью. Онъ старался это сначала тщательно скрыть отъ окружающихъ, прятался отъ доктора, не отвѣчалъ на его вопросы. Кашеваровъ, какъ говорилъ онъ и намъ въ К., сталъ подозрѣвать его въ какомъ-то дурномъ замыслѣ. Испуганные Галагаи учредили надъ нимъ бдительный надзоръ, при помощи командора, который даже переселился, по просьбѣ ихъ, въ домъ, въ бывшую нашу съ Васей комнату, послѣ того какъ самъ Вася захотѣлъ непремѣнно перейти въ спальню покойнаго и спать на той кровати, на которой тотъ скончался... Но это только раздражало Васю: онъ забивался въ какой-нибудь уголъ дома или старался уйти въ дальнюю аллею сада, поближе къ озеру, туда, гдѣ, надѣялся онъ, не встрѣтится ему ни единое человѣческое лицо, не дойдетъ до него звука человѣческаго голоса. Но повсюду натыкался онъ на кого-нибудь, приставленнаго „беречь" его. Добрый Ѳома Богдановичъ, въ особенности, докучалъ ему своими допытываніями, суетливою заботливостію о немъ и неумѣстнымъ выраженіемъ своихъ опасеній.—„Дядя, за что вы меня у себя какъ въ тюрьмѣ держите?" сказалъ ему, не выдержавъ, однажды Вася. Смущенный Ѳома Богдановичъ ничего лучшаго не могъ сказать въ свое оправданіе, какъ то, что „а ты, можетъ, съ большаго горя своего, Василю, да въ думку возьмешь что-сь такое надъ собою сдѣлать!" Вася въ эту минуту сильно закашлялся: онъ отнялъ ото рта платокъ, полный крови и, показывая его дядѣ: — „Стóитъ-ли?" отвѣчалъ онъ только. Бѣдный Галагай такъ перепугался, что съ нимъ дурно сдѣлалось. Послали опять за Кашеваровымъ; онъ призналъ въ Васѣ всѣ признаки скоротечной чахотки. Много было переполоха въ домѣ, и совѣщаній, и уговоровъ между докторомъ и бѣдными Галагаями. Единственнымъ средствомъ къ спасенію считалъ докторъ—увезти немедленно Васю въ Одессу, а оттуда на первомъ пароходѣ въ Константинополь и Каиръ, чтобы въ этомъ послѣднемъ городѣ провести зиму; онъ соглашался самъ, — Ѳома Богдановичъ обѣщалъ ему за это пять тысячъ рублей се-

ребромъ въ годъ,—сопутствовать больному и оставаться при немъ. Но едва заикнулись Васѣ объ этомъ предположеніи, онъ впалъ въ такое нервное раздраженіе, что дальнѣйшая рѣчь объ его отъѣздѣ стала въ общемъ сознаніи уже невозможною.—„Вы не оторвете меня отъ *его* могилы, не смѣете, я не дамся!“ рыдая безумно въ истерическомъ припадкѣ, повторялъ несчастный мальчикъ. Насилу мольбами своими, слезами и клятвами успѣла успокоить его Анна Васильевна. Но въ ту же ночь, осторожно прокравшись мимо заснувшаго на минуту въ передней Савелья,—командоръ, не спавшій въ это время, даже ничего не слышалъ изъ своей комнаты, — Вася о босу ногу выскользнулъ изъ дому... На зарѣ слѣдующаго дня его нашли распростертаго, безъ чувствъ, на мокромъ дернѣ, покрывавшемъ свѣжую могилу его отца... На выздоровленіе нечего былъ разсчитывать. Въ одинъ прекрасный день онъ прямо, съ какимъ-то сіяющимъ лицомъ, сказалъ доктору: „Я вѣдь очень скоро умру, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, неправда-ли?“ Тотъ смутился съ перваго раза и уже совсѣмъ растерялся, когда мальчикъ, до этихъ поръ недовѣрчиво, почти враждебно относившійся къ нему, бросился къ нему вдругъ на шею, восклицая: „не скрывайте, не скрывайте, голубчикъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ,—я вѣдь знаю, папа мнѣ сегодня ночью во снѣ сказалъ!“ Докторъ однако не счелъ нужнымъ далеко таить отъ него безнадежность его положенія... „И не видывалъ я еще его никогда такимъ счастливымъ“, говорилъ мнѣ маіоръ, — „какъ ребенокъ малый, руками даже заплескалъ. Слава Богу, слава Богу! повторялъ только — и смѣется, — а старики наши глядятъ на него и обливаются слезами“...

Съ этой минуты наступила для Васи какая-то, по выраженію командора, для всѣхъ очевидная *оттяжка* физическаго и нравственнаго страданія. Кашель его значительно ослабъ, а съ этимъ и количество извергаемой крови сдѣлалось уже почти ничтожнымъ. Мучительная лихорадка, возобновлявшаяся съ больнымъ каждый вечеръ, перешла въ ничтожный „жарокъ“, какъ будто уже и не замѣчаемый имъ и при которомъ нисколько не измѣнились спокойствіе и ясность его духа. Вася вдругъ сдѣлался необыкновенно тихъ, мягокъ и свѣтелъ;

улыбка не покидала его устъ; по утрамъ онъ прилежно читалъ Евангеліе съ Анной Васильевной, которую не хотѣлъ уже болѣе отпускать отъ себя; вечеромъ любилъ, чтобы къ нему собирались всѣ живущіе въ домѣ и болтали вокругъ него о всякомъ вздорѣ. „На-послѣдяхъ общество полюбилъ", съ печально-сердитою улыбкой говорилъ командоръ, — но я понималъ, что бѣдный мальчикъ „на-послѣдяхъ" старался оставить по себѣ добрую память въ тѣхъ, съ которыми онъ долженъ былъ скоро разстаться на вѣки, что хотѣлъ онъ заставить ихъ забыть, простить ему тѣ поводы къ недовольству имъ, въ которыхъ онъ, быть-можетъ, признавалъ себя относительно ихъ виновнымъ... „Я не умру спокойно, не повидавши еще разъ Бориса", говорилъ онъ прямо Аннѣ Васильевнѣ: „мы нехорошо съ нимъ разстались"...

XLIII.

Раннія осеннія сумерки облегали окрестность, когда мы доскакали до Богдановскаго. Кое-гдѣ въ окнахъ большаго дома уже свѣтился огонь. Богунъ сидѣлъ на крыльцѣ,—онъ выжидалъ насъ.

— Пани просили, какъ пріѣдете, молвилъ онъ, высаживая насъ изъ экипажа,—чтобы на верхъ вы заразъ не шли, а чтобъ ее позвать до васъ: онѣ къ вамъ сойдутъ.

Онъ насъ провелъ въ кабинетъ Ѳомы Богдановича и побѣжалъ на верхъ. Анна Васильевна не замедлила явиться.

Увидѣвъ меня, она не могла удержаться отъ слезъ, хотя видимо силилась не давать имъ воли.

— Спасибо, спасибо Софьѣ Михайловнѣ, что отпустила тебя, говорила она, цѣлуя меня,—спасибо и вамъ, Степанъ Парѳенычъ, что привезли его! Ахъ, Борисъ! воскликнула она: — колибъ въ нашемъ горѣ да не сей человѣкъ золотой...

— Погодите хвалить, пока уйду! чуть не крикнулъ на нее командоръ и сердитымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

— Анна Васильевна, милая! воскликнулъ я,—меня вдругъ точно какимъ-то вихремъ охватило чувство глубокаго отчаянія.—Вася совсѣмъ умираетъ?...

Она развела руками.

— Самъ увидишь его сейчасъ, Борисъ, какой онъ,—и не повѣришь, можетъ,—ясный онъ, свѣтлый, какъ звѣзда въ небѣ... Какъ звѣзда, съ тоской договорила она,—что къ утру и слѣда не будетъ ея... Часомъ мы даже съ Ѳомой Богданычемъ другъ

на дружку глядимъ и думаемъ себѣ: не можетъ того быть, чтобы помереть ему скоро...

— Онъ хотѣлъ непремѣнно меня видѣть, Анна Васильевна?

— А какъ еще! Сегодня съ утра, какъ узналъ что маіоръ за тобой вчера въ ночь уѣхалъ, все безпокоился, что тебя, можетъ, Софья Михайловна не отпуститъ, хотѣлъ даже самъ писать до нея...

— Онъ одинъ теперь? спросилъ я.

— Сидятъ у него Ѳома Богданычъ, да студентъ тотъ; Кашеваровъ въ уѣздъ уѣхалъ вчера рано; только промежъ насъ ужь сказано, чтобы когда ты будешь, оставить васъ вдвоемъ съ Васей... Они уйдутъ заразъ...

— Такъ можно идти къ нему, Анна Васильевна?

Она смущенно зашевелилась на мѣстѣ и замедлила отвѣтомъ.

— А напередъ хотѣла я тебя чего-сь спросить, Боренька, начала она...—Насчетъ его матери... чтобы ты ему сказалъ, домолвила Анна Васильевна...

Я вопросительно взглянулъ на нее.

— Она, говорятъ, въ Петербургъ уѣхала?...

— Въ Москвѣ она, перебила меня Анна Васильевна,— письмо прислала мнѣ оттуда. Чи тамъ, чи туда ѣдучи, только узнала она, что боленъ Вася,—пишетъ, чтобъ я ей отписала скорѣе, что если нужно, то вернется она заразъ,... только чтобъ знала она, проситъ, что сынъ хотитъ ее видѣть...

— Развѣ въ К. ей не было еще извѣстно о положеніи Васи?

— А не знаю я того, отвѣчала Анна Васильевна.—Тади Васѣ такъ не было еще худо, какъ теперь... Кашеваровъ былъ у нея тамъ, какъ вернулась она съ похоронъ отселѣ, только не приняла она его въ тотъ часъ...

— Онъ говорилъ намъ съ maman, сказалъ я,—что Вася не хотѣлъ говорить съ ней на похоронахъ...

— А отъ же о томъ и хочу я тебѣ сказать, молвила Анна Васильевна съ новою скорбію въ голосѣ:—не хотѣлъ онъ тади ее видѣть и до настоящаго часу не хотитъ!... А ты самъ

помысли, Борисъ, можетъ-ли же то быть, чтобы сынъ матери да предъ смертью не простилъ!...

— Вы говорили ему объ этомъ?

— А говорила-жь, и отца Матвѣя до него посылала...

— Чтó же онъ?

— А онъ что! повторила Анна Васильевна.—Отвѣта отъ него нѣтъ, и вижу я только, что мучаю я его тѣми словами моими... Можетъ, въ разговорѣ найдешь ты случай, Борисъ, скажешь ему,... спросишь, отчего онъ всѣхъ проситъ ему простить, а самъ простить не хочетъ, и кому-жь—матери родной!... Вчера захотѣлъ онъ самъ исповѣдаться и святое причастіе принять,—и еще свѣтлѣй сдѣлался онъ послѣ того, и сегодня такой хорошій былъ онъ день весь... Можетъ, Борисъ, и поможетъ тебѣ Богъ, дойдетъ слово твое до его сердца... Я сейчасъ тади Любочку до него выпишу!...

— Я непремѣнно буду съ нимъ говорить объ этомъ, Анна Васильевна, клянусь вамъ!

— И наградитъ тебя Богъ за это! воскликнула она, снова обнимая меня.—Тольки ты гляди, Борисъ, не труди его слишкомъ разговоромъ, а самъ ему говори больше,... дыханья у него на половину уже нѣту...

Мы отправились на верхъ.

Командоръ вышелъ къ намъ на встрѣчу въ корридоръ.

— Онъ ждетъ васъ нетерпѣливо, сказалъ онъ, пропуская меня въ дверь и задерживая Анну Васильевну какимъ-то вопросомъ...

У меня подгибались ноги... Я пересилилъ себя и вошелъ.

Ничего не перемѣнилось въ этой бывшей комнатѣ Герасима Ивановича. Та же лампа подъ зеленымъ абажуромъ горѣла на кругломъ столѣ, за которымъ Людвигъ Антоновичъ съ Ѳомой Богдановичемъ молча пили чай; та же кровать, задвинутая ширмами, виднѣлась въ дальнемъ углу покоя, а посреди его стояло такъ хорошо знакомое мнѣ большое вольтеровское кресло покойнаго,—и въ немъ, ухватившись руками за ручки, сидѣлъ Вася,... сидѣлъ призракъ прежняго Васи, съ устремленными глазами на дверь.

— Борисъ, милый! проговорилъ онъ довольно слышнымъ голосомъ.

Я кинулся къ нему. Онъ упалъ, ослабѣвъ, на спинку кресла и, закашлявшись короткимъ, деревяннымъ кашлемъ чахотныхъ, промолвилъ опять:

— Я такъ боялся, что ты не пріѣдешь!

Ѳома Богдановичъ не далъ мнѣ отвѣчать,—онъ повисъ мнѣ на шеѣ, и горячія слезы его закапали мнѣ на лицо.

— Ну и будетъ, Ѳома, будетъ! заговорила вошедшая за мною Анна Васильевна,—оставь его, оставь съ Васей, нехай себѣ пріятели переговорятъ промежъ себя тихимъ разговоромъ. А мы пойдемъ чай кончать къ Степану Пароенычу... Смотри, Борисъ, не давай Васѣ кашлять слишкомъ! поручала она мнѣ, улыбаясь черезъ силу и уводя подъ руку послушнаго и едва сдерживавшаго свои всхлипыванья мужа.

Студентъ, захвативъ съ собою стаканъ свой съ чаемъ, ушелъ вслѣдъ за ними.

Я остался одинъ съ Васей.

Онъ глядѣлъ на меня огромными, словно ввалившимися въ какую-то пропасть и оттуда высматривавшими глазами, и протянулъ мнѣ руку. Я схватилъ ее и тотчасъ же выпустилъ: Вася застоналъ слегка. Я выпустилъ эту бѣдную руку, не переносившую уже болѣе прикосновенія другой руки, и испуганно уставился на него.

Онъ улыбался свѣтлою, умиленною улыбкой.

— Перемѣнился я? спросилъ онъ, и не ожидая моего отвѣта.

Des Lebens Mai blüht einmal und nicht wieder;
Mir hat er abgeblüht... *).

проговорилъ онъ тутъ же съ насмѣшливымъ оттѣнкомъ, какъ бы для того, чтобъ я никакъ не вздумалъ *расчувствоваться*.

Но слезы уже подступали мнѣ къ горлу.

— Вася, неужели это правда? вырвалось у меня помимо воли.

— Правда, Борисъ, правда! и въ голосѣ его мгновенно

*) Май жизни цвѣтетъ лишь однажды, и для меня онъ уже отцвѣлъ.

зазвучало выраженіе какой-то безмѣрной, всего его охватившей радости,—теперь близко, очень близко. Онъ закрылъ глаза—и снова открылъ ихъ, и опять съ тою же блаженною улыбкой взглянулъ на меня.

— Иногда такъ и кажется, заговорилъ онъ снова,—что вотъ, вотъ все уже кончилось, и я... Ахъ, Борисъ, еслибы ты зналъ, какъ сладко умирать!

Я тупо глядѣлъ на изсохшія, синія губы, лепетавшія эти страшныя слова... „*Сладко умирать!*“ безсознательно повторялъ я внутренно. Языкъ мой не шевелился.

— Я такъ благодарю Бога, продолжалъ Вася послѣ долгаго молчанія, въ продолженіе котораго усиленно вздымавшаяся его грудь набиралась воздуху,—благодарю, что *это* пришло такъ во-время; послѣ *того*... ты знаешь,—я такой злой, жестокій сдѣлался... Я всѣхъ ненавидѣлъ. Когда ты уѣзжалъ, я признаюсь тебѣ, я даже радъ былъ... Прости меня, Борисъ!

Я опустился на колѣни предъ нимъ и зарыдалъ, прижимаясь къ нему головой. Его тонкіе, холодные пальцы коснулись моихъ волосъ,—я содрогнулся съ головы до ногъ... Что-то уже неживое чувствовалось въ этомъ прикосновеніи.

— Не плачь, милый! говорилъ онъ.—Пойми,... *это* величайшее счастіе... Я бы не хорошій человѣкъ вышелъ, еслибы мнѣ суждено было жить. Но *онъ*, онъ выпросилъ, видно, съ какимъ-то упоеніемъ промолвилъ Вася,—мы съ нимъ опять...

Изъ сосѣдней комнаты послышался мнѣ голосъ Анны Васильевны; она какъ будто подошла къ полураскрытой двери. Я тотчасъ же вспомнилъ...

— Вася, не подымаяся съ колѣнъ и глядя ему прямо въ глаза, началъ я,—ты у меня просишь прощенія... и у всѣхъ... А самъ ты—простилъ?

Онъ тотчасъ же понялъ, о комъ я заговорилъ. Вѣки его широко закрылись, и онъ, какъ въ прежніе дни, провелъ рукой по безжизненному лицу.

— Я о *ней* каждый день думаю,... промолвилъ онъ — и примолкъ.

— И *хорошо* думаешь, Вася?

Онъ заговорилъ точно во снѣ:

Я вспоминаю.... когда я былъ ребенкомъ,... ночью она приходила къ моей кроваткѣ. Я всегда просыпался въ это время,... такъ чудесно запахнетъ вдругъ и зашуршитъ что-то. Я зналъ,— вотъ она сейчасъ наклонится надо мною, красивая такая, съ бриллiантовою звѣздой въ волосахъ, и поцѣлуетъ... А свѣтъ отъ моей лампадки упадаетъ на ея звѣзду,—и такъ сверкнетъ она, что глазамъ больно... Я зажмурюсь... и опять засыпаю... И только чувствую теплый поцѣлуй на моей щекѣ... Грезится мнѣ: пришла за мной добрая волшебница,... и мы съ нею сейчасъ... въ золотой колесницѣ...

Кашель, грохотавшiй гдѣ-то въ самой глубинѣ его груди, раздирающiй ухо кашель не далъ ему кончить.

— Вася, началъ я опять, когда онъ успокоился, — развѣ бы ты не хотѣлъ, чтобъ и теперь, предъ сномъ, мать твоя, *мать*, Вася, пришла къ тебѣ и поцѣловала, какъ тогда?...

— Скоро другая красавица меня поцѣлуетъ, отвѣчалъ онъ на это съ улыбкой, отъ которой всѣ волосы у меня приподнялись.

— Но неужели же, настаивалъ я, перемогая себя,—еслибъ она теперь прiѣхала, была здѣсь, ты бы не захотѣлъ увидѣть ее, помириться съ матерью?

— Она здѣсь? испуганно, съ запламенѣвшимъ взглядомъ, воскликнулъ Вася, ухватывая меня за плечи.

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь тебѣ,—это я только, какъ предположенiе,... перепугавшись, въ свою очередь, его волненiя, успокоивалъ я его.

Онъ откинулся снова въ подушки и долго оставался безмолвенъ и недвиженъ.

— Она не будетъ, тихо, съ какимъ-то страннымъ, смѣшаннымъ выраженiемъ и удовлетворенiя, и упрека промолвилъ онъ наконецъ,—она искала счастiя,... она *земнаго* счастiя хотѣла; ей ничего болѣе не нужно... Прежняя,... которая приходила ко мнѣ по ночамъ,... ея нѣтъ давно...

— Вася, милый, прости ей! молилъ я его.

— Пусть придетъ она, какъ тогда,—онъ начиналъ бредить,—возьметъ меня изъ кровати... и унесетъ въ свой чертогъ... Прощать матери!... Развѣ *мать* можетъ быть винова-

та?... Ахъ, какъ тепло цѣловала она меня!.,. Ея нѣтъ... Другая—я не могу эту видѣть. Я не смѣю! *Онъ* запретилъ,... *онъ* не хочетъ... Вотъ онъ!... Онъ за мной... спасти меня!... Папа...

Руки Васи простерлись впередъ—на встрѣчу чудившемуся ему призраку, глаза закатывались въ какомъ-то безумномъ восторгѣ.

— Анна Васильевна! позвалъ я, кидаясь къ дверямъ командора.

Она выбѣжала оттуда, успѣвъ только сказать мнѣ, чтобъ я сталъ у двери и не впускалъ никого, и, подойдя къ Васѣ, наложила ему обѣ руки свои на глаза.

Онъ затихъ мгновенно.

А за дверями слышались мнѣ неудержимыя рыданія Ѳомы Богдановича и голосъ командора, уговаривавшаго его „не терять духа заранѣе“!

Вася не шевелился; Анна Васильевна осторожно, медленно отняла руки. Глаза его были сомкнуты, голова откинулась въ уголъ подушки.

— Заснулъ? прошепталъ я издали.

Она утвердительно кивнула и отошла отъ него ко мнѣ. Я передалъ ей нашъ разговоръ съ Васей. Она глубоко задумалась.

— Видно такъ Богу угодно, чтобы за грѣхъ свой несла *она* наказаніе до могилы! промолвила едва слышно добрая женщина.—И, можетъ, не добрѣ сдѣлала я,—тутъ же упрекнула она себя, — что просила тебя говорить съ нимъ о ней. Мы попапрасну только его мучили... Противъ Бога никто...

— Онъ часто такъ бредитъ, Анна Васильевна? спросилъ я.

— Случается... И все отца своего видитъ... А какъ закрыть глаза ему, такъ и найдетъ на него сонъ тихій...

Мы перешли къ командору. Изъ передней вышелъ тотчасъ же намъ на смѣну Савелій. Бѣдный старикъ, онъ едва волочилъ ноги... Съ Васей исчезала послѣдняя привязанность его преданной жизни.

Прошло часа полтора времени. Не веселы были рѣчи въ

комнатѣ командора. Самъ онъ сурово безмолвствовалъ и злобно поглядывалъ на распустившагося, словно разваренного Ѳому Богдановича. Бѣдный „старый Галагай“ былъ рѣшительно неспособенъ переносить горе: онъ ни единаго слова не могъ произнести безъ слезъ и каждымъ своимъ словомъ растравлялъ больнѣе то скорбное чувство, которое и безъ того ныло на душѣ каждаго изъ насъ. Напрасно старался Людвигъ Антоновичъ перенести разговоръ на другой предметъ: Ѳома Богдановичъ упорно заговаривалъ снова о „недужномъ“ и принимался опять всхлипывать и плакать. Анна Васильевна, измученная и тревожная, уговорила его наконецъ „успокоиться“ и для того лечь поранѣе въ постель. Онъ согласился и отправился на половину Галечки, „прощаться съ дочкой“.

Его шаги раздавались еще по корридору, какъ полуприпертая дверь въ Васину комнату распахнулась вдругъ, и на ея порогѣ показался Савелій.

— Матушка-сударыня, прошепталъ онъ, — пожалуйте сюда!...

На немъ лица не было.

— Христе Господи! воскликнула Анна Васильевна, поспѣшно вставая и падая въ изнеможеніи снова на свое мѣсто,—Вася?...

— Никакъ отходятъ... проговорилъ Савелій, шатаясь самъ.

Я бросился стремглавъ мимо его, въ ту комнату.

Вася лежалъ въ креслѣ въ томъ же положеніи, въ какомъ мы его оставили съ Анной Васильевной. Только широко открыты были теперь его глаза,—и смерть, безобразная смерть уже задергивала свѣтлую лазурь ихъ своею мутною пеленой... Блескъ свѣчи, поднесенной къ нимъ Людвигомъ Антоновичемъ, не отражался въ потухшихъ зрачкахъ; руки холодѣли.

— Вася, Вася! отчаянно крикнулъ я и близко наклонился лицомъ къ его лицу.

Губы его зашевелились.

— Папа! вылетѣло изъ нихъ съ послѣднимъ дыханіемъ...

. . . . . .

XLIV.

Баронессѣ Любови Петровнѣ фонъ-Фельзенъ недолго суждено было судьбой (*Провидѣніемъ*, чуть-чуть не осмѣлился сказать я,) то „*земное* счастіе“, на которое, казалось ей—и не ей одной, — никто болѣе ея не имѣлъ права и котораго она наконецъ достигла. Черезъ полтора года послѣ вступленія ея во второй бракъ, она скончалась отъ несчастныхъ родовъ, лѣтомъ, въ Царскомъ Селѣ, гдѣ мужъ ея,—какъ вѣрно предсказывалъ отецъ мой, — командовалъ лейбъ-гусарскимъ и даже первымъ эскадрономъ. Въ одномъ письмѣ, полученномъ матушкой въ ту пору изъ Петербурга, говорилось, между прочимъ, что нѣсколько дней сряду вокругъ Царскосельскаго озера, „autour du lac“, ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о рановременной кончинѣ этой прелестной женщины, „de cette femme aussi spirituelle que charmante“, о ея успѣхахъ при дворѣ, откуда въ продолженіе ея недолгой болѣзни по два раза на день посылалось узнавать о ея здоровьѣ и о ея неутѣшномъ супругѣ, который тотчасъ же вслѣдъ за постигшимъ его несчастіемъ пожалованъ былъ на маневрахъ флигель-адъютантомъ. Сожалѣніе было всеобщее. Одна короткая пріятельница покойной, прибавлялъ матушкинъ корреспондентъ, попробовала было влить каплю яда въ этотъ чистый сосудъ общественной горести. Она разсказывала, будто бы за день до смерти баронесса Фельзенъ, услыхавъ изъ спальни крикъ своего ребенка, горько вдругъ заплакала и произнесла слѣдующія загадочныя слова: „j'ai tué le premier, le second m'a tué...“ Но такъ какъ, съ одной стороны, дама эта не умѣла представить никакого объясненія такой поистинѣ фантасти-

ческой фразы, то и самая фраза отнесена была посмертными защитниками „прелестной женщины“ къ области фантазіи, тѣмъ болѣе, что мужъ разскащицы, однополчанинъ барона Фельзена и даже старшій его въ чинѣ, на тѣхъ же маневрахъ во флигель-адъютанты пожалованъ не былъ. Поэтическій ореолъ, „l'auréole poétique“, осѣнявшій Любовь Петровну до самой могилы, остался такимъ образомъ неоскверненнымъ въ памяти ея поклонниковъ.

Шесть лѣтъ послѣ потери жены, баронъ Фельзенъ командовалъ въ нашихъ странахъ тѣмъ самымъ полкомъ, въ который онъ въ минувшіе дни переведенъ былъ съ Кавказа. За годъ предъ его назначеніемъ тихо угасла весеннимъ днемъ въ Богдановскомъ Анна Васильевна; она только нѣсколькими мѣсяцами пережила мужа. Бѣднаго Ѳому Богдановича поразила мгновенная смерть, на пиру, который давалъ онъ корпусному командиру Рындину, въ честь сына его, Саши, получившаго Владиміра съ бантомъ за отличный подвигъ храбрости въ горахъ Кавказа. „За здоровье нашего дорогаго, неустрашимаго Александра Ивановича“, провозгласилъ „старый Галагай“, высоко держа надъ головой пѣнившійся бокалъ,—и вдругъ зашатался и повалился навзничь, обливая виномъ свои нанковые панталоны... Лишившись его, Анна Васильевна почувствовала себя никому ненужною,—она и угасла. Что слезъ пролито было на селѣ о ней, что рыдавшаго народу сопровождало ея останки въ фамильный склепъ, въ которомъ ожидало ее мѣсто рядомъ съ Ѳомой Богдановичемъ, въ головахъ Васи и его отца...

Оставшись сиротой, Галечка, то-есть Анна Ѳоминишна Галагай, — выписала себѣ тотчасъ же изъ Москвы одну дальнюю, очень бѣдную и очень глупую, но приличную грузинскую княжну — тетку и подъ этимъ флагомъ направила паруса за границу—„кончать свое образованіе“. По минованіи траура она вернулась въ Богдановское, гдѣ вступила въ управленіе своими большими имѣніями (она была единственная наслѣдница и отца своего, и Герасима Ивановича, за смертью Васи,) полною и притомъ необыкновенно смышленою, дѣльною и уже опытною хозяйкой.

Черезъ мѣсяцъ по ея пріѣздѣ, командиръ *** гусарскаго полка, чрезъ посредство все такъ же румяной, но успѣвшей раздобрѣть до размѣровъ пивнаго котла, Дарьи Павловны Дорошенковой, счелъ своимъ долгомъ просить молодую наслѣдницу о дозволеніи представиться ей „en qualité d'ancienne connaissance". Анна Ѳоминишна отвѣчала Дарьѣ Павловнѣ любезною запиской на изящнѣйшемъ французскомъ языкѣ, которою просила ее пріѣхать обѣдать въ Богдановское и передать приглашеніе о томъ-же „à monsieur de Fehlsen, о которомъ она издавна хранитъ самое пріятное воспоминаніе, какъ объ одномъ изъ любимцевъ ея покойнаго отца, un des grands favoris de mon pauvre feu père"...

Дѣло происходило въ концѣ мая. Въ началѣ августа старыя стѣны Богдановскаго дома огласились въ послѣдній разъ столь обычнымъ имъ когда-то грохотомъ музыки и шумнымъ говоромъ пирующаго люда. Все сосѣдство созвано было на бракосочетаніе Анны Ѳоминишны съ барономъ Эдуардомъ Карловичемъ. Шаферами у невѣсты были два бывшіе обожателя ея: поэтъ и губернскій чиновникъ Жабинъ и я, только что кончившій тогда курсъ въ университетѣ (въ одно изъ тѣхъ привилегированныхъ заведеній, куда желалъ помѣстить меня отецъ мой, я не попалъ—и, вслѣдствіе этой печальной случайности, лишенъ былъ высокаго самоуслажденія почитать себя съ юныхъ лѣтъ призваннымъ законодательствовать и править въ любезномъ отечествѣ). На другой день послѣ свадьбы молодые, по англійскому обычаю, отправились путешествовать...

Стараго Богдановскаго дома не существуетъ болѣе: новый владѣлецъ (баронесса фонъ-Фельзенъ продала всѣ свои украинскія имѣнія одиому „желѣзнодорожному дѣятелю" изъ евреевъ,) передѣлалъ его на сахарную фабрику. Фамильный склепъ, съ могилами старыхъ Галагаевъ, Васи, его отца, исчезъ подъ бугромъ наваленной на него земли, на которомъ высится столбъ съ колоколомъ, призывающимъ рабочихъ на смѣны. Старыя липы террасы, „что за Гетмановъ сажены были", пошли на топливо... Новая жизнь словно съ какимъ-то злорадствомъ постаралась смести всѣ слѣды, оставленные здѣсь минувшимъ...

Минувшее это кануло въ вѣчность и не вернется никогда,—но далекій уже призракъ его вызываетъ и посейчасъ горькія слова упрека и глумленія въ злобныхъ устахъ... А между тѣмъ все-ли въ немъ, по истинѣ, заслуживало порицанія и ненависти? Не было-ли и тамъ, и можетъ-быть болѣе, чѣмъ нынѣ, простыхъ и чистыхъ сердецъ, умѣвшихъ горячо откликаться на чужое горе, и жажды блага и добра, и безпредѣльнаго самоотверженія, и любви,—той любви „къ человѣку", о которой такъ много хлопочутъ строители „новаго зданія" и которой, увы, такъ мало въ нихъ самихъ? Не изъ этого-ли, наконецъ, черною грязью закидываемаго теперь минувшаго вышли люди, умиравшіе на Севастопольскихъ бастіонахъ, и тѣ, что сослужили своему народу великую службу его освобожденія?...

Въ числѣ безчисленныхъ новыхъ *вопросовъ*, поднятыхъ *новымъ временемъ*, право женщины свободно располагать собою, по влеченію сердца, занимаетъ весьма важное мѣсто и находитъ себѣ не мало остроумныхъ и горячихъ, если не всегда талантливыхъ защитниковъ. Но, увлекаясь великодушнымъ желаніемъ вызволить „живую душу" изъ-подъ гнета „узкой морали" и „условнаго долга", поборники женской свободы тщательно забываютъ другую душу живую, другое существо, взывающее о защитѣ,—забываютъ ребенка этой женщины, которой предоставляютъ они свободно мѣнять одну привязанность на другую, безжалостно попирая все, что представляется ей при этомъ „неразумнымъ препятствіемъ".—„Умереть для меня величайшее счастіе", говорилъ мнѣ Вася предъ кончиной,—„изъ меня-бы нехорошій человѣкъ вышелъ"... Не свѣтлый міръ любви и благоволенія къ людямъ соорудитъ въ себѣ душа ребенка, видѣвшаго слезы отца о покинувшей ихъ матери,—и никакія мудрствованія не вырвутъ изъ него жгучаго сознанія ея позора. Изъ міра первыхъ, неизгладимыхъ впечатлѣній онъ внесетъ въ жизнь дѣйствительную лишь раннюю опытность страданія, преждевременное отрицаніе и злобу къ этой предстоящей ему жизни... А на отрицаніи и злобѣ не созидалось нигде ничего на землѣ!...

КОНЕЦЪ.

PG
3467
M327
1885
t.1-2

Markevich, Boleslav Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochineniĭ
1-2

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY